И * Л

Издательство

иностранной

литературы

*

Дж. ПЕНДЛБЕРИ

АРХЕОЛОГИЯ КРИТА

Перевод с английского
Я. М. БОРОВСКОГО
Общая редакция и предисловие
академика В. В. СТРУВЕ

1950
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА

J. D. S. PENDLEBURY

THE ARCHAEOLOGY OF CRETE

LONDON

1940

ПРЕДИСЛОВИЕ

Остров есть Крит посреди виноцветного моря прекрасный,
Тучный, отвсюду объятый водами, людьми изобильный;
Там девяносто они городов населяют великих.
Разные слышатся там языки: там находишь ахеян,
С первоплеменной породой воинственных критян; кидоны
Там обитают, дорийцы кудрявые, племя пеласгов,
В городе Кноссе живущих. Минос управлял им то время,
В девятилетие раз общаясь с великим Зевесом.

Так в позднейшей из гомеровских поэм — «Одиссее» (XIX, 172—179) — отразились воспоминания о некогда великой Критской державе. Немногим больше знали о ней вплоть до самого конца XIX в. Краткие упоминания у Фукидида, Платона и Аристотеля, более подробные, но зато и явно недостоверные рассказы Геродота и Диодора, несколько строк в библии, да отдельные предметы, обнаруженные в Египте, Сирии и на самом Крите,— вот, пожалуй, все, чем располагали ученые полвека тому назад. Да и эти скупые источники в полной мере удалось использовать только после того, как лопата археолога добыла из недр земли то, что в них было скрыто тысячелетиями.

В результате раскопок, производившихся целой плеядой археологов во главе с Артуром Эвансом (1893—1894, 1900—1905, 1913 и 1920 гг.), вновь была открыта культура Крита подобно тому, как незадолго до этого (1870—1876 гг.) Генрихом Шлиманом были открыты Троя и Микены. Туман мифов и преданий постепенно рассеивался, и начали обрисовываться контуры подлинных исторических событий. В летописи древней истории человечества удалось восстановить одну из важнейших страниц.

Культура Крита представляет собой одно из местных проявлений Эгейской культуры, распространившейся по всему Средиземноморью, но особенно ярко оформившейся в районе Эгейского моря, и охватывающей период так называемого энеолита, т. е. различных стадий «бронзового века».

Эгейская культура, и, в частности, критская, имеет большое значение в истории человечества как непосредственная

предшественница культуры эллинской, на развитие которой она оказала существенное влияние. Однако, кроме того, изучение этой культуры помогает восстановить и некоторые страницы минувшего нашей Родины. Успехи советской археологии, открывшие совершенно новые перспективы в изучении прошлого человеческого общества, позволяют говорить о непосредственных связях ряда областей Северного Причерноморья и примыкающих к ним территорий с Восточным Средиземноморьем и древнейшими цивилизациями Востока. Еще в конце XIX века и в самом начале XX русские ученые Хвойко, Штерн и другие обратили внимание на сходство памятников так называемой Трипольской культуры, распространенной в Поднепровье, Побужье и Поднестровье, с памятниками, обнаруженными в бассейне Дуная, на Балканском полуострове — Фессалии, Греции и на Крите. Трипольская культура — древнейшая на территории СССР земледельческая культура, наиболее развитая из культур Восточной Европы III—II тысячелетий до н. э., непосредственно предшествовала скифской [1]. Она характеризуется широким распространением расписной керамики.

До Великой Октябрьской социалистической революции среди русских ученых,— а среди буржуазных ученых Запада и по настоящее время — проблема возникновения Трипольской культуры служила предметом ожесточенных споров и давала повод для возникновения различных, нередко друг друга исключающих теорий. Одни, объяснявшие близость археологических комплексов миграциями племен и народов, говорили, что носители этой культуры были предками греков или хеттов, другие, наоборот, объясняли Трипольскую культуру влиянием Эгейского мира, третьи, например А. А. Спицын, сопоставляли керамику Триполья с керамикой Анау. Трудами советских археологов доказана автохтонность Трипольской культуры и ее носителей.

Для того чтобы разрешить ряд проблем, возникающих при изучении Трипольской культуры, необходимо ознакомиться со стадиально близким ей кругом культур и в первую очередь с теми из них, с которыми она была непосредственно связана. Как уже отмечалось, многочисленные аналогичные явления связывают Триполье с древними народами Восточного Средиземноморья и Малой Азии. Например, крестообразный жертвенник, найденный в с. Владимировка Кировоградской области, можно сопоставить с мраморным жертвенником такой же формы из Кносского дворца, а также — с жертвенником из дворца в Маллии. Можно еще указать на бронзовые кинжалы листовидно-удлиненной формы, распространенные как

[1] *Т. С. Пассек*, Периодизация Трипольских поселений, М.—Л., 1949, Материалы и исследования по археологии СССР, № 10, стр. 12.

на Северо-Черноморском побережье в период позднего Триполья, так и в Маллии. Статуэтки женщин в широких юбках, найденные около Одессы — в Усатове и в Молдавии, изделия из меди, двойные бронзовые секиры и ряд характерных черт в формах предметов этой стадии развития Трипольской культуры также неопровержимо доказывают наличие связей с югом и, в частности, с Критом.

Накопив огромный и притом весьма ценный материал, буржуазные ученые в силу присущей им методологической и методической ограниченности не только не смогли с ним справиться, но в иных случаях даже запутали то, что, казалось, сомнений не вызывало. В первую очередь это следует сказать о терминологии. До сих пор не установлено единого названия для Критской культуры. Ее именуют и «критской», и «критомикенской», и «минойской», и «эгейской». Это, естественно, порождает недоразумения. Да и содержание, которое вкладывается в указанные термины, нередко оказывается произвольным. Археологи буржуазных стран опубликовали многочисленные отчеты, посвященные раскопкам на Крите, но обобщения и исследования, предлагаемые буржуазными учеными на основании этого материала, совершенно неприемлемы. Они только способны сбить читателя с верного пути своей тенденциозностью и односторонностью. Большинство работ посвящено публикациям отдельных памятников или отдельным категориям вещей, например керамике, печатям или статуэткам, причем основное внимание уделено их формальному анализу. Издания эти ограничиваются, как правило, более или менее поверхностными описаниями. Проблемы исторические, экономические и социальные остаются обычно вне поля зрения этих исследователей. Так называемые «сводные» работы, претендующие на разрешение указанных проблем, представляют собой, по существу, механическое сочетание подобных вещеведческих публикаций, оформленных в виде глав, посвященных отдельным типам памятников материальной культуры или искусства. Типичным примером тому может служить и содержащий огромный фактический материал четырехтомный труд самого Артура Эванса «Дворец Миноса». При этом изучение памятников превращается в самоцель, а самое изучение ведется при полной «свободе» их истолкования.

Последнее обстоятельство приводит к тому, что на основании одних и тех же материалов различные исследователи в зависимости от своих политических симпатий и антипатий усматривают в общественном строе Крита то наследственную монархию типа французской абсолютной монархии XVII—XVIII вв., то феодальный строй наподобие европейского средневековья, то демократию, процветающую при «доисторическом социализме» (Моссо). В конечном итоге дело доходит

порой до настоящих анекдотов. По мнению только что упомянутого французского ученого Моссо, каменные скамьи во дворцах Кносса и Феста служат доказательством того, что «народ с легкостью мог проникать во дворцы князей», а его соотечественник Глотц усматривает в тех же скамьях место сановников, составлявших придворный штат царя и пользовавшихся правом свободного доступа во дворец. Таким образом, оба ученых нарушают основные правила исторического исследования — вырывают вещи из их окружения, рассматривают их вне всякой связи с другими источниками и, вместо того чтобы заставить говорить вещи, сами говорят за них и притом с точки зрения своих собственных политических интересов.

Естественно, что других исследователей подобные противоречия приводят к крайнему скепсису и они вообще отказываются от каких бы то ни было выводов, полностью отрицая возможность сделать таковые. «До сегодняшнего дня,— замечает, например, один из греческих археологов,— мы ничего не знаем относительно политического устройства минойского Крита, военной организации минойских племен и внешних сношений» [1].

Предлагаемая советскому читателю книга английского археолога Пендлбери «Археология Крита» представляет собой результат многолетней работы и опыта ученого, хорошо знакомого с материалом Эгейской и Египетской культуры. Ценность работы Пендлбери в том, что она содержит в удобообозреваемой и сжатой форме большой фактический материал, будучи в то же время гораздо менее тенденциозной, чем многие другие общие труды по Криту. Таким образом, эта книга весьма полезна как справочник для каждого, кто интересуется историей и культурой Крита.

Труд Пендлбери представляет собой обзор культуры Крита с древнейших времен до установления на острове господства Рима включительно. Однако основное внимание автор сосредотачивает на минойской культуре. Изложение ведется в исторической последовательности, по основным хронологическим периодам. Пендлбери подчеркивает свое несогласие с построением известного труда Глотца «Эгейская культура», где в отдельности прослеживается развитие архитектуры, керамики и т. д. без учета их взаимосвязей и взаимодействия культурно-исторических явлений. По справедливому замечанию автора, подобная система затрудняет уяснение и понимание особенностей каждого периода в развитии Крита, ибо она приводит к рассмотрению отдельных вещей на основании одних лишь формальных признаков. Правда, сам Пендлбери

[1] *Б. Л. Богаевский*, Современное состояние изучения «эгейской культуры» на Западе и в Америке и наши исследовательские задачи, Известия ГАИМК, вып. 101, Ленинград, 1934, стр. 39.

тоже ограничивается описанием изменений внешних особенностей отдельных категорий предметов — керамики, изделий из металла и т. д., а также памятников архитектуры и искусства, предоставляя читателю в большинстве случаев догадываться самому, почему именно имели место эти изменения.

Так как «Археология Крита» посвящена преимущественно вещественным памятникам, то проблемы религии и языка излагаются более кратко и выделены в особую главу; так же мало места уделено и критскому письму. Правда, книга написана до появления работ чешского ученого Б. Грозного, наметившего, повидимому, правильный путь для разрешения загадки критских письмен.

В разделе, трактующем о послеминойском периоде, автор, по собственному признанию, опирается на выводы ряда специальных работ, которые он пытается подытожить; так как затем остров входит в круг общегреческой культуры, то в последующем изложении автор лишь вкратце отмечает особенности, присущие с этого времени Критской культуре.

В отношении хронологии Пендлбери придерживается наиболее распространенной схемы А. Эванса, полагая, что всякого рода попытки ее коренного пересмотра или замены другими при современном уровне знаний преждевременны. Он лишь уточняет эту схему в деталях, основываясь на находках преимущественно египетских памятников. Последние открытия в клинописных архивах Двуречья, заставившие пересмотреть хронологию III и начала II тысячелетия, естественно, не могли быть известны Пендлбери, так как первые известия о них появились всего за год до его смерти. Требуется еще кропотливая работа, чтобы точнее увязать эти открытия с хронологией Крита; первые серьезные попытки в разрешении этой проблемы принадлежат советским исследователям.

До того времени, когда будут окончательно дешифрованы критские письмена, мы лишены возможности пользоваться местными документами; поэтому хронология IV—II тысячелетий до н. э. на Крите восстанавливается главным образом с помощью египетских предметов, найденных на Крите, и критских изделий, в первую очередь керамики, обнаруженных в долине Нила и в Северной Сирии. При этом приходится считаться с тем, что хронология самого Египта для IV и начала III тысячелетия до н. э. до сих пор далеко еще не установлена точно. Поэтому абсолютные даты, принятые в литературе, более или менее условны. Это обстоятельство затрудняет определение начала древнеминойского периода. Среднеминойский период мы можем датировать более определенно: на основании египетских предметов эпохи XII—XIII династий, найденных во время раскопок на Крите, и критской керамики

стиля камарес, найденной в Египте — в Абидосе и Кахуне, этот период датируется 1800—1530 гг. до н. э. К сожалению, сведения об эпохе XIII династии крайне скудны, так как ее фараоны правили в период ослабления и начавшегося распада страны. Тем не менее на основании исследования фрагментов труда египетского жреца-историка Манефона, современника первых Птолемеев, мы считаем возможным с достаточной уверенностью отнести ее к 1787 — ок. 1750 гг. до н. э.[1] Правда, нельзя с полной определенностью утверждать, что египетские предметы, ввезенные некогда на Крит, например обломки статуэтки из жировика, открытые в слое среднеминойском II *б*, принадлежат ко времени правления фараонов только что названной династии. Кроме того, как известно, II среднеминойский слой как самостоятельное целое отмечается только в самом Кноссе. В других поселениях острова среднеминойский I период переходит в среднеминойский III почти без каких бы то ни было существенных промежуточных изменений.

Наряду с сообщениями Манефона датировать среднеминойский период помогает и находка в Платаносе (Крит) цилиндрической печати из Вавилона, которую специалисты относят ко времени правления Хаммурапи (1792—1750 гг. до н. э.).

Естественно, что некоторые изменения в хронологии Крита, так же как и смежных с ним островов Эгейского моря, Балканского полуострова и Малой Азии, заставляют внести соответствующие изменения и в хронологию отдельных этапов Трипольской культуры. Однако уточнения эти потребуют, повторяем, тщательного и всестороннего пересмотра материала и детального его анализа.

Пендлбери здраво смотрит на археологию, как на вспомогательную историческую дисциплину, а не как на самоцель, что нередко бывает у буржуазных ученых, видящих конечную цель исследования в вещеведении и коллекционировании фактов и отрывающих археологию от истории. В то же время, будучи далеким от подлинного научного метода — метода диалектического и исторического материализма, он не в состоянии воспользоваться теми возможностями, которые предоставляет археология в совокупности с близкими ей дисциплинами ученым, вооруженным марксистско-ленинским мировоззрением, превращающим археологию именно в точную науку. Отсюда скептицизм Пендлбери по отношению к археологии, отсюда ограниченность выводов, которые он в состоянии сделать, отсюда порочность и неприемлемость некоторых определений, отсюда, наконец, и ряд ошибок. О важнейших из них

[1] *В. В. Струве*, Подлинный манефоновский список царей Египта и хронология Нового Царства, Вестник древней истории, 1946, № 4, стр. 10.

необходимо предупредить читателя, потому что Пендлбери в большей или меньшей степени свойственны пороки, присущие всей современной буржуазной историографии.

При объяснении причин тех или иных изменений как в области общественных отношений, так и в области идеологии, Пендлбери стремится обойти социальные факторы. Так, разрыв между средним и поздним бронзовым веком на Крите он объясняет землетрясением. В разделе, посвященном вопросу о «падении могущества минойцев», автор, отрицая возможность гибели критского общества вследствие одних только стихийных бедствий, как это предполагают другие буржуазные специалисты, пытается объяснить это событие политическими причинами, причем высказывает два предположения. Согласно первому, в конце позднеминойского II периода Крит подпал под власть материковой Греции, что доказывается распространением так называемого «дворцового стиля». Критские города были разрушены в результате «национального» восстания против иноземных «наместников». Согласно другому предположению, по мнению Пендлбери, более вероятному, причина катастрофы, постигшей остров, заключалась в недовольстве материковой Греции критским господством и захватом торговых путей Критом, что в конце концов привело к войне, закончившейся поражением островитян. Таким образом, автор объясняет очень сложные исторические процессы чисто внешними причинами.

Не приходится отрицать большого значения искусства Крита в развитии искусства средиземноморских народов, и в особенности Греции; однако Пендлбери склонен значительно преувеличивать это значение в ущерб искусству других стран и народов. Конечно, знаменитая фигура прыгуна, сделанная из слоновой кости, превосходна и может быть причислена к лучшим произведениям мелкой пластики древности, но все же это не «высшее достижение в области миниатюрной скульптуры древнего мира, включая даже Египет» (стр. 236). Также преувеличивается влияние искусства Крита на искусство Египта. Искусство времени Телль-Эль-Амарны самобытно и объяснять его исключительно воздействием критских мастеров, приглашенных ко двору фараона и произведших там «революцию», нельзя. Реалистические тенденции, наблюдаемые в египетской скульптуре и живописи этого периода, имеют глубокие местные корни.

Пендлбери чрезмерно выпячивает роль британских ученых в историческом и географическом изучении Крита. О работах представителей науки других стран почти ничего не говорится. О причинах повышенного интереса англичан к Криту Пендлбери, естественно, умалчивает, хотя, конечно, этот «секрет полишинеля» легко разгадать, ибо «владычицу морей», претендующую на господство в Средиземноморье, Крит при-

тягивает прежде всего в качестве важного стратегического пункта.

Для правильной оценки книги Пендлбери необходимо более подробно остановиться на одном из основных ее пороков. Речь идет о предлагаемом автором определении общественного строя древнего Крита. Безоговорочно следуя схеме истории древнего Средиземноморья, созданной «властителем дум» буржуазных историков Эд. Майером, он находит во всей истории Греции, предшествующей VII в. до н. э., в частности и на древнем Крите, феодальные отношения. Поэтому он говорит о «замках феодалов-разбойников на неприступных скалах Карфи, Кавуси, Врокастро и ущелья Закроса» (стр. 42—43) или о «феодальных замках», а на одном из персонажей, представленных на раскрашенных рельефах Кносского дворца, он устанавливает даже «минойский рыцарский знак отличия» (стр. 214). В советской историографии имели место в прошлом ожесточенные споры по вопросу о характеристике производственных отношений общества Крита так называемой минойской эпохи. Одни, как, например, погибший при блокаде Ленинграда Б. Л. Богаевский, утверждали, что минойский Крит представлял собой определенный этап развития позднего родового общества. Другие советские историки древнего мира — В. С. Сергеев, С. П. Толстов — усматривали в минойском обществе одну из разновидностей древневосточного рабовладельческого общества [1]. К сожалению, они не пытались уточнить соответствующую ей стадию развития рабовладельческого общества древнего Востока.

Ключ к решению проблемы общественного строя древнего Крита содержится в бессмертном труде Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства», несмотря на то, что книга эта была написана задолго до открытия Эванса (четвертое и последнее издание ее было опубликовано в 1891 г., т. е. лет за 10 до начала раскопок Эванса). Я имею в виду определенное указание Энгельса на характер общественного строя Аттики в эпоху, когда эта область материковой Греции, согласно древней традиции, была связана с минойским Критом. Оно дано в начале главы о возникновении афинского государства, где подробно излагается «приписываемая Тесею конституция». Столь пристальное внимание Энгельса к дошедшей до нас традиции о древней конституции Афин, восходящей еще к героической эпохе, резко отличается от пренебрежительного отношения буржуазной историографии к традиции о реформах Тесея, лишенной, по ее мнению, всякой исторической ценности. Основоположник концепции циклизма Эд. Майер высказал даже предположение, что припи-

[1] См. В Академии Наук СССР. Дискуссия об Эгейской культуре, Вестник древней истории, 1940, № 2, стр. 204—218.

сываемая Тесею конституция была создана в эпоху Писистрата [1]. Поэтому буржуазные историки не считали нужным останавливаться на реформах Тесея [2]. В противоположность им, Энгельс путем глубокого анализа сообщения Плутарха о конституции Тесея раскрыл «новые, незаметно развившиеся общественные элементы», которые являются следствием приписываемого Тесею нововведения, состоявшего в разделении всего народа, независимо от рода, фратрии или племени, на три класса: эвпатридов, или благородных, геоморов, или земледельцев, и демиургов, или ремесленников, и в предоставлении «благородным» исключительного права на замещение должностей. По мнению Энгельса, указанное разделение народа «показывает, что вошедшее в обычай замещение родовых должностей членами определенных семей превратилось уже в малооспариваемое право этих семей на занятие общественных должностей, что эти семьи, и без того могущественные благодаря своему богатству, начали складываться вне своих родов в особый привилегированный класс и что эти их притязания были освящены находившимся еще только в зародыше государством. Оно далее показывает, что разделение труда между крестьянами и ремесленниками упрочилось настолько, что умалило общественное значение прежнего деления на роды и племена. Оно, наконец, провозглашает непримиримое противоречие между родовым обществом и государством; первая попытка образования государства состоит в разрыве родовых связей путем разделения членов каждого рода на привилегированных и непривилегированных, а последних, в свою очередь, на два класса соответственно их промыслу, противопоставляя их, таким образом, один другому» [3].

Я полагаю, что подобное безоговорочное признание великим соратником Маркса исторической ценности свидетельства Плутарха о древнейшей истории Афин может быть объяснено его знакомством с открытиями Шлимана, которые превратили легенды и сказки о седой старине в повествование, сохранившее подлинную традицию о событиях из истории микенского общества, столь близкого по своему характеру к критскому. Дело в том, что Шлиман уже в 1878 г. опубликовал результаты своих раскопок в Микенах, произведенных им в 1876 г. Стало быть, Энгельс имел возможность ими воспользоваться, когда он приступил к работе над завещанным ему его покойным другом К. Марксом исследованием. Правда, в советской историографии было высказано предположение, что результаты раскопок Шлимана остались Энгельсу неизвестными, так

[1] Geschichte des Altertums, II Band, I Ausg., S. 775.

[2] См. хотя бы соответствующие разделы у Р. Пельмана, Очерк греческой истории и источниковедения, русский перевод СПБ, 1911.

[3] *Ф. Энгельс,* Происхождение семьи, частной собственности и государства, Госполитиздат, 1948 г., стр. 126.

как на первых порах ученые специалисты, не желавшие ломать привычных школьных взглядов, встретили их с большим недоверием; однако подобное предположение является явно необоснованным, так как Энгельс всегда был новатором во всех научных дисциплинах и никогда не останавливался перед решительным отказом от устаревших и обветшавших установок. Отражение открытий Шлимана в Микенах я и нахожу в использовании Энгельсом традиции о приписываемой Тесею конституции в качестве заслуживающего доверия исторического источника. Об этом свидетельствует вышеприведенный отрывок из труда Энгельса. Автор исследования «Происхождение семьи, частной собственности и государства» датировал первую попытку образования государства в Аттике уже «героической» эпохой. Так как развитие общества континентальной Греции несколько отстало по сравнению с Критом, мы с тем бо́льшим правом можем говорить о зарождении государства в минойском обществе.

К сожалению, при жизни Энгельса на месте древнего Кносса было найдено лишь несколько сосудов среди развалин большого античного здания. Уже после смерти Энгельса стали предметом изучения дворцы Крита, их богатая и разнообразная фресковая живопись и произведения минойского прикладного искусства — памятники, созданные культурой, не уступавшей, казалось, по мощи своего творчества культуре классической Греции.

Правда, сами по себе все эти прекрасные вещественные памятники древнего Крита не дают еще историку надежного основания для неоспоримых выводов о социально-экономическом строе создавшего их общества. Так, с одной стороны, согласно Б. Л. Богаевскому, план критских дворцов имеет много общего с планом так называемых больших домов в родовом обществе, с другой же стороны, обнаруженные в Кноссе подземные темницы в виде колодцев, а в иероглифическом письме — изображения ручных оков говорят о существовании одного из характерных элементов государства — тюрем. Вспомним, как В. И. Ленин определяет ту «силу», которая называется государством: она состоит, говорит он, в «особых отрядах вооруженных людей, имеющих в своем распоряжении тюрьмы и прочее»[1]. Один из решающих аргументов для решения спора о том, является ли критское общество родовым или уже раннеклассовым, надлежит искать в письменных памятниках Крита, в тех тысячах покрытых письменными знаками глиняных табличек, которые некогда наполняли архивы Кносса и Феста. Чешский ученый Б. Грозный, приступивший в последние годы к дешифровке критских письменных памятников, убедительно доказал, что многочисленные

[1] *В. И. Ленин*, Соч., т. 25, 4-е изд., стр. 361.

приведенные им надписи греческого материка (из Фив, Элевсина, найденные в 1939 г. надписи из Пилоса в Мессении) написаны не на греческом, а на критском языке, а из этого, повидимому, следует, что на материке Греции имелись многочисленные колонии критян. Путем анализа пиктографически написанных документов хозяйственной отчетности, раскопанных в архивах царских дворцов Крита, Грозный выявил наличие здесь хорошо организованного обширного царского хозяйства. Последнее получало регулярные подати натурой и металлическими слитками. Оно получало также дань и людьми — мужчинами, женщинами и детьми. Мы находим, таким образом, бесспорное свидетельство о существовании на Крите элементов рабовладельческого хозяйства. После исследований Грозного о догреческих надписях Крита мы уже не можем определить минойское общество времени существования архивов Кносса и Феста как общество первобытно-общинное. Организация хозяйства, засвидетельствованная глиняными табличками этих архивов, не могла, конечно, зародиться в условиях первобытно-общинного строя, хотя бы и на стадии разложения.

Само собой понятно, что критское общество II тысячелетия до н. э.— это еще не развитое рабовладельческое общество, как, например, поздний Шумер с его чрезвычайно развитым бюрократическим аппаратом, с его колоссальным размахом и тонкостью бухгалтерского учета и расчета. Система хозяйства, отраженная в документах хозяйственной отчетности архивов Кносса и Феста, соответствует скорее всего хозяйству, с которым мы сталкиваемся в табличках древнейшего архива Урука, датируемых концом IV тысячелетия до н. э. В их письме содержится много пиктографических элементов. Очевидно, на Крите II тысячелетия, как и в Шумере конца IV тысячелетия до н. э., появляются примитивные государственные образования, и тем самым первобытно-общинный строй и здесь и там перерастает в примитивно рабовладельческий.

Данный вывод для Крита подкрепляется сделанным уже давно наблюдением, что критские дворцы и поселения той эпохи не были окружены стенами и не могли поэтому служить местом убежища во время войны. В связи с этим любопытным фактом и было высказано предположение, что бо́льшая часть Крита была в политическом отношении объединена, а защита против угрозы со стороны моря обеспечивалась флотом, который вместе с тем содействовал широкому развитию торговли, засвидетельствованному многочисленными археологическими данными как на самом Крите, так и вне его. Наблюдение это, неоднократно делавшееся на основании результатов раскопок на Крите, находит свое подтверждение в последующей греческой традиции, несомненно, заслуживающей доверия.

Дело в том, что традиция о существовании на Крите в древнейшее время единого государства, которым управлял царь Минос, обладавший сильным флотом, сохранилась не только в греческом эпосе, но и в греческой историографии. Геродот называет Миноса «кносским» и причисляет его к «владыкам моря, предшествовавшим Поликрату, тирану Самоса» (III, 122). Согласно Геродоту, карийцы были подвластны Миносу; хотя они и не платили ему дани, но зато «поставляли экипаж для кораблей всякий раз, когда требовал того Минос. В то время как Минос покорил уже многие земли и прославился военными удачами, карийский народ был тоже знаменитейшим из народов». Из этого отрывка следует, повидимому, что Геродот не считал самого Миноса карийцем, а относил его к другому племени, которое подчинило себе карийцев. Фукидид, также повествующий о мощной державе Миноса, говорит не только о покорении карийцев, но даже и об изгнании их Миносом с островов греческого моря. В 4-й главе I книги труда Фукидида мы читаем: «Минос раньше всех, как известно нам по преданию, приобрел себе флот, овладев большею частью моря, которое называется теперь Эллинским, достиг господства над Кикладскими островами и первый заселил бо́льшую часть их колониями, причем изгнал карийцев и посадил правителями собственных сыновей».

Подтверждение рассказа Фукидида о колониях, основанных Миносом, некоторые исследователи находят в том обстоятельстве, что в области древнего Средиземноморья имеется ряд городов с именем Миноя. Что же касается сообщения Геродота и Фукидида о пребывании в древнейшее время карийцев на островах Эгейского моря, то сам Фукидид подкрепляет это утверждение следующим весьма убедительным аргументом: «Ничуть не меньше занимались разбоем и островитяне, а именно карийцы и финикияне, заселившие большинство островов. Вот доказательство этого: когда афиняне во время этой (Пелопоннесской) войны очищали Делос и удалили все гробницы, бывшие на острове, то больше половины погребенных в них покойников оказалось карийцами; их признали по вооружению, положенному вместе с ними в могилы, и по способу погребения, существующему до сих пор. С образованием флота взаимные отношения на море усилились, потому что Минос очистил острова от разбойников и тогда же заселил большинство их колонистами» (*Фукидид,* 1, 8, 1—2).

Сообщения Геродота и Фукидида о вытеснении карийцев греками с островов Эгейского моря находят свое подтверждение не только в свидетельстве «раскопок» афинян в эпоху Пелопоннесской войны, но также и в сообщениях египетских надписей и папирусов второй половины Нового царства, а также и библии. Из названных источников мы узнаем о народе «сакара», который вместе с другими «народами моря»

участвовал в нападениях на Египет, а затем осел на побережье Палестины. Как мне удалось доказать, название «сакара» является одним из диалектологических вариантов этнического названия «карийцы» греческих текстов и «крети» библии.

Фукидид, согласно общему контексту вышеприведенных отрывков его труда, видел в Миносе представителя народа эллинов. О Миносе как греке говорит и Диодор (IV, 60). О том, что он был связан с греческой эпохой истории Крита, свидетельствует и тот факт, что он полностью вошел в греческий эпос. Возможно даже, что воспоминание о его державе нашло свое отражение в описании Одиссеей общества феаков. Поэтому в предании о Миносе и его державе можно, повидимому, усмотреть легендарную традицию о первом периоде истории греческого народа, а именно о периоде преобладания ахейских племен. Начинается ахейский период державы Миноса с конца XV в. до н. э., когда огнем и мечом были разрушены дворцы Кносса и Феста. В XIII в. до н. э. с началом дорийского движения начинается движение ахейских племен, карийцев и других «народов моря» на соседние государства Малой Азии, на города-государства Финикии и на Египет.

Включение периода державы Миноса, отождествленного мною с ахейским периодом греческой истории, в указанные хронологические рамки подтверждается указанием в той же 8-й главе I книги Фукидида, в которой он рассказывал, как мы видели, о древних погребениях карийцев на Делосе и о борьбе Миноса с пиратами. Затем он в нескольких словах описывает состояние эллинов в непосредственно следующее за Миносом время: «Приморские жители владели уже большими средствами и потому крепче сидели на местах, а некоторые, разбогатев, оградили себя стенами. Стремление к наживе вело к тому, что более слабые находились в рабстве у более сильных, тогда как более могущественные, опираясь на свои богатства, подчиняли себе меньшие города. В таком состоянии эллины находились довольно долго, прежде чем они выступили в поход против Трои» (*Фукидид*, 1, 8, 3—4). Если греческая историография датировала троянскую войну приблизительно 1200 г., то установление длительности периода между правлением Миноса и походом на Трою, предложенное Фукидидом, легко может быть согласовано с датировкой державы Миноса началом ахейского периода истории Крита. Последнее событие относят, как было выше указано, к концу XV в. до н. э.

О совпадении момента установления державы Миноса с началом преобладания ахейских племен на Крите говорит еще один любопытный факт, на который историки в последние десятилетия не обратили достаточного внимания. Я имею

в виду засвидетельствованное гортинской надписью название государственных рабов на Крите I тысячелетия до н. э. «мноитами». Последние, согласно гортинской надписи, были рабами всей городской общины в отличие от афамитов, называемых также и кларотами, которые обрабатывали наделы отдельных граждан. Уже давно было высказано предположение, что социальный термин «мноиты» надлежит поставить в определенную связь с именем Миноса. Вероятно, они были «принадлежащими Миносу», т. е. рабами Миноса, подобно «царским рабам», которых мы находим в Египте, в Иберии и т. д. Ахейцы, захватив власть на Крите, превратили часть покоренного населения в государственных рабов, т. е. в рабов своего царя Миноса, которые своим трудом должны были обеспечивать существование господствующего класса.

Вопрос о «мноитах» Крита I тысячелетия до н. э. приводит нас вплотную к проблеме законодательства царя Миноса, о котором сообщает не только Платон в своих «Законах», но также и такой эрудит в области древнего законодательства, как Аристотель. Последний в своей «Политике» (II, 7, 18) сообщает нам следующие весьма существенные данные по истории государственного устройства Крита: «Вероятно — да это подтверждается и преданием,— лакедемонское государственное устройство во многих своих частях явилось подражанием критскому... Дело в том, что жители Ликта (одного из городов Крита) были лакедемонскими колонистами; когда они отправились основывать колонию на острове, то нашли у местных жителей уже организованную систему законодательства. Поэтому-то и теперь еще периэки (являющиеся остатками древнего населения) пользуются его основами, после того как Минос впервые привел его в определенную систему».

Следовательно, согласно Аристотелю, государственный строй Крита послужил образцом для древнего государственного строя Лакедемона. В другом месте своего труда (VII, 9, 2) Аристотель подчеркивает, что столь характерное для общественного строя Лакедемона учреждение, как сисситии, было «на Крите введено в правление царя Миноса». Подобное утверждение Аристотеля о значении критского законодательства не может казаться историку невероятным, после того как в 1884—1885 гг. была откопана на месте древнего города Гортины огромная надпись VI в. до н. э., в которой был увековечен обширнейший из всех дошедших до нас законодательных памятников Греции. В этом ценнейшем эпиграфическом памятнике дорийского периода, несомненно, нашло отражение древнее законодательство ахейского периода — законодательство Миноса. Законодательство же Миноса, в свою очередь, согласно свидетельству Аристотеля, не является его личным творчеством. Он лишь привел «в определенную систему» существовавшие до него законы.

Следовательно, и до Миноса на Крите существовало законодательство; тем самым мы получаем указание на то, что и для карийско-филистимлянского периода истории Крита засвидетельствована попытка образования государства. За это говорит, как мы видели выше, и наличие тюрем в древних дворцах Крита, и архивы с тысячами глиняных табличек, покрытых письменными знаками, дававшими возможность контролировать хозяйство, слишком сложное для родового строя. Анализ пиктографических документов выявил, как мы видели (стр. 15), наличие на Крите элементов рабовладельческого хозяйства. Надо полагать, что рабы использовались на многочисленных судах критян, как торговых, так и военных. Рабы же, наверное, принимали участие в возведении царских дворцов Кносса и Феста, а также в строительстве дорог. Критская морская держава, расположенная в центре морских торговых путей, поддерживала оживленные торговые сношения с окружающими странами. Процветание торговли на Крите должно было, бесспорно, содействовать ослаблению родовых связей. О разрыве родовых связей на Крите в этот период свидетельствует и объединение большого количества общин центральной части Крита, на что указывалось выше.

Если же на Крите действительно уже в карийский период сложилось раннеклассовое общество, соответствующее стадиально, как я выше указал, древнейшему шумерскому рабовладельческому обществу конца IV тысячелетия до н. э.; то мы уже не можем вместе с Пендлбери видеть в разрушении дворцов Крита конца XV в. одно лишь внешнеполитическое событие. Скорее всего, катастрофа, разразившаяся над дворцами Крита на исходе крито-микенского периода, была обусловлена не только победоносным вторжением ахейских орд, но и восстанием наряду с рабами и массы непривилегированного населения. Эти события потрясли «Крит, посреди виноцветного моря, прекрасный, тучный» тогда, когда родовая знать сделала первую попытку образования государства.

Таким образом, мы тщетно стали бы искать в книге английского археолога определения или установления законов развития общества древнего Крита или объяснения причин, обусловивших его расцвет или гибель. В тех же случаях, когда автор пытается их привести, он проявляет обычную для буржуазного ученого беспомощность или же извращает действительность. Но сами факты, повторяем, подобраны умело, расположение материала представляет большие удобства. Поэтому «Археология Крита» может послужить весьма полезным пособием для археологов, историков, историков искусства и архитектуры и студентов соответствующих высших учебных заведений. Как известно, «Археология Крита» вышла в 1939 г., т. е. в год начала войны с фашистской Германией. Во время войны Крит стал ареной военных действий, и, есте-

ственно, раскопки там не производились. Более или менее значительных раскопок не предпринималось и после окончания второй мировой войны. Во всяком случае ничего существенного, заставляющего пересмотреть наши взгляды и выводы, найдено не было. К тому же, многие памятники и собрания, в том числе и знаменитое собрание критских древностей в Кандии, пострадали от обычного варварства немецко-фашистских полчищ. В настоящее время особенно большое значение приобретают дальнейшие попытки дешифровки критских письмен.

Перевод сделан почти без сокращений. Иллюстрации на отдельных листах, рисунки в тексте, карты и особенно сводные таблицы, дополняющие отдельные разделы, а также ссылки на литературу сохранены полностью, ибо в этом научном аппарате заключается одно из основных достоинств настоящей книги. Транскрипция собственных имен и географических названий, как правило, дается общепринятая в русской литературе. Заново составлен доцентом И. С. Кацнельсоном, принимавшим участие в редактировании книги, список литературы о Крите. Список этот, не претендующий на исчерпывающую полноту, все же значительно расширен и дополнен указаниями на труды классиков марксизма-ленинизма, русскую научную литературу, на некоторые работы общего характера и работы, опубликованные после выхода в свет книги Пендлбери.

Академик *В. В. СТРУВЕ.*

ДЖ. ПЕНДЛБЕРИ

АРХЕОЛОГИЯ КРИТА

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА [1]

В этой книге я попытался дать очерк культуры Крита от древнейших времен до Римской эпохи. Для доисторического периода эта работа с гораздо бóльшей полнотой выполнена в исследовании Артура Эванса «Дворец Миноса» (*A. Evans,* Palace of Minos); однако указанный труд, естественно, посвящен в основном Кноссу; к тому же, при многочисленности раскопок и публикаций автору неизбежно приходилось возвращаться к более ранним периодам в тех случаях, когда в промежутке между выходом первого и второго томов появлялись новые данные. Основной нашей задачей является рассмотрение предмета в исторической связи. Метод Глотца в его «Эгейской культуре» (*Glotz,* Aegean civilization) заключается в том, что каждая область материальной культуры — архитектура, керамика и т. д.— исследуется отдельно и развитие в данной области прослеживается вне зависимости от всего остального. Такой способ исследования не позволяет получить ясное представление о культуре каждого отдельного периода, потому что для этого мы должны дать оценку исторического значения таких явлений, как, например, прогресс в архитектуре, сопровождающийся одновременным упадком в гончарной технике.

Так как эта книга имеет своим предметом материальную сторону критской древности, то такие общие вопросы, как язык и религия минойской эпохи, рассматриваются лишь суммарно, в особой главе, имеющей целью подвести итоги нашим знаниям в области культуры бронзового века.

В изучении послеминойского Крита мы опираемся на существующие специальные работы и материалы раскопок; представляется своевременным попытаться подвести итоги этим исследованиям. Поскольку Крит в этот период входит в общее русло греческой культуры, достаточно будет выделить его местные особенности.

Что касается вопроса об обозначении различных разделов доисторического периода, то при нынешнем уровне наших

---

[1] Приводится с некоторыми сокращениями.— *Прим. ред.*

знаний было бы нелепо создавать путаницу, изменяя установленное Артуром Эвансом разделение на девять периодов — раннеминойский, среднеминойский и позднеминойский (Р. М., С. М. и П. М.) с дальнейшим подразделением каждого из них на I, II и III. По общему признанию, новейшие исследования, повидимому, показывают, что С. М. II и П. М. II практически ограничены областью Кносса и Феста и что было бы лучше обозначать С. М. II и П. М. II соответственно как С. М. I*б* и П. М. I*б*. Но это лишь внесло бы путаницу в уже имеющуюся обширную литературу; к тому же, в конце концов, названия — это только ярлыки, не имеющие значения сами по себе. Может быть, придет время, когда мы сможем говорить о древнем Крите в терминах династий и годов царствований, но до тех пор существующая система хронологии не может быть улучшена. Однако ей следует придать известную эластичность. Если П. М. I*а* начинается в Кноссе в определенный момент, то это не значит, что все провинциальные города, как Кастеллос около Цермиады в Ласити, в тот же день утратили все свои сосуды С. М. III*б*. С другой стороны, если мы допускаем, что для всего Ближнего Востока бронзовый век распадается на три основных периода, то мы должны воздержаться от утверждения, что элладские и кикладские периоды в точности параллельны минойским. Возможно, неолитический период на Крите перекрывает раннединастический (протодинастический) период в Египте, а раннеэлладский, может быть, захватывает часть среднеминойского. Однако пока мы не получим возможности заменить чем-либо лучшим ту терминологию, которая так хорошо служила в течение долгого времени, она должна быть сохранена, и чем больше подразделений мы сможем в нее внести, тем лучше.

Я нашел удобным пользоваться терминами «Позднеэлладский I, II и III» вместо «Микенский, I, II и III». «П. Э.» уместнее, чем «Мик.», так как не навязывает названия одного города целой стране; кроме того, как мы увидим, необходимо проводить некоторое различие между Критом и материком; таким образом, название «II Мик.» представляется неудобным [1].

Я всячески старался провести в этой книге четкую грань между фактами и гипотезами. Гипотеза, честно представленная как таковая ее создателем, слишком часто начинает рассматриваться как факт его последователями, пока она не превращается в основание для новых гипотез. В недавнее время предложенная Петри правдоподобная гипотеза, согласно

[1] Мы можем говорить о памятниках XVIII династии, не подразумевая под этим, что фараоны этой династии сами их создавали. Точно так же, обозначая памятники как «П. Э.», мы имеем в виду лишь то, что они были созданы в Элладе в течение позднего периода бронзового века.

которой некоторые сосуды, найденные им в Абидосе, имеют эгейское происхождение, в археологической литературе, пройдя через стадию «предположение Петри о том, что...», получила форму «раннеминойская керамика, найденная Петри». Эта ошибка встречается и до сих пор, несмотря на авторитетное возражение Франкфорта [1].

Иноземные связи представляют проблемы особой трудности. Определенная датировка периодов бронзового века в эгейской культурной области зависит всецело от внешних связей — главным образом с Египтом [2].

Иногда это не создает трудностей, например, когда предметы, носящие имя Аменхотепа III и Тии, обнаруживаются в отложениях П. Э. III в Микенах, а сосуды П. Э. III — в городе их преемника, Эхнатона, в Египте или когда сосуд С. М. II находят в погребении XII династии, а статую XII династии — в отложениях С. М. II. Но для ранних периодов нам придется руководствоваться теми данными, которые дает изучение сосудов из твердого камня, находимых в неолитических или раннеминойских слоях или вне слоев. Эти сосуды могли храниться, и несомненно хранились, в течение долгих лет, так как обладали практически неограниченной прочностью и всегда были пригодны для употребления. Кроме того, у нас нет никаких доказательств, позволяющих установить, когда они ввозились на Крит, поскольку они высоко ценились также и в Египте. Если мы находим, что сосуд середины додинастического периода еще находится в употреблении в Телль-эль-Амарне во времена XVIII династии, а в царском погребении в том же месте обнаруживается диоритовая чаша Хафра IV династии, то, очевидно, очень опасно пытаться датировать раннеминойское отложение на основании найденного в нем раннединастического сосуда.

Более надежную точку опоры дают местные подражания иноземным предметам, потому что предмет, который более не существует, перестают копировать [3].

Но даже и здесь мы должны быть осторожны. На первый взгляд, фигурки из слоновой кости из Р. М. отложений в Мессаре — явные подражания изделиям из Верхнего Египта середины додинастического периода, если только не привезены сами оттуда. В действительности же они могут быть объяснены лишь на основе предположения, что они принадлежат отсталой североафриканской ветви той самой расы, которой принадлежат и додинастические образцы.

[1] Studies, I, 105 и сл.

[2] В дальнейшем мы пользуемся общепринятой хронологией, согласно которой I династию следует относить приблизительно к 3200 году; см. примечание к хронологической таблице на стр. 300.

[3] Как мне кажется, это говорит против теории Франкфорта (Studies, II, 140), что «минойские» изделия в Греции представляют собой подражание троянским серебряным вазам, которые уже более не ввозились.

Можно подумать, что изображения минойцев, приносящих различные предметы как «дань» фараону, служат достаточно убедительным подтверждением того, что эти предметы относятся ко времени изображенных здесь минойцев. Вначале, действительно, так и было. Подобные рисунки имеются в погребениях Сенмута и Усер-Амона в Фивах, и они дают очень хорошие портретные изображения как минойцев, так и П. М. I предметов. Но поколением позднее Рехмира и Менхеперрасенб также украшают свои гробницы подобным образом; в это время художники обращаются к определенным типам для изображения иноземцев — можно подумать, что они пользуются как трафаретом для стенной росписи типами людей из Крита, Ретену, Нахарины и т. д. Отсюда уже недалеко и до гробницы Аменемхеба, где художник просто изобразил «иноземцев» и дал им имена по своему произволу.

Для сравнительной датировки на самом Крите основным нашим критерием служит, конечно, керамика, и длительность упомянутых выше периодов определяется изменениями в стиле керамических изделий. Разумеется, все основывается на Кноссе, не только потому, что это было первое и наиболее важное место раскопок, но также и потому, что только для Кносса весь ряд представлен полностью. Однако, как уже было сказано, мы всегда должны быть готовы встретиться с отклонениями от кносского ряда, в особенности в менее значительных поселениях. Работа по установлению дифференциации отдельных стилей и отнесению каждого из них к тому или иному периоду оказалась очень длительной и далеко еще не закончена. Многие, повидимому, думают, что для каждого отдельного места раскопок каждый период представлен определенным отложением, лежащим на определенном уровне, непосредственно над тем, которое ему предшествовало, и под тем, которое за ним последовало, будучи четко отделено от каждого из них. В действительности это далеко не так. В таком месте, как Кносс, который был непрерывно обитаем в течение тысячелетий, более древние слои смешиваются с новыми и совершенно чистые слои встречаются редко. На некоторых участках нехватает целого периода, так что пробел должен заполняться путем привлечения материала извне. Данные стратиграфии и стиля должны постоянно рассматриваться параллельно. К счастью, раскопки Кносса велись двумя людьми, которые это понимали.

Далее, приходится признать, что стили и периоды часто почти незаметно переходят один в другой. Переход от Р. М. III к С. М. I явился следствием медленной эволюции. Напрасно ожидали бы мы встретить непроницаемые перегородки или полное соответствие между керамикой и прочими предметами. Гончарная техника была избрана, и правильно избрана, как основной критерий, потому что она связана с самым распро-

страненным материалом. Сломанные гончарные изделия становятся негодными для употребления, их не переносят в другое место для нового применения, а обломки практически неразрушимы.

Ниже приводится краткая сводка данных, которые привели нас к убеждению, что различные стили керамики не существовали одновременно, а следовали один за другим. В этом перечислении каждый чистый слой соответствующего периода лежит непосредственно над слоем предшествующего периода.

Неолитический слой, где бы он ни встречался, лежит непосредственно на материке.

Р. М. *I* — отложение в нижнем слое в Западном дворе Кносса (B. S. A., X, 22).

Р. М. II — отложение в слое, расположенном выше предшествующего (там же, 20, ср. Mochlos, 42).

Р. М. III — отложение в слое, расположенном выше предшествующего (там же, 20, ср. в Василики, Trans. Penn. Univ., II, 113; Gournia, 50, в Палекастро, B. S. A., доп. 3).

С. М. Ia — в Кноссе нет слоев этого периода, непосредственно расположенных над слоем Р. М. III; ср., однако, переходные типы в чистом слое (B. S. A., XXX, 53). В Василики был построен дом неподалеку от местоположения Р. М. отложений (там же). В Палекастро были найдены четко различимые отложения (там же).

С. М. I*б* — отложение с небольшой примесью С. М. II*а* в Западном дворе в Кноссе (P. of M., IV, 97). Чистый слой, не простирающийся ниже, непосредственно рядом (там же, I, 186).

С. М. II*а* — слой, лежащий над С. М. I*б* слоем в царском складе керамики.

С. М. II*б* — отложение, стратиграфированное слоями древесной золы над царским гончарным складом (P. of M., I, 240). Утверждение Эберга, что все это представляет собой один слой, предполагает различия стилей, обычно не наблюдаемые при катастрофах.

С. М. III*а* — отложения над «ткацкой площадкой» (там же, рис. 187б).

С. М. III*б* — отложение непосредственно над предшествующим (ук. м.) и в «зале каменной колонны» (там же, 366).

Здесь не учитываются ни изменения в строительном искусстве, относящиеся к различным периодам, ни развитие искусства гравирования печатей, ни развитие письма, имеющее решающее значение.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОСТРОВ КРИТ

(см. карту 2)

Creta Jovis magni medio iacet insula ponto.
Mens Idacus ubi et gentis cunabula nostrae.
Centum urbes habitant magnas, uberrima regna.
Aeneid., III, 104—106.

(Крит, великого Зевса остров, лежит среди моря.
Горы Идейские там, колыбель это нашего рода.
Сто городов населяют великих богатые царства.
Вергилий, Энеида, III, 104—106.)

А. ФИЗИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР

Географическое положение Крита, лежащего почти на равном расстоянии между Европой, Азией и Африкой, с древнейших времен делало его промежуточным пунктом в сообщениях между этими континентами. Он лежит между 23°30′ и 26°60′ в. д. и между 34°50′ и 35°4′ с. ш.

Опознавательные приметы на суше всегда должны были оказывать существенную помощь мореходам, «одиноким в ночном море» — οἷοι ἐν ὄρφνᾳ, и характерные очертания критских гор давали им возможность с уверенностью направлять свой путь к имеющимся здесь гаваням. Юктас, одинокий холм на низменности между Идой и Диктой, вырисовывающийся, как профиль бородатого бога, находится за портовым городом Кноссом. Громада Иды и причудливый пик Кофина указывают

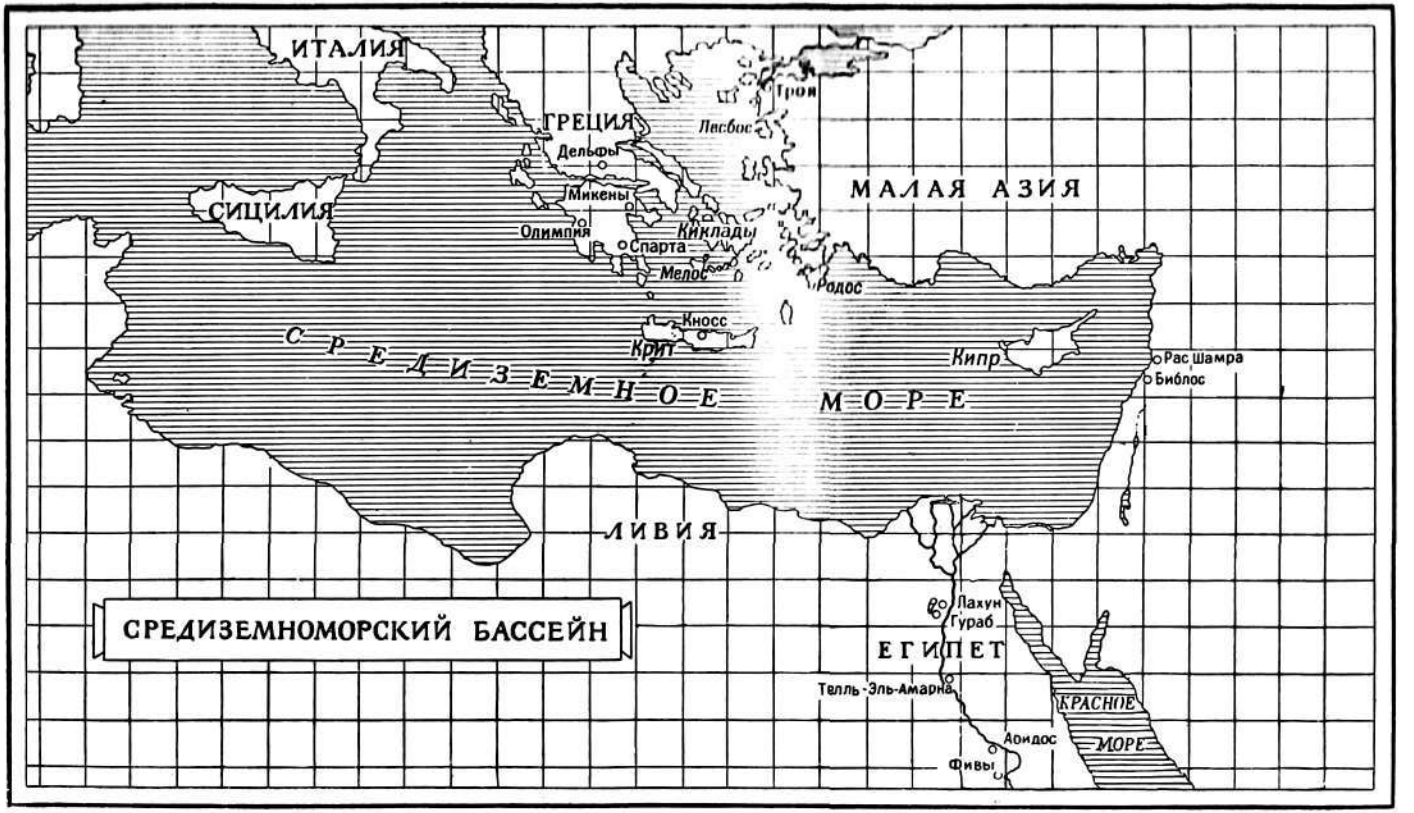
путешественнику путь из Египта к якорной стоянке Доброй гавани и к берегам Мессарской бухты. Цепь островов — Родос, Карпатос, Касос — дает пристанище кораблю, идущему от Анатолии, Кипра или Сирии, а треугольный холм Моди указывает путь к восточным гаваням. Белые горы, отмечающие расположение бухты Суда, видны от мыса Малеи. Вершина Дикты показывается на горизонте вскоре после того, как корабль покидает Южные Киклады, направляясь к гаваням Херсонеса или Милета или к закрытой бухте Спина-Лонга.

Главными портами на северном побережье являются в настоящее время Кания, Ретимн и Ираклион, или, как их до сих пор называют моряки Леванта,— Канеа, Ретимо и Кандия. Эти порты были искусственно улучшены, тогда как остальные порты острова были заброшены и пришли в упадок. Сития и Иерапетра еще ведут некоторую торговлю, как ведет ее с недавнего времени Агиос-Николаос, но конкуренция с тремя большими городами имеет катастрофические результаты для многих некогда процветавших портов.

Однако не только конкуренция была причиной того, что в сравнительно недавнее время торговля сосредоточилась на северном побережье. Тут сыграли свою роль еще и два других обстоятельства. Во-первых, современные суда нуждаются в якорной стоянке, их нельзя вытаскивать на берег, как это делалось в древности. Во-вторых, береговая линия существенным образом изменилась со времен римской эпохи. В VI веке произошло значительное изменение рельефа морского дна, при котором весь остров повернулся, как на оси. В результате его западная оконечность местами поднялась на 8 *м* выше уровня моря, так что искусственная гавань в Фаласарне, на западном побережье, теперь находится значительно выше уровня моря и передвинулась почти на 140 *м* в глубь суши, тогда как соответствующее опускание на востоке повело к исчезновению многих песчаных отмелей, на которые когда-то вытаскивались корабли, и частично поглотило древние города [1].

Если же принять в расчет величину поднятия или опускания суши и восстановить прежнюю береговую линию, то можно убедиться, что древние поселения всегда или имели хорошую отмель, или были защищены рифами, ныне

[1] Первым обнаружил это обстоятельство Спратт (Spratt, II, 230 и сл.). Что касается точной датировки события, то, как сообщил мне профессор Ньюберри, у арабского историка Масуда есть упоминание, что в 535 году н. э. в дельте Нила произошло большое землетрясение, в результате которого опустилась почва и море хлынуло на сушу, разрушая многие города и образуя соленые озера. Поднятие западной оконечности Крита является причиной того, что в настоящее время существует только один из Мусагорских островов — Элафониси; другими двумя, несомненно, были ранее мысы Палеохора-Селину и Трахила. На востоке остров Мохлос когда-то составлял часть суши Крита, и перешеек, ныне скрытый под водой, образовывал две гавани.

1. Восточное Средиземноморье.

погрузившимися в воду. Другие последствия землетрясений, от которых так часто страдал остров, будут отмечены ниже. Здесь достаточно указать, как существенно даже одно из них отразилось на всех физических условиях острова [1].

Крит имеет в длину около 250 *км*. Его наибольшая ширина от мыса Ставрос, к западу от Кандии, до мыса Кефала, древнего Леона, составляет 57 *км*. Но перешеек в Иерапетре имеет протяжение всего 12 *км*, а перешеек в Ретимне — 18 *км*.

Остров разделен на несколько частей большими горными цепями. Пожалуй, правильнее было бы сказать, что вдоль всего острова проходит одна горная цепь лишь с двумя значительными перерывами. В южной части горы подходят вплотную к морскому берегу, и некоторые селения находятся по соседству с дикими ущельями, перерезающими горную цепь. Тот, кто проезжал мимо Крита на пути из Египта, никогда не забудет угрожающего и неприступного вида этого берега (фото 2). От этих гор отходят к северу отроги, пересекающие более населенные области. На западе находятся Белые горы, древние Λευκὰ Ὄρη (фото 3). Их вершины — Агиос-Теодорос, Сорос, Агион-Пневма, возвышающиеся до 2400 *м*, могут быть отнесены к числу наиболее диких мест в Европе. Дикий козел, или критский тур — ἀγρίμι, еще встречается в некоторых из недоступных ущелий (фото 1). В этих горах укрывались во времена турецкого господства и укрываются еще теперь, как я могу добавить на основании имеющихся у меня сведений, люди, за голову которых объявлена денежная награда. Люди из Сфакии, борцы критской революции, до сих пор составляют как бы особую породу. Я встретил там седобородого капитана — καπετάνιος, который участвовал в штурме расположенного близ деревни форта в 1866 г.

С Белыми горами связаны посредством низких гряд, идущих к северо-западу, два обрывистых отрога — Боуса и Спада, древние Корик и Титир. В западном направлении пересеченная местность снижается к морскому побережью и к незащищенным от ветров долинам Эннеахории. К северу расположена плодородная долина Кании, «прекраснейший уголок, жемчужина и цветник всего Крита», как называет ее Литгоу.

К востоку от Белых гор сравнительно низко расположенная холмистая область простирается до другого большого горного массива, центром которого является Ида, нынешний

---

[1] Несомненно, водоснабжение также изменялось в различные периоды времени. В Псире в настоящее время нет источников. Древнейшие цистерны относятся к греко-римскому времени, но тем не менее уже с древнейших минойских времен здесь было цветущее поселение, хотя оно отстоит от берега свыше 3 *км* и часто бывает на несколько дней отрезано бурями от всяких сообщений.

Псилорити (ὑψηλὸν ὄρος), (фото 4). Впереди, неподалеку от южного побережья, возвышается одинокая гора Кедрос. Между нею и Идой лежит плодородная долина Амари. Сама Ида имеет более 2400 *м* высоты. С ее вершины открывается чудесная панорама всего острова. К северу от Иды находится долина Милопотамоса, отделенная от моря грядой Кулукунас, древний Таллеон, круто спускающейся к скалистому берегу.

К востоку от Иды местность снова становится низкой и холмистой. Водораздел поднимается менее чем на 600 *м* над уровнем моря, и единственной заметной возвышенностью является Юктас. К югу расположена богатая водой долина Мессары, одна из наиболее плодородных и производительных областей Крита. Она отделена от Ливийского моря Астерусийской грядой, ныне называемой Кофином, которую местами пересекают дикие ущелья, доходящие до обрывистого берега.

Далее идет большой массив Дикты — нынешняя Ласитиотика Вуна (фото 4), с высоким плоскогорьем в центре, которое в древние времена было густо заселено. Вдоль северного побережья тянется ровная полоса земли, где произрастают рожковые деревья, но к югу, за исключением долины Вианоса, местность скалиста и негостеприимна.

К востоку от Дикты находится узкий перешеек Иерапетры, плоский и низменный, далее на восток к нему примыкают горы Трифти (фото 5). Он образует своего рода трубу, по которой в мае проносятся горячие вихри сирокко. Горы между перешейком и Ситией пересекают остров, образуя одну из его наиболее диких областей. За Ситией расположено высокое известняковое плоскогорье, доходящее до восточного побережья (фото 10, 11).

Особенностью страны, о которой еще не было упомянуто, являются многочисленные плоскогорья. Бóльшая часть их сплошь окружена холмами, и вода и снег, собирающиеся здесь в течение зимы, уносятся через естественные горловины — χῶνοι, как они здесь называются. На более высокие из этих равнин только летом поднимаются пастухи. В Белых горах находится равнина Омалос (около 1000 *м* над уровнем моря), расположенная слишком высоко, чтобы быть обитаемой в другое время года, кроме лета, которое начинается в апреле, когда пастухи пригоняют туда свои стада. Ее можно достигнуть через крутое ущелье Агиа-Румели, а также через более доступные проходы от Селина и с севера. Поблизости расположен Анополис, возвышающийся всего на 600 *м* над уровнем моря, с древним городом того же названия на гребне, идущем в южном направлении (фото 8). Далее лежит равнина Нида, в наименовании которой еще сохранилось древнее название Иды (фото 7). Она лежит на высоте около 1500 *м*

над уровнем моря; на этой равнине имеется много сыроварен, к которым около середины мая сходятся пастухи. Прямо над ней находится пещера Зевса. Крутые козьи тропы спускаются к Аногее, близ древнего Аксос-Крусонаса, воротам Иды и месту, служившему населению убежищем во времена турецкого владычества, к Гергери, Камарес; затем тропой, ведущей прямо к священной пещере, можно достичь долины Амари и долины Милопотамоса.

Долина Ласити, или Психро, поднимается менее чем на 900 *м* над уровнем моря и в настоящее время, как и в древности, густо заселена (фото 6). Она доступна со всех сторон и, хотя представляет собой замкнутую область, в древности отнюдь не была, как мы это увидим, отрезана от окружающих культурных областей. Долина эта, в которой в древнейшие времена развилась самобытная культура, не была отсталой и не была лишена связей с внешним миром [1]. Как одно целое с Ласити можно рассматривать две меньшие равнины: Катарос и Лимнаркарос. Обе они лежат на высоте около 1200 футов и возделываются, но постоянного населения не имеют.

В горах полуострова Ситии много таких небольших равнин; большинство из них — Зирос, Каталиони, Ламниони и многие другие — расположены достаточно низко, чтобы быть обитаемыми круглый год. О том значении, которое имели эти равнины, во всяком случае в минойские времена, можно судить хотя бы по тому, что все они к востоку от Иды бдительно охранялись рядом укреплений.

Главное изменение в природе Крита с древних времен заключается в истреблении лесов острова. Катастрофа VI века н. э. не имела иных последствий, кроме того, что заставила мореходов искать новых гаваней. Но безудержное истребление лесов изменило всю природу острова. Как мы увидим, весьма вероятно, что в минойские времена вся часть острова, по крайней мере к западу от Иды, представляла собой большой девственный лес, который препятствовал распространению культуры во внутренних районах острова. Еще во времена Плиния Крит был исконной родиной кипариса, и строительный лес, который доставляли Тутмосу III корабли кефтиу, оставался обычным материалом для постройки кораблей во всем Средиземноморье. Но истребление лесов, начавшееся, вероятно, уже с первым появлением человека, непрерывно продолжалось, чему содействовало не только безразличное отношение к этому факту со стороны

[1] Было высказано предположение (см., например, B. S. A., VI, 115), что эта равнина до С. М. времен представляла собой озеро, истоком из которого служила Диктейская пещера. Это опровергается тем фактом, что неолитическое поселение в Трапезе находится на более низком уровне, чем пещера.

населения во время венецианского и турецкого господства, но также и ревностное участие коз, объедавших молодые побеги, так что в настоящее время от кипарисов осталось лишь несколько деревьев в западной части острова и незначительные новые насаждения в областях Ласити и Вианоса. В результате зимние потоки размыли всю почву, ранее предохранявшуюся от размыва деревьями. Например, в долине Ласити почвенный слой достигает чрезвычайной мощности только потому, что окружающие холмы остались совершенно обнаженными. Крит, который когда-то был одним из наиболее плодородных и цветущих островов Средиземного моря, превратился теперь в один из наиболее скалистых и бесплодных.

Той же причине надо приписать и недостаток воды. Лишь немногие реки на Крите летом представляют собой нечто большее, чем текущие тонкой струйкой ручьи, в то время как бо́льшая часть их пересыхает. Платаниас, к западу от Ханиа,— древний Иардан; Газан, к западу от Кандии,— древний Тритон; Метрополитан в Мессаре,— древний Летей; Анаподарь, текущая от Мессары к южному берегу, древний Катарракт, и Милопотамос, древний Оакс,— единственные реки, которые никогда полностью не пересыхают.

Родники исчезли, и такие места, как Омалес, к северу от Дикты, имевшие в древние времена, повидимому, многочисленное население, теперь совершенно покинуты, если не считать нескольких «мандр» — пастушеских хижин, к которым воду приходится доставлять издалека.

Однако ни одна из критских рек не была судоходной даже в древности, и естественным средством сообщения всегда служили горные тропы, во многих случаях доступные только пешеходам. Только при появлении колесного транспорта, притом быстроходного, когда приходится принимать во внимание крутизну уклона, начинают прокладывать искусственные дороги; «кальдеримы», грубо вымощенные дороги, проложенные римлянами, венецианцами или турками для военных целей, только следовали направлению этих доисторических троп, и хотя минойские насыпи или греческие мосты уцелели лишь в немногих случаях, мы вправе полагать, что средства сообщения между древними населенными пунктами были те же, что и ныне, или, вернее, те же, что и существовавшие до того, как начала возникать сеть автомобильных дорог.

Б. ДОРОГИ И ТОПОГРАФИЯ

При изучении расположения населенных пунктов в определенные периоды чрезвычайно важно принимать во внимание пути сообщения между этими пунктами; необходимо учитывать, в какой степени доступность той или иной области

могла благоприятствовать влиянию на стиль керамики этой области со стороны керамики другой области, хотя бы и расположенной на значительном расстоянии; существенно также выяснить, через какие районы острова проходили пути торговли Египта, ибо эта торговля могла оказать влияние на памятники некоторых поселений, в то время как другие находились в более тесном соприкосновении с Кикладами.

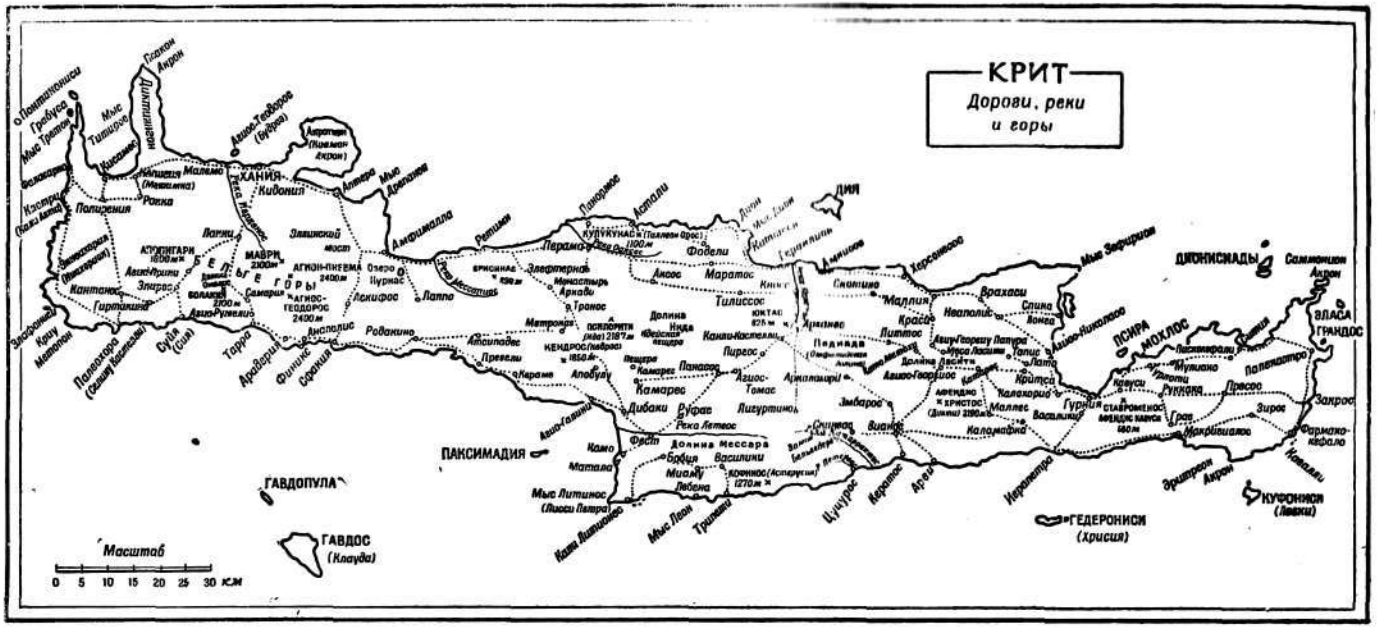
Только тот, кто сам бродил по горам, знает, как часто вводит в заблуждение карта — а карты Крита, к тому же, ужасающе неточны. Кто мог бы подумать, что от Суйи на южном берегу до Лакки, к югу от Кании, требуется такой же долгий дневной переход, как от Цуцура, древнего Приансоса, на южном берегу до Амнисоса на северном берегу? Расстояние роли не играет. Важна только продолжительность пути. Почти все приводимые нами данные о продолжительности пути основаны на личном опыте и представляют собой приблизительно среднюю величину между скоростью бегущего гонца и скоростью передвижения странствующих торговцев [1].

Во всех случаях указывается продолжительность передвижения пешком, а не езды; остановки не учитываются. Продолжительность пути может колебаться на данном участке в зависимости от погоды и от снаряжения пешехода. Все, что можно сказать в пользу этих данных, это то, что все переходы действительно были совершены в указанные сроки.

От восточного побережья по перешейку Иерапетры ведут три дороги [2]. Самая северная из них начинается в Палекастро, одном из крупных центров минойской культуры, и, пересекая высокое известняковое плато, спускается на протяжении менее чем четырехчасового перехода до Петраса и Ситин. Отсюда она проходит через средне- и позднеминойское поселение в Пискокефали и поднимается по дикой местности до Хамеси, Мулианы и Турлоти, откуда крутая тропа ведет вниз к Мохлосу (фото 16), в настоящее время составляющему одно целое с сушей и находящемуся на расстоянии трех четвертей часа пути от Турлоти. Далее Турлоти тропа поднимается вверх вдоль склонов Трифти, минует Кавуси (фото 18) и достигает Гурнии (фото 17), приблизительно в 8,5 часа пути от Ситии. Средняя дорога начинается от Като-Закроса и круто поднимается в гору (фото 11), оставляя в стороне множество мелких поселений и за час с небольшим достигая Апано-Закроса. Отсюда она продолжает подниматься в северо-

[1] В тех случаях, когда время пути указано не на основании моего личного опыта, оно взято из очень полезной книги *N. Kalemenopoulos*, Κρητική, 1894.

[2] Во всех местах, упоминаемых в последующем перечислении дорог, имеются древние поселения.

2. Крит. Схема дорог.

западном направлении, окаймляет северный склон холма над Апано-Закросом и, минуя незначительные поселения и форты близ Скалии и Ситаноса, достигает Пресоса (фото 23) в 3,5 часа пути от Апано-Закроса. К западу от Пресоса дорога раздваивается — одно ответвление огибает северный склон Романати через Сикию, другое идет по южному склону через Адромили и Агиос-Стефанос (до недавнего времени называвшийся Грас) и соединяется с предыдущим в Руккаке; первое имеет протяженность в 5 часов пути, второе — в 7. От Руккаки дорога идет на Авго и Кавуси, достигая Гурнии несколько менее чем за 4 часа пути.

Южная дорога начинается от Фармакокефало, близ древнего Ампелоса (фото 28), поднимается через Хуметало и за 2,5 часа пути достигает равнины Зироса. Большое число сторожевых постов на всем ее протяжении свидетельствует, что это была важная дорога. Далее она поворачивает к юго-западу от Макриял, идет вдоль берега, минуя Р. М. поселение в Агиа-Фотии, и достигает Иерапетры за 7,5 часов пути.

К северу и к югу тянется сеть дорог, из которых иные, как это можно доказать, существовали уже в древности: от Палекастро до Ампелоса, с укреплениями в Кохлакиес и «Стас Тавернес» [1], хорошо проложенная на насыпи дорога на юг от Закроса, со станциями в Лидорико-Скисменесе, Маламуресе и Катсунаки, и дорога от Ламнони через Ситанос и Катсидони до Ситии.

Естественно, удобная дорога через перешеек Иерапетры привлекала поселенцев. На коротком расстоянии в 2,5 часа пути между Иерапетрой и Пахиаммосом имеются поселения Кедры, Эпископи, Василики, Монастераки. Несколько удивляет, однако, то обстоятельство, что лишь немногие из них имели большое значение и что ни в одном не было обнаружено предметов иноземного производства. Во всяком случае французы во время оккупации нашли целесообразным поместить склады в Иерапетре и отсюда пользоваться сухопутным транспортом, вместо того чтобы подвергаться опасностям, огибая мыс Сидеро.

От Гурнии удобная тропа, протяженностью несколько более часа пути, ведет до Калохорио, древнего Истра. В этом пункте дорога раздваивается. Одно ответвление поворачивает к северу от Агиос-Николаоса, древнего Лато прос Камара, и оттуда к Неаполису — на протяжении около 4,5 часа пути; там она соединяется с дорогой от Олуса, нынешней Спина-Лонга, которая проходит через Дрерос, и достигает Неаполиса прибли-

[1] Мирному характеру минойской культуры и общительному характеру критян более соответствовало бы, если бы мы, основываясь на этом названии, стали называть тавернами и все остальные укрепленные пункты.

зительно в такое же время. От Неаполиса дорога через Врахаси спускается за 3 часа до Маллии, откуда прибрежная дорога через Херсонес, Нирухани и Амнисос ведет приблизительно за 6 часов пути в Гераклион.

Второе ответвление идет к северо-западу до Критсы; оно проходило либо прямо вдоль минойской дороги, охранявшейся фортом, известным под названием Кошачьего водоема, до равнины Катара, откуда оно спускалось до равнины Ласити, опять-таки по охранявшейся минойской дороге, протяженностью около 8,5 часа пути, либо мимо великолепного поселения Лато-Этера [1] (фото 21) до Таписа и приблизительно за такое же время — через высокий перевал на северном склоне горы Алоиды до Микро Ласитаки.

Обычным путем к западу от Ласити служит дорога, ведущая от Катометохи до Литтоса (4 часа пути и до Кносса еще 5 часов пути). Однако существуют две столь же пригодные и более легкие дороги по обе стороны от важного, но до сих пор еще не раскопанного поселения Агиу-Георгиу Папура. Восточная спускается рядом с укрепленными пиками Карфи и Копраны до Краси, откуда приблизительно за 3,5 часа пути можно достигнуть Маллии. Западная за 2,5 часа пути спускается по удобному перевалу до Гониеса, Авду и Мохоса. От Мохоса до Кносса по дороге, на которой лежит священная пещера в Скотино и Скалани,— около 6,5 часа пути. Карфи и Копрана охраняют также дорогу до Омалеса, города замков, расположенного на ныне бесплодных северных склонах горы Селены.

Другая удобная дорога ведет к равнине Педиады от Плати, через седловину между горами Афендис и Саракинос, до Гераки за 2,5 часа пути.

На юг дорога протяжением в 5 часов идет от Каминаки до Эрганоса и Вианоса и здесь соединяется с другой большой дорогой, ведущей с востока. Описание этой дороги дается ниже.

Южная дорога от Иерапетры проходит через Каламафку, откуда ее ответвления поднимаются до равнины Катара и Маллеса, и, проходя высоко над уровнем моря, за 8 или 9 часов пути достигает Вианоса, древнего Биеноса [2].

От Вианоса можно достигнуть священной расселины Арви, с ее храмом Зевса Арбиоса, и двойного пика Керата соответственно за 2,5 и 2 часа пути. К западу от Вианоса идут две дороги, из которых одна достигает Эмпароса за 2 часа пути,

---

[1] Лато-Этера соединялся со своей гаванью в Лато прос Камара дорогой, ведущей через равнину Лаконии и охраняемой у своей оконечности тремя фортами: Пепони-Хани, Агиос-Иоаннис и Агиос-Ставрос. Ее протяженность — 1,5 часа пути.

[2] Продолжительность этого перехода я не могу указать точно, так как, совершая его, я сбился с пути.

а другая приводит к долине Мессары близ реки Катарракта за 3,5 часа.

Совершенно плоская долина Мессары тщательно возделана, и на ней не сохранилось никаких следов древних дорог. Однако из этой долины ведут на юг, к морю, через гряду Астерусии следующие пути: от замка Бельведере (Ризокастро), древних Стел (фото 22) хорошая дорога, местами пригодная для колесного транспорта, протяженностью немного более 1,5 часа пути, спускается к Цуцуросу, древнему Прианссосу. От Василики по двум пологим долинам можно спуститься к Трипети менее чем за 2,5 часа, причем в восточной из этих долин, Гулофаранго, сохранились хорошо различимые следы насыпей и минойских сторожевых пунктов в Агиа-Параскеви и Агиос-Савасе. Удобная дорога ведет также от Василики через Макри Ливади до Миаму (1 час 15 минут).

К Лебене, одной из гаваней Гортины, легче всего приблизиться со стороны Бобии, древней Бойбе, через монастырь Апезанис. Удобная дорога ведет также от Бобии вниз до Кали Лименеса — гавань св. Павла — менее чем за 3 часа пути. Другая гавань Гортины, Металла, или Металлон, находится в 2 часах пути от Феста.

В центре Крита главная дорога в направлении с севера на юг, которую, пожалуй, можно назвать основной проезжей дорогой минойского периода, направляется от Кносса к югу — к Фесту и далее, к нераскопанному порту Комо. Дорога эта была исследована Артуром Эвансом[1]. Она проходит через поселение Силамос и город Канли-Кастелли, древний Ликаст, а отсюда — к сторожевому пункту в Пиргосе и далее в Агиос-Томас, быть может, древнюю Паннону. Затем она поворачивает на запад к Панасу и может быть прослежена на некоторых участках до Руфаса, близ Мирса. Она снова обнаруживается за Фестом, откуда спускается до Сфакориако и далее до Комо. По этой дороге Феста можно достигнуть приблизительно за 12 часов пути. До Комо, через Сфакориако и Какодети, несколько меньше 2 часов пути.

Сам Кносс соединялся со своим портовым пригородом к востоку от нынешней Кандии дорогой, которая проходила вплотную около гробниц в Зафер-Папуре и Исопате и имела протяжение менее одного часа пути. Дорога эта дает следующие ответвления: от Силамоса поднимается тропа к святилищу на горе Юктас, находящемуся на расстоянии около 2,5 часа пути от Кносса. Оттуда идет дорога через форт Каридаки до Арханеса протяжением в 1 час пути и далее через Ватипетро до Лигуртино и Мессары еще 5 часов пути. От Канли-Кастелли ответвляется дорога на юго-восток к Аркалохори, которого она достигает приблизительно за

[1] P of M., II, 60 и сл.

3 часа пути. От Панаса ответвление дороги идет на запад до Камареса, находящегося на расстоянии несколько менее 4 часов пути.

Бо́льшая часть упомянутых до сих пор поселений относится к минойскому времени; в некоторых местах сохранились и самые дороги, проложенные в ту эпоху. К западу от них не уцелело никаких памятников древности, кроме отдельных населенных пунктов, расположенных вдоль естественных троп, и оставшихся кое-где эллинских мостов.

Кандия соединена с областью Ретимна шестью главными дорогами, не считая тех, которые пересекают более высокие склоны Иды и проходимы для мулов только летом.

Первая из них — северная прибрежная дорога, идущая сначала по направлению минойской дороги[1] через Палекастро-Родиас (древний Киттеон), Агиа-Пелагиа (древний Дион), Фодели — утопающую в апельсиновых садах родину Эль-Греко, Бали (древнюю Асталу), Румели Кастелли (древний Панорм). Эта дорога проходит по наиболее недоступным местам Крита. Она соединяется со следующей дорогой сразу за Перамой и достигает Ретимна за 18 с лишним часов пути. От Перамы ответвление дороги ведет на Элефтерну, находящуюся на расстоянии 2 часов пути.

Следующая дорога направляется через Маратос и Дамасту к Пераме (несколько менее 11 часов пути) и далее к Ретимну (еще 4 часа). Далее следует дорога протяжением 10 часов пути, проходящая через Тилиссос, Гониес и Аксос до Перамы.

К югу от этих дорог преграждает путь громада Иды, и хотя проход к плоскогорью Нида и далее довольно легок для мула, мало вероятно, чтобы этой дорогой пользовались помимо случаев πανήγυρις (религиозное празднество) в пещере Иды, расположенной в 4,5 часа пути от Аногии и Крусонаса и в 2,5 часа от Камареса.

К югу от Иды пролегают три большие дороги, из которых две огибают гору Кедрос в северном направлении, а третья — в южном. Все они начинаются в Дибаки, расположенном в 50 минутах ходьбы к западу от Феста. Первая дорога, протяжением около 13 часов, поднимается по долине Амари до Ретимна, минуя Аподулу, Тронос — древнюю Сибриту (фото 24) и монастырь Аркади. Следующая, протяжением в 7 часов пути, ответвляется от нее в Троносе и идет на Меронас, Элленес, Геракари и Атсипадес. Последняя дорога, протяжением в 10 часов пути, идет по берегу через Агиа-Галени, древнюю Сулию, огибая с северной стороны Вувалу, до Кераме и монастыря св. Иоанна в Превели.

---

[1] P. of M., II, 232.

Единственная известная мне дорога с севера на юг проходит от монастыря в Превели через Геракари, Патсос (фото 9), Бени, Орнити и Монопари; таким окольным путем она имеет протяжение около 17 часов ходьбы. Прямая дорога от Ретимна до Агиа-Галени, согласно κρητικά Калеменопуло, требует около 11 часов пути, дорога до Превели — 12 часов.

Обычно используемая дорога из области Ретимна к западу, общим протяжением более 6 часов ходьбы, тянется вдоль северного побережья через Драмию, древний Гидрамон, и Георгиуполи, древнюю Амфималу; она пересекает реку Альмирос, упоминаемую Страбоном под названием Амфималы, проходя здесь по мосту, первыми строителями которого были эллины, срезает мыс Дрепанон, сохраняющий еще свое древнее название, и снова достигает берега в Аптере. От Аптеры до Хании (Кидонии) 2,5 часа ходьбы.

Южная дорога тянется от Превели вдоль самого берега, достигая Сфакии за 9 часов пути, и продолжается далее до Анополи еще 1 час 45 минут. Ниже Анополи расположен маленький порт Финикс, принадлежавший городу Лаппе. Страбон сообщает, что отсюда до Амфималы вела благоустроенная дорога, длина которой, по его словам, равнялась 100 стадиям. Это составляет точную меру ширины острова в наиболее узкой его части, от Амфималы до Франко-Кастелли на южном берегу. Расстояние до Финикса, однако, равно 120 стадиям. Вероятно, эта дорога шла через Калликрати до Лаппы (как мне сообщили, этот путь требовал 7,5 часов ходьбы) и оттуда, минуя озеро Курнас — единственное озеро на Крите, называвшееся в древности Корион или Коресион, вела к Амфимале, что занимало еще 4,5 часа. Более прямой дорогой можно было бы пройти через ущелье Аскифоса, что потребовало бы около 6,5 часов пути.

К западу от Анополи местность трудно проходима, но, повидимому, в древности здесь существовала дорога, которая должна была обслуживать Араден. Далее дорога спускается по почти отвесному сланцевому склону в 600 *м* высотой до берега, где почти у самого моря пробивается источник (фото 2). Отсюда до Агиа-Экатерини, где находятся скудные остатки Тарры, несколько более 4 часов пути. Дорога, идущая отсюда к северу до Хании через живописное ущелье Агиа-Румели (фото 1) и равнину Омалоса, занимает около 13 часов пути; но это время колеблется в зависимости от количества воды, текущей по ущелью. От Агиа-Экатерини до Самарии, вероятно, от 2 до 3,5 часа пути. К западу от Агиа-Экатерини пользоваться вьючными животными невозможно.

От Хании дорога идет вдоль берега до Малемо, пересекает основание мыса Спада, проходит через Нохию (возможно, древний Пергам) и Нопигию (вероятно, древнюю

Метимну) и приблизительно за 7 часов пути достигает Кисамоса. Другое ответвление отходит от основной дороги в Нопигии в направлении Рокки и Полирении, которых она достигает за 3 часа 45 минут, а отсюда идет далее на Кисамос, что составляет еще 1 час пути. Полирения соединялась со своим портом в Фаласарне на западном берегу, находившемся, как сообщает Страбон, на расстоянии 60 стадий. От Полирении до Месогеи я не ходил, но мне говорили, что расстояние между этими пунктами требует 1,5 часа пути; далее до Фаласарны — 1 час 45 минут.

Неблагоустроенная прибрежная дорога соединяет Фаласарну с расположенными в юго-западной части острова городами Крита. Она проходит мимо сторожевой башни Кастри (возможно, древней Кале Акте), далее минует долину Эннеахории, которая, повидимому, сохранила древнее название Инахорион, и, оставляя несколько к западу небольшое поселение у монастыря Хрисоскалитиссы, поворачивает вверх, проходя через Склавопуло (Дулуполис?), а отсюда спускается к Палеохори, или Селину-Кастелли, всего за 17 часов пути.

Другая древняя дорога к югу шла, должно быть, приблизительно по направлению современной автомобильной дороги от Кисамоса до Палеохоры. От Палеохоры дорога за 2 часа поднимается по лощине Влитиас, минуя Каламиди, до древнего Кантаноса. Отсюда она резко поворачивает на восток к Гиртакине и Элиросу, находящемуся в 3 часах пути от Кантаноса. От Элироса идет широкая тропа, повидимому, древняя, как показывают высеченные в скале могилы и акведук рядом с ней; она доходит до Суйи (древней Сюйи) за 1,5 часа пути. От этого пункта горная тропа, извивающаяся по обрывистым утесам, за один час пути приводит к расположенному западнее Агиос-Киркосу (Лиссос) (фото 26), которого также можно достигнуть из Элироса за 1,5 часа. Восточнее, в месте, доступном с суши только для идущих без поклажи пешеходов и коз, лежит Вуккиласи, древний Пойкиласс.

От Элироса — я, впрочем, попал туда непосредственно из Суйи, оставив Элирос в стороне,— тропа ведет к месту близ Кампаноса, где, как можно предположить, находилось кладбище города Элироса, и отсюда, мимо деревни Агиа-Ирини, близ которой Спратт обнаружил следы древней дороги, идущей вверх к Омалосу,— до Кании, находящейся от Суйи на расстоянии 12 часов пути или несколько менее.

Если не считать прибавившихся автомобильных дорог, прорезающих всю местность, сухопутные сообщения почти не изменились. Однако важное значение должны были иметь и морские пути сообщения. Местные условия, как мы видели выше, могли сильно измениться со времени катастрофы VI века, но эти изменения, по всей вероятности, уравновеши-

вали друг друга. Там, где гавань становилась непригодной, поблизости от нее оказывалась доступной другая. В общем, мы можем, пользуясь морской картой, судить о существовавших в древности условиях.

К счастью, в нашем распоряжении имеется чрезвычайно важный документ — так называемый Стадиасм. Это — описание, аналогичное изданной английским адмиралтейством «Лоции Средиземного моря» (Mediterranean Pilot), составленное, вероятно, в VI веке н. э., но несомненно ранее землетрясения. Здесь указаны расстояния и якорные стоянки, а также приводятся данные о наличии воды и возможностях для совершения религиозных обрядов [1]. К сожалению, расстояния были выражены цифрами, а не словами. Как известно, при переписке цифр легко возникают ошибки, так что этот документ можно использовать лишь для проверки относительного расположения отдельных пунктов. Другая трудность создается тем обстоятельством, что, как уже отмечалось выше, корабли в древности вытаскивались на песчаные или покрытые галькой отмели. Это означает, что тогда можно было пользоваться портами, которые в настоящее время сделались недоступными. С другой стороны, их неспособность лавировать или во всяком случае держать курс круто против ветра должна была (учитывая даже возможность использования весел) препятствовать кораблям искать пристанища в местах, которые впоследствии сделались вполне надежными якорными стоянками.

Другим важным с точки зрения топографии обстоятельством является характер местности, предпочтительно избираемой для поселения в каждый данный период. Изменения вкуса в этом отношении так резки, что, видя фотографию критского ландшафта и зная, что в этом месте находился населенный пункт, мы можем, пожалуй, указать дату его возникновения. В неолитические времена мы застаем обитателей Крита живущими в пещерах. Элленоспило у Потистерии к северу от монастыря Гонии на мысе Спада с поселением, расположенным на 70 *м* в глубь гор, Элленес, Амнисос, Трапеза и Ласити (фото 14), Магаса, Скалес и Закрос на востоке — все эти пункты служат доказательством того страха,— повидимому, перед дикими зверями,— в котором жил неолитический человек. С другой стороны, самое крупное неолитическое поселение в Кноссе расположено на месте позднейшего дворца.

---

[1] Странно, что в этом документе не упомянуты преобладающие ветры и встречающиеся трудности. Ряд пунктов, которые, как можно было бы предположить, имели достаточно большое значение для того, чтобы быть упомянутыми, не названы вовсе, например Итанос и Ампелос на восточном берегу, Ретимн, Панормос, Амниссос и Милет на северном берегу, Приансос на южном берегу.

В минойские времена жизнь, повидимому, была вполне мирной. Неукрепленные города располагались на низких холмах, часто поблизости от моря (фото 15—17). Затем, после упадка культуры бронзового века, мы находим замки феодалов-разбойников на неприступных скалах Карфи, Кавуси, Врокастро и ущелья Закроса. Незаметно, чтобы в какой-либо степени принимались во внимание условия снабжения водой. Единственным требованием была неприступность (фото 18, 19). В архаические времена необеспеченность общественной безопасности в еще большей степени чем личной — обстоятельство, неразрывно связанное с мелочными раздорами, определявшими политику греческих городов,— заставляла избирать для поселений высокие плоскогорья, по возможности окруженные ущельями. Типичными в этом отношении являются такие поселения, как Элефтерна, Полирения, Приниас, Гиртакина, Лато, Дрерос и многие другие (фото 21—25). В эллинские времена и позднее эти места, разумеется, оставались населенными, но с начала V века до н. э. отмечается стремление населения покинуть города-убежища; в римские времена заселяется много мест, которые оставались необитаемыми с минойского периода (фото 26—28).

В. СВИДЕТЕЛЬСТВА ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ

Необходимо сказать несколько слов о тех, кто шел по следам древних географов. Их легко разделить на две группы: до Пашли и после Пашли.

Самым первым из них был флорентинец Буондельмонте, путешествовавший по Криту в 1422 году. Его труд включен в «Creta Sacra» Корнелиуса (1755). Многие из руин, которые он видел, например стены Кисамоса, в настоящее время исчезли.

Интересный писатель Турнфор (Tournefort) в своем «Путешествии на Восток» (Voyage en Levant, Paris, 1717), посвященном путешествию 1700 года, уделяет мало внимания археологии. Далее идет Иоанн Меурсий, который в своем труде «Крит» (Creta, Amsterdam, 1675) собрал все свидетельства классических авторов. Покок во II томе «Описания Востока» (Description of the East, London, 1745) и Креймер в III томе «Описания древней Греции» (Description of Ancient Greece) приводят много неточной информации. «Крит» Карла Гека (*K. Hoek,* Kreta, Göttingen, 1823—1829) даст первое удовлетворительное в научном отношении описание острова. Недостатком этой книги является то, что автор ни разу не побывал на острове лично; однако даже Пашли, наиболее строгий критик Гека, сам охотно пользуется его указаниями.

С февраля по сентябрь 1834 г. член кембриджского Тринити-колледжа Роберт Пашли совершил продолжительное путе-

шествие по острову; в течение этого времени он опознал большинство важных древних населенных пунктов с такой точностью, которой никогда ранее не удавалось достигнуть и которая в дальнейшем была превзойдена лишь в немногих случаях. Результаты его поездки были опубликованы Джоном Мерреем в двух томах «Путешествия по Криту» (*J. Murrey,* Travels in Crete, 1837). К сожалению, они не полны. Глубокое знание языка, а также и древностей, отличавшее Пашли, делают его труд неисчерпаемой сокровищницей. Его знания, остроумие и близкое знакомство с населением Крита придают его книге захватывающий интерес. Составленная им — до превосходного плана Спратта — карта в некоторых деталях не вполне надежна. Но она является значительным шагом вперед по сравнению со всеми более ранними картами.

Капитан (позднее адмирал) Т. А. Б. Спратт в продолжение 1851—1853 гг. произвел по поручению английского адмиралтейства обследование берегов Крита. Полученные им и его помощниками официальные результаты содержатся в IV томе «Лоции Средиземного моря» (последнее издание 1918 г. с ежегодно выпускаемыми с этого времени поправками). В это же время он совершил несколько поездок в глубь острова, результатом которых был не только собранный им богатый материал, относящийся к естественной истории и геологии Крита, но также и критический обзор археологического материала, в котором ему удалось в некоторых случаях дополнить или исправить данные Пашли. В 1865 году он опубликовал два тома «Путешествий и исследований на Крите» (Travels and Recherches in Crete), иллюстрированные его собственными рисунками, с приложением карт, воспроизводящих с некоторыми упрощениями адмиралтейские карты. Важнейший сделанный им вклад в наши знания об острове заключается в доказательстве перемещения земной поверхности, в результате которого западный конец Крита выступил из моря, а восточный погрузился.

Ни в отношении учености, ни в отношении знания языка Спратт не может соперничать с Пашли, но его здравый смысл, искреннее увлечение и добросовестность способствовали созданию чрезвычайно ценной книги.

В 1845 году начал свою работу на Крите Виктор Ролен. Его результаты были впервые опубликованы в десяти статьях, помещенных в 1858—1869 гг. в Actes de la Société Linnéenne de Bordeaux, а затем были объединены с некоторыми дополнениями в двух томах «Физического описания острова Крита» (Description physique de l'isle de Crète, Paris, 1869). Вопросы археологии, за исключением попутных упоминаний и указаний в чрезвычайно полезной библиографии, Роленом не рассматриваются, и автор не проявляет того интереса к жизни на Крите, как Пашли и Спратт, но

его книга останется необходимым и надежным источником по физической географии острова. Даваемая Роленом карта основана на карте Спратта с несколькими незначительными поправками в деталях и с другой системой орфографии.

Работу Ролена продолжил капитан А. Тревор-Батти. Его книга «Экспедиция на Крит» (Camping in Crete, 1913) содержит полезные сведения о растениях, животных и птицах, и ее ценность возрастает благодаря написанной Бейт главе об остатках древних животных, например карликового гиппопотама, обнаруженных в пещерах острова.

В том же году, в котором Спратт начал свою работу на Крите, родился А. Дж. Эванс. Обогатившись уже в молодости знаниями, которых другому человеку хватило бы на всю жизнь, он впервые посетил Крит в 1893 г. в поисках каменных печатей с доисторическими надписями. Его путешествия на Крит продолжались с перерывами до тех пор, пока в 1900 г. изменившиеся политические условия не позволили ему начать то, что оказалось делом его жизни,— раскопки в Кноссе, результатом которых явилось открытие минойской культуры. Перед археологом и историком открылся новый мир. Топографические исследования Эванса, начавшиеся открытием большинства важнейших населенных пунктов восточного и центрального Крита (которое не всегда встречало доверие со стороны тех, кто производил в этих местах раскопки), продолжались до 1924 г., когда, в возрасте 72 лет, он прошел по минойским дорогам с северного берега до южного. Публикации результатов его работ слишком многочисленны, чтобы упоминать их здесь. Они приводятся в библиографическом списке.

Одним из пионеров археологии острова был также итальянец Федериго Альбер. Его многочисленные открытия в центральном и восточном районах Крита публиковались в журналах Antiquary и American Journal of Archaeology. Соотечественники Альбера — Мариани, Савиньони и Тарамелли — также выполнили ценную топографическую работу, опубликованную в Monumenti antichi.

Р. Б. Сигер, производивший раскопки в Мохлосе и Псире, совершил несколько экспедиций, главным образом по западному Криту. Результаты их остались неопубликованными вследствие его безвременной смерти.

Отдельные топографические указания, связанные с основной задачей — дать отчет о раскопках, можно найти в первых номерах Transactions of the University of Pennsylvania в работах Бойд и Холл, а также в седьмом томе принадлежащем Д. Г. Хогарту отчете о Закросе в Annual of the British School at Athens и в публикациях Р. С. Бозанке и Р. М. Доукинса о Пресосе и Палекастро в последующих томах того же журнала.

Последовательно занимавшие должности эфоров на Крите Джозеф Хатцидакис, С. Ксантудидис и С. Маринатос опубликовали результаты многочисленных раскопок, которые им приходилось производить в связи со случайными находками крестьян; достаточно просмотреть публикации Греческого археологического общества и министерства просвещения, чтобы увидеть, какая обширная площадь была ими обследована.

Своронос в своей «Нумизматике древнего Крита» (*Svoronos*, Numismatique de la Crète Ancienne) и Бурсиан во II томе своей «Географии Греции» (*Bursian*, Geographie von Griechenland) делают много полезных указаний, но лично они на острове не бывали.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ДРЕВНЕЙШАЯ КРИТСКАЯ КУЛЬТУРА

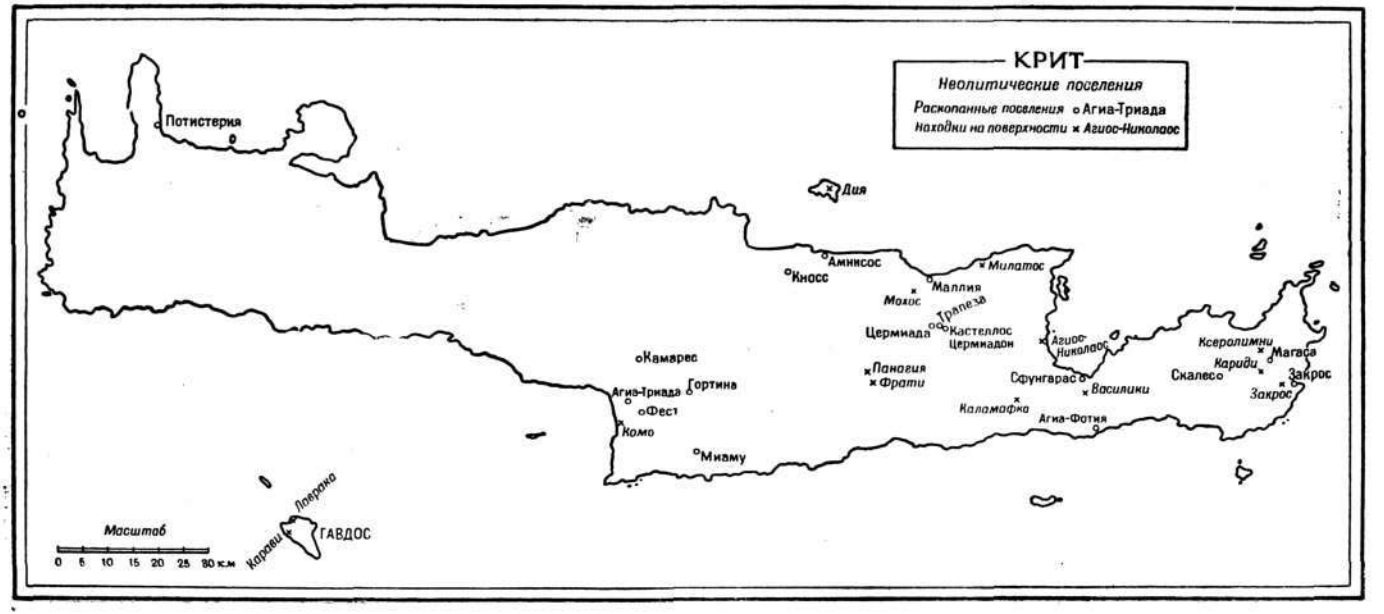
А. НЕОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРИОД

(см. карту 3)

До сих пор еще не установлено полностью распространение неолитических поселений на Крите. Неолитические памятники[1] были обнаружены при раскопках в Потистерии, Камаресе, Кноссе, Фесте, Маллии, Трапезе и других поселениях близ Цермиады, в Ласити, Агиа-Фотии, Магасе близ Палекастро, Скалесе близ Пресоса, Закросе и Сфунгаросе близ Гурнии, а также и в других местах; но несомненно, что исследователей еще ждут дальнейшие открытия. Действительно, отдельные предметы, как, например, каменные долота, были уже найдены в различных местах, главным образом в восточной оконечности острова, но они могут принадлежать и к последующему посленеолитическому халколитическому периоду Р. М. I. Во всяком случае эти поселения отстоят одно от другого достаточно далеко, чтобы можно было заключить, что неолитическое население, хотя и редкое, занимало столь же обширную площадь, как и та, которая оказалась позднее под властью минойцев бронзового века. Повидимому, поселения в Потистерии и Гавдосе надо рассматривать как неудавшиеся попытки заселить западную часть острова. Страна, очевидно, была слишком дикой.

Ввиду малочисленности пунктов, на которых может быть основано наше суждение, было бы рискованно делать

[1] Ссылки на публикации, относящиеся к раскопкам перечисляемых ниже поселений, даны в конце главы.

3. Поселения неолитического периода.

определенные выводы относительно того, каким местам для поселения оказывалось в этот период предпочтение. Следует, однако, отметить, что, за исключением Потистерии, Гавдоса, Амнисоса, Дии, Комо, Маллии и Сфунгароса, все поселения находятся по крайней мере на расстоянии часа ходьбы от моря. Поселения в Ласити, так же как Магаса и Скалес, могут быть определены как поселения, расположенные в глубине острова, а предпочтение, отдаваемое пещерам, о чем свидетельствуют Потистерия, Амнисос, Камарес, Миаму, Трапеза, Сфунгарос, Магаса, Агиа-Фотиа, Закрос и Скалес, доказывает, с какими опасностями была сопряжена жизнь в это время (фото 14).

Только в Кноссе имеются налицо остатки древних периодов неолитической культуры. Почему именно Кносс, расположенный в центре северного побережья Крита, оказался одним из наиболее значительных неолитических поселений в Европе и на Ближнем Востоке, является очень трудно разрешимой проблемой. Хотя ранние связи с Анатолией были здесь прочными, однако, как мы увидим в дальнейшем, указания на прямые торговые сношения с внешним миром относятся только к Египту. Поэтому мы должны либо согласиться с тем, что находимые памятники принадлежат исконному населению Крита,— а это невозможно, ввиду того, что наиболее ранние слои свидетельствуют уже о наличии некоторого прогресса,— либо, что иммиграция этого населения или его отделение от остальной массы сородичей относится к очень раннему времени.

Как мы уже сказали, только в Кноссе было исследовано обширное неолитическое поселение. Действительно, оно простирается даже за пределы изученной в настоящее время площади дворца и спускается в некоторых местах на глубину свыше 7 *м*. Таким образом, когда люди впервые поселились на этом месте, они заселили невысокий бугор, окруженный возвышающимися над ним холмами; насколько нам известно, на этом бугре не было источников, хотя неподалеку протекает речка Кератос. Несмотря на то, что ближайшая часть морского берега обращена прямо к материковой Греции и к островам Эгейского моря, внешние связи соединяли население Кносса с Египтом на дальнем юге и с Азией на востоке.

Неолитические отложения в Кноссе могут быть разделены на нижний, средний и верхний периоды [1]. О том, что поселение было основано уже в эпоху, когда был достигнут довольно высокий уровень культуры, свидетельствует отошедший уже от примитивного типа характер керамики и орудий даже нижних слоев.

---

[1] P. of M., I, стр. 35, J. H. S. 1903, стр. 158.

Керамика нижнего неолита. Нижний неолит занимает в показательном разрезе западного двора первые 2,5 *м*, лежащие непосредственно над материком. Керамика здесь ручной работы, из грубой коричневатой глины, отполированной внутри и снаружи; наиболее обычными формами являются открытые блюда и кубки, хотя встречающиеся ручки и обломки более узких закраин показывают, что в употреблении были

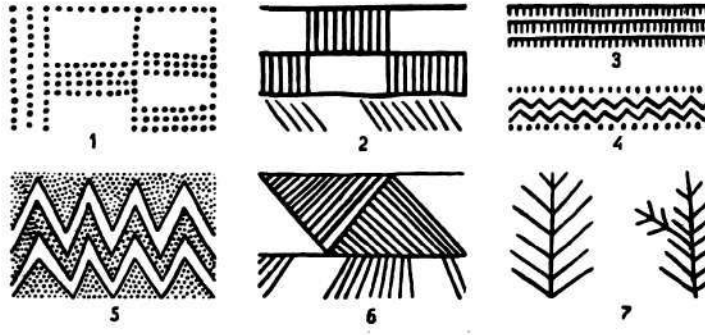

Рис. 1. *1—7* — образцы орнамента неолитической керамики из Кносса.

и другие формы. Ни на одном из этих черепков не найдено каких-либо украшений. Очевидно, изделия с насечками, характерные для следующей фазы, еще не вошли в употребление.

Керамика среднего неолита. Переход к среднему неолиту происходит постепенно. В промежутке между 2,5 и 4 *м* над материком постепенно появляются изделия с насечками, а на 5-м метре — и новая техника; насечки заполняются белым мелоподобным материалом [1]. В то же время поверхность лишенных насечек сосудов иногда имеет бороздки, нанесенные тупым костяным инструментом в направлении от края вниз. Более тонко сделанные сосуды тщательно отполированы. Лучше просеянная глина допускает более совершенную полировку, которая, так же как черноватая поверхность, отличает даже неукрашенные сосуды от сосудов предшествующего периода. В некоторых случаях, как, например, на одном или двух черепках из южных пропилей, поверхность испещрена крапинками, почти такими же, как у более поздних раннеминойских изделий из Василики.

---

[1] В Р. cf M., I, стр. 36, есть также упоминание о заполнении насечек красным материалом. Я могу указать в настоящее время только один пример подобного орнамента, обнаруженный в глубоком фундаменте юго-восточной площади «тюрьмы» (Е. III, 6, 7-й метр в музее Кносса). Во всяком случае он, очевидно, встречался чрезвычайно редко.

Большие открытые кубки и вазы, маленькие кувшины, миниатюрные чашки, ковши и прямоугольные подносы с отделениями, иногда на коротких ножках — вот наиболее распространенные формы. Дугообразная ручка уже была в употреблении, так же как трубчатые ручки, с вогнутыми или прямыми сторонами, и обыкновенные скобочные ручки. Многие из сосудов имели ясно выраженную ладьеобразную форму.

Как уже было сказано, украшение заключалось в полировке, нанесении бороздок и насечек. Основные виды узоров — это штрихованные треугольники и прямоугольники, прямые линии с отходящими от них в сторону короткими линиями, зигзаги, тянущиеся по окружности ниже края, угольники на покрытом точками поле и грубые геометрические фигуры, выполненные точками. На двух черепках [1] можно, пожалуй, обнаружить попытку изобразить древесные ветви.

Статуэтки среднего неолита и т. д. Подобные украшения часто применяются на встречающихся в изобилии глиняных катушках и веретенах [2], а также и на более редких [3] изображениях птиц и животных. Изображения человека встречаются в виде статуэток, плоских глиняных фигурок, напоминающих по форме скрипку, составляющих, повидимому, особенность этого периода [4], и приземистых фигурок, с яркими признаками стеатопигии, в сидячем положении или на корточках; эти фигурки переходят и в верхний неолитический период [5].

Каменные топоры среднего неолита. Каменные топоры (кельты), которые впервые попадаются в переходном периоде между нижним и средним неолитом, остаются без изменений и в верхнем неолите. Встречается два типа кельтов — одни длиннее и толще, другие короче и шире [6]. Каменные булавы обработаны шарообразно или слегка сплющены на обоих концах. В этом периоде просверливание ведется с двух концов, и в некоторых случаях получающийся в результате просверливания канал имеет хорошо выраженную биконическую форму. В данном слое встречаются обсидиановые стержни, свидетельствующие, что упомянутый камень обрабатывался на месте. Место его добычи с достоверностью не известно; вероятно, это Мелос или остров Яли близ Нисироса.

---

[1] P. of M., I, рис. 9.
[2] Там же, рис. 10.
[3] Там же, рис. 11.
[4] P. of M., I, рис. 12, I. Это предшественники кикладского типа.
[5] Несомненно, они восходят в конечном итоге к стеатопигическим фигуркам искусства верхнего палеолита, родиной которых является северная Африка.
[6] P. of M., I, рис. 15*a*.

Погребения среднего неолита. К этому периоду относится небольшое отложение, открытое в Фесте[1]. Вместе с миниатюрными сосудами упомянутого выше типа, слишком миниатюрными для практического употребления, была найдена женская фигурка второго типа, большой кусок магнитного железа и много морских раковин. Такой подбор предметов напоминает более поздние саркофаги с фигурами богинь и морскими раковинами — жертвоприношениями.

Архитектура верхнего неолита. Переходя к периоду верхнего неолита, мы получаем более твердую опору. Два дома в Кноссе, в каждом из которых обнаруживается два периода заселения, скальное укрытие и дом в Магасе дают нам некоторое представление об архитектуре этого периода.

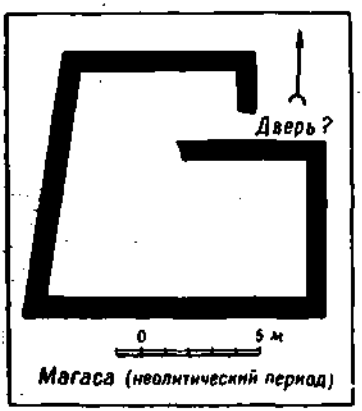

Рис. 2.

Скальное укрытие представляет собой просто нависающий выступ скалы с грубо вырубленной стеной под ним[2]. Дом (рис. 2) принадлежал к двухкомнатному типу; он состоял из помещения при входе и внутреннего жилого помещения. Сохранился только один ряд крупных необработанных известняковых блоков. Дома, находящиеся ниже центрального двора в Кноссе[3], показывают некоторое усовершенствование этой примитивной системы. Здесь мы находим пристройку из группы небольших помещений вокруг главного помещения (рис. 3).

Часто под стенами, разделяющими помещения, имеется глиняный пол. Стены делались из необработанных глыб известняка, уложенных на глину и щебень. Обычное отсутствие отверстий для дверей показывает, что высокий порог применялся столь же часто, как и теперь. Верхняя часть стен, возможно, делалась из высушенных на солнце кирпичей. Отличительной чертой дома является постоянный очаг из глины и мелких камней, который либо находился посередине помещения, либо примыкал к одной из стен. Этот тип очага хорошо известен для Малой Азии и Греции раннего бронзового века. На Крите, однако, за исключением двух

[1] *Mosso*, Mon. Ant., XIX, 159; *Pernier*, Festos, I, 67, табл. XI. Некоторые из черепков имеют упомянутую выше крапленую поверхность.
[2] B. S. A., XI, 261 и сл.
[3] P. of M., II, I, 7 и сл.

случаев в С. М. I*а* домах в Маллии[1], он исчезает до П. М. III *б* периода.

Керамика верхнего неолита. Поздненеолитическая керамика на Крите показывает упадок техники, хотя благодаря применению печей для обжига эта керамика имеет более твердую обожженную красноватую поверхность, иногда

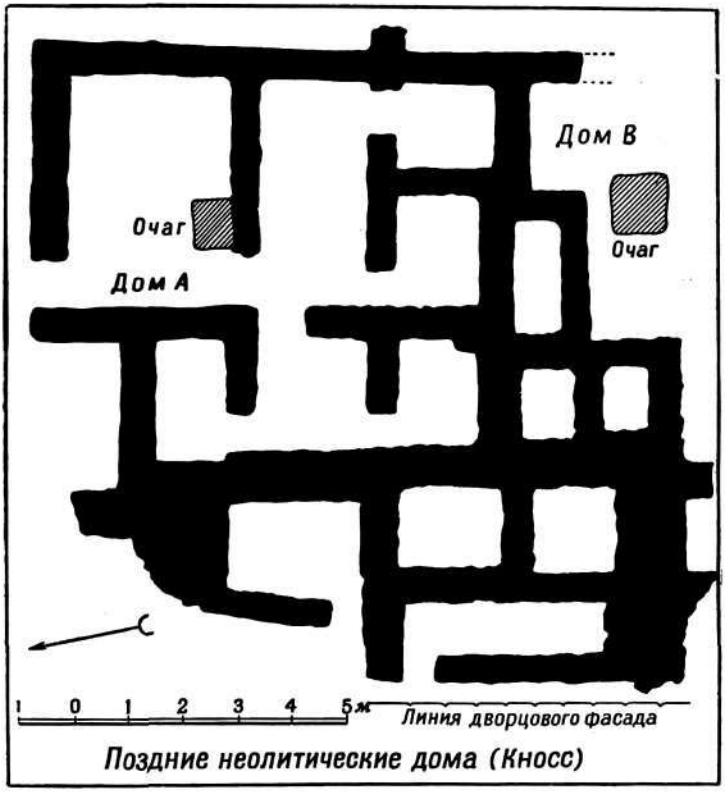

Рис. 3.

покрываемую слоем краски, которая затем полировалась. Насечки и заполнение краской выходят из употребления, и общий вид изделий становится крайне невзрачным. Однако появляются новые виды кубков, столь типичные для слоя Р. М. I[2], а также кувшин с носиком[3] четко выраженной

[1] *Demargne*, BCH, 1932, 76. Демарнь всячески старается доказать, что постоянный очаг был неизменной отличительной чертой до этого более позднего периода.

[2] P. of M., II, I, рис. 3, 4.

[3] Там же, II, I, рис. 3.

ладьеобразной формы, являющийся предшественником длинного ряда минойских форм. Керамика двух слоев в домах в Кноссе совершенно одинакова, если не считать продолжающегося упадка в искусстве полировки, несколько более светлой поверхности и почти полного исчезновения насечки.

Весь этот период, повидимому, был кратким переходным периодом. Отложения на обоих его уровнях составляют только полметра глубины, и хотя в данном случае это может быть объяснено исчезновением части слоя, отложившегося при образовании центрального двора, однако показательный разрез на лучше сохранившейся площади ниже южных пропилей подтверждает, что отложения имели незначительную глубину.

Каменные орудия не обнаруживают упадка техники, кельты так же хорошо отделаны и разнообразны, как и ранее, обсидиан тщательно обработан. Но уже начинает входить в употребление или во всяком случае ввозиться медь: в нижнем слое одного из домов был найден медный топор в таких условиях, которые исключают возможность отнести его к более позднему времени [1].

Здесь надо упомянуть об интересной местной разновидности поздненеолитической керамики, хотя до сих пор она была подвергнута только предварительному изучению. В пещере Трапезы, в области Ласити, был обнаружен единственный нетронутый слой, в котором среди черепков обычного неолитического типа оказались образцы особого стиля. Эти изделия имеют темную крапчатую поверхность — черные пятна на красном фоне. Черепки относятся главным образом к остаткам кухонной утвари, в некоторых случаях двухъярусного типа. Но наиболее важная отличительная черта их заключается в масках, моделированных по краю и возникших, повидимому, как стилизация трубчатых ручек, при которой сама ручка превратилась в нос, а углубление, находящееся за ней,— в глаза, после чего был добавлен и рот. Помимо этого, украшения состоят из вертикально наложенных полос глины, грубо моделированных через определенные промежутки, так что получается своего рода «коса», которая в дальнейшем также подверглась стилизации в виде хорошо известного веревочного узора.

Внешние сношения в эпоху неолита. Внешние сношения в этот период велись в основном, повидимому, с Малой Азией, хотя обломки египетских каменных сосудов, обычно слишком мелкие для точного определения [2], почти ладье-

[1] P. of M., II, I, рис. 3.

[2] Ср., однако, P. of M., II, I, рис. 6 — небольшой известняковый сосуд, выдолбленный трубчатым сверлом. Форма, характерная для раннединастического периода, воспроизведена у Петри (*Petrie*, Royal Tombs at

образный наконечник булавы [1] и металлические формы кубков, упоминавшихся выше, которые можно сравнить с миниатюрными медными сосудами, найденными в гробнице Хасехемуи [2], свидетельствуют о уже начавшихся сношениях с Египтом. Однако статуэтки имеют черты ясно выраженного сходства с Малой Азией [3]; об этом же говорит существование постоянных очагов. О керамике это сказать труднее, но наблюдается поразительное сходство с ранней анатолийской керамикой [4], а наиболее ранние образцы керамики в Мегиддо не отличимы от изделий среднего и верхнего неолитических слоев в Кноссе, за тем исключением, что на них отсутствует насечка; в Библосе некоторые изделия имеют также и эту особенность, а равно и заполнение белой краской. Однако Франкфорт [5] склонен связывать их отчетливо ладьеобразные формы, как и орнамент, с формами и орнаментом придунайских изделий.

Все это в сочетании с непрерывностью культурной традиции вплоть до следующего периода, когда анатолийское влияние становится более отчетливым, заставляет предположить очень раннее переселение из юго-западной Анатолии. К сожалению, в могильниках, раскопанных в Ласити в 1937 г., сохранилось лишь очень немного человеческих костей [6]. Поэтому антропология здесь не может оказать нам помощи.

Хронология неолита. Что касается датировки этого периода, то точность здесь невозможна. Есть основания отнести начало Р. М. I приблизительно ко времени II династии в Египте, а в верхненеолитических слоях Кносса были найдены

Abydos, II, табл. LI, 190). Встречается много обломков и из разноцветного камня, которые, однако, постепенно исчезают уже в додинастический период. Профессор Уэс поделился со мной своим предположением, что так как в первом раннекикладском периоде каменные сосуды встречаются в сопровождении каменных топоров и каменных сосудов, то и среди этих критских сосудов некоторые могут быть местного производства. Однако камень этих изделий египетский, и мы не можем с уверенностью установить минойское происхождение какого-либо каменного сосуда до Р. М. II.

[1] P. of M., II, I, рис. 3-*к*.

[2] *Petrie*, Royal Tombs, II, табл. IX A.

[3] P. of M., I, 49 и сл., рис. 13.

[4] Liv. Annals, X, 32 и сл.

[5] Studies, II, 55. Описанные выше маски на керамике из Трапезы, найденные уже после появления труда Франкфорта, обнаруживают слишком очевидные признаки местного происхождения, чтобы их можно было поставить в связь с троянскими антропоморфными сосудами более позднего времени.

[6] О том, что пещера в Трапезе служила в эпоху неолита жилищем и не использовалась для погребений ранее Р. М. I, ясно свидетельствует отсутствие человеческих костей в единственном чистом слое и преобладание кухонной утвари. Для погребений использовались, вполне естественно, небольшие скальные укрытия.

обломки, принадлежащие, повидимому, поздним додинастическим сосудам. Но мы должны помнить не только то, что каменные сосуды очень опасно использовать как основание для датировки, так как они могут сохраняться в употреблении в течение столетий после того, как они были сделаны [1], но также и то, что вместе с ними были найдены обломок маленького сосуда для косметики раннединастического времени и наконечник булавы, также додинастический, и что египетские аналогии минойских кубков доходят до времени II династии.

Поэтому опасно относиться с доверием к какой-либо дате для конца неолитического периода [2], ранее 3000 года до н. э.

У нас нет надежных данных для определения продолжительности каменного века. Артур Эванс скептически относится к ценности вычислений времени, потребного для образования отложений [3]. Он принимал для промежутка времени, соответствующего Р. М. и С. М. слоям, продолжительность в 1800 лет — с 3400 года до н. э. до 1600 года до н. э. Эти слои ниже западного двора имеют глубину в 2,82 *м*; следовательно, для образования восьмиметрового слоя неолитических отложений потребовался период свыше 5100 лет. Эту цифру Эванс уменьшил на 10%, учитывая возможность применения мазаных сооружений, что должно было содействовать более быстрому росту отложений, и отнес предположительно дату первого поселения ко времени около 8000 года до н. э. Однако, как мы видим, конец этого периода не может быть с достоверностью отнесен ранее чем к 3000 году до н. э., а глубину слоя можно определить в 6,5 *м*, что передвигает предложенную Эвансом дату до 6700 года до н. э. К тому же, неолитическое население, если оно походило на своих нынешних потомков, не отличалось любовью к чистоте. Подъем уровня почвы, обусловленный отложением грязи, накапливающейся постепенно в жилище крестьянина, часто достигает 1 *см* в год [4], и хотя вычисления, как говорит Артур Эванс, могут иметь лишь относительную ценность, представляется чрезвычайно сомнительным, чтобы мы могли отнести прибытие первых неолитических поселенцев к более раннему времени, чем за несколько столетий до 4000 года до н. э.

---

[1] Додинастические сосуды были найдены в Микенах в гробнице П. Э. II и в Азине в гробнице П. Э. III эпохи. Сосуд, относящийся к середине додинастического периода, был обнаружен в употреблении в одном доме в Телль-эль-Амарне.

[2] В этой книге мы пользуемся общепринятыми датами для ранних династий.

[3] P. of M., I, 34.

[4] Мы уже видели, как мало различия между культурными следами, сохранившимися в отложениях верхнего и нижнего слоев, в поздненеолитических домах в Кноссе, а между тем они находятся на расстоянии 25 *см* один от другого.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Фотиа	Скальное укрытие	Один сосуд. Nawes, Gournia, 56. Поселение находится в 35 минутах к западу от деревни близ поселка Фермы и в $2^1/_2$ часах — к востоку от Иерапетры
Агиа-Триада	Неопубликовано	Черепки. Неопубликовано.
Амнисос	Пещера Илитии	Черепки (*Marinatos*, Πρακτικά, 1929, 95). Поселение находится на холме над берегом, к западу от деревни Картерос
Гортина	Отложения	Черепки из акрополя и из Волакес (поблизости). (*Pace*, Annuario, I, 372)
Камарес	Пещера	Два черепка из находок автора (*Dawkins*, B. S. A., XIX, 12). Поселение расположено приблизительно в 2 часах пути выше деревни Камарес на Маврокорфи
Кастеллос Цернталон	Скальные укрытия	Погребения, раскопанные автором в 1937 г. Остатки строений и домашней утвари (*Evans*, P. of M., I, 32; II, 1). Керамика (*Mackenzie*, J. H. S., 1903, 158). Слой отложений простирается по всей площади дворца. Раскопаны дома ниже центрального двора
Кносс	Дома	
Магаса	Скальное укрытие и дом	Остатки строений и домашней утвари (*Dawkins*, B. S. A., XI, 260). Поселение расположено в $1^1/_2$ часах пути к юго-западу от Палекастро
Малия	Слой отложений	Черепки (*Chapoutier-Charbonneau*, Mallia, I, 18—20, 47). Слой ниже. У квартала дворца (B. C. H., 1928, 363)
Миаму	Пещера	Сосуды, черепки и т. п. самого нижнего слоя, с очагами (*Taramelli*, Mon. Ant., IX, 303; A. J. A., 1897/287). Пещера расположена немного ниже одного из домов в деревне
Фест	Поселение	Дом, черепки и пр., ниже западной части дворца (*Pernier*, Mon. Ant., XII, 22; *Mosso*, Mon. Ant., XIX, 159; *Pernier*, Festos, 67)
Потистерия	Пещера Элленоспило	Сосуды и черепки в 100 *м* от входа (*Marinatos*, Mitt. über die Höhlen und Karstforschung, 1928, рис. 3). Пещера находится в получасе плавания к северу от монастыря Гонна на восточной стороне Диктинского мыса
Скалес	Пещера	Черепки (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 235). Пещера расположена на северной стороне плато в Пресосе
Сфунгарос	Скальное укрытие	Черепки (*Hawes*, Sphoungaras, 46, Gournia, 56). Отложение из пещеры, расположенной между Гурнией и морем

Трапеза	Пещера	Сосуды и черепки. Раскопки произведены автором в 1936 г. Пещера расположена в 10 минутах пути выше Цермиады (A. J. A., XL, 371; Arch. Anzeiger, 1936, 162); поселения поблизости были раскопаны в 1937 г.
Цермиада	Пещерное погребение	В Скафидии, раскопано автором в 1937 г.
Закрос	Пещера	Два черепка (*Hogarth*, B. S. A., VII, 142). Пещера находится в ущелье выше Като-Закроса

б) Находки на поверхности

(Примечание: топоры могут принадлежать следующему периоду — Р. М. I)

Агиос-Николаос	Каменный топор в музее в Кандии
Дия	Черепок с обнесенного стеной поля к северо-востоку от бухты Агиа-Пелагиа. Найден автором в 1935 г.
Гавдос	Черепки и обсидиан из бухты Карави и Лаврака (*Levi*, Art and Archeology, 1927, 176 и сл.)
Каламафка	Каменный топор в музее Кандии
Кариди	Каменный топор в музее Кандии
Комо	Черепки, найденные Р. В. Хетчинсоном в 1937 г.
Милатос	Медные топоры в музее Кандии из местечек Дракона и Кундуро (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, παρ. 10)
Мохос	Сосуд, находящийся во владении крестьян; из Эдикты или Анемоскии, возвышенности в получасе ходьбы к востоку от деревни, или из Мури, на озере ниже деревни
Панайа	Каменный топор из Кофины (*Levi*, Annuario, X—XII, 26)
Фрати	Каменный топор из Профитис Элиас (там же, 40)
Василики	Сосуд в музее Кандии и найденный автором черепок из Кефалы
Ксеролимни	Каменный топор в музее Кандии — может быть, из расположенной неподалеку Магасы, см. выше
Закрос	Каменный топор из Скурокефало близ новой церкви в Апано-Закросе. Куплен Р. В. Хетчинсоном в 1936 г. для музея Кандии

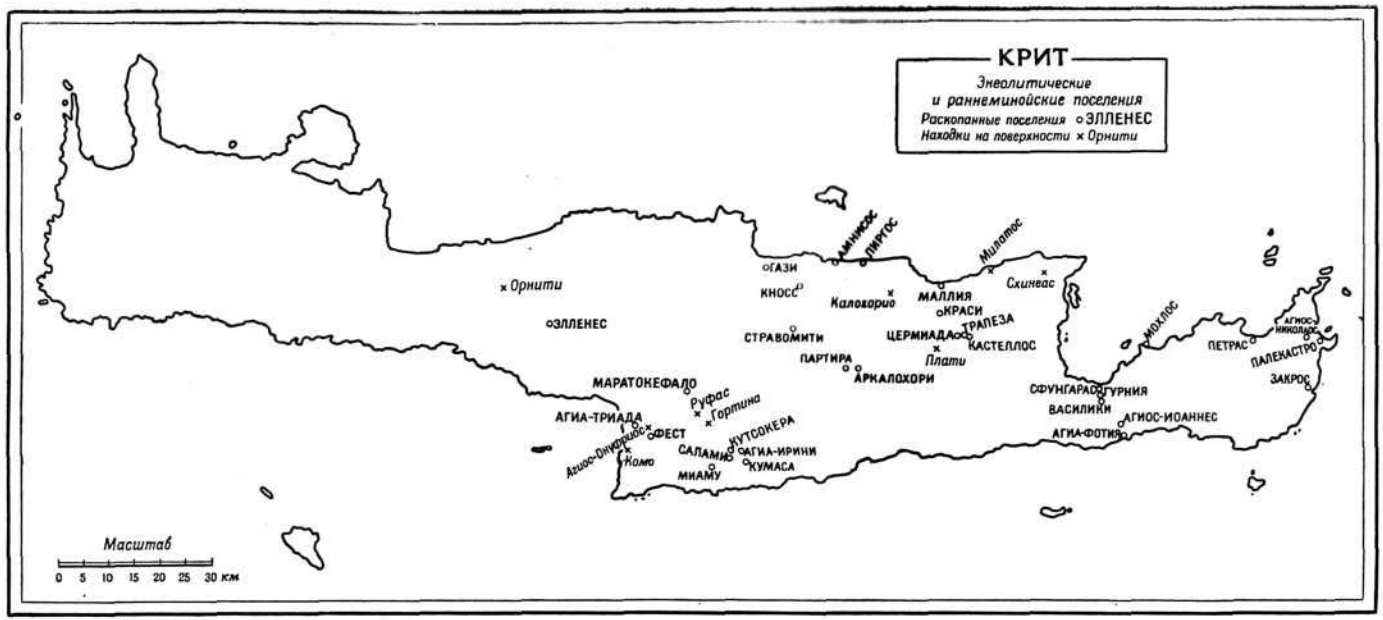
Б. РАННЕМИНОЙСКИЙ ПЕРИОД

1. Раннеминойский I (Р. М. I)

(см. карту 4)

Первый раннеминойский период представляет собой естественный переход от неолита к явно выраженному медному веку второго раннеминойского периода. Его начальные стадии было бы, пожалуй, правильнее называть ранним неолитом; эта последняя стадия была в центре острова, повидимому, весьма продолжительна.

Центр культурного развития переместился на восток, и центральный район острова в течение долгих лет находился в стороне от него.

4. Поселения раннеминойского I периода.

На востоке были раскопаны, по крайней мере частично, десять поселений; кроме того, еще в двух найдены отдельные памятники. Восемь раскопанных поселений находятся на юге, а остальные четыре еще ждут своих исследователей. В центре острова имеется 12 раскопанных поселений; отдельные находки сделаны еще в четырех. Одно раскопанное и одно нераскопанное поселение лежат к западу от Иды. В отличие от эпохи неолита, места для поселений избирались в это время, повидимому, в зависимости от их доступности со стороны моря. Исключение представляют только священные или используемые для погребений пещеры, как, например, в Аркалохори и Стравомити, или же места, где многочисленное население распространилось вдоль удобного пути, как это было, например, в Мессаре и в Ласити.

Архитектура Р. М. I. Об архитектуре этого периода мы фактически ничего не знаем. В Кноссе дома были снесены, чтобы освободить место для центрального двора первого дворца. Среди наиболее ранних отложений в Василики не уцелело ни одной стены. Скудость Р. М. I отложений в Мессаре не позволяет нам отнести к этому времени сооружение круглых погребений. Только в Мохлосе были найдены следы прямоугольных каменных домов, которые, повидимому, могут быть связаны с незначительными Р. М. I отложениями в этом городе.

Погребения Р. М. I. Однако это возмещается большим количеством найденных погребений. Они встречаются в скальных укрытиях и пещерах в Миаму, Трапезе, Закросе, Сфунгаросе, Агиа-Фотии и Агиос-Николаосе близ Палекастро. В последнем из перечисленных пунктов оказалось возможным произвести исследование человеческих останков, в результате чего было установлено, что все черепа принадлежат к ясно выраженному долихоцефальному типу, который отличался длинным узким лицом; средний рост мужчины равнялся 5 футам 2 дюймам, а женщины — 4 футам 11 дюймам[1].

Керамика Р. М. I. Керамика изготовлялась еще от руки. В изломе она имеет красноватый оттенок, что может быть объяснено более тщательной обработкой или применением гончарной печи. Ее основное отличие от керамики предшествующего периода заключается в том, что исчезает лощение всей поверхности сосуда; вместо этого иногда наблюдается блестящая черная полоса[2]. Вновь появляется насечка, но заполнение орнамента белой краской не обнаружено нигде.

Сосуды из различных областей имеют существенные различия.

---

[1] B. S. A., IX, 347.
[2] J. H. S., 1903, 165.

1. Центральный Крит. В этой части острова лишь очень медленно отмирает старая неолитическая традиция. Действительно, ясно выраженный Р.М.I период, который может быть противопоставлен протонеолиту, скорее всего был весьма непродолжительным. Наиболее обычными протонеолитическими формами керамики в Кноссе были, повидимому,

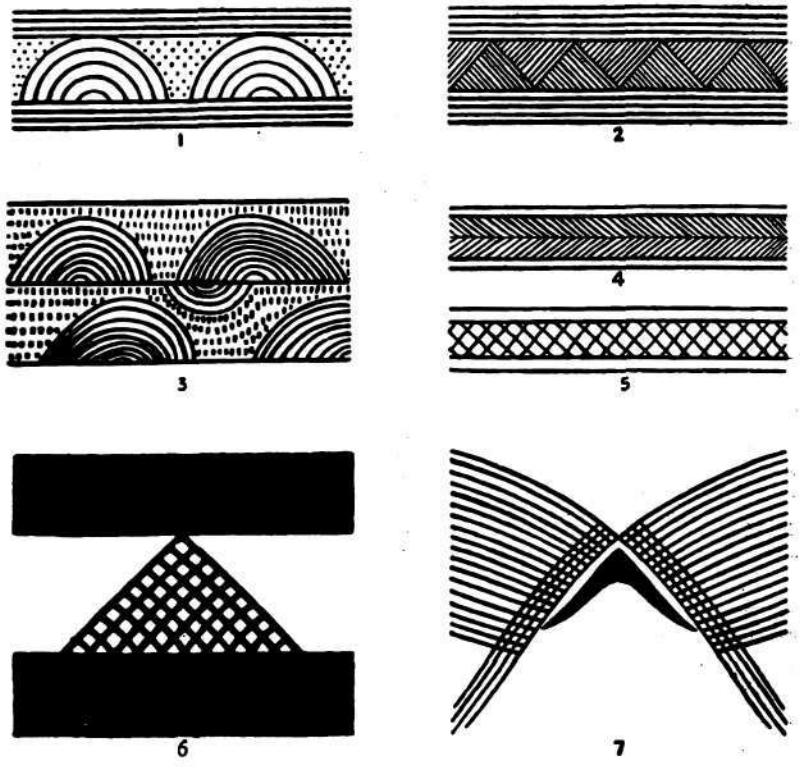

Рис. 4. *1—7* — образцы орнамента Р. М. I керамики.

открытые чаши, ковши, кубки без ручек — полусферической формы или с плоским основанием — и кубки на ножках. Несколько позднее появляется небольшое количество черепков, обнаруживающих описанную ниже технику полировки, и вместе с ними несколько черепков с полосами, сделанными белой меловой или — реже — красной краской. Возможно, это было возобновлением неолитической традиции. Еще реже встречается техника раскраски темным по светлому; может быть, такие сосуды ввозились с востока [1].

[1] Расцветка ближе к блестящей красновато-коричневой расцветке восточных изделий, чем к матово-красной южных. Эванс (P. of M., 1, 63) ци-

Богаче материал в Пиргосе и Аркалохори. К сожалению, ни в том, ни в другом отложении невозможно определить последовательность слоев, и оба они содержат только позднюю керамику. Поэтому в основу датировки могут быть положены лишь стилистические признаки. Мы видим здесь дальнейшее развитие протонеолитических форм Кносса в высоких серых сосудах с лощеным орнаментом, изображающим что-то вроде древесных волокон (фото 29, *c*) [1]. Один из этих сосудов имеет волнистый край, восходящий, возможно, к металлическим прототипам или, что более вероятно,— неровным краям критских сосудов из выдолбленной тыквы. Эта форма и техника характерны для центра острова, хотя украшения посредством полировки встречались и на предметах, найденных в Элленес близ Амари, к западу от Иды [2]. Появляются подвесные сосуды с высоким горлышком, имитирующие форму тыквы и снабженные вертикально расположенными ручками, в отличие от горизонтально расположенных ручек, свойственных неолитическому периоду. Эти сосуды также имеют серую поверхность и часто бывают украшены нарезными узорами (фото 29, *a* и *b*).

В этой части острова насечка, хотя и более тщательно выполненная и покрывающая бо́льшую часть сосуда, чем в эпоху неолита, примитивна и состоит в основном из тонких шевронов, разделенных вертикальными линиями, или из грубых бесформенных точек с угловатыми очертаниями. Часто сосуд имеет такой вид, как будто он был исчерчен ребенком — так причудливы и неправильны его украшения.

Кувшин из Пиргоса (фото 30, *a*) выполнен весь техникой раскраски темным по светлому. Повидимому, он ближе к окрашенному кувшину с юга, описываемому ниже, чем к восточному. Однако в формах кувшинов с длинными носиками и в довольно тщательно разработанных разнообразных вариантах этой формы обнаруживается некоторая связь с востоком.

Расцветка их по тону также больше соответствует обычной для восточного Крита расцветке, хотя плохая сохранность многих из сосудов могла вызвать потемнение яркокрасной окраски, характерной для юга.

2. Ю ж н ы й К р и т. Единственным местом в этой части острова, дающим нам несомненные образцы ранненеолити-

---

тирует Мекензи, считающего, что это первое появление настоящей техники глазури в Эгейском бассейне.

[1] P. of M., I, 69, где форма в конечном счете восходит к деревянной чаше с ручками из прутьев. Хатцидакис (B. S. A., XIX, 39) полагает, что украшения здесь представляют собой неправильную спираль. Франкфорт (Studies, II, 88) видит в них грубый геометрический орнамент, но для этого он, пожалуй, слишком неправилен.

[2] J. H. S., 1932, 255.

ческой керамики, является грот Миаму [1]. Наиболее интересные формы — это ладьеобразная чаша с двумя ручками и кувшин с четырехугольным носиком, состоящий из двух частей; появление подвесного горшка с насечкой уже знаменует переход к ясно выраженному периоду Р. М. I.

Материалом изделий Р. М. I остается еще в основном серая глина, однако наблюдается заметное развитие в формах керамики по сравнению с керамикой, находимой на севере и в центре острова. Обычны подвесные горшки, но с коротким горлышком, а не с длинным бутылочным, распространенным на севере. Некоторые из них имеют высокую ножку, а в одном случае (Кумаса) сосуды соединены вместе, образуя своего рода кернос [2]. Один сосуд, происходящий из Агиос-Онуфриоса, имеет маленькую крышку [3].

Горшки с лощеным орнаментом из Центрального Крита, по всей вероятности, имеют импортное происхождение [4]. Нарезные украшения сводятся к точкам, покрывающим весь корпус сосуда, диагональным линиям, образующим полосы вокруг корпуса, и иногда к грубо начерченным концентрическим полукругам, опирающимся на опоясывающую сосуд линию, причем промежутки между ними заполнены точками (фото 29, *h* — *j*).

Украшение раскраской лучше всего видно на известном кувшине из Агиос-Онуфриоса [5] (фото 30, *b*). Стратиграфия отложений здесь прослежена быть не может, но этот сосуд легко датировать на основании его круглого донышка — характерного признака, позволяющего отличить кувшины Р. М. I от Р. М. II. Матовая окраска яркокрасного цвета нанесена по корпусу тонкими вертикальными и диагональными полосами. Полосы сужаются к концу, что придает сосуду довольно неряшливый вид. Это характерно также для черепков из Феста, где концы линий имеют вид как бы пучков травы [6]. Повидимому, прилагалось мало стараний к тому, чтобы создать определенный узор; наблюдающееся расположение перекрещивающихся линий кажется совершенно случайным. Такое же впечатление произвольности, как и относящийся к этому времени орнамент в виде насечки на изделиях из Центрального Крита, создает и раскраска изделий с юга.

3. Восточный Крит. В этой части острова мы также почти сразу попадаем в Р. М. I период. Единственные образцы керамики, которые с несомненностью могут быть названы

---

[1] A. J. A., I, 287.

[2] V. T. M., табл. XXV, 4194; Эванс (P. of M., I, рис. 43, *c*) относит этот сосуд к Р. М. II—III: по технике обработки он неотличим от остальных.

[3] P. of M., I, рис. 23.

[4] Kutsokera, V. T. M., 75.

[5] P. of M., I, рис. 25.

[6] *Pernier*, Festos, I, 115 и сл., табл. XII.

ранненеолитическими,— это те, которые найдены в Агиос-Николаосе близ Палекастро, в скальном укрытии, содержащем много погребений [1]. Наиболее типичной формой был подвесной горшок, состоящий из двух частей, к которому могла прикрепляться высокая крышка с выступом (фото 29, *f*). Эта форма напоминает предметы протонеолитического отложения Миаму.

Однако под гробницей V в Мохлосе встретилось еще одно отложение, которое должно быть отнесено к самому началу собственно Р. М. I периода, если не к подлинному протонеолиту [2]. Грубые глиняные ковши переходят в этот период из неолита. Встречаются полусферические чаши и круглая подставка. Орнамент отсутствует. Сосуды изготовлены из грубой красной глины; иногда они покрыты красной краской, а иногда обработаны до нужной формы при помощи инструмента, который оставлял естественную поверхность, образуя на ней неправильные углубления. Эта особенность встречается также на нескольких черепках из бухты Мирабелло, ныне находящихся в Британском музее [3]. Особый интерес, который представляет настоящая группа памятников, обусловлен наличием предметов, которые, повидимому, являются примитивной глиняной формой «посвятительных рогов», играющих столь видную роль в позднеминойском культе. Да и вся эта группа состоит, вероятно, из жертвенных предметов.

В других поселениях, однако, никаких следов протонеолита не обнаруживается. В Гурнии, Василики, Закросе, Палекастро, Маллии и Краси сразу открывается в полном расцвете Р. М. I период. Встречаются кувшины с круглым донышком, часто раскрашенные (фото 30, *e*). Орнамент выполнен более тщательно, чем в центре острова или на юге его; слегка блестящая красновато-коричневая краска наложена в виде узора из «двойных секир» или «бабочек» [4]. Встречаются старательно насеченные треугольники, украшающие подвесные горшки с поддонником, орнаментируемые также цветными полосами вокруг горлышка и ножки (фото 30, *c* и *d*). Эти подвесные горшки, как и горшки, находимые на юге острова, имеют тщательно выделанное короткое горлышко. Часто они бывают орнаментированы нарезными узорами, которые показывают, что делавшие их мастера обладали лучшим глазомером, чем мастера центра и юга Крита (фото 29, *d*, *e* и *g*).

---

[1] B. S. A., IX, 340.
[2] Mochlos, 92.
[3] Каталог Британского музея, 410. С другой стороны, мы встречаем в Аркалохори подражание южным разноцветным узорам по лощеной поверхности. B. S. A., XIX, рис. 6, *b*.
[4] Например, Gournia, табл. A, 3.

Появляются правильные концентрические полукруги с фоном, заполненным точками. Вокруг корпуса сосуда проходят ровные полосы в виде рыбьих костей, угольников или перекрещивающейся штриховки [1].

Создается впечатление, что мастера, делавшие подобные сосуды, следовали в своей работе старой традиции, в которой они были обучены. Источник этих новых влияний мы должны искать за пределами острова. Поскольку в этом районе неолитические изделия редки и притом не имеют орнамента, трудно предположить, что техника заимствована из центра или с юга острова, где техника столь резко отличается от техники восточных районов и где развитие во всех отношениях опередило указанные области Крита.

Орудия Р. М. I. В одном из сосудов среди посвятительных приношений в Мохлосе был обнаружен обломок меди. Этим, однако, доказывается только факт знакомства с металлом, поскольку, как мы уже видели, в чистом слое в одном из верхненеолитических домов в Кноссе был найден полностью сохранившийся медный топор явно иноземного происхождения. Правда, формы некоторых кинжалов, относящихся к началу следующего периода, указывают на происхождение от более примитивных ранних форм, но у нас нет доказательств, что эти более ранние формы существовали на Крите.

Медные орудия и оружие еще встретятся в Р. М. I слое. До этого периода как орудия, так и предметы вооружения следуют формам, характерным для каменных и обсидиановых прототипов, которые представлены в таком большом количестве в протонеолитических слоях в Кноссе и которые нисколько не отличаются от форм, остающихся в употреблении на протяжении позднего неолитического периода [2].

Статуэтки Р. М. I. Человеческие статуэтки мало отличаются от статуэток неолитического периода. Однако камень становится более обычным материалом [3]. Одна разновидность этих статуэток относится к более определенному типу с ярко выраженными чертами стеатопигии, описанному выше, тогда

---

[1] Явное подражание этому типу орнамента было найдено в Кноссе на глубине 1 *м* в показательном разрезе на восточной стороне северо-восточного зала (К. II, 5 в музее Кносса). Орнамент представляет собой полосы из концентрических полукругов, опирающихся на центральную линию и отходящих от нее. Они расположены таким образом, что перекрывают друг друга и создают впечатление грубой спирали. Низкий уровень техники не позволяет предположить, что предметы эти ввозились.

[2] Как было сказано выше (стр. 47), все каменные долота из этих отложений могут относиться к Р. М. I периоду.

[3] P. of M., I, 64.

как другая приближается к стилизованным кикладским фигуркам. Как отметил Эванс, заметно стремление к более точной передаче черт лица; в одном случае, относящемся к Центральному Криту, лицо изображено с большой тщательностью [1]. Заслуживает внимания, что все предметы, которые могут быть отнесены к Р. М. I периоду, за исключением одного, найденного, по имеющимся сведениям, в Гортине [2], происходят из центра Крита.

Печати Р. М. I. Что касается каменных печатей, то, к сожалению, в их датировке мы должны полагаться только на стилистические признаки. Печати, относимые к этому периоду, больших размеров, имеют коническую или трехгранную форму и сделаны из жировика. Их орнамент очень примитивен и состоит из грубо начерченных пиктограмм, среди которых преобладают искаженные очертания человеческой фигуры [3]. На одном образце мы, повидимому, встречаемся даже с чем-то вроде прото-Минотавра [4].

Внешние сношения в Р. М. I. Внешние сношения осуществлялись и непосредственно, и косвенным путем. Среди прямых влияний наиболее важная роль принадлежит Анатолии. На это указывает находка кувшина с длинным носиком; еще более убедителен тот факт, что не только в Анатолии, но также и на Р. М. I Крите, да и во всем Эгейском бассейне, ручка протыкается сквозь стенку сосуда и выступает на ее внутренней поверхности [5]. Подобное же происхождение имеет, вероятно, и подвесной горшок с низкой шейкой [6].

Наиболее значительные поселения чистого Р. М. I типа, который может быть противопоставлен протонеолитическому, находятся, как мы видели, в восточной части острова, где, в отличие от неолитических поселений, места для жительства обычно выбираются в зависимости от наличия гаваней или во всяком случае от их доступности с моря. Мы видели, что восточная часть острова почти без всякого перерыва вступает в Р. М. I период; трудно найти объяснение этому обстоятельству, если не допустить переселение из юго-западной части Малой Азии.

Как мы видели, в центре Крита еще довольно долгое время продолжал существовать энеолит, тогда как на востоке развитие достигло чистого Р. М. I. Поэтому неудивительно, что в то самое время, как с востока начинают проникать

---

[1] P. of M., I, рис. 13, 20.
[2] Там же, I, рис. 13, 8.
[3] Там же, I, 68.
[4] Scripta Minoa, I, 118.
[5] Ссылки см. у Франкфорта (Studies, II, 86).
[6] Studies, II, 87.

анатолийские влияния, центр Крита обнаруживает связи с той же культурой, воспринимая, однако, ее воздействие из вторых рук, через Киклады, к которым обращена эта часть острова. Подвесные горшки с бутылочными горлышками, найденные в Пиргосе и Кноссе, имеют большое сходство, даже в орнаменте насечкой, с бутылками с Антипароса и из других мест [1]. Может быть, на Кикладах надо искать место происхождения также и для имеющего круговую насечку сосуда из серой глины, найденного в Патеме близ Палекастро [2]. Кикладское влияние, однако, проявляется в этом периоде слабо. Ярко выраженным оно становится не ранее Р. М. III [3].

Так как для установления реальной датировки мы можем опираться только на египетский материал, то чрезвычайно важно, чтобы он был тщательно обследован. Естественно, что материал, который может быть признан египетским, найден на юге и в центре острова. Как мы видели, в эту эпоху неолита Кносс имел связь с Египтом, а на юге уже в Р. М. I периоде существовал портовый город Комо, через который позднее, несомненно, шла торговля [4]. Поэтому приходится крайне сожалеть о том, что ни в одном из раскопанных до сих пор Р. М. I слоев не было найдено каких-либо допускающих датировку египетских предметов. В южных пропилеях на границе неолитического и протонеолитического глиняного отложения был найден сосуд из сиенита обычного для первых двух династий типа [5]. Но он не принадлежал к этому отложению [6]. В таких же условиях были найдены и другие каменные сосуды, оказавшиеся в нестратиграфированных отложениях в северной и северо-западной части дворца. Можно предположить, что они попали из Р. М. слоев, удаленных при постройке центрального двора в С. М. I периоде, но к какому Р. М. периоду они принадлежат, сказать невозможно. Они содержат обломки двух чаш из роговой обманки типа сере-

---

[1] Ср. каталог Британского музея, 309.

[2] B. S. A., Приложение, рис. 2.

[3] Эберг (Åberg, Bronzezeitliche und Früheisenzeitliche Chronologie, S. 242) склонен считать Пиргос и Краси фактически кикладскими колониями; однако представляется более вероятным, что здесь перед нами пример ответвлений, восходящих к общему для Крита и Киклад корню, которые развивались аналогичными путями. Элленес, где встречается подобная керамика, лежит к западу от Иды, а близ Аркалохори, где были найдены «пиргосские изделия», находится Партира с ее снабженными высокими крышками подвесными горшками, сходными с найденными в Агиос-Николаосе.

[4] P. of M., II, 83.

[5] Там же, I, 65; B. S. A., IX, 98; ср. *Petrie*, Meydum and Memphis, III, табл. XIX, 7. Несомненно, он не относится к доднастическому периоду.

[6] P. of M., II, 30, 31.

дины додинастического периода и одной — типа, характерного для I или II династии [1]. Точно так же вне слоев была найдена половина диоритового наконечника булавы, датируемого концом додинастической эпохи [2]. Эти предметы не могут служить основанием для датировки. Сосуды из прочного камня могут находиться в употреблении в течение сотен лет после их изготовления, как показывают додинастические сосуды, встречающиеся в поздних погребениях в Микенах и Асини, в бытовых отложениях дома VIII династии в Телль-эль-Амарне, и сосуды, употребляющиеся в настоящее время в соборе св. Марка в Венеции [3].

Между тем, хотя в Р. М. II периоде техника изготовления каменных сосудов была на Крите весьма высокой и поэтому мало вероятно, чтобы жители Крита столь тщательно сохраняли предметы иностранного ввоза, до сих пор не было найдено Р. М. I каменных сосудов, и во многих из упомянутых выше случаев эти сосуды должны были быть ввезены в эпоху неолита. В том случае, если бы их можно было отнести к определенному слою, они могли бы дать нам terminus ad quem, но не более.

При всем том мы должны также считаться с возможностью египетского влияния на искусство Крита. Но здесь мы оказываемся на еще более зыбкой почве как для данного, так и для следующего за ним периода, когда это воздействие, прослеживаемое на печатях из Центрального Крита и на статуэтках из Мессары, оказывается, повидимому, исключительно додинастическим. В Р. М. I периоде каменные печати, повидимому, обнаруживают в изображениях людей и чудовищ влияние одного типа поздних додинастических цилиндрических и призматических печатей. Однако и в Египте они восходят к месопотамским источникам, и возможно, что в этом случае традиция шла непосредственно из Азии, без египетского посредничества [4].

Поэтому мы не можем с уверенностью датировать протонеолитический и Р. М. I периоды. К счастью, как мы видели, конец подлинного неолитического периода частично захватывает время I или II династии [5], и, как мы еще увидим, есть некоторые основания для того, чтобы отнести Р. М. II период ко времени IV—VI династии. Итти далее этого мы не можем.

---

[1] P. of M., I, 65.
[2] *Pendlebury*, Aegyptiaca, 24.
[3] Там же, 3.
[4] P. of M., I, 68.
[5] Возможно, что египетские влияния, которые наблюдались в Мессаре (Франкфорт, Studies, II, 96; P. of M., II, 22 и сл.), занесены беглецами не после завоевания Менесом Саисского царства в северо-западной части Дельты, а после завоеваний Хасехемуи.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПРОТОНЕОЛИТИЧЕСКИЕ И Р. М. I ПАМЯТНИКИ

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Эленес Амарну	Дом	Сосуды (*Marinatos*, J. H. S., 1932, 255). Место раскопок было затем снова засыпано. Оно расположено к северу от деревни
	Пещера	Черепки, повидимому, из погребений (*Marinatos*, Arch. Anz., 1932, 77; 1933, 295). Пещера расположена к северо-востоку от деревни

б) Находки на поверхности

Орнити		Каменные топоры в музее Ретимна из поселения Табиес, к востоку от деревни. Орнити находится на южных отрогах горы Врисинас, к югу от Ретимна

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Амнисос	Пещера	Сосуды и пр. из погребений в пещере Илитии (*Marinatos*, Πρακτικά, 1929, 95; 1930, 91)
Аркалохори	Пещера	Сосуды и пр., вероятно, из погребений (*Hazzidakis*, B. S. A., XIX, 35). Пещера расположена под вершиной холма пророка Илии
Гази	Колодец	Черепки (*Hazzidakis*, Ἀρχ. Δελτ., II, Παρ. 23)
Кастеллос Цермиадон	Поселение	Остатки поселения на вершине. Раскопано автором, 1937
Кносс	Слой отложений	Сосуды и пр. (*A. Evans*, P. of M., I, 56) Остатки поселения имеются на всем протяжении неолитического слоя, в особенности в западном дворе и вокруг южных пропилей.
Краси	Отложения	Сосуды из наиболее ранних отложений около выстроенной гробницы (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., 12, 102). Гробница находится выше деревни к юго-востоку от нее
Маллия	Отложения	Несколько черепков (*Chapoutier*, Mallia, I, 48; B. C. H., 1928, 367)
Партира	Гробница	Сосуды из расщелины в скале (*Marinatos*, B. C. H., 1931, 517)
Пиргос	Пещера	Сосуды из погребений (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., 1918, 136). Пещера расположена на мысе к востоку от Нирухани
Стравомити	Пещера	Черепки из раскопок 1898 г. (*Evans*, P. of M., II, 1, 68)
Трапеза	Пещера	Сосуды и пр. из погребений (A. J. A., XL, 31; Arch. Anz., 1936, 162)

Цермиада	Пещера	Один подвесной сосуд в пещере Скафидия. Раскопано в 1937 г.

б) Находки на поверхности

Калохорио	Трехгранная печать (*A. Evans*, P. of M., I, рис. 437)
Педиадос	
Милатос	Подвесной сосуд в музее Кандии, № 15. Кувшин, топоры и каменный шарик из местечка Кацухири автор видел у крестьян в 1935 и 1936 гг.
Схинеас	Черепки, найденные автором в Копране в 1937 г.

Неизвестного происхождения кальцитовая фигурка (*Evans*, P. of M., I, 64, рис. 13, № 20)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Ирини	Отложения	Сосуд около круглой гробницы (*Xanthoudides*, V. T. M., 52). Поселение находится на расстоянии около 1 часа ходьбы к северо-востоку от Василики в Мессаре
Агиа-Триада	Отложения	Два сосуда, вероятно, указанного времени, из Толоса (*A. Banti*, Annuario, XIII, XIV, 164 и сл.)
Кумаса	Отложения	Черепки и сосуды около круглой гробницы. (Там же, 9, 34)
Кутсокера	Отложения	Черепки и сосуды около круглой гробницы. (Там же, 74) Поселение находится в расстоянии $^1/_2$ часа ходьбы к северу от Василики в Мессаре
Маратокефало	Отложения	Наиболее ранние отложения около гробницы (*Xanthoudides*, Ἀρχ.Δελτ., 1918, Παρ. I, 14 и сл.)
Миаму	Пещера	Сосуды и пр. (*Taramelli*, A. J. A., I, 287; Mon. Ant., IX, 300)
Фест	Отложения	Главным образом ниже западной оконечности дворца (*Mosso*, Mon. Ant., XIX, 199; *Pernier*, Festos, 115)
Салами	Отложения	Черепки близ круглой гробницы. (*Xanthoudides*, V. T. M., 73). Поселение находится в 100 ярдах от Кутсокеры

б) Находки на поверхности

Агиос-Онуфриос	Сосуды и пр. в музее Кандии, может быть, из отложений близ круглой гробницы (*Evans*, Cretan Pictographs, доп. 105). Поселение находится на низком холме выше гостиницы, около поворота с большой дороги к Фесту
Гортина	Каменная статуэтка (*Evans*, P. of M., I, 64, рис. 13, 8)
Комо	Черепки с южного мыса (*Evans*, P. of M., II, 1, 88). Поселение находится к северу от Металы в бухте Мессары
Руфас	Черепки из поселения, лежащего на линии дороги, идущей с севера на юг от Кносса (*Evans*, P. of M., II, 1, 80)

а) Раскопанные поселения

Агиа-Фотиа	Скальное укрытие	Сосуды и пр. (*Hawes*, Gournia, 56)
Агиос-Иоаннис	Пещера	Черепки из погребений (*Hawes*, Trans. Penn. Univ., I, 214)
Агиос-Николаос	Скальное укрытие	Сосуды из погребений (*Tod*, B. S. A., IX, 340). Человеческие кости (*Duckworth*, там же, 344). Поселение расположено на расстоянии 1 часа к юго-западу от Палекастро
Гурния	Отложения	Черепки (*Hawes*, Gournia, 37)
Мохлос	Отложения	Сосуды из отложений, содержащих жертвенные приношения ниже 5-й гробницы, из наиболее ранних отложений в городе (*Seager*, Mochlos, 92, рис. 48; A. J. A., XIII, 279)
Палекастро	Кладбище	Сосуды из северного кладбища (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 290). Один сосуд из Патемы в южном конце поселения (B. S. A., доп. 5)
Петрас	Отложения	Отложения в городе (B. S. A., X, 200, доп. 4) Шесть черепков (*Forsdyke*, Каталог Британского музея, I, 412, 413). Не опубликовано. См. доклад (B.S.A., VIII, 282)
Сфунгарос	Скальное укрытие	Сосуды и пр. (*Hawes*, Gournia, 56)
Василики	Отложения	Сосуды и черепки из самого нижнего слоя под домами (*Seager*, Gournia, 49; Trans. Penn. Univ., I, 207)
Закрос	Скальное укрытие	Сосуды из погребений (*Hogarth*, B. S. A., VII, 142). Поселение находится несколько выше Като-Закроса

б) Находки на поверхности

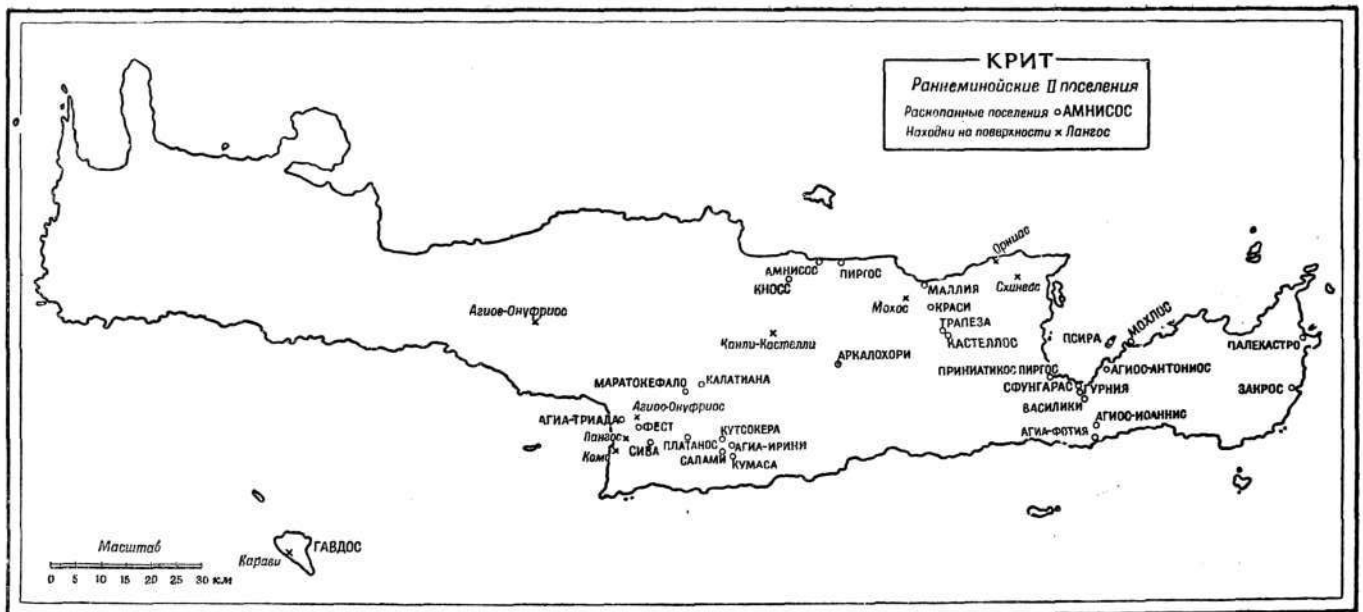
Перешеек Иерапетра	Черепки с насечками (Каталог Британского музея, 1, 414)
Залив Мирабелло	Черепки (там же, 407—41)

2. Раннеминойский II (Р. М. II)

(см. карту 5)

Раннеминойский второй период представляет собой наивысшую стадию развития так называемого раннего бронзового века в Эгейском бассейне[1]. Металл распространяется теперь повсеместно, и мы вправе говорить о настоящей культуре, при которой искусства и ремесла достигают значительной степени развития.

[1] Анализ кинжалов показывает, что настоящей бронзы в употреблении еще не было. Встречающиеся сплавы имеют еще случайный состав. B. S. A., XIX, 47; V. T. M., 26; см. также ниже.

5. Поселения раннеминойского II периода.

Восточная часть острова все еще занимает первое место по развитию культуры сравнительно с остальными районами; однако на юге численность населения возрастает, повидимому, в результате воздействия извне. Несколько отстают только центр и север острова. Однако в первое время существует, повидимому, общая культура, охватывающая все населенные области, и наблюдаемые различия между отдельными областями вполне естественны в эпоху, когда сухопутные сообщения еще трудны, а морские ведут к тем областям внешнего мира, которые расположены ближе всего к данной местности.

В центральной части Крита пещеры в Аркалохэри и Пиргосе еще используются — одна как место культа, а другая как место погребения. В Кноссе ниже южных террас обнаружено несколько полов домов. О том, сколь обилен был некогда материал, относящийся к этому периоду, можно судить по тому, как часто встречаются Р. М. II черепки, выброшенные вместе с землей при выравнивании центрального двора, когда удаляемый отсюда мусор использовался для сооружения насыпи в северо-западном квартале первого дворца. Другое крупное отложение находится в Канли-Кастелли, к югу-западу от Юктаса, где в месте, носящем название Висала (горшечные черепки), было найдено на поверхности значительное количество керамики.

В Южном Крите поселения находятся близко одно от другого, особенно в области Мессары и ее окрестностях. Впервые появляющиеся теперь круглые гробницы встречаются по всей равнине и далее до холмистого подножья Иды, а следы, позволяющие догадываться о существовавших ранее гробницах, наблюдаются к югу от большого порта Комо. К сожалению, ни одно поселение до сих пор не раскопано. Обращали внимание на то обстоятельство, что мы не знаем поселений, соответствующих по времени Р. М. элементам в гробницах, тогда как во многих случаях в результате раскопок были обнаружены поселения, возникшие, повидимому, одновременно с наиболее поздними С. М. I элементами в тех же гробницах. Это обстоятельство использовал Эберг для доказательства своего тезиса о том, что содержимое гробниц Р. М. и С. М. относится к одному и тому же времени; повидимому, ему не показалось странным, что в этих, по его предположению, существовавших одновременно поселениях не было найдено ни одного Р. М. каменного сосуда или печати[1]. Между тем, этому обстоятельству можно найти вполне логичное объяснение. С. М. I поселения довольно малочисленны, и появление их легко может быть объяснено переселением, имевшим место, например, в Василики, в восточной части Крита, по причине, в настоящее время не поддающейся определению. Что

[1] Åberg, цит. соч., 250 и сл.

касается Р. М. поселений, то они не были раскопаны, так как Ксантудидис интересовался преимущественно гробницами и раскапывал только такие поселения, которые лежали в непосредственной близости от гробниц. Весьма мало вероятно, чтобы дома строились рядом с еще используемыми местами погребения [1], а расположение деревень при наличии такой плодородной почвы, как в Мессаре, очень незначительно меняется на протяжении веков. Весьма вероятно, что мы должны искать древние поселения под современными деревнями: для поселения близ гробницы в Маратокефало — под Морони, для Драконеса — под Фурнофаранго, для Христоса, Кутсокеры, Салами и Агиа-Ирини — под Василики, где при случайном разрезе, сделанном при прокладывании дороги, были обнаружены С. М. I черепки.

На востоке Крита находки группируются вокруг старых портов — Палекастро, Мохлоса, Псиры, Гурнии и Закроса. Внутри страны расположены только два поселения, Василики и Агиос-Антониос, но и они находятся на небольшом расстоянии от моря.

Кроме того, население восточных областей состояло главным образом из моряков, занимавшихся в основном морской торговлей. Средства к существованию им давал, вероятно, плодородный район Иерапетры и богатые долины, соединяющие эти области с восточным побережьем. Южане, поселившись на равнине Мессары, естественно, почти сразу же перешли к земледелию и скотоводству, хотя еще и сохраняли старые торговые связи с Африкой через порт Комо. Население Центрального Крита сплачивается, получает все, что возможно, от своих достигших более высокой ступени развития соседей, но само активности не проявляет.

Наконец, мы получаем несколько больше антропологического материала для дальнейших выводов, хотя необходимо сделать оговорку, что некоторые из исследованных скелетов могут относиться к последующим периодам. Были измерены черепа из Агиа-Триады [2], Агиа-Ирини [3], Кумасы [4], Палекастро [5], Платаноса [6], Порти [7] и Закроса [8]; все они обнаруживают ясно выраженную долихоцефалию. Эта черта столь устойчива

[1] Интересно отметить, что те С. М. поселения, которые были найдены вблизи гробниц, расположены в одном случае (Кумаса) около гробницы, где следы С. М. периода очень незначительны, а в остальных случаях в таких местах, где они совершенно отсутствуют. Я думаю, что во всех случаях С. М. предметы представляют собой посвятительные приношения, а не погребальную утварь.

[2] Sergi, Mem. Ist. Lomb., XXI, 252.

[3] V. T. M., 126.

[4] Там же.

[5] B. S. A., IX, 344.

[6] V. T. M., цит. соч.

[7] Там же.

[8] B. S. A., VII, 150.

на протяжении всего минойского периода, что нет оснований, с точки зрения антропологии, предполагать какие-либо изменения расового типа от Р. М. I до П. М. III периода [1].

Архитектура Р. М. II. Архитектура как жилых домов, так и гробниц известна для Р. М. II гораздо лучше, чем для предшествующих периодов. Лучшим примером первой служат дома в Василики, вторых — круглые гробницы в Мессаре.

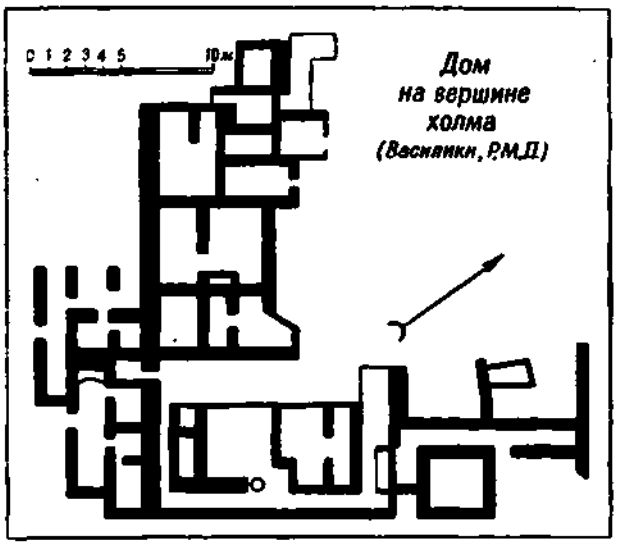

Рис. 5.

В Василики было раскопано два больших дома (рис. 5, фото 43, 1). Они состояли из нескольких прямоугольных комнат довольно большого размера, сложность расположения которых поражает с первого же взгляда. Многие помещения, окруженные другими комнатами, не имеют внешних стен, и можно с вероятностью предположить, что уже в этом раннем периоде мы встречаемся со световыми колодцами. Нижняя часть стен сложена из камня, тогда как выше высушенные на солнце кирпичи укреплялись посредством вертикальных и горизонтальных деревянных балок. Поверхность стены покрывалась грубой штукатуркой с тонким слоем красной обмазки, не уступавшей по твердости римскому цементу и в значительной степени способствовавшей сохранности стен.

Гробницы Р. М. II. В архитектуре гробниц мы встречаемся с пережитком более раннего типа построек. Старая

[1] *Mackenzie*, B. S. A., XII, 230 и сл.; *Evans*, P. of M., I, 8.

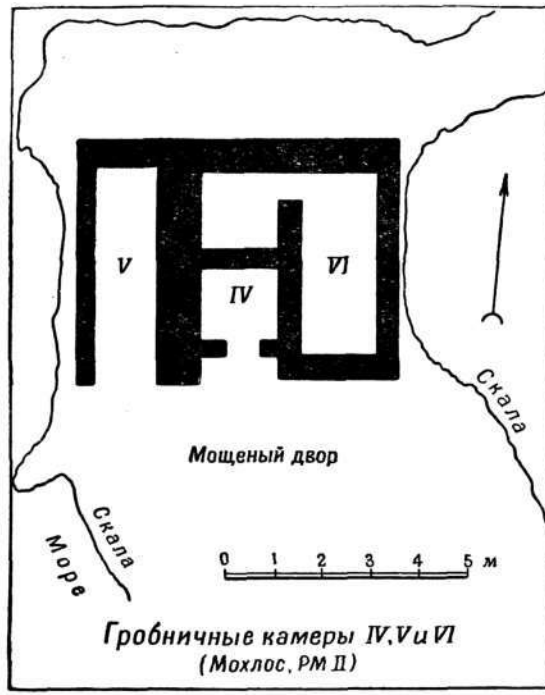

V
IV
VI
Скала
Мощеный двор
Скала
Море
0 1 2 3 4 5 м
Гробничные камеры IV, V и VI
(Мохлос, РМ II)

Рис. 6.

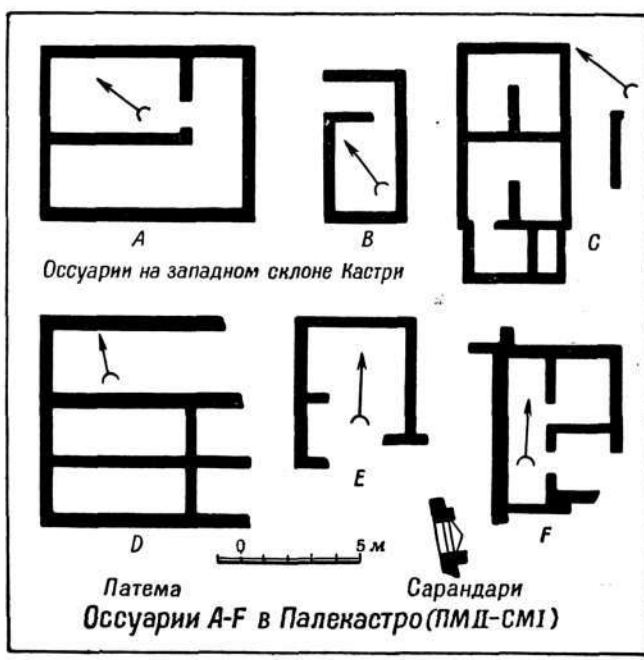

A
B
C
Оссуарии на западном склоне Кастри
D
E
F
0 5 м
Патема
Сарандари
Оссуарии A-F в Палекастро (ПМII-СМI)

Рис. 7.

двухкомнатная форма дома неолитического времени продолжает существовать в гробничных постройках, крыши которых, возможно, делались из тростника и глины (рис. 6). Гробницы строились из грубо обтесанных камней и состояли из внешнего помещения и примыкающего к нему с одной стороны внутреннего. Развитие этого плана встречается в Палекастро[1] (рис. 7), где к оссуариям добавляется еще несколько помещений. Дома мертвых, в сущности, воспроизводили традиционный тип дома живых, существовавший в минувшую эпоху[2].

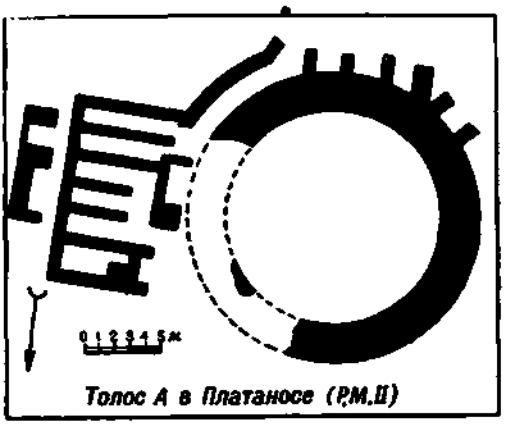

Рис. 8.

Но в то же самое время в Мессаре появляется новый тип — круглые гробницы, использовавшиеся на протяжении ряда поколений родом или общиной (рис. 8 и фото 15). Внутренний диаметр такой гробницы колеблется приблизительно от 4 до 13 *м*. Толщина стен обыкновенно составляет от 1,5 до 2,5 *м*. Наибольшая высота, которой достигают некоторые из сохранившихся стен, равняется 2,7 *м*. Эти сооружения выкладываются из грубо обработанных камней, промежутки между которыми заполняются более мелкими камнями, скрепленными глиняной обмазкой. Бо́льшая часть сохранившихся толосов построена обособленно на естественной плоской поверхности скалы, но в Агиа-Триаде и в Калатиане гробницы лепятся по склону холма. Однако отнюдь не следует сравнивать их с имеющими прямоугольные очертания гробничными помещениями в Кноссе или с толосами в Микенах, сохранившимися благодаря тому, что были засыпаны землей.

Вопрос об их перекрытиях очень сложен. Если предположить на основании наклона стен, что они заканчивались

[1] B. S. A., XI, 270.
[2] Ср. *Mackenzie*, B. S. A., XIV, 365.

наверху сводом и образовывали примитивный толос, то грубый расчет высоты стен можно получить, приняв высоту равной диаметру, как это имеет место в толосах Микен. Однако такая конструкция при высоте в 13 *м* и толщине стен в 2,5 *м* была бы не в состоянии без внешней опоры выдержать давление верхних частей. Впрочем, насколько мы можем установить, постройки были большей частью обособлены [1].

В Платаносе Ксантудидис нашел около 25 *куб. м* каменного материала от постройки и счел это доказательством того, что гробницы достигали значительной высоты и завершались куполом. Однако этого количества камня хватило бы только на дополнительные 80 *см* высоты. Сохранившиеся стены имеют в одном месте высоту в 1,1 *м*, и даже если принять максимальные цифры для количества мелких камней и глиняной замазки, нельзя доказать, что высота сколько-нибудь превышала 2,25 *м*. Поэтому наиболее вероятным представляется предположение, что гробницы или имели плоскую кровлю, покоящуюся на стропилах, или что купол имел завершение из тростника [2].

Ксантудидис обратил внимание на сохранившиеся во многих случаях следы огня, точно внутри разводился большой костер, как на обстоятельство, говорящее против возможности существования тростниковой кровли. Однако нет данных, свидетельствующих о том, что покойников сжигали. Представляется более вероятным, что огни зажигались с целью сакрального очищения или же что кровли, если они были из тростника, загорелись случайно.

Вход в гробницы обращен на восток и представляет собой низкую дверь, образованную монолитными опорами и тяжелой перекладиной. Высота двери не превышает одного метра. Перед входом неглубокое выложенное камнем углубление образует нечто вроде вестибюля. Эта особенность получает дальнейшее развитие в гробнице А в Платаносе, где

---

[1] Гробница А в Платаносе имеет 6 примыкающих с южной стороны узких стенок, которые могли служить контрфорсами.

[2] Хертли показывал мне фотографию круглой хижины в западной Македонии. Каменные стены выведены приблизительно на 2 *м*, и хижина имеет коническую тростниковую кровлю, на верхушке которой лежит каменный диск, препятствующий дождю проникать сквозь отверстия. Такой же камень был найден в Платаносе Ксантудидисом, который принял его за кровельный камень, а другой, неоткопанный, был замечен мною и производителем работ на раскопках в монастыре Калерги, к северу от Кастелли Педиады (V. T. M., 91; ср. *Marinatos*, Arch. Anz., 1930, 103). Проводимая в V. T. M. аналогия с сыроварнями на горе Иде неправильна. Сыроварни все сравнительно малы, и грубый свод их сделан, возможно, из больших плоских плит известняка, который является там обычным материалом. Между тем гробницы построены из мелких грубых камней. Сигер (*Seager*, Trans. Penn. Univ., II, 131) высказал сомнение в том, что они вообще имели кровлю.

имеется целый ряд комнат; такая же пристройка встретилась и в Агиа-Триаде.

Число погребений достигает нескольких сотен; очевидно, эти гробницы принимали покойников рода или клана на протяжении многих поколений. Ими продолжали пользоваться еще в начале С. М. I периода, хотя бóльшая часть из них, если не все, построены в Р. М. II.

В то время как круглые гробницы распространены в Мессаре [1], на севере и в центре острова местом погребения продолжают служить пещеры и скальные укрытия, а в Сфунгаросе одновременно с этим впервые появляются могилы с кистами и обломки погребальных урн.

Керамика Р. М. II. В керамике наблюдается прямое развитие стиля предшествующего периода, и она более или менее однообразна во всех областях острова.

Прежде всего здесь встречаются одноцветные серые изделия, восходящие непосредственно к изделиям протонеолитического периода. На фото 31, *f* показан хороший образец из Мохлоса, происхождение которого выдает не только его техника, но и его форма. Вместе с ним должны быть упомянуты темные лощеные крышки (фото 31, *a*). Они обычны в Мессаре и Аркалохори и особенно широко распространены в Трапезе, тогда как из Восточного Крита, не считая Мохлоса [2], известны только три или четыре экземпляра. Их принимали за имеющие ножки блюда для фруктов или для посвятительных приношений [3]. Однако то обстоятельство, что орнамент имеется на поверхности, которая в этом случае оказалась бы нижней, и в ряде случаев нижняя часть предполагаемой ножки слишком выпукла для того, чтобы эти изделия могли стоять, указывает, что они служили крышками, хотя и нельзя с уверенностью сказать, для каких именно сосудов [4].

Другие одноцветные сосуды сделаны из грубой красной глины или из коричневой, более тщательно выравненной и покрытой густой поливой, которая хорошо поддавалась лощению. Чашки без ручек обыкновенно имеют низкую ножку (фото 31, *c*); на некоторых видны следы подправки, которая становится столь обычной в последующие периоды. На полу

---

[1] Одна имеется также в Краси и несколько, как можно предположить, в Калерги и Педино близ Адромили (см. карту 13).

[2] Mochlos, 20, 71; Sphoungaras, 49. Последний образец имеет овальную форму.

[3] P. of M., I, 75.

[4] Ксантудидис (V. T. M., 10) полагает, что они покрывали грубо сделанные треножники для варки пищи. Но столь же вероятно, что они служили для сосудов из непрочного материала — деревянных или выдолбленных из тыквы.

одного дома в Кноссе [1] была найдена чашка с высокой загнутой ручкой, параллель к которой была затем обнаружена в единственном экземпляре из Василики и в большом числе образцов из нестратиграфированных отложений в пещере в Трапезе. Обычны также открытые кубки. Кувшины имеют

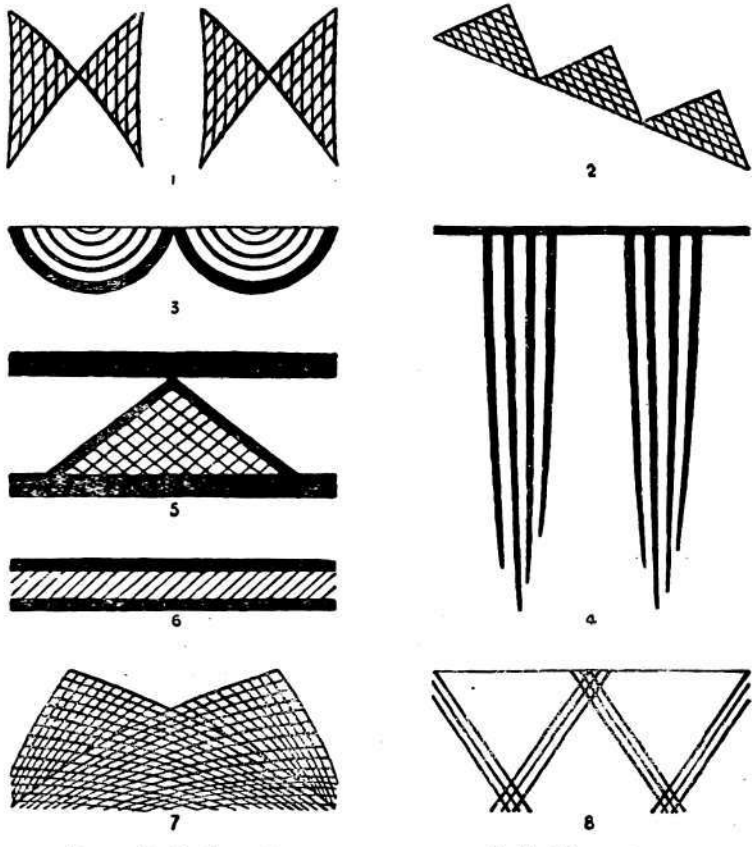

Рис. 9. *1—8* — образцы орнамента Р. М. II керамики.

плоское основание, и их носики выше, чем в предшествующем периоде, хотя они и не представляют еще того утрированного типа, который появляется в Василики в конце Р. М. II периода.

Большой прогресс наблюдается в расписном орнаменте (рис. 9). Поверхность сосуда подвергается более тщательной обработке, чем в Р. М. I периоде, и на ней лучше ложится довольно тусклый красный или коричневый лак. Распространен,

[1] P. of M., I, рис. 40, справа наверху, и из Василики, Gournia табл. XII, 17.

особенно на небольших кувшинах с носиками (фото 31, *b*), решетчатый рисунок и орнамент из штрихованных треугольников [1]. Часто в рисунке на кувшинах встречаются два штрихованных треугольника, соединенных вершинами и образующих нечто вроде изображения бабочки или двойного топора (фото 32, *f*). Для орнаментации чашек в тех случаях, когда ее делали, довольствовались узкой полосой краски чуть пониже края. Блюда и кубки также имеют полосу по краю или же, как в нескольких образцах из Кносса [2], широкая полоса решетчатого рисунка проводится поперек внутренней поверхности. Но один сосуд из Мохлоса обнаруживает наиболее тщательно сделанный и удачный орнамент из всех относящихся к данному периоду (фото 31, *e*). Он так необычен, что Франкфорт [3] счел этот предмет ввезенным или непосредственно из Сирии, или через Кипр. Его доводы основаны на цвете и составе краски, а также на наличии концентрических кругов, образующих часть орнамента. Однако я исследовал этот сосуд очень внимательно и пришел к заключению, что необычный характер окраски обусловлен лишь большей, чем обычно, толщиной поливы, делающей краску более заметной, а различие в расцветке обусловлено различием концентрации, а не состава краски. Общеизвестно, что концентрические круги являются характерной чертой кипрского и палестинского орнамента, но в рисунке на сосуде, который в остальном состоит из типичных Р. М. II мотивов, расположенных, правда, особенно тщательно и оригинально, они составляют лишь очень незначительный элемент. К тому же концентрические круги — это такой мотив, который легко может возникнуть у каждого мастера, которому приходится заполнять пустое пространство, хотя любопытно, что они не встречаются в других местах на Крите до раннегеометрического периода [4]. Таким образом, хотя мы и можем допустить возможность того, что художник видел подобные иноземные изделия, все же мы должны считать этот кубок хорошим образцом Р. М. II керамики. Надо также упомянуть об антропоморфном сосуде из Кумасы (фото 37, 2), наиболее раннем в своем роде.

В Василики в Восточном Крите это время было одним из периодов наибольшего процветания и активности. В нем можно различить две фазы [5]; на протяжении второй из них местный стиль керамики, немногие образцы которого встречаются

---

[1] Ср. V. T. M., табл. XXVI, *b*.

[2] Например, P. of M., I, рис. 40, нижний ряд.

[3] Studies, II, 122.

[4] За исключением двух экземпляров из Камареса, фото 53, *b*.

[5] Trans. Penn. Univ., II, 114. Следует помнить, что период I в дальнейшем был с достоверностью отнесен к Р. М. I, так что периоды 2 и 3 должны быть отнесены к Р. М. II.

в более ранних отложениях, окончательно вытесняет обычную технику темным по светлому. Эта местная керамика, часто называемая «типом Василики», отличается такой превосходной выделкой, что открывшие ее исследователи пришли к выводу, что к этому времени получил распространение гончарный круг. Однако единственное, что можно допустить, это очень примитивную форму «вертушки». В некоторых формах эта керамика обнаруживает стремление к фантастически удлиненным носикам кувшинов и кружек (фото 32), хотя сохраняются и обычные типы. В угловатых формах, часто сопровождающихся имитацией заклепок, нередко сказывается влияние металлических сосудов (фото 32, *а*) [1].

Отличительной чертой этого стиля является, однако, пятнистая поверхность. Эти пятна получались благодаря неравномерному обжигу. Франкфорт [2] описывает, как достигали того, чтобы угли в печи соприкасались с сосудом лишь в определенных местах, благодаря чему получался желтый круг, окруженный черным кольцом неправильной формы, образованным копотью, тогда как основной фон оставался коричневым или красным. Встречается множество разновидностей этого стиля, хотя трудности, связанные с обеспечением определенного расположения углей, исключали возможность создания определенного рисунка. Расположение пятен на экземпляре, воспроизведенном на фото 32, *d*, представляется, однако, слишком правильным, чтобы его можно было объяснить простой случайностью. Большой кувшин с носиком (на этой же таблице) также обнаруживает существование какого-то замысла, хотя, как отмечает Франкфорт, расцветка его менее эффектна и производит впечатление, будто она была выполнена при помощи горящей ветки.

До окончания Р. М. II периода сосуды этого стиля вывозились в другие части Крита [3], где они вызывали местные подражания, иногда в той же технике, как, например, в Палекастро [4], а иногда при помощи воспроизведения пятен краской, как в Трапезе и в Мессаре [5]. Как оригинальный стиль, так и подражания ему продолжаются и в следующем периоде с различными видоизменениями, о которых будет упомянуто в своем месте.

---

[1] Впрочем, в нескольких случаях, когда точки идут сверху вниз по краю сосуда, они могут указывать на место шва кожаного оригинала. Встречающаяся в некоторых случаях двойная ручка могла произойти от складывания вдвое кожи или металла.

[2] Цит. соч., 90.

[3] Например, в Кносс (Е. III, 18 в музее Кносса); в Маллию (Mallia, I, 14); в Трапезу, Гурнию (Gournia, I, 186); в Приниатикос Пиргос (Vrokastro, 84).

[4] B. S. A., доп. 5.

[5] Annuario, XIII — XIV, 236.

Каменные сосуды Р. М. II. На Р. М. II период приходится и начало, и расцвет производства каменных сосудов (фото 33, 3; 34, 1 и 2). Образцы, найденные в гробницах в Мохлосе, допускают вполне точную датировку и являются единственными, которые могут быть с полной определенностью отнесены к этому периоду [1]. Они вырезались из зеленого, черного и серого жировика, брекчии, мрамора, алебастра и известняка — тех видов камня, которые можно было найти на Крите, хотя бы и не непосредственно поблизости. Расцветка их блестящая, и для создания художественного эффекта очень искусно использованы жилки камня. Техника обработки превосходна, особенно если принять во внимание, что это новый вид производства. Повидимому, сосуды сначала грубо обтесывались, а затем обрабатывались путем тщательной полировки рукой; внутренность выдалбливалась посредством трубчатого сверла, возможно, тростника, которым работали, применяя песок и воду. Несомненно, поразительно то, что сосуды такой совершенной выделки начали производиться без какого бы то ни было предшествующего опыта. Высказывалось основательное предположение, что стимулом для производства этих сосудов послужило непосредственное соприкосновение с Египтом, где искусство выделки сосудов из самых твердых пород камня было известно с древнейших времен; действительно, формы многих из имеющихся образцов подтверждают это (см. конец раздела). Отсутствие плохих экземпляров может быть приписано тому обстоятельству, что в гробницу вместе с покойником клались только лучшие экземпляры, тогда как сосуды из более мягких пород камня, на которых, несомненно, производились первые опыты, находились в повседневном употреблении, так что они больше подвергались разрушительному действию времени [2].

Кроме сосудов, обнаруживающих сходство с египетскими, имеется немало сосудов чисто минойского стиля, которые показывают, как быстро новое искусство получило национальный характер. Нет ничего более типичного для минойской культуры, чем сосуды, изображенные на фото 33, *g* и *m*, которые передают в камне формы глиняных сосудов этого периода. Кроме того, встречаются и простые чаши, открытые чаши с носиком, сосуды на ножках и маленькие кувшины, а в одной гробнице встретилась крышка из брекчии, напоминающая высокие крышки Р. М. I периода.

К этому периоду рискованно относить какой-либо из каменных сосудов, найденных в Мессаре, за исключением, может быть, некоторых прямоугольных сосудов типа «перечница и солонка» (например, фото 33, *b*). Даже последние в

[1] Mochlos, 99.
[2] Там же.

большинстве своем относятся, повидимому, к Р. М. III периоду, и их связь с Египтом будет рассмотрена ниже. Остальные, как на основании их совершенно оригинальной техники, так и на основании их сходства с поддающимися датировке сосудами из Мохлоса, несомненно, должны быть отнесены к более позднему времени.

Но в Трапезе, где пещеры, повидимому, были в Р. М. II периоде излюбленным местом погребения, встречаются сосуды, которые хотя и не определены стратиграфически, но бесспорно могут быть отнесены к этому периоду. На фото 34, 1 показано несколько образцов этих сосудов, обычно изготовлявшихся из зеленого жировика, очень близко напоминающих типы сосудов из Мохлоса [1]. Чашка на ножке также, очевидно, относится к раннему типу. Может быть, эта чашка является одним из переходных звеньев, которых мы искали. Она изготовлена из мягкого пятнистого серого жировика, который так легко разрушается, а ее ножка с кольцом, повидимому, по своей форме примыкает даже к предшествующему периоду [2].

Необходимо упомянуть также крышку, изображенную на фото 34, 2, которая хотя и не является типичной для данного периода, но все же свидетельствует о зарождении натурализма [3]. Ручка этой крышки имеет форму тощей деревенской охотничьей собаки, уши которой — но не хвост, что может показаться странным,— подрезаны; фигурка эта по типу очень напоминает тех собак, которые еще и ныне сопровождают здесь путешественика по пятам, бессовестно его обворовывая.

Изделия из металла Р. М. II. Употребление меди получает теперь широкое распространение (фото 35). Встречается два типа кинжалов — более ранний, треугольной формы, встречающийся значительно чаще второго [4], и более поздний, удлиненной формы, с ребром посередине, который, повидимому, вытесняет до конца рассматриваемого периода предыдущий тип, во всяком случае в Мессаре. В Мохлосе треугольный кинжал, очевидно, сохраняется до конца Р. М. III периода [5]. Ручка, вероятно, изготовлявшаяся из дерева или кости, ни в одном случае не сохранилась.

Треугольный тип кинжала представлен двумя образцами — одним из Кумасы, с прямой закраиной, и одним из

[1] Например, Mochlos, рис. 7, 2.

[2] Ср. кубок на короткой ножке без кольца, Mochlos, 77, XXI, 7.

[3] Там же, 20; другая, из Тилисса, была опубликована Мони-Каутс в связи с публикацией крышки из Библоса, на которой изображен присевший бык (Berytus, III, 129). Хотя автор и не утверждает этого, статья почти убедила меня в том, что эти крышки не минойские, а сирийские.

[4] Например, в Платаносе. V. T. M., 107.

[5] Mochlos, 107; но в Палекастро был найден длинный кинжал в Р. М. III оссуарии (B. S. A. доп., 116) и второй — в оссуарии, в котором сохранилось большое число Р. М. II сосудов. Таким образом, Восточный Крит не отставал от прочих частей острова.

Платаноса, с зубчатой закраиной (фото 35, *e* и *d*). Переходными типами в Кумасе являются *i* и *f* на той же таблице; последний кинжал серебряный и имеет посредине ребро. Удлиненная форма представлена образцом *b*, также серебряным; сам он стратиграфическому определению не поддается, но по форме соответствует образцам, найденным в Салами в окружении исключительно лишь Р. М. II предметов. Наконечник для стрелы с отверстием, в которое вставлялось древко, найденный в гробнице XIX в Мохлосе, несомненно, занесен извне.

Другой медный предмет, обычный для рассматриваемого периода,— это небольшой клинок, весьма похожий на топор, с выпуклым лезвием и двумя отверстиями у обуха. Образцы его были найдены в Мохлосе [1], Кумасе и Платаносе [2], а один из них — из Трапезы,— обнаруженный вне слоев, сохранил маленькую ручку из слоновой кости, продолжающую линию клинка. Это обстоятельство, а также отчетливые следы износа на одном конце лезвия показывают, что высказанное автором первой публикации предположение правильно и что они предназначались не для посвящений, но имели практическое применение. В Мохлосе и Мессаре найдены также щипцы простого типа с расходящимися концами, служившие, очевидно, предметом туалета. У вершины их ножки несколько сжаты, так что на конце образуется петля. Инструмент, несколько напоминающий туалетный ножичек, но значительно бо́льших размеров, представлен на фото 35, *a*. Возможно, он употреблялся для вырезывания из дерева. В той же самой гробнице в Кумасе была найдена пила с мелкими зубьями. В гробнице II в Мохлосе встретился двойной медный топор и два меньших, свинцовых [3]. Их стратиграфия сомнений не вызывает. Это первые образцы предмета, который в качестве религиозного символа типичен для минойской эпохи [4].

Статуэтки Р. М. II. К несчастью, только одна из статуэток, отнесенных к Р. М. II периоду, была найдена в стратифицированном отложении. Это неокрашенная глиняная статуэтка из Палекастро [5]. Туловище представляет собой простой столбик, руки — короткие обрубки на одном уровне с лицом, на котором отмечены только глаза и нос. Шея, талия и ноги не обозначены. В остальных случаях мы должны полагаться только на стилистические признаки. Банти подвергла весьма тщательному исследованию различные типы статуэток из

[1] Mochlos, 107.
[2] V. T. M., 28.
[3] Mochlos, 34, 107.
[4] Откуда явилась эта форма? Холл (Hall, Essays presented to sir Arthur Evans, 42) опубликовал датируемый очень ранним временем кремневый топор из Египта.
[5] B. S. A., XI, 273, доп. 131.

большой гробницы в Агиа-Триаде [1] и пришла к заключению, что было бы рискованно относить к этому периоду какие-либо из них, кроме самых примитивных. Ее заключения очень хорошо согласуются с данными остальных находок в Мессаре, а также с находками в Трапезе — единственном месте, где Р. М. статуэтки были найдены в значительном количестве [2]. На фото 36 в среднем ряду изображены типичные образцы этого типа, с треугольным остроконечным туловищем, треугольной или ромбовидной головой и в одном случае с рудиментарными обрубками, изображающими руки; эти образцы происходят из Трапезы, а изображенные наверху и внизу справа на табл. XII, 2 — из Платаноса. Они сделаны исключительно из известняка и хрусталя. Об их взаимосвязях с другими странами будет сказано ниже, но уже здесь я считаю возможным заметить, что мы вправе видеть в них предметы мессарского производства, вывозившиеся отсюда или, как, например, в Трапезе, являвшиеся предметом подражания.

Печати Р. М. II. Ряд трудностей представляет также изучение печатей этого периода. Только три печати — все из Мохлоса — найдены в условиях четкой стратиграфии [3] (рис. 10). Одна печать из Мохлоса и одна из Сфунгароса

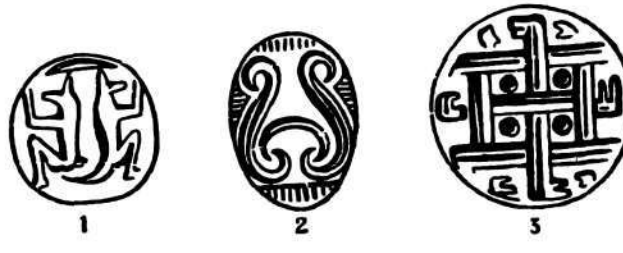

Рис. 10. *1—3* — образцы печатей Р. М. II периода.

имеют черты одинакового стиля, но вместе с ними были найдены керамические изделия не только Р. М. II, но и Р. М. III периодов [4]. Они изготовлялись из слоновой кости или жировика — материалов, легко поддающихся обработке. Три образца из Мохлоса представляют собой цилиндры, просверленные как

---

[1] Annuario, XIII, XIV, 243.

[2] Другие единичные примеры: Кносс, P. of M., II, 31; Мохлос, Mochlos, рис. 47, 5; Палекастро, B. S. A., доп. 149; два из них куплены и один найден на поверхности. Другие статуэтки из Трапезы, которые мы первоначально отнесли к Р. М. II периоду, принадлежат, как мы теперь убедились, к Р. М. III.

[3] Mochlos, 34, 54, 108.

[4] Там же, 70 и Sphoungaras, 52.

в вертикальном, так и в горизонтальном направлении, еще один — плоской формы; на печати из Сфунгароса имеется изображение птичьей головы.

Из орнаментов, показанных на рисунке, два имеют определенно выраженный египетский характер, третья печать имеет на одном конце простой решетчатый орнамент, а на другом — условные завитки. Все они во всяком случае должны относиться к концу рассматриваемого периода, и мы вполне можем согласиться с Франкфортом [1], что минойская глиптика, в сущности, начинается с Р. М. III периода.

Ювелирные изделия Р. М. II. Одним из наиболее поразительных результатов раскопок в Мохлосе было чрезвычайно большое количество найденных золотых изделий, замечательно искусно обработанных. На фото 38, 1 изображена группа типичных предметов, которые по данным стратиграфии все, за исключением подвески справа внизу, могут быть с достаточной определенностью отнесены к этому периоду. Возможно, что только благодаря счастливой случайности сохранилось такое количество этих предметов в Мохлосе, в то время как Мессара чрезвычайно бедна ими. Но так как все золотые предметы, найденные в Кумасе и Платаносе, почти наверное принадлежат к Р. М. III, а вместе с тем едва ли можно допустить, чтобы грабители удовольствовались откапыванием предметов более раннего времени, оставляя нетронутыми верхние слои, то, повидимому, этот контраст довольно точно отражает различия в уровне благосостояния между востоком и югом [2].

Наиболее развитую технику можно проследить в тонких цепочках, к которым прикреплены листки или подвески [3], в изображениях цветов и побегов растений. Золото сплющено в тонкие листки, и рисунки на нем нанесены либо рельефом, либо накалыванием. У браслетов края, повидимому, были отогнуты, чтобы удерживать кожаный вкладыш [4]. Встречаются диадемы с наколотыми на них рисунками. Диадема, воспроизведенная на фото 38, имеет по сторонам изображения двух собак, смотрящих друг на друга. На концах находятся отвер-

---

[1] Studies, II, 123.

[2] Ср., однако, V. T. M., 110, где это обстоятельство объясняется тем, что ограбление предшествующих захоронений было обыкновенным явлением, так что нетронутым оставалось только последнее. Если это так, то различия между востоком и югом заключаются скорее в области культуры, чем в области экономики.

[3] Точную параллель этим изделиям представляют украшения из нижнего слоя в гробнице А в Платаносе, V. T. M., 111. Ср. также группу ювелирных предметов, вероятно, того же времени, из Тиреатиса, ныне находящуюся в Берлине (*Karo,* Schachtgräber von Mykenae, 188, 300, 350).

[4] Mochlos, 68.

стия для завязок, которыми скреплялась тиара; в некоторых случаях, повидимому, вместо этого применялись булавки, вроде той, какая приведена на фото 38, с головкой в виде маргаритки. На другой диадеме[1] изображены два глаза, и это дало повод для предположения, что она является предшественницей микенских золотых масок[2]. Однако этот предмет был наиболее массивным из всех золотых вещей и, по мнению автора первой публикации, предназначался для ношения владельцем при жизни. Вдоль верхнего края многих из этих диадем встречаются отверстия; возможно, что некоторые подвески прикреплялись к ним в виде бахромы, хотя то, что они располагались наверху, скорее согласуется с предположением, что на голове носили сетку. Возможно, что к этому периоду относится миниатюрная золотая маска, предназначенная для того, чтобы покрывать сердечник из какого-нибудь другого материала[3]. Среди золотых вещей встречаются длинные трубчатые и мелкие плоские бусы[4], а также бусы других простых форм, характерных для Р. М. III периода. Применялись также горный хрусталь, известняк, сердолик, раковины и фаянс; сделанные из них бусы имели плоскую, коротко-трубчатую, сплюснуто-шарообразную или грушевидную форму.

Внешние сношения в Р. М. II. Предметов иноземного ввоза в Р. М. II слоях до сих пор не было найдено. Однако почти столь же важны черты сходства и подражания[5].

Наиболее известными образцами египетского или скорее ливийского влияния являются примитивные статуэтки из Мессары. Банти[6] отвергает всякую возможность прямого влияния со стороны додинастического Верхнего Египта[7]. Надо, однако, помнить, что в этой додинастической культуре мы сталкиваемся именно с ливийским элементом, который в додинастическую эпоху, повидимому, распространялся на восток вплоть до западной Дельты[8].

Правда, это довольно окольный путь, но, повидимому, только таким способом возможно объяснить некоторые явления, наблюдаемые в Мессаре,— бородатые фигурки в плащах

---

[1] Mochlos, 27.
[2] P. of M., I, 97.
[3] Mochlos, 78.
[4] Там же, 55, 78.
[5] Я умышленно опускаю здесь диоритовую чашу (P. of M., I, 86) и «кубок с усами» (P. of M., II, 57), принадлежащие ко времени IV династии, потому что для обоих предметов отсутствуют стратиграфические данные.
[6] Цит. соч., 92.
[7] Иераконполя и Нагады (*Petrie*, Nagada, 45).
[8] Studies, II, 97 и приведенные там ссылки.

и внезапное появление круглого типа гробницы, может быть, крытой тростником, но почти наверное родственной ливийским «мапалия» (плетеным хижинам) [1]. Эти особенности ограничивались областью Мессары, да и здесь они скоро исчезают. Однако другие черты закрепились и распространились по всему острову. Эванс отметил и привел в своей работе [2] сохранившиеся и в более позднее время черты сходства между ливийскими изделиями и минойским засовом, гульфиком и простым луком с широким кремневым наконечником для стрелы. Горшки типа «перечница с солонкой» (фото 33, *b*) распространяются повсюду на протяжении P. M. III периода, но затем исчезают.

Что касается самой Ливии, то наиболее обычный путь сообщения с Критом шел прямо к южному побережью, где мессарская бухта предоставляла самую надежную гавань, так что естественное направление торговли с Египтом шло вдоль восточного побережья и далее до Мохлоса. Поэтому, как мы и могли бы ожидать, именно здесь более всего чувствуется прямое египетское влияние [3].

На фото 33, *f*, *h*, *k* и *n* показаны образцы, явно скопированные с египетских оригиналов. Наиболее обычный тип — это «горшочки для помады» *f* и *k*, получившие значительное распространение в области Мессары. Эта форма существует в Египте от I до VI династии, но в ее наиболее разработанной разновидности *k* — только от IV до VI династии. Высокая ваза *h* похожа на египетскую вазу «хес», которая, с таким же простым краем, встречается от I до IV династии [4]. Ваза *n* с двумя вертикально вставленными ручками напоминает образцы I династии, хотя в Египте ручки располагались горизонтально [5].

Эванс [6] усматривает в преувеличенно удлиненных носиках сосудов из Василики отражение раннединастических медных сосудов, у которых выступающий носик соединялся с внутренней частью сосуда лишь очень узким отверстием — особен-

---

[1] P. of M., II, 31 сл. Круглая постройка в Тиринфе (Tyrins, III, 80 и 203) относится, повидимому, к переходному времени между P. Э. и C. Э. периодами, т. е. ко времени C. M. I.

[2] Там же, 34 сл.

[3] Почему Палекастро осталось в такой изоляции от египетских влияний, сказать трудно. Но ясно, что этот пункт в раннеминойские времена имел сравнительно малое значение.

[4] Рейснер (Antiquity, V, 200 сл.) тщательно рассмотрел материал, основываясь на своих раскопках в Гизе (Mycerinus), но он отказывается признать какие-либо найденные в Крите сосуды додинастическими, несмотря на почти неопровержимое свидетельство материала, так как разноцветные камни начинают выходить из употребления до конца II династии.

[5] Mycerinus, табл. 70, *b*.

[6] P. of M., I, 80.

ность, свойственная также и критским образцам. Это обстоятельство, в соединении с теми указаниями на металлические оригиналы, которые можно найти в ряде форм изделий из Василики, является сильным доводом в пользу наличия значительного египетского влияния.

Заслуживает внимания также и то, что две из печатей, показанные на рис. 10, *a* и *b*, имеют определенно выраженный египетский рисунок. Но, к сожалению, он представляется слишком вычурным для столь раннего периода в Египте; рисунок на образце *«b»* напоминает скорее стиль Среднего царства; однако установить для них стратиграфические данные не представляется возможным.

Труднее найти следы прямого анатолийского влияния. Мы уже видели, что Р. М. I период был многим обязан этой области, но Р. М. II представляется результатом естественного развития в том же направлении, и хотя связи, несомненно, поддерживались, мы не наблюдаем в этом периоде появления новых элементов, которые надо было бы объяснять повторной волной переселений.

Характерная для Василики керамика представляет собой высоко развитую форму изделий типа «Urfirnis» — с покрытием блестящим черным или коричневым лаком — типа, который развивается в Греции и на островах в промежутке между раннеэлладским-раннекикладским I и II периодами и имеет, несомненно, в конечном счете анатолийское происхождение. Принимая во внимание географическое положение Василики, надо признать весьма вероятным, что он был скорее привнесен переселенцами с севера, чем с востока.

Достоверная датировка и здесь зависит от Египта. Мы видели, что каменные сосуды, в которых копировались минойские образцы, относятся к периоду между I и VI династиями, а в большинстве — к IV—VI династиям; поэтому представляется наиболее правильным сохранить для Р. М. II старую датировку от 2800 до 2500 года до н. э.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ Р. М. II ПЕРИОДА

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

Находки на поверхности

Агиос-Онуфриос	Твердая штукатурка, похожая на образцы из Василики не поддающиеся определению черепки, найденные автором в 1935 г. Склад каменных топоров, найденный близ церкви. Поселение выше Месониси в Амари
Гавдос	Черепки в Каравн (Levi, Art and Archaeology, 1927, 176 сл.)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Аминисос	Пещера	Сосуды из пещеры Илитии (*Marinatos*, Πρακτικά, 1929, 95; 1930, 91)
Аркалохори	Пещера	Ножны и кинжалы (*Hazzidakis*, B. S. A., XIX, рис. 4, *f*)
Кастеллос Цермадон	Поселение	Следы на вершине. Раскопано автором в 1937 г.
Кносс	Дома	Сосуды и пр. с площадок на южном склоне (*Evans*, P. of M., I, 71)
Краси	Гробница	Сосуды и орудия, а также постройки — круглая гробница (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., 12, 102)
Маллия	Слой	Сосуды и пр., лежащие непосредственно под первым дворцом в кварталах III—VI (*Chapoutier*, I, 13—20; B. C. H., 1928, 367)
Пиргос	Пещера	Сосуды и кинжалы из погребений (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., 1918, 136)
Трапеза	Пещера	Сосуды, кинжалы и статуэтки из погребений. Раскопано в 1936 г. (A. J. A., XL, 371; Arch. Anz., 1936, 162)

Находки на поверхности

Канли-Кастелли	Черепки, собранные из поселения в Висале (*Evans*, P. of M., II, 71)
Мохос	Черепки и штукатурка на вершине холма Эдикти в получасе ходьбы к востоку от деревни; кроме того, каменный сосуд во владении крестьянина. Найдено автором в 1935 г.
Орниас	Следы скальных укрытий, обнаруженные автором в 1937 г.
Схинеас	Черепки на Копране, обнаруженные автором в 1937 г.

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Ирини	Гробницы	Сосуды, найденные внутри круглых гробниц, а также около них (*Xanthoudides*, V. T. M., 52)
Агиа-Триада	Гробницы	Большая круглая гробница и инвентарь (Mem. Ist. Lomb., XXI, 248; *Banti*, Annuario, XIII—XIV, 164 сл., Mon. Ant., XIV, 679). Меньшая гробница (Rend. Linc., 1905, 392)
Калатиана	Гробницы	Кинжалы и пр. из круглой гробницы (*Xanthoudides*, V. T. M., 76, 82)
Кумаса	Гробницы	Основной инвентарь круглых гробниц (там же, 8)
Кутсокера	Гробница	Черепки из круглой гробницы (там же, 74)
Маратокефало	Гробница	Сосуды и пр. из круглой гробницы (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. 21)
Фест	Отложение	Черепки и пр. (*Mosso*, *Mon. Ant.*, XIX, 204; *Pernier*, Festos, 115 сл.)

Платанос	Гробница	Сосуды и кинжалы из круглых гробниц (*Xanthoudides*, V. T. M., 88)
Салами	Гробница	Черепки и кинжалы из круглой гробницы. (*Xhanthoudides*, V. T. M., 74)
Сива	Гробницы	Две круглые гробницы с наиболее ранним инвентарем. (Ausonia, VIII, доп. 13 сл.)

Находки на поверхности

Агиос-Онуфриос	Сосуды и пр., вероятно, из круглой гробницы (*Evans*, Pictographs, доп. 105)
Комо	Черепки и, возможно, остатки круглой гробницы (*Evans*, P. of M., II, 88)
Лангос	Черепки, собранные автором в ущелье между Камилари и Комо, и стены, обнаруженные там же, 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 89)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Фотиа	Пещера	Сосуды из погребения (*Boyd-Hawes* Trans. Penn. Univ., I, 183; Gournia, 56, 60)
Агиос-Антониос	Пещера	Сосуды из погребений (*Hall*, Vrokastro, 183) у церкви близ Кавуси
Агиос-Иоаннис	Пещера	Сосуды из погребений (*Boyd*, Trans. Penn. Univ., I, 214)
Гурния	Отложение	Черепки и сосуды из города (*Hawes*, Gournia, 37). Ср. также *Mosso*, Dawn of Mediterranean Civilization, 289, о следах медных копей этого времени в Хрисокамино
Мохлос	Гробницы	Сосуды, печати, кинжалы и пр. (*Seager*, Mochlos, passim.)
	Поселение	Дома и инвентарь (*Seager*, A. J. A., XIII, 274)
Палекастро	Слой	Отложение в самых нижних слоях (B. S. A., доп. 5)
	Оссуарии	Сосуды и пр. из Кастри и Эллиника (B. S. A., доп. 6 и 7; B. S. A., X, 196)
Приниатикос	Поселение	Самое раннее отложение (*Hall*, Vrokastro, 84)
Пиргос		
Псира	Слой	Отложение под полом комнаты и дома А. Кроме того, случайные находки (*Seager*, Pseira, 17)
Сфунгарос	Пещера	Сосуды из погребения (*Hawes*, Gournia, 56)
	Гробницы	Циста и саркофаг (*Hall*, Sphoungaras, 49)
Василики	Поселение	Дома и инвентарь (*Seager*, Trans. Penn. Univ., 1, 213, II, 115; *Hawes*, Gournia, 49)
Закрос	Пещера	Сосуды из погребения (*Hogarth*, B. S. A., 142)

Находки на поверхности

Перешеек Иерапетра	Кружки с носиками и черепки (*Forsdyke*, Каталог Британского музея, I, 424, 425, 429)
Залив Мирабелло	Чаша, кубок и кувшин. (Там же, 416, 423, 426)

3. Раннеминойский III (Р. М. III)
(см. карту 6)

Раннеминойский III период — своеобразный, с трудом подлающийся определению период, так как в некоторых отношениях, как мы увидим, он может быть назван переходным между ранним и средним бронзовым веком на Крите, но в то же время отличается на востоке и на юге острова оригинальными чертами, тогда как в центре и на севере он представляет собой, очевидно, конец архаического минойского периода.

Карта показывает несколько новых населенных пунктов на севере Крита, концентрацию населения вокруг основных поселений на востоке и продолжающие существовать старые поселения в области Мессары. Необходимо отметить, что там, где были сделаны находки на поверхности, нераскопанные поселения сравнительно немногочисленны. Это отнюдь не означает, что подобных поселений вообще очень мало; дело в том, что значительная часть обломков гончарных изделий, менее тщательно орнаментированных, неотличима от керамики предшествующего периода. Например, совершенно непостижимо, каким образом такой крупный пункт, как Комо, мог оказаться покинутым в Р. М. III периоде; в действительности здесь просто случайно не было найдено типичных для этой эпохи черепков [1].

Архитектура Р. М. III. Архитектурные памятники этого периода скудны. На развалинах большого дома Р. М. II в Василики были построены из более мелкого камня хижины нового периода, которые жмутся к одной из уцелевших стен [2]. Других построек, которые можно было бы определенно отнести к Р. М. III периоду, мы не знаем, хотя некоторые из С. М. I домов в Псире, Мохлосе, Палекастро, Агиа-Триаде и Тилиссосе, возможно, были возведены на старых фундаментах или представляли собой перестройки более ранних домов [3]. Большое подземелье в Кноссе относили к Р. М. III [4]. Но его инвентарь почти полностью относится к С. М. I, и ничтожное

[1] См. также список поселений, в которых была найдена Р. М. керамика, не поддающаяся более точной датировке, на стр. 303 сл. и карту 13.

[2] Trans. Penn. Univ., I, 128; II, 113, 118.

[3] Pseira, 9; A. J. A., XIII, 274; B. S. A., IX, 300; J. H. S., XXXIII, 365; T. V. M., 79.

[4] P. of M., I, 104.

6. Поселения раннеминойского III периода.

число Р. М. фрагментов не дает достаточного основания для того, чтобы датировать их этим временем, ибо эти фрагменты, как и сопровождающие их неолитические памятники, легко могли попасть сюда из соседних пластов. Но наиболее важные сооружения этого времени, которые должны были находиться на вершине насыпи, были снесены при постройке центрального двора [1].

Гробницы Р. М. III. Архитектура гробничных построек как в Мохлосе, так и в Мессаре ничем не отличается от архитектуры предшествующего периода. На востоке и в центре острова попрежнему продолжают использоваться скальные укрытия, и постепенно в погребениях получают распространение саркофаги и урны. Систематическое повторное использование гробниц как пещерных, так и возведенных искусственным путем доказывает, что между Р. М. II и Р. М. III не было никакого разрыва. Действительно, из раскопанных до сих пор гробниц только гробницы в Мессаре, Порти, Христосе и Вору построены, повидимому, в Р. М. III периоде.

Керамика Р. М. III. Важная черта, отличающая керамику этого периода от предшествующего,— это замена техники орнамента темным по светлому техникой светлым по темному (см. рис. 11, где узоры условно изображены темным по светлому). Эта перемена требует какого-то объяснения, и мы, повидимому, можем его дать на основании огромного количества Р. М. III керамики, найденной в восточной части острова. В конце Р. М. II периода орнамент из пятен, применявшийся на изделиях из Василики, фактически вытеснил геометрический орнамент темным по светлому или во всяком случае стал излюбленным приемом орнамента. Но лишенная украшений одноцветная или почти одноцветная керамика, повидимому, никогда не удовлетворяла вкусам критян. Орнамент из пятен был, в сущности, делом случая и контролю не поддавался. Появляется необходимость каких-то дополнительных украшений, и мы встречаем насечки и узоры пунктиром на пятнистых изделиях Р. М. III [2].

Но и этот несколько примитивный способ орнамента был не вполне удовлетворителен; поскольку черный лак Р. М. II периода плохо выделялся бы на темном фоне украшенных пятнами изделий, рисунки наносились матовой белой

---

[1] Это, очевидно, произошло также и в Гурнии, как показывает большое количество Р. М. III керамики, найденной к северу от поселения; Trans. Penn. Univ., I, 191.

[2] Например, Mochlos, 97 и несколько образцов из Трапезы. Мы уже ранее отмечали, что имитации, выполненные той же техникой или росписью, в других частях острова продолжают встречаться и в Р. М. III периоде. Ср. Pseira. 17.

краской [1]. Судя по немногочисленности образцов, выполненных в этой технике, минойцы скоро убедились, что пятнистый фон ничего не прибавляет к художественному эффекту; вскоре

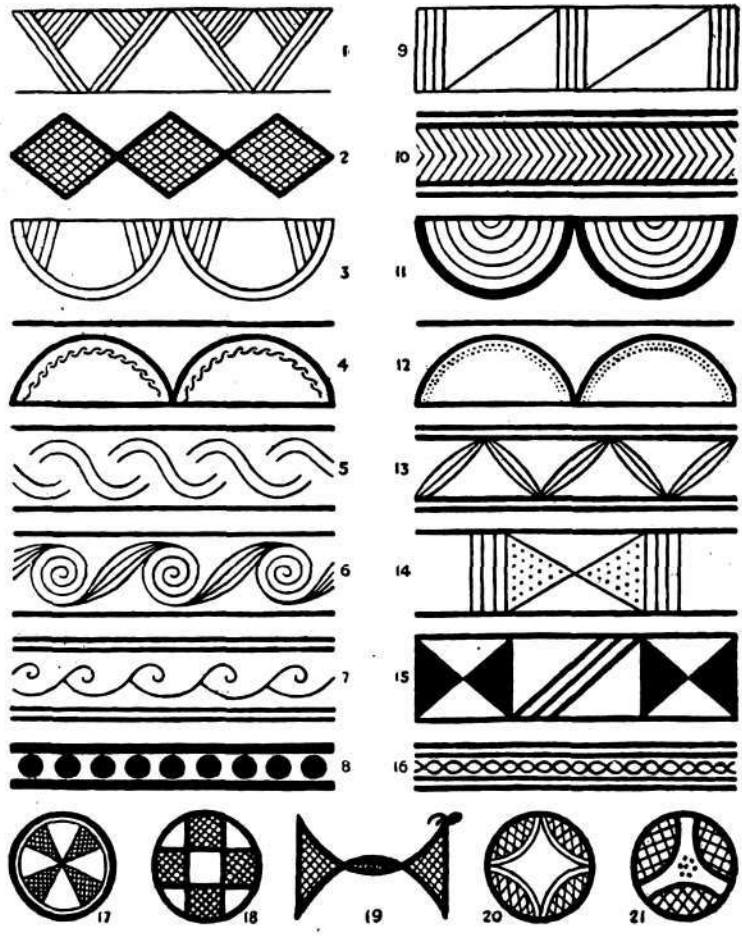

Рис. 11. *1—21* — образцы орнамента Р. М. III керамики.

появляются рисунки, выполненные белилами по фону из черного лака [2].

Новый стиль скоро распространился до Центрального и Южного Крита и, повидимому, держался в Мессаре так же

[1] Trans. Penn. Univ., II, 93.

[2] Так же, может быть, следует объяснять и аналогичный переход от техники темным по светлому к технике светлым по темному в раннеэлладском периоде.

долго, как и на востоке острова. На севере и в центре, однако, как мы увидим, он не был долговечен.

Продолжает встречаться кувшин с длинным носиком (см., например, фото 39), но даже и на востоке наблюдается тенденция к укорочению носика наподобие образцов из Мессары (например, фото 40, *4*, *b*) и к усвоению приземистой формы, которая была распространена на юге [1]. Еще до окончания Р. М. III периода появился обыкновенный кувшин с коротким носиком (фото 44, *h*), с горизонтальными ручками, которые свидетельствуют о том, что существовали более крупные формы, чем показанная на рисунке [2]. Кувшины утратили свои чрезмерно удлиненные носики (фото 40, *4*, *a*, *c*, *e*) и обнаруживают тенденцию к форме с широким плоским основанием, иногда с небольшой ножкой. При этом они всегда несколько более приземисты, чем Р. М. II образцы. Отметим, что у основания носика еще изображаются заклепки, хотя формы уже отошли от металлических. На фото 40, *d* показан также сосуд с двумя ручками. Но наиболее типичный вид для рассматриваемого периода имеют кубки. Характерные для Р. М. II кубки на ножках исчезли, во всяком случае среди орнаментированных изделий; наиболее распространенной становится форма, напоминающая округлую чайную чашку, обычно без ручки (фото 39, *e* и *f*); иногда, однако, встречаются и маленькие — немного ниже середины сосуда — горизонтальные ручки числом до четырех. На фото 39, *g* показана унаследованная от предшествующего периода форма чашки с маленьким открытым носиком. Известно также большое число чашек без этого носика, причем некоторые из них имеют слегка расширяющуюся книзу ножку и иногда снабжены вертикальной ручкой [3]. На фото 40, *f* показана более выработанная форма, которая в дальнейшем получает широкое распространение. Следует отметить, что ручки всегда или округлы, или только слегка сплющены в сечении. Ленточная ручка еще не появилась. Многие из этих чашек очень тонкой работы, а некоторые из них почти заслуживают названия «скорлупок».

Иногда попадается овальное ладьеобразное блюдо с открытым носиком на одном конце и утолщением или горизонтальной ручкой на другом [4]. В Василики [5] найден аск, а в Мохлосе и Кумасе — антропоморфные сосуды того же типа,

---

[1] Образец в Mochlos, рис. 50, 92, по форме сходен с нашим образцом на фото 31.

[2] См. P. of M., I, рис. 76. Здесь изображен кувшин с вертикальной ручкой, округлым корпусом и коротким носиком,— явно, предшественник образцов С. М. I в Василики и Палекастро. Он происходит из Мохлоса.

[3] Trans. Penn. Univ., I, 194.

[4] Там же, II, 122.

[5] Там же, II, 120.

что и описанный выше Р. М. II сосуд (фото 37, *2*) [1]. Повидимому, антропоморфные и зооморфные сосуды были в это время в Мессаре излюбленными формами. Ксантудидис опубликовал [2] фигурки акробатов, борющихся с быками, небольшие кувшины, за горлышко которых также цепляются фигурки, очаровательного птенца с открытым клювом и целый ряд асков в форме птиц, обнаруживающих удивительное сходство с одним египетским типом середины додинастического периода [3]. Из Мессары происходит также странный тип сосуда, появляющийся снова в Р. М. I периоде, весьма напоминающий по форме пару очень тонких ног [4].

Лучшие образцы новой техники орнамента белым по черному обнаружены в восточной части острова (рис. 11). Нет ни одного типа рисунка, встречающегося в какой-либо другой части острова, который не был бы здесь представлен. Сигер [5] склонен установить два периода, причем только от второго из них найдены образцы в неперемешанном слое, да и то в одном лишь месте — в колодце в Василики. Типичным для первого образца Сигер считает узор из штрихованных ромбов и кругов, а для второго — более условный рисунок на чашках-«скорлупках». Но хотя выявление двух стадий весьма важно для внутренней хронологии Крита, будет более осторожно, прежде чем прийти к определенным заключениям, рассматривать эти рисунки как одно целое.

Большим успехом в развитии рисунка было введение криволинейных и спиралеобразных мотивов. Прямолинейные узоры представляют собой только дальнейшую разработку таких же узоров Р. М. II периода. Наиболее обычен зигзаг между линиями, идущими вокруг всего корпуса сосуда, причем получающиеся таким образом треугольники попеременно то заштрихованы, то не имеют узора. На рис. 11, *1* показан самый обычный узор, расположенный ниже края чашки. На сосуде, изображенном на фото 39, *d*, этот узор распространяется по всей поверхности. В большинстве случаев орнамент ограничен двумя окаймляющими линиями, которые то поднимаются наклонно вверх, как на фото 40, *c* и *e*, то свисают петлями, как на фото 39, *d*. Для всех образцов характерно горизонтальное расположение орнамента; вертикальное, появляющееся в С. М. I периоде, еще не встречается.

Более существенно, однако, появление криволинейных мотивов. Простой полукруг над линией или под ней (рис. 11, *3*, *4*, *11*, *12*) может быть объяснен как возрождение узоров

[1] Mochlos, 64; V. T. M., 2.
[2] V. T. M., все образцы из Кумасы на табл. XXVIII.
[3] J. E. A., XII, 52; ср. Studies, II, 103, примечание и ссылки.
[4] V. T. M., табл. XXVIII; ср., однако, Studies, II, 44, где указаны фессалийские аналогии.
[5] Trans. Penn. Univ., II, 122.

насечкой Р. М. I периода; но образцы переплетающихся кривых линий и рядов спиралей мы должны, разумеется, искать за пределами Крита и, конечно, прежде всего на Кикладах, где мотив спирали был уже хорошо известен. На Крите в рассматриваемое время наблюдаются почти все разновидности этого узора — спирали с утолщенной центральной частью, простые, идущие рядами или, вернее, связанные между собой спирали, соединенные посредством одной или нескольких линий или треугольников (фото 40, *а*) и даже более разработанный рисунок, заимствованный от каменных печатей этого периода [1].

Но, несмотря на эту новую манеру соединять линии орнамента посредством связующих звеньев, не были забыты и прежние свободно расположенные мотивы; круги, украшенные внутри штрихованными сегментами, квадратами или крестами, являются прямыми предшественниками розеток, столь характерных для более поздней минойской керамики. Иногда, повидимому, художник оказывался между двумя стульями. Случалось, что он располагал хорошим мотивом орнамента, но в то же время стремился не отставать от времени, и то, что могло бы быть удачным рисунком, если бы было оставлено без соединения с таким же рисунком на другой стороне сосуда, испорчено бессмысленными линиями, идущими от одного рисунка к другому и достигающими только того, что некрасиво рассеченное промежуточное пространство кажется еще бо́льшим [2].

Впервые встречаются фигуры животных. Легко проследить, как они появляются. Развитие старого мотива «двойной секиры» (см., например, рис. 11, *19*) навело на мысль об очертаниях тела животного, а отсюда был уже только один шаг до того, чтобы прибавить на одном конце козью голову [3]. Иногда та же идея возникала у мастера на основании заштрихованного овала, и он добавлял к этому орнаменту изображение ног и ушей. В конце концов появляются и настоящие изображения животных [4].

Полихромия появляется до окончания этого периода — красная или белая краска на черном фоне; весьма вероятно, что это было результатом развития еще не упоминавшегося нами вида орнамента, когда только часть сосуда покрыва-

---

[1] P. of M., рис. 77, из пещеры Камарес. Это единственный хороший образец Р. М. III керамики для всей области Мессары.

[2] Например, Палекастро, B. S. A., доп., рис. 5, *с*.

[3] Trans. Penn. Univ., I, табл. XXVIII, 28.

[4] B. S. A., доп., табл. III, I. Подобная последовательность развития уже наблюдалась выше, стр. 41, в изображениях лиц в неолитической керамике из Трапезы. Возникновение натуралистических форм в результате случайного сходства в геометрическом узоре наблюдается столь же часто, как и обратное явление, когда геометрические узоры оказываются результатом стилизации натуралистических форм.

лась рисунком белым по черному, а остальная поверхность сохраняла свой естественный красноватый цвет [1]. Красная краска имеет темный тон, легко отличимый от более светлого оранжевого, появляющегося в С. М. I периоде. Она применяется довольно редко, и известные образцы ее немногочисленны. На одной чашке из Палекастро чередуются белые и красные фестоны и, кроме того, имеется небольшой красный круг, окаймленный белыми точками; из Кносса происходит кружка с коротким носиком, украшенная красными линиями, с окаймлением из белых линий, идущих от основания вверх [2].

На северном побережье, в Пиргосе, было найдено много сосудов с темнокоричневой полированной поверхностью, часто с насечками (фото 39, *а* — *с*). Хотя здесь отсутствуют стратиграфические данные, сосуды этого типа вполне отличимы от более ранних протонеолитических Р. М. I изделий с насечкой. Трудно сказать, изготовлены ли они на месте, как полагает Эванс, или ввезены с Киклад. Лично я склонен принять последнее предположение; во всяком случае, среди указанных предметов встречаются первые экземпляры цилиндрических пиксид, которые в это время впервые появляются на Крите.

Саркофаги, образцы которых были найдены в Пахиаммосе и Пиргосе, сделаны из простой глины, имеют овальную форму и снабжены на каждой стороне парой вертикальных ручек, расположенных близ конца. Крышки плоские. У одного саркофага меньшего размера из Пахиаммоса, имеющего белый орнамент на коричневом фоне, крышка слегка выпуклая и имеет наверху по ручке с каждой стороны [3].

Каменные сосуды Р. М. III периода в Мохлосе обнаруживают признаки явного упадка. Они становятся меньше, и материалом для них начинает служить мягкий черный жировик, вытесняющий более твердые разноцветные камни [4]. Счастливым исключением, однако, является цилиндрический сосуд с носиком из брекчии, найденный в гробнице XXIII [5]. Как и в предшествующем периоде, формы сводятся главным образом к небольшим чашам с ушками и более высокой чаше с крючкообразной ручкой [6]; первая из этих форм встречается довольно часто в Трапезе.

[1] B. S. A., доп., рис. 5,*а* и несколько примеров на таблицах, Trans. Penn. Univ., I. На очень немногих образцах из Палекастро встречается орнамент темным по светлому; возможно, однако, что эти обломки принадлежали сосудам, которые имели орнамент также светлым по темному. B. S. A., доп., табл. III.

[2] B. S. A., доп., рис. 5, *d*; P. of M., I, рис. 78.

[3] Pachyammos, табл. XII.

[4] Mochlos, 101. С этим можно сопоставить то обстоятельство, что и в Египте после II династии разноцветные камни выходят из употребления.

[5] Там же, 80, и табл. III; в одном месте она отнесена к Р. М. II периоду, но, повидимому, основанием для окончательной датировки может служить миниатюрная мраморная пиксида из той же самой гробницы.

[6] Там же, рис. 37, XVI, 5.

Возможно, что к этому периоду следует отнести бо́льшую часть каменных сосудов из Мессары. Некоторые из них сделаны из разноцветных камней (например, фото 33, *d* и *e*), но в общем они производят впечатление крайнего однообразия. Довольно часто встречается чаша с крючкообразной ручкой, но излюбленной формой является сосуд в виде «птичьего гнезда», украшенный насечкой (фото 33, *c*) и часто имеющий одно или несколько меньших углублений вокруг основной полости, а также небольшая чаша с выступающим краем и ножкой (фото 33, *e*). Первая продолжает существовать и в следующем периоде, как здесь, так и в других местах, но вторая, повидимому, свойственна только Мессаре и только в этом периоде. Несколько менее обычен тип, изображенный на фото 33, с выступающим краем и раздутым книзу корпусом. Сосуды этого типа почти всегда имеют насечку, либо, как в данном случае, в виде простых ребер ниже края, либо в виде штрихованных треугольников, поднимающихся над самой широкой частью тела сосуда. Тип сосуда «перечница с солонкой» продолжает существовать, как можно заключить на основании узора насечкой, развивающегося на этих сосудах в том же направлении, как и на «птичьих гнездах». Другая форма, довольно непритязательная, появляющаяся, повидимому, в это же время,— чашка с вертикальными стенками [1].

Продолговатая каменная палетка на четырех коротких ножках или с выпуклостью на нижней стороне имеет интересные египетские параллели [2].

Изделия из металла Р. М. III. Металлические изделия неотличимы от изделий Р. М. II периода. Бронза все еще не известна. В основном распространены длинные кинжалы, хотя, повидимому, еще применяются и треугольные кинжалы [3].

Статуэтки Р. М. III. Статуэтки становятся теперь более совершенными, что, несомненно, обусловлено ввозом мраморных образцов с Киклад (фото 37, *1*). Легко проследить влияние последних на фигурки местного производства. Наиболее близкими подражаниями являются статуэтки из кости, которые, повидимому, представляли продукт местного производства Ласити (фото 36, верхний ряд), так как до сих пор обнаружен только один образец этих изделий за пределами Трапезы [4]. В отличие от кикладских прототипов часть этих статуэток имеет разрезанный передник и, повидимому, изображает

[1] V. T. M., табл. XXXIX, *a*, 1062, а также образец из Трапезы.
[2] Там же, 36.
[3] Mochlos, 107, также Порти, где, судя по полному отсутствию Р. М. II черепков, представляется мало вероятным, чтобы гробница была построена ранее Р. М. III периода.
[4] Агиа-Триада.

мужчин, однако происхождение их не вызывает сомнений [1]. Трудно сказать, имеют ли два небольших гипсовых предмета, изображенных на той же таблице внизу, какую-либо связь с напоминающим по форме скрипку «идолом» кикладского происхождения (фото 37, *2*, наверху посередине), или же это местные примитивные произведения. В Мессаре кикладские статуэтки встречаются в большом количестве; повидимому, они высоко ценились, так как во многих случаях носят следы починки [2]. Любопытно, однако, что если мы не примем за местные рабские подражания некоторые имеющиеся образцы, сделанные из камня, но не из мрамора, то, повидимому, следует признать, что ввозные статуэтки не повлияли на местный тип в такой степени, в какой этого можно было бы ожидать. Действительно, статуэтки, которые мы имеем достаточно оснований относить к этому периоду, повидимому, скорее ведут свое происхождение от примитивных статуэток Р. М. II периода [3], хотя они имеют расширение книзу, как бы изображающее юбку. Руки у них сложены на груди, а не прижаты к животу, и если мы станем искать их предшественников за пределами Крита, то должны будем обратиться к Месопотамии, к шумерским статуям Урнина из Лагаша [4].

Печати Р. М. III. Вместе со статуэтками изменяются и печати; в этом периоде начинает часто встречаться ручка печати, вырезанная в виде птицы или животного. Наиболее искусно сделанная среди них была найдена в Трапезе (фото 38, *2*). Узор на ее основании позволяет с определенностью отнести ее к Р. М. III периоду. Она сделана из слоновой кости, излюбленного материала того времени, и изображает обезьянку. На других печатях мы видим голубя с птенцом, голову кабана, льва, припавшего к своей добыче, обезьяну и двуголовую птицу (фото 41, *1*). Встречаются конические пирамидальные волчки, а также трехсторонние печати, цилиндры с гравировкой на каждом конце, плоские двусторонние печати и печати в виде пуговиц. Наиболее распространенным материалом после слоновой кости служит жировик различных цветов.

Восток Крита чрезвычайно беден печатями. Центр острова представлен немногими образцами, купленными у крестьян, и несколькими образцами из Трапезы. Таким образом, гробницы Мессары фактически дают нам единственный критерий, и хотя заключение e silentio всегда опасно, я полагаю, что в этом

[1] Очень немногие из кикладских статуэток изображают мужчин, а на имеющихся изображениях последние, повидимому, всегда представлялись выполняющими какое-либо действие, например играющими на арфе или на флейте.

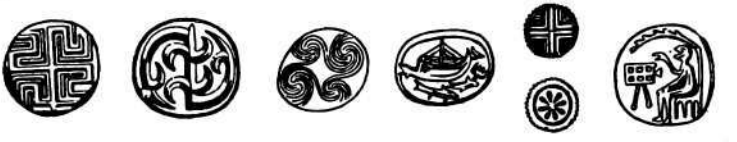
[2] V. T. M., 21; P. of M., I, 115.

[3] *Banti*, цит. соч., 246; см., ниже.

[4] *Hall*, Ancient History of Near East, табл. XII; см. также ниже.

случае мы вправе предположить, что центр производства находился на юге, откуда оно распространялось, хотя и очень медленно, на другие части острова. Вследствие отсутствия стратиграфических данных датировка печатей данного периода может опираться только на стилистические основания, но она сравнительно надежна; как мы видели, Р. М. II период едва ли можно принимать во внимание, а что касается С. М. I периода, то он дает достаточное количество стратиграфически датируемых образцов, чтобы можно было отчетливо отличить свойственные ему типы.

Орнамент поражает богатством и разнообразием, особенно если принять во внимание, что здесь перед нами новое искусство. Для объяснения этого обстоятельства необходимо допустить наличие какого-то влияния извне.

Р и с. 12. *1—6* — образцы печатей Р. М. III периода.

Часто встречаются разнообразно расположенные спирали (рис. 12, *3*). Более свободная их разновидность превращается в криволинейный меандр. Было высказано предположение, что прямоугольный меандр (рис. 12, *1*) возник из этой формы под влиянием развития ткачества [1]. Во всяком случае, этот узор, как в его более простом виде (рис. 12, *5*), так и в происходящем от него более сложном варианте лабиринта, появляется именно в указанный период. Как и следовало ожидать, встречаются розетки.

Но наиболее характерно включение в орнамент фигур людей и животных. Такие изображения встречаются, например, на большом числе печатей цилиндрического типа из Платаноса. На лучшей из них на одном конце изображена по окружности процессия львов, а вокруг центра — процессия пауков; на другом конце имеется изображение трех скорпионов [2]. Встречаются обезьяны и дикие козлы [3]. Появляются грубые человеческие фигуры [4], а также лодки и рыбы (рис. 12, *4*), прототипы морских сюжетов, играющих такую большую роль в тематике позднейшего минойского искусства [5].

[1] P. of M., I, 121; ср. рисунок П. М. I на рукоятке меча из Маллии; B. C. H., LX, табл. XXXVIII, 2.

[2] V. T. M., табл. XIII, 1039. Отметим, что скорпионы безголовые, как и в Египте. Ср. *Gardiner*, Egyptian Grammar, 468.

[3] Там же, 1044, 1103.

[4] P. of M., I, рис. 87, 6 и рис. 93.

[5] Там же, рис. 89, *b*.

Немалое значение для датировки имеет, как мы увидим, мотив «двойной секиры» (см., например, рис. 12, *2*), который появляется на печатях в виде пуговиц и бус.

Почти во всех случаях композиция чрезвычайно удачна и пространство заполнено превосходно, что весьма поражает в новом искусстве. Те случаи, когда не получался эффектный рисунок, объясняются, повидимому, скорее неудачей художника, чем недостаточным пониманием самого принципа [1].

Ювелирные изделия Р. М. III. Ювелирные изделия трудно отличимы от изделий Р. М. II периода; единственными предметами, которые мы можем с достаточной определенностью отнести к этому времени, являются цилиндрические подвески, украшенные накладными спиралями из золотой проволоки или простыми узорами на листках, выполненными техникой repoussé [2]. Следует отметить слегка выступающие полоски на каждом конце. Встречаются бусы из жировика, горного хрусталя, красного и желтого сердолика. Обычные формы: сферическая, трубчатая, в виде приплюснутых дисков и — впервые — миндалевидная [3].

Внешние сношения в Р. М. III. В этом периоде отсутствуют также датируемые стратиграфически ввозные предметы, хотя некоторые скарабеи и печати, найденные в гробницах Агиа-Триады, Аспри Петры, Платаноса и Маратокефало, почти наверное принадлежат Р. М. III отложениям [4]. Однако большой интерес представляют случаи, когда рисунки на каменных печатях имеют явные параллели в Египте. Для нас не имеет особого значения, являются ли такие печати, как напоминающая по форме скарабей, с ручкой в виде ласки, из Порти [5] предметом ввоза или подражанием, ибо при первом же взгляде на собрание египетских печатей, с достоверностью относимых к первому промежуточному периоду (т. е. к VII—X династиям), становится очевидно, что фактически каждый встречающийся на Крите линейный рисунок, так же как и форма ручек печатей, находит здесь близкие аналогии [6]. Печать в виде пуговицы, а также введение мотива скарабея и фигуры животного в оформление ручки типичны для рассматриваемого периода. В Египте встречается изображение двух человеческих фигур, расположенных так, что голова каждой находится рядом с ногами другой. Эванс

[1] Например, V. T. M., табл. IV, 516; *Banti*, цит. соч., рис. 88, 100.
[2] Например, V. T. M., табл. XV, 455 и др., а также LVII, верхний ряд.
[3] Например, там же, табл. LVIII.
[4] Aegyptiaca, 9, 29 и 35.
[5] V. T. M., 68.
[6] Ср. V. T. M., табл. VIII, XIV, XV и *Brunton*, Qau and Badari, I, табл. XXXIII и XXXIV.

составил «родословное древо», начинающееся с двух таким же образом расположенных львов и восходящее к мотиву двойного серпа (рис. 12, *2*) [1].

Многие параллели настолько близки, особенно если их сопоставить с предметами ввоза, что в них нельзя не видеть доказательства существовавшей в этот период непосредственной связи между Египтом и Мессарой. Франкфорт, однако, указал, что многие из этих черт сами могли быть заимствованы в это время в Египте из Сирии и что многие из критских печатей, имеющих форму животных, ближе к родственным сирийским формам [2].

Как бы то ни было, при отсутствии соответствующих данных в Восточном Крите представляется более вероятным предположить соприкосновение между Мессарой и подвергшимся сильному сирийскому влиянию государством в дельте Нила, чем допустить непосредственное соприкосновение с самой Сирией.

Против этого свидетельствуют статуэтки. Тип статуэток в одежде, с руками, сложенными на груди, ближе к месопотамским образцам, чем к каким бы то ни было иным, и если не датируемая стратиграфически голова из слоновой кости со следами инкрустации из раковин на месте глаз, найденная в Трапезе и изображенная на фото 38, *2*, не является ввозной, то она, несомненно, сделана мастером, который изучил искусство в месте его возникновения [3]. Чрезвычайно ранние даты, к которым должны быть отнесены ближайшие параллели (время до эпохи Саргона), означают, что такие статуэтки продолжали изготовляться в Сирии в течение нескольких столетий после того, как они исчезли в Месопотамии, или же, что мы должны датировать мессарские статуэтки более ранним периодом — Р. М. II. Последняя возможность не исключена, но в таком случае возникает разрыв традиции, который едва ли может быть заполнен кикладскими статуэтками. Притом такой вывод представляется более сомнительным, если мы примем во внимание быстрое развитие искусства гравировки, о чем свидетельствуют печати.

Выше уже упоминались каменные палетки. Египетские параллели датируются гораздо более ранним временем — додинастическим и раннединастическим периодами, хотя они могли сохраниться и впоследствии; так, в Телль-эль-Амарне

---

[1] P. of M., I, 123, рис. 92.

[2] J. E. A., XII, 90 и 94; Studies, I, 132; II, 122. Что касается слоновой кости, то слоны встречались в Сирии еще в XV столетии до н. э.; таким образом для приобретения материала обе страны располагали одинаковыми возможностями.

[3] Ср. эту голову с головой, найденной во втором овальном храме в Хафайе (прибл. 2800—2600 годы до н. э.) — О. I. C., 19, рис. 75 и стр. 85. Однако Франкфорт склонен относить первую к сирийской культуре, с которой мы только теперь начинаем знакомиться.

был найден образец, находившийся в употреблении [1]. Однако египетские образцы плоски с обеих сторон, в то время как минойские либо выпуклы снизу, либо имеют четыре короткие ножки. Во всяком случае имеет значение не столько предмет сам по себе, сколько установление сходства в обычаях, заключавшегося в том, что румяна и там и здесь рассматривались как важная принадлежность туалета.

Хорошая параллель к антропоморфным сосудам найдена в слоях, датируемых XI династией в Рифе [2].

Мы уже упоминали пиксиды и статуэтки кикладского происхождения. В дополнение к ним в Мохлосе было обнаружено большое число сосудов из критского мрамора, имеющих также кикладский тип [3]. Все эти ввозные предметы датируются раннекикладским II и III периодами, когда появился мотив спирали [4]. Дальнейшим доказательством тесного соприкосновения с островами служит значительное увеличение числа обсидиановых резцов везде, где встречаются Р. М. III предметы.

Оставляя в стороне сомнительное свидетельство статуэток и палеток, мы видим, что печати, представляющие собой в Мессаре наиболее типичный для данного периода предмет, обнаруживают большое сходство с типами, которые в Египте достоверно датируются периодом первого распада, т. е. временем от конца VI до начала XI династии, или около 2500—2200 годов до н. э.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ РАННЕМИНОЙСКОГО III ПЕРИОДА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Амнисос	Пещера	Сосуды из пещеры Илитии (Marinatos, Πρακτικά, 1929, 95; 1930, 91)
Аркалохори	Пещера	Много черепков, найденных снаружи у выхода (*Hazzidakis*, B. S. A., XIX, 35)
Кастеллос Цермиадон	Поселение	Остатки поселения на вершине. Раскопано в 1937 г. автором
Кносс	Постройки	Подземелье; более позднее отложение на полах домов, расположенных к югу от дворца (P. of M., I, 103 сл.). Кикладские статуэтки и медные кинжалы, найденные в Тики на дороге, ведущей в Кандию (Arch. Anz., 1933, 298)

[1] См. V. T. M., 129; City of Akhenaten, II, 43.
[2] P. of M., II, 258.
[3] Например, Mochlos, табл. III, XXI, 10, рис. 46, VII, *a*.
[4] Ср. каталог Британского музея, I, I, XXVIII сл. и группу предметов, приводимую в книге *Child*, Dawn of European Civilization, рис. 22.

Краси	Гробница	Часть инвентаря круглой гробницы (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., XII, 102)
Маллия	Отложение	Черепки (*Chapoutier*, Mallia, I, 13; II, 27; B. C. H., 1928, 368)
	Кладбище	Скальные укрытия на побережье (B. C. H., 1929, 527)
Пиргос	Пещера	Погребения в саркофагах (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., 1918, 136)
Стравомити	Пещера	Сосуды и пр. из раскопок 1898 г. (*Evans*, P. of M., II, 68)
Трапеза	Пещера	Сосуды из раскопок 1936 г. (A. J. A., XL, 371; Arch. Anz., 1936, 162)
Тилиссос	Поселение	Очень ранние черепки, относящиеся к первому периоду заселения (*Hazzidakis*, Tylissos, Villas Minoennes, 7/9 Ausonia, VIII, 76 сл., рис. 12)

б) Находки на поверхности

Гази	Один черепок, найденный на откосе дороги Мани Каутс и Экдз в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 92)
Канли-Кастелли	Черепки из Висала к востоку от деревни (*Evans*, P. of M., II, 71)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Триада	Гробница	Часть инвентаря круглой гробницы (*Banti*, Annuario, XIII—XIV, 164 сл.; Mon. Ant., XIV, 677)
	Дома	Инвентарь нескольких домов ниже главного двора во дворце (J. H. S., XXXIII, 365)
Драконес	Гробницы	Несколько черепков из круглых гробниц (*Xanthoudides*, V. T. M., 76)
Камарес	Пещера	Один сосуд и несколько черепков (Доукинс, B. S. A., XIX, 1)
Христос	Гробница	Сосуды и пр. из круглой гробницы (*Xanthoudides*, V. T. M., 70)
Кумаса	Гробница	Часть инвентаря круглой гробницы B (там же, 3)
Маратокефало	Гробница	Часть инвентаря круглой гробницы (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., 1918, Παρ. I, 14 сл.)
Фест	Отложение	Черепки и сосуды (*Mosso*, Mon. Ant., XIX, 204; *Pernier*, Festos, 115)
Платанос	Гробницы	Наиболее ранний инвентарь круглой гробницы B и меньших погребений (V. T. M., 88)
Пирти	Гробница	Наиболее ранний инвентарь (там же, 57)
Сива	Гробницы	Позднейшее отложение в круглых гробницах (Ausonia, VIII, доп., 13 сл.)
Вору	Гробницы	Наиболее раннее отложение из круглых гробниц (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., 13, 155)

а) Раскопанные поселения

Агиа-Фотиа	Пещера	Черепки из погребений (*Boyd-Hawes*, Trans. Penn. Univ., I, 183; Gournia, 56, 60)
Гурния	Отложение	Большое отложение черепков из траншеи, расположенной к северу (Trans. Penn. Univ., I, 191; Gournia, 57)
Мохлос	Гробницы	Инвентарь (*Seager*, Mochlos, passim)
	Поселение	Отложения под домами более позднего времени (*Seager*, A. J. A., XIII, 274)
Пахиаммос	Гробницы	Детские погребения в саркофагах. Погребения в саркофагах (*Seager*, Pachyammos, 9)
Палекастро	Оссуарии	(*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 292). В Эленика (там же, X, 196). В Кастри (там же, XI, 268)
	Отложения	На месте города (там же, IX, 300, доп. 7)
Псира	Поселение	Отложения в домах I периода (*Seager*, Pseira, 17)
Сфунгарос	Гробницы	Погребения в саркофагах и др. (*Hall*, *Sphoungaras*, 48; *Hawes*, Gournia, 56)
Василики	Поселение	Небольшие отложения в „доме на холме". Хорошее отложение в колодце (*Seager*, Trans. Penn. Univ., I, 218; II, 118)

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

СРЕДНЕМИНОЙСКИЙ ПЕРИОД

1. Среднеминойский I (С. М. I)

(см. карту 7)

В С. М. I периоде культурное развитие сосредотачивается на севере и в центре Крита. Появляются первые строения на месте будущих больших дворцов. При рассмотрении керамики мы приведем соображения, заставляющие полагать, что период, о котором идет речь, в этой части острова совпадал с Р. М. III в других местах [1] и что наиболее ранний стиль росписи сосудов этого периода, С. М. I *а*, был ограничен почти одним Кноссом. Для этой централизации показательно, что С. М. II так и не распространился на большинство пунктов, где местная форма стиля С. М. I продолжала существовать вплоть до С. М. III. Периоду С. М. II будет посвящена особая глава; однако не следует забывать, что это лишь местное развитие С. М. I. Кроме того, древнейшие остатки раннедворцового периода в Кноссе и Маллии совпадают по времени со второй половиной Р. М. III в Мессаре и на востоке [2].

К какому-то моменту в начале периода должно быть отнесено приведение в порядок большой дороги, пересекающей

---

[1] P. of M., I, 108.

[2] Очень убедительное подтверждение этому обнаружено в июне 1937 г. в Кастеллос Цермиадоне в Ласити. Здесь был раскопан дом, который, очевидно, оставался обитаемым на протяжении всего своего существования. Под полом и в полостях стен обнаружена С. М. I керамика. Отложение на полу было сплошь С. М. III, а снаружи у основания стен был смещан мусор С. М. I и С. М. III. Не было найдено ни одного черепка С. М. II.

7. Поселения среднеминойского I периода.

остров от Комо на юге до Кносса; об этом свидетельствует не только форт в Анаире [1], охраняющий ее, но также монументальный въезд во дворец в Кноссе [2]. Заслуживающей охраны была признана также другая дорога, соединяющая Мессару с побережьем. В Агиа-Параскеви видны остатки небольшого сторожевого пункта в начале ущелья Гулофаранго, которое ведет от С. М. I поселения Василики к Трипети, хотя в последнем пункте нет на поверхности никаких следов, восходящих к указанному времени.

Архитектура С. М. I. Основание Кносского дворца следует отнести к самому началу С. М. I периода. Строения, находившиеся на вершине насыпи, были снесены преимущественно в северо-западном углу, где они послужили для поднятия уровня строительной площади. Таким образом возник большой центральный двор. Вокруг него группировались изолированные корпуса построек — «острова»,— многие из них с округленными углами. В северной части дворца находился продолговатый мощеный двор, остатки которого выступают с двух сторон из-под позднейшей «площади театра». В западной части был расположен другой двор, огражденный толстой внешней стеной и имевший доступ с запада в виде пологого спуска. Непосредственно внутри ограждения размещалось некоторое число домов, подвалы которых находились ниже уровня двора [3]. Двор пересекали слегка возвышавшиеся тротуары. В юго-восточном углу находилось два въезда во дворец. Один вел прямо в восточном направлении, минуя ряд кладовых, к центральному двору, а другой — на юг сквозь прототип позднейшего западного портика; несомненно, этот въезд проходил в том же самом направлении, что и «коридор шествий», и соединялся в каком-то месте с упомянутым выше ступенчатым спуском. Из северного двора вел широкий въезд, охраняемый толстостенной сторожевой башней, основные очертания которой сохранялись до конца минойской эпохи. Западное крыло дворца разделялось надвое длинным коридором, шедшим с севера на юг. Позднее этот коридор соединил дворец с кладовыми. К западу от него перестройка была столь основательной, что никакая реконструкция невозможна. Однако, в промежутке между длинным коридором и центральным двором, в группах строений, на которые распадается позднейший дворец, ясно выступает расположение первоначальных построек. Яснее всего выделяется комплекс строений, место которого заняли в период существования позднейшего дворца помещения тронного зала. Здесь еще сохраняется

[1] Не является ли это местным сокращением вместо Агиа-Анаргири?
[2] Там же, II, 146. В окончательной форме его, несомненно, надо отнести к С. М. III периоду.
[3] B. S. A., XXX, 53; P. of M., IV, 50 сл.

округленный угол. К востоку от центрального двора дворец спускался рядом узких террас к большой восточной стене, которую можно видеть еще и теперь. Возможно, что многие из позднейших проходов и коридоров указывают на расположение открытых переулков между отдельными корпусами.

Рис. 13.

К этим наиболее ранним сооружениям во дворце принадлежат основания монолитных колонн — хорошо сохранившаяся конструкция, которая, возможно, составляла часть более сложной постройки. Два прямоугольных столба являются первыми образцами колонн, которые позднее станут столь обычными (фото 43, *2*).

Дворец в Маллии также был построен в начале С. М. I периода и имеет много общего с Кносским, хотя данные последних изысканий свидетельствуют о больших перестройках, произведенных в С. М. III периоде. Однако первоначальные элементы — центральный двор, дворы на западе и на севере, непосредственно сообщавшиеся с ним, и общее расположение, при котором дворец даже в его нынешнем состоянии кажется распадающимся на полусамостоятельные корпуса, показывают, что в основном он не изменился (фото 43, *3*).

В С. М. I*б* периоде западный фасад Кносского дворца был переделан. Прежние округленные углы были уничтожены, а прямой въезд в центральный двор застроен. Основные черты нынешнего фасада с его гипсовыми ортостатами принад-

лежат именно к этому периоду, точно так же как и бо́льшая часть террас на юге.

В Фесте, возможно, дворец был заложен в С. М. *1б* периоде, потому что керамика из отложений, непосредственно предшествующих его постройке, относится к такому типу, который, как мы увидим, является на юге и на востоке переходным между Р. М. III и С. М. I [1]. Здесь постройка находилась на склонах крутого холма, отвесно спускавшихся с трех сторон, что исключало возможность применения прямоугольного плана дворов Кносса и Маллии [2]. К западу был расположен мощеный двор (фото 43, *4*), пересекавшийся, как и в Кноссе, тротуарами, которые вели к въезду посередине западного фасада [3]. К северу на более высоком уровне находится другой двор, занимающий, однако, лишь небольшую площадь [4]. Центральный двор окружен постройками только с запада, севера и северо-востока, а в остальных направлениях продолжается до края плато. Ряд толстых стен на севере у позднейшего въезда, возможно, свидетельствует о том, что первоначально в этом месте был широкий въезд во двор, подобный тому, какой в этот период был в Кноссе. Внутреннее расположение может быть восстановлено не в большей мере, чем для Кносского дворца, так как перестройка в С. М. периоде была здесь, повидимому, еще более обширной.

Если не считать облицовки из известняковых или гипсовых плит, скрепленных посредством деревянных балок, которые поддерживают стены из булыжника в больших постройках, кладка производится обычно из грубо обтесанных мелких камней, иногда очень искусно и тщательно прилаженных один к другому [5]. Для фундамента часто применялись камни большого размера, как, например, в старом западном фасаде в Кноссе, но в самих стенах редко попадаются камни, имеющие в длину более 35—40 *см*. Камни всегда обработаны молотом, пила для этого еще не применяется.

Округленные углы составляют, повидимому, отличительную особенность Кносса, и так как здесь это нельзя объяснить условиями местности, как, например, для дома в Хамези (см. ниже), то мы должны искать другие причины этого

[1] Festos, I, 135, рис. 59.

[2] Там же, табл. II.

[3] Весьма вероятно, что пристройка ступеней на северном конце двора и сооружение одноколонных пропилей — черты, соответствующие «площади театра» и западным пропилеям в Кноссе,— были выполнены в С. М. II периоде.

[4] Прямо против западной стены этого двора имеется ряд углублений, явно предназначавшихся для деревянных колонн. Они расположены слишком близко к стене, чтобы составлять часть веранды; очевидно, стена и вымостка относятся к одному времени. Возможно, что эти колонны служили только декоративным целям.

[5] Например, P. of M., I, рис. 109, и в меньшей степени Festos, I, рис. 54.

явления. Округленные углы не характерны для кирпичной или каменной постройки, хотя они и встречаются в сооружениях из кирпича в Месопотамии в период Ларсы [1]. Эта форма присуща палисадам из деревянных столбов или тростника, и вполне возможно, что в кносских домах мы встречаемся с пережитком очень древней традиции.

Другой общей чертой западных фасадов трех древних дворцов является лежащая в основании плита, или подий, выступающая в некоторых случаях почти на полметра далее ортостатов и часто достигающая высоты 40 *см*. До сих пор ей не дано никакого объяснения; в последующие периоды она или совсем исчезает, или сводится к выступу в 1—2 *см*.

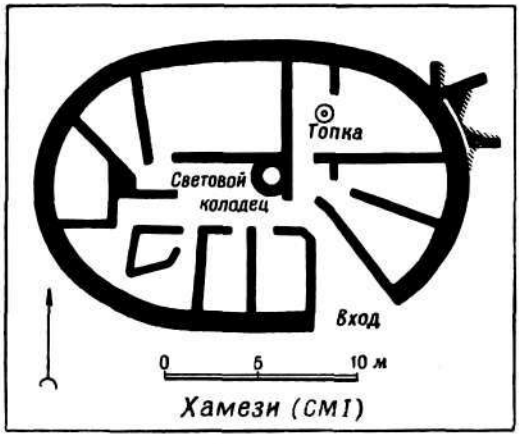

Рис. 14.

Небольшие углубления или отступы в стенах фасада также представляют загадку. В Маллии, как на западном дворе, так и на южной стороне центрального двора, они расположены симметрично; они также встречаются в Фесте, но здесь фасады слишком разрушены, чтобы можно было судить об их характере; в Кноссе эти отступы расположены беспорядочно. Повидимому, они не имели никакого отношения к помещениям, находившимся за ними.

Это явление пытались объяснить как пережиток ниш между четырехугольными башнями, выступающими из внешней стены [2]. Но в этом случае можно было бы ожидать, что даже если башни располагались на неравном расстоянии одна от другой, то проемы должны были бы приобрести известную симметричность после того, как забылось их первоначальное значение. Выдвигалось также предположение, что их назначением было нарушить монотонность стены игрой света и тени [3]. Но и на это можно возразить, что в таком случае сле-

[1] Например, в Телль-Асмаре; сомнительна более древняя постройка (раннединастического периода) в Хафае. О. I. С., 17, стр. 70, рис. 60. Они всегда находились на углах улиц, где вьючные животные могли бы получить ушибы от острых углов. Может быть, округленные углы в Кноссе объясняются той же причиной.

[2] P. of M., I, 269.

[3] Mallia, II, 10.

довало бы хоть в некоторой степени принимать во внимание симметрию; к тому же в Маллии, где отступы расположены симметрично, южный фасад центрального двора не мог получать от них тени, тогда как бóльшая часть западного фасада оставалась до позднего вечера целиком в тени, отбрасываемой строениями, расположенными к югу от нее.

К самому началу С. М. I *а* периода должны быть отнесены дома, находящиеся внутри западной внешней стены в Кноссе [1]. От них остались только фундаменты, но в одном случае имеются два пола, отделенные друг от друга слоем отложений в 50 *см*. На обоих отложения относятся исключительно к С. М. I *а* периоду. В другом доме ряд ступеней, покрытых красной штукатуркой, вел вниз в помещение, также вымощенное и облицованное красной штукатуркой, в одном углу которого находилось неглубокое продолговатое вместилище, образованное ребрами из штукатурки, а в центре — неглубоко вдавленный круг с более глубокой впадиной посередине (фото 44, *1*). Возможно, что это углубление предназначалось для посвятительных приношений — все помещение в целом напоминает позднейшие углубленные площадки для священнодействий — или же над ним могла располагаться жаровня, а само оно могло служить для собирания падающей золы. Демарнь [2] склоняется к этому мнению и указывает в качестве примера на постоянные очаги, найденные в некоторых из С. М. I *а* домов в Маллии. В доме был обнаружен большой поднос из красной глины с горизонтальными ручками и отчетливыми следами обугливания, причем его диаметр точно соответствует углублению.

Вследствие того обстоятельства, что дома были снесены до основания, а их подвальные помещения заполнены при расширении западного двора в С. М. II периоде, их планы не могут оказать существенной помощи, но все же можно различить кладовую с глубокими нишами, сходными с основанием монолитных колонн, а между западным домом и внешней стеной, возможно, световой колодец.

Кладка сплошь выполнена из мелкого грубо обделанного камня, проложенного глиной. Следы кирпичей, первоначально необожженных, но опаленных до красного цвета под действием огня, были найдены также, например, в юго-восточном углу дворца в Маллии. Хорошая красная штукатурка несколько напоминает ранние дома Василики; следы той же самой штукатурки, очевидно, из верхнего этажа, были найдены на различных уровнях над кладовой.

К несколько более позднему времени С. М. I периода относится единственный в своем роде овальный дом в Хамези

---

[1] P. of M., IV, 66; B. S. A., XXX, 53.

[2] B. C. H., XXXII, 87; в Хамези, однако, очаг был переносный.

(рис. 14). Мекензи убедительно показал, что его форма не обычна и не заимствована откуда-либо извне [1], но случайна и определена конфигурацией грунта. Мекензи отметил, что в основу здесь положен прямоугольный план, видоизмененный применительно к овальному периметру [2]. Данный план интересен тем, что постройка, подобно дворцам, расположена вокруг центрального открытого двора или светового колодца. В этом отличие данного строения не только от домов более ранних периодов, но также и от других единичных С. М. I

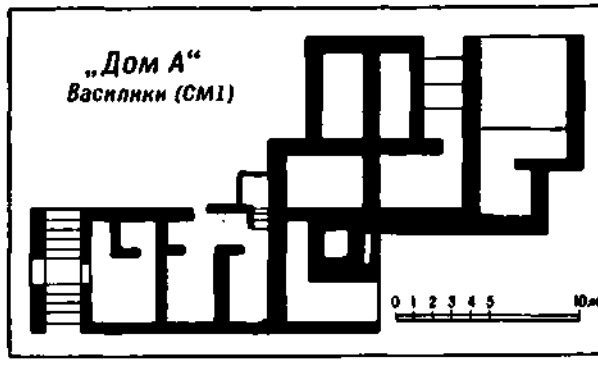

Рис. 15.

домов, для которых мы имеем сравнительно полный план: дома А в Василики (рис. 15), где несколько прямоугольных комнат собраны вместе без серьезной попытки их организованной планировки, и нескольких четырехугольных домов в Калатиане. Один из них, дом Н, имеет облицовку из хорошо обтесанных камней и проемы, подобные тем, которые мы наблюдали у дворцов. В других поселениях этого периода, например в Псире, Мохлосе и Палекастро, позднейшая перестройка сделала практически невозможным восстановление первоначального плана. Однако можно считать достоверным, что, за исключением Хамези, планировка частных домов не более правильна, чем планировка Р. М. домов.

В связи с архитектурой необходимо упомянуть о наиболее ранних следах разработанной системы канализации и водоснабжения в Кноссе [3]. Хорошие образцы глиняных труб были обнаружены под южным портиком и под «коридором шахматной доски». Они имеют около 75 *см* в длину и резко суживаются, так что возникающий напор воды легко удаляет могущее возникнуть засорение. Труба заканчивается узкой

[1] B. S. A., XIV, 415 сл.
[2] Там же, рис. 20 и 21.
[3] P. of M., I, 141.

шейкой, которая хорошо входит в соседнюю трубу, где обе трубы соединяются цементом. Возможно, что минойские инженеры уже открыли принцип сохранения уровня воды в сообщающихся сосудах, потому что под южным портиком направление трубы обнаруживает уклон более чем 1 на 20. Впрочем, в этом месте трубы лежат на земле, заполнившей подземелье, и поэтому могли несколько опуститься, так что говорить с уверенностью о наличии сознательно устроенного уклона нельзя.

Гробницы С. М. I. В Мессаре еще используется некоторое количество круглых гробниц. В Вору и Драконесе к этому периоду относится основная часть отложений, а в Агиа-Триаде отложения так обильны, что, повидимому, были возведены специальные пристройки для того, чтобы вместить приношения. Это заставляет предположить, что во многих случаях отложения связаны скорее с посвятительными, чем с погребальными приношениями.

Выше, при первом описании гробниц, мы уже упоминали, что местоположение одного или двух из поселений изменилось. В тех случаях, когда это происходило и новое поселение возникало в непосредственной близости к Р. М. гробнице, последняя более не использовалась [1].

В восточном Крите еще продолжают употребляться прямоугольные оссуарии Палекастро и гробничные постройки Мохлоса, причем строятся и новые. Весьма обычными становятся погребения в глиняных саркофагах и пифосах, например в Пахиаммосе и Сфунгаросе. В одном случае в Агиа-Фотии были найдены черепки в скальном укрытии.

На севере и в центре Крита скальное укрытие, повидимому, еще остается излюбленным местом погребения. Однако в Гурнесе уже появился прямоугольный оссуарий, а в Маллии он достиг наиболее развитой формы. Здесь между дворцом и морем есть место, которое на протяжении ряда поколений было известно под названием Хрисолаккос, «золотая яма», вследствие множества золотых украшений, попадающихся крестьянам при случайных раскопках. В результате археологических раскопок был обнаружен великолепный оссуарий, окруженный стеной из хорошо обтесанных камней, с наружной стороны которой находилась мощеная площадка. Внутри стены находилось множество выстроенных из мелкого камня камер различной величины, в которых были нагромождены кости покойников, окруженные их погребальным инвентарем. Одна из камер предназначалась, повидимому, для приношений,

[1] Единственное исключение составляет Кумаса, однако и там С. М. черепки не связаны с погребениями, но находятся вне гробниц, как посвятительные приношения.

потому что в ней находился невысокий каннелированный столб, покрытый штукатуркой, который сначала был принят за часть колонны, но при дальнейшем исследовании оказался полым и, возможно, предназначался для возлияний [1].

Святилища С. М. I. В С. М. I периоде мы встречаем новый тип постройки — святилища на горах. Хорошими примерами служат Юктас к югу от Кносса, холм пророка Илии над Маллией и Петсофас над Палекастро; такой же характер, повидимому, имели Закрос, Христос и Пискокефали; постройка на вершине Эдикте близ Мохоса также больше напоминает святилище, чем укрепление, охраняющее несуществующую дорогу [2].

Юктас, хотя мы и не знаем его древнего названия, был легендарным местом погребения Зевса. Начало его почитания теряется в тумане времен [3]. Северный пик окружен массивной стеной, образующей теменос (священный участок), которая, в сопоставлении с обломками больших пифосов, возможно, указывает на то, что эта вершина в трудные времена могла служить местом убежища — Кресфигетон. Самое святилище почти нависает над крутым западным склоном горы. Существующая постройка, повидимому, восходит к П. М. I периоду, однако, судя по ее примитивному плану, мы можем почти с полной уверенностью утверждать, что какое-то сооружение, построенное, может быть, из менее прочного материала, находилось здесь со С. М. I периода. Оно состояло из внешнего помещения, в которое вел поднимающийся в гору вход, и примыкавшей к нему кладовой. За ним находилась прямоугольная внутренняя комната — размером приблизительно 5 на 8 *м* — пол которой, по крайней мере в более позднее время, был покрыт белой штукатуркой. В слое серой золы, лежащей непосредственно на скале, были найдены посвятительные приношения в виде сосудов и статуэток, датируемые временем от самого начала С. М. I до С. М. II. Выше находился слой обожженной земли, содержавшей С. М. III черепки и простиравшейся за пределы строения.

План святилища в Маллии до сих пор никем не был опубликован. В Петсофасе история святилища сходна с историей святилища Юктаса. Внизу находится слой черной земли и золы, содержащий С. М. I статуэтки, над ним — нарушенный слой, также С. М. I, и, наконец, здание, почти в точности того же самого типа, что и П. М. I сооружение на Юктасе — вплоть до пола, покрытого белой штукатуркой.

---

[1] B. C. H., 1933, 74.

[2] Впрочем, она господствует над Маллийским заливом и могла служить дозорным пунктом (βίγλα), а не фортом (φρούριον).

[3] P. of M., I, 153. Кук производит это название от Διώκτας — последователь, имея в виду легенду о преследовании Бритомартис Миносом (*A. B. Cook*, Zeus, II, 939, примечание 1).

Однако его особенностью является выступ из штукатурки, окружающий внутреннее помещение с трех сторон. В этом случае имеются некоторые основания полагать, что стены позднейшей постройки хотя бы частично соответствуют стенам более раннего сооружения.

Святилище в Христосе представляет собой прямоугольную постройку с квадратным выступом посередине восточной стороны. В скале под главным помещением находится ныне забитая обрушившимися камнями большая расщелина, которая, возможно, служила входом в пещеру.

Возможно, что в этом периоде пещеры перестали служить местами погребения и превратились в места отправления культа. В Трапезе, где вообще отложения С. М. I скудны, ни одно погребение не может быть отнесено к этому периоду. Равным образом и в других пещерах, где имеются С. М. I отложения — в Илитии, Аркалохори, Агиа-Марине, Скотино, второй Трапезе близ Тилиссоса, Камаресе, не было обнаружено человеческих костей.

Керамика С. М. I. Наиболее ранняя стадия С. М. I керамики превосходно представлена в Кноссе, хуже в Маллии, где действие почвы разрушило окраску, и почти вовсе не представлена в других местах, если не считать немногих скудных образцов из Тилиссоса и Гиофиракии. В сопоставлении с тем фактом, что в названных северных поселениях были найдены лишь очень скудные следы Р. М. III периода, богато представленного на востоке и на юге, указанное обстоятельство служит хорошим подтверждением того, что эта часть острова уже вступила в С. М. I период, тогда как в других местах еще продолжался Р. М. III.

Уже вошел в употребление медленно вращающийся гончарный круг, и большое количество сосудов имеет параллельные полосы у основания, где они подрезались при помощи нити. Многое, однако, еще делалось от руки, о чем свидетельствует вдавливание пальцами ножек кубков и подрезание кувшинов, кружек и чашек.

Обнаружено два очень ранних чистых отложения, которые отражают переходный период от Р. М. III к С. М. I*a*. Одно из них находилось под полом «комнаты каменных чанов» [1], другое — на древнейшем полу дома внутри западной стены [2]. В обоих отложениях найдены сосуды, которые можно охарактеризовать как «переходные», например фото 42,*1* (с полосой коричнево-красного цвета и насечкой), *4*, *12* и *18*, а также P. of M., I, рис. 118*a*, *1* и *2*, где узоры выполнены меловой белой краской нового, присущего С. М. I оттенка. В отло-

[1] P. of M., I, 165.
[2] B. S. A, XXX, 60.

жениях «помещения каменных цистерн» есть также несколько кикладских пиксид с насечкой, подобных тем, которые, как мы видели, появляются в Пиргосе в Р. М. III периоде. Однако остальные предметы обоих отложений типичны для самого начала С. М. I*a* периода, и верхние слои в этом доме, в совокупности со всем тем, что находилось в другом доме, дают почти полное собрание развитой С. М. I*a* керамики, включая и керамику полихромного стиля.

В качестве дальнейшего доказательства хронологической близости между С. М. I*a* и Р. М. II периодами в Кноссе можно упомянуть обыкновенный кувшин с коротким носиком из темножелтой глины с выполненным красной краской узором в виде бабочки или двойной секиры [1], а также другие еще применяющиеся узоры темным по светлому, уже исчезнувшие в остальных местах (рис. 16, *2* и *3* и ряд образцов на фото 42). Техника темным по светлому и техника светлым по темному здесь, в сущности, идут рука об руку. Белая краска с кремовым оттенком уступила место более слоистой меловой краске, коричнево-красная расцветка сменилась оранжевой, а вместо черной грунтовки Р. М. III периода появляется грунтовка от лиловато-серого цвета до пурпурно-коричневого.

Наиболее типичными сосудами этого периода, оказывающими неоценимую помощь при датировке, являются небольшие кувшины с короткой срезанной шейкой, украшенные обычно широким листообразным мазком краски, проведенным наклонно и пересекающим плечики, с двумя белыми линиями, отмечающими середину листа, и полосами вокруг шейки и тулова (см., например, фото 42, *13*).

Еще более обычны чашки без ручек с ножкой или без нее, орнаментированные ниже края полосой красной или черной краски на темножелтом фоне или белой на черном фоне. Более сложный узор, предвосхищающий, что особенно интересно, П. М. I*a*, показан на фото 36, *8*, где красные острия контрастно выделяются благодаря проходящему посередине белому штриху. Другой тип со сравнительно высокой ножкой и более широким корпусом характеризуется проходящими по черному фону красными и белыми полосами, над которыми шли диагональные линии, достигавшие края [2]. Встречаются бокалы, иногда самой тонкой работы, типа «скорлупок». Они часто имеют пятнистую поверхность, напоминающую стиль Василики, и порою украшаются кругами, обрамленными точками [3]. Был найден также ряд чашек с ручками. Некоторые напоминают формы Р. М. II периода и имеют широкую

[1] Например, P. of M, I, рис. 18*a*, 9 и 21.

[2] B. S. A., XXX, табл. XIV дает хорошее представление о подборе цветов.

[3] Там же, № 17.

темную полосу на ножке и круговой сегмент на каждой стороне ниже края (фото 42, *6*) [1]. Экземпляры более изысканной формы, с ладьеобразными плечиками, короткой ножкой и высоко загнутой ручкой, имеют рисунок из белых точек

Рис. 16. *1—19* — образцы орнамента С. М. I*a* керамики из Кносса.

(ср. рис. 16, *14*) на лощеной поверхности красной пятнистой расцветки (ср. образец с утраченной ручкой, фото 42, *11*). Прямые кубки большего размера часто бывают полихромными и украшаются рисунком из кружков, иногда соединенных диагональными линиями (рис. 16, *13* и *15*).

Кувшины обычно более изящны, чем в Р. М. III периоде; их носики становятся уже. На фото 42, *2* изображен превосходный экземпляр с расцветкой фона, переходящей от красного к черному, и орнаментом из оранжевых кружков,

[1] Ср. Mochlos, рис. 22, VI, 6.

обрамленных белыми точками и с белым крестом посередине (рис. 16, *18*) [1]. На некоторых из более грубых экземпляров еще сохраняется имитация заклепок у носиков (например, фото 42, *14*). Некоторые из них имеют три ручки, между которыми лучеобразно расположены узоры типа, показанного на рис. 16, *4*. На других полоса из глины с диагональными надрезами идет вокруг горлышка. Большое разнообразие форм орнамента, от простых белых линий, как на фото 42, *2, 18*, до более сложных узоров, показанных на рис. 16, *6, 9, 12*, и *16*, дают сосуды с ладьеобразным или криволинейным корпусом, горизонтальными ручками и носиком [2].

В открытых чашах часто тщательно орнаментировалась внутренняя часть. На одном особенно хорошем экземпляре [3] коричнево-красный фон украшен большим оранжево-красным кольцом в центре, окаймленным двумя белыми линиями. Вокруг расположены пять белых ромбов с белыми точками и оранжевыми перемычками внутри (рис. 16, *10*).

Пифосы имеют тонкие стенки; высота их редко намного превышает один метр. Как правило, они снабжены четырьмя вертикальными ручками. Встречаются узоры в виде горизонтальных и диагональных полос [4]. Другие сосуды для хранения жидкостей имеют высокие округленные плечики, конусообразно суживающийся корпус и короткое расширяющееся горлышко. Ручки, когда они укреплены горизонтально, помещаются довольно низко и приподняты кверху; ручки, расположенные вертикально, доходят до края сосуда. Эти сосуды украшены красными полосами и дугами или белыми полосами. На одном экземпляре нанесен узор насечкой, изображенный на рис. 16, 19. Встречаются большие кувшины, а также кружки с носиком круглой формы или снабженным перемычкой. Обычно они одноцветны, но иногда верхняя часть покрыта темнокоричневой окраской, в иных случаях струйками стекающей вниз по стенкам сосуда. Единственный в своем роде сосуд в форме ведра с двумя горизонтальными ручками имеет широкий край с отверстиями, идущими по всей внутренней окружности, и небольшой носик, образованный выступом края. Сосуд этот, несомненно, предназначался для выжимания плодов [5].

Типичны для раннего С. М. I периода так называемые «овечьи бубенчики» (фото 42, *16* и *24*) с красными диагональными и горизонтальными линиями, рогами и ручкой в виде петли. Небольшие отверстия наверху или сбоку предна-

[1] B. S. A., XXX, табл. XIII (цветная).
[2] Ср. там же, XXX, 64 и табл. XIV.
[3] Там же, XIV, 12.
[4] Там же, рис. 6.
[5] Все эти типы представлены в P. of M., I, рис. 118, *a*, и в B. S. A., XXX, 67, рис. 7.

значались, возможно, для подвешивания язычка [1]. Однако вполне вероятно, что это были крышки, восходящие к «рогатым» крышкам Р. М. I периода.

Другое несмешанное отложение под западным двором дает лишь небольшие дополнения [2]. Здесь была найдена ранняя форма вазы для фруктов или чаши на ножке с простой орнаментацией из коричневых или темножелтых линий и точек и великолепный полихромный кувшин, принадлежащий, как можно судить по густому тону красной краски, к самому началу С. М. I*a* периода; он расписан вокруг плечиков рядом двойных секир, очерченных красным с белой каймой и заполненных белыми точками (фото 46, *1a*).

Найденный у основания монолитных колонн сосуд в форме голубя, расписанный оранжево-красным и белым по черному фону, мог иметь ритуальное назначение [3].

Зарождение техники накладных узоров («barbotine») можно наблюдать в рельефном меандровом узоре и в его видоизменении, представляющем собой ряд узких диагональных ребер. В этом периоде такая техника обычно применяется только для кубков и чаш [4]. Многие узоры, содержащие мотивы угольников и точек, в соединении с очень древней полихромией восходят, повидимому, к неолитическим прототипам; возможно, что традиция этих рисунков сохранялась на других материалах, как, например, на дереве, причем нельзя забывать и о влиянии кикладских пиксид с заполненной насечкой [5]. Может быть, здесь следует искать объяснение для такого своеобразного сосуда, как изображенный на фото 42, 10, где мы видим на темном лощеном фоне заполненную белой краской насечку в форме рыбьей кости.

В Мессаре стиль керамики, очень близкий к только что описанному, обнаружен в слое, лежащем непосредственно под кладовыми первого дворца в Фесте [6]. Чрезвычайно типичны приземистые чаши с коротким носиком, которые можно было бы ошибочно принять за образцы Р. М. III периода, если бы не различия в белой окраске. Группа предметов, которые также, очевидно, принадлежат к этому времени, была обнаружена в Порти; сюда же следует отнести несколько сосудов из Агиа-Триады, Платаноса, Драконеса и Калатианы [7]. Все же чрезвычайно ограниченное количество керамики, которая может быть датирована этим переходным периодом, служит доказательством его непродолжительности.

[1] P. of M., I, 175.
[2] B. S. A., XI, 16.
[3] P. of M., I, 146.
[4] Там же, IV, 87.
[5] Там же, 89.
[6] Festos, I, 135.
[7] V. T. M., 58 сл., и табл. VI (кроме 5067), табл. XXXVI, *a*, верхний ряд, LI, *b*; Annuario, XIII—XIV, 172 сл.

На востоке Крита, повидимому, до конца сохраняется Р. М. III период, и нет предметов, которые мы могли бы с определенностью отнести даже к переходному периоду, а тем более к С. М. I*а* в его кносском проявлении.

Для второй стадии развития С. М. I керамики (С. М. I в Кноссе) мы, к счастью, располагаем несмешанным отложением на полу одного дома, также под Западным двором [1]. Может быть, не лишено значения, что дома, непосредственно примыкавшие к западной внешней стене, были снесены до основания в конце С. М. I*а* периода и что отложения С. М. I*б* встречаются только далее внутрь от стены. Нельзя ли предположить, что причиной этого было внезапное нападение или угроза такового? Не были ли дома, лепящиеся к стене, умышленно уничтожены, чтобы они не могли быть подожжены горящими стрелами, как это столь часто бывало при войнах в древности? Или, может быть, они действительно были подожжены таким способом (вспомним следы обгоревших кирпичей), в результате чего впоследствии осталось свободное пространство внутри стены? [2].

Некоторые образцы сосудов показаны на фото 46, *2—4*, а важнейшие узоры — на рис. 17. Наиболее типичной формой для этого периода является низкая чашка с прямыми или слегка расширяющимися кверху стенками и ленточной ручкой (фото 46, *1*). Орнамент часто полихромный, и красная расцветка, которая теперь несколько больше приближается к малиновому тону, почти всегда окаймлена белым. Узоры на чашках остаются еще чисто геометрическими и состоят из вертикальных и горизонтальных полос, петель и косых крестов. Практика окаймления красного белым могла дать толчок к сознательной имитации брекчии, что впервые встречается в это время [3]. Подобным же образом соединенные диски, одна из разновидностей которых показана на рис. 16, 15, повидимому, в С. М. I периоде были преобразованы в натуралистическом духе в довольно неуклюжий узор в виде ягод на стеблях [4], а три нескладных острия на фото 42, *8* превращаются в крокусы на изящной чашке, изображенной в P. of M., IV, табл. XXVIII. Появляются более естественные формы, и хотя формы растений (там же, рис. 17, *11—14, 21*) еще примитивны, однако они явно задуманы как изображения растений. Мотив, показанный на рис. 17, *24*, представлен

---

[1] P. of M., I, 186; B. S. A., X, 14.

[2] Ср. дома в Микенах, а в греческие времена — регламентация расстояния, которое должно быть оставлено свободным между домом и стеной. *Dittenberger*, Syll., 308—309 (Афины и Нисирос); Jahreshefte, 1899, доп. 33, Τειχοποιιχών, § II.

[3] Ср. P. of M., I, 177.

[4] Там же, I, рис. 133*b*; IV, рис. 66*e*. Все эти образцы хорошо показывают, как условный орнамент порождает натуралистические мотивы.

на приземистой чаше с носиком, снабженным перемычкой, найденной в пещере Камарес (фото 47, *3а*), и определен как

Рис. 17. *1—24* — образцы орнамента С. М. I*б* керамики из Кносса и пещеры Камарес.

изображение раковины с завитками. Более простая форма, которая, может быть, имела самостоятельное происхождение, была найдена на «блюде для фруктов» в Кноссе [1].

[1] Ср. P. of M., IV, 114.

Орнамент становится более уплотненным и обнаруживает тенденцию занять бо́льшую часть сосуда (фото 46, *2, c* и узоры на рис. 17, *10* с другого фрагмента). Выделка обычно отличается большей тонкостью, и чашки, показанные на фото 46, *4, a* и *b*, по тонкости не уступают «скорлупкам» С. М. II периода. Формы становятся более замысловатыми, и для чашек делаются обычными расширяющиеся края. Накладная техника применяется в соединении с росписью. При соблюдении умеренности это дает удовлетворительный эффект, но неуклюжий кувшин (фото 46, *1, b*) из дома к югу от дворца явно неудачен как в отношении формы, так и в отношении рисунка. К счастью, однако, это единственный экземпляр в Кноссе. Он либо был ввезен, либо представляет собой копию грубого мессарского стиля, описываемого ниже.

На юге преобладает накладная техника орнамента, которая, как поветрие, распространилась на все изделия из керамики (фото 47, *1* и *2*). Орнаментированные таким образом кувшины, которые особенно часто встречаются в пристройке к гробнице в Агиа-Триаде, повидимому, типичны для этой области. Они довольно приземисты, имеют низкий, почти горизонтальный носик и большей частью три ручки. Два или три экземпляра, как, например, кувшин из Кносса, окрашены белым поверх накладного узора, который окаймлен красными или белыми линиями. В других случаях орнамент прост и состоит только из цветных полос и одиночной спирали (фото 47, *2, a*) [1]. Многие экземпляры одноцветны, и однообразный мотив шипов лишь кое-где прерывается круглой или зубчатой плоской поверхностью [2] (фото 47, *1* и *2, c*). Более смягченная форма применения накладной техники показана на фото 47, *1, c*. Это первый случай появления сосуда с четырьмя ручками и округленным краем — формы, имеющей впереди большую будущность. Другая разновидность показана на фото 47, *2, b;* здесь вместо шипов появляются шишки, а диагонально расположенные заостренные полосы напоминают одну из форм орнамента С. М. I*a* периода в Кноссе. Более привлекательны кубки (фото 47, *2, e*) с росписью белым и красным по темножелтому [3], ладьеобразные чашки (там же, 3) и открытые чаши с простым узором внутри [4].

Совершенно иного типа сосуды из пещеры Камарес (фото 47, 3; 53, *3, b* и *k*). Видное место среди них занимают открытые чаши с носиком более приземистого типа, чем находимые в других местах. Они великолепно орнаментированы.

[1] V. T. M., табл. V, 4973.

[2] Там же, 4971.

[3] Там же, табл. IX, 6862; ср. P. of M., IV, рис. 64 из Кносса.

[4] V. T. M., табл. IX, 6859; VI, 5054. Принимая во внимание тон красной краски, которая здесь (но не на табличе) имеет гораздо менее яркий оранжевый оттенок, представляется невозможным включить их, несмотря на простоту их узора, в число наиболее ранних образцов С. М. I.

Очевидно, что для приношений здесь покупались самые лучшие изделия. Термин «стиль камарес» первоначально употреблялся для обозначения всякой полихромной керамики — терминология, которая еще не всеми археологами оставлена. Позднее он стал обозначать в особенности стиль С. М. II, так называемый дворцовый. Но гораздо большее количество расписных сосудов принадлежит здесь к С. М. I*б* периоду. Накладная техника встречается, но не часто, если не считать второстепенных элементов орнамента. Некоторое число сосудов по сравнительно простым геометрическим узорам (например, фото 47, *3, e* и *d*) относится, вероятно, ко времени, совпадающему с концом С. М. I*а* периода в Кноссе. Другие (как, например, *a, b* и *c*) представляют собой лучший тип С. М. I*б*, а некоторые явно относятся к С. М. II периоду и будут рассмотрены в соответствующем месте. Кроме раковины с завитками, упомянутой выше, встречаются и другие натуралистические мотивы, например рыба на сосуде *b* и грубо выполненная фигура человека [1]. Чашка *c* типична по форме, хотя ее эффектный орнамент лучше, чем орнамент на образцах, найденных в других местах.

В Порти были найдены глиняные лампы [2]. Они состоят из открытой плоскодонной чашки со срезом для фитиля на одной стороне и со стержневой ручкой. Другой тип отличается выступающим носиком для фитиля и ручкой в виде петли, а третий снабжен короткой толстой ножкой.

Керамика Восточного Крита с трудом поддается периодизации. Как мы видели, здесь Р. М. III период, повидимому, совпадал с С. М. I*а* в Кноссе. С. М. I*а* в Кноссе, вероятно, уже почти миновал, когда в восточной части острова начался С. М. I период. Естественно было бы ожидать, что изделия с росписью темным по светлому окажутся самыми ранними, но они постоянно встречаются с наиболее развитыми формами и видами орнамента, многие из которых должны быть современны С. М. II периоду в Кноссе. Возможно, однако, что еще больше их имеется в доме В в Василики, который Сигер [3] склонен считать более ранним, чем другой С. М. I дом А. Но форма низких чашек типична для С. М. I*б* периода в Кноссе, и было бы чрезвычайно рискованно принимать в качестве критерия для датировки орнамент темным по светлому.

Орнамент чашек, кубков и кувшинов в технике темным по светлому не отличается разнообразием мотивов. На фото 48, *3, b* и *d* и *4, b* и *d* они представлены почти исчерпывающим образом. Встречаются, однако, также бокалы и сосуды в форме чайной чашки на низкой ножке с узорами

---

[1] Mon. Ant., VI, табл. IX, 10.
[2] V. T. M., 63.
[3] Trans. Penn. Univ., II, 114 и 126.

в виде рыбьей кости (рис. 18, *36*) или штрихованных треугольников (рис. 18, *34*). Перистый узор сосуда, изображенного на фото 48, *b*, так же характерен для Восточного Крита,

Р и с. 18. *1* — *38* — образцы орнамента С. М. I керамики с Восточного Крита.

как проходящие через плечики малых кувшинов мазки для С. М. I*a* периода в Кноссе. Соединенные диски (фото 48, *4*, *d*) встречаются в различных формах на кувшинах и пифосах [1]

[1] Ср. Pachyammos, табл. XX. и стр. 29, где некоторые предметы принадлежат С. М. III периоду — еще один довод против того, чтобы усматривать в технике темным по светлому признак начала С. М. I периода.

(фото 61, 2, *b*). Более правильная форма показана на рис. 18, *38*. Она обычна для кувшинов, пифосов и саркофагов и, несомненно, повела к распространенному в С. М. III периоде сложному узору из соединенных спиралей [1]. Мотив, более приближающийся к архитектурному, встретился на большом пифосе с двумя рядами ручек из кладбища в Пахиаммосе (рис. 18, *35*) [2].

Более богатый подбор узоров встречается в технике светлым по темному. Изображенные на фото 48, *2, a, c, e* чашки очень близки к стилю Р. М. III, и их орнамент состоит из простых узоров белым по черному, причем белая краска, как и в других местах, содержит больше мела и поэтому менее прочна, чем в предыдущем периоде. Узор, показанный на чашке *e* и на рис. 18, *28*, отныне становится типичным для Восточного Крита, так же как и мотив, изображенный на рис. 18, *27*. Обычным становится перистый рисунок, показанный на сосуде *c* и на фото 48, *1*, *c* и *d*, часто в более или менее сложных сочетаниях, с завитками в виде буквы «S». По диагонали до верха сосуда проходят соединенные диски, одиночные или парные (фото 48, *1*, *e*, где белая краска исчезла, но сохранился грунт, и *4, c*) [3].

Некоторые из полихромных чашек (см., например, фото 48, *2, d;* рис. 18, *5*), как позволяет заключить оранжевая расцветка, относятся, повидимому, к началу рассматриваемого периода. Одну из двух прекрасных чашек, найденных в доме В в Василики, имеющую форму с извилистым краем, явно в подражание металлическим сосудам, более естественно связать с С. М. II периодом [4]. Однако этой чашке присуща одна особенность, характерная для раннего времени: штрихованные треугольники по внутренней поверхности края.

Обычны мотивы листьев, особенно на больших и малых кувшинах типа, представленного на фото 48, *1, f* [5]. Типично для изделий Восточного Крита чередование в вертикальных узорах белого и красного. Другие разновидности представлены на рис. 18. На фото 47, *4, a* (рис. 18, *11*) показана весьма схематизированная форма, встретившаяся на кувшине с носиком из Агиа-Фотии [6]. Эти кувшины (ср. фото 48, *2, b* и *f* и *3, a*) характерны для Восточного Крита в рассматриваемое время, хотя в П. М. I периоде они широко распространяются и в других местах. Пятнадцать экземпляров их было найдено в одной комнате дома А в Василики [7]. Некоторые, как, напри-

[1] Sphoungaras, рис. 30, 2; Pachyammos, табл. XI и XX, стр. 28.
[2] Там же, 24 и табл. XVII.
[3] Mochlos, табл. VIII.
[4] Trans. Penn. Univ., II, 128, I, табл. XXXI.
[5] Там же, табл. XXXII.
[6] Gournia, табл. A, I.
[7] Trans. Penn. Univ., II. 125.

мер, образцы из Палекастро (фото 48, *2, b* и *f*), имеют расцветку только белым по черному, на других (фото 48, *3, a*) есть также красные линии. Орнамент представляет собой фриз из рыб, сделанный белой краской [1]. В Палекастро узоры более разнообразны — встречаются ветки и кресты (рис. 18, *14* и *31*) [2].

Там же найдены в оссуариях интересные чаши [3]. Они полихромны и имеют посредине изображение птицы или быка. В одном случае изображено более 150 овец с пастухом, а внешняя сторона сосуда украшена простым прямолинейным узором, может быть, изображающим изгородь овечьего загона.

Наконец, мы встречаемся с группой сосудов, которая, как я полагаю, современна С. М. II периоду в больших центрах, хотя соответствующие стратиграфические данные отсутствуют [4]. Это сосуды с двумя ручками, образцы которых показаны на фото 47, *4*. Их происхождение от металлических прототипов очевидно (для сравнения показан серебряный сосуд *c* из Гурнии). Вместе с любопытной чашей из Псиры с извилистым краем, носиком и имитацией заклепок в местах соединения ручек, расписанной наполовину черным и наполовину белым, они свидетельствуют о значительных успехах в изготовлении металлургических изделий [5]. Другая группа сосудов, поверхность которых имела радужный отлив, явно имитировала медь [6]. От образцов из Гурнии не может быть отделена и чашка с двумя ручками из Палекастро (фото 48, 1, *a*). В ее узоре перемежаются красная и белая расцветки, как и на многих гончарных изделиях развитого С. М. I стиля на востоке. Несколько найденных там кувшинов с перемычкой над носиком также с большой вероятностью можно считать современными С. М. II периоду [7]. К такому заключению приводит наличие хорошо развитых розеток. Чашка из Гурнии (фото 47, *4, e*, рис. 18, *17*) с рядом изображенных на ней спиралей должна быть отнесена уже к рубежу С. М. III периода.

Некоторые поселения в восточной части Центрального Крита, как, например, Гурнес и Маллия, повидимому, примыкают в это время к восточной группе. В Маллии был найден узор из соединенных дисков (рис. 18, *38*) [8]. Изображенный на рисунке 18, *29* узор из кривых линий встретился в Пале-

[1] Ср. чашу из Кносса, P. of M., I, 182.
[2] B. S. A., доп., табл. IX.
[3] Там же, XII.
[4] В Палекастро было найдено несколько ввезенных сосудов С. М. II периода, которые будут описаны в следующей главе.
[5] Gournia, табл. C; Pseira, 20.
[6] Trans. Penn. Univ., II, 125.
[7] B. S. A., доп., табл. XI, *u*.
[8] Mallia, II, табл. XI.

кастро и Маллии, причем в последней на миниатюрном кувшине той же формы, что у образца из Гурнии, представленного на фото 47, *4, d*. Имеется один кувшин с носиком, типичный для Восточного Крита, ошибочно восстановленный с ножкой. Кувшин из Гурнеса (фото 48, *3, g*) имеет узор из побегов растений, сходный с образцами из Палекастро. В Трапезе и Маллии, а также в Краси и Нирухани распространен миниатюрный одноцветный кувшин с круглым ободком, округленным туловом, маленькой ручкой и насечкой крест-накрест вокруг горлышка, часто встречающийся также в Хамези и Палекастро [1].

Каменные сосуды и проч. С. М. I. Заметен явный упадок в производстве каменных сосудов, хотя в Мохлосе еще изготовляются такие превосходные сосуды, как изображенный на фото 33, *l* из яркой красно-синей брекчии [2]. В других случаях, если не считать стоящей особняком чаши из мрамора с прожилками (фото 33, *e*), единственным материалом служит черный жировик. По форме это в основном небольшие чаши с ушками, хотя встречаются образцы и большего размера со слегка ладьеобразным профилем и отчетливо выделенным краем [3]; впервые мы встречаемся также с сосудом, изображающим цветок, т. е. приближающимся к типу «птичьего гнезда», но несколько более высоким и имеющим вертикальный орнамент, который начинается с простых бороздок, но постепенно переходит в имитацию лепестков [4]. Другой, более развитой образец был найден в Кумасе в гробнице Е [5]. Возможно, что некоторые типы с перемычкой над носиком, напоминающие керамику, принадлежат к С. М. I периоду [6]. Но было бы опасно относить какой-либо из них к этому времени, хотя и очевидно, что производство продолжалось без перерыва. С определенностью можно сказать лишь то, что, по всей вероятности, прежние формы в основном сохранялись неизменными.

Сигер упоминает пять каменных ламп, найденных в доме А в Василики и относящихся к типу ламп на подставке. К сожалению, он не дает иллюстраций, а найти их в музее мне не удалось [7].

---

[1] B. S. A., IX, 323.

[2] Из гробницы III, которая фактически целиком относится к С. М. I периоду. Сосуд, конечно, мог быть старинным и для того времени.

[3] Mochlos, рис. 28, XI, 7 и 15.

[4] Там же, XI, 12.

[5] V. T. M., табл. XXXI, 687.

[6] Там же, III, 718; XI, 1910.

[7] Trans. Penn. Univ., II, 126. Сигер говорит, что только два сосуда выдержали транспортировку. Вероятно, впоследствии они также рассыпались.

Статуэтки С. М. I. Производство статуэток из камня, повидимому, прекращается. Однако один образец из Порти (фото 41, *1*) столь явно отличается от других образцов из Мессары, что я склонен отнести его к указанному времени. Возможно, это же следует сказать и относительно другой статуэтки из слоновой кости из Платаноса (фото 37, *1*, средний ряд направо) [1]. Несомненно, упадок изготовления изделий из камня был обусловлен быстрым развитием керамики и тем, что глина представляла собой гораздо легче поддающийся обработке материал, в чем легко было убедиться. Во всяком случае, глиняными статуэтками С. М. I период богаче, чем какой-либо другой. Большинство из них, несомненно, предназначалось для посвятительных приношений, как это показывают бесчисленные статуэтки людей и животных из Юктаса и Петсофаса, а также из оссуария в Гурнесе. Но ритоны в форме быков из Кумасы и Мохлоса, несомненно, употреблялись в быту, хотя некоторые из них могли иметь и ритуальное назначение [2].

Самая ранняя из человеческих статуэток — это голова из восточного двора в Кноссе [3]. Черты лица, за исключением резко выступающего носа, только намечены. Низкая феска покрыта красными и черными полосами, короткие волосы обозначены коричневым. Затем следуют статуэтки, найденные поблизости от овального дома в Хамези (фото 49, *1*). На туловищах сохранились следы красной краски. Черты лица обозначены хотя и грубо, но ясно. Мужские статуэтки обнажены, хотя возможно, что гульфик был обозначен краской, что представляется допустимым для правой статуэтки. Волосы острижены, и только на макушке оставлена одна прядь. Женщина одета в колоколообразную юбку; выше талии она обнажена, но на голове у нее низкий чепец или тюрбан. Хотя позы этих статуэток производят впечатление некоторой скованности, все же можно заметить, что руки свободны и им придано даже несколько угрожающее положение. Такая свобода могла явиться лишь в том случае, если обычным материалом была глина и отсутствовали традиции, связанные с изготовлением изделий из камня.

Гораздо обширнее группа статуэток из Петсофаса. Вероятно, их производство полностью захватывает С. М. I период в Восточном Крите, тогда как статуэтки из Хамези относятся к первой его половине. Две лучше всего сохранившиеся статуэтки показаны на фото 49, *2*. По качеству моделировки они несколько уступают статуэткам из Хамези, но применение

[1] V. T. M., 67, № 171, и 121, № 229. Отверстия, может быть, предназначались для укрепления в них подвижных рук и ног.

[2] Там же, 40, № 4126. Расцветка, несомненно, принадлежит С. М. I периоду. Mochlos, 60.

[3] B. S. A., XXX, 70.

полихромного орнамента и большее количество обозначенных деталей костюма делают их более живыми и во всяком случае более интересными [1]. Тело женщин окрашено тусклой белой краской, а мужчин — красной или темнокоричневой, как это обуславливалось египетским искусством. Одежда женщин состоит из колоколообразной юбки, иногда с поясом, и корсажа с высоким остроконечным воротником, открытого до талии. Шляпы не лишены сходства с высокими шляпами времен Генриха V; некоторые имеют более плоскую форму и напоминают шляпы начала XX века. Большинство мужчин носит только гульфик и пояс. Пояс затянут очень туго, что подчеркивает тонкую от природы талию минойцев; возможно, что плотно набитый гульфик был необходим в качестве примитивного бандажа, ибо сильное напряжение при искусственно стянутой талии легко вызывает грыжу. В дальнейшем эта простейшая возможная форма костюма развивается, не утрачивая двух основных элементов — тесно стянутого пояса и гульфика. Спереди наискось подвешен кинжал. Заслуживает внимания, что он, повидимому, имеет еще треугольную форму, которая даже на востоке Крита должна была исчезнуть уже в P. M. III периоде. На одной или двух статуэтках видны короткие штаны в обтяжку, а у одной на плечи накинут плащ. На нескольких статуэтках обозначены белой краской ожерелья, ручные и ножные браслеты. У женщин черты лица намечены черной краской, а у мужчин они почти вовсе не обозначены; лишь один фрагмент фигуры гораздо бо́льших размеров показывает живое и хорошо моделированное лицо с тщательно обозначенным носом, ноздрями и глазами [2].

Преобладающее число статуэток изображено в стоячей позе, небольшая группа — в сидячей; в одном случае сидением служит стул с высокой спинкой, в остальных — небольшие табуреты, которые сделаны отдельно, как, например, у относящейся к этому периоду сидящей фигуры из Трапезы.

Встречаются отдельные члены, руки, ноги и торсы, часто с отверстиями для подвешивания. Весьма обычны миниатюрные животные — козы, каменные козлы, собаки, горностаи и черепахи. Встречающиеся также миниатюрные чашки, подносы и караваи хлеба могли быть связаны с некоторыми из статуэток или составлять самостоятельные приношения.

Интересна низкая четырехколесная повозка из Палекастро — первый колесный экипаж в Эгейском бассейне [3].

Здесь же должны быть упомянуты удлиненные предметы, которые Ксантудидис считает изображениями фалла [4]. Их

---

[1] Детальное описание костюма см. B. S. A., IX, 361 сл.
[2] Там же, табл. XII, 34.
[3] B. S. A., доп. 17.
[4] V. T. M., 41.

датировка неопределенна, но так как весьма сходный предмет был найден в С. М. святилище в Кумасе, образцы, найденные в районе гробниц, следует, вероятно, отнести к С. М. I периоду. Изображение фалла встречается на Крите столь редко, что естественно сравнить эти предметы с египетскими погребальными конусами [1].

Изделия из металла С. М. I. Производство металлических изделий получает значительное развитие. Олово, наконец, встречается в достаточном количестве для того, чтобы в некоторых случаях был оправдан термин «бронзовый век» [2]. Кинжал еще сохраняет удлиненную форму. Среднее ребро выражено обычно, пожалуй, более заметно, хотя у многих кинжалов оно отсутствует. Однако, новой чертой, которую мы вправе связать с С. М. I периодом, поскольку она никогда не встречается иначе, как в сочетании с С. М. I керамикой, является отходящий от основания клинка выступ, вставленный в рукоятку (фото 35, *d*, экземпляр из Платаноса). Указанная особенность обычна в Мессаре, а восток, повидимому, и в этом несколько отстал; там имеется только один экземпляр из Мохлоса [3] и ни одного из Палекастро. В Хамези были найдены длинный резец, наконечник копья, две почти квадратные двойные секиры и одно скобло [4]. Большое число очень маленьких простых секир было обнаружено в Палекастро [5].

В Платаносе были найдены две большие двойные секиры, которые, как можно заключить на основании их чрезвычайной тонкости, предназначались, вероятно, для посвятительного приношения [6]. В противоположность тем, которые служили для практического применения, лезвия у этих секир расширенные. Для их датировки нет вполне определенных данных; однако они были найдены в отложении, в котором бо́льшая часть керамики относится к С. М. I периоду, и трудно предположить, чтобы посвятительные подношения представляли собой копии предметов, еще не вошедших в общее употребление.

Но наивысшим достижением в производстве металлических изделий является большой бронзовый меч из Маллии с увенчанной хрустальной головкой рукояткой из выложенной

[1] Н. Гэрис Дэвис указал мне, что эти конусы в основном происходят из Фив. Они появляются во время XI династии и остаются неорнаментированными до XVIII династии. Первоначально эти конусы составляли декоративный мотив гробничных фасадов. В некоторых случаях, однако, они могут изображать конические караваи хлеба.

[2] P. of M., I, 195; там же ссылки.

[3] Mallia, рис. 45, XI, 22.

[4] P. of M., I, 194.

[5] B. S. A., доп. 118.

[6] V. T. M., 109.

золотом слоновой кости. Он имеет почти метр в длину. Посредине проходит толстое плоское ребро, служащее для придания прочности. Вместе с этим мечом был найден кинжал, также первоначально имевший золотую рукоятку, также с плоским ребром посредине. Ни меч, ни кинжал не имеют входящего в рукоятку выступа, который, как мы предположили, появился в этом периоде. Здесь же необходимо упомянуть и третий предмет этой группы, хотя он сделан из камня. Это топор из коричневого сланца, с резным верхним ребром, изображающим готовящегося к прыжку леопарда на привязи. Лезвие покрыто узором из ряда спиралей. Всю эту группу, пожалуй, можно принять за часть знаков царского достоинства царя Маллии [1].

Письмо С. М. I. Знаки на камнях фундамента в наиболее ранних частях дворцов в Кноссе и Фесте, соответствующие по форме знакам развитого линейного письма, показывают, что была в употреблении какая-то установленная форма пиктографического письма [2]. Встречается двойная секира как квадратная, так и в форме «бабочки», трезубец, условное изображение дерева, широкие стрелы, кресты и звезды и другие простые знаки. Может быть, это были метки, употреблявшиеся каменщиками, чтобы указать место укладки, или обозначения групп рабочих [3]. Аналогичны этим пометкам и различные надписи, вырезанные на сосудах.

На одном пифосе из Хамези имеется сделанный насечкой знак, напоминающий египетский павильон; на миниатюрном кувшине из Продромос Боцану близ Критсы описанного выше типа — с насечным орнаментом вокруг горлышка — изображены двойная секира, крест и вариант египетского знака отрицания [4]; на таком же кувшине из Трапезы — собака и сосуд для возлияний; надписи имеются также на сосудах из Маллии, Нирухани и Краси. Сами по себе эти знаки могут быть и просто личными пометками; однако каменные печати подтверждают, что иероглифы получили уже довольно широкое распространение.

Печати С. М. I. Чаще всего иероглифы встречаются на трехсторонних и четырехсторонних печатях несколько более удлиненной формы, чем в Р. М. III периоде.

Общее впечатление не столь привлекательно, как при простом орнаменте, потому что каллиграфия находилась еще

[1] Monuments Piot, 1926, I; P. of M., II, 271 сл.

[2] P. of M., I, рис. 99.

[3] Последнее имеет место для Телль-эль-Амарны (см. City of Akhenaten, III). Это не является указанием на сдельную работу; знаки должны были лишь свидетельствовать, что каждая группа выполнила свой урок.

[4] P. of M., I, 639.

на очень низком уровне и основной целью было — как-нибудь разместить знаки. Но когда целью является только орнамент, прогресс по сравнению с предшествующим периодом очевиден. На рис. 19, *1* показана одна сторона полуцилиндра из слоновой кости, найденного поблизости от Кносса. Здесь

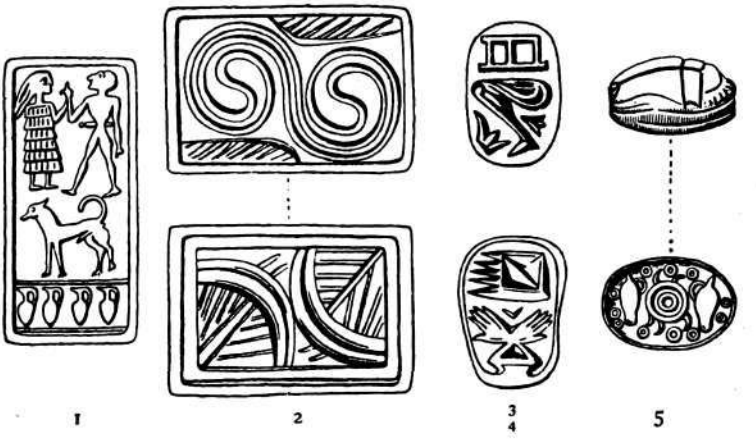

Рис. 19. *1—5* — образцы печатей С. М. I периода.

изображен человек петсофасского типа с кинжалом, обращающийся к длинноволосой женщине, которая одета в спадающее с плеч платье с оборками — странный контраст по сравнению с модными костюмами из Петсофаса, может быть, указывающий на связи с Азией. Внизу — хорошее изображение собаки, а на месте надписи — четыре кувшина с носиками, повидимому, металлические, потому что в керамике этот тип неизвестен.

На другой стороне изображен стрелок с луком и собакой, преследующий каменного козла. Такая же стрела с долотообразным острием и сложный лук появляются в качестве иероглифа также на одной круглой печати из жировика, найденной в Маллии [1]. Другая форма, входящая теперь в употребление, это печать в виде плоской бусины (рис. 19, *2*). В Кноссе было найдено несколько оттисков на глине, один — в «комнате каменных чанов» — со знаком широкой стрелы, другой — с тщательно сделанным узором из связанных по диагонали S-образных завитков, между которыми находятся цветы с четырьмя листками на фоне, усыпанном точками и пальметками, в отложении близ каменного входа в канализационную трубу [2].

[1] P. of M., II, 50.
[2] Там же, I, рис. 119, *a* и 151.

Ювелирные изделия С. М. I. Лучшие образцы ювелирных изделий были найдены в большом оссуарии из Хрисолаккоса в Маллии. Первый предмет — это великолепная золотая подвеска в форме двух шершней [1]. Техника финифти в отделке тел шершней и заключенного между ними диска превосходна, даже тоньше, чем на лучших египетских образцах. Другим ранним примером употребления финифти является золотая жаба из Кумасы [2]. Имеется также золотая булавка из Маллии с головкой в форме цветка [3]. Весьма вероятно, что некоторые из золотых бус и других предметов, найденных в Мессаре, также относятся к этому периоду, но при отсутствии данных стратиграфии к С. М. I периоду можно отнести только те предметы, которые обнаруживают наиболее близкое сходство с находками, сделанными в надежном стратиграфическом окружении.

В «комнате каменных чанов» в Кноссе было найдено большое число зеленых и синих фаянсовых бус, как дискообразных, так и шарообразных. Попадались инкрустации из раковин и фаянса, окружавшие четырехлистники из какого-то другого материала.

Внешние сношения в С. М. I. Единственные египетские предметы, найденные в несмешанном отложении этого времени, происходят из Гурнеса [4]. Здесь в одном из оссуариев были найдены бусы и скарабей XII династии, а также скарабей, датируемый периодом первого распада Египта, хотя возможно, что он представляет собой местную копию. Есть, однако, и другие египетские предметы, которые, хотя и не имеют точной стратиграфической характеристики, все же не могут рассматриваться вне связи с позднейшими отложениями, в которых они были найдены [5]. В гробнице В в Платаносе найдены два скарабея XII династии. На одном из них имеется изображение богини Таурт. Из пристройки к большой гробнице в Агиа-Триаде происходит амулет из слоновой кости, изображающий обезьяну. В пещере Трапезы был найден превосходный глазированный скарабей из жировика, типа, возникающего в период XI династии.

Эванс показал, как египетские мотивы XII династии копировались и видоизменялись на С. М. I печатях [6], выше было

---

[1] P. of M., IV, 75.
[2] V. T. M., табл. IV, 386.
[3] P. of M., II, 50.
[4] Aegyptiaca, 15.
[5] Там же, 35, 9. Печать из Агиа-Триады, которую я отнес (там же, 9) к XII династии, имеет еще более удачную параллель, относящуюся к периоду первого распада Египта. Qau and Badari, I, табл. XXXIII, 190.
[6] P. of M., I, 201.

упомянуто несколько знаков, которые ведут свое происхождение из Египта. В дополнение укажем на рис. 19, 4, изображающий минойский вариант египетского иероглифа, обозначающего дворец или башню.

Отсутствие до этого периода образцов минойского костюма объясняется, возможно, случайностью, но скорее — это художественная условность; ливийское влияние, о котором свидетельствует гульфик, начинается, повидимому, уже за несколько столетий [1].

В Платаносе в отложении С. М. I полихромных сосудов был обнаружен гематитовый цилиндр вавилонского происхождения, датируемый с достаточной вероятностью временем Хаммурапи, т. е. приблизительно 2100 г. до н. э.[2]. Еще один цилиндр, относящийся к этому же времени, был найден к западу от Кандии[3]. Вавилонская юбка с оборками может быть сопоставлена с костюмом женщины на упомянутой выше печати.

Другой явно ввезенный предмет — это голова из известняка (фото 51, *1, 3*), найденная в верхнем слое над группой погребений, в скальном укрытии на акрополе, к западу от дворца в Кноссе[4]. Она обнаруживает поразительное сходство с фигурой из второго храма Сина в Хафайе, хотя последняя и не может быть датирована временем позднее 2550 года до н. э.[5].

Азиатское или анатолийское влияние можно, пожалуй, усматривать в общей планировке дворцов, но отмечавшиеся параллели относятся к значительно более позднему времени[6].

---

[1] P. of M., II, 34. Весьма показательно, что даже теперь не видно характерных для ливийцев длинных волос. Можно предположить, что на Крите обычай ношения длинных волос был введен значительно позднее.

[2] V. T. M., 117; P. of M., I, 197.

[3] Там же, II, 266, рис. 158.

Последние открытия доказали, что время правления 6-го царя I вавилонской династии — Хаммурапи — относится к 1792—1750 годам до н. э. Другие даты из истории Двуречья, приведенные автором, соответственно должны быть уменьшены на 250—200 лет. См. статью В. В. Струве, Датировка первой Вавилонской династии («Вестник древней истории», 1947 г., ч. I, стр. 9—35).— *Прим. ред.*

[4] Этот слой содержал много С. М. III черепков из находившихся над ним погребений в пифосах.

[5] O. I. C., 19, рис. 84. Интересно отметить, что наиболее поздние месопотамские параллели для относящихся к этому периоду ритонов в форме быков, не удается обнаружить для более раннего времени. Франкфорт, лишь на основании фотографий, считает возможным дойти до времени Ура III с крайней возможной датой 2186 года до н. э. (P. of M., II, 259). Вольтижировка на быках, изображенная на мессарском ритоне, имеет каппадокийскую параллель приблизительно от 2400 до н. э. (там же, 259, № 4). (По новейшим данным, правление III династии Ура относится к 2132—2024 гг. до н. э.— *Ред.*).

[6] O. I. C., 269.

Новым, возможно, является принцип сооружения центрального двора или светового колодца, окруженного строениями; но это такая форма, которая естественно должна представиться каждому, кто пожелает создать монументальную постройку, имеющую более двух комнат в глубину и более одного этажа в высоту.

Мы уже упоминали о ввезенных с Киклад в самом начале С. М. I периода пиксидах, которые могли принадлежать к той же группе, что и найденные в Пиргосе, хотя последний пункт еще не достиг С. М. I уровня развития. С другой стороны, небольшое количество С. М. I*a* и много С. М. I сосудов кносского изделия было привезено в Филакопи на Мелосе в начале существования второго города в среднекикладском I периоде [1].

Минойское влияние проникало даже дальше, о чем свидетельствует кувшин местного изделия из Драхмани с изображением бабочки или двойной секиры, найденный в среднеэлладской гробнице, и чаша с двумя ручками и перемычкой над носиком С. М. I*a* периода, найденная в гробнице раннекипрского III периода в Лапитосе [2]. Металлические прототипы каннелированных кубков с двумя ручками из Восточного Крита происходят, вероятно, из второго города в Трое; в Алишаре был найден глиняный сосуд, обнаруживающий поразительное сходство с серебряной вазой и относящийся приблизительно к тому же периоду [3]. Хеттские образцы и кубки из Алака-Гююк относятся ко времени несколько позднее 2100 года до н. э.

Хронология С. М. I. Учитывая данные о внешних связях, мы можем сказать, что С. М. I период начинается в центре острова около конца I периода распада Египта, а в остальных частях — около времени XI династии, причем надежным указанием на раннюю эпоху этого периода служат вавилонские цилиндры *. В Кноссе и Фесте этот период заканчивается в начале XII династии. В остальных частях Крита он продолжает развертываться параллельно С. М. II периоду, нижний предел которого будет указан в следующей главе. Для Кносса наиболее вероятными датами являются 2200—2000 годы до н. э.

---

[1] Phylakopi, рис. 127, Å berg, IV, рис. 326, 328. Эберг считает, что предметы эти — восточнокритские. Ближайшие параллели для приводимого им образца можно найти на рис. 17, *10* и *23* — оба из несмешанного отложения в Кноссе.

[2] Prehistoric Thessaly, 204. Так называемые «изделия Камарес» из Орхомена представляют собой раннеэлладские образцы техники светлым по темному (там же, 194).

[3] Ср. Studies, II, 142; Schmidt, Anatolia, рис. 109.

* В связи с последними открытиями вопрос этот должен быть пересмотрен.— *Прим. ред.*

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕМИНОЙСКОГО I ПЕРИОДА

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

Находки на поверхности

Агиа-Марина	Двойной каменный сосуд из пещеры Героспилио (*Marinatos*, Mitt. über Höhlen und Karstforschung, 1928, рис. 4)
Гавдос	Черепки из Каравы (*Levi*, Art and Archaeology, 1927, 176 сл.)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Амнисос	Пещера и поселение	Сосуды и пр. (*Marinatos*, Πρακτικά, 1929, 95; 1933, 93)
Аркалохори	Пещера	Несколько черепков снаружи у входа (*Hazzidakis*, B. S. A., XIX, 35)
Гиофиракия	Поселение	Сосуды (Маринатос. Не опубликовано) Музей Кандии, Catalogue, 8433 сл.
Гурнес	Оссуарий	Сосуды и пр. (*Hazzidakis*, Ἀρχ. Δελτ., I, 59)
Юктас	Святилище	Сосуды и пр. (*Evans*, P. of M., I, 151)
Кастеллос Цермиадон	Поселение	Многочисленные памятники; раскопано автором в 1937 г.
Остров Христос	Кладбище и поселение	B. C. H., 1925, 473; 1928, 502; J. H. S., 1926, 240
Кносс	Дворец	Первый фундамент (P. of M., I, 127. Виадук, II, 93, 146. Наружная стена, IV, 50)
	Город	P. of M., IV, 66; B. S. A., XXX, 53; J. H. S., 1901, 78
	Кладбище	Скальное укрытие на акрополе на западной стороне (J. H. S., LV, 168)
Краси	Гробница	Позднее отложение в круглой гробнице (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., 12, 102)
Маллия	Дворец	Много отложений и архитектурных деталей (*Chapoutier*, Mallia, I, II, 27; B. C. H., 1928, 368; 1929, 521; 1930, 517; 1931, 515)
	Город	Дома (B. C. H., 1924, 496; 1925, 473; 1928, 502, 504; 1929, 527; 1931, 513; 1933, 296)
	Кладбища	Укрытия на побережье (B. C. H., 1929, 527; Хрисолаккос, 1930, 424, 521; 1931, 512; 1934, 268)
	Святилище	На горе пророка Илии (B. C. H., 1928, 505)
Трапеза	Пещера	Последнее значительное отложение, найденное при раскопках, 1936 (A. J. A., XL, 371, 1936, 162)
Тилиссос	Поселение	Раннее заселение города (*Hazzidakis*, Ἐφ. Ἀρχ., 1912; Tylissos Villas Minoënnes, 79)

б) Находки на поверхности

Агиу-Георгиу Папура	Сосуд из пещеры, виденный автором; 1936 г.
Анагири	Черепки из предполагаемого сторожевого пункта на минойской дороге (*Evans*, P. of M., II, 77)
Августи	Следы погребений, виденные автором; 1937 г. Один черепок из бухты Агиа-Пелагиа, найденный автором; 1935 г.
Элунта	Сосуды из колодца у Като Элунта, виденные автором; 1937 г.
Гази	Черепки с откоса автомобильной дороги, найденные Мани-Каутс и Экл; 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 92)
Мармакето	Черепки и печать из Факидии выше деревни, виденные автором; 1935—1936 гг. (ср. *Dawkins*, B. S. A., XX, 4)
Мохос	Каменный сосуд и черепки с вершины Эдикти к востоку от деревни, виденные автором; 1935 г.
Нирухани	Миниатюрные кувшины с надписями (Ἐφ. Ἀρχ., 1906, табл. IX, 1—3)
Орниас	Следы поселения, виденные автором; 1937 г.
Руссес	Следы оссуария (*Franchet*, J. H. S., 1918, 204)
Скалани	Знаки на камнях большой постройки в Ста Серайе (*Evans*, P. of M., II, 62)
Схинеас	Черепки на Копране, виденные автором; 1937 г.
Скотино	Черепки из большой пещеры (*Evans*, P. of M., I, 163)
Трапеза	Черепки из пещеры в полутора часах ходьбы к юго-западу от Тилиссоса (*Hazzidakis*, Tylissos Villas Minoënnes, 75)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Триада	Гробница	Наиболее позднее отложение в толосе (*A. Banti*, Annuario, XIII — XIV, 164 сл.; Mon. Ant., XIV, 677)
	Дома	Под двором (I. H. S., XXXIII, 365)
Драконес	Гробницы	Основные отложения в круглых гробницах (*Xanthoudides*, V. T. M., 76)
Калатиана	Поселение	Архитектурные и другие находки (там же, 84)
Камарес	Пещера	Сосуды и пр. (*Dawkins*, B. S. A., XIX, I)
Христос	Гробница	Поздний инвентарь круглой гробницы (*Xanthoudides*, V. T. M., 70)
	Святилище	На горной вершине над гробницей (P. of M., II, 81)
Кумаса	Отложение	Черепки близ прямоугольной гробницы Г (V. T. M., 42)
Маратокефало	Гробница	Наиболее позднее отложение в круглой гробнице (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., 1918, Παρ. I, 14 сл.)
Фест	Дворец	Черепки, найденные под полом (*Pernier*, Festos, 130 сл.; Mon. Ant., XIV, 313)
Платанос	Гробницы	Наиболее позднее отложение в круглых гробницах (V. T. M., 88)

Порти	Гробницы	Наиболее позднее отложение в круглой гробнице и отдельные погребения (там же, 55 сл.)
Вору	Гробницы	Основное отложение в круглых гробницах. Погребения в саркофагах (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελχ., 13, 137); нераскопанное поселение

б) Находки на поверхности

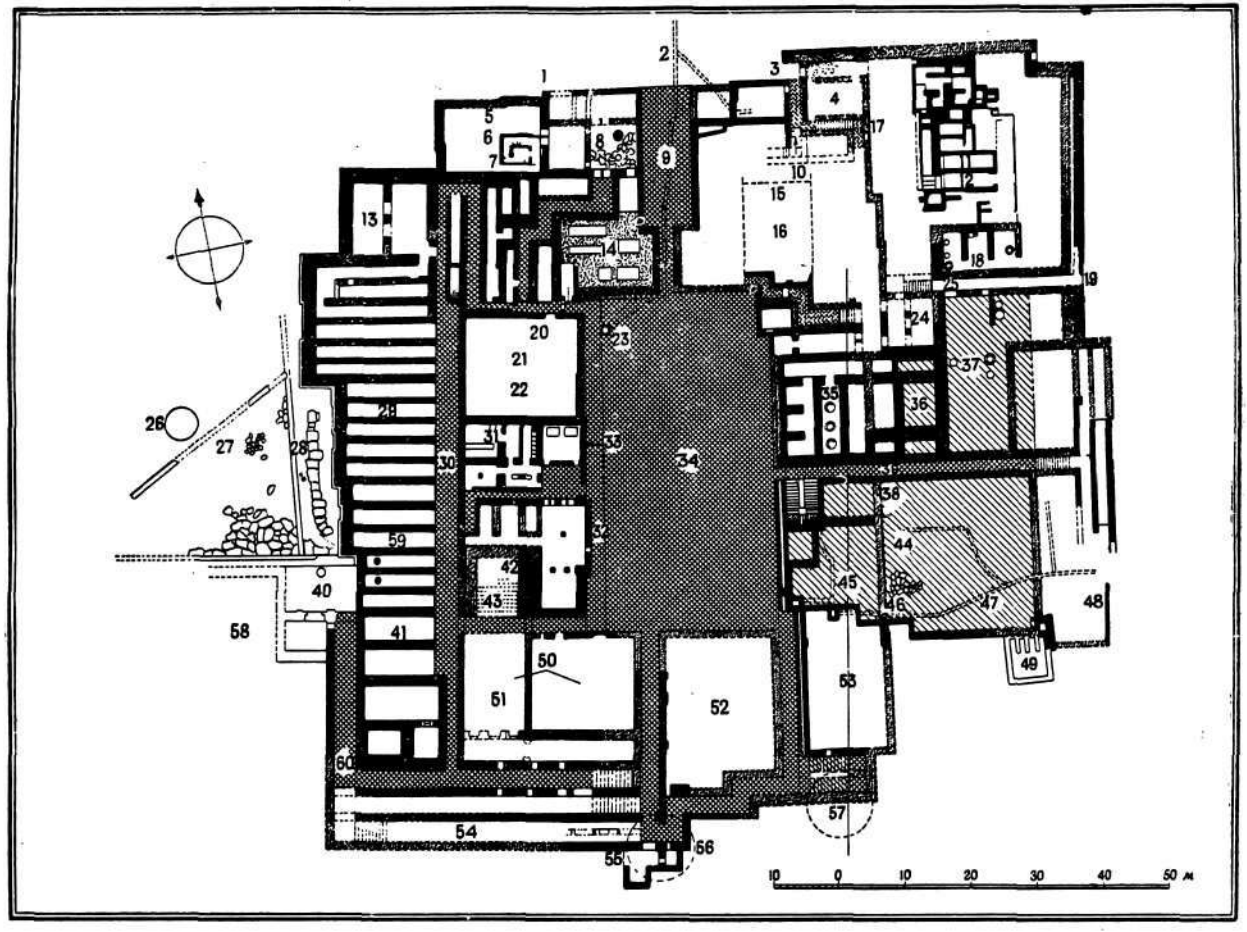
Ущелье Гулофаранго	Черепки из предполагаемого укрепления в глубине ущелья в Агиа-Параскеви. Найдены автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 87)
Кастеллос Бельведере	Черепки с вершины, виденные автором; 1936 г.
Василики	Черепки с обочины дороги у школы. Найдены автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 86)

Восточный Крит

а) Раскопанные поселения

Агиа-Фотиа	Пещера	Два черепа (*Hawes*, Trans. Penn. Univ., I, 185)
Гурния	Поселение	Ранние строения и отложения (Gournia, 38)
	Погребения	Оссуарии (Trans. Penn. Univ., I, 186; Gournia, 56)
Хамези	Дом	Сосуды и фигурки из овального дома (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1906, 117; *Mackenzie*, B. S. A., XIV, 414)
Мохлос	Гробницы и поселение	Наиболее поздние отложения в гробничных постройках (*Seager*, Mochlos, в различных местах). Наиболее поздние отложения в первом городе (*Seager*, A. J. A., XIII, 274)
Пахиаммос	Погребение	Погребения в пифосах (*Seager*, Pachyammos, в различных местах)
Палекастро	Оссуарии	В Кастри (*Dawkins*, B. S. A., X, 202); в Элленика (B. S. A., X, 196); в Пателе (B. S. A., IX, 306); в городских отложениях (B. S. A., VIII, 292)
	Отложение	В городе (B. S. A., доп. 9)
Петрас	Отложение	Сосуд, найденный под домом более позднего времени (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 282). Другие сосуды (Каталог Британского музея, I, A. 507—509)
Петсофас	Святилище	Сосуды и статуэтки (*Myres*, B. S. A., IX, 356)
Псира	Поселение	Дома и инвентарь домов первого города (*Seager*, Pseira, 9, 18)
Сфунгарос	Погребения	Погребения в саркофагах и пифосах (*Hall*, Sphoungaras, 56)
Василики	Поселение	Дома и пр. (*Seager*, Trans. Penn. Univ., II, 113)
Закрос	Святилище	Статуэтки—посвятительные приношения с нависающей скалы в Апано-Закросе (P. of M., I, 151)

План 1. Кносский дворец. Схематический план, показывающий на основании имеющихся данных общее расположение в конце среднеминойского II периода.

1. Остатки дороги.
2. Главный северный сток.
3. Вход в с.-в. квартал.
4. Помещение привратника (?).
5. С.-з. внутренний двор.
6. Посвятительная площадка.
7. Сакральный бассейн (ранние элементы С. М. I—II).
8. Северный портик.
9. *Северный вестибюль.*
10. Позднейшая лестница (С. М. III).
11. „Царский склад гончарных изделий".
12. С.-в. корпус.
13. Световая площадка.
14. Первоначальный корпус, составляющий укрепление С. М. I.
15. Северный квартал.
16. С. М. III кладовые и с.-в. зал.
17. Продолжение фасада верхней террасы.
18. Ранние кладовые с шишковатыми пифосами.
19. Восточный вход (предположительно).
20. Округленный угол фасада корпуса.
21. Площадь, позднее занятая системой „тронного зала" II. М. II.
22. Западный центральный корпус (северная часть).
23. Цистерна, вероятно, для осушения более ранней веранды.
24. С.-в. портик С. М. III.
25. Ступенчатый коридор (предположительно).
26. Колодец с облицовкой („кулура").
27. Западный двор.
28. *Камни основания ранней внешней стены* (С. М. I).
29. Пилястр ранней кладовой.
30. Длинный коридор.
31. Западный центральный корпус (средняя часть)
32. Ранняя веранда (?).
33. Остатки мозаичного пола.
34. Центральный двор.
35. Восточное центральное включение.
36. Фундамент помещения прясдиц.
37. Склады больших пифосов.
38. Ранний фасад верхней террасы.
39. Более ранний нижний в.-з. коридор.
40. Западный портик (типа С. М. I—II, перестроен).
41. Ранние кладовые (позднее ими не пользовались).
42. Западный центральный корпус (южная часть).
43. Основания бастионов первоначального ступенчатого коридора.
44. Позднейший жилой квартал (полностью перестроен в С. М. III периоде)
45. С. М. II дверные косяки.
46. С. М. II вымостка.
47. Главный восточный сток.
48. Ю.-в. вход (предположительно).
49. Основания монолитных колонн (С. М. I*a*).
50. Ю.-з. корпус.
51. Пропилеи (перестроены, вероятно, в II. М. I периоде).
52. Южный корпус.
53. Ю.-в. корпус.
54. Южный коридор.
55. Южный портик.
56. Ранний погреб.
57. Ю.-в. погреб (предположительно).
58. Позднейший в.-з. квартал.
59. Западные склады.
60. Позднейший „коридор процессий".

б) Находки на поверхности

Каламафка	Черепок из Кефаловрисис в верхней части деревни, виденный автором; 1935 г.
Пискокефали	Стены и черепки, виденные Эвансом (*Diary*, 12 / 4 / 94). Фигурки (*Marinatos*, J. H. S., 1932, 255).
Продромос Ботцану	Сосуд для возлияний (*Evans*, J. H. S., 1894, 279).

2. Среднеминойский II (С. М. II)
(см. карту 8)

Этот период, как уже было сказано, представлен исключительно в Кноссе и Фесте[1]. Когда впервые устанавливалась минойская хронология, в С. М. II было включено многое из того, что мы теперь относим к С. М. I, и поэтому список мест, где этот период был обнаружен, требует критического отношения. Разумеется, провинциальные города во всех случаях, когда представлялась возможность, ввозили сосуды новейшего образца из крупных центров, но лишь немногие имели эту возможность. Ввезенные сосуды встречаются либо в слое, содержащем С. М. I сосуды, либо иногда в небольшом отдельном отложении, точно они представляли собой особую драгоценность. Разумеется, священные пещеры, как Диктейская пещера и пещеры в Камаресе и Трапезе, получали самые лучшие приношения. Нас не должно удивлять, что в Сто Дасо и Кедри в восточной части Крита встречаются каменные печати, ибо они легко транспортируются; нет ничего необычайного и в надписях в Маллии, ибо важность написанного текста превосходила значение самих предметов. Отложения в Куфониси, где было найдено большое количество пурпурных раковин, может быть, представляют собой остатки мастерской, обслуживавшей царей, потому что выдающееся значение Кносса и Феста в этом периоде, несомненно, свидетельствует о том, что господство над всем островом было разделено между этими двумя центрами.

Архитектура С. М. II. 1. Дворцы. В Кноссе завершилось уничтожение границ между отдельными комплексами домов С. М. I периода и наметились общие очертания дворца в его окончательной форме. Полностью перестроена была старая сторожевая башня с ее камерами внутри толстых стен. Был построен западный портик с его единственной колонной, были сооружены западные кладовые по их нынешнему плану. К западу от старого северного въезда был проложен дополнительный въезд, а вместе с ним появилась своего рода

[1] Ср. выше стр. 111, примечание 2, где приведены данные, свидетельствующие о том, что в других местах С. М. I стиль керамики удержался до С. М. III периода.

8. Поселения среднеминойского II периода.

«площадка для совершения очищений», куда посетитель спускался по однопролетной лестнице, чтобы получить сакральное очищение прежде, чем войти во дворец.

Дома С. М. I периода на западном дворе были снесены, и их место занял мощеный двор (фото 45). В каменной панели имелись три круглые выемки, так называемые «кулуры», в которые сбрасывались обломки сосудов из куч мусора [1]. Уровень прежнего северного двора значительно повысился, и была построена широкая лестница, спускавшаяся в южном направлении к западному двору.

Однако высшим достижением архитектуры этого периода является перестройка на восточном склоне. Прежние узкие террасы совершенно не соответствовали новому грандиозному размаху строительства; поэтому была сделана глубокая выемка вплоть до нижних неолитических слоев, занявшая, по существу, всю восточную сторону центрального двора. Стены, поддерживающие эту выемку, составляют часть первоначального сооружения, хотя внутреннее устройство, за исключением канализационной системы, подверглось значительной переделке в С. М. III периоде. Повидимому, она была разделена на две половины: южную, которая была занята позднее жилым кварталом, и северную, на которой находился глубокий массивный фундамент, может быть, предназначавшийся для поддержки сооружения, замененного впоследствии большим восточным залом. К востоку и северу отсюда находились склады посуды и помещения для рабочих, куда надо было спускаться по лестнице, находившейся на месте позднейшей большой лестницы.

Принадлежащие С. М. II периоду постройки в Фесте обнаруживают интересные параллели с Кноссом. Западный портик с колонной и сторожевым помещением, находящаяся рядом углубленная площадка, соответствующая прежней «площадке для совершения очищений» у северо-западного въезда Кносского дворца, западный двор с «кулурой», равно как и многие детали конструкции, имеют много общих черт.

Вероятно, к этому периоду должны быть отнесены две постройки с колоннами в западном крыле Кносского дворца (фото 44, *2*), имеющие вид святилища. Крышу каждого из этих помещений поддерживает четырехугольный столб, составленный из четырех гипсовых глыб, обильно испещренных

[1] Полное отсутствие стратиграфических данных для содержимого этих углублений показывает, что обломки сбрасывались в них каждый раз, когда какая-либо куча мусора становилась слишком большой. Очевидно, одновременно эти обломки большими грудами сваливали туда с северо-восточного угла. Так, на самом верху был найден обломок С. М. Iб периода, несомненно, попавший из редко пополнявшейся кучи мусора, тогда как обломок сосуда С. М. III периода, выброшенный уже незадолго до того, как кулуры были засыпаны доверху, был найден в самой нижней части склона.

высеченными на них изображениями двойной секиры. Рядом с одним из них находится вделанная в почву каменная цистерна для возлияний.

В северо-восточном углу западного двора в Фесте расположено С. М. II святилище с тремя камерами, примыкающими к фасаду, а за ним — прямоугольное святилище меньших размеров, с трех сторон окруженное скамьями. В этом втором святилище был найден глиняный стол для приношений с отпечатанным на нем вокруг края орнаментом, изображающим быков, и S-образные завитки и раковина, служившая трубой [1].

Аналогичные интересные находки сделаны на «площади прялиц» в Кноссе, в слое, относящемся, как и инвентарь святилища в Фесте, ко второй половине рассматриваемого периода [2]. Здесь обнаружена модель святилища с колоннами, у которой каменная кладка выполнена в виде шахматной доски, как на позднейших миниатюрных фресках, а концы балок имеют дискообразную форму. С нею были найдены остатки миниатюрных жертвенников, увенчанных священными рогами, глиняная модель носилок, обломки глиняных раковин и группа из трех круглых колонн, увенчанных четырехугольными капителями, каждая из которых поддерживает две круглые перекладины с сидящими на них голубями. Была также найдена очаровательная ваза из бледноголубого фаянса с горлышком и ножкой из золота и золотая ветка с листьями, лежащая на тазе, в котором находилось какое-то обуглившееся вещество [3].

Дворцовая архитектура С. М. II периода характеризуется целым рядом общих черт. Хорошо обтесанные известняковые блоки лежат на глиняной прослойке, имеющей между рядами около 1 *см* в толщину. Вместо деревянных косяков и гипсовых оснований дверная рама часто прорезается в самом фасаде. Как в открытых дворах, так и во внутренних помещениях пол часто бывает вымощен толстыми известняковыми плитами неправильной формы, известными у рабочих под названием «кальдирими», по сходству с мощеными дорогами времен турецкого господства. Во вторую половину С. М. II периода эта вымостка заменяется гладкими плитами мелкозернистого известняка, носящего местное наименование «миндального камня». Промежутки заполнялись красным или белым гипсовым раствором, от которого эта вымостка получила название «мозаики».

---

[1] Festos, 1, 195, 229.

[2] Постройка святилища вполне может быть отнесена к первой половине этого периода или даже к С. М. Iб. Так как между периодами не было резкого разрыва, который мог бы отразиться на отложениях, то инвентарь, естественно, характеризует наиболее позднюю фазу.

[3] P. of M., I, 221, 252.

Базы колонн по соотношению с их диаметрами высоки; для них широко применяются разноцветные камни, как, например, брекчия, змеевик и порфир. Вследствие красоты и твердости этих пород сделанные из них базы нередко использовались позже для других построек. Стержни колонн были, вероятно, в этом периоде, как и позднее, деревянные.

К этому же периоду принадлежит и устройство канализационной системы жилого квартала [1]. Главная труба, выложенная камнем, покрытая цементом и достаточно широкая, чтобы в ней мог пройти человек, шла по кругу с водоразделом в юго-восточном углу позднейшего «зала колоннад», а сток находился на восточном склоне. Сюда же выходили и трубы для стока с крыш дождевой воды. Усовершенствованная латрина, по всей вероятности, является позднейшим добавлением. В гипсовой облицовке стены на высоте более полуметра сделано углубление, поддерживающее деревянное сидение. Перед ним помещается наклонная плита, заканчивающаяся стоком, который соединен с главной трубой. Самое отверстие прикрыто выступом, который, возможно, предназначался для того, чтобы препятствовать вытечке газов из трубы. Такие же канализационные и водопроводные трубы встречаются и в других частях дворца; очень хороший образец находится у северного входа.

Фрески С. М. II. Что касается внутреннего украшения дворца, то, естественно, от него сохранилось очень немного. На одном обломке раскрашенной штукатурки, относящемся, может быть, к предыдущему периоду, имеется заимствованный из Египта мотив «уадж» [2]. Однако первым подлинным примером стенной росписи следует признать так называемого «собирателя шафрана» [3]. Это кусок раскрашенной штукатурки, на котором изображена серовато-синяя фигура человека, срывающего крокусы и ставящего их в вазы. Волнистые белые и черные линии на общем красном фоне условно обозначают скалистый пейзаж. Окраска тела «мальчика» чрезвычайно своеобразна и была бы, пожалуй, более подходящей для египетского бога подземного царства. Но мальчик ли это? Он обнажен, если не считать двух красных тесемок вокруг талии, и, что еще более существенно, можно различить

---

[1] P. of M., I, 224.

[2] Там же, 201.

[3] Там же, 265 и III, 22, с указаниями относительно стратиграфии. Snijder (Kretische Kunst, 28) выражает сомнение по поводу стратиграфии, и действительно, выдвигаемые им стилистические доводы очень сильно говорят в пользу датировки С. М. III, при которой эта фигура оказалась бы более близкой к синим обезьянам. Таким образом, она не оставалась бы единственным изображением живого существа на протяжении столь длительного времени.

(но только в оригинале, а не на репродукции) развевающийся над ним хвост! Конечно, это обезьяна, подобная синим обезьянам, срывающим цветы в группе на позднейшем «доме с фресками». Поза «собирателя шафрана» весьма характерна для обезьяны. Так как изображение головы не сохранилось, мы не можем говорить с полной уверенностью, но если принять во внимание, что в Петсофасе уже утвердилась условная красная расцветка для передачи мужских фигур и белая — для женских, тогда как обезьяны на «доме с фресками» также окрашены в синий цвет, то это представляется достаточно сильным аргументом [1] (фото 59, *1*).

Более условная форма стенной росписи была найдена на северо-западном портике, где сохранившиеся обломки штукатурки показали, что по черному фону «печатали» при помощи пропитанной желтой краской губки, которую слегка прижимали к стене[2]. Такой печатный орнамент появляется также и на сосудах.

Архитектура С. М. II. 2. Жилые дома. Единственным частным домом, который может быть отнесен к С. М. II периоду, поскольку к этому периоду принадлежит древнейшая найденная в нем керамика, является дом в Сту Куси, к югу от Феста. Он имеет квадратную форму со стороной около 11 *м* и состоит из одной большой комнаты, в которую непосредственно ведет находящаяся в фасаде дверь, двух меньших комнат, расположенных к северу от нее, и двух, расположенных к востоку. Обработка наружных стен с внешней стороны грубая, они сложены из довольно больших камней, лежащих на основании из более мелких. Длина больших камней колеблется от 80 *см* до 1 *м*, все они расположены длинным концом к фасаду. Внутренние стены выложены мелкими камнями, соединенными раствором глины. Так называемая архитектурная мозаика (фото 51, *1*) дает хорошее представление о внешнем виде обыкновенного дома С. М. II периода [3]. Фаянсовые пластинки, которые служили, может быть, инкрустацией, украшавшей деревянный ящик, были найдены в С. М. III*а* отложении поблизости от фундамента «зала пряслиц». Стиль их обнаруживает явное сходство с описанной выше терракотовой моделью святилища. Они изображают городские дома. На других фрагментах видны изображения деревьев, воинов, животных и носа корабля. Вода также обозначена на этих пластинках волнистой синей линией в египетской манере. Было высказано предположение, что все они, подобно ритону из Микен, являются фрагментами изображения осады города с моря.

[1] Первым выдвинул это соображение, кажется, Пернье.
[2] Там же, III, 362.
[3] P. of M., I, 301.

Дома имеют два и более этажей и, повидимому, построены из камня со скреплениями из больших деревянных балок. Иногда, как это обычно во дворце, ребра оконных рам составляют одно целое с балками, в других случаях окна расположены изолированно в каменной кладке. Некоторые из оконных зазоров выкрашены красной краской, что, повидимому, указывает на употребление промасленного пергамента или какого-либо другого материала, предвосхищающего употребление стекла.

На пластинках, расположенных в двух верхних рядах таблицы справа, видна толстая прослойка глиняного раствора между камнями — новое подтверждение датировки С. М. II периодом. Крыши плоские, и хотя наблюдающийся у некоторых из них уклон иногда принимали за обозначение действительного наклона для стока воды, мало вероятно, чтобы такие детали отмечались на столь мелких изображениях. Интересны башни; нельзя ли предположить, что здесь перед нами указание на устройство фонарей для освещения внутренних помещений?

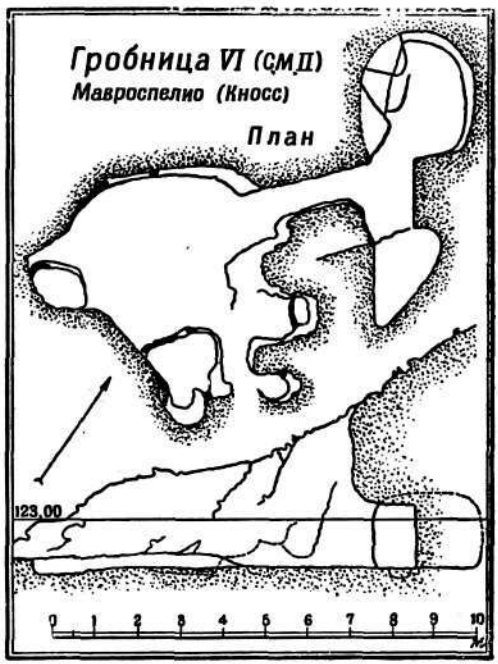

Рис. 20.

Гробницы С. М. II. Было открыто лишь немного гробниц этого периода. Возможно, что некоторые из гробниц кладбища в Мавроспелио возникли в С. М. II периоде, но бо́льшая часть их была опорожнена для последующих захоронений. Во всяком случае, ясно, что старые скальные укрытия теперь начали улучшаться; они становятся более глубокими и уже предвещают позднейшие камерные погребения[1] (рис. 20). Большей частью они имеют неправильную форму; вероятно, для каждого погребения

[1] Ср. Archaeology, LXXXII, 125.

вырезалась новая ниша или новое углубление в полу гробницы.

В большой гробнице в Агиа-Триаде были найдены два сосуда С. М. II периода. Очевидно, что все еще продолжали применяться круглые гробницы. К сожалению, Ксантудидис не говорит ничего о типе гробницы, в которой были найдены сосуды, изображенные на фото 52.

Керамика С. М. II. Керамика начала С. М. II периода хорошо представлена в «царских складах гончарных изделий» в северо-восточном квартале Кносского дворца и в расположенных поблизости от них кладовых, соответствующих ранним кладовым, которые примыкают к западному двору в Фесте. В последнем найден изображенный на фото 54, *2* пифос, украшенный шишками и снабженный для удобства переноски несколькими рядами ручек. Кроме шишек, он украшен веревочным и струйчатым орнаментом, воспроизводящим пятна, оставляемые переливающимся через края сосуда содержимым. В Кноссе обнаружены гигантские экземпляры, значительно превышающие в высоту 6 футов, аналогичной, но более удлиненной формы со сложным веревочным узором, воспроизводящим сеть, при помощи которой их переносили [1].

Типичную для этого периода форму представляет кубок с ножкой, обычно обведенный ниже венчика белой полосой по черному фону. Эти кубки очень похожи на кубки С. М. I*a* периода, но их тулово более округлено, а ножка постепенно расширяется к основанию, которое не имеет снаружи вдавленности [2].

Другой тип, также чрезвычайно ценный для датировки, показан на фото 52, *b*: это чашка с почти прямыми стенками и маленькой ручкой. Малый размер ленточных ручек также является указанием для датировки. Белая краска имеет более кремовый оттенок, чем в С. М. I, но она не так прочна, как в Р. М. III, так что черная глазурь фона получила почти металлический блеск и в большинстве случаев хуже сохранилась, чем в предыдущем периоде. Для полихромных сосудов употребляются два сорта красной краски. Один приближается к оранжево-красной краске С. М. I*a* периода, другой имеет густомалиновый оттенок, но оба очень легко опознаваемы.

Обведение красных или коричневых узоров белой краской, которое мы отметили для С. М. I периода, как подражание камню с прожилками, получает дальнейшее развитие в С. М. II*a* периоде, когда становится обычной имитация брекчии, чему примером служит сосуд, ввезенный в Палекастро (фото 52, *e*). Часто встречаются также белые точки — подра-

[1] P. of M., I, рис. 175.
[2] Там же, 2, рис. 177.

жание пятнам на липарите (ср. фото 52, *b*), а в одном случае воспроизведена действительная форма липаритовой чаши, которая в свою очередь копирует египетский оригинал IV династии [1]. Накладной орнамент, датируемый на основании оттенка сопровождающей его красной краски, еще продолжает применяться, хотя, к счастью, не с таким излишеством, как в Мессаре. В умеренной форме этот орнамент заметен вокруг средней части тулова, изображенной на фото 53, *l*, красивой чаши с отогнутым краем, где он создает впечатление шипов розы [2].

Мы уже видели, что техника «скорлупок» появляется еще в С. М. I*a* периоде, но в рассматриваемом периоде она достигает своего расцвета. На фото 53, *g* и *h* изображены образцы из «дома упавших камней» и из «царских складов гончарных изделий». Первый из них напоминает легкий пузырь; создается впечатление, что он как бы плавает в руке [3]. На другом имеется рельефное изображение чашечки водяной лилии, подымающейся снизу, точно для того, чтобы усилить иллюзию.

Техника этого сосуда также отличается большой тонкостью, хотя форма его менее красива. На нем хорошо видна типичная для С. М. II*a* периода розетка с округленными концами лепестков (ср. рис. 21, *13*) [4]. Формы стремятся воспроизвести облик металлических сосудов, для чего служит каннелирование, как действительное, так и имитация посредством окраски (рис. 21, *6*). Попадается также штампованный орнамент на сосудах, поверхность которых обладает металлическим блеском [5]. На фото 53, *3*, *j* (рис. 21, *5*) представлен хороший пример двойной аркады, имитирующей оригинал, исполненный техникой штамповки и инкрустацией.

Другой характерный сосуд (фото 53, *i*; рис. 21, *1*) имеет форму, которая не выходит из употребления в течение долгого времени, вплоть до золотых кубков из Вафио. Штампованный орнамент встречается как темный по светлому, так и светлый по темному, причем одна техника применяется для стенок чашки, а другая — для основания. Иногда на сосудах этой формы встречаются сделанные губкой белые мазки, напоминающие отпечатанные губкой узоры на фресках. Сочетание орнамента светлым по темному и темным по светлому хорошо представлено также чашей *l*, у которой внешняя поверхность расцвечена красным и белым по черному, а

---

[1] P. of M., I, рис. 127, *f* и *e* и 55.

[2] P. of M., дополнительная таблица III, *a*.

[3] Относительно орнамента см. там же, II, табл. IX, *a* (цветная).

[4] Там же, I, табл. II, *c*. Именно по этой причине следует, по моему мнению, отнести сосуд из Абидоса (там же, рис. 199, *a*) к переходному периоду С. М. II *a*—*b*.

[5] Там же, рис. 182.

темножелтое основание внутренней поверхности покрыто коричневыми пятнами.

Великолепная чаша с перемычкой над носиком была найдена в отложении «северо-западной сокровищницы» [1]. Ее

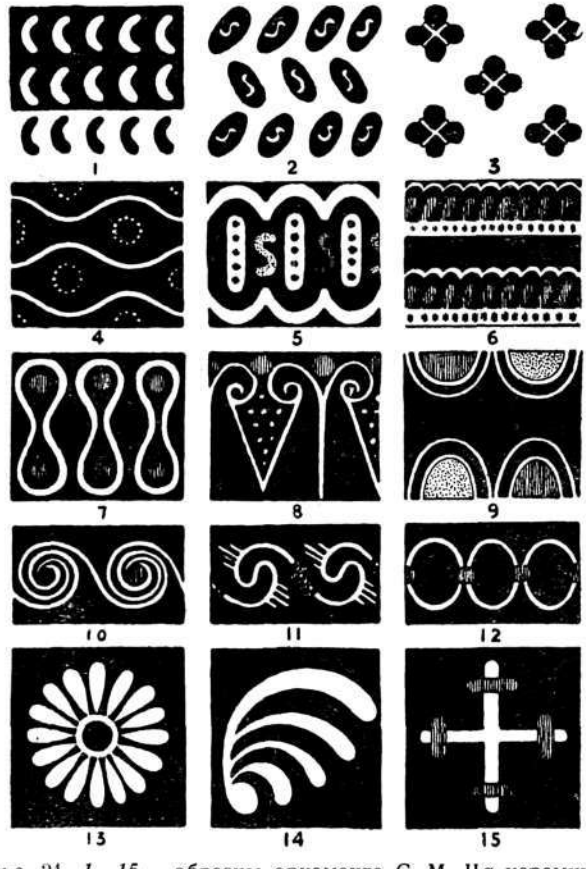

Рис. 21. *1—15* — образцы орнамента С. М. II*а* керамики.

задняя и передняя поверхности украшены сложным орнаментом из завитков, окружающих нечто вроде пятилепестковой розы из герба Тюдоров, а пониже ручек с каждой стороны имеется изображение лилии. Встретился также сплющенный кувшин, очень похожий на дорожную фляжку, кажда сторона которого разделена на четыре части красным изогнутым крестом, а в каждой четверти изображено белое перо (рис. 21, *14*) [2]. Эти перья следует, повидимому, сопоставить с «петлей с

[1] Узор см. P. of M., 247.
[2] P. of M., II, 215.

касательными», типичной для орнамента Восточного Крита, начиная с С. М. I периода.

Другой вид сосудов, только недавно выделенный в особую группу, получил название «сосудов с кремовой каймой». Много образцов этих сосудов было найдено на западном дворе при раскопках 1930 г. Здесь были кувшины с носиками, опоясанные белыми полосами по черному фону и фризом из спиралей с красными центрами (рис. 21, *10*), с красным ободком и белыми горлышком и носиком; на передней поверхности этих сосудов имеется удлиненный условный растительный орнамент, выполненный в красной краске. Столь же типичны «вазы для фруктов», у которых основная часть чаши расписана простым узором из расходящихся из центра лучей, напоминающим панцырь черепахи, а край расписан кремовой краской и украшен тисненым узором из спиралей [1].

Часто встречается тиснение как способ имитации металла. На табл. 53, *d* показан хороший образец из Феста, на котором снаружи видны рельефные изображения раковин, а внутри — соответствующие им следы пальцев в тех местах, где глина вдавливалась в форму [2]. О широком распространении этой техники свидетельствует другая чаша, *f*, также из Феста, с перемычкой над носиком. Если бы не узор по краю, можно было бы подумать, что она случайно попала в С. М. II слой, в котором она была найдена.

Другой мотив, имеющий большое значение, так как он встречается на черепках, найденных в Египте,— это ракета с мячом. Чаша, украшенная подобным орнаментом, найдена в «царских складах гончарных изделий», а близ «дома упавших камней» обнаружены обломки превосходного пифоса с таким же орнаментом [3].

Хотя до сих пор мы пользовались преимущественно образцами из Кносса, было бы ошибкой думать, что гончарная техника Феста стояла на более низком уровне. Это объясняется лишь тем, что, в то время как в Кноссе до конца С. М. II*a* периода имели место перестройки, вследствие чего отложения оказались изолированными, в Фесте в большинстве случаев продолжали использоваться прежние помещения, так что сохранилась только керамика С. М. II периода. Однако некоторое количество сосудов предшествующего времени все же уцелело, в том числе «ваза для фруктов» (фото 54, *1, 2*) с расходящимися лепестками на внутренней поверхности и фризами из лепестков и ромбов на ножке [4]. Встречаются чашки-«скорлупки», опоясанные волнистыми линиями, между

[1] P. of M., IV, цветная табл. XXIX.
[2] Festos, I, табл. XXX, *b*; P. of M., IV, 117, где кроме упомянутого приводятся образцы из Кносса.
[3] Festos, II, табл. IX (цветная).
[4] Там же, I, табл. XXII.

которыми сделаны небольшие розетки с красным центром (ср. рис. 21, *3*) [1]. Узор одной из них напоминает кладку каменных блоков на строительном растворе [2].

Чаша из пещеры Камарес (фото 53, *а*) украшена типичной для С. М. II*а* периода розеткой. На другом образце более тонкой работы изображен стилизованный осьминог, тело которого покрыто перекрещивающейся штриховкой. Каждое щупальце держит диск, окруженный точками, а с двух нижних щупалец свисают лепестки [3].

Палекастро хотя и не было достаточно богато, чтобы обучать своих гончаров в Кноссе, все же ввозило некоторые из лучших образцов С. М. II*а* периода. Кроме чашки, представленной на фото 52, *е*, отсюда происходит изящная «скорлупка» с белыми волнистыми круговыми линиями и кружками из точек (рис. 21, *4*). Найдены также подобные сосуды, украшенные орнаментом из отпечатков раковин [4].

Очевидно, эти значительные успехи керамики были вызваны изобретением быстро вращающегося гончарного круга. На основаниях многих сосудов можно рассмотреть концентрические полукруги там, где шнур срезал сосуд с еще продолжающего вращаться диска. Быстро вращающийся гончарный круг означал возможность широкого распространения техники «скорлупок». К счастью, он означал также и конец накладного орнамента.

Поддающееся наиболее четкому стратиграфическому определению отложение для последующей стадии развития керамики С. М. II периода дала «площадь пряслиц» [5]. Здесь был найден большой приземистый кувшин более полуметра высотой. Его глянцевитая черная поверхность орнаментирована группой из трех пальмовых деревьев, написанной тусклой белой краской, а детали выполнены красной краской [6]. Однако на более мелких сосудах полихромия постепенно исчезает. Особенно хорошо это видно на группе сосудов, найденных вместе с описанной выше моделью святилища. Мелкие кувшины и чашки этой группы имеют узоры, подобные показанным на рис. 22, *4* и *5*; на большом кувшине с перемычкой над носиком узор образца 22, *2* находится между рядами белых дисков с красными центрами. Примененный здесь орнамент в виде полосы с остроконечными листьями типичен для С. М. II*б* периода; одновременно появ-

[1] Festos XXI, *a*.
[2] Там же, табл. XXVII, *a*.
[3] B. S. A., XIX, табл. X, *a*.
[4] Там же, доп. 15.
[5] P. of M., I, 248 сл. Названа так потому, что здесь было найдено свыше 400 глиняных грушеобразных пряслиц от ткацких станков, датируемых этим временем.
[6] P. of M., рис. 190. Пальмы до сих пор встречаются в дикорастущем состоянии в Ваги, на восточном побережье к северу от Палекастро.

ляется и более заостренная форма лепестков у розеток (рис. 22, *10*). Обычны большие спирали (рис. 22, *9*). Впервые появляются полумесяцы с жесткими очертаниями (фото 53, *c* и рис. 22, *3*). Заметно стремление располагать орнамент полосами вокруг сосуда, вместо того чтобы распределять его по всей поверхности. Большие широко расходящиеся спирали могут показаться довольно грубыми; однако

Рис. 22. *1—10* — образцы орнамента С. М. II*б* керамики.

во всяком случае один большой богато орнаментированный сосуд чрезвычайно эффектен. Это высокий кувшин с узким горлышком и довольно низкими горизонтальными ручками, происходящий из Феста [1]. Орнамент состоит из четырех соединенных между собой завитков, очень похожих на соединенные диски из Восточного Крита С. М. I периода. Они охвачены кругом, образующим рамку всего рисунка. Внешний угол, в котором от каждого завитка отходит касательная, окрашен красным; от касательной ответвляются остроконечные листки. Через центр проходит слева направо диаго-

[1] P. of M., I, рис. 192, *b*; Festos, I, табл. XXXII.

нальная линия; по обеим сторонам ее расположены небольшие красные и белые шипы, задуманные, может быть, как изображения цветков с остроконечными лепестками. На другом большом кувшине со сжатым горлышком, найденном в святилище в Фесте [1], видны широкие вертикальные полосы, попеременно темножелтые и коричневые, отделенные одна от другой белыми линиями. На темножелтых полосах имеется сделанный коричневым и белым узор (рис. 22, *б*); на коричневых полосах — довольно размашистый орнамент из соединенных петель с малиновыми цветами между ними.

Хорошие образцы более скромных сосудов были найдены в гробнице XVII кладбища Мавроспелио в Кноссе [2]. Здесь были конические чашки, грубо орнаментированные коричневой краской, чашки с таким же орнаментом с короткой широкой ножкой и легким расширением у края, плоские блюда с очень низкой ножкой и более глубокие, расширяющиеся к краю. Были обнаружены кувшины с круглым горлом, либо окрашенные красным, либо расписанные вертикальными белыми линиями по черному фону. В верхней части того же отложения находились грубые черепки от погребальных пифосов со струйчатым орнаментом или черными и красными полосами.

Сохраняются изделия, раскрашенные под щит черепахи. Они переходят в С. М. III период, минуя промежуточный С. М. II. Однако имитация камня прекращается — последними образцами являются замечательный кувшин с перемычкой над носиком, расписанный под конгломерат, и таким же образом расписанная «ваза для фруктов» из пещеры Камарес [3]. На некоторых сосудах появляются рельефные изображения жуков и раковин, и в трактовке цветов и растений намечается стремление к более близкому воспроизведению природы. Особенно это заметно на другом сосуде из пещеры Камарес, где видны белые крокусы с красными пестиками и тычинками, вырастающие из волнистой полосы, которая представляет горный пейзаж. Таким образом, минойский художник уже начал показывать окружение изображаемых им предметов; это стремление к натурализму до падения Крита не было воспринято ни одним другим древним народом.

Изделия из металла С. М. II. Заслуживает внимания, что в отложениях этого периода до сих пор не было найдено ни одного меча, кинжала или какого-либо другого предмета из бронзы. Несомненно, длинный кинжал С. М. I периода продолжал употребляться до С. М. III периода. В Мавроспелио был найден подвергшийся коррозии железный куб, что,

[1] P. of M., I, 260; Festos, I, табл. XXV.
[2] B. S. A., XXVIII, 279.
[3] P. of M., XIX, табл. XIX и IX.

однако, не означает, что употребление этого металла было уже известно. Возможно, что железо это обладало свойствами магнита.

Статуэтки С. М. II. Также отсутствуют статуэтки, если не считать одной ноги раскрашенной терракотовой фигурки из Кносса [1]; отсутствуют по большей части и ювелирные изделия, потому что после землетрясения, которым, повидимому, закончился С. М. II период, ценные вещи разыскивались и извлекались. В С. М. II*б* отложении в Мавроспелио встретилось несколько бусин. Одна из них имеет цилиндрическую форму и сделана из белого фаянса с зигзагообразными бороздками; имеются также бусы из белого, синего и коричневого фаянса, шаровидные, полушаровидные с бороздками, цилиндрические, овальные и овально-заостренные. Попадаются шарообразные бусы из аметиста и хрусталя. В том же отложении был найден и единственный каменный сосуд С. М. II периода — приземистый кувшин из жировика с широким круглым горлышком.

Печати и письмо С. М. II. В печатях С. М. II периода заметен большой прогресс по сравнению со С. М. I, что, в сущности, и естественно для переходного периода, когда иероглифическое письмо только начинало входить в употребление и когда фигуры человека и животных впервые стали вводиться как центр композиции, а не только как детали геометрического узора. В С. М. II периоде они приспособляются к форме печати, уделяется внимание группировке и композиции, а надписи хорошо оформляются, между прочим, и в каллиграфическом отношении.

Входит в употребление новый тип иероглифов или, вернее, улучшается старый. Этот тип не пережил конца С. М. II периода и поэтому служит превосходным критерием для датировки. Знаки отпечатывались или надписывались на брусках, на ярлыках в форме скрипки и плоских таблетках. Большое количество их, вместе с глиняными оттисками печатей, было найдено в отложении к востоку от северного конца длинного коридора, который вел к западным складам. Это отложение оказалось изолированным в конце С. М. II периода. Аналогичная группа памятников, содержавшая также элементы С. М. I письма, обнаружена в северо-западном квартале дворца в Маллии. Знаки на таблетках и брусках, разумеется, имеют более курсивный характер, чем знаки, тщательно выгравированные на каменных печатях; но то, что они повторяются и тут и там, имеет большое значение.

---

[1] P. of M., III, 453. Однако этот фрагмент по виду явно относится к эллинскому времени.

Была уже выработана система нумерации, очень близкая к египетской. Прямая или слегка искривленная черта означала единицу, точка — десять, более длинная наклонная черта — сто, ромб — тысячу и V — дробь, может быть $^1/_4$.

Надписи, повидимому, читались обычно слева направо, хотя иногда встречается расположение бустрофедон[1]; в этом — отличие от египетской системы, согласно правилам которой письмо располагалось справа налево, за исключением тех случаев, когда две надписи размещались симметрично на противоположных сторонах двери или ниши. Кроме того, здесь нет ключа, указывающего, в каком направлении должна читаться надпись, как в Египте, где всегда лица людей или морды животных обращены к началу надписи. Впрочем, иногда отдельные группы знаков отмечены крестом.

Некоторые знаки так близки к египетским, что почти не возникает сомнений в том, что они являются заимствованными, хотя в целом минойское слоговое письмо отличается замечательной оригинальностью. На рис. 23 представлено несколько параллельных знаков и показано, какое близкое сходство сохраняет курсивное письмо на таблетках с более сложными формами иероглифов, выгравированных на печатях, и как часто повторяются одни и те же группы знаков.

Эти пиктограммы весьма интересны в том отношении, что представляют нам формы домашней утвари и сельскохозяйственных орудий. Мы видим кувшины, скобла, плотничные угольники, пилы, отвесы, плуги, лиры и систры. Мы видим также оливковые побеги, и притом часто вместе с кораблем, что, может быть, указывает на вывоз оливкового масла. Встречаются знаки, изображающие пшеницу, шафран, может быть, сильфий. Представлены корабли с центральной мачтой, высокими носом, кормой и веслами, повидимому, как галеры, так и грузовые. Изображаются домашние животные, собаки, рогатые бараны, козы, крупный рогатый скот, короткорогий и длиннорогий, и множество других предметов, о существовании которых мы знаем, но о форме которых мы не могли бы ничего сказать, если бы не было иероглифического письма[2].

Найденные глиняные оттиски печатей имеют грубо трехгранную форму. Их прикладывали к шнуру, которым обвязывалась запечатываемая вещь; часто они имеют несколько оттисков. Особенно интересны два оттиска, которые, повидимому, являются первой попыткой изображения портрета. В одном случае изображен мужчина с большим орлиным носом, имеющий на голове либо корону, либо тщательно

[1] Бустрофедон — расположение надписи, при котором попеременно чередуется направление знаков в строках справа налево и слева направо или наоборот.— *Прим. ред.*

[2] P. of M., I, рис. 214.

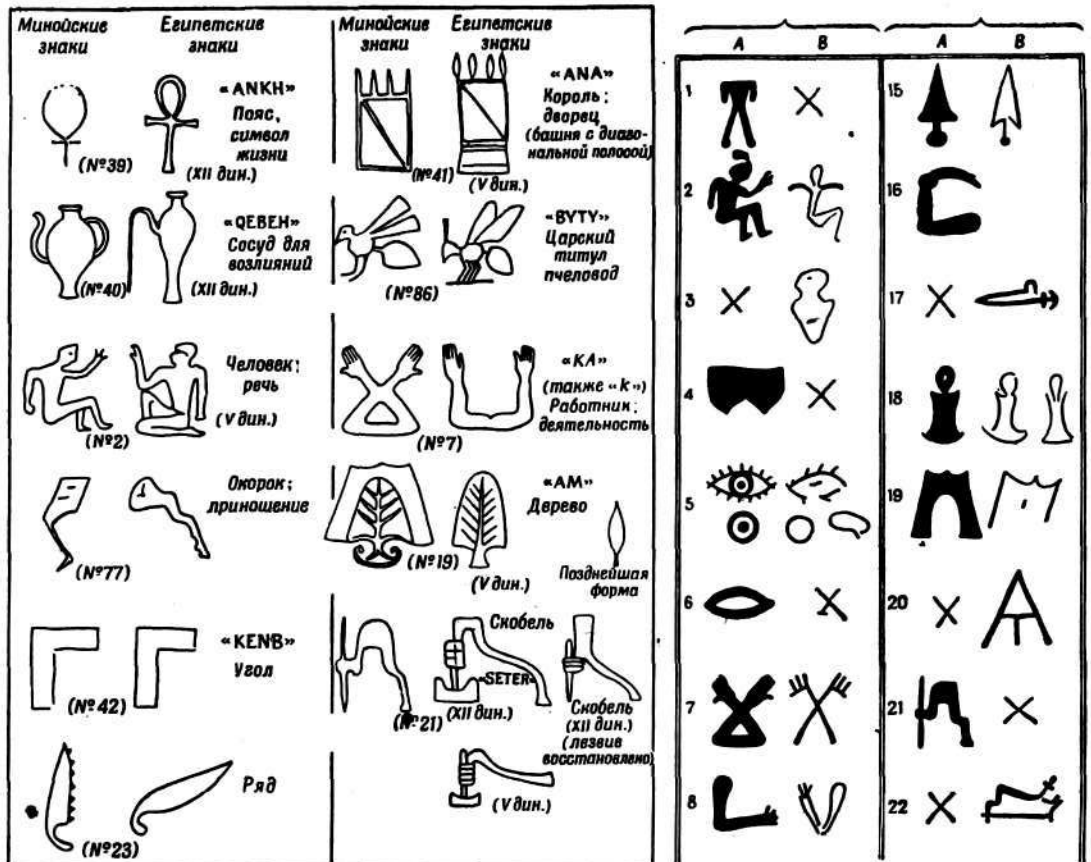

Рис. 23. Иероглифическое письмо С. М. II
(цифры рядом с минойскими знаками, данными по нумерации Эванса).

сделанную прическу, в другом — мальчик с острым прямым носом и коротко остриженными курчавыми волосами [1]. Высказывалось предположение, что это портреты кносского царя и его сына. На том же самом кусочке глины, на котором находится изображение мужской головы, есть другой оттиск, состоящий из трех иероглифов — изгороди из пяти жердей, ноги и знака, который, может быть, представляет сильфий. Весьма вероятно, что это имя изображенного человека. Заслуживает также внимания, что те же самые знаки с добавлением змеи, окружающей сидящую кошку [2], имеет на себе великолепная сердоликовая трехгранная печать-бусина (рис. 24). Другие оттиски представляют лань на берегу реки, дикую козу, рыбу, осьминога, выброшенного на мель, и мальчика, поджидающего у кормушки барана [3].

Сами печати вырезаются из более твердых пород камня, чем в С. М. I периоде. Обычны сердолик, агат, горный хрусталь, халцедон и яшма. Излюбленные формы: печать с шишкообразной ручкой (рис. 24, *1*), трехгранные и четырехгранные печати-бусины, чечевицеобразные и круглые печати, двусторонние или односторонние, с обратной стороной, вырезанной таким образом, что получается ручка. Встречаются чрезвычайно красивые рисунки. Поразительным изяществом отличается изображение каменного козла на агатовой чечевицеобразной (рис. 24, *1*) печати. Имеются и другие столь же красивые печати. Особенно интересна изображенная на рис. 24 четырехгранная призма с крылатой головой, удивительно похожей на наши изображения херувимов начала XVII века.

Внешние сношения в С. М. II. Для датировки этого периода мы находимся в особенно счастливом положении. В одном неперемешанном С. М. II*б* отложении под северо-западным углом центрального двора была найдена нижняя часть диоритовой статуи [4], представляющей фигуру, сидящую на четырехугольном троне, три стороны которого имеют надписи. Имя изображенного дано в форме Иб-нуб-мес-уаджет-

[1] P. of M., I, рис. 201.

[2] Там же, рис. 204, *а*. На других сторонах также имеются иероглифы, причем в одном случае аналогичная группа знаков помещена в центре поля и обрамлена пальметками. Нельзя ли предположить, что здесь сохранились следы различных знаков, входящих в официальную титулатуру царя? Фараон часто ставил на одном и том же предмете свое имя, как «сына Ра», как царя Верхнего и Нижнего Египта и как «золотого Гора».

[3] Там же, рис. 202.

[4] Хотя в этом месте вымостка двора исчезла и поблизости находились предметы С. М. III периода, самая статуя была найдена вместе с типичными черепками С. М. II*б* периода. Такие же черепки лежали под непосредственно примыкающей к этому месту неповрежденной вымосткой (P. of M., I, 268).

усер, «правогласный» (т. е. оправданный или скончавшийся). Возможно, однако, что его имя было просто Усер и что остальная часть знаков составляет эпитеты, титул или имя его отца. Если сложное имя действительно правильно, то оно более соответствует типу имен XIII династии. Однако было убедительно показано, что детали стиля типичны для самого начала XII династии и позднее никогда не встречаются [1].

Рис. 24. *1—4* — образцы печатей С. М. II периода.

Этот памятник представляет собой исключение в том отношении, что он является единственным найденным в Эгейском бассейне египетским предметом, имеющим несомненно, личный характер. Сосуды могут служить предметами торговли, скарабеи могут быть подарками, но подобный памятник личного характера, не имеющий утилитарного назначения, несомненно, предполагает существование самого изображенного. Возможно, что Усер был египетским послом при дворе Миноса или что это был представитель какого-либо храма, посланный для закупки леса, подобно тому, как в более поздние времена Унуамон ездил в Сирию. В обоих случаях статуя, несомненно, была посвящением в одном из дворцовых святилищ, потому что египтянин, куда бы он ни приехал, с должным благочестием и уважением относился к местным божествам (фото 50) [2].

В Диктейской пещере близ Психро найден аметистовый скарабей, изображенный на рис. 19, *5*. Он был найден до начала раскопок, но, повидимому, относится к наиболее ранним отложениям в этой пещере, принадлежащей к С. М. II*б* периоду. Как материал, так и резьба скарабея указывают на время XII династии. Однако оборотная сторона гравирована минойским мастером. В центре находится обычный иероглиф — солнце с лучами между двумя сосудами с остроконечными носиками. Эти сосуды, повидимому, более раннего времени, чем С. М. II, хотя очень сходные с ними изображения

[1] *Evers* (Staat aus dem Stein, II, 96) на основании очень тщательного анализа с уверенностью отнес статую ко времени Аменемхета I (около 2000—1970 года до н. э.).

[2] P. of M., II, 220. Этим объясняется то, что статуя была обнаружена в таком позднем слое С. М. II периода. Приношения хранились в святилище в течение долгого времени.

встречаются в письме [1]. На остальной поверхности расположены концентрические круги.

В Египте параллельная датировка дает возможность еще большего уточнения [2]. В Хараге в отложении городского мусора около кладбищ были найдены черепки С. М. II*а* периода с типичными для этого времени орнаментами. Жители самого города принадлежали к привилегированному слою населения, связанного с сооружением пирамиды Сенусерта II (около 1906—1888 года до н. э.), а в отложении была найдена стела этого фараона. Отсутствие предметов, носящих на себе имена следующих царей — Сенусерта III и Аменемхета III, весьма обычные в других местах, представляется убедительным доказательством того, что отложение в их правление не пополнялось [3].

В одной гробнице в Абидосе, которая, кроме предметов типичной для XII династии техники, содержала глазированные цилиндры из жировика с именами Сенусерта III (1888—1849 годы до н. э.) и Аменемхета III (1849—1801 годы до н. э.), был найден превосходный образец чаши с перемычкой над носиком [4]. Эванс датирует ее С.М.II*б* периодом, но возможно, что это переходный тип между С.М.II*а* и *б*, на что указывают округленные концы лепестков (фото 51, *2*); очень похожий сосуд из Кносса имеет типичный С. М. II*а* орнамент из ракет [5]. Кучи мусора в городе Лахун, построенном для рабочих, занятых на сооружении пирамид Сенусерта II, дали много С. М. II*б* черепков. Город опустел после окончания постройки пирамиды, и мусор, оставляемый немногочисленным оставшимся в нем населением, накапливался в заброшенных помещениях. Все черепки С.М.II периода найдены в глубине куч мусора за городом и, очевидно, принадлежат к тому времени, когда город был полностью заселен. Ни одного предмета, относящегося ко времени позднее

---

[1] P. of M., рис. 214, 47—49.

[2] Как мне сообщили, оборудование гавани в Александрии, предположительно отнесенное к минойскому времени (P. of M., I, 292 сл.), в настоящее время окончательно признано эллинистическим.

[3] Там же, II, 212; Engelbach, Haragch, 10 сл. Эберг, цит. соч., отвергает это доказательство.

[4] P. of M., I, 267. Датировка этой гробницы также вызвала возражения со стороны тех, которые сразу же приняли бы ее, если бы она не давала такой хорошей возможности параллельной датировки. «Цилиндры, должно быть, были копиями, или в гробницу были положены при более позднем погребении перешедшие по наследству предметы». Несомненно, однако, что у нас нет оснований относить хотя бы один предмет из этой гробницы ко времени после XII династии, а два предмета, для которых возможно установить точную датировку, принадлежат к эпохе этой династии. Возражения такого рода возможны, в сущности, против любого синхронистического совпадения. Но там, где С. М. II сосуды оказываются в отложении XII династии, а предмет XII династии — в С. М. II отложении, картина совершенно ясна.

[5] P. of M., IV, 137.

XII династии, вместе с ними обнаружено не было[1]. Одновременно с этими черепками найдены многочисленные имитации из местной глины.

К этому времени минойский мастер стал вполне самостоятельным и работал без прямого влияния извне. Некоторые мотивы, разумеется, заимствовались, но им всегда придавался минойский колорит. Рабское копирование, характерное для предшествующих периодов, осталось позади. Среди заимствованных из Египта мотивов самым важным был лотос. На Крите он сразу же был видоизменен и схематизирован. Пальметка также, очевидно, ведет свое происхождение из Нильской долины. Различные формы завитков теперь так разработаны, что говорить о критских заимствованиях из Египта или египетских из Крита невозможно. Первоначальная идея могла быть египетской, но, несомненно, в каждой стране она разрабатывалась по-разному.

С другой стороны, употребление аметиста и других твердых камней, столь распространенное в Среднем царстве в Египте, так же как и искусство резьбы по ним, не могло быть местного происхождения.

В Рас Шамра в Сирии найден С.М.II*а* черепок[2]. Керамика как С.М.II*а*, так и С.М.II*б* периодов ввозилась в Филакопи во Втором городе[3] и на Эгину в среднеэлладское время[4]. Один черепок был найден в поздней гробнице на Кипре[5].

Хронология С. М. II. Итак, мы видим, что между крупными центрами, Кноссом и Фестом, и XII династией в Египте существовали весьма тесные связи. Мы не очень ошибемся, если примем, что С. М. II*а* период начинается около 2000 года до н. э. и кончается приблизительно в царствование Сенусерта II, т. е. около 1875 г., а С. М. II*б* продолжается до конца XII или начала XIII династии, т. е. до времени между 1800 и 1750 годами до н. э.

Конец С. М. II периода был ознаменован, повидимому, сильным землетрясением, в результате которого ряд отложений как в Кноссе, так и в Фесте оказался изолированным и сохранился в чистом, несмешанном состоянии[6]. Вероятно,

---

[1] P. of M., I, 266; II, 210; Каталог Британского музея, I, 91.

[2] J. H. S., 1936, 133; Syria, 1937, 151. Гробница использовалась от XIX до XIV в. «Гиксосская» керамика, найденная в таких гробницах, отнюдь не обуславливает более позднюю дату, чем XII династия. Гиксосы находились в Сирии задолго до того, как они пришли в Египет.

[3] P. of M., I, рис. 186, *b* — *e* (С. М. II*а*); Phylakope, 149, рис. 126 (С. М. II *б*).

[4] P. of M., II, 211; Gnomon, I, H. *i*, 47. Найденные в Лахуне так называемые среднеэлладские черепки являются сирийскими. Aegyptiaca, 112.

[5] J. H. S., 1911, III.

[6] P. of M., I, 299.

подобная же катастрофа положила конец С.М.I периоду в Псире, Маллии, Мохлосе, Гурнии и Палекастро. Во всех этих пунктах следующий, С.М.III, период, очевидно, начался непосредственно после этого, хотя в Василики во время катастрофы, повидимому, погибло или разбежалось все население, потому что город не был снова заселен. Только предположив такую катастрофу, как землетрясение, мы можем объяснить полный разрыв между несомненно следующими один за другим периодами. Здесь не могло иметь места разрушение, причиненное вражеским нашествием; об этом ясно свидетельствует отсутствие пожаров, неизбежно связанных с разграблением, а также и то обстоятельство, что С.М.III период примыкает к предыдущему без хронологического разрыва.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ОСТАТКИ С. М. II ПЕРИОДА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Юктас	Святилище	Несколько черепков в самом святилище (*Evans*, P. of M., I, 151)
Кносс	Дворец	Объединение построек (P. of M., I, 203; III, 356; «Кулуры», IV, 61)
	Кладбище	Гробницы с камерами в Мавроспелио (*Forsdyke*, B. S. A., XXVIII, 295)
Маллия	Отложение	Несколько черепков, может быть, относящихся к этому периоду. Ввозные. Mallia, I, 51, и много надписей, Ecritures minoennes
Психро	Пещера	Самое раннее отложение в верхней части Диктейской пещеры (*Hogarth*, B. S. A., VI, 101, рис. 27)
Трапеза	Пещера	Несколько черепков из раскопок 1936 г. (A. J. A., XL, 371; Arch. Anz., 1936, 162)
Тилиссос	Дома	Ранние дома в поселении (*Hazzidakis*, Ἐφ. Ἀρχ., 1912)

б) Находки на поверхности

Гераклион	Черепки из портового города к востоку от Трипети (*Evans*, P. of M., II, 229)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Триада	Гробница	Предположительно два сосуда из Толоса (*A. Banti*, Annuario, XIII—XIV, 240)
Калатиана	Поселение	Сосуды и пр. из домов (*Xanthoudides*, V. T. M., 81)

Камарес	Пещера	Сосуды и пр. (*Mariani*, Mon. Ant., VI, 333; *Dawkins*, B. S. A., XIX, I)
Сту Куси	Дом	Самое раннее отложение в Ту Врахну о Лаккос (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., 1922—1925, 53)
Фест	Дворец	Архитектурные и другие детали (*Pernier*, Festos, 146)
Порти	Гробницы	Последние находки на кладбище (V. T. M., 61)

б) Находки на поверхности

Сфакориако	Черепки из минойского поста к северу от Комо (*Evans*, P. of M., II, 90)
Трипети	Черепки с дороги к Христосу (там же, 82)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Мохлос	Предмет	Печать из гробницы III (Mochlos, 39 рис. 14)
Палекастро	Отложение	В городе (B. S. A., X, 211, доп. 15)

б) Находки на поверхности

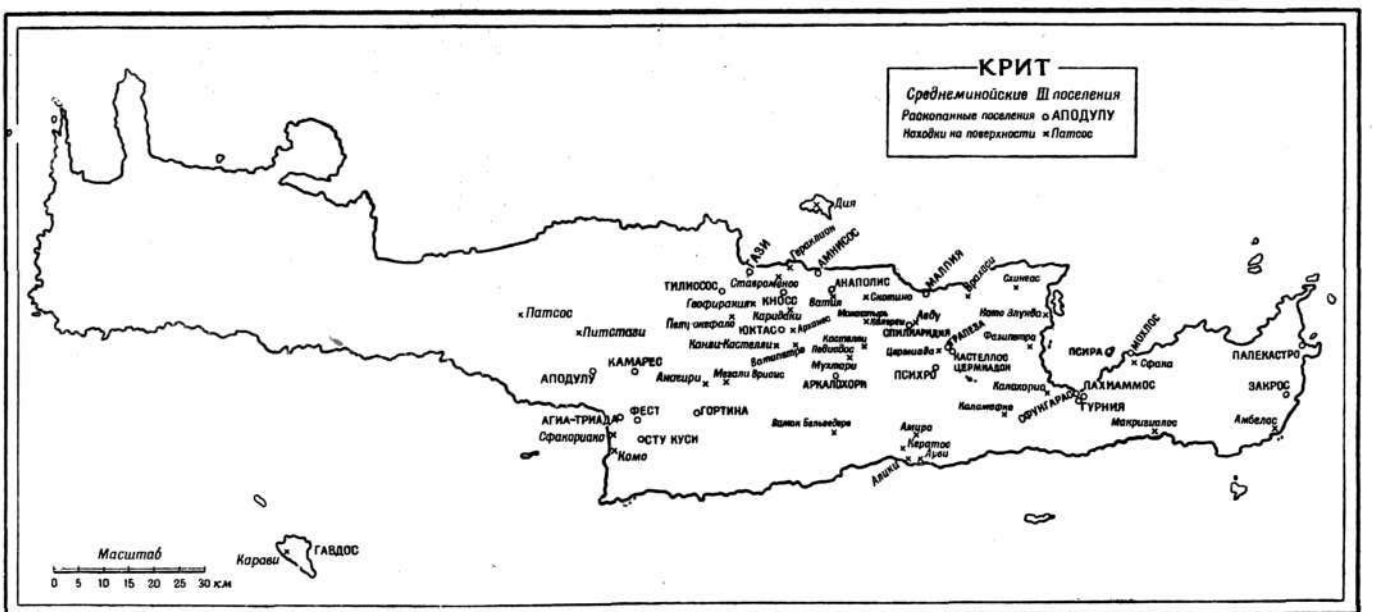
Сто Дасо	Печать (*Evans*, J. H. S., XVII, 343; P. of M., I, 275 рис. 204, *e*) между Зиросом и Ампелосом
Кедри	Эванс (там же) опубликовал печать (рис. 204)
Остров Левке (Куфониси)	Черепки, виденные Бозанкетом (B. S. A., IX, 276). Кувшин, может быть, того же времени, в музее Кандии (Каталог, 3361)
Врахаси	Несколько черепков с обочины дороги у Э Описо Врисис, виденных автором; 1935 г.

3. Среднеминойский III (С. М. III)

(см. карту 9)

Среднеминойский третий период по своему характеру являлся началом новой эры, как его и назвал Эванс. В этот период большие дворцы были расширены до тех размеров, в каких они предстают перед нами теперь, потому что, несмотря на значительные изменения в деталях, планы дворцов в Кноссе и Фесте являются в основном планами С. М. III*а* периода. В настоящем разделе мы проследим развитие за время между большим землетрясением в конце С. М. II*б* периода и столь же сильным около конца, но не в самом конце С.М.III*б* периода.

Карта показывает, как быстро оправился остров от катастрофы и как значительно увеличилась плотность населения до конца рассматриваемого периода. В частности, заслуживает быть отмеченным то обстоятельство, что на востоке и на юге острова поселения концентрируются около больших городов, тогда как на севере и в центре города и деревни возникают равномерно повсеместно. Центр культурного развития переместился в эти области, и хотя о силе Феста

9. Поселения среднеминойского III периода.

свидетельствует великолепие его дворца, однако он господствовал лишь над немногими городами.

Постепенно заселяется дикая местность к западу от Иды. Принимая во внимание, что археологические памятники были найдены в Аподулу и Пистаги, нельзя удивляться существованию поселения в Ретимне, так как Аподулу и Пистаги находятся на прямой дороге между Фестом и северным берегом. Далее, независимо от того, является ли место в Халаре близ Патсоса пещерой, как это представлялось при поверхностном исследовании, или же только скальным укрытием для погребений, оно указывает на то, что окружающая область была все же заселена.

Старые священные пещеры, повидимому, утрачивают свою популярность. В Трапезе обнаружено лишь несколько черепков; очевидно, культ был перенесен в Психро. Постепенно оставляют и пещеру в Камаресе. Однако другие пещеры, в Кератосе и Спилиаридии близ Авду, приобретают сакральное значение и служат религиозным потребностям вновь возросшего населения. Скотино и пещера Илитии, повидимому, сохраняют свое значение. Единственное святилище на горной вершине, сохранившее свое положение, это святилище на Юктасе, имевшее также, как мы видели, значение убежища.

Архитектура. С. М. III. Что касается архитектуры, то происшедшая катастрофа дала строителям дворцов известную свободу творчества. В основных чертах они сохранили планы старых строений; это, несомненно, объясняется тем, что толстые стены, окружавшие эти строения, выдержали землетрясение, однако в детали было внесено много изменений.

В начале С.М.III*а* периода западный двор в Кноссе распространяется на территорию, где находились старые дома, которые теперь были снесены или, вернее, срезаны до такого уровня, что над ними мог быть построен двор. Две западные «кулуры» были замощены, восточную очистили и оставили открытой [1]. Западный портик, повидимому, был сохранен в его старой форме. На «площади театра» к северо-западу от дворца, приблизительно на середине длины старого мощеного двора, была добавлена восточная лестница, а на углу, который она образовала с лестницей, ведущей на юг, было построено нечто вроде царской ложи или бастиона (фото 55, *1*). Вдоль лестницы проходит желоб для стока дождевой воды; этот желоб входит в систему параболической кривой, которая не позволяет воде растекаться, отводя ее вниз в ряд стоков [2].

---

[1] Повидимому, это наиболее вероятное истолкование имеющихся данных (P. of M., IV, 64).

[2] P. of M., III, 247. О более усовершенствованном стоке позднейшего времени у восточного бастиона см. ниже и там же, 240 сл.

Жилой квартал в большой выемке на восточном склоне был перестроен по плану, который с немногими незначительными изменениями сохранился до конца. Была сооружена «большая лестница», спускающаяся на два этажа ниже центрального двора и поднимающаяся по меньшей мере на один этаж выше него. Эта лестница со своими широкими ступенями, заключенными между низкими парапетами, на которых стояли колонны, поддерживающие верхние части, представляет собой один из величайших памятников древности. Два находящихся ниже уровня двора этажа, к которым она ведет, построены почти по одному и тому же плану и также соединены лестницами меньших размеров. Для освещения внутренних помещений этой широкой площади, одна сторона которой примыкала к земляной стене, было построено несколько световых колодцев. Мы уже упоминали об этой особенности минойской архитектуры, но в более ранних постройках она не проводилась столь последовательно. Каждая группа комнат имела свой световой колодец и выходящую к нему небольшую колоннаду. В «зале двойных секир» их было не менее трех, и помещение, вокруг которого они были расположены, могло иметь доступ воздуха через ряд дверей на всех трех сторонах. Весь квартал разделен на две части. В южную часть дворца, где находились уборная и латрина, а также — во всяком случае, в более позднее время — ванная, проникали через ряд извилистых переходов. Возможно, что здесь помещался дворцовый гарем [1]. К северу отсюда, за «площадкой пряслиц», повидимому, находился большой зал. Вода, стекавшая с его крыши, собиралась в бассейн на нижнем дворе, откуда по открытому стоку попадала в слепой колодец [2]. Для отопления подверженных сквозному ветру комнат служили низкие очаги — треножники, оштукатуренные и украшенные росписью [3].

На северном конце дворца старый широкий вход был сужен по всей длине до ширины верхней части (т. е. приблизительно до 2 *м*) посредством возведения ряда бастионов с каждой стороны. Каменные блоки этих бастионов отмечены типичными для рассматриваемого периода знаками, среди которых в этом месте постоянно встречается трезубец, как бы означающий морские ворота. На нижнем конце находился четырехугольный зал с колоннами, из которого широкий выход вел в западном направлении, соединяясь с дорогой, ведущей от «площади театра» [4]. Над бастионами, на одном уровне с центральным двором, шли колоннады, из которых восточная

[1] P. of M., I, 325.
[2] Там же, 378 сл. расположение стен снизу показано на плане (рис. 278).
[3] Там же, 390.
[4] Там же, 393.

вела к верхнему этажу зала с колоннами. Эти колоннады позднее были украшены цветными гипсовыми рельефами быков, о которых будет сказано ниже (фото 58, *1*, *2*) [1].

Бассейн для совершения очищений у северо-западного портика в его нынешней форме, с гипсовой облицовкой самого бассейна и ступенчатой балюстрадой, принадлежит С.М.III*а* периоду, хотя закладка из мелких камней на толстом слое раствора относится к более раннему времени (фото 57, *1*) [2]. В западном крыле на каждом из концов центральной части длинного коридора, ведущего к складам, имелось по двери, и на огражденной таким образом площади были опущены под пол коридора и складов кисты (фото 58, *2*). Некоторые из них имели каменную кладку с облицовкой из свинца и, повидимому, служили сокровищницами. Остальные были глубже и имели только твердую гипсовую облицовку; может быть, они служили цистернами для масла [3].

Были возведены южные пропилеи — очень широкое сооружение, в которое вели с юга пять проходов, расположенных между высокими дверными косяками. Южные пропилеи состояли из двух неравных частей, причем каждая имела перед собой по две колонны. В южной части имелась одна киста [4].

Во второй половине периода, повидимому, после того как дворец был несколько поврежден, были произведены менее значительные изменения. Наиболее важное из них — постройка «храмовых хранилищ». Это большие, выложенные камнем кисты, содержавшие посвятительные приношения и убранство какого-то примыкавшего к ним святилища, может быть предшествовавшего тому, которое было построено в П.М.I периоде у фасада центрального двора, и изображенного на его миниатюрных фресках. Другие изменения установить трудно, и правильнее оставить рассмотрение дворца в его окончательном состоянии до большой перестройки в конце С. М. III*б* периода [5].

В Фесте была перестроена лестница, поднимающаяся в северном направлении от западного двора, и за ней была возведена стена. Старое святилище засыпали, и позади того места, где оно находилось, построили лестницу, поднимавшуюся на восток к пропилеям с центральной колонной, за которыми возвышались три колонны, выходившие в световой колодец. Севернее расположен перистиль, из которого по какому-то не поддающемуся уже установлению переходу попадали в помещение, соответствовавшее, повидимому, в меньшем масштабе жилому кварталу в Кноссе. К югу от пропилей находился

---

[1] P. of M., III, 159 сл.
[2] Там же, I, 405.
[3] Там же, 448.
[4] Там же, II, 692.
[5] Там же, I, 462.

короткий коридор с расположенными по обе стороны от него складами. Сюда можно было проникнуть прямо из центрального двора через пропилеи, особенность которых заключается в том, что они разделялись продольно двумя колоннами; третья колонна выходила на фасад двора. Двор окружен верандой, крышу которой поддерживают четырехугольные столбы. Восточнее расположены другие постройки, значительная часть которых разрушена до основания, остатки второго перистиля и восточный двор [1]. Здесь следует отметить, что Фест, повидимому, почти не пострадал ни от более слабого землетрясения, которое вызвало необходимость восстановительных работ в Кноссе в конце С. М. III*а* периода, ни от грандиозного землетрясения, случившегося незадолго до конца С.М.III*б* периода и причинившего столь тяжелый ущерб Кноссу. Как показывают отложения на полу, дворец вплоть до окончательной катастрофы сохранял в основном тот же вид, какой он имел до того, как был перестроен в начале С. М. III*а* периода.

Небольшой дворец в Агиа-Триаде, возможно, был впервые выстроен в начале С. М. III периода; отсутствие на полу отложений этого периода объясняется тем, что самый пол непрерывно использовался до конца данного периода. Здесь, как и в Фесте, мы находим перистиль, который, повидимому, составлял отличительную черту архитектуры Южного Крита. Во всяком случае, в Кноссе он встречается только раз, да и то лишь с трех сторон, у юго-восточного дома.

Дворец в Маллии после реконструкции, повидимому, сохранил больше черт первоначальной постройки С. М. I периода, чем другие дворцы. Очевидно, верхние этажи здесь были не так обширны, как в прочих местах; на основании этого можно заключить, что во дворце не было лестниц. Поэтому и разрушения были здесь не столь велики. Особенность, заслуживающая наибольшего внимания,— это ряд колонн, перемежающихся с четырехугольными столбами, причем каждая из них соединена с соседними посредством решетки, которая окаймляет центральный двор с севера и с востока. Повидимому, этот дворец также до его разрушения не перестраивался.

Следующие особенности конструкции служат хорошими критериями для датировки. Базы колонн изготовляются теперь из гипса или известняка вместо разноцветных камней, применявшихся в С. М. II периоде. Кроме того, заметно уменьшается соотношение между их высотой и диаметром. Однако старый стиль принимает более условный и притом весьма своеобразный характер. На фресках мы видим, что многие из деревянных колонн имеют непосредственно над основанием темную полосу, ширина которой бывает различна. В некоторых случаях она расписана под брекчию. Благодаря стенной

[1] Festos, I, табл. II.

росписи мы можем представить себе вид и самих колонн. Они были деревянные и покрывались штукатуркой и росписью, причем можно различить два типа их. Первый, и наиболее обычный, имеет круглый стержень, расширяющийся к вершине, с капителью, состоящей из подушки между двумя валиками и четырехугольного абака сверху. Такая форма колонн, противоположная обычной, сужающейся кверху, известна по грубым каменным столбам Минорки и Мальты и по каменной колонне, вделанной в основание ступенчатого портика в Кноссе [1]. Однако помимо традиции существовали и практические соображения, вынуждавшие ставить деревянные стволы основанием кверху [2]. В самом деле, всегда можно было опасаться, что свежесрубленное дерево даст побеги, и это старались предупредить, опуская его в землю комлем вверх. Но главная причина, несомненно, заключалась в том, чтобы капающая с широкой капители вода не попадала на базу, которая в противном случае могла бы сгнить. Обычно стержень колонны был гладким, но уже очень рано встречаются желобчатые каннелюры, а в следующем периоде выпуклые, причем известно и спиралевое каннелирование [3]. Обычная расцветка колонн — красная или черная; капители выделяются белой или желтой окраской. Отношение высоты к диаметру основания, как показывает сравнение уровней различных этажей, равнялось, повидимому, 5 : 1, хотя для колонн, имеющих меньшее конструктивное значение, оно сильно варьируется. Другой тип колонн виден на миниатюрных фресках и на «сосуде с кулачным бойцом» из Агиа-Триады. Здесь колонна сужается кверху и увенчана продолговатой плитой, украшенной дисками [4].

Теперь уже не только бутовая кладка скрепляется деревянными балками. Очевидно, этой конструкции стали придавать эстетическое значение; появляются хорошо обтесанные каменные блоки между деревянными балками. Эти блоки теперь тщательно прилажены один к другому и между ними нет такой толстой прокладки из связующего раствора, как в С. М. II периоде. Пол по большей части состоит из гипсовых плит вместо прежней «мозаики». Нижняя часть стен часто покрыта панелью из гипсовых плит. Косяки двери деревянные, с гипсовыми основаниями. Как эти черты, так и кисты в полу, или «ячейки» (kasellas), типичны для архитектуры С. М. III периода.

[1] P. of M., III, 322.

[2] Деревянные телеграфные столбы и теперь ставятся комлем вверх.

[3] P. of M., I, 344 сл. Там же, II, 522.

[4] Там же, III, 63. Здесь высказано предположение, что они могли служить поддержкой для навеса. Однако представляется более вероятным, что они должны были, в соответствии с условным приемом египетской перспективы, показать, что столбы находятся один позади другого, а не поставлены один на другой.

Хороший образец частного дома этого периода найден ниже юго-восточного угла дворца [1]. Сохранился только нижний этаж, и можно предположить, что главный вход вел в верхний этаж с более высокого уровня на западной стороне. Отсюда спускалась лестница в нижний этаж. Последний делился на две части. Из них южная, с уже упомянутым небольшим перистилем, соответствовала жилому кварталу дворца, а северная в основном была занята криптой со столбом, верхний блок которого имел на себе вырезанное изображение двойной секиры; рядом находилась гипсовая усеченная пирамида. На верхнем ее основании имелось углубление, служившее, как мы знаем, для укрепления двойной секиры.

На рис. 26 показаны планы двух домов, также находившихся ниже юго-восточного угла дворца и разрушенных землетрясением в С. М. III*б* периоде, когда на них свалились большие камни с дворцового фасада. «Дом с упавшими плитами» состоял из большой комнаты в форме буквы L, хорошо освещенной окном в западной стене, и меньших комнат к северу и югу от нее. Повидимому, это было жилище ремесленника, так как здесь найдено много каменных ламп, в том числе одна недоделанная. От этого дома отделялся узким замощенным переулком, по одной стороне которого проходила каменная канализационная труба, «дом с жертвоприношением быков». Этот дом несколько больше и состоит из четырех комнат средней величины. В северо-западном и юго-восточном углах крайней южной комнаты были обнаружены черепа двух больших быков с длинными турьими рогами. Перед ними найдены остатки расписных терракотовых жертвенников на трех коротких ножках. Орнамент большего из жертвенников состоит из простых полос; ножки меньшего украшены узором, изображающим побеги травы, а корпус — черной полосой, покрытой белыми точками, имитирующими камень.

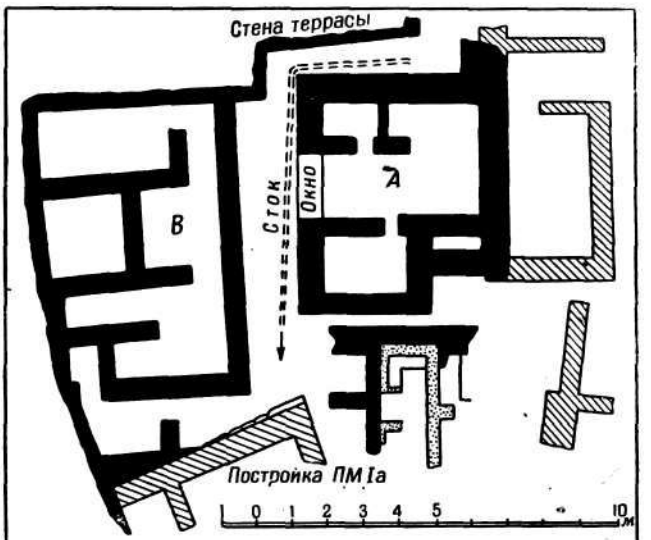
В плане обоих домов не видно внешней двери; возможно, что в эти дома проникали через верхний этаж посредством спускавшейся двери и приставной лестницы.

Гробницы С. М. III. Погребальные обычаи в этом периоде, повидимому, не подверглись каким-либо изменениям. Захоронения в пифосах попадаются несколько чаще, а скальные укрытия, вероятно, не используются или, вернее, приобретают более совершенный вид, так что в Кноссе они теперь могут быть названы погребальными камерами. В Исопате только одно изолированное отложение говорит о том, что кладбище восходит к С. М. III периоду, но в Мавроспелио многие из гробниц использовались в начале этого периода. Возможно, этот обычай является только местным, потому что в других

[1] B. S. A., IX, 4 сл.; P. of M., I, 425.

местах, даже в пунктах, находящихся непосредственно поблизости, встречались погребения в пифосах, в том числе и вокруг самого Кносса.

На востоке в ряде ранее сооруженных гробниц были обнаружены позднейшие приношения. Невозможно, однако, сказать, являются ли эти остатки погребениями или жертвоприношениями. На юге круглые гробницы были окончательно оставлены, но гробниц нового периода еще не найдено.

„Дом с упавшими плитами" (A) и „дом с жертвоприношением быков" (B)
Кносс (СМ III)

Рис. 25.

Пометки каменщиков, заметные на стенах дворца, вырезаются не так глубоко. Пометки С. М. III*а* периода видны еще хорошо, но пометки С. М. III*б* периода заметны только при падении света под прямым углом. Типичны для этого периода трезубец, двойная секира, звезда, а в жилом квартале — прялка.

Фрески С. М. III. Большое развитие получает стенная роспись [1]. Для С. М. III*а* периода мы встречаем в нижнем коридоре, проходящем в направлении с востока на запад, панель

[1] Относительно возможности датировки «собирателя шафрана» этим временем см. выше, стр. 149, примечание 3.

под мрамор. Над ней находился орнамент в виде лабиринта, сделанный темнокоричневым по желтому фону. Эта имитация каменной панели под основной росписью была распространена до конца существования дворца. На «площадке пряслиц» были найдены упавшие из верхнего зала фрагменты сложного спиралевого орнамента, составлявшего, повидимому, четырехугольную раму с двумя диагоналями — узор, напоминающий решетчатую роспись С. М. III *б* периода в Фесте. Фон темнокрасный а спирали синие, выделенные черным и белым. Подобные орнаменты обнаружены и в других частях дворца. Более сложны фрагменты, обнаруженные в одной из кист тринадцатого склада, которые были засыпаны во время большой перестройки в С.М.III*б* периоде. На них сохранилась роспись в стиле миниатюрных фресок С.М.III*б* периода, изображающая постройку с колоннами, в которые воткнуты лезвия двойных секир. Между колоннами и на крыше находятся священные рога. Показана каменная кладка со срубом из деревянных блоков. Другие фрагменты представляют в том же масштабе грубо, но выразительно набросанный рисунок толпы зрителей. Один обломок изображает в большом масштабе часть головы быка в том же стиле, что и большой барельеф над северным входом [1].

Вместе со спиралевой фреской следует рассматривать и куски штукатурки с расписным рельефом, найденные в том же отложении. Они представляют быков, и так как вместе с ними была обнаружена также часть изображения человеческой руки, то, вероятно, вся сцена представляла состязание в вольтижировке с быками [2].

К С.М.III *б* периоду относится ряд великолепных росписей. Над одной из дверей в «помещении царицы» в жилом квартале находилось очаровательное изображение синих дельфинов и разноцветных рыб. К светлоголубому фону примыкает бордюр из кораллов или губок, и показаны пузыри, разлетающиеся от плавников (фото 59, *2*). Из восточного зала происходят фрагменты фрески, известной под названием «дамы в голубом». На ней видна группа играющих ожерельями женщин в изысканных нарядных одеждах. В одной из комнат над старой сторожевой башней в северном конце дворца обнаружены так называемые «миниатюрные фрески» [3]. Посередине первой панели изображено святилище, состоящее из центральной части

---

[1] P. of M., I, 356, 370, 443, 527.

[2] Там же, 375.

[3] По моему мнению, эти фрески должны быть отнесены ко времени до землетрясения в конце С. М. III периода, а не после него. Анализ Эванса (P. of M., III, 33) представляется убедительным; они совершенно отличны по стилю от тех, которые, как мы знаем, были сделаны при восстановлении дворца, и в то же время обнаруживают очень близкое сходство с описанными выше образцами С. М. III*а* периода.

с двумя колоннами, стоящими на высокой каменной кладке, и двух боковых пристроек с одной колонной у каждой, расположенных на более низком уровне. По обеим сторонам и внизу группируются зрители. На одном уровне со святилищем изображены группы сидящих женщин в юбках с оборками, с открытой грудью и с рукавами, доходящими до локтей. У них длинные, тщательно причесанные волосы, диадемы и ожерелья. Они ведут оживленный разговор; их жесты так выразительны, что кажется, будто слышишь громкую болтовню. Головы людей из толпы служат общим фоном. Они очерчены черным. Глаза написаны белой краской, ожерелья также белые, у мужчин по красному грунту, а у женщин — по белому. В целом получается чрезвычайно удачный набросок пестрой толпы (фото 59, *3*).

На второй панели, допускающей восстановление, мы видим группу девушек, исполняющих танец на площадке, окруженной или низкими стенами, или такими тротуарами, какие проходят по западному двору. В тени двух или трех оливковых деревьев, написанных синим,— несколько зрителей. Среди последних женщины не только более многочисленны, чем на другой панели, но и больше выделены. Для изображения мужчин и женщин применен прежний условный прием, но появляются и индивидуальные черты, выраженные в том, что более экспансивные мужчины из толпы жестикулируют руками. На других фрагментах видна группа воинов без доспехов, бросающих копья.

Практика расписывания рельефов на штукатурке достигает наибольшего развития в С.М.III *б* периоде. «Фреска с драгоценностями» [1], от которой не осталось ничего, кроме изображения пальцев руки, держащей ожерелье с подвесками в виде голов негров, выполнена в натуральную величину. В грандиозном масштабе был выполнен орнамент в колоннадах над северным входом. Были найдены крупные фрагменты колоссального рельефа, представляющего готовящегося к нападению быка; эти фрагменты упали с западной колоннады вместе с меньшими фрагментами человеческих фигур. Очевидно, орнамент изображал сцену боя быков или, может быть, облавы на диких быков, поскольку на переднем плане условным приемом показан горный пейзаж. Один из фрагментов представляет рельеф оливкового дерева с тщательно показанными красными, черными и зелеными листьями. Аналогичный цветной рельеф находится, повидимому, на задней стене восточной колоннады; однако от него сохранились лишь незначительные фрагменты, так как стена была снесена в П. М. III периоде. Эту сцену правильно сопоставляют с изображениями на кубках из гробницы в Вафио, которые следует относить ко времени не ранее

[1] Впоследствии разрушенная землетрясением.

XV века [1]. Эти рельефы, во всяком случае изображение нападающего быка, повидимому, сохранялись долго после того, как был разрушен дворец. Фрагменты найдены на одном уровне с керамикой геометрического стиля; вполне возможно, что эти суровые стражи отчасти повинны в той неприязни, которую внушал грекам дворец, являвшийся в их глазах «нечистым местом»; кто знает, в какой мере они содействовали возникновению легенды о Минотавре?

Тот же стиль орнамента был распространен и в других местах на Крите. Любопытно, что Фест дал только очень скудные образцы его. Но в Тилиссосе обнаружено несколько фрагментов типа миниатюр, изображавших кулачных бойцов в стиле, очень близком к ритону из жировика, найденному в Агиа-Триаде, [2] а в Псире найдена часть рельефной сцены, напоминающей «дам в голубом» [3].

По технике эти росписи — настоящие фрески. Краски часто проникают на довольно значительную глубину под поверхностным слоем; это свидетельствует о том, что они наносились, пока штукатурка была еще сырой. Иногда контуры бегло намечались тупым штифтом. В архитектурных изображениях горизонтальные линии проводились на близких расстояниях при помощи натянутого шнура. В тех случаях, когда нужно было изобразить сложный узор, соответствующая часть поверхности делилась на мелкие квадраты. Возможно даже, что более сложные орнаменты воспроизводились при помощи техники трафарета. Согласно произведенным анализам, штукатурка была известняковая, белая краска изготовлялась из негашеной извести, черная — из углеродистого сланца или шифера, желтая — из охры, которая при обжиге дает светлокрасный цвет, темнокрасная — из той или иной разновидности гематита, синяя — из кремнекислой меди. Зеленая краска получалась путем смешения синей и желтой [4].

Керамика С. М. III. В керамике С. М. III *а* периода заметен явный упадок даже по сравнению с керамикой С. М. III *б*. Очевидно, искусство претерпело какую-то серьезную катастрофу. Это могло быть вызвано либо землетрясением в конце С. М. II периода, либо быстрым распространением изготовления сосудов из других материалов; последнее более вероятно. Трудно представить себе, чтобы гончарное искусство могло выродиться в течение столь краткого времени; однако, если наиболее искусным мастерам пришлось применять свои способности в другом направлении, то упадок гончарного искусства представляется вполне естественным.

---

[1] P. of M., I, 542; III, 377; I, 544; III, 46, 81; I, 525; III, 167.
[2] Εφ.'Αρχ. 1912, табл. XIX.
[3] Pseira, табл. V.
[4] P. of M., I, 532.

Сохраняющаяся преемственность в различных видах орнамента свидетельствует, что полного разрыва не было. В керамическом производстве продолжают имитировать цветные камни и инкрустацию из камня[1]; правда, черная окраска с металлическим глянцем совершенно вышла из употребления, а красная краска применяется редко[2]. В силу того обстоятельства, что только Кносс в конце С. М. III *а* периода пострадал от столь сильного землетрясения, что различные отложения оказались перемешанными, нижеследующее описание форм и орнамента относится почти исключительно к этому месту.

Быстро вращающийся гончарный круг заменен неподвижным, и на многих простых сосудах, чашках и блюдцах виден спиральный желобок, сделанный пальцем мастера при остановленном круге[3] (фото 60, *3*). Наиболее типичными из сосудов являются, как обычно, кубки. Те из них, которые снабжены ручками, имеют почти такую же форму, что и образцы С. М. II периода, но края заметно расширяются, а ручки становятся более крупными, приближаясь в некоторых случаях к типу, представленному у золотых кубков из Вафио[4]. Кубки без ручек имеют расширяющиеся края и раздутое тулово над заостренным основанием[5]. Наряду с ними хорошим материалом для датировки могут служить небольшие кувшины из складов, имеющие удлиненную форму (фото 60, *2, с*) и иногда снабженные у основания вылепленными из глины опорным кольцом, в подражание египетским образцам, у которых заостренное основание вставлялось в подставку[6]. У многих из них несколько ниже максимального диаметра сосуда имеются ручки в виде выступов, у других ручки горизонтальные, загнутые кверху и возвышающиеся над отверстием. Иные, обычно остроносые, имеют три ручки, соединенные с краем. В некоторых случаях отверстие имеет овальную форму, и от плечиков до края идут две ручки (фото 60, *2, б*). Сосуды последней разновидности довольно приземисты. Встречаются высокие кувшины с широким отверстием и трубчатым носиком, иногда украшенные струйчатым орнаментом красного цвета (фото 60, *1, б*). Обычны два типа треножников, оба без орнамента. Для одного характерно тулово в форме ведра на коротких вертикальных ножках, для другого — более округленное тулово, две ручки и скошенные ножки.

Красная краска выходит из употребления, и орнамент выполняется преимущественно белым по черному. Исключение

---

[1] P. of M., I, 413.
[2] Там же, 552.
[3] Там же, 589.
[4] Там же, 245.
[5] Там же, 588.
[6] Там же, 415.

составляет превосходный экземпляр, найденный в куче мусора в юго-восточной части дворца [1]. Это ритон шарообразной формы, украшенный орнаментом из пальмовых деревьев и побегов, причем первые очень похожи на уже описанные пальмы на С. М. II*б* кувшине. Другие фрагменты обнаружены на холме Гипсадес к югу от дворца. Они имеют веревочный орнамент, довольно претенциозный, и обнаруживают признаки упадка [2].

Мы уже говорили, что в керамическом производстве продолжают имитировать цветные камни и инкрустации из камня (фото 63, *1*). В Кноссе эта форма орнамента обыкновенно сводилась к белым точкам, представляющим собой подражание инкрустациям из раковин на каменных сосудах (см. ниже), однако в Восточном Крите начинает появляться конгломерат (рис. 26, *4* и *8*); орнамент в форме конгломерата имеется и на одном тазе, найденном к северу от Кносского дворца. Продолжает встречаться узор, напоминающий щит черепахи [3].

Цветы и листья изображаются белым по черному. На рис. 26, *1* показана группа тюльпанов с одного сосуда, который хотя и был найден в складе С. М. III*б* периода, однако по аналогии с подобными же орнаментами из других мест почти наверное относится к С. М. III*а* периоду [4]. Но наиболее обычной формой орнамента остается спираль (рис. 26, *5*). Продолжают встречаться и розетки, однако лепестки их теперь отделены от центрального диска [5]. Один погребальный кувшин из Гази имеет звездчатый орнамент, сходный с более поздним образцом на рис. 26, *10*.

Много интересных сосудов дал восток Крита. В Гурнии впервые появляется узор, который отныне становится типичным для этой части острова. Он состоит из трех петель, отходящих по касательной от центрального диска, как это показано на рис. 26, *9* (образец С. М. III*б* периода).

Из Пахиаммоса происходит прекрасный погребальный кувшин с изображением дельфинов и морской пены, очень напоминающий кносскую «фреску с дельфинами». Он, повидимому, знаменует переход от С. М. III*а* к С. М. III*б* периоду [6]. Здесь же сохранились относящиеся к С. М. I периоду соединенные диски, написанные темным по светлому. На другом очень эффектно орнаментированном кувшине имеется фриз из широких листьев, сделанный белым по черному [7]. Палекастро дает несколько образцов натуралистического ра-

---

[1] P. of M., I, 594.
[2] Там же, 593.
[3] Там же, 598.
[4] Там же, 606.
[5] Там же, II, 369.
[6] Pachyammos, табл. XIV.
[7] Там же, XX, XXI.

стительного орнамента, уже упоминавшегося выше. Из Закроса происходит чашка с узором, изображающим усики растений (рис. 26, 7), а из Мохлоса — два сосуда, которые, несмотря на более условный характер орнамента, принадлежат к наиболее прекрасным экземплярам этого периода. Один

Р и с. 26. *1—10* — образцы орнамента С. М. III керамики.

из них — погребальный кувшин с двумя рядами ложных спиралей, соединенных между собой и вытянутых в овал, с выполненным насечкой и расцвеченным белыми точками изображением двойных секир между ручками. Другой представляет собой чашку с высоко загнутой ручкой, вертикальным краем и раздутым туловом, заостряющимся к основанию. Он орнаментирован меандровым узором, также белым по черному [1].

[1] Mochlos, рис. 51 и 31.

Традиция накладных узоров, к сожалению, еще не вымерла в Кноссе, и многие сосуды орнаментированы накладными изображениями ячменных побегов, рельефами крабов и раковин и узором в виде петель[1].

Найденные до сих пор немногочисленные глиняные саркофаги этого периода не имеют орнамента. Они отличаются от образцов предшествующих периодов своей прямоугольной формой, квадратным венчиком и двумя рядами ручек[2].

Во второй половине рассматриваемого периода (С. М. III*б*) техника орнамента темным по светлому становится более распространенной за счет техники светлым по темному. К концу этого времени встречаются сосуды, которые вполне можно было бы отнести к П. М. I периоду, если бы не отсутствие яркокрасной краски и более грубая поверхность сосудов.

Наиболее ценными для датировки являются, как обычно, неорнаментированные чашки. Лучшие образцы менее глубоки, чем в предшествующем периоде, и имеют низкую ножку. Они напоминают плоские кубки. Чаши грубой работы слегка расширяются к основанию и отличаются от образцов П. М. I периода закругленным краем основания.

Два отложения в Кноссе — «царские склады» и «дом с жертвоприношением быков» — дают особенно богатый материал для изучения домашней утвари[3]. В первом из этих отложений в большом количестве встречаются небольшие кувшины с высоким горлышком, у основания которого находится ободок, распространены горшочки на трех ножках с коническими крышками, имеющими отверстия. Есть также двойные сосуды в форме чашек, соединенных у края глиняными полосами и снабженных такими же крышками; крышки имеются и у жаровен с двойными стенками, из которых внутренняя пробуравлена. Бóльшая часть этих сосудов сохраняет следы красновато-коричневой краски, которой они были покрыты. В доме скудость керамики сказывается в большом числе кувшинов ручной работы. Некоторые покрыты уже упомянутой выше тусклой краской, но небольшое число экземпляров орнаментировано полосами из той же краски на темножелтом фоне, а один имеет большое число S-образных завитков, концы которых расщепляются в растительные побеги. Кувшины и чашки с ручками сходны с образцами С. М. III*а* периода, но новыми формами являются плоские чаши с выгнутым основанием и прямостенные чашки без ручек с расширяющимся краем того же типа, как и соединенные попарно чаши, найденные в «царских складах». Встретился также ряд необычных форм. Наиболее любопытной из

[1] P. of M., I, 415, 522.

[2] Pachiammos, табл. XII, X, *a*; однако на основании материалов из Трапезы их можно было бы отнести и к более раннему времени.

[3] P. of M., I, 565; II, 305.

них являются, пожалуй, круглые сосуды с плоским основанием и кольцом наверху для подвешивания. Единственное отверстие у этих сосудов — круглая дыра в боковой стенке. Эванс высказал предположение, что они вывешивались, чтобы служить гнездами для ласточек. Они не могли служить защитными футлярами для ламп, потому что последние всегда слишком велики для них и на них нет никаких следов огня. Лампы имеют искривленный край и выступающую ручку в виде стержня [1]. Другой интересный предмет — это низкий треножник с плоским верхом, имеющим ряд отверстий, как будто для вставления яиц, а также цилиндрический сосуд, открытый на одном конце и со щелью на другом, служивший, как было предположено, вместилищем для мотка ниток или шерсти.

«Кладовые храмов» содержат большое количество сосудов, большей частью кувшинов с низкими носиками [2]. Часто встречается овальный венчик. Один экземпляр этой формы до половины покрыт тусклой лиловато-коричневой краской, по которой сделан узор в виде белых травяных стеблей. На другом применена одновременно техника светлым по темному и темным по светлому. Большой фриз из соединенных коричневых дисков окаймлен цепью спиралей, выполненных белым по коричневому, а выше и ниже находится топорный орнамент в виде щита черепахи. Третий образец украшен очень эффектным узором желтым и белым по коричневому, показанным на рис. 27, *3*. Встречаются также высокие кувшины с небольшим окруженным ободком горлышком и довольно узким отверстием, часто с орнаментом из больших ложных спиралей белого цвета. Первый из перечисленных типов свидетельствует, однако, о сохранившейся полихромии и имитации цветных камней, хотя и сильно схематизированной [3].

В небольшом складе к югу от жилого квартала найдена группа очаровательных небольших кувшинов (фото 60, *1, а* и *с* и рис. 27, *2*) [4]. Они покрыты тусклой сиренево-коричневой глазурью, по которой написаны белым лилии в стиле, напоминающем фрески. Вместе с ними обнаружен большой горшок с толстым туловом и двумя маленькими ручками у края, орнаментированный с каждой стороны белыми спиралями (рис. 27, *5*). Кроме того, найдены чашки с рядом темнокоричневых спиралей и с грубым орнаментом, воспроизводящим узор на щитке черепахи. Более интересен подсвечник формы, ведущей

---

[1] В связи с этими лампами должны быть упомянуты и глиняные жаровни из кладбища Мавроспелио. Ручка у них такая же, но край плоский; только над ручкой он выгибается, образуя щиток. B. S. A., XXVIII, 251.

[2] P. of M., I, 556.

[3] Там же, табл. VII.

[4] Там же, 576, 603.

свое происхождение из Египта времен IV династии. Его нижняя поверхность украшена цепью ложных спиралей, выполненных белой краской.

К складу примыкала ванная, в которой был найден очень изящный таз с горизонтальными ручками. Он имеет низкую ножку и расширяется кверху, а по краю сделаны одна против другой две выемки, в которых была уложена, как можно предположить, полочка для губки. Орнамент состоит из нарисованных темнокоричневой или темножелтой краской побегов травы на панелях, окаймленных приподнятым краем.

За «складом сосудов с лилиями» была другая комната, в которой найдено несколько кувшинов, по форме похожих на пифосы; как и меньшие сосуды, они снабжены выступающими носиками, но так как они слишком велики для того, чтобы можно было наклонять их в наполненном состоянии, то носики не имеют сквозного отверстия, а в некоторых случаях представляют собой просто шишку. Самый красивый из этих сосудов орнаментирован крестообразным узором, показанным на рис. 27, *6* (фото 61, *1*).

Подлинные пифосы хорошо представлены в Кноссе [1]. Они имеют удлиненную форму, ручки расположены рядами, делящими на части тулово сосуда. Веревочный орнамент, которым они украшены, отличается от такого же орнамента предшествующих периодов не только несколько более условной формой, но также и тем, что штрихи на глиняных полосах сделаны при помощи инструмента, а не рукой. Обычен струйчатый орнамент, выполненный темной краской. Встречаются образцы с полосами отпечатанных кружков и медальонов, окруженных веревочным рисунком.

Подлинные «пифосы с медальонами» явились предметом полемики, потому что от их датировки зависит решение спорного вопроса о датировке гробничных толосов в Микенах. В дальнейшем будут приведены доводы, позволяющие отнести первое появление их к переходному периоду между С. М. III и П. М. I, последовавшему непосредственно за землетрясением, которое разрушило Кносс около конца С.М.III *б* периода.

Изделия из металла С. М. III. В бронзовом оружии замечается явный прогресс по сравнению с С. М. I периодом. Большой меч из Маллии является, конечно, исключением для своего времени, и мы вправе сказать, что меч как таковой впервые встречается в С. М. III периоде. Стратиграфически хорошо определяемые образцы найдены в отложениях в Исопате, а также среди посвятительных приношений в пещере Аркалохори [2]. Это мечи типа рапиры, достигающие в некото-

[1] P. of M., II, 418; IV, 634.
[2] Там же, IV, 845; T. D. A., 3

рых случаях длины 1 *м*, с ясно выделяющимся центральным ребром. Их задний край округлен и имеет короткий плоский выступ для прикрепления рукоятки. Кинжалы отличаются от мечей только меньшей величиной и часто отсутствием выступа. Очень хороший экземпляр дало С. М. III отложение в гробнице II в Мохлосе. Он имеет отчетливо выраженное центральное ребро, подчеркнутое выступающими полосами, и нечто вроде изображения тройной секиры у основания. В гробнице XX найден более короткий и тупой экземпляр, а также три наконечника для копья, длинные раздвоенные втулки которых соединены на конце при помощи ободка. По форме они сходны с кинжалами. К рассматриваемому времени относится, вероятно, отложение в «северо-западном доме» в Кноссе, содержащее двойные секиры С. М. I формы, расширяющиеся к концу долота и тонкие скобели, а также точильный камень, по форме не лишенный сходства с ранней египетской палеткой из камня [1]. Вместе с ними найдены прямостенный бронзовый котелок на длинных ножках. Ясно, что применение бронзы для изготовления сосудов распространилось повсеместно, потому что форма «кубка из Вафио» не только копируется в глине, но воспроизведена также в очень хорошем бронзовом экземпляре с тисненым узором в виде листьев плюща из гробницы XII в Мохлосе.

Каменные сосуды и т. п. С. М. III. Формы каменных сосудов более разнообразны, чем в С.М.I и С.М.II периодах. Миниатюрные сосуды выходят из употребления. Многие из форм повторяют керамику, для лучших сортов которой они и явились заменой. Носики, ручки, а иногда и горлышки изготовлялись отдельно. Излюбленным материалом в С. М. III*а* периоде был коричневый известняк, из которого сделан, например, красивый кувшин со стройной высоко поднятой ручкой и орнаментом на тулове в виде плетенки и много кувшинов с перемычкой над носиками и углублениями корпуса, предназначавшимися для инкрустаций из раковин [2] (фото 62, *1*). Чаще встречается «чаша-цветок», хотя наиболее распространенной она становится не ранее переходного периода С. М. III — П. М. I. Еще встречаются чаши типа «птичьего гнезда», но они становятся выше в плечиках [3]. Эти сосуды делаются из жировика и мрамора. В данном периоде появляется лампа на ножке, два простых экземпляра которой найдены в стратиграфически четко определенном слое в Кносском дворце [4]. Очевидно, их выделывал владелец «дома с упавшими плитами», так как было найдено восемь ламп в одной комнате

[1] P. of M., II, 628.
[2] Там же, I, 412.
[3] B. S. A., XXVIII, 251.
[4] P. of M., I, 690.

этого дома. Одна из них отличается оригинальной ножкой с пятью утолщениями. Орнамент сводится к зигзагообразному узору вокруг края [1]. Самый лучший экземпляр обнаружен в «юго-восточном доме». Лампа сделана из пурпурного гипса и имеет форму колонны. Ее капитель похожа на капитель египетских папирусных колонн, а стержень орнаментирован спиральной бороздкой и узором из листьев плюща, уже встретившимся нам на бронзовой чашке из Мохлоса [2].

В храмовых кладовых в Кноссе и в Арви найдены столы из жировика, предназначавшиеся для возлияний, а в Палекастро и в Диктейской пещере — такие же столы с надписями. Наиболее тщательно сделан стол Диктейской пещеры, который состоит из доски с тремя углублениями, лежащей на четырех тонких ножках, упирающихся в основание. Из основания поднимается нечто вроде омфала, связанного с нижней стороной доски [3]. Для таких же возлияний, как и эти столы, служил, очевидно, имеющий сходную надпись известняковый ковш с холма Труллоса близ Арханеса и такой же ковш с вершины Юктаса [4]. Близ «храмовых кладовых» в Агиа-Триаде и в других местах были найдены молоты из брекчии, имеющие шарообразную форму и два выступа один против другого [5].

Изделия из фаянса С. М. III. Обычными становятся теперь изделия из фаянса. В одной из кист под полом «длинной галереи складов» в Кноссе были обнаружены инкрустации, по большей части темнопурпурного цвета, в форме трилистников, но с окаймлением из пурпурных и зеленых полос. Некоторые экземпляры в виде листков покрыты золотой фольгой [6]. Но самое богатое собрание найдено в «восточной кисте» «храмовых кладовых» [7]. Здесь были обнаружены небольшие чаши с прямыми ручками и раковинами или щитами в виде восьмерок, оттиснутыми вокруг края. Один небольшой кувшин орнаментирован полосой связанных между собой рельефных спиралей. Цвета представляют различные оттенки от белого до изумрудного и от белого до бирюзового. Узоры делались темнокоричневой краской, как, например, на чашах с побегами листьев вдоль стенок и темными ножкой и венчиком (фото 63, *1*). У одной из этих чаш рельефные побеги розовых листьев перегибаются через край. Рельефами изображаются цветы и плоды, летучие рыбы, аргонавты, раковины и др. Изящные панели с рельефами, представляющие козу с коз-

---

[1] P. of M., II, 297.
[2] Там же, I, 344.
[3] Там же, 625.
[4] Там же, 623.
[5] Там же, 469.
[6] Там же, 451.
[7] Там же, 495 сл.

лятами и корову с теленком, выполнены с не имеющими себе равных наблюдательностью и чувством (фото 64, *1*). Встречаются посвятительные приношения в виде предметов одежды и поясов; на одежде часто встречается тщательно сделанный орнамент из цветов шафрана. Важнейшими памятниками этой группы являются статуэтки богини со змеями и двух ее жриц; первая имеет приблизительно 35 *см* в высоту, последние — несколько меньше. На богине — высокая пурпурно-коричневая тиара, вокруг которой извивается змея. Черные волосы богини подстрижены в виде челки спереди, а сзади спадают на плечи. Ее лицо, руки и открытая грудь белого цвета, черты лица намечены черным. В правой руке она держит голову змеи, которая извивается через ее плечо, а в левой — хвост другой змеи. Хвост третьей змеи, обвивавшейся вокруг тиары, опущен и сплетается со змеей, голова которой находится на поясе богини, а хвост — рядом с ее ухом. Тесный корсаж с короткими рукавами зашнурован спереди под грудью и украшен спиральным узором, сделанным темнокоричневым по желтому. Белая колоколообразная юбка восстановлена по образцу одной из фигурок жриц, верхняя половина которой утрачена. Юбка окаймлена узором из коричневых ромбов и линиями вокруг него. Сверху надет короткий передник, свешивающийся спереди и сзади. Он украшен пятнистым рисунком и бордюром из завитков (фото 63, *2*). Другая фигурка жрицы сохранилась целиком, за исключением головы и части левой руки. Руки этой фигурки вытянуты, и в каждой она держит по змее. Ее корсаж темнооранжевого цвета с коричневыми полосами. На юбке имеются оборки, и она украшена узором в виде плетенки, образующим нечто вроде коричневой панели на палевом фоне. Передник украшен решетчатым узором из широко разбросанных штрихов. Вокруг талии тесно стянут пояс, может быть, металлический. Отдельно была найдена плоская шляпа, окруженная выступающими медальонами, и имеющееся в ней сверху отверстие точно соответствует такому же отверстию в основании миниатюрной фигурки пятнистой кошки или леопарда, которая, повидимому, была укреплена на шляпе.

Кроме уже упомянутых столов из жировика для приношений, вместе с этой группой был обнаружен мраморный крест с концами равной длины и большое количество морских раковин, раскрашенных блестящими красками. Среди других фаянсовых фрагментов, главным образом из западной кисты, найдено много бус, шарообразных, миндалевидных и сегментообразных, и остатки инкрустаций от стола для игр [1]. Последних слишком мало для восстановления доски, но, к счастью, в отложении того же времени в «коридоре шахматной

[1] P. of M., I, 470.

доски» найден великолепный экземпляр, достаточно хорошо сохранившийся, чтобы можно было с достоверностью его восстановить.

Стол для игр С.М.III. Этот великолепный памятник имеет около метра в длину и более полуметра в ширину. Рама сделана из слоновой кости, вероятно, положенной на дерево. Бордюр состоит из рельефных маргариток с шишечкой из горного хрусталя в центре. В двух «верхних» углах помещены рельефные изображения аргонавтов на фоне из синей пасты. Далее идет группа из четырех медальонов, обрамленных хрустальными полосками на серебре. Перегородчатая эмаль выполнена из слоновой кости, покрытой листовым золотом, промежутки также заполнены хрусталем на основании из синей пасты или серебра. Остальная часть доски окружена синей полосой, внутри которой идет другая полоса из слоновой кости. Центральная часть ее состоит из шести бороздчатых перекладин из хрусталя в серебряной оправе, перемежающихся с пятью перекладинами из слоновой кости, окантованной золотом. Далее находится группа из десяти более простых медальонов, в сочетании с такими же перекладинами из хрусталя и слоновой кости. Поблизости в несколько более раннем отложении (С. М. III*а*) найдены конические фигурки шашек из слоновой кости; по мнению Эванса, призматические печати, имеющие различное число кружков и точек на каждой стороне, могли служить игральными костями.

Статуэтки С. М. III. В «доме с жертвоприношением быков» обнаружена часть терракотового рельефа, достигавшего первоначально, вероятно, 30 *см* высоты. Он изображает корпус и верхнюю часть ног шагающего мужчины, слегка откинувшегося при ходьбе. Очевидно, он был представлен несущим какой-то тяжелый предмет. Его бедра покрыты коротким клапаном, составляющим одно целое с гульфиком. Впервые на фигурке показаны длинные локоны[1]. Четыре фаянсовых рельефа найдены у южных пропилей. Они представляют женщин в юбках с оборками[2]. Вероятно, к этому же времени относится терракотовая головка, найденная в гробнице IV в Мохлосе. Судя по следам белой краски, она изображает женщину. Лицо моделировано очень тщательно, волосы собраны наподобие тюрбана. Многочисленные бронзовые фигурки относятся, повидимому, к переходному периоду между С.М.III*б* и П.М.I, составляющему предмет нашего дальнейшего изложения,— периоду, во время которого минойская скульптура достигла своего высшего развития.

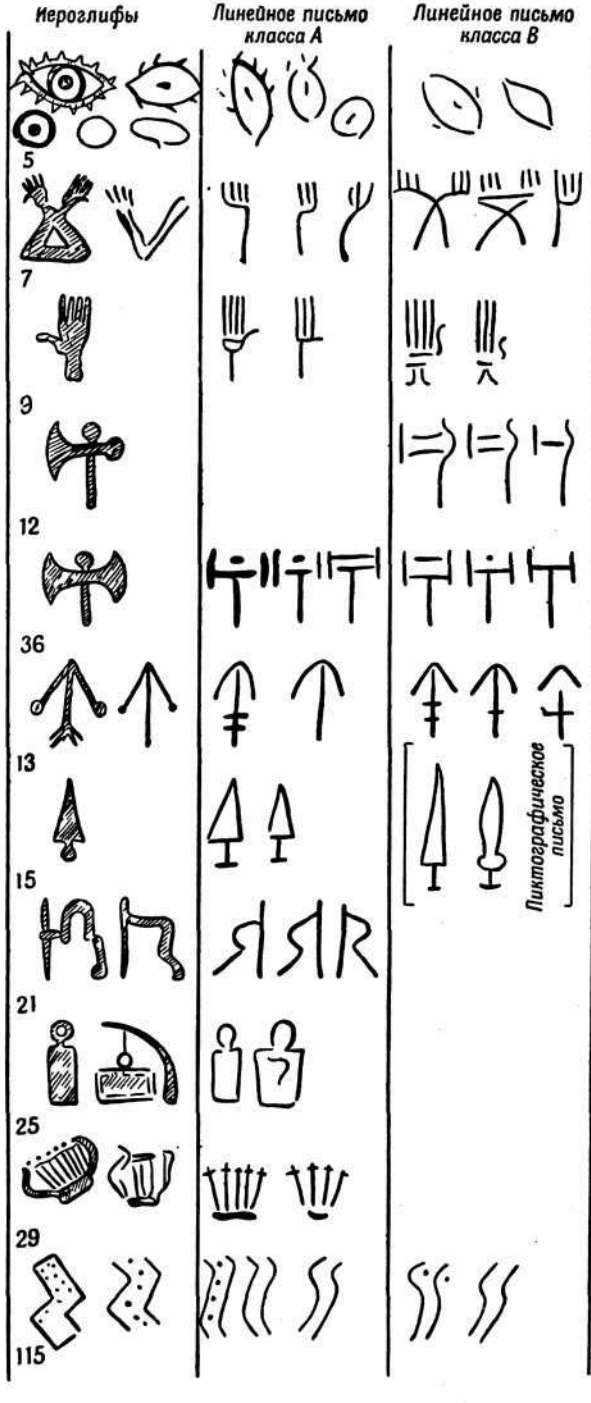
[1] P. of M., II, 753.
[2] Там же, 702.

Письмо С. М. III. В самом начале С. М. III*а* периода старое иероглифическое письмо было вытеснено более совершенным линейным письмом, в котором приблизительно только для одной трети знаков можно установить иероглифические прототипы [1]. Письмена всегда располагаются слева направо; другое отличие от современного им письма Египта и других стран заключается в том, что фигуры животных и людей никогда не бывают обращены к началу надписи. Изменились также обозначения чисел. Для обозначения единицы теперь постоянно употребляется вертикальная черта. Для числа 10 в более ранних памятниках продолжает употребляться точка, но вскоре она заменяется короткой горизонтальной линией. Сотни обозначаются кружками, тысячи — кружками с отходящими от них четырьмя короткими линиями, а дроби — знаком ∠.

Встречаются граффити, сделанные чернилами на внутренней поверхности чашек и выцарапанные на сосудах (фото 63, *1*). Наиболее обычной формой документа являлась почти квадратная табличка, на которой оттискивались знаки. Встречаются также глиняные кружки, которые, кроме надписи, имеют на себе обыкновенно один или несколько оттисков печатей. Надписи имеются также на каменных сосудах, ковшах и жертвенниках, в некоторых случаях одни и те же формулы встречаются на нескольких сходных предметах, как, например, на столах для возлияний. Одна глиняная статуэтка из Тилиссоса исписана с оборотной стороны. Вообще письмо, повидимому, получило в это время очень широкое распространение, как показывают граффити на домашней гончарной утвари и на стенах в Агиа-Триаде. Употребление чернил, очевидно, указывает на то, что для письма употреблялись менее прочные материалы, чем глина,— кожа, какой-либо вид папируса или, согласно Диодору, пальмовые листья.

На рис. 27 представлено несколько знаков с их иероглифическими прототипами и их позднейшими вариантами в линейном письме П. М. II периода. Можно сказать, что это письмо так же относится к предшествовавшему, как иератика к иероглифике в Египте, с той разницей, что оно никогда не сделалось вполне курсивным, даже в наиболее бегло написанных текстах. Сходство с египетским письмом может быть усмотрено в большом числе сложных знаков, т. е. комбинаций из двух знаков, составляющих один. Естественным результатом введения линейного письма оказывается то, что оно перестает служить для орнаментации каменных печей, за исключением двух случаев. Однако золотое кольцо из Мавроспелило могло служить культовой печатью, для чего, повидимому, была специально предназначена имеющаяся на нем надпись.

[1] P. of M., I, 612, сл.

Р и с. 27. Линейное письмо С. М. III (цифры даны по нумерации Эванса).

Своеобразие этой надписи в том, что она расположена спирально от края к центру, подобно надписи на описываемом ниже диске из Феста. К этому виду принадлежит много надписей из Маллии; единственное отличие от Кносса заключается в предпочтении, оказываемом длинному ярлыку перед квадратной табличкой [1]. В Палекастро найдена только одна табличка, форма ее характерна для Кносса. Однако в музее Фицвильяма хранятся каменная табличка подобной же формы и бронзовый стиль, обнаруженные, как сообщается, в гробнице [2].

В одной кисте в Фесте, вместе с сосудами С. М. IIIб периода и квадратной табличкой с надписью, начертанной линейным письмом А, найден глиняный диск, имеющий 16 *см* в диаметре, с надписью, идущей спиралью от края к центру, причем каждый отдельный знак оттиснут штампом [3]. За исключением немногих случайных черт сходства, знаки не имеют никакого отношения к минойскому письму. Читаются они, повидимому, справа налево, и фигуры людей и животных обращены к началу подписи. Человеческие фигуры явно не минойские; головной убор из перьев напоминает головной убор воинов «народов моря», изображения которых четыреста лет спустя появляются на египетских памятниках; лук типично азиатский; постройка, похожая на пагоду, напоминает позднейшую ликийскую архитектуру, и мы можем с уверенностью предположить, что этот диск анатолийского происхождения, хотя до сих пор в Малой Азии не было найдено ничего сходного с ним [4] (фото 64, *2*).

Печати С. М. III. Каменные печати становятся необычайно разнообразными как по материалу, так и по рисунку. Призматическая печать сохраняется только в очень округленной форме; плоский диск встречается редко. Самые обычные формы — миндалевидная, чечевицеобразная и низкий цилиндр. Материалами служат сердолик, жировик, халцедон, гематит, змеевик, агат и оникс.

Как уже было сказано, новое линейное письмо не подходило для орнаментации каменных печатей, и общая тенденция заключается в переходе к изображениям реальных предметов и сценок. Иногда появляются архитектурные мотивы, условные изображения фасадов строений (рис. 28, *4*), но преобладает изображение человека и животных. Появляются

[1] Chapoutier, Ecritures Minoennes.
[2] B. S. A., доп. 146.
[3] Ausonia, 1909, 255.
[4] Эванс (P. of M., I, 661) высказал предположение, основываясь на повторении некоторых групп знаков, образующих как бы рефрен, что это религиозный гимн. Макалистер (Proc. R. I. Acad., XXX, C, 342) видит в расположении знаков сходство с текстом договора, заключающего в себе список свидетелей. Имеющиеся попытки перевода этого текста лучше всего обойти молчанием.

дельфины, скаты * и летучие рыбы. На одном изображении рыбак несет в одной руке рыбу, а в другой — осьминога. На других встречаются длиннорогие бараны, в одиночку и группами; охотник набрасывает аркан на дикую овцу, кормящую своего детеныша. Изображаются быки, которые лежат, отвернув голову в сторону. Впервые появляются сцены тавромахии: акробат совершает прыжок через спину быка. В одном случае вольтижировка совершается в момент, когда бык пьет из цистерны. Обычны охотничьи геммы, служившие, может быть,

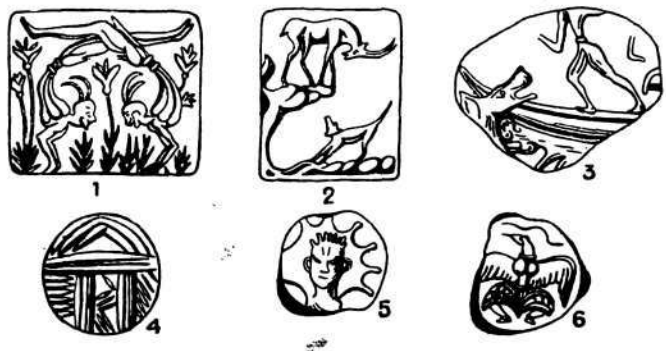

Рис. 28. *1—6* — образцы печатей С. М. III периода.

талисманами для успеха на охоте. Самая красивая и эффектная из них изображает раненого теленка, пытающегося копытом извлечь засевшую стрелу. Изображения так разнообразны, что здесь мы можем упомянуть еще только о двух, являющихся в своем роде образцовыми. На низком цилиндре из синевато-белого агата представлен выступ скалы, на котором стоит горный козел, приготовившийся к защите против лающей на него внизу охотничьей собаки (рис. 28, *2*). На печати такой же формы из синего халцедона выгравированы два украшенных перьями гимнаста, балансирующие на руках. Они расположены симметрично, а промежуточное пространство заполнено условными изображениями цветов (рис. 28, *1*).

Кроме самих печатей, часто находят также глиняные оттиски как от каменных печатей, так, повидимому, и от металлических колец с печатями. На одном экземпляре из Агиа-Триады мы видим сцену битвы, напоминающую такую же сцену на золотом кольце из IV шахтового погребения в Микенах. Попадаются сцены сакрального содержания. Богине преподносят чашу перед ее святилищем. Две жрицы в высоких тиарах совершают жертвоприношение. Три больших собрания таких печатей были найдены в храмовых кладовых в Кноссе, в доме А в Закросе и в «комнате печатей» в Агиа-

* Порода рыб, встречающаяся в Средиземном море.— *Прим. ред.*

Триаде, а меньшее количество отпечатков, напоминающих типы Закроса, оттиснутых на глине, характерной для Василики, обнаружено в портовой части Кносса[1]. Часты сакральные сюжеты; фигуры интересны тем, что показывают различные типы костюма. У женщин, кроме юбки с оборками, встречается более короткий кринолин и более длинная двойная юбка. У мужчин, кроме гульфика и заднего клапана,— короткая юбочка вроде шотландской и широкие шаровары, точно такие, как у современных критских крестьян.

Наиболее интересная печать из Кносса изображает человека на палубе корабля, отчаянно отбивающегося от нападения показавшегося из волн чудовища с собачьей головой (рис. 28, *3*).

Печати из Закроса отличаются фантастическим характером многих рисунков. Здесь есть крылатые демоны с козлиными головами, бычьи головы с кабаньими клыками и головами животных, вырастающими из рогов, летучие мыши, крылатые грифоны, женщины с птичьими головами и другие чудища (рис. 28, *5, 6*). Имеются и менее фантастические изображения. Два льва мчатся по пустыне, за ними видна пальма. На одной из печатей мы видим укрепленный город с высокими башнями.

Гораздо проще печати из Агиа-Триады; большинство их представляет одиночные фигуры животных. На нескольких видны сцены сражений, а на одной — часть колесницы, в которую запряжены две лошади — первое изображение этого животного на Крите[2].

В Сфунгаросе обнаружено золотое кольцо с печатью. Овальное гнездо из горного хрусталя поставлено под прямым углом к ободку, состоящему из двух колец. Выше уже упоминалось золотое кольцо из Мавроспелио. Почти круглое гнездо составляет у него одно целое с ободком, имеющим форму простой плоско-выпуклой полоски.

О бусах уже говорилось в разделе, посвященном фаянсу.

Внешние сношения в С. М. III. Единственные предметы, ввезенные из Египта на Крит в рассматриваемый период, это алебастровая крышка с именем царя Хиана, гиксосского фараона, найденная в С. М. III*а* отложении около северной площадки для совершения очищений в Кноссе, и обломки трех алебастровых сосудов обычного типа для периода второго распада в Египте, найденные в единичном отложении в Исопате[3]. Трудно сказать что-нибудь определенное о влиянии египетских мотивов конца Среднего царства. Многие печати

[1] P. of M., 2, 689 сл.; I. H. S., XXII, 76; Annuario, VIII — IX, I, 57. Mon. Ant., XIII, 29 и Annuario, VIII — IX, 71; P. of M., II, 254.

[2] Annuario, VIII — IX, рис. 133.

[3] P. of. M., I, 419; T. D. A., 3.

из Закроса и одна из портовой части Кносса имеют рисунки несомненно египетского происхождения. Но скопированы ли они со ввезенных предметов или же представляют собой развитие мотивов С. М. II периода, уже несомненно непосредственно связанных с Египтом, сказать невозможно. Следует, однако, отметить, что по крайней мере в одном случае С. М. III рисунок ближе к египетскому образцу, чем С. М. II рисунок [1].

Уже было отмечено сильное египетское влияние, отразившееся на изображениях лампы из «северо-восточного дома». Бусы из «храмовых кладовых», особенно сегментообразного типа, явно близки к египетским образцам, но этот тип больше похож на образцы XVIII династии, чем на более ранние. «Перо с выемками» в крыльях грифона на фрагменте «миниатюрных фресок» и на двух посвятительных стрелах из «храмовых кладовых» встречается у грифона, изображенного на лезвии топора из гробницы царицы Яххотеп, матери первого царя XVIII династии Яхмоса. Как крылатый, так и бескрылый грифон имеют египетское происхождение и появляются, повидимому, во время XII династии [2].

В какой стране появились изображения бегущих животных, мы сказать не можем. Возможно, что это критский мотив. Образцы его уже были описаны. Он встречается также на рукоятке кинжала гиксосского царя Апопи и на лезвии кинжала царицы Яххотеп [3]. Упоминавшиеся выше сосуды в комбинации с кольцевой подставкой также явно связаны с остроконечными алебастровыми сосудами Среднего царства Египта [4].

Прямые сношения с Сирией и Месопотамией в этом периоде, повидимому, прекратились [5]. Несомненно, это было результатом общих потрясений на Ближнем Востоке, вызванных вторжением кочевников из Центральной Азии, которое привело к «арийскому» господству касситов в Вавилонии и хуритов в Митанни, к движению волны «минейцев, разводящих коней» на греческий материк, и к последующему нашествию гиксосов на Египет из Азии. Хотя Хиан именуется «покорителем земель» и его памятники встречаются вплоть до Кносса и Багдада, однако, несмотря на то, что мы признаем, что он обладал в течение некоторого времени какой-то властью за пределами Египта, совершенно несомненно, что в продолжение

---

[1] P. of M., I, рис. 187, *f*, *o*, *p*.

[2] Там же, I, 548 сл., 709. В IV, 178, термин «перо с выемками» заменен термином «змеиный рисунок»: имеется в виду рисунок на коже гадюки.

[3] Там же, I, 715 сл.

[4] Там же, 417.

[5] Ср., однако, упомянутую выше (стр. 140) голову из камня, которая относится, повидимому, скорее к слою С. М. III периода, чем к слою С.М.I периода.

остальной части этого периода Ближний Восток был погружен в состояние анархии.

Недавно найденные Вуллеем в Телль-Атчане черепки были признаны если не минойскими, то во всяком случае настолько близко связанными с минойским стилем, что они могут служить доказательством существования резидентов минойского происхождения в этой части Сирии. Отмечалось особенно близкое сходство с образцами С. М. III периода. Однако все же следует отметить, что в некоторых других местах, как, например, в Нузи и Телль-Билле был обнаружен тот же тип керамики, орнаментированной светлым по темному, однако с узорами неминойского характера, а на упомянутых черепках наиболее существенной минойской частью орнамента является розетка, напоминающая, благодаря округленным лепесткам, изделия С. М. II*a*, хотя датировать находку этим периодом невозможно. В то же время двойные секиры и лилии скорее напоминают П. М. I, а изображения животных — П. М. III, хотя в формах сосудов нет ничего минойского [1].

Об анатолийских мотивах на фестском диске уже было упомянуто.

Более оживленными становятся сношения с Эгейским бассейном. В Кораку найдено некоторое количество керамики, орнаментированной светлым по темному, с ярко выраженными минойскими чертами [2]. Очень близки к минойским два полихромных сосуда из Тиринфа [3]. В Микенах обнаружено несколько фрагментов гипсового рельефа, изображающего быка в стиле, напоминающем стиль расписного рельефа, найденного у «северных ворот» в Кноссе. Они были отправлены в Англию лордом Элджином вместе с другими микенскими древностями. Высказывалось предположение, что их нашли при входе в «сокровищницу Атрея» и что они составляли часть украшений дромоса. Однако, внимательно рассмотрев все данные, я прихожу к выводу, что это предположение не может считаться доказанным. Эти памятники, являющиеся превосходным подтверждением тесного соприкосновения между обеими областями, не могут служить основанием для ранней датировки толоса [4].

Некоторые черепки из «круглой гробницы», несомненно, С. М. III происхождения; два из них с орнаментом в виде побегов, отходящих по касательной от центрального диска,

---

[1] J. H. S., 1936, 125 сл.

[2] Korakou, 32.

[3] Tyrins, табл. XXVI, *d*, XXVII, *d*; Блеген (Korakou, 114) называет их минойскими, но узоры, формы и тон красной краски говорят против этого. Орнамент светлым по темному и темным по светлому сосуществовали уже в раннеэлладские времена, и у нас нет необходимости предполагать наличие какого-либо минойского влияния для объяснения того, что оба эти типа встречаются и в среднеэлладском периоде.

[4] P. of M., III, 192 сл.

повидимому, принадлежат Восточному Криту [1]. Об обмене в обратном направлении свидетельствует обломок серого минойского сосуда, найденный в стратифицированном отложении в «доме с жертвоприношением быков» [2].

Поселение Филакопи на Мелосе поддерживало тесные связи с Кноссом. Здесь, повидимому, был центр среднекикладской культуры; в «храмовых кладовых» обнаружено свыше 12 образцов типичного сосуда в виде птицы среднекикладского III периода (фото 62, *2*) [3]. Другие среднекикладские сосуды, чаши с изогнутыми краями и ручками для подвешивания, найдены в «доме с жертвоприношением быков» [4]. Но в самом Филакопи художник, создавший «фреску с летучей рыбой» и другую фреску в стиле «дам в голубом», от которой сохранились лишь фрагменты, если не прибыл с Крита или даже из самого Кносса, то во всяком случае обучался в современных минойских мастерских.

Хронология С. М. III. Таким образом, абсолютная хронология С. М. III периода определяется также египетскими данными. Начало периода приходится на время между 1800 и 1750 годами, конец С. М. III*a* — на какой-то момент после правления Хиана, например 1650 год, а катастрофическое землетрясение произошло, вероятно, около начала XVIII династии, в 1580 году до н. э.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕМИНОЙСКОГО III ПЕРИОДА

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Аподулу	Дом	Инвентарь, в том числе сосуд с надписью, найденный автором в 1933 г. (*Marinatos*, Arch. Anz., 1933, 297, 1935, 245).

б) Находки на поверхности

Гавдос	Черепки в Карави (*Levi*, Art and Archaeology, 1927, 176 сл.)
Патсос	Черепки из пещеры в Халаре к западу от деревни, найденные автором в 1935 г.
Пистаги	Черепки из Палайокапсу к югу от деревни, где было найдено золотое кольцо, виденное автором; 1935 г.

[1] P. of M., I, 599. Их считают найденными в четвертой шахтовой гробнице, но Шлиман не упоминает об этом.
[2] Там же, II, 309.
[3] Там же, I, 557 сл.
[4] Там же, II, 309.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Амнисос	Поселение	Архитектурные и другие памятники (*Marinatos*, Πρακτικά, 1932, 76; 1933, 93).
	Пещера	Черепки из пещеры Илитии (там же, 1929, 95)
Анополис	Погребение	Погребение в пифосах (*Hazzidakis*, Ἀρχ. Δελτ., III, 58)
Аркалохори	Поселение	Сосуды из домов. Не опубликованы. Мечи и пр. из новой пещеры (P. of M., IV, дополнительная таблица, LXVIII)
Гази	Погребение	Погребение в пифосах (*Hazzidakis*, Ἀρχ. Δελτ., III, 60)
Юктас	Святилище	Позднейшее отложение в раннем святилище (*Evans*, P. of M., I, 157)
Кастеллос Цермиадон	Поселение и погребения	Раскопано в 1937 г. автором
Кносс	Дворец	Новая эра (P. of M., I, 315; II, 286, 547; III, I, 397, 481)
	Город	Портовый город (там же, II, 229). Главный город (там же, II, 296, 366, 391, 513; J. H. S., 1901, 80)
	Гробницы	Храмовая гробница (там же, IV, 964). Исопата (T. D. A., 2). Мавроспелио (B. S. A., XXVIII, 234 сл.). Погребения в пифосах (P. of M., II, 554; J. H. C., LX, 168)
Маллия	Дворец	Архитектурные и другие детали (*Chapoutier*, Mallia, I, II, 28; B. C. H., 1928, 377, 498; 1935, 303)
	Кладбище	Погребения в доме (B. C. H., 1928, 502). Погребения на берегу (там же, 1930, 521)
	Город	(B. C. H., 1929, 527; 1931, 513; 1933, 296)
Психро	Пещера	Несколько черепков в наиболее раннем отложении (B. S. A., VI, 101)
Спилиаридия	Пещера	Наиболее раннее отложение (Xanthoudides, Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 184 и B. C. H., 1922, 522)
Трапеза	Пещера	Позднейшие минойские черепки из раскопок 1936 г.
Тилиссос	Город и дворец	Наиболее ранние элементы основного периода (T. V. M., 79)

б) Находки на поверхности

Анагири	Черепки из сторожевого пункта на минойской дороге (*Evans*, P. of M., II, 77)
Арханес	Ковш с надписью и сосуды из Трулоса (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1908, 108)
Авду	Черепки с холма Стровили к западу от деревни, найденные автором в 1935 г.
Диа	Черепки со склона на северной стороне острова к северу от бухты Агиа-Пелагия, найденные автором в 1935 г.

Элунта	Сосуд из Като Элунта, виденный автором; 1937 г.
Гиофиракия	Черепки в выемке рядом с дорогой, найденные Мани Каутс и Экле в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 91)
Гераклион	Поселение в юго-западной части Кандии (*Evans*, P. of M., II, 231). Поселение к востоку от Трипети (там же, 229)
Монастырь Калерги	Черепки и стены близ монастыря, найденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 81). Эванс сообщает о находке черепков этого периода близ четырехугольной гробницы со сводами
Канли-Кастелли	Много черепков из Висалы к востоку от деревни (*Evans*, P. of M., II, 71)
Каридаки	Черепки из форта к югу от Кносса (*Evans*, P. of M., II, 66)
Кастелли Педиадос	Черепки в Петрадесе к востоку от деревни, найденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 80)
Мухтари	Гемма (Музей в Кандии, каталог, 609)
Петрокефало	Погребения и черепки, виденные Мани Каутс и Экле; 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 91)
Схинеас	Черепки на Копране, виденные автором; 1937 г.
Скотино	Черепки из пещеры, виденные автором; 1933 г.
Ставроменос	Фрагменты глиняных саркофагов и пифосов (*Hazzidakis*, Ath. Mitt., 1913, 43)
Цермиада	Чашка из деревни, виденная автором; 1937 г.
Витна	Гемма (Музей в Кандии, каталог, 972)
Ватипетро	Стены и черепки близ Тес Агиас-Аннас То Фанари, виденные автором; 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 82)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Триада	Дворец	Наиболее ранние остатки (*Halbherr*, Mon. Ant., XIII, 1; *Levi*, Annuario, VIII, 71; Mem. Ist. Lomb., XXI, 235; Rend. Linc., 1903, 317; 1905, 315; 1907, 257)
Гортина	Отложение	Каменные сосуды и пр. (*Pace*, Annuario, I, 372; *Pernier*, там же, VIII, 2)
Камарес	Пещера	Несколько сосудов (*Dawkins*, B. S. A., XIX, 33)
Сту Куси	Дом	Остатки близ Ту Врахну-о-Лаккос (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., 1922 — 1925, 53)
Фест	Дворец	Позднейший дворец и инвентарь (*Halbherr*, Mon. Ant., XII, 7 сл.; *Pernier*, там же, XIV, 313; Rend. Linc., 1909, 297)

б) Находки на поверхности

Алики	Черепки и следы стен несколько западнее Арви, виденные автором; 1935 г.
Амира	Сосуд и каменные предметы из Хорой (Музей Кандии, каталог, 1587, 9)
Арви	Черепки с холма, называемого Комитас, виденные автором; 1935 г., стол из жировика для возлияний, Тартари (P. of M., I, 630)

Кастелли Бельведере	Черепок с юго-западного склона у вершины холма, виденный автором; 1936 г.
Кератос	Черепки в пещере близ вершины, найденные Хетчинсоном и Мани Каутс в 1935 г.
Комо	Черепки, собранные Хетчинсоном в 1937 г.
Мегали Врисис	Поселение, описанное Хатцидакисом (Ἀρχ. Δελτ., II, 164)
Сфакориако	Черепки из сторожевого пункта, виденные автором в 1935 г. (B. S. A., XXXIII, 89)

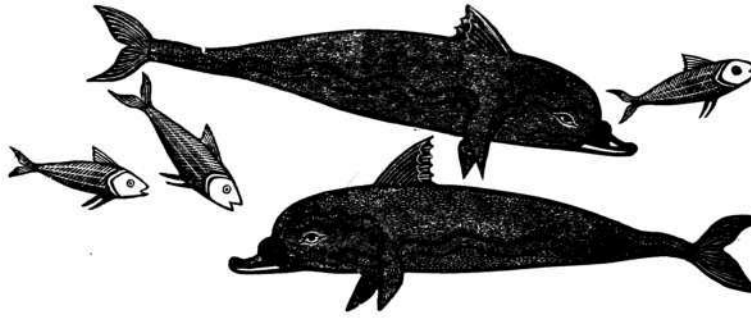
ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Гурния	Отложения	Наиболее ранние находки, относящиеся к основному периоду (Gournia, 44; P. of M., I, 596, 611)
Мохлос	Погребения	Погребения в опрокинутых пифосах (*Seager*, Mochlos, 37)
	Погребения	Дома (*Seager*, A. J. A., XIII, 274)
Пахиаммос	Погребения	Погребения в пифосах (*Seager*, Pachyammos, passim) в восточной части Хрисокамино. Следы металлического производства (*Mosso*, Dawn of Mediterranean Civilization, 289)
Палекастро	Город и пр.	Предположительно фундаменты второго поселения (B. S. A., X, 202; XI, 273, доп. 18). Стол для возлияний из Плаки (B. S. A., XII, 2)
Псира	Поселение	Реконструкция города (*Seager*, Pseira, 10,20)
Сфунгарос	Погребения	Погребения в пифосах (*Hall*, Sphoungaras, 69)
Закрос	Город	Наиболее ранний слой в домах и ямах (*Hogarth*, B. S. A., VII, 121 сл.; J. H. S., 1902, 76; 1903, 248; *Levi*, Annuario, VIII, 157)

б) Находки на поверхности

Ампелос	Сердоликовая гемма, виденная Р. В. Хетчинсоном и другими; 1936 г.
Каламафка	Черепки на северо-восточном склоне Кастеллоса, найденные автором; 1935 г.
Калохорио	Черепки близ Като Арнико к северу от деревни (*Hawes*, Trans. Penn. Univ., III, 79)
Макригиалос	Черепки на берегу, найденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 100)
Физипетра	Сторожевой пункт, найденный Эвансом (*Diary*, 1899). Черепки, найденные автором (B. S. A., XXXIII, 94)
Врахаси	Черепки из дорожной выемки, виденные автором; 1935 г.
Сфака	Черепки с холма на противоположном деревне берегу речки к югу от деревни, виденные Хетчинсоном; 1937 г.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОЗДНЕМИНОЙСКИЙ ПЕРИОД

1. Позднеминойский I (П. М. I)

(см. карту 10)

Позднеминойский II (П. М. II)

(см. карту 11)

В сущности, разрыв между средним и поздним бронзовым веком, обусловленный землетрясением в Кноссе, падает на тот промежуток, который всегда принято было называть С. М. III*б*. Несомненно, если бы первые производители раскопок могли предвидеть, что им предстоит найти, они обозначили бы периодом П. М. I*а* керамику периода С. М. III*б*, последовавшего за землетрясением, и именно здесь установили бы грань, разделяющую средний и поздний минойские периоды. Однако было бы нелепо менять терминологию, которой пользовались столько лет, и в последующем изложении для предметов, относящихся к этому краткому периоду, будет сохранено обозначение С. М. III*б* с распространением его, ради последовательности, и на переходную стадию от С. М. III*б* к П. М. I*а*.

Происшедшее в конце С. М. III*б* периода землетрясение, повидимому, подействовало как своего рода стимул; при первом взгляде на карту бросается в глаза значительное увеличение количества поселений. Периоды П. М. I и П. М. II были временем наибольшего процветания, какое знал Крит до римских времен. Некоторые поселения, покинутые при окончательной катастрофе в конце С. М. I — С. М. II периодов, оставались после этого незаселенными до I в. до н. э. Эта катастрофа произошла почти повсеместно в конце П. М. I*б* периода,

10. Поселения позднеминойского I периода.

а в Кноссе — в конце П. М. II. Действительно, стиль П. М. II, как и С. М. II, был чисто дворцовым стилем и даже имел еще более узкие рамки, ограничиваясь только одним Кноссом. Об этом свидетельствует находка П. М. II сосудов кносского изделия в отложениях П. М. I в Псире, Палекастро, Гурнии и других местах. Вследствие этого представляется наиболее правильным рассматривать П. М. I и П. М. II периоды вместе. Попрежнему наиболее распространенным остается тип низко расположенного и незаселенного поселения. Даже лежащие на холмах поселения Сидерокефало и Лутраки легко доступны. Весьма многочисленны мелкие рыбачьи поселки; находятся предприимчивые люди, которые поселяются даже в отдаленном юго-западном углу острова, в Хрисоскалитисе. Старые священные пещеры больше не используются, за исключением пещер в Аркалохори, Психро и Скотино. Однако в святилищах на холмах в Юктасе и Петсофасе предпринимаются восстановительные работы, а в Приниасе, повидимому, основывается новое святилище.

Хотя все говорит о том, что в течение этого периода жизнь протекала вполне мирно, главные дороги тщательно охранялись, как можно заключить по числу мелких поселений, которые должны были служить укреплениями или сторожевыми пунктами на дорогах. Особенно заметно это на большой дороге, ведущей от Комо к портовому городу Кноссу.

К тому же периоду я склонен отнести укрепления по дороге от Закроса до Ампелоса, хотя здесь и не было найдено черепков, а также многие постройки Восточного Крита, включая такие пункты, как Хиромандрес и Стас Тавернес. Последние дали лишь немного предметов раннегеометрического времени, но, судя по типу каменной кладки, они должны были быть построены в минойские времена.

Архитектура П. М. I. В Кноссе обширная система построек, расположенных со стороны южного входа, получила свой окончательный вид в П. М. I*а* периоде. К югу от дворца на удаленном конце ущелья находится небольшой жилой дом с красивым павильоном, стены которого были украшены фризом с изображениями куропаток и удодов и с ванной для омовения ног. В смежном помещении оказались остатки купальных шаек, а обуглившееся дерево показывает, что здесь имелась и холодная и горячая вода. Тут же снаружи находится привлекательная беседка с родником, с нишей в глубине для лампы и выступами для приношений. Две ступеньки, ведущие вниз к воде, уже совсем стерлись. Дорога проходила выше этих зданий вдоль края ущелья по массивному виадуку, в котором были сделаны отверстия, чтобы открыть проток для воды, стекающей по уклону. Далее она сворачивала к северу и через мост пересекала речку, после чего выходила к

большому ступенчатому портику, поднимающемуся к юго-западному углу дворца [1] (фото 65).

В самом дворце были сделаны следующие изменения. На западном дворе продолжили вымостку над сохранившейся «кулурой» и, кроме «северо-западной сокровищницы», не было оставлено ни одного здания. Был построен западный портик в его нынешнем виде с низким гипсовым основанием колонн, а также приемный зал и помещение для привратника. Стены здесь были украшены сценами боя быков, и следы красок на штукатурке с западной стороны внешней стены свидетельствуют о существовании веранды для защиты фресок. «Коридор процессий» расширили, и посредине его проложили гипсовый тротуар, обложенный по краям плитами сланца, скрепленными твердым красным цементом. Южные пропилеи были сужены (фото 66, *2*), и верхний этаж на западной стороне центрального двора получил свой окончательный вид. Фасады, выходившие на западный и центральный дворы, подверглись значительной перестройке; последний был расширен. Центральный двор был замощен прямоугольными известняковыми плитами. Было сооружено святилище, выходящее на этот двор, и ступенчатый портик, открывающий доступ в верхний этаж.

Повсюду во дворце были засыпаны кисты предшествовавшего землетрясению периода. Бассейн для совершения очищений и вся система юго-западного входа были заброшены [2]. Однако в расположении жилого квартала на восточном склоне не было произведено никаких или почти никаких изменений.

План дворца приложен к стр. 204, а план верхнего этажа западной части — к стр. 208. Парадным входом служил западный портик, откуда вел к южным пропилеям «коридор процессий», огибавший юго-западный угол. Здесь открывался доступ в «бельэтаж». Дальше коридор сворачивал к северу и выходил в центральный двор. Как нижний, так и верхний этаж разделялись на две половины коридором; на нижний коридор выходили склады, а на верхний — главные парадные помещения. Расположение последних видно по утолщениям нижних стен, которые должны были служить прочным основанием для стен и колонн верхних помещений. На плане показаны окна, но, принимая во внимание отступы на фасаде (см. выше, стр. 116), правильнее, вероятно, устранить их на плане. Повидимому, в это время старались, по возможности, избегать наружных окон. Вероятно, достаточное количество света проникало из коридора, цементная вымостка которого показывает, что он был открыт сверху, а также через внут-

[1] P. of M., II., 93 сл.
[2] Там же, III, 12.

ренние окна, так как, очевидно, не все помещения были равной высоты [1]. В нижнем этаже часть между «длинным коридором» и центральным двором в основном была занята святилищем с колоннами, фасад которого был, видимо, близок к типу, показанному на «миниатюрных фресках», с тем лишь отличием, что он, очевидно, имел одиночную колонну посередине и две колонны по сторонам на более низком уровне. Очевидно, что эта группа помещений всегда имела сакральное значение, так как в нее входят не только два зала с колоннами, относящиеся к более раннему времени, но также и участок «храмовых кладовых», над поверхностью которого находились две неглубокие кисты. Другая важная часть дворца теперь занята комплексом помещений «тронного зала», построенным в П. М. II периоде. О постройках предшествующего периода нам ничего не известно.

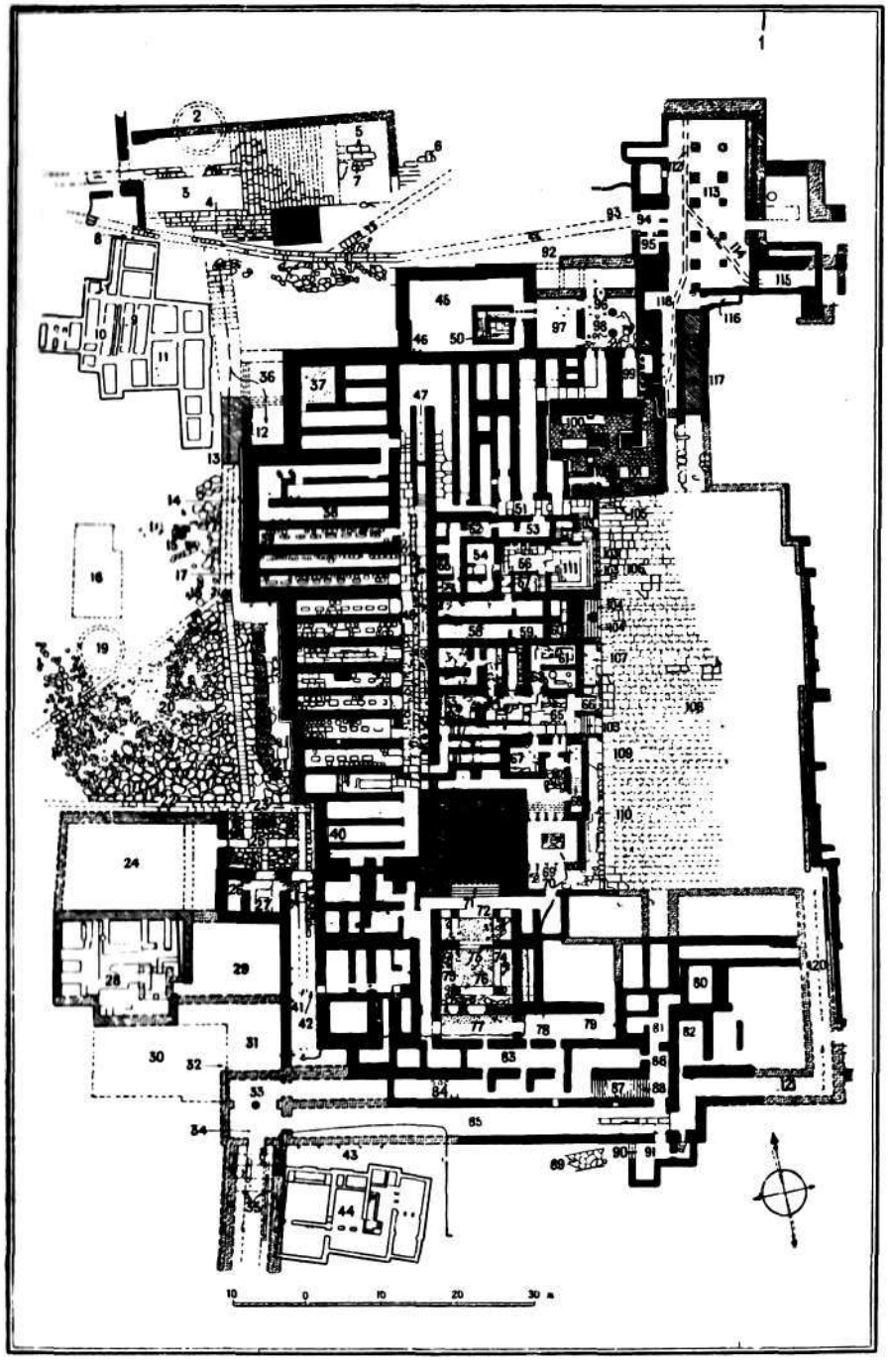
Другой главный проход вел по направлению к «площади театра» и далее до центрального двора, минуя северные ворота, которые сохранили свой прежний вид. Восточное крыло было целиком отведено под жилой квартал и помещения ремесленников. Расположение жилого квартала ясно из общего плана. Первый этаж, повидимому, почти в точности воспроизводил план нижнего. Второй этаж лежал на одном уровне с центральным двором, и пометки, имеющиеся на этом уровне на плитах площадки, показывают, что здание возвышалось, по крайней мере, еще на один этаж. Лестница, поднимавшаяся от центрального двора и состоявшая приблизительно из двенадцати ступеней, вела в большой восточный зал, который, как мы имеем основание полагать, лежал над коридором с нишами, складом пифосов с медальонами и старыми фундаментами, находившимся к востоку от этого зала. Его фасад украшали три колонны, поддерживаемые столбами коридора с нишами; возможно, что в этом здании был сооружен центральный атриум в южнокритском стиле [2].

Стены были покрыты рельефами, изображавшими борцов, а также фризом из крылатых грифонов, сделанных лепным рельефом. Найденные бронзовые локоны принадлежали, повидимому, какой-то культовой статуе, возможно, женской фигуре очень больших размеров.

Единственный выход из этого крыла дворца вел через перестроенный и снабженный открытым выходом восточный бастион к системе «параболической кривой», при помощи которой стекающая с крыш дворца дождевая вода направлялась в ряд водоемов. Было высказано правдоподобное предположение, что здесь находилась дворцовая прачечная [3]. На распо-

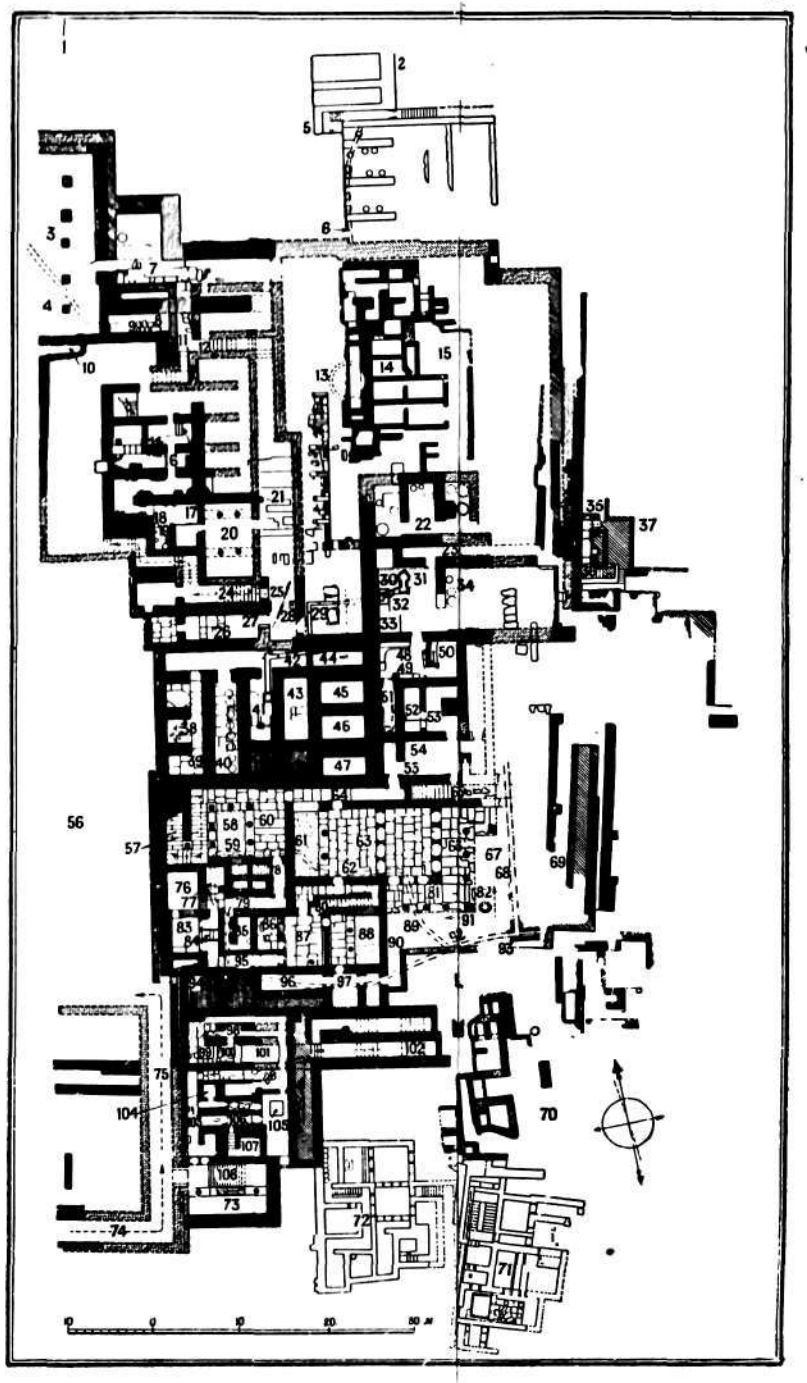
[1] В северной части дворца стены нижнего этажа гораздо тоньше.
[2] P. of M., III, 491.
[3] Там же, 233.

План 2*а*. Кносский дворец. Общий план западной части нижнего яруса.

1. Место соединения с планом „26".
2. Колодец с облицовкой („кулура").
3. Ступенчатая площадь театра.
4. Подъем.
5. Вымостка С. М. II периода.
6. Вымостка, предшествующая С. М. II периоду.
7. Вымостка на уровне замощенной площадки западнее лестницы.
8. Фреска с деревом и сценой тавромахии.
9. „Кладовая дворцовой бронзы".
10. „С.-з. сокровищница".
11. Амфоры дворцового стиля.
12. Гипсовые столбы.
13. Бастион.
14. „Фриз с табуретами" по обеим сторонам стены.
15. Основание жертвенника.
16. Площадка ранних домов.
17. По обе стороны от стены фрагменты амфор дворцового стиля.
18. Амфоры.
19. Колодец с облицовкой („кулура").
20. Западный двор.
21. Основание жертвенника.
22. Фрагменты фрески.
23. Ранний вход (восточное направление).
24. Дворцовая площадь со следами более поздних строений.
25. Западный портик.
26. Помещение привратника.
27. Трон.
28. *Дворцовая площадка, занятая позднейшим домом.*
29. Под позднейшим полом остатки С. М. III фрески, похожей на „дам в голубом".
30. Следы дома.
31. Многочисленные фрагменты вымостки из сине-зеленого сланца, составляющей продолжение системы „коридора процессий".
32. Большое количество упавших гипсовых глыб.
33. Ю.-з. портик (предположительно).
34. На этой площадке алавастра с именем царя Хьяна найдены фрагменты изделий из камня с орнаментом тонкой резьбы в виде розеток и спиральных полос.
35. Тротуары, поднимающиеся в северном направлении.
36. Лестница, ведущая вверх к с.-з. портику (предположительно).
37. Световой колодец.
38. Фриз с триглифами и пр.
39. С. М. III фрески — святилище с колоннами.
40. Фреска „игры с быками".
41. „Коридор процессий".
42. „Фреска с процессией".
43. Упавшие гипсовые глыбы и фрагменты амфор дворцового стиля.
44. Южный дом.
45. Посвятительная площадка.
46. Крышка алавастра с именем царя Хьяна.
47. Таблетки с иероглифами.
48. Длинный коридор.
49. Кладовые.
50. Сакральный бассейн.
51. Каменный бассейн.
52. Остатки каменного бассейна.
53. Остатки кресла царицы.
54. Выступ и тайник.
55. Остатки гипсового стола.
56. Остатки трона.
57. Сакральный бассейн.
58. Склад таблеток с сосудами.
59. Фреска с драгоценностями.
60. Кисты С. М. III.
61. Храмовые хранилища.
62. Фрагменты больших пифосов.
63. Западная крипта с колонной.
64. Восточная крипта с колонной.
65. Авансала с каменной скамьей.
66. Тайник.
67. Сосуды из сокровищницы.
68. Вверх.
69. Глиняная ванна с таблетками.
70. Сток.
71. Подъем.
72. Пифосы П. М. II—III.
73. Южные пропилеи.
74. Ранняя киста.
75. *Фреска „человек с кубком".*
76. Фрагменты каменных розеток.
77. Световая площадка.
78. Фаянсовые фигурки и бронза.
79. Отложение оттисков печатей.
80. Кладовая египетских бобов (П. М. III).
81. Взломанная глиняная печать.
82. Мастерская резчика по камню.
83. Следы вымостки на уровне „коридора процессий".
84. Сосуды С. М. III.
85. Южный коридор.
86. Место, где упала фреска с паланкином.
87. Лестница к верхнему ярусу.
88. Подъем.
89. Позднейшая мостовая (С. М. III*б*).
90. Подъем.
91. Южный портик.
92. Подъем.
93. Внешние ворота.
94. Пропилеи.
95. Помещение привратника.
96. Большое отложение фрагментов фресок.
97. Авансала.
98. С.-з. портик.
99. Помещение привратника.
100. Фреска „собиратель шафрана".
101. Каменный бассейн.
102. Миниатюрные фрески.
103. Спуск.
104. Подъем.
105. Фрагменты упавшего посвятительного рога.
106. Диоритовый дом египетского типа.
107. Отложение глиняных печатей с изображением Рен и святилища.
108. Центральный двор.
109. Отложение „таблеток с колесницами".
110. Нижняя веранда.
111. Фрагменты фресок.
112. Сточная труба под вымосткой.
113. Северный зал с колоннами.
114. Сток, идущий от северного квартала.
115. Сток.
116. Помещение привратника.
117. Большое отложение таблеток.
118. Расписные рельефы с изображением игр с быками в натуральную величину.
119. Северный проход.
120. Подъем к центральному двору.
121. Пандус.

План 2б. Кносский дворец. Общий план восточной части нижнего яруса, показывающий разрез жилого квартала.

1. Место соединения с планом 2*а*.
2. С.-в. дом.
3. Северный зал с колоннами.
4. Сток, идущий от северного квартала.
5. Срез со стороны холма.
6. Каменный сток из дворца, перерезанный С. М. III домом.
7. С.-в. вход.
8. Сторожевое помещение.
9. Сток.
10. Помещение для привратника.
11. Подъем.
12. Подъем.
13. Римская печь для обжига извести.
14. Царские склады гончарных изделий.
15. Ранние постройки, которыми частично продолжали пользоваться.
16. С.-в. склады.
17. Лампы из жировика.
18. Кресло.
19. Очаг.
20. С.-в. зал.
21. Коридор шахматной доски.
22. Склады больших пифосов (ранний дворец).
23. Предполагаемая лестница, поднимающаяся в с.-в. направлении.
24. С.-в. лестница.
25. Выступ.
26. Фрагменты фрески „дамы в голубом".
27. Водопроводные трубы под полом.
28. Игральная доска.
29. *Каменный сток.*
30. Шахта.
31. Закрытый колодец.
32. Двор с каменным стоком.
33. Отложение с фреской „женщины-тореадоры".
34. Фрагменты больших пифосов.
35. Подъем.
36. Подъем.
37. Восточный бастион.
38. Склад кухонной и прочей посуды.
39. Коридор с нишами.
40. Склад „пифосов с медальонами".
41. *Шахты стоков с верхней световой площадки.*
42. Каменный сток.
43. Вымостка С. М. III*а*, засыпанная в С. М. III*б*.
44. Архитектурная мозаика и шашки.
45. Фреска со спиралями; основания колонн и рельефы с быками (С. М. III*а*).
46. Фреска и керамика С. М. III*а*.
47. Треножники С. М. III*б* периода.
48. „Школьное помещение".
49. Мастерская каменотеса с амфорами.
50. Выступ с кувшинами для запасов (С. М. III*б*).
51. Склад С. М. III*б*.
52. *Отложение базальта.*
53. Помещение с каменным столбом.
54. Горельефы и фриз с грифонами.
55. Старый коридор, перегороженный в С. М. III*б* периоде.
56. Двор.
57. Большая лестница.
58—59. Световая площадка.
60. Зал с колоннадой.
61. Световая площадка.
62. Сток.
63. Зал двойных секир.
64. *Нижний в.-з. коридор.*
65 Подъем.
66. Портик.
67. Световая площадка.
68. Сток.
69. Фреска с лабиринтом.
70. Ранние постройки.
71. Ю.-в. дом.
72. Дом с перегородкой алтаря.
73. Световая площадка.
74. Пандус.
75. Подъем к центральному двору.
76. Двор с пряслицами.
77. Сток.
78. Подъем.
79. *Отложение фигурок из слоновой кости и пр.*
80. Подъем.
81. Портик.
82. Колодец.
83. Комната с гипсовым ложем.
84. Латрина.
85. Сокровищница.
86. Ванная.
87. Мегарон царицы.
88. Световая площадка.
89. Световая площадка.
90. Остатки „фрески с рыбами".
91. *Остатки пола с мраморной инкрустацией.*
92. Сток.
93. К устью стока.
94. Сточные шахты.
95. Коридор с расписными пифосами.
96. Световая площадка.
97. Сток.
98. Вазы с лилиями.
99. Кладовая.
100. Ванная.
101. Позднейшая лестница.
102. Предполагаемая лестница, ведущая вверх к центральному двору.
103. Коридор с таблетками.
104. Тайник.
105. Вымостка.
106. Спуск.
107. Ю.-в. сакральный бассейн.
108. Ю.-в. лестница.

ложенном внизу лугу, несомненно, происходили бои быков, потому что это было единственное место, пригодное для устройства достаточно обширной арены [1].

Стены дворца во многих местах сделаны из бута с облицовкой из тесаного камня или штукатурки, заменившего крупные глыбы предшествующей постройки. Наиболее важная отличительная черта архитектуры как восстановленного дворца, так и современных ему домов — это применение в качестве дверных косяков высоких гипсовых столбов вместо бревен на гипсовом основании. Они получают почти повсеместное распространение и, повидимому, свидетельствуют о недостатке подходящего строительного леса. Кроме того, часто отсутствуют вертикальные столбы, связывавшие ранее каменную кладку, а горизонтальные балки становятся тоньше. В этом усматривают доказательство исчезновения лесов в более доступных частях острова в данном периоде, обусловленного либо ростом населения, вырубавшего старые леса, либо расширившимся строительством и развитием судостроения [2]. Пометки каменщиков на камнях становятся менее глубокими, чем в предшествовавшем периоде.

Повидимому, в конце П. М. I*a* периода произошло небольшое землетрясение, которое вызвало необходимость значительных восстановительных работ, но конструктивных изменений при этом произведено не было. Особенность их заключалась в том, что вся поверхность стен покрывалась штукатуркой с целью получения большей площади для росписи [3]. Ни Агиа-Триада, ни Фест не пострадали серьезно от землетрясения, и расположение их построек осталось без изменений. Не была затронута и Маллия.

Архитектура П. М. II. Наиболее важным архитектурным памятником П. М. II периода в Кноссе является комплекс помещений «тронного зала», расположенный в одной из самых старых частей дворца, где еще сохраняется округленный угол С. М. I*a* «блока» [4].

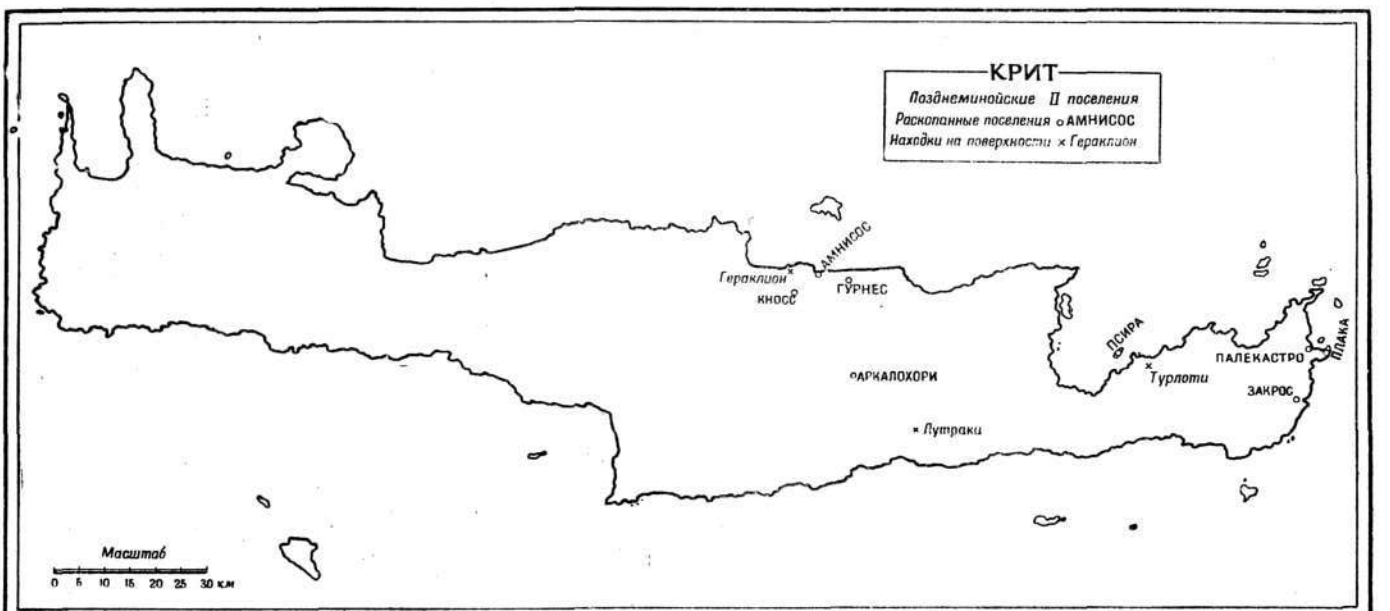
Короткий лестничный марш ведет из центрального двора к аванзале, вдоль северной и южной стен которой имелись гипсовые выступы, прерывающиеся в одном месте, где находится деревянный трон. Двойная дверь в западной стене ведет в самый «тронный зал». Стены этого зала были украшены

[1] Разумеется, большой арены, наподобие испанской, могло и не быть. Но при узком проходе было бы неизбежным прямое нападение со стороны быка. Возможно, что для этой цели использовался центральный двор, на котором возводились специальные палисады.

[2] P. of M., II, 518, 565. Это означает только, что минойцы должны были беречь дерево во избежание издержек на транспорт. Отсюда не следует делать вывода, что лесные ресурсы полностью истощились.

[3] Там же, VI, 872 сл.

[4] Там же, IV, 901 сл.

11. Поселения позднеминойского II периода.

описываемой ниже фреской с грифонами, а центральная часть пола была покрыта красной штукатуркой. Южнее находится бассейн для совершения очистительных обрядов, к которому спускаются ступеньки. Тут находятся три колонны, расположенные перед балюстрадой. К ним и был обращен трон. Он был сделан из гипса, хотя форма его представляла собой воспроизведение в камне форм дерева. Он представляет

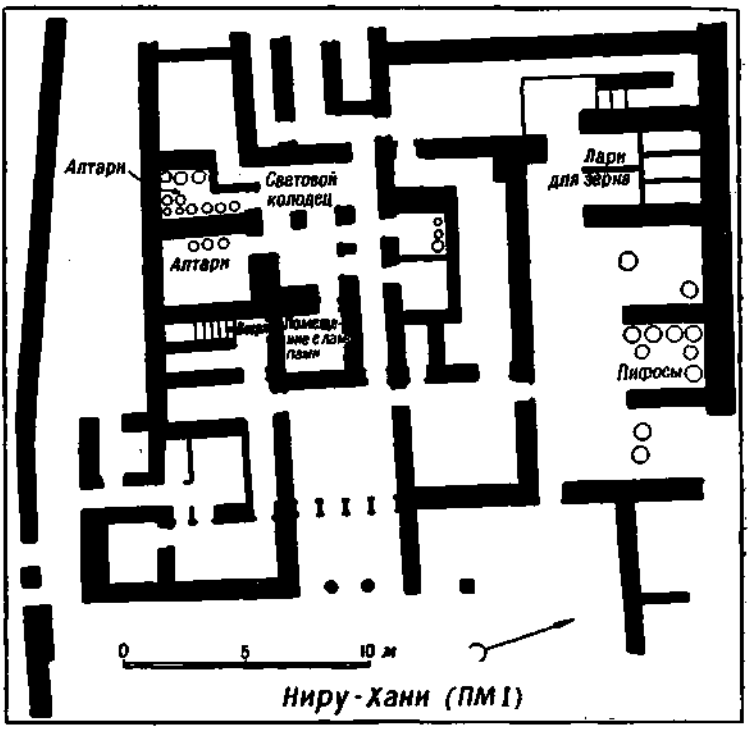

Рис. 29.

собой весьма удобное сидение, несмотря на несколько причудливый вид. Следы штукатурки показывают, что спинка была орнаментирована. По обе стороны от трона, несколько поодаль, находятся гипсовые скамьи. С западной стороны к «тронному залу» примыкает небольшое святилище, в котором возвышается плита, служащая алтарем (фото 67).

Из северо-восточного угла аванзалы лестница, находящаяся внутри старой округленной стены, ведет в верхний этаж. Возможно, что отсюда, как и из северного коридора, имелся доступ к ряду помещений, расположенных к северу и к западу от самого «тронного зала» и, очевидно, входящих в комплекс его помещений. Одно из этих помещений было оборудовано как кухня с низкой гипсовой полкой, гипсовым столом для

стряпни и каменным сидением. Вся эта система комнат производит впечатление особой части дворца, в которую царь мог удаляться для выполнения какой-либо особой церемонии.

Как уже было сказано, П. М. II период составляет особенность Кносса, и другие местности его не знают, если не считать случайных предметов ввоза.

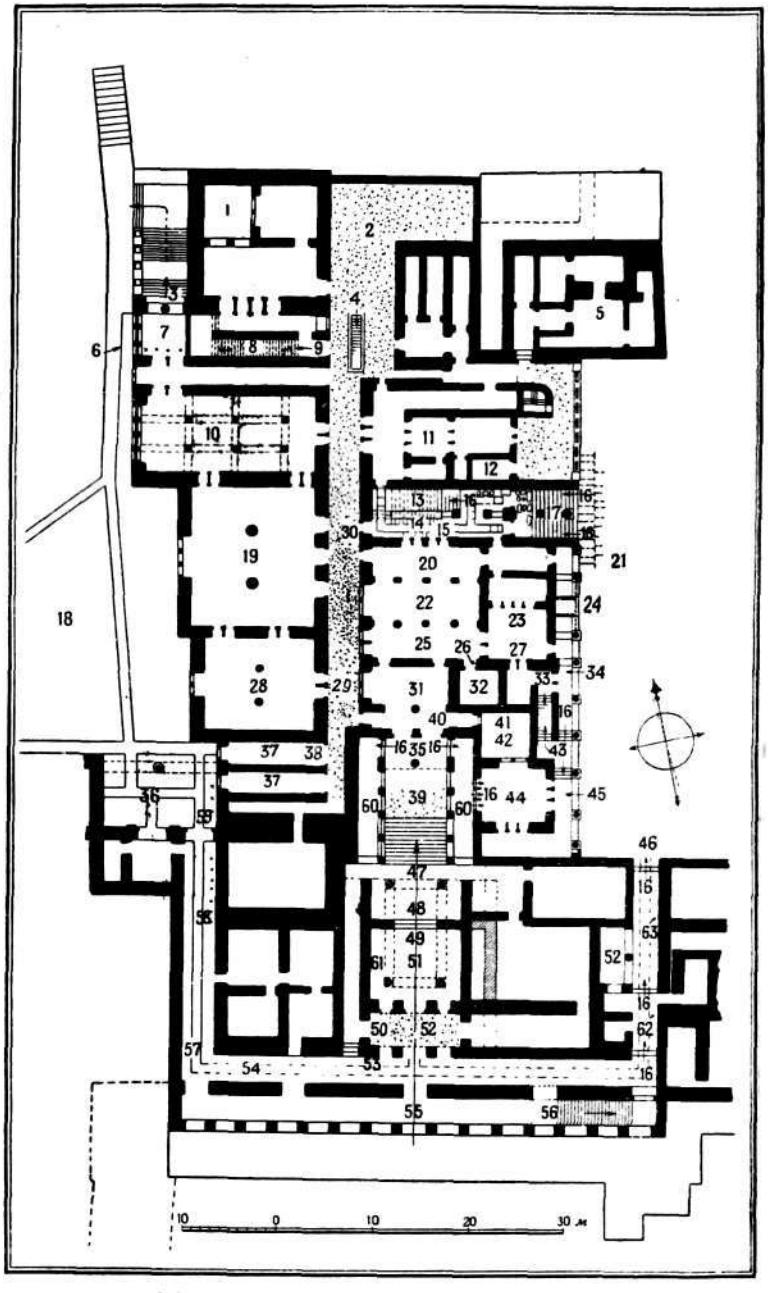
Постройка у Нирухани, повидимому, была сооружена непосредственно после землетрясения. Она имеет своеобразную конструкцию, и высказывалось предположение, что это был склад культовой утвари, так как здесь были найдены четыре большие двойные секиры, явно не предназначавшиеся для употребления, и свыше сорока треножников из расписной глины для жертвоприношений. Далее на южной стороне восточного двора лежали остатки пары больших священных рогов, а в главном коридоре находилась фреска сакрального содержания. Как видно из плана, в главное помещение входили прямо со двора, что указывает на общественный характер здания. Некоторые из внутренних стен нижнего этажа были сложены из необожженного кирпича, а значительная часть настила состояла из зеленовато-синего сланца, который широко применялся в переходном периоде С. М. III*б* — П. М. I*а*. В непосредственной близости видны следы дамбы, выступающей в море.

К счастью, в восточной части Крита находятся два поселения, которые дают возможность уяснить план города в целом.

На небольшом холме у берега моря лежит Гурния — один из наиболее очаровательных археологических памятников в мире (фото 17). На вершине холма находится жилище местного владельца усадьбы, выходящее на большой общественный двор и имеющее, в подражание более обширным домам, свою миниатюрную «площадку театра». Остальные дома отделены друг от друга мощеными улицами. Одна из них огибает кругом почти все селение несколько выше середины склона холма и соединяется с нижним «кольцом» посредством ступенчатых спусков. Планы домов трудно определить, потому что сохранившиеся стены обычно принадлежат только фундаментам, расположенным ниже входа. В основной ярус вела короткая лесенка, по которой поднимались с улицы. Доступ в небольшое святилище, содержавшее алтарь и культовые изображения, открывался через коридор, пол которого был сильно стерт. Устройство этого коридора уяснить не удалось; на задней стене его, возможно, имелся выступ.

Гурния, очевидно, была городом земледельцев. В противоположность ей Псира была селением моряков. Здесь городские строения находятся на крутых склонах с двух сторон небольшой гавани. В то время как в Гурнии городские дома, как правило, построены из мелкого камня и только владелец

План 3. Реконструированный план системы входа и бельэтажа западной части дворца.

1. Световой колодец.
2. Площадка без кровли (?).
3. Спуск вниз.
4. Спуск к фундаменту.
5. Площадка миниатюрных фресок.
6. *Засыпанные остатки рельефного фриза.*
7. С.-з. вход.
8. Лестница к верхнему ярусу (предположительно).
9. Подъем.
10. Зал святилища.
11. Площадь под помещениями, связанными с „тронным залом".
12. Фонарь над сакральным бассейном (предположительно).
13. Остатки гипсовых ступеней.
14. Центральная лестница.
15. *Блоки со следами ступеней.*
16. Подъем.
17. Портик со ступенями.
18. Западный двор.
19. Большой зал.
20. Остатки простенков.
21. Центральный двор.
22. Центральный зал с тремя колоннами.
23. Дверные косяки в первоначальном положении.
24. Тайник.
25. Основания колонн, переставленные на устои крипты.
26. Дверной косяк.
27. Дверные косяки в первоначальном положении.
28. Ю.-з. зал.
29. Верхний длинный коридор.
30. Следы вымостки.
31. Центральный вестибюль.
32. Сокровищница.
33. Лестница, ведущая вниз к фундаменту.
34. Верхняя веранда.
35. Вестибюль.
36. Западный портик.
37. Кладовая.
38. Известняковые закраины в первоначальном положении.
39. Верхние пропилеи.
40. Помещение привратника.
41. Окно.
42. Световой колодец.
43. Лестница, ведущая вверх.
44. Ю.-в. терраса.
45. Верхняя веранда.
46. К центральному двору.
47. Лестница, ведущая к верхним пропилеям.
48—49. Позднейшие южные пропилеи.
50. Световая площадка.
51. Фонарь (*предположительно*).
52. Световая площадка.
53. Засыпанные остатки вымостки.
54. Продолжение коридора процессий.
55. Южная терраса.
56. Спуск к южному портику.
57. Коридор процессий.
58. Фреска с процессией.
59. Фреска „игры с быками".
60. Веранда.
61. Фреска „человек с кубком".
62. Засыпанные остатки вымостки.
63. Фреска „царь-жрец".

усадьбы мог похвалиться домом из тесаного камня, в Псире все постройки сделаны из массивных, хотя иногда и грубо обработанных каменных блоков, а полы выстланы большими плитами сланца. Ни в том, ни в другом городе кирпич, повидимому, не применялся. Для обычного плана, повидимому, был типичен коридор, ведущий через световой колодец в приемный зал, который в одном случае снабжен плитой для совершения очищений. Отсюда лестница вела наверх, очевидно, в жилые комнаты. Более крупные дома строились террасами, расположенными по склону ярусами, не более двух этажей в высоту [1] (фото 68, *2*).

В Палекастро, гораздо более крупном и важном поселении, была расчищена значительная часть городской площади. Дома здесь бо́льших размеров. Это расположенное на ровной местности поселение лишено той привлекательности, которую придают Псире и Гурнии их живописные террасы. Наиболее типичным является дом В [2]. Лесенка с улицы ведет через помещение привратника, где имеется каменная скамья, в вестибюль; последний в свою очередь сообщается с площадкой, на которой находятся четыре базы колонн. Это помещение рассматривали как «мегарон», но прямоугольное углубление между колоннами ясно показывает, что это имплувий южнокритского типа. К нему примыкает углубление, представлявшее собой площадку для совершения очищений или помещение для ванны. Во второй этаж вела лестница. К югу от дома находится открытый двор с верандой. Интересную особенность дома, находящегося на противоположной стороне улицы, составляют отступы на фасаде, которые здесь соответствуют находящимся за ними комнатам.

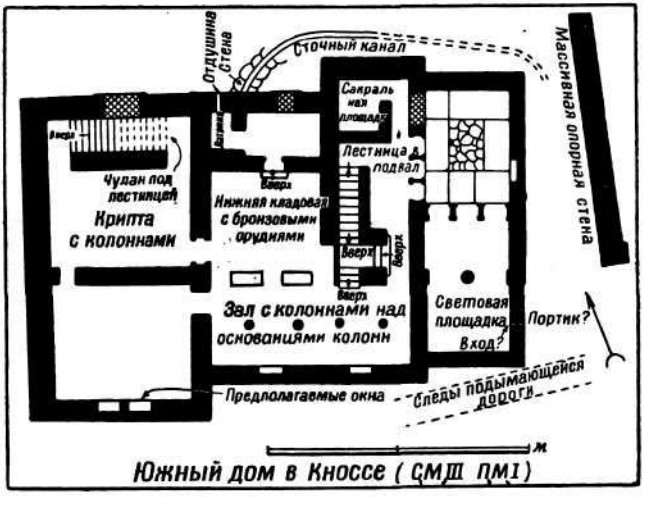
Хотя в Кноссе еще не расчищено сколько-нибудь значительного участка города, все же там раскопано достаточное число домов этого периода, чтобы можно было составить ясное представление об их типе. Самый значительный из них — это Малый дворец, непосредственно соединенный с «площадью театра»; ряд приемных помещений, с перистилем, который, очевидно, получил всеобщее распространение в этом периоде, ведет в большой зал, состоящий из двух частей, освещаемых, как обычно, при помощи небольшой колоннады и светового колодца. На северо-запад выходит латрина, сообщающаяся с внешним канализационным ходом. Из южного конца перистиля был выход к большой двойной лестнице, ведущей в верхний этаж, а из северного конца через коридор с поворотами — к площадке для совершения очищений с балюстрадой, каннелированные колонны которой оставили отчетливый отпечаток на глине и штукатурке позднейшей перегородки.

---

[1] Pseira, 14, дом В.
[2] B. S. A., VIII, 310; IX, 278.

Каннелюры выпуклые, и диаметр колонн, повидимому, был одинаковым.

В южной части здания, под строениями основного яруса, находится ряд крипт с колоннами. Эванс, основываясь на параллелях из хтонических культов, высказал предположение, что «малый дворец» был воздвигнут для умилостивления богов после страшной катастрофы, непосредственно предшествовавшей этому периоду (фото 69).

Р и с. 30.

Столь же великолепным зданием, хотя и меньшего масштаба, является «царская вилла», построенная, вероятно, немного позднее П. М. I периода. Она также была связана особой дорогой с дворцом. Наиболее интересные особенности этого здания — трон, помещенный за балюстрадой в абсиде в глубине главного зала, сообщающийся посредством светового колодца с верхним помещением, лестница, разделяющаяся после первой площадки, гипсовые блоки, покрытые в некоторых случаях красной штукатуркой, из которых построены многие стены, и крипта с колоннами и гигантскими кипарисовыми стропилами.

Лучшим примером частного дома может служить южный дом (рис. 30). Он расположен в выемке несколько ниже дворца и имеет входы с юго-востока через обычный световой колодец и приемный зал и из портика с лестницей, находящегося на уровне второго этажа. В нижнем этаже находится крипта с колоннами, в которой обнаружен гипсовый постамент для двойной секиры, и углубленная площадка для совершения очищений. В подвальной части размещались погреба и кладо-

вые, которые могли запираться с обеих сторон посредством бронзовых засовов, входящих в отверстия на внутренней поверхности гипсовых дверных косяков.

Эти дома обладают рядом общих черт[1]. Вход в нижнем этаже ведет к световому колодцу. Далее следует приемный зал. На том же уровне находится крипта с колоннами,— за исключением «Малого дворца», где она находится в подвале,— и площадка для совершения очищений, за исключением

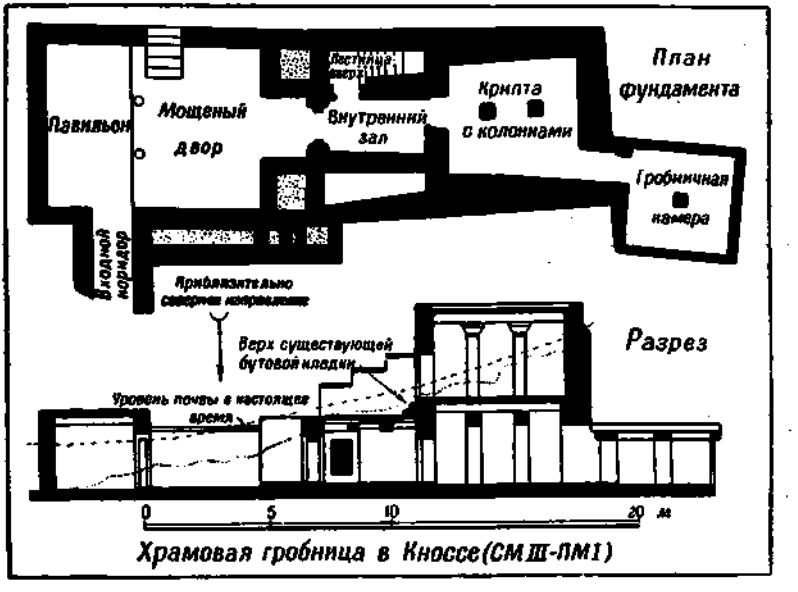

Рис. 31.

«царской виллы». Приватные помещения размещались во втором этаже, а спальни, несомненно, были еще выше. Следует напомнить, что в древности, особенно на востоке, спальня считалась маловажным помещением. В больших коптских и арабских домах в Каире хозяин ложился спать в той комнате, в которой он почувствует усталость. Поэтому спальни малы. В целом кносский дом похож на египетский дом периода Телль-Амарны, с той лишь разницей, что помещения расположены не горизонтально, а вертикально.

В египетском доме за святилищем, расположенным при входе, следовали прежде всего парадные приемные комнаты. За ними (а не над ними, как на Крите), размещались более скромные приемные комнаты, а в глубине — жилые помещения.

[1] Поблизости от дворца было найдено много других домов того же периода, имеющих в основном то же самое устройство. См. P. of. M., индекс 83.

Необходимо упомянуть об одной любопытной черте — отсутствии постоянной кухни и помещений для слуг и рабов. Можно предположить, что пища приготовлялась на жаровне в каком-либо подходящем для этого помещении. Неизвестно, однако, где находились печи для выпечки хлеба.

Меньшие дома в Кноссе, как, например, дом с фресками, не имеют правильной планировки. Как и С. М. I дома в Василики, они состоят из ряда прямоугольных комнат, назначение которых не может быть установлено с достоверностью.

Гробницы П. М. I. К переходному периоду С. М. III — П. М. I*а* надо отнести большую храмовую гробницу к югу от дворца. Расположенный с боковой стороны вход вел в одноэтажный павильон с двумя колоннами, за которыми находился открытый мощеный двор. Из этого двора расположенные между двумя массивными бастионами ворота, от которых сохранилась на месте перемычка, вели в коридор, открывавшийся в крипту с колоннами, стены и столбы которой были испещрены изображениями двойной секиры. Из северо-западного угла этой крипты входили в самую погребальную камеру — четырехугольное помещение, облицованное гипсовыми плитами, по три с каждой стороны, причем центральные плиты служили опорами для боковых, а сами поддерживались большими деревянными балками, пересекавшимися над центральным столбом, сделанным из гипса. Грубо отделанный каменный свод был выкрашен в голубой цвет, который как бы имитировал небо. Тело покойника, как можно предположить, находилось в глиняном саркофаге, от которого не осталось никаких следов (фото 70).

Из коридора, ведущего в крипту с колоннами, открывается дверь на лестницу, поднимающуюся в том же направлении и выходящую на открытую террасу наверху. Несколько ступенек вели выше к святилищу, состоящему из одной камеры с двумя колоннами, расположенному над криптой с колоннами. Вся постройка в целом служит замечательной иллюстрацией к приведенному Диодором описанию подземной гробницы Миноса в Сицилии и находящегося над ней храма богини Афродиты [1].

К концу П. М. I*а* периода постройка, повидимому, сильно пострадала от землетрясения. Бастионы по обеим сторонам ворот частично обрушились, а павильон почти сравнялся с землей. Камни из этих частей здания были использованы для того, чтобы отгородить стеной пространство в крипте между двумя столбами и западной и южной стенами. В получившихся таким образом отделениях было погребено много покойников, являвшихся, может быть, жертвами землетря-

[1] P. of M., IV, 960, 965.

сения. Однако сквозной проход к погребальной камере все время оставался открытым. Наконец, в П. М. II периоде во внутренней камере было наскоро выкопано углубление для последних погребений.

Царскую гробницу в Исопате, вероятно, нужно отнести к несколько более позднему времени того же периода [1]. Длинный наклонный дромос ведет с поверхности земли вглубь. Внизу находится дверное отверстие. Горизонтальные выступы над ним указывают, повидимому, на то, что оно завершалось плоской перемычкой, так же как и ложные двери или ниши в переднем помещении, углубляющиеся до скалы с каждой стороны. Такая же дверь соединяет переднее помещение с основной прямоугольной камерой, в одном из углов которой находилась облицованная погребальная киста, а в глубине — ниша, подобная нишам переднего помещения. Все сооружение имело, вероятно, килевой свод, и если мы предположим, что его высота равнялась ширине, как у толосов в Микенах, то получим для крыши высоту около 8 *м* [2]. Это указывает на то, что оно имело вид большого кургана, возвышающегося над уровнем почвы [3]. Конструкция его грубее, чем в храмовой гробнице, лицевая сторона камней обработана менее тщательно. Впрочем, последняя могла быть покрыта штукатуркой. Эта гробница еще использовалась в П. М. II периоде, к которому относится основная часть отложения.

В меньшем масштабе построена гробница I на том же кладбище. Насколько позволяют судить скудные остатки, конструкция ее была почти такой же, и единственное отличие составляет отсутствие ниш, кроме одной в задней стене, и облицованная погребальная киста в форме буквы L.

Гробница V на этом кладбище также была первоначально сооружена в П. М. I периоде. Одна погребальная камера найдена к западу от дворца [4]; использовалось и кладбище в Мавроспелио.

---

[1] Все сделанные здесь находки относятся к П. М. II периоду и более позднему времени, но пометки каменщиков ясно указывают на П. М. I. Эванс (Ман., 1937, № 221) относит гробницу к С. М. *IIIa* периоду.

[2] B. P. of M., IV, 776 имеется ссылка на подобные же гробницы на западе Крита. Единственная сходная гробница находится в Малемо между Каннеей и Диктейским мысом. Она имеет четырехугольную камеру с круглым толосом, начинающимся, приблизительно, на высоте 1,5 *м*, и относится, вероятно, к П. М. III периоду, как и гробницы в Пресосе, Платн, Мулиане и Даманни. Из них только последняя имела, повидимому, такой же свод, как и гробница в Исопате (см. ниже, стр. 260).

[3] Но если гробница завершалась плоской перемычкой, как ниши, или более низким цилиндрическим сводом, как некоторые из гробниц в Рас Шамре, то она, вероятно, не должна была вовсе возвышаться над землей.

[4] Там же, 849.

На юге Крита, в Агиа-Триаде, углубленные облицованные гробницы устраивались в более ранних домах, а на востоке наиболее обычными были погребения в опрокинутых пифосах.

Гробницы П. М. II. Большинство гробниц в Исопате и по крайней мере треть в Зафер Папуре принадлежат к П. М. II периоду. Встречается три типа захоронений: обыкновенная погребальная камера, где хоронили, вероятно, в глиняных саркофагах, шахтовые гробницы, расположенные на глубине 2—3 *м* и имеющие в конце углубление, покрытое каменными

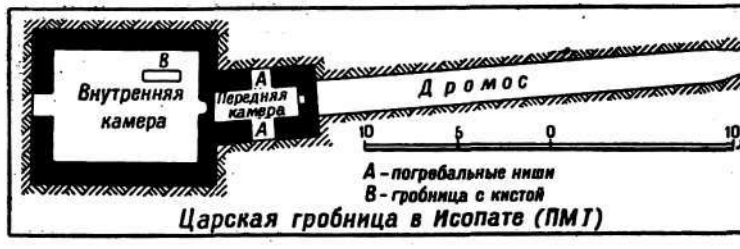

Рис. 32.

плитами, и шахтовые пещеры, представляющие собой несколько более глубокие шахты с выступами, облегчающими спуск, и низким сводчатым проходом в глубине, ведущим к самой гробнице [1].

Самым интересным из камерных погребений была «гробница двойных секир», в которой киста выкопана в форме двойной секиры, а погребальная камера делится на две части выступающим из задней стены каменным столбом, передняя поверхность которого обтесана в виде рельефной полуколонны [2].

Фрески П. М. I. Фрески и расписные рельефы достигают в художественном отношении весьма высокого уровня. Дом с фресками дал несколько лучших образцов переходного стиля С.М.III*б* — П.М.I*а*. Эти картины представляют сцены из жизни растительного и животного мира. Обезьянки, написанные голубым, изображающие зеленых обезьянок западной Африки, шаловливо срывают цветы среди густой растительности на фоне тщательно показанного горного пейзажа. Синяя птица, может быть, сиворонка, поднимается над скалами, покрытыми шиповником, лилиями, ирисами, викой и другими растениями. Встречаются фризы с рисунком из крокусов и мирт, а на одном замечательном фрагменте изображен искусственный фонтан. Сохранность этих фрагментов поразительна; прибегая к избитой фразе, которая хоть на этот раз оказывается правильной, можно сказать, что во многих случаях

[1] P. T. K., 3.
[2] T. D. A., 33.

краски почти так же свежи, как в тот день, когда они были положены [1].

К этому же времени может быть отнесен фриз с куропатками и удодами, украшавший павильон караван-сарая, а также найденные в Амнисосе изображения искусственно планированных садов с лилиями, имеющие слегка врезанные контуры [2].

Заслуживает внимания отсутствие изображений человека. Это справедливо и относительно известных фресок из Агиа-Триады, воспроизводящих исключительно сцены из жизни дикой природы. Кошка, ползком подкрадывающаяся к фазану, и косуля, скачущая среди скал и цветов,— это моментально схваченные впечатления от живой природы, оставляющие незабываемое впечатление (фото 72) [3].

Фест фресок не имеет, стены позднейшего дворца покрыты однотонной окраской, но новые постройки кносского дворца богато орнаментированы, причем в орнаменте постоянно встречаются человеческие фигуры.

К П. М. I*а* периоду можно отнести «фреску с носилками», происходящую, возможно, из небольшой комнаты, выходившей на продолжение «коридора процессий» [4]. Она изображает фигуру в белом одеянии, сидящую на чем-то вроде складного табурета, в носилках, которые несут другие люди в белых одеяниях. Из мегарона царицы происходит верхняя часть изображения танцующей девушки в короткой блузе и с развевающимися во время танца волосами [5]. К П. М. I*а* относится также довольно грубая фреска со щитами [6]. На ней представлен ряд щитов в форме восьмерки, причем пятнистая бычья шкура передана тем же условным приемом, который применялся и при изображении живых быков. Показаны сгежки посередине щита, где он имеет двойную толщину, а заштрихованная полоса ниже центра представляет или металлическое крепление, или щетинистую шерсть на хребте — эта шерсть таким же образом обозначена на фреске с тореадорами [7]. Фон светлооранжевый, а щиты изображены висящими на широком фризе из спиралей, в центре которых находятся розетки. Подобные фризы из спиралей типичны для этого периода.

Фрески с тореадорами, упавшие из какого-то помещения над «школьной комнатой» в Кноссе, имеют вид панелей;

---

[1] P. of M., II, 443.
[2] Arch. Anz., 1933, 290.
[3] Подготавливается к опубликованию Итальянским Институтом.
[4] P. of M., II, 770.
[5] Там же, III, 369.
[6] Там же, 304 сл.
[7] О происхождении этого типа щита см. Murray, Rise of the Greek Epic, 168, и Leaf, Iliad, I, 567.

вероятно, они были расположены над однотонной полосой в нижней части стены на высоте около 2 *м* [1]. На этих фресках изображены акробаты, мужчины и женщины, совершающие сальто через спины нападающих на них быков. Женщины одеты точно так же, как мужчины, с гульфиком и коротким куском ткани сзади, и перетянуты в талии узким металлическим поясом.

В конце П. М. I*а* периода расписные рельефы, повидимому, выходят из моды. Один рельеф на потолке, выполненный этой техникой и состоящий из розеток на синем поле, покрытом белыми соединенными спиралями, найден на «площадке миниатюрных фресок» [2]. Другим известным примером служит рельеф «царь-жрец» [3]. Это одно из наиболее удачных изображений людей в минойской живописи. Широкая грудь и сильные мышцы стройных бедер характеризуют минойский идеал человеческой фигуры. На голове «царь-жрец» носит корону из лилий, с которой свешиваются назад длинные павлиньи перья. Голова, кроме уха, повидимому, была написана плоскостно, так же как и развевающиеся локоны, спадающие ниже груди. Вокруг шеи надето ожерелье из лилий, являющееся, может быть, отличительным знаком какого-либо минойского рыцарского ордена. Костюм чрезвычайно прост. Это тот же костюм, который носят атлеты на фреске с тореадорами. Очевидно, здесь, как и в Египте, царя изображали в простом первобытном костюме уже много времени спустя после того, как в действительности его одеяние сделалось гораздо более изысканным. Он шествует в саду среди фантастических лилий и бабочек (фото 71). Фрагменты изображений бабочек и цветов здесь, как и на оригинале, не восстановлены.

Большое количество фресок может быть отнесено к П. М. I*б* периоду. Некоторые из них выполнены в очень крупном масштабе: для этого периода типично использование всей поверхности стены как основы для орнамента. Наиболее значительное произведение этого периода — фреска, украшавшая стены «коридора процессий», с которой должно быть сопоставлено знаменитое изображение человека с кубком в руке из южных пропилей [4]. Фреска процессий имела, вероятно, два ряда, из которых сохранился только нижний, да и то лишь у основания. Было изображено шествие юношей и девушек, причем первые, повидимому, несли сосуды из драгоценных металлов, а последние, может быть, музыкальные инструменты.

---

[1] P. of M., III, 209 сл.

[2] Там же, 30.

[3] Там же, II, 774 сл. В индексе он отнесен как к П. М. I*а*, так и к П. М. I*б*. В действительности является решающим обстоятельство, что перед нами рельеф, хотя он и мог сохраняться в более позднем периоде.

[4] Там же, 719, 704.

В одном месте шествие прервано женской фигурой, к которой обращена группа из четырех лиц. Женщина, повидимому, покрыта прозрачной тканью, ниспадающей к ее ногам. Возможно, что это жрица или даже сама богиня. Носители кубков с южных пропилей были, несомненно, изображены в два ряда и выступали навстречу приближающейся процессии, с большими серебряными ритонами в руках, условно изображенными синими. Эти фигуры дают превосходный материал для реконструкции подлинного парадного костюма того времени, в противоположность архаическому ритуальному костюму царя-жреца. Головы обнажены, и длинные волнистые волосы спадают сзади за ушами, в отличие от царя-жреца, у которого один свисающий на грудь локон падает перед ухом. Показаны серебряные серьги, ожерелья, браслеты и поножи. На левом запястье фигуры, сохранившейся лучше других, надета чечевицеобразная гемма из какого-то камня, оправленного в серебро. Стягивающий талию широкий металлический пояс сделан из серебра, расцвеченного золотом. Короткая юбочка спускается сзади несколько менее чем до середины бедра, а спереди падает до уровня колена, от которого свешивается длинная сетка, повидимому, из бус. Орнамент юбочек очень богат как по узорам, так и по расцветке, и влияние коврового ткачества сказывается здесь в распространенном мотиве четырехлистника, встречающемся также и в инкрустациях. Что касается изображений женских фигур, то можно лишь установить, что в некоторых случаях юбки снабжены оборками, а в других падают прямо и имеют вышитую кайму. На изображении жрицы или богини отчетливо виден архитектурный орнамент, с триглифами и розетками.

Фон представляет условное изображение скал, выродившееся теперь в ряд смежных волнистых линий различных цветов.

В меньшем масштабе и гораздо более грубо выполнена «фреска с табуретами» из северо-западной части дворца [1]. Здесь изображена группа фигур, преимущественно юношей, сидящих попарно на табуретах друг против друга и передающих друг другу кубки с двумя ручками. Среди них находится девушка, получившая название «парижанки», единственная сохранившаяся женская фигура. Костюм юношей чрезвычайно своеобразен. Он состоит из длинных ниспадающих до ног мантий с оборками синего и желтого цвета. На плечи у некоторых накинуто нечто вроде крылатки. За пояс у одной из фигур засунута красная перчатка, другая висит на перекладине табурета. У девушки сзади на шее — высокий бант, напоминающий священный узел. Заслуживает внимания отсутствие признаков широко распространенного в других

[1] P. of M., IV, 384 сл.

случаях металлического пояса. Вся композиция имеет в себе нечто упадочное и производит неприятное впечатление извращенности, с которым может быть сопоставлено только впечатление от искусства Телль-эль-Амарны, хотя там оно смягчено налетом тонкой меланхолии, совершенно отсутствующим на рассматриваемой фреске [1].

В П. М. II периоде в Кноссе в значительном количестве появляются новые мотивы орнамента. Сохранилось очень много фрагментов фресок этого времени. Излюбленным способом украшения является полоса под мрамор в нижней части стены, иногда делившаяся на панели [2]. Игры с быками, повидимому, оставались излюбленным сюжетом, но незначительное количество уцелевших фрагментов не позволяет нам сказать, не появляется ли что-либо новое в трактовке этой темы.

Фреска, пострадавшая меньше других, была найдена в «тронном зале», где в некоторых случаях сохранились еще на своем месте на стенах лежащие грифоны [3] (фото 67). Фон красный, с волнистой белой полосой внизу и другою такой же посередине, для обозначения скалистого ландшафта. Снизу тянутся стилизованные стебли, заканчивающиеся цветами папируса. Сами грифоны замечательны тем, что они лишены крыльев. Их передняя часть затейливо орнаментирована перьями и зелеными, красными и синими розетками по желтоватому фону. Но наиболее интересная особенность — это заметная вдоль нижних линий штриховка для изображения тени — первая попытка подобного рода со времен Альтамиры.

Можно предположить, что к П. М. II периоду относится найденный близ дома с фресками очаровательный фрагмент «командир негров» [4]. На синем фоне изображен нарядный минойский офицер в желтой юбочке и кожаной шапке с рогами, держащий два копья и ведущий за собой ускоренным маршем отряд черных воинов.

Керамика П.М.I. В Центральном и Южном Крите, повидимому, сравнительно быстро произошел переход от С. М. III*б* к П. М. I*а* стилю керамики. В отличие от этого Восточный Крит дал целый ряд предметов, которые могут быть охарактеризованы, как переходные. Повидимому, хорошим критерием служит применение белил. В этом переходном периоде они используются, как самостоятельный элемент орнамента, например на прекрасной чаше с ножкой из Закроса, где основной рисунок состоит из полосы звездчатых анемон, сделанных

---

[1] *Pendlbury*, Tell el Amarna, 124 сл.
[2] P. of M., IV, 893, 908.
[3] Там же, 908.
[4] Там же, II, 755.

белым по темному фону, в то время как остальная часть сосуда расписана темным по светлому [1]. Позднее, в собственно П. М. I*a* периоде, белила служат лишь чисто вспомогательным средством для выделения спиралей или полос. Многие из погребальных сосудов с кладбища Пахиаммоса также принадлежат к этой переходной стадии. На фото 61, 2*a*, показано своего рода «двусекирное растение» с типичными для Восточного Крита соединяющимися по касательной петлями внизу. Среди других образцов есть очень красивый кувшин с группой дельфинов [2]. Эти сосуды, как и другие из Закроса и Палекастро, очевидно, соответствуют по времени самой ранней фазе П. М. I*a* периода в Кноссе и иных местах в центре и на юге острова.

Керамика П. М. I*a* периода легко отличима от более ранних изделий благодаря лучшему обжигу, который дает характерный «звон» при падении черепка. Чистая желтая поверхность получается либо от поливы, либо в результате полировки корпуса сосуда. Белая окраска, как уже было сказано, обычно не закрепленная, постепенно занимает все более подчиненное положение, и обычной расцветкой становится блестящий красно-черный орнамент на желтом фоне. Но в ранней стадии эта расцветка в отдельных случаях дополняется яркими оранжево-красными полосами, характерными для раннего П. М. I*a* стиля.

Из нераскрашенных сосудов наибольшую ценность для датировки представляет небольшая чашка без ручек, отличающаяся от чашек С. М. III периода тем, что имеет не закругленный, а острый край основания. Для чашек с ручками наиболее обычна форма «вафио» с лепным валиком вокруг середины и преимущественно спиралевым орнаментом. Другие чашки, более округлой формы, обычно украшены изображением побегов с листьями (ср. рис. 33, *4* и *7*). Эти побеги часто имеют матовокрасную расцветку, так же как и побеги, украшающие типичные цветочные горшки. Последним присущи различные формы; иные из них напоминают высокие конические кубки, другие похожи на грушевидные амфоры с широким отверстием и без ручек, некоторые имеют сильно расширяющиеся края и сравнительно узкое тулово и основание. Один сосуд из Палекастро похож на кубок с одной ручкой и на толстой ножке; однако, как и другие цветочные горшки, он имеет отверстие в дне [3]. Встречаются «вазы для фруктов» на высокой ножке и с выпуклостью в центре. Отдельные образцы алавастров подражают египетским ала-

[1] J. H. S., XXII, табл. XII.
[2] Pachyammos, табл. VI, IX, X, XVIII.
[3] P. of M., III, 227; IV, 364.

вастрам мешкообразной формы и украшены волнистыми линиями, воспроизводящими жилки настоящего камня [1] (фото 73, *1*). Появляются амфоры и чаши на ножках, похожие на уже упомянутый образец из Закроса. Цилиндрические кувшины украшаются либо цветочными побегами, либо спиралями. Впервые появляется сосуд с ложным носиком [2]. Встречаются кувшины с высокими носиками и обычно довольно

Рис. 33. *1—12* — образцы орнамента П. М. I*а* керамики.

грубым спиралевым орнаментом, а также с горизонтальным носиком и оригинальным узором, один из образцов которого показан на рис. 33, *11*. Большее распространение получают ритоны всех разновидностей, в особенности яйцевидные. Ритоны в форме кубаря обычно украшаются соединенными спиралями, к которым часто добавляются белые точки. Большое разнообразие форм наблюдается на востоке острова.

[1] См. также, например, Gournia, табл. VII, 15.
[2] Gournia, табл. VII, 24.

Один сосуд из Палекастро, грушевидной формы, имеет одну ручку сзади, а вторую, в виде рогов каменного козла, голова которого выступает вперед, наверху, как у корзинки [1]. Другой сосуд из Псиры имеет форму быка, покрытого сеткой [2]. Сосуды в виде кубаря бывают часто украшены красными кружками и точками, имитирующими минеральный конгломерат. Длинный конический глиняный ритон, повидимому, появляется впервые на востоке. На нем обычны полосы соединенных спиралей или розеток, как на рис. 33, *2* [3]. Отличительным признаком спирали П. М. I периода является толстое внешнее кольцо и сплошной кружок в центре. Другой впервые появляющийся мотив орнамента — это лист плюща (рис. 33, *6*), который в это время часто, хотя и не всегда, образует одиночные побеги, и лилия (рис. 33, *10*), получающая в дальнейшем, в П. М. II периоде, такое широкое распространение. Сохраняется еще прежний рисунок, передающий узоры щита черепахи. Обыкновенно он играет лишь вспомогательную роль, но есть сосуды, где он составляет главный элемент [4]. Контуры становятся гораздо тоньше и точнее, чем раньше, и черепки с этим орнаментом легко отличимы. В виде исключения в Кноссе, на кладбище в Исопате и во дворце в Агиа-Триаде наблюдается возрождение полихромии, на ряде больших прямостенных кубков с двумя двойными ручками, напоминающими кольца ножниц. Сосуды покрыты обмазкой и расписаны наподобие фресок. Основной тип орнамента — это узор из синих спиралей на красном и терракотовом фоне. В двух случаях на сосудах из Исопаты к этому добавлены шлемы с гребнями и наушниками и щиты в форме восьмерки (фото 73, *2*). Встречаются также небольшие переносные жаровни с этим орнаментом [5].

Многие из более крупных сосудов богато орнаментированы. Великолепный кувшин из Псиры украшен бычьими головами и двойными секирами в промежутках между головами (фото 74, *1*). Фон образован побегами оливковых листьев, внизу — полосы узоров, один из которых показан на рис. 33, *5* [6]. Другие сосуды сходной формы покрыты соединенными спиралями или же имеют полосы из спиралей или листьев (фото 74, *2*).

Во дворцах Кносса и Феста и в частных домах найдены бесчисленные образцы пифосов. Здесь перед нами встает проблема «пифосов с медальонами». Значительное число их

---

[1] P. of M., II, 537.

[2] Pseira, 22.

[3] Например, Gournia, табл. VII, 26, 31, 40. Несомненно, здесь воспроизводятся каменные и металлические образцы, производившиеся в более богатых центрах.

[4] Например, B. S. A., доп. рис. 13, 14.

[5] P. of M., III, 311 сл., там же ссылки.

[6] Pseira, табл. VII.

было найдено в восточном крыле Кносского дворца на гипсовом полу, под которым оказались два более ранних пола из штукатурки, а еще ниже — «мозаичный» пол, типичный для С. М. II*б* периода. Керамика, обнаруженная в трех слоях между гипсовым и мозаичным полом, сплошь относится к С. М. III периоду, за исключением немногих С. М. II черепков на самом нижнем уровне. Первоначальный вход в коридор с нишами, откуда вел вход к данному складу, был закрыт в конце С. М. III*б* периода. Во всяком случае сосуды, типичные для этого периода, найдены в первоначальном положении на изолированном участке [1]. Другие находившиеся в употреблинии «пифосы с медальонами» были найдены вместе с П. М. образцами в шестом и десятом складах и в северо-восточном доме [2]. Таким образом, можно было бы допустить, что пифосы принадлежат С. М. III*б* периоду, хотя это предполагало бы слишком большое количество структурных изменений на протяжении одного периода в этаже, где размещались склады. Кроме того, отсюда следовало бы, что только немногие экземпляры пережили разрушительное землетрясение в конце этого периода и продолжали использоваться в других местах. С другой стороны, их форма сильно отличается от удлиненных форм С. М. III*б* периода и в точности соответствует формам только что упоминавшихся расписных сосудов. Кроме того, большая глыба гипса, лежащая на фундаменте с противоположной стороны, обтесанная как бы для устройства входа и имеющая углубления по сторонам точно для укрепления косяков, указывает, может быть, на дверь, ведущую в коридор шахматной доски. Таким образом, возможно, что перестали пользоваться только «коридором с нишами», в то время как склад «пифосов с медальонами» оставался открытым и мог обслуживать находившийся над ним большой восточный зал. Во всяком случае, пифосы приближаются по стилю к типу П. М. I [3] и, повидимому, находились в употреблении до конца П. М. II периода. Они имеют от пяти футов до пяти футов девяти дюймов в высоту и снабжены тремя рядами ручек. В каждом промежутке между этими рядами находится по три полосы, орнаментированных небольшими вырезными кружками, а между ручками — по круглому медальону с загнутыми краями и по розетке, нарисованной непрочной белой краской на находящейся посередине выпуклости. Относительно других пифосов трудно сказать, какие относятся к

---

[1] P. of M., I, 320 сл.

[2] Там же, II, 415 сл. и 421; бо́льшая часть посуды относится к П. М. I*а* периоду, некоторые предметы — переходного типа С. М. III*б* — П. М. I*а*.

[3] P. of M., I, 562. Фрагменты кувшинов, относящиеся к периоду до или после землетрясения, имеют оттиснутый на небольших кружках рисунок ломаной геммы С. М. III периода.

П. М. I*а* периоду и какие к более позднему, поскольку в складах Кносса уровень пола более не изменялся. Вероятно, мы вправе отнести к этому периоду те образцы, на которых имеется штампованный растительный орнамент. Веревочный орнамент уже выродился в волнистые полосы, сделанные слегка изгибающейся насечкой, или в обыкновенные полосы, охватывающие сосуд. Иногда вокруг края, на ручках или на окружающей тулово сосуда полосе оттиснуты небольшие концентрические кружки.

Более поздняя фаза П. М. I керамики, П. М. I*б*, хотя и редко может быть выделена стратиграфически [1], легко определяется как по стилю, так и благодаря тому обстоятельству, что ее образцы встречаются в Египте в отложениях более позднего времени, чем образцы позднеэлладского I периода, соответствующего по времени П. М. I*а*. Вообще говоря, в орнаменте сосудов П. М. I*б* периода, особенно на востоке Крита, используются морские сюжеты в отличие от растительных П. М. I*а* периода. Формы изменяются мало, за исключением того, что появляется наиболее красивая изо всех — тип так называемого ойнохоя (фото 74, *2, 3*). У кубков с ножками последние становятся, может быть, чуть тоньше, а ритоны приобретают более изящную форму, но особого описания, помимо очень незначительных деталей, требуют только мотивы орнамента.

Морские сюжеты, составляющие отличительную черту П. М. I*б* периода, охватывают самые разнообразные сцены жизни моря. На одном круглом сосуде из Гурнии с ручками в виде стремени изображен поистине устрашающий осьминог с горящими глазами (фото 75). Щупальца с их присосками извиваются по всей поверхности вазы, а одно из них заходит на ее горлышко. Остальное пространство заполнено водорослями и кораллами. Менее удачная трактовка того же животного встречается на одной фляжке из Палекастро и на одном сосуде из Кносса, стоящем уже на грани П. М. II периода [2]. Моллюски-кораблики с извивающимися щупальцами (ср. рис. 34, *4*) встречаются на марсельском ойнохое, сосуде лучшей кносской работы, найденном, вероятно, в Египте [3], и на многих других образцах (фото 86, *1*). Раковина (рис. 34, *6*) и лучистая звезда с кружками между остриями лучей (рис. 34, *5*, фото 76, *1*) [4] представляют постоянный мотив орнамента в Палекастро. На ритоне с ободком из Псиры представлены дельфины, попавшие, повидимому, в петли сети [5].

---

[1] P. of M. IV, 291.
[2] Gournia, табл. H., B. S. A., доп. 47; P. of M., IV, 280.
[3] Там же, II, 508.
[4] B. S. A., доп. 50. Образец из Закроса (J. H. S., 1902, табл. XII), вероятно, ввезен из Палекастро.
[5] Pseira, 29.

Фоном служат обычно водоросли и кораллы, причем первые иногда изображаются растущими из скал, которые показаны как полые трилистники и четырехлистники — прием орнамента, который постоянно использовался для заполнения промежутков. Этот тип орнамента породил в П. М. I*б* периоде обыкновение раскрашивать фон до нанесения рисунка. Такой прием встречается редко и всегда занимает подчиненное положение [1] (ср. рис. 34, *14*, орнамент горлышка ритона с ободком).

Попрежнему распространены растительные мотивы, хотя они приобретают несколько более стилизованную форму, чем в П. М. I*а* периоде. Листья плюща получают двойной или даже тройной стебель и иногда имеют условную форму, как, например, на полосе узоров, окружающей один ритон из Палекастро (рис. 34, *8*). Ритон из Псиры с пальмой, изображенной на рис. 34, *3*, принадлежит, вероятно, к наиболее поздним образцам этого периода и соответствует по времени П. М. II периоду в Кноссе [2]. Столь же поздним должен быть и ойнохой из Палекастро с изображением папируса, показанным на рис. 34, *1*, так как на нем также имеется розетка с отчетливыми признаками П. М. II периода [3]. Мотив лилии схематизируется и скоро обратится в условный узор. Во многих местах встречаются висячие крокусы (рис. 34, *9*), которые можно рассматривать как типичный для этого периода мотив [4].

Из чисто орнаментационных узоров самым обычным является «змеиный узор», или «перо с зазубринами» (рис. 34, *10*). Он обыкновенно встречается по краю и ниже края большинства сосудов, но иногда используется для украшения всего сосуда, как, например, на одном бокале из Кносса [5]. «Висячие капли» (рис. 34, *13*) обыкновенно располагаются вокруг плечиков кувшина, но иногда составляют часть орнамента основной части тулова (фото 76, *2*). Волнообразный фриз, показанный на рис. 34, *11*, встречается в различных формах, и капли внутри петель часто заменяются точками. На рис. 37, *15*, также представлен мотив орнамента горлышка. Узор, изображенный на рис. 34, *12*, попадается и как фриз, и как основной орнамент для всего сосуда [6]. На многих фрагментах из Кносса встречаются простые двойные секиры, но более сложная форма, показанная на рис. 34, *2*, повидимому, свойственна только восточной части Крита. Она имеется на четырех фризах, окружающих тулово интересного сосуда в форме корзины

---

[1] Pseira, 25.
[2] Там же, 25.
[3] B. S. A., доп., табл. XVIII.
[4] Например, в Палекастро, B. S. A., доп. 53, в Кноссе и Тилиссосе; P. of M., IV, 286—287.
[5] Там же, IV, рис. 145 *а*.
[6] Например, B. S. A., доп. 51.

из Псиры, и, в перевернутом положении,— на ритоне из Палекастро [1].

«Стрельчатый балдахин» (рис. 34, *7*) встретился на кувшине с носиком из Палекастро, может быть, ввозном, и на одном

Рис. 34. *1—15* — образцы орнамента П. М. I*б* керамики.

черепке из Кносса; но так как это единственные случаи употребления данного узора на Крите, тогда как на греческом материке он попадается постоянно, то правильнее, повидимому, принять его за материковый мотив [2].

---

[1] B. S. A., табл. XX; Pseira, 31.

[2] P. of M., II, 489 сл., рис. 291, *d;* ср. Archaeologia, LXXXII, 153, где высказывается догадка относительно происхождения этого узора.

Как уже было сказано, датировка отдельных пифосов П. М. I периода представляет большие трудности. Можно с уверенностью сказать, что формы пифосов в П. М. I*б* и П. М. I*а* совпадают. Несколько образцов из Агиа-Триады и Феста, с достаточной вероятностью относимые к П. М. I*б* периоду, отличаются тем, что веревочный орнамент у них нанесен в виде горизонтальных плотных полос насечкой, а не штамповкой [1].

Читатель уже заметил, что до сих пор мы вовсе не упоминали о юге. Это объясняется тем, что керамика Южного Крита в П. М. I*б* периоде, в сущности, тождественна с менее удачными экземплярами из Кносса и Центрального Крита. Могло бы даже показаться, что Кносс был так могуществен, что Фест и Агиа-Триада оказались в полной зависимости от него и рабски подражали его мастерам, так что только на востоке Крита моряки Палекастро, Закроса и Псиры стойко сохраняли свою самостоятельность в области искусства.

Керамика П. М. III. Керамика П. М. II периода всецело принадлежит Кноссу. Ввезенные экземпляры встречались в Псире, Палекастро и Гурнии [2]. Однако это был определенно дворцовый стиль, и как таковой он, несомненно, совпадает с П. М. I*б* стилем даже в самом Кноссе. В основном это формалистически стилизованный тип орнамента — отход от натуралистических тенденций П. М. I периода. Многие из сосудов имеют почти архитектурный характер.

Часто приходится встречать обозначение П. М. II*а* даже после того, как стало общепринятым считать периодом основного развития «морского стиля» П. М. I*б*. Однако, по крайней мере по нашему мнению, проследить развитие орнамента на этом этапе нет возможности. Отличия, разумеется, есть, но никогда нельзя сказать с уверенностью, что такой-то сосуд П. М. II периода относится к более позднему или более раннему времени, чем другой, за исключением, пожалуй, лишь немногих сосудов, которые, будучи найдены в чистом П. М. II окружении, имеют уже элементы П. М. III стиля [3].

Излюбленной формой является амфора, обыкновенно с тремя вертикальными рифлеными ручками и заметным сужением к основанию, которое снабжено валиком (фото 77, *3*). Обработка этих сосудов отличается особой тщательностью. Горлышко окрашивается в темный цвет, причем иногда на нем оставляют одну или две волнистые линии. Очень распространенным мотивом орнамента для плечиков служит одиночный или двойной ряд висячих капель (рис. 34, 13). Ино-

[1] P. of M., IV, 639.

[2] Pseira, рис. II; B. S. A., VIII, 313 и др., черепки в музее Кандии.

[3] Таковы, например, несколько сосудов из последнего погребения в храмовой гробнице.

гда они вырождаются в узор, показанный на рис. 38, 12, или окаймляются волнистыми линиями, как на рис. 38, 11. «Змеиный узор», иначе узор в виде «пера с зазубринами», получает дальнейшее развитие и становится более сложным (рис. 35, 10). Основным узором на этих амфорах часто служат пучки разукрашенных стилизованных лилий (см. рис. 35,

Р и с. 35. *1—12* — образцы орнамента П. М. II керамики из Кносса и Исопаты.

1, 2, 3). Другие формы орнамента на тулове сосуда восходят к П. М. I*б* периоду. Среди них наиболее распространено изображение осьминога. Оно также подверглось значительной стилизации, и в отличие от натурализма предшествующего периода, когда щупальца изображались перекрещивающимися и переплетенными, теперь они изображаются каждое в отдельности. Встречаются также дельфины, но в очень схематической трактовке; в одном случае, например, они

заменяют на плечиках узор в виде висящих капель [1]. Обычны архитектурные мотивы. Рис. 35, 7 воспроизводит триглиф и розетку, а 38, 9 явно имитирует спиральные фризы дворцовых стен.

Сосуд со стремянообразными ручками получает более оформленное основание, чем в П. М. I периоде (фото 77, *3*). Орнамент, за исключением розеток и висячих капель на горлышке и плечиках, распределен равномерно по всему тулову сосуда и обыкновенно состоит из тесно расположенных волнистых линий или из узора в виде чешуи или сетки, как на рис. 35, 6. Продолжает, однако, встречаться изображение осьминога, но в сильно стилизованной форме, хотя оно еще сохраняет ряды присосок на щупальце.

Любопытный возврат ко вкусам первого дворцового стиля С. М. II периода обнаруживается в том внимании, какое уделяют розеткам. Они встречаются не только как самостоятельные мотивы в росписи кувшинов, фляжек, бокалов и даже пифосов, но вводятся по мере возможности и в каждый узор в качестве дополнительного украшения.

Кувшины становятся более низкими и округлыми, чем в П. М. I периоде; часто они снабжаются двумя или тремя ручками. Орнамент их обыкновенно состоит из одного или нескольких целиком повторяющихся мотивов, как, например, розетки или лилии.

Кубки, как и кувшины с двумя ручками, имеют хорошо развитую ножку, а орнамент их обнаруживает склонность сосредотачиваться в одном самодовлеющем узоре (фото 77, *1*).

Остальные виды керамики, современные этим типичным формам и узорам, не отличимы от изделий П. М. I периода, за исключением, может быть, несколько холодной, жесткой трактовки узоров, которые начинают выполняться менее тщательно, точно все художественные силы Кносса были направлены исключительно на украшение великолепных, но, приходится признать, иногда несколько вульгарных амфор.

У пифосов, однако, появляется ряд новых особенностей, которые оказываются полезными для целей датировки. Веревочный орнамент совершенно исчезает. Все тулово окружается выступающими полосами с волнистыми полосками в промежутках между ними. Встречаются почти все разновидности насечки, но наиболее распространен мотив «рыбьей кости». Употребляются оттиснутые кружки. Попадается даже «змеиный узор» [2]. Два сосуда заслуживают более детального описания, так как цветистый дворцовый стиль доведен на них уже до предела. Первый из них найден в «царской вилле» (фото 77, *2*). Орнамент состоит из выполненных рельефом

[1] P. of M., IV, 304.
[2] Там же, IV, 643, сл.
[3] Там же, II, 400; IV, 329.

пучков папируса с росписью между ними в виде волнистых линий, представляющих собой, может быть, условное изображение воды, наподобие египетских образцов. Наверху между цветами размещаются выступающие медальоны, с оттиснутыми звездами на одной стороне и с белой розеткой в центре на другой, очень напоминающие описанные выше медальоны на пифосах. Другой сосуд обнаружен в северо-западном квартале дворца [1]. Он расписан бахромчатыми стеблями — такими же, как на фреске с грифонами, из которых поднимаются усложненные двойные секиры с удвоенными лезвиями [2]. Фон украшен розетками.

Ванны и глиняные саркофаги имеют овальную форму с плоским выступающим краем. Лучший образец ванны найден в «мегароне царицы» [3]. Внутренняя поверхность этой ванны разрисована побегами трав, напоминающими описанную выше С. М. III ванну. Снаружи посредине проходил в виде горизонтально расположенной полосы узор, изображающий стилизованный папирус. Лучше всего сохранившийся экземпляр саркофага найден в Зафер Папуре [4]. Он имеет на каждой стороне и на каждом конце горизонтальные ручки; края его орнаментированы «змеиным узором». Кроме того, каждая сторона украшена двумя очень условно трактованными побегами папируса, соединяющимися внизу и расходящимися вверх к углам.

Поблизости от северо-западной сокровищницы, в пифосе, относящемся к более раннему времени и окруженном настилом вымостки, который, несомненно, использовался в П. М. II периоде, найдена совершенно своеобразная группа сосудов, которые по своему характеру едва ли могут быть названы типичными для данного периода. Это полный набор сосудов, употребляющихся в культе домашней змеи. Трубчатые сосуды с чашками, выступающими по сторонам, повидимому, предназначались для того, чтобы служить жилищем змей. Они напоминают более ранние водопроводные трубы; было высказано очень убедительное предположение, что они ведут свое происхождение именно от этих труб. Было обнаружено также множество чаш и маленьких кувшинов без ручек, а также жаровня с тремя двойными ножками. Но самые интересные предметы — низкий трехножный стол с кольцом для сосуда посередине и с четырьмя идущими к нему от края желобками, который был остроумно определен Эвансом, как стол для четырех змей, сосуд в форме сотовой ячейки со сквозным отверстием с обвившейся вокруг него змеей и два

---

[1] P. of M., IV, 342.
[2] Ср. более простой образец на рис. 37, 2
[3] P. of M., III, 385.
[4] Там же, IV, 329.

так же пробуравленных миниатюрных кувшина со всползающими на них змеями [1].

Изделия из металла П. М. I и П. М. II. Свойственный С. М. III периоду тип меча с округленной закраиной и коротким выступом, повидимому, перешел и в П. М. I*а* период. Однако, как показывает одна печать в форме бусины, начинает входить в употребление рогатый меч, получающий позднее всеобщее распространение. В П. М. I периоде этот тип уже прочно укрепился [2]. Для него характерны выступающие кверху флянцы тыловой закраины. В П. М. II периоде образованные таким образом рога вытягиваются ближе к горизонтальному направлению, в результате чего получается крестообразная форма. Во всех случаях хорошо обозначено среднее ребро; иногда оно покрыто спиралеобразной гравировкой. Встречаются головки рукоятки из слоновой кости и оникса. Самая рукоятка изготовлялась либо из золота и богато украшалась гравировкой, либо же делалась из материала, в дальнейшем подвергшегося разрушению, например из дерева или слоновой кости. Кинжалы подражают тому же образцу, хотя один экземпляр П. М. I*а* периода из Гурнии представляет почти крестообразный тип, а одно лезвие из Зафер Папуры, относящееся, вероятно, к П. М. II периоду, имеет листообразную форму [3]. На востоке Крита плоский нож с округленным концом сохраняется от С. М. III*б* до П. М. II периода [4]. Наконечники копий имеют кольцеобразную втулку и отчетливо намеченное среднее ребро [5] (фото 78, *1*).

В отложении «южного дома» и другого дома, находящегося поблизости, было найдено много домашней утвари и орудий. Среди них имелись топоры и скобели обычной формы и пилы с мелкими зубцами. Одна из последних достигает в длину более 160 *см*. Весьма распространены котелки на трех тонких ножках и с двумя горизонтальными ручками. В Тилиссосе найдена целая коллекция огромных котлов без ножек. Обнаружено также много тазов с небольшой вертикальной кольцеобразной ручкой. Лучшие образцы найдены в «северо-западной сокровищнице»; по краям и на ручках тазов тщательно вычеканены узоры из пучков лилий, листьев плюща и висячих капель. Обычны также кувшины, которые часто служат прототипами для глиняных сосудов. Их отличительную черту составляет горизонтальная ручка, расположенная очень низко сзади. Встречаются лампы и ковши, чашки и кубки [6].

[1] P. of M., IV, 138 сл.
[2] Там же, 849.
[3] Там же, IV, 845 сл.
[4] B. S. A., доп. 116; Mochlos, 107.
[5] P. of M., IV, 356.
[6] Там же, IV, 346.

Интересно, что на протяжении П. М. I и П. М. II периода развития форм почти незаметно (фото 78, *2*).

В пещере Аркалохори найдено множество посвятительных бронзовых секир с выгравированными на них разнообразными узорами, в том числе одна с надписью, несколько золотых и серебряных. Орнамент обычно состоит из более или менее сложных полос, проходящих поперек лезвия между украшенными такой же гравировкой краями. Одна золотая секира покрыта узором из висячих капель, а две бронзовые имеют узоры из завитков [1] (фото 79, *1*).

В Агиа-Триаде, Тилиссосе, Мохлосе и Кноссе найдены медные слитки. Края их искривлены; одна сторона плоская, а на другой ребра вогнуты наподобие бычьей шкуры [2]. Они служили, очевидно, денежными знаками, ибо были равны по весу, который составлял, в среднем, несколько более 29 *кг;* возможно, что они являлись эквивалентом гомеровского таланта — цены одного быка. Ровно 29 *кг* весит и гиря из пурпурного гипса с вырезанными на ней с каждой стороны рельефами осьминогов в П. М. II стиле. Другие гири того же времени имеют форму каменных дисков с выгравированными на них цифрами [3].

Каменные сосуды П. М. I и П. М. II. Постоянно попадаются каменные сосуды П. М. I — П. М. II периодов, чего не приходилось наблюдать со времени Р. М. периода. Наиболее значителен из них конический ритон, который, несомненно, предшествует аналогичным глиняным сосудам. Эта форма естественна для камня или металла, но чрезвычайно трудно воспроизводима в глине.

Самыми ранними, вероятно, можно считать сосуды из жировика, найденные в Агиа-Триаде [4]. Во всяком случае, «сосуд с кулачными бойцами» обнаруживает явное сходство с «миниатюрными фресками» и по времени не может быть значительно более поздним (фото 80, *1*). Это конический ритон с поверхностью, разделенной на четыре пояса, три из которых содержат рельефные изображения кулачных бойцов, а четвертый — оживленную сцену тавромахии. Бойцы изображены великолепно; их мускулатура подчеркнута как раз настолько, чтобы создать впечатление грубой силы, с которой они наносят с размаху друг другу удары. Интересную особенность их облачения составляют поножи наподобие краг, ремень на руке и запястье — повидимому, так называемый «кест», следы которого хорошо заметны на рисунке, и массивные шлемы с защитными выступами для щек, которые носят

[1] *Seltman,* Athens: Its History and its Coinage, 4.
[2] Там же, II, 629 сл.
[3] Там же, 650 сл.; образцы см. Corolla Numismatica, 1906, 342 сл.
[4] Mon. Ant., XIII, 80; Mem. Ist. Lomb., XX, табл. II.

все, за исключением одного, бойцы, изображенные во втором ярусе. Фрагмент подобного сосуда из северо-восточной части Кносского дворца показан на фото 81, *2* [1]. Так называемая «ваза со жнецами» представляет собой ритон в форме кубаря (фото 81, *1*); на ней изображена группа крестьян в головных уборах, напоминающих наши современные. Они держат за плечами свои веялки и во все горло распевают песню. Одну группу возглавляет человек плотного сложения в головном уборе, напоминающем ермолку, с систром в руках, замечательно похожий на египетского жреца, другую — старик с весьма циничной внешностью, с палкой через плечо и в стеганой одежде. Впечатление пьяной распущенности усиливает фигура пьяницы, растянувшегося у ног идущего впереди человека, который обернулся и насмехается над ним. Ни один сосуд не может сравниваться по выразительности с этим ритоном, великолепным и по техническому совершенству, с которым в рельефе изображено в ряд по четыре человека.

В Кноссе найдена часть другого ритона такой же формы, с изображением осьминога, зорко выглядывающего одним глазом между скал [2] (фото 81, 2).

Из Агиа-Триады происходит кубок без ручек с изображением молодого вождя, отдающего приказания подчиненному офицеру, и отряда воинов (фото 80, *2*). Превосходно передан контраст между гордой осанкой вождя и покорной позой офицера [3]. Оттуда же происходит один фрагмент крупного липаритового сосуда [4]. К тому же переходному периоду С. М. III*б* — П. М. I*а* должны быть отнесены найденные в Кноссе два других фрагмента, показанные на фото 81, *2*. На одном представлена процессия молодых людей, несущих в вытянутых руках чаши. За ними, повидимому, поднимаются ступени лестницы. Другой фрагмент, на котором виден стрелок с луком, высаживающийся с корабля, напоминает серебряный «ритон с изображением осады» из Микен [5].

Для большей части этих сосудов существуют параллели из металла. На поверхности одного сосуда из Палекастро обнаружен накладной золотой листок; это дает основание для предположения, что они служили для замены сосудов из более ценных материалов [6].

Ритон в виде бычьей головы из Малого дворца относится, вероятно, к П. М. I периоду [7]. Он сделан из жировика и

---

[1] P. of M., I, 689.
[2] Там же, II, 227, 502.
[3] Rend. Linc., XII, 324.
[4] Orig. Civ. Med., 287.
[5] P. of M., II, 752; III, 100.
[6] Там же, I, 676; B. S. A., доп. 137.
[7] P. of M., II, 527.

первоначально имел деревянные позолоченные рога. Ноздри окружены инкрустацией из белых раковин. Глаза сделаны из горного хрусталя, нижняя часть поверхности которого окрашена для передачи зрачка и радужной оболочки. Глаза оправлены в ободок из красной яшмы, и это создает поразительный эффект свирепого взгляда налитых кровью глаз. В «центральной сокровищнице» найден алебастровый ритон в виде львиной головы, относящийся, возможно, к П. М. I*б* периоду [1].

Из других сосудов (фото 82, *1*) в П. М. I*а* отложении найдены кубки типа «вафио», сделанные из камня с жилками. Из «центральной сокровищницы» происходит ряд ритонов, одни с ободками вокруг горлышка и с каннелюрами, другие удлиненной грушеобразной формы; там же найдена раковина тритона из твердого белого известняка. Последние из упомянутых сосудов могут быть отнесены к П. М. I*б* периоду. Очевидно, в это же время находился в употреблении шаровидный сосуд из разноцветного камня с двумя высоко загнутыми ручками, который несет один человек на «фреске процессии». «Чаши в форме цветка» становятся выше в плечиках, чем в предшествующем периоде. То же относится и к сохраняющимся на востоке острова сосудам типа «птичьего гнезда». Значительное число сосудов различных форм найдено в одном доме в Палекастро вместе с керамикой, соответствующей по времени кносскому П. М. II периоду [2]. Это собрание служит наглядным примером того, как опасно использовать для датировки каменные сосуды, потому что многие из них явно представляют собой унаследованное имущество или являются случайными находками, происходящими из более ранних погребений. Однако среди типов, которые почти несомненно относятся к П. М. I периоду, можно указать чаши с краем, обработанным в виде бус, и с двумя загнутыми вверх горизонтальными ручками такой же отделки, а также грушевидный ритон, великолепный образец которого, сделанный из брекчии, был найден в Псире [3].

Наиболее поздние изо всех сосудов происходят из Кносса. Одна большая алебастровая амфора, украшенная соединенными спиралями по краю и рельефными завитками на плечиках, осталась лежать незаконченной там, где бросил ее мастер, спасаясь бегством во время катастрофы, которой закончился настоящий период [4]. Низкие алавастры действительно были в это время в употреблении в «тронном зале» [5]. Крышки с вырезанной на них розеткой и щитком в виде восьмерки

[1] P. of M., II, 822 сл.
[2] B. S. A., доп. 133 сл.
[3] Pseira, 37.
[4] P. of M., IV, 896.
[5] Там же, 938.

в центре, служащим ручкой, принадлежат, очевидно, тому же времени, что алебастровый сосуд и крышка из последнего погребения в храмовой гробнице [1].

Встречаются лампы с ножками и без ножек. Излюбленным орнаментом по краю ламп служит «висячая капля», так широко распространенная на изделиях из керамики. Ножки или простые, с валиком посредине, или состоящие из четырех стеблей, раскрывающихся наверху в виде цветка [2]. Выдающийся по красоте экземпляр из Псиры похож на почти плоско раскрытую «чашу в форме цветка» [3] (фото 83, *1* и *2*).

Фаянс П. М. I и П. М. II. Фаянс представляет собой, конечно, очень недолговечный материал, но все же приходится удивляться, как мало его найдено для П. М. I и П. М. II периодов. Есть несколько инкрустаций из «тронного зала» в Кноссе и из Феста, интересных тем, что на их оборотной стороне начертаны знаки [4]. Кносские образцы представляют собой кружки пурпурной окраски с бледнозеленым крестом посредине, а фестские образуют чешуйчатый узор и имеют синюю расцветку с бледнозеленым бордюром. Но единственным фаянсовым сосудом, не считая одной шейки с ободком от ритона, является синевато-зеленый с сиреневым «чайник» с носиком, тремя ручками и ножкой [5].

Статуэтки П. М. I и П. М. II. Золотым веком минойской скульптуры был, несомненно, переходный период С. М. IIIб — П. М. Iа. К этому периоду с полной вероятностью могут быть отнесены мастерские произведения из Кносса, Тилиссоса и других мест. К сожалению, стратиграфические данные в этом отношении скудны. В большинстве случаев единственное, что можно сказать,— это то, что статуэтки относятся ко времени после землетрясения. Принимая во внимание их долговечность, следует относить их к тому же времени, что и сосуды из Агиа-Триады. Отметим, что мы не включаем сюда таких статуэток, как «богиню Фицвильяма» из Торонто или даже «бостонскую богиню». Это делается не по причине сомнения в их подлинности: я считаю подлинными обе статуэтки, уступающие только описываемому ниже прыгуну из слоновой кости. Однако, так как подлинность их была подвергнута сомнению со стороны других исследователей, то лучше оставить их в стороне и сосредоточить внимание на тех, которые действительно были найдены при раскопках

---

[1] P. of M., 1006.
[2] Там же, II, 404, 523.
[3] Pseira, 38.
[4] P. of M., IV, 941; Mon. Ant., XII, 92. Эта черта присуща и сосудам из Телль-эль-Амарны.
[5] P. of M., II, 824.

или, по крайней мере, при обстоятельствах, гарантирующих их подлинность. Они распадаются на три группы: женские фигурки, изображающие, возможно, богинь, мужские фигурки жрецов и фигурки атлетов. Материалами служат глина, бронза, камень и слоновая кость. Глина и бронза, в сущности, должны рассматриваться вместе, так как бронзовые статуэтки, очевидно, первоначально формовались из глины или воска; гравировке после отливки они не подвергались. Каменные и костяные статуэтки делались по частям — явный пережиток техники в глине.

Весьма примитивные образцы глиняных статуэток первой из этих разновидностей найдены в святилищах в Приниасе и Гурнии и в одном доме в Агиа-Триаде. Их отличительными признаками являются поднятые руки, лица с едва намеченными чертами, грубо обозначенная грудь и цилиндрическая юбка [1]. На одной статуэтке из Гурнии изображена змея, обвившаяся вокруг ее шеи. Показательно, что в том же святилище были найдены трубки описанного выше типа, но с изображением обвившихся вокруг них змей.

Фигуры почитателей обыкновенно бронзовые. Правая рука у них поднята ко лбу. Одеждой мужчин служит обыкновенный гульфик и короткий кусок ткани сзади, но на одной статуэтке из Диктейской пещеры в Психро и на другой, находящейся в Британском музее, показан длинный передник. В последнем случае, как и на одной статуэтке из Тилиссоса, изображен пожилой человек, отказавшийся из-за полноты от стянутого пояса. У одной интересной статуэтки, происходящей, как предполагают, из окрестностей Феста и ныне хранящейся в Лейдене, руки сложены спереди на груди, а на голове надета широкополая шляпа с низкой тульей — «петасос» [2]. У другой статуэтки, из портового города Кносса, руки с переплетенными пальцами вытянуты вперед на уровне груди, а на голове надета высокая коническая шляпа [3]. Величина статуэток колеблется от 25 до 10 *см* (фото 85).

Достаточно двух примеров, чтобы показать необыкновенное искусство и темперамент, которые проявляли мастера в изображении атлетов. Первый из них — это группа из коллекции Черчилля, представляющая прыгуна, совершающего сальто через быка [4]. Для того чтобы дать человеческой фигуре какую-то опору и в то же время создать впечатление полета, необходимо было выдающееся мастерство. Этот

---

[1] P. of M., IV, 160; Gournia, 47. Однако Маринатос (см. ниже) относит их к П. М. III.

[2] Jahrbuch, XXX, 65 сл.; P. of M., III, 461.

[3] Там же, II, 235.

[4] J. H. S., 1921, 247. С. Х. Гоуэс сообщил мне, что ему показывали эту фигуру в 1905 г. в Курнасе близ Ретимна. По словам владельца, она была найдена в одном из ущелий, ведущих вниз к Превели.

эффект достигнут тем, что волосы вольтижера изображены свободно ниспадающими между рогами быка, а тело изогнуто так, что ноги прикасаются к спине быка. По какой-то причине руки обрезаны сразу над локтем, и оставшиеся обрубки находятся в положении, которое в действительности является при изображенном прыжке невозможным. В сущности, они должны были бы быть направлены почти вертикально вверх. Очевидно, атлет не ухватился за рога, так как иначе его голова не могла бы быть так сильно отклонена назад, для свободного же прыжка его руки должны быть откинуты одновременно с головой. Повидимому, возникла какая-то техническая трудность, побудившая художника попытаться замаскировать руки, в чем он и добился полного успеха.

Второй пример — это полностью сохранившаяся статуэтка из «отложения изделий из слоновой кости» в Кноссе[1] (фото 84). Эта статуэтка, сделанная из слоновой кости и имеющая в высоту 30 *см*, представляет собой вместе с несколькими фрагментами из того же отложения высшее достижение в области миниатюрной скульптуры древнего мира, включая даже Египет. Тщательно показанные игра мышц и даже вены не кажутся утомительными деталями, но лишь усиливают впечатление силы и энергии. В отличие от «сосуда с кулачными бойцами» из Агиа-Триады, здесь больше подчеркнута стройность членов, чем развитие мускулатуры. Полагают, что Лисипп первый заметил, что при хорошем физическом развитии человека голова у него кажется меньше по отношению к телу. Однако совершенно очевидно, что таково же было впечатление и минойского художника, потому что длина головы рассматриваемой статуэтки укладывается не менее девяти раз по длине тела. Фигура представляет идеал атлетического развития: длинные и упругие мускулы, очевидно, работают быстро, гибкие движения резко отличаются от напряженных поз греческого атлета-профессионала. Это фигурка прекрасно тренированного, сильного мальчика, который превратится в стройного, хорошо сложенного человека и сохранит эти формы до старости.

Большой интерес представляет найденная вместе с этой статуэткой голова, также из слоновой кости. В отличие от большинства минойских образцов, шея очень толста, вследствие чего подбородок оказывается совсем коротким. Такая мускулистая шея — естественный результат длительных упражнений, которых требует искусство эквилибристики. Равновесие в большинстве акробатических упражнений, каковы, например, прыжки и метание, достигается главным образом движениями головы, которая, будучи самой тяжелой частью

[1] P. of M., III, 428 сл.

тела, увлекает за собой все тело, и постоянное напряжение шейных мускулов ведет к их сильному развитию.

Украшались статуэтки, очевидно, металлом. Отверстия в головах показывают места, где укреплялись бронзовые, может быть, позолоченные волосы, придававшие статуэткам еще больше жизни и движения.

Письмо П. М. I и П. М II. Письмо линейного типа А продолжает повсеместно применяться на острове и в П. М I периоде. Заметна тенденция к использованию табличек значительно большего размера. Но в Кноссе и в П. М. II периоде был введен более развитой тип письма — В, который хотя и был, так же как и П. М. II керамика, связан с одним определенным пунктом, все же, естественно, оказывал влияние в других местах на относящиеся к тому же времени документы типа А.

Различия в письме очень незначительны. Они затрагивают лишь детали и существенного значения не имеют. Около двадцати знаков типа А выходит из употребления. Появляется около десяти новых знаков. Нельзя сказать, чтобы письмо стало более стилизованным, чем ранее, поскольку в некоторых случаях знаки выписываются с большей тщательностью. Эванс высказывает предположение, что это письмо имело оригинальное происхождение, так как некоторые знаки приближаются к иероглифическому С. М. письму. Я считаю, однако, более правильным рассматривать его как «курсив» в нынешнем смысле этого слова, т. е. ученую манеру письма, усвоенную дворцовыми писцами; как таковая, она стоит ближе к формально законченным иероглифическим прототипам.

Некоторые новые особенности появляются в обозначении чисел. Вводится знак для 10 000, состоящий из старого знака 1000 с добавлением черты посредине. Для числа 10 теперь систематически употребляется горизонтальная черта, для нуля — знак Х. На вычисление процентов указывает группа табличек, в которой знаки расположены в двух регистрах, причем числовое обозначение следует за знаком, который может обозначать «стадо». Оба числа в сумме неизменно дают пятьдесят, сто или двести.

Большинство табличек содержит инвентарные записи, свидетельствующие о той щепетильности, которую минойцы проявляли в ведении дел. Встречаются списки мужчин и женщин, исчисляются стада овец и крупного скота, сосуды и их содержимое, оливковые деревья и шафран. В арсенале, здании, расположенном к северу от дороги, ведущей

---

[1] P. of M., IV, 668 сл.

к «площади театра», обнаружено множество таблеток, содержащих списки колесниц и оружия [1].

Печати П. М. I. Каменные печати П. М. I и П. М. II периодов не обнаруживают того постоянства типов, какое наблюдается в С М. III периоде. В П. М. I*а* периоде исчезает сплющенный цилиндр, но впервые появляется цилиндр правильной формы [2]. Миндалевидные печати вначале имеют

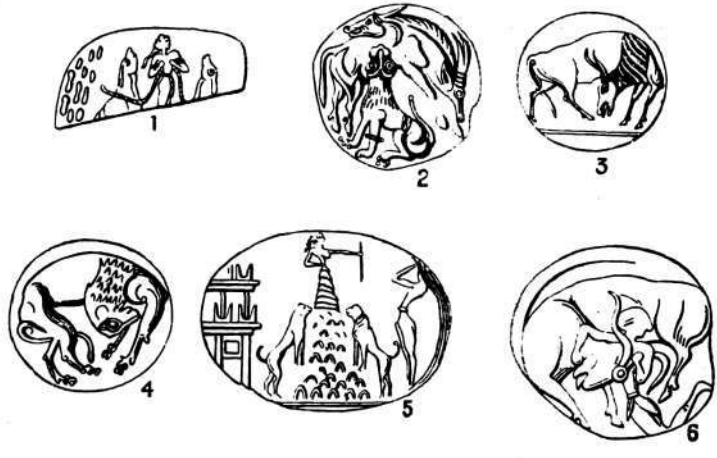

Рис. 36. *1—6* — образцы печати П. М. I и П. М. II периодов.

гладкую оборотную сторону; прекрасным примером служит сердоликовая печать с изображением льва, напавшего на быка [3]. Но в П.М.I*а* периоде на оборотной стороне появляются желобки, печати приобретают удлиненную форму, сохраняющуюся и в П.М.I*б* и в П.М.II периодах. Самой обычной формой является чечевицеобразная.

Рисунки лучше всего представлены собранием стратиграфически хорошо датируемых глиняных оттисков из юго-западного подвала в Кноссе [4]. Среди них имеется любопытное изображение, которое можно принять за фигуру молодого Минотавра, сидящего на стуле; к нему склоняется прислужник, указывающий на поставленного на колени барана. Очень хороший рисунок, найденный во множестве оттисков, представляет собаку с ошейником. Собаки встречаются сравнительно часто; на рис. 36, 1 изображен молодой человек, держащий двух догов. Интересной находкой была глиняная

[1] P. of M., IV, 785 сл.
[2] Там же, 496.
[3] Там же, 533.
[4] Там же, II, 763 сл.

матрица, предназначавшаяся, очевидно, для законного или незаконного воспроизведения оттиска золотого кольца. На рисунке представлена фигура женщины, сидящей перед святилищем, и другой, протягивающей ей кубок с двумя ручками, который напоминает описанный выше полихромный тип. В Закросе обнаружен оттиск подлинного кольца, с которого сделана эта матрица [1]. В одной гробнице в Мохлосе найдено великолепное золотое кольцо. Рисунок изображает обнаженную богиню, сидящую в лодке, которая отплывает от небольшого строения на скалистом берегу [2].

В П. М. I*б* периоде применяются печати только удлиненной, миндалевидной и чечевицеобразной форм. Характер рисунков постепенно становится геральдическим. Появляются гении, или демоны. Они, повидимому, ведут свое происхождение от египетской Таурт, которая часто изображается несущей в руках крокодила; замечательно похожие на нее минойские гении несут быков, оленей или львов [3]. Излюбленным сюжетом являются львы, хватающие добычу, несущие ее или дерущиеся; в этих рисунках наблюдается склонность к симметрии и геральдической схематизации (рис. 36, *2*) [4]. Это особенно заметно на одной печати, изображающей льва, хватающего рогатого барана. Голова льва закрыта головой барана, и создается впечатление животного с двумя туловищами и одной головой. В последующем периоде уже специально изображаются львы и сфинксы с двумя туловищами.

Очень часты изображения коров и быков, лежащих на земле или лижущих заднюю ногу (рис. 36, *3*). В этих рисунках не видно натурализма С. М. III периода; основной задачей резчика становится, повидимому, заполнение всей имеющейся в его распоряжении площади.

Поразительно мало места уделяется изображению людей. Найдены одно или два изображения охотников, закалывающих ножом каменного козла [5], а также интересная миндалевидная печать с вертикальным расположением фигур, на которой показаны люди в длинных мантиях, похожих на изображенные на «фреске с табуретами» [6].

Печати П. М. II. В П. М. II периоде, повидимому, снова ненадолго появляется сплющенный цилиндр, хотя воз-

---

[1] Мелкие отличия, отмечаемые Эвансом в указанном месте, обусловлены, вероятно, погрешностями при отливке. Трудно предположить, что существовало два столь сходных кольца.

[2] Mochlos, 89. Руке придано положение обычного на Ближнем Востоке прощального жеста с ладонью, обращенной внутрь.

[3] P. of M., IV, 430 сл.

[4] Там же, 582 сл.

[5] Там же, 577.

[6] Там же, 413.

можно, что два известных образца сохранились от П. М. Ia периода [1].

Снова оказываются преобладающими миндалевидная и чечевицеобразная формы; широко распространены глиняные оттиски печатей колец.

Рисунки, в общем, имеют еще более геральдический характер, чем в П. М. Iб периоде. Особенно далеко зашли резчики в своем стремлении заполнить рисунком всю поверхность на ряде чечевицеобразных печатей, где они придали телам животных совершенно неестественный изгиб, чтобы разместить изображения на круглом фоне (рис. 36, *б*).

Обычны геральдические щитоносцы, например львы, изображенные на Львиных воротах в Микенах или охраняющие богиню, которая стоит на вершине холма. В других случаях представлены фигуры людей, которые держат львов на вытянутой руке, наподобие Гильгамеша [2]. Часто встречаются сцены и символы религиозного характера (рис. 36, *5*). Особенно интересна одна группа изображений, где в качестве второстепенных мотивов появляются зерна злаков или связанный с зерном знак линейного письма [3]. Попрежнему излюбленным сюжетом остаются быки и коровы. Очаровательна одна печать, на которой изображен прислонившийся к изгороди земледелец [4]. Встречаются сцены тавромахии, часто показывающие искусственный изгиб тел, обусловленный формой печати (рис. 36, *4*).

Один из наиболее интересных оттисков печатей изображает перевозку лошади, погруженной на корабль. Совершенно очевидно, что лошадь появилась на Крите очень поздно. Заслуживает внимания и корабль, на котором впервые появляется верхняя палуба, защищающая гребцов, — особенность, представленная также и на другом отпечатке [5].

Близ храмовой гробницы в хорошо датируемом П. М. Ia отложении найдено много бус [6] (фото 79, *2*). Материалом для них служили золото, сердолик, аметист и страз. Золотые бусы имели форму сегментов, трубочек со спиральными желобками, миндалевидную, грушевидную или шаровую форму с нарезкой или без нее. В одном случае встретилась бусина в форме лотоса и подвеска в виде лежащего теленка.

Бусины из аметиста, свердолика и страза шаровидны или миндалевидны. Весьма сходные по составу приношения обнаружены в погребении в глиняных саркофагах в Пир-

---

[1] Один — из гробницы I в Исопате, другой — из «Архивов». P. of M., IV, 500, 602.
[2] Там же, рис. 597.
[3] Там же, 625.
[4] Там же, рис. 564.
[5] Там же, 827.
[6] Там же, 963.

госе — здесь были найдены бусы совершенно такой же формы и из таких же материалов [1]. Эти формы переходят и в П. М. II период, к которому следует, вероятно, отнести подвески в виде капель из лапис-лазури и амулеты в виде обезьянок и лягушки, происходящие из царской гробницы в Исопате [2]. В то же самое время или, что более вероятно, в П. М. II*б* периоде появляются золотые бусы в виде пары моллюсков-корабликов [3]. В Мохлосе в гробнице, вероятно, П. М. I времени, найдены бусы уже описанного типа с добавлением шаровидных бус из горного хрусталя и плоских золотых дисков, просверленных по диаметру и украшенных кружком из мелких шишечек. Среди подвесок был золотой лист плюща, золотая раковина и аметистовая бычья голова [4].

Внешние сношения в П. М. I и П. М. II. Связи с Египтом усилились с начала П. М. I*а* периода. На самом Крите понадобился целый комплект египетских алебастровых сосудов, чтобы удовлетворить потребности вельможи, погребенного в царской гробнице в Исопате [5]. Еще важнее круглая печать царицы Ти, супруги Аменхотепа III, найденная в погребальной камере в Агиа-Триаде вместе с керамикой П. М. I*б* периода [6], который, как мы видели, соответствует по времени П. М. II периоду в Кноссе. Это последний предмет, дату которого удается установить, найденный в слое, предшествующем конечной катастрофе. Самым ранним предметом, найденным с керамикой позднеэлладского III периода, был скарабей с именем царицы Ти, а имя ее супруга Аменхотепа III встречается на предметах, найденных в подобных же отложениях на материке, керамика которых, к сожалению, не опубликована [7]; это дает нам основание утверждать, что разрушение минойских городов произошло во время царствования Аменхотепа III, т. е. между 1455 и 1419 годами до н. э.

Хотя число ввезенных предметов могло быть и невелико, но наличие значительного влияния обнаруживается с полной убедительностью. Трудно сказать, заимствована ли идея

---

[1] P. of M., II, 75.
[2] P. T. K., 152.
[3] Там же, 58.
[4] Mochlos, табл. X.
[5] P. T. K., 146. Как было сказано выше (стр. 220), форма и жилки в камне, из которого сделаны эти сосуды, воспроизводились в глине (табл. XXXIII, 1).
[6] Mon. Ant., XIV, 735.
[7] Из них только скарабей с именем царицы Ти в доме к юго-западу от Акрополя найден в окружении керамики позднеэлладского III периода (Ἐφ. Ἀρχ., 1887, 169). Фрагменты пластинки с именем Аменхотепа III найдены вместе с двумя бронзовыми булавками в таком же доме к северо-востоку от Львиных ворот. Керамика отсутствует (там же, 1891, 18). Сосуд с его же именем обнаружен в гробнице 49. Цилиндр из слоновой кости. Керамика отсутствует (там же, 1888, 156).

«фресок с процессиями» из Египта, но несомненно, что изображения обезьянок в «доме с фресками» и «охотящаяся кошка» в Агиа-Триаде многим обязаны долине Нила. Оттуда же, очевидно, ведет свое происхождение мотив папируса на фресках и раскрашенных рельефах и пучков лилий на кувшинах П. М. II периода. Фреска, изображающая вождя воинов-негров, свидетельствует об использовании африканских наемников.

Еще более показательны находки в самом Египте. В гробнице Сенмута, архитектора царицы Хатшепсут, изображена процессия минойских посланцев с дарами. Среди последних имеются типичные П. М. I*а* металлические сосуды и огромный кубок типа «вафио», украшенный изображениями бычьих голов. На стенах гробницы Усер Амона, визиря начала царствования Тутмоса III, также изображены критяне. Среди их приношений есть металлические сосуды, ритон в форме бычьей головы и фигура несущегося галопом быка. Среди памятников наследовавшего Усер Амону его племянника Рехмира также имеются портреты минойцев, кефтиу, как их называет Рехмира, причем один из них несет типичный П. М. I*б* ритон с ободком. Интересной особенностью одной из этих фигур является то, что мастер начал рисовать гульфик старого П. М. I*а* типа, но затем заменил это расписной юбочкой П.М.I*б* периода [1]. Сын Рехмира Менхеперрасене, верховный жрец Амона в конце продолжительного царствования Тутмоса III, продолжает семейную традицию. Но его кефтиу, очевидно, скопированы с традиционных образцов, ибо предметы, которые они держат в руках, сохраняют прежний тип, тогда как стиль П. М. I*б* получил к этому времени значительное развитие [2].

Найденные в Египте два сосуда с характерными чертами минойского производства, отличающими его от материковых изделий, оба принадлежат к П. М. I*б* периоду. Один из них — это наиболее красивый сосуд из всех сделанных когда-либо на Крите — так называемый марсельский ойнохой (фото 86, *1*). К сожалению, неизвестно, при каких обстоятельствах он был найден [3]. Другой сосуд представляет собой высокий алавастр из Седмента, украшенный тонко стилизованной имитацией жилок алебастра (фото 86, *2*). Он обнаружен вместе с предметами, которые, вероятно, следует дати-

[1] P. of M., II, рис. 473, *a*. Несмотря на чрезвычайно ценную статью Уэйнрайта (J. H. S., 1931, I), я не вижу возможности отделить кефтиу от Крита. Находки, сделанные в Рас Шамре и в Телль-Атчане (см. ниже), укрепляют меня в том мнении, что название кефтиу могло применяться к Криту, к его империи или к сфере его влияния (J. E. A., XVI).

[2] Очевидно, мастер располагал определенным количеством типов кефтиу, которые он мог воспроизводить по мере надобности, обращаясь к оригиналу.

[3] P. of M., II, 509.

ровать царствованием Тутмоса III[1]. Керамики П.М.II периода в Египте не найдено, если не считать единственного черепка в позднем отложении в Телль-эль-Амарне[2]. Другие сосуды, сначала принимавшиеся за минойские, при более тщательном исследовании, повидимому, приходится признать имеющими материковое происхождение. В одной гробнице начала XVIII династии в Гуробе найден приземистый алавастр[3], но это, повидимому, чисто материковая форма. Мне известно только пять экземпляров критского происхождения. Один открыт в погребальной камере в Кноссе[4]. Он украшен «стрельчатым балдахином», представляющим собой, как мы видели, материковый орнамент. Другой происходит из гробницы V кладбища Мавроспелио[5], третий — из гробницы V в Исопате[6], четвертый — из Малого дворца[7]. Пятый, относящийся к П. М. II времени, был найден в храмовой гробнице[8]. Вместе с последним нужно рассматривать алебастровые сосуды из «тронного зала», также относящиеся к П. М. II периоду, когда материковое влияние в Кноссе было очень сильно. Отсутствие на Крите той формы, которая в Греции является одной из наиболее обычных, служит весьма сильным доводом за то, что и остальные сосуды подобной формы имеют материковое происхождение[9]. Вариант этой формы — приземистый кувшин с одной вертикальной ручкой — обнаружен в гробнице Макета в Лахуне[10]. Мне известен только один сосуд из Крита[11]. Между тем на материке этот тип распространен очень широко[12]. Кубок из Абусира с отчетливо выделяющейся ножкой — также материкового типа[13]. Равно неминойского происхождения и блюдце с ручками из Саккара, так же как и найденный вместе с ним алавастр[14].

Несомненно, одной из причин, которыми объясняется широкое распространение в Египте материковых, а не минойских сосудов, было то, что эти приземистые алавастры представляли собой идеальную форму для транспортировки. Величе-

[1] Sedment, II, гробница 137; P. of M., IV, 271.
[2] C. of A., II, 110.
[3] Gourob, табл. XIII, 4.
[4] P. of M., IV, 850.
[5] B. S. A., XXVIII, 258.
[6] T. D. A., 25.
[7] Там же, 37.
[8] P. of M., IV, рис. 960, *f*.
[9] Например, *Edgar*, Greek Vases in the Cairo Museum, 26125, 26126; *Tirth* and *Gunn*, Saqqara, табл. XLII; см. также знаменитый сосуд из Арманта (каталог Британского музея, A, 651). Сосуд из Аннибы (P. of M., IV, 267) представляет собой местное подражание.
[10] Illahun, табл. XXVI.
[11] Из Агна-Триады. P. of M., II, рис. 315, *a*.
[12] Archaeologia, LXXXII, 150, 157.
[13] Arch. Anz., XIV, 57; см. Archaeologia, LXXXII, табл. I, 1; ср., однако, P. of M., II, 457.
[14] Ср. Saqqara, табл. XLII, а также Archaeologia, LXXXII, табл. I и II.

ственные вазы П. М. II периода были слишком велики и громоздки для этого, а их форма не давала гарантии сохранности содержимого при перевозке по морю. К тому же известное значение мог иметь и тонкий вкус египтян.

Но так как П. Э. I период, повидимому, совершенно параллелен П. М. I*а*, а П. Э. II соответствует П. М. I*б* и П. М. II, то эти сосуды служат столь же надежным средством датировки. Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что П. М. I*а* период заканчивается около начала правления Тутмоса III, т. е. около 1503 года до н. э., а П. М. I*б* продолжается в Кноссе приблизительно до 1440 года, на остальной же территории острова длится параллельно кносскому П. М. II до конечной катастрофы, которая произошла, вероятно, в первые годы царствования Аменхотепа III, т. е. примерно между 1455 и 1450 годами до н. э.

Связи с Сирией были очень тесными. Более ранние находки в гробничных постройках в Минет-эль-Бейде и Рас Шамре, напоминающих царскую гробницу в Исопате и дающих образцы всех трех возможных типов свода, очевидно, соответствуют по времени концу П. М. I — П. М. II периоду. В «библиотеке» найдена серебряная чаша со знаками линейного письма В [1]. Сирийское влияние, возможно, следует усматривать в длинных мантиях на «фреске с табуретами» и в миндалевидных геммах, на которых изображены фигуры людей с топорами сирийского типа [2]. Вероятно, к этому же периоду относится найденный в портовом городе Кносса алебастровый ритон в виде стоящей на коленях беременной женщины, хотя он и не датируется стратиграфически [3].

Дальше в глубь страны, в Ашшуре, было найдено горлышко фаянсового ритона П. М. I*б* времени [4], а параллельные по времени образцы письмен и узоров орнамента обнаружены в находках, сделанных в Амисосе (в Понте) [5], хотя относительно их датировки нет единого мнения.

В сношениях с материковой Грецией и островами влияние Крита было преобладающим. Весь Эгейский бассейн подвергся столь сильному воздействию минойской культуры, что мне по крайней мере представляется неизбежным вывод о политическом господстве Крита в этой области [6]. Афинская традиция, всегда наиболее полная, сохранила известие о тирании Миноса в Сароническом заливе. Мы не можем отделить легенду о юношах и девушках, посылаемых на съедение Минотавру, от игр с быками позднеминойского Крита.

---

[1] Syria, XIII, 5, 22. Ср. P. of M., IV, 775 сл.
[2] P. of M., IV, 403.
[3] Там же, II, 255.
[4] J. H. S., 1928, 71.
[5] P. of M., IV, 764 сл.
[6] См., однако, ниже, стр. 229, где дается совсем иное толкование.

Необходимо сделать несколько замечаний о различиях между археологическими памятниками материка и островов, с одной стороны, и Крита — с другой. В области архитектуры самым крупным достижением материка была гробница с куполом. На Крите ничего сходного с этим не встречается до П. М. III периода. Мы уже отмечали выше, что Р. М. круглые гробницы, несомненно, не имели сводов, и, начиная с П. М. I периода, когда в Микенах начали сооружать толосы, на Крите погребальные сооружения были совершенно иными, как это можно видеть по образцам храмовой гробницы в Кноссе и царской гробницы в Исопате. Однако микенский дворец отражает, по крайней мере в отношении орнамента, влияние минойской традиции.

Хотя определить точную дату различных изменений почти невозможно, однако в основном ясно, что старый С. Э. дворец или замок в П. Э. I периоде был перестроен по минойскому образцу, причем бóльшая часть его орнамента выполнена если и не минойскими мастерами, то в соответствии с минойской традицией [1].

Резкое различие между минойскими и материковыми фресками заключается в том стремлении передать движение, которое наблюдается в последних, в отличие от стремления к украшению и отделке, свойственного первым. То обстоятельство, что на материке не встречаются гипсовые расписные рельефы, служит хорошим подтверждением для датировки предполагаемого завоевания П. М. I*a* периодом. Но, очевидно, и здесь, как в свое время в Индии, местные князья были оставлены в качестве вассальных правителей. Иначе едва ли можно было бы объяснить явно материковый характер известных нам фресок. Очевидно, в материковых владениях Крита сохранились при минойском стиле типичные для материка сюжеты.

Конечно, это не относится к чисто декоративным мотивам, каков, например, «змеиный узор» на очаге в Микенах, который минойский художник мог воспроизвести механически. Но в целом мы получаем впечатление работы критского мастера, правда, не первоклассного, выполняющего заказ хозяина, который предъявляет совершенно иные, чем он, требования к сюжету для картины. Об этом свидетельствуют фрески П. Э. III периода, когда материковая Греция была совершенно независима от Крита.

Столь же преобладающим было минойское влияние и в керамике, хотя, как и можно было ожидать, сохранялись также традиционные типы минойских и расписанных матовой

[1] B. S. A., XXV, 147 сл., 268 сл. В своей окончательной форме этот дворец относится к П. Э. III. времени и представляет собой настоящий мегарон. Однако сохранилось много следов прежней постройки; большая лестница, например, была очень близка к критскому стилю.

краской изделий. Заслуживают быть отмеченными некоторые отдельные черты, тем более, что они, повидимому, вообще характерны для материка и знание их может оказаться полезным, если такая керамика будет когда-либо найдена в других местах. Типичная П. М. — П. Э. I спираль, к которой часто добавляются белые точки, в общем, имеет на материке гораздо больше завитков, чем на Крите. Это, повидимому, может служить надежным отличительным признаком, в особенности, если по обе стороны линий, соединяющих спирали, расположены крупные точки. Орнамент типа «стрельчатый балдахин», о котором уже говорилось выше; регулярно встречается на материке и только два раза — на Крите, так что мы с бо́льшим основанием можем считать его материковым узором. Приземистый алавастр также является материковой формой. Кувшины со срезанными носиками на материке имеют более широкие края и более приземисты. Бокал с ножкой встречается на материке чаще, и возможно, что упоминавшиеся критские образцы П. М. I*б* — П. М. II явились заимствованием, поскольку критская родословная для них менее ясна, чем элладская. Несомненно минойским следует признать стремление к повторению некоторых определенных мотивов. Материковые образцы этого типа имеют гораздо менее законченный характер. Далее, в материковом орнаменте заметна тенденция к окаймлению широких полос точками или короткими наклонными линиями, а в сосудах «дворцового стиля» художник старается заполнить орнаментом все имеющееся в его распоряжении пространство. Заслуживает внимания, что П. М. II стиль нашел отклик на материке, тогда как на Крите он фактически ограничивался одним Кноссом, а Египет его вовсе не признал [1].

Эти различия указаны здесь только для того, чтобы провести четкую грань между двумя берегами Критского моря, ибо важно установить в определенный период для той или иной страны наличие ввоза только с материка или только с Крита. Во всяком случае необходимо тщательное изучение всех узоров, поскольку старое различие черепков «наощупь» (жестких на Крите и гладких на материке) не может, как я убежден, считаться достаточным. Обитатель материка, вполне естественно, был большим знатоком оружия. Меч со скошенной крестовиной, обычный на Крите в П. М. III периоде, встречается в шахтовых погребениях, относящихся, самое позднее, к началу П. Э. I периода. В тех же самых гробницах встречаются как рогатый меч, так и крестообразный;

[1] Снейдер (Snijder, Kretische Kunst, 123, 124) заходит даже так далеко, что усматривает в П. М. II стиле отражение материкового стиля. Возражать против его мнения трудно, принимая во внимание тот факт, что этот недолговечный и не получивший сколько-нибудь широкого распространения стиль совпадает только с последней частью П. Э. II периода.

последний во всяком случае появляется на Крите лишь значительно позднее. Тщательное инкрустирование лезвий кинжалов показывает, как гордились владельцы этим оружием (правда, стиль орнамента часто бывает минойский).

Каменные сосуды и лампы имеют, повидимому, вполне минойский характер [1]. «Пифос с медальонами» из жировика, обнаруженный в «гробнице Клитемнестры», явился объектом значительных разногласий. Мы видели, что «пифосы с медальонами» из Кносса сохранялись до последних дней существования дворца, т. е. до конца П. М. II периода, а производство их едва ли может быть отнесено к более раннему времени, чем переходный период между С. М. III*б* и П. М. I. Так как копии в другом материале не изготовляются после того, как исчезают оригиналы, очевидно, что этот каменный образец должен был быть изготовлен в указанном промежутке времени, но мы видели также, что каменные сосуды могут использоваться в течение весьма длительного срока, и было бы очень рискованно датировать какое-либо отложение на основании того, что в нем встречается подобный сосуд.

Кольца с печатями и каменные печати неотличимы от критских. Однако тематика изображений, так же как и на фресках, чаще бывает связана с охотой и войной, хотя в то же время отнюдь не редки и сакральные сюжеты, особенно относящиеся к культу гениев.

В Филакопи, в третьем городе П. М. I, сосуды копируются в местной глине, которая не допускала такой тщательной отделки глазурью, как оригиналы, и некоторое количество прекрасных сосудов П. М. I*а* и *б* периода было ввезено с Крита [2]. Каменные сосуды и лампы обнаруживают черты близкого родства с минойскими. Однако в архитектуре не заметно следов минойского влияния. На Фере также встречаются кикладские копии С. М. III*б* — П. М. I*а* сосудов [3].

Падение могущества Крита. Катастрофа, постигшая критские города в конце П. М. I*б* периода (или П. М. II в Кноссе), была, в сущности, всеобщей. Кносс, Фест, Агиа-Триада, Гурния, Мохлос, Маллия и Закрос — все эти города носят следы насильственного разрушения, сопровождавшегося пожаром [4]. Палекастро, Псира, Нирухани, Тилиссос и Плати,

[1] Практически можно считать, что в шахтовых гробницах не встречается каменных сосудов, которые появляются только в П. Э. II периоде (= П. М. I*б*).

[2] B. S. A., XVII, табл. XI. Сосуд № 163 с его «стрельчатым балдахином» и точечными линиями имеет, вероятно, материковое происхождение, так же как и приземистый алавастр № 137 и сосуды, изображенные на рис. 2, стр. 15. Некоторые изделия из керамики, опубликованные в Phylakopi, табл. XV — XXXI, повидимому, надо признать минойскими.

[3] Åberg, IV, 136.

[4] P. of M., IV, 942 сл., 786, 885; Gournia, 21; A. J. A., XIII, 301; Mallia, I, 45; B. S. A., VII, 142.

очевидно, оставались незаселенными в течение некоторого времени, хотя следов пожара здесь не обнаружено [1].

Катастрофа произошла, повидимому, одновременно во всех этих населенных пунктах; причиной ее считали сильное землетрясение [2]. Однако землетрясения в древности не сопровождались пожарами, которые возникают при наличии газа и электричества. К тому же мы видели, что в это время дерево было менее распространено в качестве строительного материала, чем ранее. Между тем предшествовавшие землетрясения, которые были настолько сильными, что большие каменные глыбы Кносского дворца были сброшены на ниже расположенные дома, не вызывали пожаров, хотя дерево имело тогда большее распространение, чем в данный период; вместе с тем они не вызвали и такого полного упадка и регресса культуры. Скорее можно сказать, что они послужили стимулом для нового подъема активности. Далее, в Кноссе первым результатом столь грандиозного землетрясения было бы разрушение жилого квартала и, в частности, большой лестницы, где по меньшей мере четыре яруса поддерживались деревянными колоннами. В 1931 г. весьма умеренное землетрясение оторвало верхнюю часть мощной колонны и сдвинуло ее на целых 6 *см*. Между тем большая лестница оставалась, в общем, целой и невредимой в течение времени, достаточного для того, чтобы над грудой засыпавших ее обломков и земли уровень площадки сравнялся с центральным двором и повысился на $1\frac{1}{2}$ *м* над первоначальным уровнем. Следы огня яснее всего заметны в западном, парадном, крыле.

Все, таким образом, указывает на планомерное вражеское разграбление, которому подверглись наиболее могущественные города на Крите. Мы видели, сколь цветущей была культура Крита в этот период; невозможно допустить, чтобы такой упадок явился результатом простого разбойничьего набега. Речь может итти только о хорошо организованной военной экспедиции с определенной целью. Что этой целью не было превращение острова в колонию, явствует из того, что минойская культура продолжала существовать до самого конца П М. III периода, не подвергаясь влиянию материка, хотя и с гораздо меньшим блеском. Цель подобного сплошного безжалостного разрушения могла быть только чисто политической.

Для объяснения этого были выдвинуты две теории. В пользу каждой из них можно привести много доводов, а между тем, как это ни странно, они диаметрально противоположны друг другу. Согласно первой теории, размеры минойского гос-

[1] B. S. A., X, 259; Pseira, 10; Ἐφ. Ἀρχ., 1922, 24; P. of M., IV, 786; B. S. A., XX, 6.

[2] P. of M., IV, 942 сл.

подства на материке были непомерно преувеличены [1]. Сторонники этой теории указывают, что при отсутствии исторических документов можно было бы с равным основанием утверждать, что, например, Этрурия позднейшего периода находилась под афинским владычеством. По этой теории материковая Греция и Крит были отдельными независимыми державами, и первая только усвоила внешние черты более высокой культуры [2]. Однако в П. М. II периоде материковая Греция оказалась достаточно сильной, чтобы установить свой контроль над Критом, и этим можно объяснить ярко выраженный материковый характер дворцового стиля [3]. В этом случае разрушение критских городов должно быть следствием национального возмущения против иноземных «гармостов». Доводом в пользу этого является то, что в последующем П. М. III периоде в критской культуре обнаруживается мало связей с материком; напротив, она имеет, как мы увидим, ярко выраженный минойский характер.

Согласно второй теории, которой придерживается и автор этой книги, минойский характер культуры выражен слишком отчетливо, чтобы он мог быть результатом простого культурного влияния [4]; несомненно, это влияние было гораздо более глубоким, чем влияние Египта в пределах его высоко организованной «империи». Мы находим в археологических данных подкрепление исторической традиции, относящейся, правда, повидимому, только к Сароническому заливу, согласно которой Крит в конце П. М. I — П. М. II установил свое господство над рядом стран бассейна Эгейского моря. Внешние сношения связывали его главным образом с Египтом и с владениями последнего в Сирии. Египетские предметы и следы египетского влияния на материке так редки, что естественно возникает предположение об искусственной изоляции этой части минойской империи от прямых торговых сношений с Египтом. Наличие же материковых сосудов в Египте легко объясняется тем, что они были удобнее для перевозки; и потому подать с материка, причитавшаяся критским властителям, направлялась прямо в Египет в качестве платежей

---

[1] Эту теорию сообщил мне профессор Уэйс. Насколько мне известно, она еще не была изложена в печати.

[2] Этим объясняются находки материковой керамики в Египте и в Сирии. Действительно, Крит и Греция были соперниками во внешней торговле.

[3] См. выше, примечание на стр. 246.

[4] Излагаемая ниже теория в основном совпадает с теорией, изложенной мною в J. E. A., XVI, 89 сл. Правда, тогда я рассматривал эгейские сосуды в Египте, за одним или двумя исключениями, как минойские, хотя в действительности теперь становится очевидным, что для большинства из них надо принять материковое происхождение. Однако, как будет видно из дальнейшего, это мало затрагивает наше основное положение.

натурой, а не выгружалась на Крите для дальнейшей отправки морем.

Мы видели, что поверхностное воздействие минойской культуры не помешало материковой Греции в значительной мере сохранить свою национальную культуру и вкусы. Самый богатый рынок в мире был для нее закрыт, и возможно, что отголосок попыток найти новые рынки сохранился в предании о походе Ясона в Черное море. Во всяком случае легко представить себе освободительные настроения в подчиненных критскому господству областях, и мы можем предположить, что эти настроения в конце концов проявились в объединенной попытке ниспровергнуть могущество главного города империи.

Но есть одно имя, которое всегда ассоциируется, если не с разграблением Кносса, то во всяком случае с освобождением тех, кто был ему подвластен. Это Тесей. Имена часто остаются в памяти народов и тогда, когда связывавшиеся с ними деяния забыты или искажены. Кто узнал бы Александра в Двурогом Искандере или Вергилия в средневековом волшебнике? Мы уже высказывали предположение, что семь юношей и семь девушек были ежегодной данью материка для кносской тавромахии. Это подробность именно такого рода, которая должна была сохраниться в памяти.

И вот в один весенний день середины XV века до н. э., когда дул сильный южный ветер, относивший почти горизонтально к северу языки пламени от горевших стропил, Кносс пал [1].

Заключительная сцена разыгралась в помещении, которое воссоздает перед нами наиболее драматическую обстановку из всех раскопанных строений — в «тронном зале». Этот зал был найден в состоянии полного беспорядка. В одном углу лежал опрокинутый большой сосуд от масла; культовые сосуды, казалось, были в употреблении в момент наступления катастрофы. Все имело такой вид, будто царь в смятении поспешил сюда, желая в последний момент совершить какую-то религиозную церемонию, чтобы спасти свой народ. Тесей и Минотавр!.. Может быть, допустимо предположение, что царь носил маску быка? [2]

Возможно, археологу и не подобает давать такую свободу фантазии, но все же я думаю, что никто, представив себе эту

[1] P. of M., IV, 93. Имеющееся здесь упоминание о месяце марте, вероятно, ошибочно. Ветер, достаточно сильный для того, чтобы направить дым горизонтально, очень редок в другие месяцы, кроме конца апреля и начала мая. Едва ли уместно воспользоваться еще преданием о том, что Тесей отплыл на Крит в месяце мунихион (апрель — май).

[2] О надевании масок священных животных теми, кто брал на себя роль их представителей, см. в готовящемся III томе *A. B. Cook*, Zeus. См. также Zeus, I, 490 сл. П. Э. III печать опубликована в A. J. A., XXXVII, 540.

картину, не сможет войти в «тронный зал» без внутреннего трепета.

Крит пал; отныне ему предстояло быть только сателлитом в новом мире, имеющем своим средоточием Грецию, и постепенно подвергаться все большему нивеллированию, пока он не оказался поглощенным общеэллинской культурой, в которую он сам сделал такой большой вклад.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕМИНОЙСКОГО I ПЕРИОДА

а) Раскопанные поселения

Аподулу	Поселение	Архитектурные и другие находки (*Marinatos*, Arch. Anz., 1935, 245)

б) Находки на поверхности

Монастырь Хрисоскалитисы	Черепки, найденные автором в непосредственной близости от монастыря в 1935 г.
Орнити	Каменный сосуд из Табии в музее Ретимна

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиос-Теодорос	Поселение	Архитектурные и другие памятники, (*Xanthoudides*, Πρακτικά, 1925-1926, 141; *Marinatos*, там же, 1929, 94)
	Гробница	*Marinatos*, там же
Амнисос	Дом	Архитектурные и другие находки (*Marinatos*, Πρακτικά, 1932, 76)
Аркалохори	Пещера	Мечи, топоры и пр. (*Marinatos*, Arch. Anz., 1934, 245; 1935, 246)
Арханес	Круглая постройка	Круглая постройка (*Evans*, P. of M., 623; II, табл. XIV), а также много памятников большого поселения
Гониес	Дом	Архитектурные и другие находки (*Marinatos*, J. H. S., 1930, 251; B. C. H., 1930, 516)
Юктас	Святилище	Остатки строения на вершине холма (P. of M., I, 158)
Гераклион	Город	Архитектурные и другие находки к востоку от Трипети (*Evans*, P. of M., II, 229)
Кносс	Дворец	См. предыдущий период и P. of M., 280; IV, 858. Караван Сарай (там же, II, 103)
	Город	Малый дворец (Arch., 65, 159; P. of M., II, 513). Дома (там же, 373, 396, 513; IV, 205; B. S. A., VI, 70)
	Гробницы	Храмовая гробница IV (962, 988). Гробничные камеры (там же, II, 547; IV, 849). Исопата (T. D. A., I; P. T. K., 136). Зафер Папура (P. T. K, I). Мавроспелио (B. S. A., XXVIII, 243 сл.)

Маллия	Дворец	Позднейшее отложение (*Chapoutier*, Mallia, I, II, 29; В. С. Н., 1935, 303)
	Кладбище	Гробницы на берегу (В. С. Н., 1930, 521)
	Город	(Там же, 1931, 513; 1923, 296)
Нирухани	Постройка	Большой дом с культовой утварью (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1922, 1; *Evans*, P. of M., II, 279)
Плати	Поселение	Скудные остатки ранних домов (*Dawkins*, B. S. A., XX, 1)
Приниас	Святилище	Перрье (Boll. d'Arte., II, 455) называет его архаическим (ср., однако, *Evans*, P. of M., IV, 160)
Психро	Пещера	Отложение из Темеиоса (*Hogarth*, B. S. A., VI, 94)
Тилиссос	Дома и дворец	Архитектурные и другие находки второго периода. (*Hazzidakis*, Ἐφ. Ἀρχ., 1912; T. V. M., 6 и 79). Дом по другую сторону реки в Даверове

б) Находки на поверхности

Анагири	Стены и черепки из сторожевого пункта (*Evans*, P. of M., II, 77)
Асмари	Черепки и стены в Мандрес, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 82)
Диа	Черепки и стены на мысе у бухты Агиа-Пелагия. Черепки в ограждении на седловине к северу и к югу от вершины, виденные автором в 1935 г.
Гази	Черепки с дорожного откоса, виденные Мани Коутс и Экле в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 92; *Evans*, P. of M., 73)
Геофиракия	Черепки на обочине дороги к востоку от деревни, виденные автором в 1933 г.
Канли-Кастелли	Основное отложение на поверхности в Висала (*Evans*, P. of M., II, 71)
Каридаки	Стены и черепки сторожевого пункта (*Evans*, P. of M., 66)
Кастелли Педиадос	Черепки в пещере Христос, стены и черепки в Кутсунарии, виденные автором в 1934 г. (B. S. A, XXIII, 81). Не та ли эта пещера, о которой упоминает Хацидакис (T. V. M., 76)?
Кастеллос Цермиадон	Черепки на вершине, виденные автором в 1935 г. (ср. *Evans*, Academy, 20 (6) 96; *Taramelli*, Mon. Ant., IX, 415). Никаких памятников рассматриваемого периода при раскопках до сих пор не обнаружено
Мармакето	Черепки из Факидии, виденные автором в 1935 г. (ср. *Dawkins*, B. S. A., XX, 4)
Мохос	Каменный сосуд из Мури, виденный автором в 1933 г.
Пиргос	Разные предметы из погребения в глиняном саркофаге (*Evans*, P. of M., II, 75)
Сархо	Каменный сосуд в музее в Кандии (Каталог, 114). Мани Коутс и Экле не нашли следов поселения в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 92)
Сидерокефала	Следы стен к северу от холма. Стены на вершине (*Taramelli*, Mon. Ant., IX, 402) исчезли. Один черепок от пифоса был найден автором в 1935 г.
Скотино	Много черепков в пещере (*Evans*, P. of M., I, 163)
Стравомити	Черепки близ источника в районе Агиос-Иоаннис, ниже пещеры (*Evans*, P. of M., II, 71)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Триада	Дома	В окружении дворца (*Mem.* Ist. Lomb., XXI, 245; Rend. Linc., 1903' 340; 1905, 387)
	Дворец	Главный период заселения (*Halbherr*, Mon. Ant., XIII, I; *Levi*, Annuario, VIII, 71; Mem. Ist. Lomb., XXI, 235; Rend. Linc., 1903, 317; 1905, 315; 1907, 257)
	Гробницы	В постройках предшествующего периода (*Paribeni*, Mon. Ant., XIV, 719)
Гортина	Отложение	Каменные сосуды из Волакес (*Pace*, Annuario, I, 372; VIII, 2)
Камарес	Пещера	Небольшое отложение черепков (*Dawkins*, B. S. A., XIX, I)
Сту Куси	Дом	Позднейшее отложение в Ту Брахну о-Лаккос (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., 1922 — 1925, 53)
Фест	Дворец	Позднейший дворец (*Halbherr*, Mon. Ant., XII, 7; *Pernier*, Mon. Ant., XIV, 313)

б) Находки на поверхности

Алики	Черепки и следы стен, виденные автором в 1935 г.
Амира	Меч, веретена, бусы, может быть, из погребения (P. of M., II, 174, № 2)
Арви	Мечи, бусы и пр. (*Evans*, T. D. A., 43). Черепки на холме в Комитасе, виденные автором в 1935 г.
Дамания	Черепки и осколки обсидиана, виденные автором в получасе пути к северу от деревни в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 84; *Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., II, Παρ. 24)
Ущелье Гулофаранго	Черепки и стены в Агиос-Савасе, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 87)
Замок Бельведере	Черепки с юго-западного склона ниже вершины, виденные автором в 1936 г.
Като Сими	Каменный сосуд и керамика (*Evans*, Diary, 1896)
Кератос	Черепки из пещеры и из поселения на вершине, виденные P. B. Хетчинсоном в 1935 г.
Комо	Большая постройка на берегу (*Evans*, P. of M., II, 88)
Ста Лутра	Посвятительные кубки, найденные около каменного бассейна (там же, 76)
Лутраки	Черепки на вершине Кандильеро, виденные автором в 1935 г.
Трипети	Черепки из поселения (*Evans*, P. of M., II, 82)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиос-Антонис	Дом	Стены и сосуды (*Boyd*, Trans. Penn. Univ., I, 21)
Агиос-Николаос	Погребение	Погребение в пифосах (*Tod*, B. S. A., IX, 336)

Гурния	Город	Период основного заселения (Trans. Penn. Univ., I, 29; Gournia, passim.)
	Погребения	Погребения в пифосах (*Seager*, Mochlos, 89)
Мохлос	Поселение	Позднейшие дома (*Seager*, A. J. A., XIII, 274)
	Погребения	Погребения в пифосах (*Hall*, Sphoungaras, 73; *Seager*, Mochlos, 89)
Пахиаммос	Погребения	Погребения в пифосах (*Seager*, Pachyammos, 9 сл. и passim.)
Палекастро	Город	Основной период существования города (B. S. A., VIII, 380; IX, 281; X, 202; XI, 272)
Петсофас	Дом	Остатки в Плати в северном направлении (*Dawkins*, там же, XII, 2)
	Святилище	Перестройка (там же, IX, 358)
Приниатикос-Пиргос	Поселение	Позднейшие остатки (*Hall*, Vrokastro, 79)
Псира	Город	Архитектурные и другие находки. (*Seager*, Pseira, 8, 21)
Сфунгарос	Погребения	Погребения в пифосах (*Hall*, Sphoungaras, 65)
Врокастро	Дом	Сосуды и пр. из дома на Копранесе (*Hall*, Vrokastro, 84)
Закрос	Город	Основной период существования города (B. S. A., VII, 121; J. H. S., 1902, 333; 1903, 248; B. S. A., XVII, 265; *Levi*, Annuario, VIII, 157)

б) Находки на поверхности

Ампелос	Черепки из Агиос-Николаоса, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 100). Сосуд из Фармакокефало (*Evans*, Academy, 20 (6), 96)
Калохорио	Черепки в Като Арнико (*Hall*, Vrokastro, 79)
Лавракия	Черепки из нескольких сторожевых пунктов, виденные автором в 1937 г. (ср. *Evans*, Diary, 1898)
Мерсини	Черепки из Халиномури, виденные P. B. Хетчинсоном в 1936 г.
Турлоти	Остатки в Кастеллосе, виденные Бозанке (не опубликовано). Черепки, виденные P. B. Хетчинсоном в 1936 г.
Закрос	Черепки из Скинарес к востоку от Апано-Закроса, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 99)

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕМИНОЙСКОГО II ПЕРИОДА

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Амнисос	Слой	В цистерне (*Marinatos*, Πρακτικά, 1933, 93)
Аркалохори	Пещера	Несколько золотых и бронзовых топоров и пр. (*Marinatos*, Arch. Anz., 1934, 245; 1935, 246)

Киосс	Дворец	Новые виды орнамента (P. of M., IV, 291, 901)
	Город	Дома (B. S. A., VI, 70; P. of M., II, 400; IV, 138). Портовый город (там же, II, 234)
	Гробницы	Последнее погребение в храмовой гробнице (там же, IV, 1002). Портовый город (там же, II, 235). Исопата (P. T. K., 136, T. D. A., I). Зафер Папура (P. T. K., I сл.). Мавроспелио (B. S. A., XXVIII, 243)
Гурнес	Гробницы	Несколько черепков из гробничных камер с погребениями в глиняных саркофагах (*Hazzidakis*, Ἀρχ. Δελτ., III, 62 сл.)

б) Находки на поверхности

Гераклион	Гробницы близ маленькой речки на восток от Кандии (*Evans*, P. of M., II, 229)

ЮЖНЫЙ КРИТ

Находки на поверхности

Лутраки	Черепки, найденные автором на вершине Кандильеро в восточном направлении в 1935 г.

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

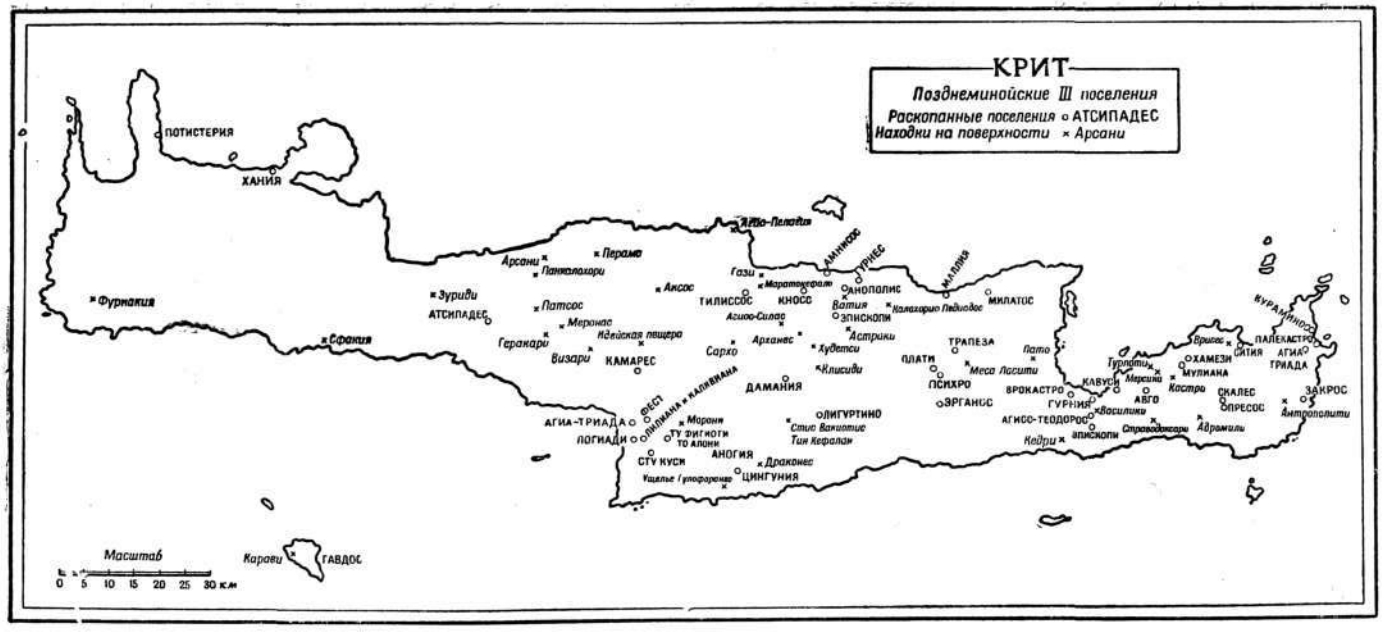
Палекастро	Город	Несколько отложений (B. S. A., доп., 21 сл. и passim.)
	Город	Остатки гробничной постройки (?) под погребением в глиняных саркофагах (B. S. A., XII, 273)
Плака	Погребение в пещере	Погребение в глиняных саркофагах
Псира	Город	Несколько ввезенных сосудов, найденных в П. М. I слоях (*Seager*, Pseira, 26)
Закрос	Город	Несколько черепков от ввезенных предметов (Каталог Британского музея, I, 116)

б) Находки на поверхности

Турлоти	Фрагменты пифоса из Кастеллоса, виденные P. B. Хетчинсоном в 1936 г.

2. Позднеминойский III (П. М. III)
(см. карту 12)

Катастрофа, постигшая минойцев в конце предыдущего периода, сломила их дух. Некоторые селения, как, например, Псира, Мохлос и Нируҳани, так и остались покинутыми. Другие были вновь заселены, но гораздо более скудно. Разрушение крупных центров и дворцов положило конец концентрации

12. Поселения позднеминойского III периода.

сил. Может быть, правящая каста была истреблена. Во всяком случае, карта ясно показывает тенденцию к децентрализации населения. Особенно заметно распространение поселений к западу. Минойцы, будучи вновь предоставлены своим собственным силам, после того как от них, повидимому, был отрезан важный источник обогащения — Египет, а их торговля перешла в руки других [1], вынуждены были освоить и начать эксплоатировать дикую область к западу от Иды, где до того существовали только изолированные аванпосты. Можно проследить пути, по которым они двигались. Население Мессарской области колонизовало богатую долину Амари и, минуя Патсос, дошло до Ретимна. Некоторые еще ранее уклонились в сторону; кладбище в Атсипадесе отмечает их продвижение к Сфакии и далее на запад к Фурнакии близ Вутаса. Жители севера расселились вдоль долины Милопотамоса в Аксосе, Пераме, Панкалохори, Меси и Арсани. К западу от Ретимна Зуриди отмечает дорогу к Кании и на запад.

Как и следовало ожидать, в западном Крите поселения пионеров расположены на возвышенностях, хотя в центре, на юге и на востоке острова продолжают оказывать предпочтение старым низко расположенным поселениям. Это свидетельствует о том, что жизнь была еще сравнительно мирной. После того как богатство минойского Крита было уничтожено и силы его надломлены, он перестал привлекать к себе жителей материка.

Архитектура П. М. III. В архитектурных памятниках не наблюдается различия между более ранней и более поздней фазами этого периода. Кносский дворец, повидимому, некоторое время оставался покинутым [2]. Но восточные бастионы северного входа были снесены уже в начале П. М. III периода, и вход сузился до двух третей своей первоначальной ширины. Однако сохранились западные бастионы с их раскрашенным гипсовым рельефом, изображающим нападающего быка [3]. Несколько позднее ряд помещений подвергся перестройке [4]. Однако значительная часть территории дворца сохранилась почти без изменений, была только очищена от обломков и заселена [5]. Два наиболее важных памятника имеют характер святилищ.

---

[1] Например, ни в Комо, ни в портовом городе Кносса не было найдено П. М. III черепков.

[2] P. of M., II, 335.

[3] Там же, III, 160.

[4] Например, B. S. A., IX, 26.

[5] Например, Guide to Stratigraphical Museum, склад 8 (D., XII), южные пропилеи (G., II, 8). к западу от коридора шахматной доски (K., II, 3). площадка восточного бастиона (L., IV, 1 и 2), площадка мегарона царицы (N., II, 18) и весь жилой квартал (N. и O., passim.).

В небольшом помещении к югу от склада сосудов с лилиями обнаружено святилище; найденные здесь предметы относятся к середине П. М. III периода [1]. Половина площади пола была вымощена галькой; выступ в глубине высотой 40 *см* также был облицован.

Перед выступом находился низкий алтарь-треножник, покрытый белой штукатуркой, а вокруг него лежали сосуды. На выступе находились две пары сакральных рогов, причем каждая пара имела углубление между рогами, для того чтобы вставлять в него ручку двойной секиры, и фигурки богини с поднятыми руками, двух прислужниц и почитателя, приносящего голубя.

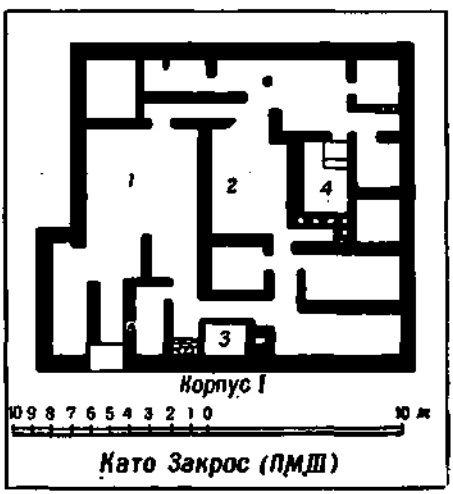

Рис. 37.

В Малом дворце площадка для совершения очищений была замощена, а колонны сделались частью вновь построенной стены. Отливина использовалась как выступ, подобный выступу в только что упомянутом святилище двойных секир. На этом выступе найдены гипсовые рога и грубо моделированная фигура каменного козла. Поблизости находились три камня, природные очертания которых имеют отдаленное сходство с человеческой фигурой. Несомненно, это были фетиши, которые почитались в период нового заселения, когда старые деревенские верования вытеснили более утонченную городскую религию дворца [2].

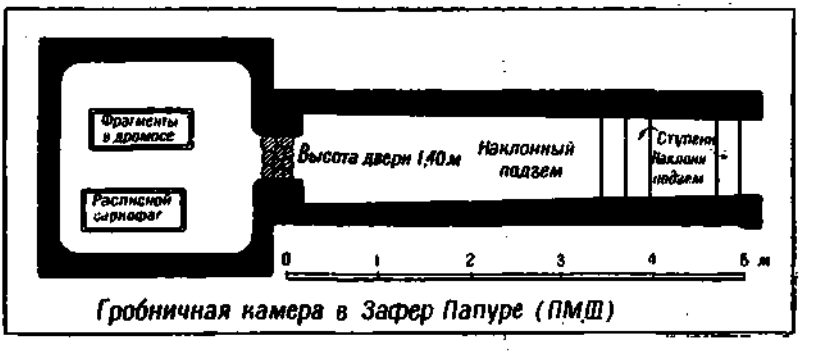
Эти деревенские святилища, как мы их можем назвать, весьма распространены в рассматриваемом периоде. Одно существовало в Гази, но было разрушено крестьянами, другое находится в Панкалохори.

Повидимому, к тому же или, возможно, несколько более позднему времени относится и маленькое святилище в Агиа-Триаде. Маринатос склонен на основании еще не опубликованных материалов отнести к тому же периоду святилища в Приниасе и Гурнии.

[1] P. of M., II, 335 сл., где предметы отнесены к П. М. III *б*, а стиль керамики напоминает послеамарнский период.

[2] B. S. A., XI, 6 сл.; ср. также культовые фигуры в помещении для ванны дома Г. в Палекастро (там же, доп., 84 сл.).

В Агиа-Триаде мы находим расположенную над дворцом простую прямоугольную постройку, разделенную на четыре части. Очевидно, она сооружена в самом конце периода и представляет собой первый на Крите мегарон материкового типа [1]. Восточная оконечность Крита, повидимому, достигла после катастрофы значительного процветания. Доукинс отмечает, что в Палекастро кладка из обтесанных плит ранее П. М. IIIа периода редка [2]. План построек, в общем, сохраняет основные черты предшествующего периода. В одном из домов найдены предметы из святилища [3]. Три танцовщины окружают центральную фигурку женщины, играющей на лире.

Гробничная камера в Зафер Папуре (ПМ III)

Рис. 38.

Обнаруженные здесь же фигурки голубей указывают, что перед нами святилище, сходное со «святилищем двойных секир» в Кноссе.

В Закросе раскопан превосходный дом, имеющий поразительное, но, очевидно, случайное сходство с относящимися к тому же времени домами в Телль-эль-Амарне [4]. Вход с улицы ведет в большую приемную залу или, может быть, двор (*9*), откуда открывается доступ в главное жилое помещение (*5*), несомненно, имевшее бóльшую высоту, чем окружающие комнаты, и освещавшееся верхним светом. За ним располагались остальные жилые комнаты. Повидимому, имелась ванная комната (*16*) и служебное помещение. Вторично заселенные дома в Гурнии отличаются такой же высокой строительной техникой и по плану сходны с домом в Закросе.

Погребения П. М. III. Погребения в глиняных саркофагах становятся теперь обычными, погребения же в пифосах

[1] Там же, XI, 220; XII, 250; высказано предположение, что это результат появления постоянного очага.
[2] B. S. A., 283, 286.
[3] Там же, X, 216 сл. и доп. 88.
[4] J. E. A., XIX, 1 сл.

вышли из обихода, если не считать одиночных захоронений в Алисса Лангади близ Гурнии. Древнее скальное укрытие теперь развилось в хорошо оформленную погребальную камеру (рис. 38). В Зафер Папуре продолжают применяться как шахтовая гробница, так и погребение в пещере (рис. 39).

Продолжают встречаться погребальные постройки, и мы можем наблюдать постепенное проникновение материковых типов и их развитие от прямоугольной гробницы, гробницы с бочечным или килевым сводом или с плоским покрытием к настоящему толосу. Самой ранней следует считать гробницу в Дамании. Она имеет четырехугольную камеру, свод начинается на расстоянии около метра от пола, а высота его достигает около 3 *м*. Дромос разделен дверью на две части, из которых внешняя облицована мелким камнем, а внутренняя более крупным. Облицовка дромоса, а также поддерживающий треугольник, который встречается как над дверью посредине дромоса, так и над дверью, ведущей в гробницу, представляют новые черты, заимствованные, очевидно, с материка.

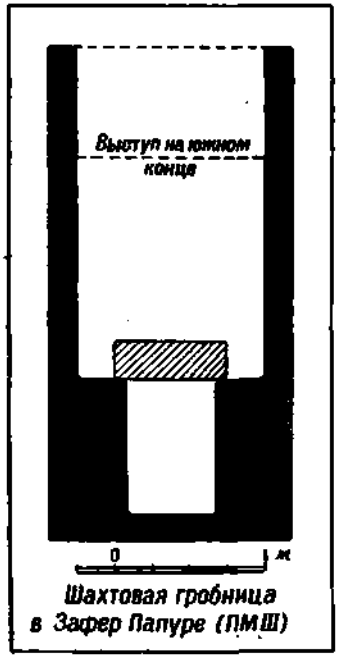

Рис. 39.

Далее следует назвать гробницу в Пресосе, имеющую квадратную форму со стороной в 2,5 *м* и необлицованный дромос. На высоте около 1,2 *м* начинается круглый свод, образованный выступающими один над другим камнями и возвышавшийся, вероятно, несколько более чем на 2 *м*. К такому же точно типу принадлежит и гробница в Малемо, к западу от Кании [1]. Она больше гробницы в Пресосе — площадь ее равняется 5 *кв. м*. Свод начинается на высоте 1,75 *м*, общая высота составляет около 5 *м*. Вход, к счастью, сохранился, и здесь виден поддерживающий треугольник над массивной перемычкой. К несколько более позднему времени относятся гробницы в Мулиане.

Этот тип гробницы с квадратным сечением и круглым сводом удерживается в Ласити и его окрестностях и в раннегеометрическом периоде.

[1] Так как я не мог найти здесь черепков, то включил эту гробницу в общий список П. М. поселений (см. ниже, стр. 309).

Наконец, появляется настоящий толос в Агиос-Теодоросе. Он имеет в диаметре 2 *м*, а свод, попрежнему грубо сложенный из выступающих один над другим камней, достигает высоты 1,8 *м*. Дромос не облицован, но при входе было найдено нагромождение камней. Это единственный обнаруженный до сих пор на Крите настоящий толос бронзового века [1]; судя по инвентарю, он относится к самому концу П. М. III периода. В начале железного века этот тип становится довольно обычным.

К концу П. М. III периода относится кремационное погребение в Тилиссосе. Это первый случай действительной кремации на Крите, если не считать, конечно, следов огня в Р. М. гробницах Мессары. Возможно, что это погребение иноземца; во всяком случае оно не имеет на Крите параллелей до следующего периода.

Керамика П. М. III. Изучение керамики подкрепляет данные архитектурных памятников. Минойская культура продолжала существовать непрерывно, но уровень ее снизился. Влияние материка, проявляющееся как в формах, так и в орнаменте, не столь существенно, чтобы можно было говорить о каком-либо нашествии или заселении извне.

Наиболее характерными особенностями керамики П. М. III периода являются употребление гладкой меловой обмазки, возросшее количество расписных сосудов, по сравнению с нераскрашенными, и внезапное устранение как бы некоего древнего табу в отношении изображения птиц и животных на изделиях из керамики.

Известны различные образцы сосудов, которые могут быть названы переходными типами. Пожалуй, лучшим из них является низкий алавастр из «гробницы булавоносца» в Исопате [2]. Вокруг горлышка этого сосуда идет кайма из угловато очерченных висячих капель, а между ручками расположены диски, ниже которых проходит полоса свободно связанных завитков (рис. 43, 16). Нижняя часть заполнена беспорядочным смешением различных мотивов. Среди них имеются лилии весьма деградировавших форм, грубое подражание пучку папируса, кресты, кувшин с одной ручкой и водяная птица. На первый взгляд создается впечатление богатого орнамента, но он крайне беспорядочен ввиду отсутствия основного мотива.

Из Палекастро происходит одно сито на подставке, орнаментированное полосой тесно расположенных угольников,

[1] Сопоставление с гробницей в Палекастро (B. S. A., VIII, 303), сделанное в тексте публикации, неточно. Последняя представляет собой не погребальное сооружение, а высеченную в скале камеру с каменной кладкой.

[2] T. D. A., 16.

которая окаймлена сверху висячими каплями, идущими ниже края, а снизу — фризом из двойных секир (то и другое П. М. I — II мотивы)[1]. Из того же поселения происходит плосконосый кувшин с двойным рядом S-образных завитков вокруг плечиков и удлиненным ромбовидным узором на тулове, образованным двумя рядами угольников.

Повидимому, очень близок по времени к этим предметам инвентарь погребения в пифосах близ Гурнии[2]. Более ранней чертой здесь является мотив четырехлистника между полосами «змеиного узора», окаймляющими сосуд. Впрочем, самый «змеиный узор» стилизован уже почти в виде угольников. Тщательность, с которой вырисованы висячие капли, а также то обстоятельство, что внешняя полоса спиралей попрежнему остается наиболее широкой, заставляют нас отнести эту группу к самому началу П. М. III периода. Повидимому, другим надежным критерием для определения переходного стиля служит соединение ручек кувшина с его краем. В зрелом стиле П. М. III*a* ручка располагается на горлышке несколько ниже венчика[3].

Хорошие отложения ранней П. М. III*a* керамики найдены в помещении для ванны корпуса Г в Палекастро[4], в некоторых из погребений в глиняных саркофагах того же поселения[5], в одном погребении в саркофаге близ Гурнии[6], в «храмовом погребении» в Кноссе[7] и в погребальных камерах в Каливии[8].

Появляется несколько новых форм. Высокий алавастр, еще подражающий египетским образцам[9], отличается значительно более длинным горлышком[10]. Более мелкие формы кувшинов часто имеют круглое отверстие вместо носика и, как уже было сказано, ручка их расположена ниже[11]. Распространяется кратера с широким отверстием[12] (фото 87, *1*). Изготовляются почти все разновидности сосудов с ручками в форме стремени. Один сосуд переходного типа из гробницы I в Зафер Папуре постепенно суживается к ножке[13]. Из вновь заселенных частей Гурнии происходит почти шарообразный сосуд с ножкой, видоизменяющейся от простого кольца до

---

[1] B. S. A., доп. 77.
[2] Gournia, табл. X, 13—26.
[3] B. S. A., доп. 79.
[4] Там же, 84.
[5] Там же, 79.
[6] Gournia, табл. X, 27—43.
[7] P. of M., IV, 1016.
[8] Mon. Ant., XIV, 560.
[9] См. выше, стр. 219 и 242.
[10] Mon. Ant., XIV, 568; B. S. A., доп. 79.
[11] Там же.
[12] Например, P. of M., IV, 1017.
[13] P. T. K., 22.

того, что можно назвать подставкой, сосуд с почти плоскими плечиками, образующими острый угол с нижней частью тулова, и приземистый сосуд весьма правильной округлой формы с основанием в форме кольца [1]. Следует отметить, что орнамент сосредоточен преимущественно на плечиках и редко покрывает значительную часть тулова сосуда, как это имеет место в П. М. II периоде. Походные фляжки, немногие образцы которых были найдены, имеют, вероятно, иноземное происхождение, как и материкового типа килика на ножке и с одной ручкой, происходящая из Палекастро [2], хотя килика с двумя ручками из Диктейской пещеры, судя по толщине внешнего завитка спиралей, несомненно минойского происхождения [3]. Каноническим типом остается, однако, кубок с полой ножкой и двумя ручками, отличающийся лишь своим узором от типа П. М. II периода [4] (фото 87, *1*).

Обычные кубки, которые теперь почти всегда украшаются ниже края узкой темнокоричневой полоской и бесформенными мазками краски, обработаны тщательнее, чем ранее; они имеют раздутое тулово, суживающееся по направлению к низкой ножке [5]. Форма «вафио» вышла из употребления.

В Палекастро появляется небольшой сосуд с прямыми стенками и ручкой, прикрепленной к расширяющемуся краю. Сосуды этого типа всегда раскрашены, и встречаются экземпляры с маленькой чашечкой на венчике рядом с ручкой и с двумя ручками, из которых одна находится внутри другой [6].

Блюдца с перемычкой над носиком также представляют собой форму, характерную для Восточного Крита П. М. III*а* периода. Встречаются блюдца как без ручек, так и с одной ручкой, расположенной либо против носика, либо сбоку [7]. Вновь входит в употребление круглая пиксида. Попадаются круглые покрышки для ламп [8]. Ритоны неизменно имеют коническую форму.

Пифосы приземисты, почти бочкообразны и часто расписаны по верхней половине тулова. Они имеют низкое горлышко, которому соответствуют широкие крышки с закраинами. Сразу под краем расположены четыре ручки — две вертикальные и две горизонтальные [9].

---

[1] Gournia, табл. X.
[2] B. S. A., доп. 84; P. T. K., № 76 e.
[3] P. of M., IV, 369.
[4] Примеры там же, рис. 306, из «храмовой гробницы».
[5] B. S. A., доп., рис. 68, 2.
[6] Там же, 86.
[7] Там же и Gournia, табл. X, 29, 30, 38.
[8] Там же, табл. X, 5; B. S. A., доп. 89.
[9] Там же, 98.

В центре Крита получают широкое распространение глиняные саркофаги. С каждой стороны они имеют по панели с утолщенным краем или имитацией последнего посредством краски. Крышка возвышается коньком, и концы ребра выступают с каждой стороны, чтобы ее было легче снимать. На востоке Крита стороны саркофага обычно разделены на две панели, и это разделение продолжается на крышке, которая снабжена ручками, соответствующими ручкам корпуса, так что крышки можно было привязывать. Однако данный тип встречается в этой части острова реже; наиболее обычна форма ванны, уже описанная в разделе П. М. II. Эти саркофаги были покрыты либо обломками более ранних саркофагов, так как вторичные погребения еще были обычными явлениями, либо простой глиняной пластиной. В то время как саркофаги в виде ящика, несомненно, скопированы с находимых в домах деревянных ящиков, саркофаги в форме ванн почти наверное употреблялись в домашнем обиходе перед тем, как получали применение в качестве гробов [1].

Орнамент, встречающийся в П. М. III*a* периоде, в общем, представляет собой стилизованную форму узоров П. М. I — П. М. II периодов. «Змеиный узор» и волнистая линия имеют тенденцию к превращению в угольники, которые в свою очередь, как мы видели, располагаются в виде ромбов. Типичный цветок показан на рис. 43, 8, но скоро появляется дальнейшая стилизация, при которой околоцветник просто заполняется рядом дуг. В конечном итоге они получают наклон в сторону, так что боковая сторона одного цветка становится вершиной следующего [2]. Папирус превращается в простое ожерелье (рис. 40, 18) [3] или же получает стилизованную форму пальметки (рис. 40, 5). Об изображении двойной секиры мы уже говорили. Оно встречается редко, но всегда сохраняет свою форму и не подвергается стилизации. То же самое относится к «священным рогам» (рис. 40, 10), для которых естественно было бы ожидать быстрого вырождения в лишенный значения фриз [4].

Осьминог остается излюбленным мотивом орнамента (фото 87, *1*) [5]. Число щупалец сведено до шести, но на двух нижних парах еще остаются присоски, которые симметрично продолжены сверх их естественных размеров. Дальнейшая стилизация наблюдается на одной кратере того же времени из Палекастро: верхняя пара щупалец превратилась

---

[1] B. S. A., доп. 151; здесь рассматривается весь материал по данному вопросу.

[2] Там же, рис. 60; в конце концов они покрывают весь сосуд, наподобие лестничного узора (там же, рис. 76).

[3] Это образец из Амнисоса (ср. Gournia, табл. X, 6).

[4] Например, B. S. A., VIII, табл. XVIII, доп., рис. 88, *a*.

[5] P. of M., IV, 311.

Рис. 40. *1—18* — образцы П. М. III керамики.

в простые усики, две средние — в длинные переплетающиеся линии, а нижняя пара образует петлю вокруг основания тулова [1].

Но наиболее заметное отступление от предшествующей минойской традиции выражается в появлении фигур птиц и животных в качестве мотивов орнамента сосудов. Водяная птица была сравнительно обычна на материке, начиная со среднеэлладского периода; особенно хороший образец П. Э. II периода найден в Аргосе. Но на Крите изображение птиц и животных в орнаменте керамики впервые встречается только в П. М. IIIa периоде [2]. Что они представляют собой заимствование извне, не основанное на местной традиции, ясно показывают те чисто условные узоры, которыми они украшены, как и присущая им уже застывшая стилизованная форма, весьма отличающаяся от случайных черт сходства, побуждавших Р. М. гончара пририсовывать головы животных к уже законченным орнаментам.

На севере изображения птиц и животных редки, но они встречаются на ряде высоких алавастров, происходящих с кладбищ в Фесте и на хорошо известном саркофаге из Аногии (рис. 40, 5 и 6). Вместе с ними появляются рыбы и водоросли, а на одном сосуде из Лигуртино изображены птицы, ловящие бабочек. Часто хвост птицы распускается почти веером; так же трактуются развернутые крылья [3]. В других случаях птицы изображаются бесхвостыми и бескрылыми или же обозначаются рудиментарные крылья, чтобы показать, что птица летит [4].

Изображения животных очень редки. В них заметно стремление к большему натурализму, но эта цель не достигается (фото 87, 2) [5]. Именно данное обстоятельство свидетельствует, что эффектно стилизованные водяные птицы представляют заимствование извне. Может показаться странным, что вполне выработавшаяся традиция изображения животных на более ранних фресках и на относящемся к тому же времени саркофаге из Агиа-Триады не оставила никакого следа в керамике, но мы должны помнить, что в древние времена это были две совершенно различные области искусства. Очень редко один и тот же художник пытался работать и на плоской и на кривой поверхности.

---

[1] B. S. A., доп., рис. 66. Здесь такая же зубчатая кайма, как и на сосуде из «храмовой гробницы».

[2] P. of M., IV, 335. Здесь приведен сосуд, найденный в смешанном стложении П. М. I — П. М. II в западном дворе (дворцовый музей, B, III, 14) — единственный образец, найденный в этих условиях; весьма вероятно, что он некритского происхождения.

[3] Например, B. S. A., VIII, табл. XIX.

[4] Там же, доп., рис. 72.

[5] Gournia, табл. X, 44. Ср. грифона из Палекастро (B. S. A., VIII, табл. XVIII).

Человеческая фигура представлена только один раз[1] — на саркофаге из гробницы IX в Зафер Папуре. На одной стороне саркофага сохранились следы изображения колесницы, а на другой — двух человек, ловящих арканом дикую козу. Рисунок чрезвычайно груб; другой отличительной чертой этого саркофага является то, что это единственный образец из Центрального Крита, имеющий поверхность, разделенную на самостоятельные панели одной вертикальной полосой на боковых сторонах и двумя горизонтальными чертами на каждом конце.

Знаменитый расписной известняковый саркофаг из Агиа-Триады свидетельствует, однако, что умение изображать человеческие фигуры не было утрачено[2]. Панели окаймлены сверху и снизу полосами розеток. Боковые стороны рамы украшены спиралями, центры которых образуют розетки, а на концах — имитацией разноцветного камня, наподобие того, как это сделано в нижней части «фрески с грифонами» в «тронном зале» в Кноссе. Эта рама настолько типична для П. М. I — П. М. II периодов, что хотя она была найдена в неперемешанном П. М. III*a* отложении, ее следует отнести к более раннему времени, тем более, что если принять позднюю дату, рисунки на панелях окажутся уникальными[3]. Но положение многих фигур, у которых более близкое плечо оказывается на одном уровне с более удаленным, и появление колесницы на панелях, расположенных по концам, противоречит минойской манере и в то же время имеет вполне очевидные параллели в П. Э. III фресках. На каждом конце изображено по колеснице. На одной из них, в которую запряжены крылатые грифоны, стоят две женские фигуры; у одной, вероятно богини, на голове убор, отчасти напоминающий головной убор царя-жреца. На другой колеснице, которую везут лошади, также стоят две женские фигуры — очевидно, почитательниц. Ошибки и неуверенность в изображении лошадей, контрастирующие с привычными изображениями грифонов, говорят о том, что лошади были еще довольно редки. На одной стороне, за алтарем, на котором лежит связанный бык, проходит процессия женщин, возглавляемая флейтисткой. Горло быка перерезано, и кровь струится в сосуд, имеющий форму ведра. Под алтарем прижались два теленка. Впереди стоит женщина в короткой, покрытой орнаментом верхней одежде и мешковатой юбочке, очевидно, представляющей собой шкуру какого-то пятнистого животного, потому что сзади свешивается хвост. Женщина совершает какое-то возлияние на алтаре. Позади алтаря двойной топор с длинным древком, на котором сидит

---

[1] P. T. K., 29.
[2] Rend. Linc., XIII, 343.
[3] P. of M., IV, 295, 426.

ворон. Двойной топор установлен перед богато орнаментированным алтарем, увенчанным «священными рогами» и, по-видимому, окружающим оливковое дерево. Другая сторона разделена на две части. Налево женщина, одетая так же, как и только что описанная, наливает какую-то жидкость, может быть бычью кровь, в котел, стоящий между двумя двойными секирами, длинные неотделанные ручки которых укреплены на ступенчатой опоре, так часто встречающейся в Кноссе. И здесь на каждом топоре сидит по птице. Позади первой женщины стоит другая, в более обычном минойском костюме; она несет два ведра, перекинутые через плечо. Еще далее позади изображен мужчина, играющий на семиструнной лире и одетый в стиле «фрески с табуретами». На правой половине панели фигуры обращены в противоположную сторону. Здесь представлены трое мужчин, одетых в такие же мешковатые юбочки с хвостом, как и жрица, но с обнаженной грудью. Передний из них несет модель корабля с высоким загнутым носом, а остальные два — или по теленку, или, что более вероятно, по скульптурному изображению теленка, ибо им придано положение «летящего галопа». Все они направляются к тщательно нарисованной двери с плоским перекрытием, перед которой стоит человек в длинной пятнистой мантии, скрывающей его руки.

Рядом с ним изображено дерево, а перед ним — ступенчатое возвышение, предназначающееся, несомненно, для возложения приносимых предметов. К сожалению, нижний правый угол отломался, а вместе с ним — и ноги стоящего у двери человека. Однако, так как голова последнего находится на более низком уровне, чем головы совершающих приношение, есть основание предположить, что он поднимается из-под земли. Во всяком случае, мы можем с уверенностью заключить, что сцена изображает приношения, совершаемые у гробницы покойника, и сравнить ее с обычным египетским изображением, где родственники совершают приношения мумии «оправданного», который стоит между персеевыми деревьями перед дверью гробницы. Можно отметить попутно, что дверь, представленная на этом рисунке, значительно ближе к египетской двери с полукруглым фризом и полужелобками, чем к простой раме, распространенной на Крите.

Вторая фаза развития П. М. III керамики хорошо представлена в Кноссе двумя отложениями, каждое из которых отделено от предыдущего слоя отложением около 30 *см* толщиной.

На уровне пола над «залом с таблетками» найдено несколько сосудов с ручками в форме стремени. Здесь изображение осьминога подверглось дальнейшей стилизации. На одном сосуде голова и глаза животного превратились в две спирали с утолщениями в центре, от которых в виде меанд-

ра отходят щупальца, образующие два симметричных ряда петель вокруг тулова сосуда. В другом случае тело осьминога вовсе не обозначено, и вокруг сосуда идет одиночная волнистая линия. Первый сосуд очень высок и строен и заканчивается внизу конической ножкой. Другой имеет более округлые очертания, и на его плечиках сделаны три длинных S-образных завитка, выведенных двойной линией, которая, весьма вероятно, восходит к двум стеблям плюща. Вместе с этими сосудами найдено дискообразное сито, центр которого украшен семиконечной звездой, причем лучи звезды представляют собой одну из разновидностей «змеиного узора». «Святилище двойных секир» дало еще более интересные образцы сосудов.

Наиболее типичная форма — низкая чашка из простой глины с одной ручкой и хорошо оформленной расширяющейся ножкой. Найден сосуд со стремянообразными ручками, похожий на первый из описанных выше, но с лучшей глазурью и с орнаментом только на верхней части тулова. Небольшие простые кувшины с простым круглым отверстием не лишены сходства с образцами С. М. I*a* периода, тогда как большие сосуды с широким устьем, предназначавшиеся для хранения запасов, напоминают С. М. III сосуды. Два больших сосуда с двумя ручками, употреблявшиеся для воды, чрезвычайно сходны с нынешними баками. Были также найдены два низких сосуда с прямыми стенками, похожие на П. М. III*a* сосуды из Палекастро, но с двумя ручками, поднимающимися прямо вверх от края [1]. У многих сосудов как внутри, так и снаружи видны круговые выступы, сделанные пальцами гончара при их обработке. Пифосы хорошо представлены несколькими образцами из северо-восточного угла южных пропилей. Они невелики и не имеют орнамента, отличаются широким отверстием и плоскими расходящимися краями. Книзу они сужаются до круглого основания и имеют только две горизонтальные ручки, расположенные сразу под краем.

Сосуды из камерного погребения в Милатосе относятся к тому же времени или, во всяком случае, частично совпадают по времени с описанными типами сосудов. Важнейшим сосудом первой группы [2] является кратера такой же формы, что и изображенная на фото 87, *1*, но с более узким основанием. Осьминог превратился в булавообразный предмет с концентрическими кругами наверху вместо глаз. Только нижняя пара щупалец соединена с телом; верхняя пара превратилась в ряд отдельных петель. В этом сосуде находился кубок с одной ручкой типа, встретившегося в «святилище двойных секир»; он стоял на подставке ажурной работы. Среди других сосудов была килика на высокой ножке с высоко загнутыми

[1] Ср. образец из Палекастро, B. S. A., доп., рис. 81.
[2] P. T. K., рис. 105.

ручками и любопытным орнаментом в виде триглифов с промежутками ниже края, низкое блюдце на ножке и с перемычкой над носиком, украшенное рядом концентрических полукругов, небольшой кувшин с удлиненным носиком, вокруг плечиков которого проходит узор, сходный с изображенным на рис. 43, 9, и два сосуда со стремянообразными ручками. Один из них, с очень богатым и тщательно выполненным орнаментом на плечиках, примыкает к последним по времени подлинно минойским образцам из Восточного Крита. Основной сосуд второй группы [1] — кратера обычного типа с рядом стилизованных морских раковин, расположенных вертикально вокруг тулова и разделенных рядами точек. Под каждой ручкой находится панель с орнаментом из четырех звездообразно расположенных листков. Наиболее важные формы — сосуд со стремянообразными ручками типа, характерного для «зала сосудов со стремянообразными ручками» в Кноссе, килика с полосой из кругов, окаймленных точками ниже края, и глубокий ковш с длинной изогнутой ручкой. Вместе с каждой группой сосудов было найдено по саркофагу. Оба они принадлежат к обычному для Центрального Крита типу, но имеют ручки на каждом конце крышки. Саркофаг, найденный со второй группой сосудов, лишен орнамента, но другой имел на одном конце грубое изображение мужчины с длинными развевающимися локонами. Правая рука с раскрытой ладонью поднята вверх; в левой он держит нечто вроде щита в форме восьмерки. Внизу изображена рыба.

В Палекастро в помещении кладовой Г 9 найдено хорошее отложение того же времени [2]. Кратера обычной формы разделена на четыре панели вертикальными полосами из спиралей или волнистых линий. Панели украшены размашистым узором из угольников, углы заполнены концентрическими полукругами с черточками снаружи — окончательное вырождение формы цветка — или крупночешуйчатым узором, в котором те же полукруги заполняют места соединения линий. На одной большой хорошо оформленной амфоре изображен осьминог, стилизованный так же, как на сосуде из Милатоса, но с тем отличием, что его тело изображено более заметно, если и не более естественно. Другая амфора имеет хорошо оформленную коническую ножку. Волнистые линии, проходящие от ручек вниз, делят ее на три панели. На двух из них проходят по диагонали тройные линии, и каждый угол заполнен обычными концентрическими полукругами. Одна панель разделена по диагоналям большим четырехлистником, лепестки которого сплошь заполнены орнаментом в стиле, распространенном в конце этого периода в восточной части Крита. Остальная

[1] P. T. K., рис. 106.
[2] B. S. A., доп., 106.

площадь украшена розетками, которые имеются также и на найденной поблизости кружке с изображением водяной птицы [1]. Другая кружка имеет орнамент в виде крючков; эта форма сосуда, с одной или двумя ручками (ср. образец из Кносса на фото 87, *1*), типична для рассматриваемого периода.

Мы уже отмечали, что в гробнице в Милатосе был найден сосуд, орнаментированный в пышном, изысканном стиле, характерном для самого конца П. М. III периода. Другой сосуд был обнаружен во вторичном погребении в одной из ниш при входе в «царскую гробницу» в Исопате [2]. Наиболее характерной чертой этого стиля является употребление сплошных массивных элементов орнамента, обычно с окаймлением и в комбинации со сложным переплетением тонких линий и с густо заштрихованными второстепенными фигурами. Излюбленным мотивом служит осьминог, изображение которого можно еще ясно различить, хотя оно уже окончательно утратило реалистический характер и трактуется как чисто условный узор. На плечиках сосуда со стремянообразными ручками из гробницы В в Мулиане только одна пара щупалец имеет более или менее значительные размеры. Эти щупальца превратились в толстые S-образные завитки, концы которых превращены при помощи штриховки в раковины моллюска-кораблика [3]. На одной стороне кружки с перемычкой над носиком из Диктейской пещеры у «осьминога» целых двенадцать толстых извивающихся щупалец и двое «усиков».

На другой стороне — шахматная панель, над которой находится узор из стилизованных морских раковин. На сосуде из Исопаты, так же как на сосуде из Мулианы, концы завитков превратились в изображения моллюсков-корабликов, а остальная площадь заполнена штрихованными четырехугольниками и другими фигурами. На сосуде из Милатоса тщательно сделан орнамент из штрихованных дуг. Сосуд со стремянообразной ручкой из толоса в Агиос-Теодоросе [4] имеет два толстых завитка, оканчивающихся спиралями со сплошным центром. Тело осьминога не показано, даны только одни глаза; видны также две тщательно нарисованные розетки, а остальная площадь заполнена ромбовидным узором из маленьких дуг. Сосуд из той же гробницы, имеющий форму корзинки, украшен таким же узором из морских раковин, который встретился на кружке из Психро, расписанной панелями. Часть сосуда со стремянообразной ручкой с узором такого же типа найдена в Палекастро [5]. Однако центр этого

---

[1] B. S. A., рис. 77.

[2] P. T. K., 141. Ср. более простую форму из гробницы V в Мавроспелио. B. S. A., XXVIII, 258.

[3] Ἐφ. Ἀρχ. 1904, табл. I.

[4] Trans. Penn. Univ., II, табл. XXX.

[5] B. S. A., доп., рис. 98.

тщательно разработанного стиля находился, очевидно, в той области, которую можно назвать «средним востоком» острова [1]. Редкость сосудов этого стиля на Крите и то обстоятельство, что они встречаются только в определенной ограниченной области, в сопоставлении с их широким распространением на материке и на островах не позволяет создать для них новое хронологическое подразделение — П. М. III*c*. Действительно, керамика П. М. III периода легко подразделяется на две группы. К первой относится керамика переходного стиля, представленного в Палекастро и переходящего непосредственно в стиль П. М. III*a*, который характеризуется широким распространением мотивов птицы и осьминога. Ко второй группе относится керамика П. М. III*б* стиля, характеризующегося вырождением мотива осьминога и грубой выделкой более крупных сосудов. В четко выраженном слое этой фазы в Палекастро найдена кружка с изображениями птиц, которая должна быть очень близка по времени к П. М. III*a* периоду, а в столь же чистом отложении в Милатосе, относящемся к тому же времени, обнаружен сосуд с пышным орнаментом в стиле, который, как мы знаем на основании памятников из Мулианы, непосредственно примыкает к следующим за ним раннеминойскому и раннегеометрическому стилям. Во всяком случае археолог Крита остро ощущает необходимость раскопок какого-либо поселения из существовавших, вероятно, на материке против Мохлоса: раскопки могли бы вскрыть ряд слоев, которые позволили бы раз навсегда разрешить ряд вопросов датировки.

Изделия из металла П. М. III. Длинные рапиры остаются без изменения со времен П. М. II, и оба типа — как крестообразные, так и имеющие форму рога — сохраняются до конца П. М. III*a* периода [2]. В гробнице 95 в Зафер Папуре был найден короткий меч треугольной формы с прямоугольным тыловым краем и закраинами, выступающими вокруг рукоятки, которая расширяется на конце в гнездо для охвата головки. Из погребальной камеры в Палекастро, датируемой самым началом П. М. III*б* периода, происходит кинжал крестообразного типа, но с рукояткой, подобной только что упомянутой [3]. Наиболее позднего происхождения два меча из гробницы В в Мулиане того же типа, что экземпляр из Зафер Папуры, но расширяющиеся по направлению к острию. Они подводят нас уже к порогу железного века. Единственный найденный наконечник копья, происходящий

[1] Ср. Gournia, 45, рис. 25; Vrokastro, 149.
[2] P. T. K., 105 сл.; B. S. A., XXVIII, 282.
[3] Там же, доп. 117. Эта форма, повидимому, восходит к П. М. II периоду, так как она встречается на таблетках с мечами из Кносса. P. of M., IV, 854 сл.

из «гробницы булавоносца» в Исопате, относится к типу с муфтой П. М. II периода [1]. Ножи часто обнаруживают замечательное сходство с нынешним поварским ножом [2]. Встречаются бритвы, как изогнутые с одним режущим краем, так и обоюдоострые и листообразные; первый тип преобладает на востоке [3], а область распространения последнего ограничена Кноссом, где бритвы были обнаружены в позднейших погребениях храмовой гробницы. Бронзовые сосуды редки. Два таких сосуда были найдены в гробнице 99 в Зафер Папуре [4]. Один из них представляет собой низкую чашу с прямыми стенками и низко расположенными горизонтальными ручками, из середины которых выступают вертикальные отростки с шишечками; другой — шарообразный, с коротким широким горлышком, плоским краем и одной ленточной ручкой. В Мавроспелио найдены обломки чашек весов и свинцовые гири [5].

Сосуды из камня П. М. III. От П. М. I до П. М. II периода наблюдается очень мало изменений в выделке каменных сосудов, если только немногие известные нам экземпляры не перешли в П. М. II просто по наследству [6]. Для П. М. III периода не известно ни одного образца. Не выходят из употребления сосуды типа «птичьего гнезда» и «чаши-цветка» [7]. Впервые после С. М. I периода появляется высокая цилиндрическая пиксида с тиснеными полосами у вершины и у основания; были найдены также две пиксиды меньшего размера [8]. Но два превосходных сосуда вовсе не имеют параллелей в других местах. Один из них — низкая миска с тиснеными вертикальными ручками из гробницы 99 в Зафер Папуре; другой — прекрасный кубок из жировика из погребения в саркофаге в Гурнии. Он имеет низкую ножку, ладьеобразное тулово и две бороздчатые ручки и очень напоминает некоторые из лучших минойских кубков [9].

В Палекастро, единственном П. М. III поселении, где найдены каменные лампы, последние имеют в этом периоде более длинную подставку, чем ранее; вернее, она приблизилась по своим размерам к подставкам П. М. I — П. М. II ламп в других местах. «Чаша-цветок» сохраняет форму, описанную выше. Ее ножка имеет тисненую поперечную полосу посередине [10].

[1] T. D. A., 15.
[2] Например, P. T. K., 25.
[3] Там же, рис. 71, 98; B. S. A., доп. 118.
[4] P. T. K., 89.
[5] B. S. A. XXVIII, 253. Вес гирь не указан.
[6] Например, в гробнице III в Мавроспелио найден очень хороший мраморный ритон в форме кубаря, относящийся к П. М. I периоду.
[7] Например, Mavrospelio, XII, 1; XX, 6.
[8] Там же, III, 23; T. D. A., 33, табл. X, 27.
[9] Там же, 28.
[10] B. S. A., доп. 139.

Статуэтки П. М. III. Статуэтки в П. М. III периоде делаются только из терракоты. Образцы из Гурнии и Прииаса уже были описаны выше в разделе, посвященном П. М. I периоду, хотя весьма возможно, что их следует относить к П. М. III периоду [1]. Подавляющее большинство статуэток, если не все, найдено в отложениях П. М. III*б* периода, хотя техника статуэток из «святилища двойных секир» и гробниц 3 и 4 в Мавроспелио позволяет предположить, что они были сделаны в первой половине периода и продолжали находиться в употреблении.

На востоке Крита в Палекастро обнаружена статуэтка, изображающая группу трех женщин, которые, взявшись за руки, танцуют вокруг центральной фигуры, держащей лиру. Стиль этой группы чрезвычайно живой. Кружевной узор юбок и сосудов, найденых вместе с группой, показывает, что она относится к началу периода [2].

Если не считать только что упомянутой группы и уникальной группы статуэток из кладбища в Атсипадесе, П. М. III период представляет пробел в производстве статуэток. Найденные образцы почти наверное были ввезены с материка, где подобные фигурки встречаются очень часто [3]. Сопровождающая их керамика, как и вообще бо́льшая часть западнокритской П. М. III*а* керамики, проще и ближе к стилю П. Э. III*а*, чем керамика других мест.

Важнейшей статуэткой в «святилище двойных секир» является фигурка богини, облаченной в цилиндрический кринолин и орнаментированную верхнюю одежду. Ожерелья и браслеты обозначены точками. Огромные руки подняты, ладонь правой руки обращена к зрителю, ладонь левой — внутрь [4].

Черты лица моделированы грубо, но четко. Волосы заплетены в косу, которая спускается на спину; на голове находится голубь. По обе стороны от богини стоят фигуры ее прислужниц, несколько меньших размеров; голова одной склонена, а другой повернута к богине. Их руки, имеющие форму простых глиняных цилиндров, прижаты к груди. На противоположном конце выступа находится фигурка мужчины, стоящего на четырехугольном основании и принося-

---

[1] Дальнейшими доводами в пользу поздней датировки являются трактовка волос и наличие фигурок птиц, которые, по мнению археологов, производивших раскопки, первоначально должны были помещаться на головах человеческих фигурок. Обе эти особенности характерны для фигурок из недавно раскопанного автором раннегеометрического святилища на Карфи в области Ласити.

[2] B. S. A., X, 216, доп. 88.

[3] Встречаются три типа, упомянутые в Archaeologia, 82, 215.

[4] Подобная рука с изображением голубя вместо обыкновенных линий ладони была найдена в Кноссе в 1937 г. Такое же своеобразное положение рук встречается у сидящей фигурки, относящейся, вероятно, к началу железного века и происходящей из северной Греции.

щего голубя. На нем узкая верхняя одежда, зашнурованная сзади, и схематически намеченный гульфик. Кроме того, имеется еще очень примитивная фигурка в сидячей позе, напоминающая статуэтки неолита [1].

К тому же времени относятся две статуэтки из кладбища Мавроспелио [2]. Обе они отличаются от описанных выше более грубыми чертами. Одна из них — несложная фигурка с вытянутыми руками. Другая, у которой видна на затылке остроконечная шапка или локон волос, держит перед собой ребенка с поднятыми руками; поза напоминает бронзовые статуэтки переходного периода С. М. III — П. М. I. Эта статуэтка более приземиста, чем остальные; ее платье украшено короткими вертикальными линиями, сделанными краской, и напоминает пестрые мантии из саркофага в Агиа-Триаде. Значительно более поздним временем должна быть датирована крупная фигурка из Панкалохори с шахматным узором на юбке, маленькой конической шляпкой и очень резкими чертами. Самые поздние — статуэтки из Гази, одна из которых по своим тонким чертам и изысканному головному убору сближается с недавно открытыми раннегеометрическими фигурками на Карфи в Ласити (см. ниже).

Надписи П. М. III. Единственным надписанным предметом из Кносса является черепок с нанесенными краской тремя знаками линейного письма класса В. Так как хорошая глазурь не характерна для Крита, то весьма возможно, что он ввезен с материка, где в этом периоде письмо уже прочно вошло в употребление [3].

Печати П. М. III. Только одна каменная печать была найдена в отчетливом окружении П. М. III*a* керамики. Из Агиа-Пелагии, вероятно, из погребальной камеры, происходит гематитовый цилиндр, на котором изображена богиня, едущая среди зарослей папируса верхом на животном с пушистым хвостом и клювом. Прислужник, следующий за ней сзади, держит через плечо мертвого грифона (рис. 41, *2*). Особенно хорошо выполнена последняя фигура; обвисшее тело грифона — лучшее изображение смерти, достигнутое минойским художником. К тому же периоду относятся и другие цилиндры, также гематитовые [4]. Все они обнаруживают причудливое смешение восточных и минойских мотивов, причем особенно часто встречаются львы и крылатые фигуры. Большинство мужских фигур имеют минойский пояс и гульфик, но их позы и вертикальная композиция чужды критскому стилю. То же самое можно

[1] P. of M., I, 52.
[2] B. S. A., XXVIII, 291.
[3] P. of M., IV, 738.
[4] Там же, 426, 458, 498; ср. также фаянсовый образец P. T. K., 71.

сказать о цилиндре из жировика из Палекастро, хотя изображение демона на нем соответствует минойской традиции [1]. Здесь можно упомянуть также об одной или двух чечевицеобразных печатях-бусинах. На одной агатовой, найденной в Арханесе, изображен связанный для жертвоприношения бык, лежащий на алтаре. Сцена напоминает изображение на саркофаге из Агиа-Триады. На другой печати, из зеленой яшмы,

1 2 3

Рис. 41. 1—3 — образцы печатей П. М. III периода.

представлены три дикие утки, плывущие среди стеблей папируса [2] (рис. 41, *1*). Третья, из пещеры на Иде, изображает богиню, трубящую в раковину перед алтарем, увенчанным парой рогов [3]. Две печати из гробницы 100 в Зафер Папуре изображают львов, нападающих на быков, а на одной, из «гробницы булавоносца» в Исопате, показаны каменный козел и козленок [4].

Чечевицеобразная форма удерживается и в П. М. III*б* периоде, обычно для печатей из жировика. Печать с изображением группы людей, занятых каким-то процессом производства, была найдена в мастерской резчика в Кноссе [5]. Корова с теленком попрежнему является типичным мотивом, а на пробных отпечатках на глине видны собаки, хватающие добычу, козы, бараны и быки. К этому периоду Эванс относит отпечаток из Малого дворца, изображающий льва, бросающегося на лань (рис. 41, *3*), и печать из Арханеса с изображением охотничьей собаки, ловящей дикую утку. К самому концу П. М. III*б* периода должна быть отнесена найденная в окрестностях Кносса печать-бусина с узором в виде завитков раковины кораблика [6]. В печатях, так же как и в керамике, П. М. III*а* период знаменует отход от минойской традиции, а П. М. III*б* — возврат к ней.

[1] B. S. A., VIII, 302.

[2] Там же, P. of M., IV, 492.

[3] Там же, 210; сосуд с длинным носиком, стоящий перед алтарем, сходен с сосудом, найденным близ такого же алтаря в Кноссе (там же, рис. 163).

[4] Последний образец, восходящий к С. М. III периоду, вероятно, сохранился в семье по наследству. То же самое можно сказать о многих печатях из гробниц Феста. Mon. Ant., XIV, 617 сл.

[5] Там же, 595.

[6] Там же, 535, 588, индекс 183.

Ювелирные изделия П. М. III. В кладбищах Кносса найдено большое количество ювелирных изделий. В гробнице 7 в Зафер Папуре встретилось позолоченное бронзовое кольцо с изображением крылатого сфинкса и золотое ожерелье из бусин с узором в виде двойного моллюска-кораблика, встречающимся также в Фесте [1]. В гробнице 66 обнаружено золотое ожерелье из розеток и цепь граненых фаянсовых бус. В гробнице 99, в гробницах 3 и 6 в Исопате и в Мавроспелио встретились бусины различных форм из сердолика, хрусталя, слоновой кости и золота. Новых форм нет. Впрочем, в последнем кладбище в том же отложении, где была найдена богиня с ребенком, оказались золотые конические серьги из зерни с рогами, не лишенными сходства со священными рогами.

Внешние сношения в П. М. III. Внешние сношения этого периода охарактеризовать довольно трудно. Хотя непосредственные сношения с Египтом или, что, пожалуй, вернее, государственные связи и официальная торговля прекратились, все же косвенное влияние, оказываемое Критом и Египтом друг на друга, осталось таким же сильным или даже стало сильнее, чем прежде.

В отложениях П. М. III периода найдено только два предмета египетского происхождения — скарабей из гробницы 100 в Зафер Папуре и алавастр из гробницы в Исопате, причем последний предмет, возможно, унаследован от предшествующего периода [2]. В Египте до сих пор не было еще обнаружено ни одного предмета П. М. III периода. Керамика, найденная в Телль-эль-Амарне, принадлежит к материково-родосско-кипрскому стилю [3]. С другой стороны, появляющаяся в это время склонность к изображению водяных птиц, стилизованного папируса и водного пейзажа, характерная для керамики П. М. III*a* периода, в сопоставлении с преобладающей ролью, которую получает минойский стиль в художественной практике Телль-эль-Амарны, свидетельствует о тесном соприкосновении и обмене идей, никогда ранее не наблюдавшемся в такой степени [4].

Впрочем, это вполне естественно. С прекращением грандиозных работ в больших дворцах художникам и ремесленникам приходилось искать работы на чужбине. Некоторые из них, вероятно, остались на материке у правителей, которые явились преемниками минойской империи и при которых культура П. Э. III периода достигла такого блеска в Микенах. Но другие предпочли попытать счастья в той стране, с кото-

---

[1] Встречается также на материке.
[2] Aegyptiaca, № 46, 47.
[3] Там же, 54; C. of A., II, 110.
[4] P. of M., IV, 336; Tell-el-Amarna, Pendlebury, 124 сл.

рой Крит так долго находился в соприкосновении. В лице Аменхотепа III и его сына Эхнатона они нашли идеальных покровителей, и хотя то новое влияние, которое они принесли в Египет, и было по политическим причинам кратковременным, все же оно оказалось достаточным, чтобы произвести революцию в искусстве, которое на протяжении веков приобрело устойчивые, застывшие формы. В то же время мы обнаруживаем и обратное проникновение на Крит египетских влияний, чего также следовало ожидать. Хотя с упадком Крита официальная торговля между обеими странами, несомненно, полностью прекратилась, совершенно очевидно, что господства материка над островом установлено не было.

Аналогичный характер должны были иметь и отношения с Сирией. Здесь найдено множество эгейских изделий из керамики, но все они, повидимому, материкового производства[1]. Изделия из слоновой кости также имеют больше сходства с микенскими и кипрскими, чем с критскими[2]. С другой стороны, мы уже видели, какое большое азиатское влияние как в отношении формы, так и в отношении рисунка обнаруживают критские печати этого периода.

На западе, в Италии и Сицилии, ввезенные из стран Эгейского мира предметы этого периода также происходят с материка[3]. Чрезвычайно важно установить для П. М. III периода различие между Критом, с одной стороны, и материком и островами — с другой. Прежде всего совершенно ясно, что политические центры материка не имели такой власти над Критом, которую можно было бы сравнить с господством критских правителей в П. М. I — П. М. II периодах. Появляется ряд характерных черт, которые можно назвать микенскими, но на основании этого еще нельзя говорить о наличии какого-либо контроля над островом или даже какой-либо заинтересованности в нем. К числу этих черт относится заимствование толоса, о чем уже упоминалось, а в керамике — сравнительно широкое распространение приземистых алавастров, дорожных фляжек, килик и небольших амфор с тремя ручками. На Крите в орнаменте керамики разрабатывается дворцовый стиль П. М. II периода. На материке она возвращается к более простым формам П. М.— П. Э. I. Заслуживает внимания, что на Крите в П. М. III периоде не применяется в качестве вспомогательной белая окраска. П. М. III *а* периоду, в общем, свойствен более замк-

---

[1] Ср. различные предварительные отчеты в Syria, касающиеся Минет-эль-Бейда и Рас Шамры. Только один сосуд принадлежит к минойскому типу. Syria, XIII, табл. IV; P. of M., IV, рис. 756,*а*. В Палестине керамика из Телль-абу-Хавама характерна для всего периода; не было найдено ни одной минойской вещи. Q. D. A. P., IV, 1 и 2, passim.

[2] Например, Syria, 1929, табл. LVI.

[3] Mon. Ant., II, 9, VI, 121.

нутый стиль, а П. М. III *б*, до появления средневосточного стиля,— более открытый. На материке имеет место обратное явление. Как и можно было бы ожидать, каменные печати и кольца в этом периоде более обычны на материке, чем на Крите; ясно, что многие из лучших резчиков были вынуждены поступить на службу к завоевателям. Мастера фресковой живописи, которые не находили работы на Крите, повидимому, принимали также участие в создании многочисленных фресок в Микенах, Тиринфе и Фивах, где они приспособляли свои сюжеты к материковым вкусам.

Хронология П. М. III. Абсолютная датировка для этого периода затруднительна, так как в Египте не было найдено никаких произведений П. М. III периода. Однако нельзя не связать материковый замкнутый стиль с критским средневосточным стилем П. М. III *б* периода; поскольку в Египте не было обнаружено предметов материкового стиля, поскольку к тому же представляется весьма вероятным, что прекращение сношений между Египтом и странами Эгейского бассейна было вызвано первым морским набегом в царствование Меренпта, т. е. в 1232 году до н. э., то правильнее всего отнести перемену в материковом стиле приблизительно к середине XIII века. Однако переход от П. М. III*а* к П. М. III*б* на Крите произошел, вероятно, несколько раньше, и едва ли мы очень ошибемся, если предположим, что П. М. III*а* охватывает первые две трети XIV века, П. М. III*б* — последнюю треть XIV, XIII и часть XII, а «средневосточный» стиль появляется около 1250 года.

Если это так, то возникает вопрос: когда же начинается на Крите господство ахейцев? У Гомера Идеменей — царь Крита и вассал Агамемнона [1]. В его царстве живут ахейцы, этеокритяне, кидоняне, дорийцы и пеласги [2]. Ахейцы, вероятно, почти не отличаются от домашней прислуги Идеменея, хотя упоминание о различных языках на острове предполагает, что и ахейцы являлись признанной частью населения. Этеокритяне в позднейшие времена жили на востоке Крита и, возможно, даже в гомеровское время являлись четко выраженной этнической группой. Кидоняне, очевидно, представляли собой жителей недавно заселенных западных областей. Кания расположена настолько близко к материку, что здесь вполне могло возникнуть смешанное поселение минойцев и выходцев с материка [3]. Затруднение создают дорийцы. Появления их можно было бы ожидать еще лишь лет через сто или даже больше. Весьма вероятно, что это — переделанное

[1] Илиада, II, 645.

[2] Одиссея, XIX, 175.

[3] Западная керамика П. М. III периода ближе к материковому типу; мы уже упоминали о материковых «куклах» в Атсипадесе.

на греческий лад название какого-то минойского племенного подразделения [1]. Пеласги являются аборигенами.

Троянская война, согласно общепризнанной в настоящее время датировке, относится ко второму десятилетию XII века, а возвышение дома Атрея и Ахейской империи — приблизительно к 1250 году. Это та дата, к которой мы предположительно отнесли появление «средневосточного» стиля. Но стиль этот, повидимому, не является на Крите самобытным. Он гораздо обычнее на островах Додеканеса и в Микенах [2]. Поэтому можно выдвинуть в качестве рабочей гипотезы предположение, что народы материка, предоставив Крит самому себе на протяжении около 150 лет после установления новой династии в Микенах, решили включить его в империю. Возможно, что для этого потребовалось лишь предоставить там удел какому-нибудь кондотьеру, который, обосновавшись в Кноссе, придумал себе родословную, восходящую к древнему царскому роду Миноса. Это отнюдь не было колонизацией. Если наша гипотеза правильна, то керамика Мулианы принадлежит ахейскому наместнику восточных провинций и не может рассматриваться как продукт местного производства [3].

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕМИНОЙСКОГО III ПЕРИОДА

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Атсипадес	Кладбище	Погребения в пифосах с сосудами и фигурками (*Petroulakis*, Ἐφ. Ἀρχ., 1915, 48)
Кания	Кладбища	(B. S. A., VIII, 305; *Mariani*, Mon. Ant., VI, 203; Ath. Mitt., 1900, 466)
Потистерия	Пещера	Черепки в первом большом зале (*Marinatos*, Mitt. über Höhlen und Karstforschung, 1928)

б) Находки на поверхности

Арсани	Алавастр в музее в Ретимне
Аксос	Сосуд и статуэтка (*Taramelli*, Mon. Ant., IX, 310)
Гавдос	Сосуды и черепки из Каравы (*Levi*, Art and Archaeology, 1927, 176 сл.)
Геракари	Автору сообщали в 1935 г. о статуэтках, найденных в 1912 г. в пещере на Коккино Дети
Пещера на Иде	Хрустальная печать (*Evans*, J. H. S., 1901, 142)
Меронас	Акумианос упоминает об украшенных изображениями осьминога сосудах, найденных близ деревни в 1912 г.

[1] Заккареи (м. б. тевкры? — это название связано с нынешним Закросом, словом не греческого происхождения) занимали Дор в Палестине и Сирии.

[2] B. S. A., XXV, 48.

[3] Можно ли упомянуть в подтверждение нашей теории золотую маску из гробницы? Это соответствовало бы материковой традиции.

Панкалохори	Статуэтка богини (*Marinatos*, Arch. Anz., 1933, 198)
Патсос	Черепки из пещеры около церкви Агиос-Антониос в ущелье, виденные автором в 1935 г. Статуэтки из пещеры Гермеса Кранеоса (*Halbherr*, Mus. It. Class. Ant., II, 913)
Перама	Черепки в Та Гребела, виденные автором в 1935 г.
Фурнакия	Черепки и погребения, виденные автором в 1935 г.
Сфакия	Сосуды в Асмолеанском музее из Та Фарангии (B. S. A., доп. 90, рис. 73)
Визари	Погребение в саркофаге, обнаруженное, по имеющимся сведениям, в Элленика; автору в 1935 г. не удалось найти черепков
Зуриди	Погребение, черепки и фигурки в Ксенагеорги, виденные автором в 1935 г. (ср. *Evans*, Diary, 6/3/99)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Амнисос	Гробница	Гробничная камера с погребениями в саркофагах в Мафези (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., XI, 63)
Анополис	Погребение	Погребение в саркофаге в Артса (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1904, 1)
Эпископи	Гробницы	Погребения в Маркабуса (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., II, Παρ. 25; ср. *Taramelli*, Mon. Ant., IX, 368; B. C. H., 1931, 517)
Эрганос	Гробницы	Несколько сосудов из толосов (*Halbherr*, A. J. A., 1901, 270)
Гурнес	Гробницы	Гробничные камеры с погребениями в саркофагах (*Hazzidakis*, Ἀρχ. Δελτ., III, 62)
Кносс	Дворец	Период вторичного заселения. Святилище двойных секир (P. of M., II, 335). Другие отложения (там же, IV, 734)
	Город	B. S. A., VI, 70
	Гробницы	Отложение в храмовой гробнице (P. of M., IV, 1015). Исопата (T. D. A., I). Зафер Папура (P. T. K., I). Мавроспелио (B.S. A., XXVIII, 243 и VI, 81)
Маллия	Кладбище	Погребения в саркофагах в Агиа-Пелагиа (B. C. H., 1921, 536; Ἀρχ. Δελτ., II, 186, IV, Παρ. II, 17)
		Погребения в Агиос-Деметриосе (B. C. H., 1923, 532)
Маллия	Отложение	К югу от дворца (там же, 1933, 296)
Плати	Город	Дома и гробницы (*Dawkins*, B. S. A., XX, 1)
Психро	Пещера	Отложение в священной ограде (*Hogarth*, там же, VI, 94)
Тилиссос	Город	Период вторичного заселения (*Hazzidakis*, Ἐφ. Ἀρχ., 1912; T. V. M., 6)
	Гробницы	Кремационное погребение в Алотцу (*Marinatos*, Ath. Mitt., 1931, 112). Погребения в саркофагах к востоку от поселения (*Hazzidakis*, T. V. M., 81)

б) Находки на поверхности

Агиа-Пелагиа	Кладбище, описанное Эвансом (P. of M., I, 299). Цилиндрическая печать (там же, IV, 497). Сосуды в Асмолеанском музее
Агиос-Силас	Сосуд из Сохоро в музее в Кандии (Каталог, 9182)
Арханес	Чечевицеобразные печати (P. of M., IV, 588 и 41)
Астраки	Кипро-минойский цилиндр (там же, 425)
Гази	Глиняные фигурки богини из каменной постройки (A. J. A., XL, 371 сл.)
Калохорио Педиадос	Глиняная голова (*Levi*, Annuario, X—XII, 619)
Худетси	Сосуд в музее в Кандии (Catalogue, 254)
Клисиди	Черепки с холма по правую сторону дороги за Партени Метохи, виденные автором в 1937 г.
Маратокефало	Поселение и пещера (*Mariani*, Rend. Linc., 1894, 180)
Меса Ласити	Черепки на откосе дороги, виденные автором в 1936 г.
Сархо	Сосуд в музее в Кандии (P. T. K., 96)
Ватия	Сосуды из Камины (в музее Кандии, каталог 9173/4)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Триада	Поселение	Позднейшее поселение (*Halbherr* Mon. Ant., XIII, 71; *Levi*, Annuario X—XII, 613; J. H. S., XXXII, 388).
	Гробницы	Прямоугольные гробницы. Погребения в саркофагах (*Paribeni*, Mon. Ant., XIV, 715; XIX, 5)
Аногия	Гробницы	Погребальные камеры с погребениями в саркофагах (*Orsi*, Mon. Ant., 1, 203; XIV, 679)
Дамания	Гробница	Гробница со сводом (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., II, 171)
Каливиана	Гробницы	Гробничные камеры, раскопанные Маринатосом (B. C. H., 1925, 473)
Камарес	Пещера	Несколько черепков (*Dawkins*, B. S. A., XIX, I)
Сту Куси	Погребения	Два погребения в саркофагах в Ту Брахну-о-Лаккос (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., 1922—1925, 53)
Лигуртино	Гробницы	Толос и другие гробницы (*Evans*, Diary, 8 (5) 94; *Taramelli* Mon. Ant., IX, 423. B. C. H., 1907, 116; *Savignoni*, Mon. Ant., XIV, 655)
Лилиана	Гробницы	Погребения в саркофагах (Rend. Linc., 1902, 318, Mon. Ant., XIV, 627)
Логиади	Гробницы	Несколько бедных погребений (Mon. Ant., XIV, 653)
Фест	Поселение	Вторичное заселение (*Halbherr*, Mon. Ant., XII, 7; *Pernier*, Mon. Ant., XIV, 313)
Ту Фигиоти То Алони (Каливия)	Гробницы	Гробничные камеры и инвентарь (Rend. Linc., 1902, 318; Mon. Ant., XIV, 503)
Цингуния	Поселение	Один раскопанный дом (*Xanthoudides*, Panathenaia, 1907, 92)

б) Находки на поверхности

Драконес	Черепки, найденные поблизости от круглой гробницы (V. T. M., 77)
Ущелье Гулофаранго	Черепки в Агиос-Савасе, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 87)
Морони	Следы погребений в саркофагах, виденные автором в 1933 г. (B. S. A., XXXIII, 90)
Стис Вакиотис тен Кефалан	Черепок, виденный автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 85)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Триада	Кладбище	Погребения в саркофагах (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 297). Дом поблизости (*Dawkins*, B. S. A., XIII, 1). Шаблоны для формовки (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1900, 25, 1903, 187)
Агиос-Теодорос	Толосная гробница	Погребение в саркофаге (*Hawes*, Trans. Penn. Univ., II, 113, 129)
Авго	Сторожевой дом	Стены и керамика (*Hawes*, Trans. Penn. Univ., I, 18; *Evans*, Diary, 14(4)94; *Hastings*, A. J. A, 1905, 277)
Эпископи	Гробницы	Гробничная камера и погребения в саркофагах (*Hall*, Trans. Penn. Univ., II, III; *Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., VI, Παρ. 157)
Гурния	Город	Период вторичного заселения (Gournia, 20, 45)
	Гробницы	Погребения в саркофагах в Аладзомури и погребения в пифосах в Алисса Лангади (там же, 46)
Кавуси	Гробницы	Не опубликованы, в Петрино Тигани в деревне. Сосуды в музее в Кандии
Хамези	Форт	Несколько находок (*Xanthoudides*, Ἐφ., Ἀρχ., 1906, 117)
Курименос	Дома	Несколько находок (*Dawkins*, B. S. A., IX, 329)
Милатос	Гробницы	Гробничные камеры (*Orsi*, Mon. Ant., 1, 208; *Evans*, P. T. K, 93; *Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., VI, 154)
Мулиана	Гробницы	Раннее отложение в гробничных постройках. Нераскопанное поселение (*Xanthoudides*, Ἐφ., Ἀρχ., 1904, 21 сл.)
Палекастро	Дома и кладбище	В Кастри (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 287, XIV, 429). Позднейшее отложение в главной части города (там же, IX, 314, 8208, доп. 74 сл.). Погребения в саркофагах (там же, VIII, 297; X, 227; XI, 290 (в Аспа), 293 и доп. 148). Гробничная камера (там же, VIII, 303)
	Гробница	Святилище (там же, X, 216; XIV, 429)

Пресос	Гробница	Погребение в саркофаге. В гробничной постройке (*Bosanquet*, там же, VIII, 245). Гемма из позднейшего отложения (там же, 251)
Сития	Погребение	Саркофаги из Папурес к востоку от города (*Xanthoudides*, Ἐφ., Ἀρχ., 1904, 52)
Скалес	Пещера	Несколько черепков (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 235)
Врокастро	Отложение	В домах на вершине (*Hall*, Vrokastro, 91)
	Гробница	В Копранесо (там же, 149)
Закрос	Дома	Позднейшее отложение в городе (B. S. A., VII, 121 сл.)

б) Находки на поверхности

Адромили	Погребение в саркофаге (*Evans*, Diary, 7(4)94)
Антрополити	Черепки из поселения, найденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII; ср. *Hogarth*, B. S. A., VI, 147; *Bosanquet*, там же, IX, 176; *Evans*, Akademy, 20(6)96).
Кедри	Погребения в саркофагах (*Evans*, Diary, 1896). Сосуд в музее в Кандии (Catalogue, 541)
Лато	Несколько черепков (*Demargne*, B. C. H., XXV)
Мерсини	Черепки из Халиномури, виденные Р. В. Хетчинсоном в 1936 г.
Страводоксари или Ставрохори	Два сосуда со стремянообразными ручками в музее в Кандии (Catalogue, 9125; ср. *Evans*, Diary, 1896)
Турлоти	Кладбище (*Seager*, A. J. A., 1909, 286). Бозанкет видел остатки в Кастеллосе; черепки, виденные Р. В. Хетчинсоном в 1936 г.
Василики	Несколько черепков на северных склонах Кефалы, виденные автором в 1936 г.
Врисес	Расположение не установлено. Эванс видел один аск, происходящий отсюда (Diary, 1898).

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБЩИЙ ОБЗОР МИНОЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В предыдущих главах мы дали общий обзор развития и падения минойской культуры; но в этом обзоре, естественно, остался незатронутым целый ряд проблем общего характера.

Трудно сказать, в какой мере сохранился язык критян. Некоторое количество критских слов — в том числе и вошедших в греческий язык — сохранено такими писателями, как Исихий [1]. Вполне естественно, многие из них представляют собой названия растений, цветов и животных, для которых не имелось соответствий в греческом языке. Некоторые связаны с навигацией, терминология которой вообще легко воспринимает элементы различных языков. Очень обычны окончания, содержащие -nth- и -ss-, как, например, τερέβινθος (скипидарное дерево), θάλασσα (море), κυπάρισσος (кипарис) и σμίνθος (мышь). Такие окончания часто встречаются в доэллинских географических названиях — Кнос (Кноссос), Тилиссос, Тиринф, Коринф и в Азии — Лабранда [2]. Несколько слов дошло и до наших дней, например ἐπά или ἐπάτγε (здесь), ἐδά (теперь) и ἐτά (там) или устаревшее слово ἄχλα (могила), которое иногда приходится слышать в Ласити. Конечно, минойские географические названия хорошо сохранились и в классические времена, о чем можно судить по

[1] См. список слов в книге Glotz, Aegean Civilization, 386, а также список критских названий месяцев у Рейнака (*Reinach,* Epigraphie grecque, 487).

[2] Ср. Haley and Blegen, A. J. A., XXXII, 141 сл.

названиям рек и холмов в таких документах, как договор о границах между Олунтом и Лато. К сожалению, единственное название, которое применяется в настоящее время,— чисто греческое. Калос Лаккос около деревни Эллиника до сих пор отмечает границу между округами Элунты (Олунт) и Агиос-Николаоса (Лато прос Камара).

Характер языка критян до сих пор определить невозможно; ясно лишь, что он не был греческим. Надпись П. Э. IIIб периода из Ассини [1], где критские буквы приближаются к кипрскому слоговому письму, была переведена на греческий язык. Но этого и следовало ожидать для такого периода, когда придворный критский язык, который, несомненно, являлся официальным, вышел из употребления и вместо него стали применять для письма родной язык местного населения. Действительно, единственное, что можно сказать с большей или меньшей уверенностью, это то, что ни критское письмо, ни кипрский силлабарий не были выработаны для языка греческого типа и что в расовом отношении между обоими народами лежит целая пропасть. Было бы бесполезно строить догадки в этом направлении. Материал собран и приведен в порядок. Мы можем только надеяться на какую-нибудь двуязычную надпись, которая послужит ключом для разгадки критского языка. Но даже и в этом случае может оказаться, что мы имеем дело с мертвым языком, из которого не развилось другого, более близкого к нашему времени языка, облегчающего дешифровку. Все, что мы можем сказать, это, что критский язык, всего вероятнее, имеет анатолийское происхождение; возможно, он родственен ликийскому, киликийскому или карийскому, поскольку из этих мест, повидимому, происходит и само племя. К сожалению, два документа, которые должны были бы нам помочь, содержат слишком мало данных. Один из них — ученическая доска для письма из Египта начала XVIII династии [2]. На одной стороне ее имеется список имен, озаглавленный «имена кефтиу». Однако некоторые из этих имен — египетские, например, Сеннефер и Сеннефрет, одно — Бенджебер — семитское. Значительный интерес среди этих имен представляет имя Акеш, которое не без основания было предложено считать тождественным с именем филистимлянина Ачиш (Икаусу), друга Давида. С ним надо сопоставить другое имя, может быть, женское — Акешт.

Другой документ народа кефтиу — это заговор против глазной болезни. Трудно сказать, простая ли это абракадабра или же неудачная попытка египтянина передать минойский текст египетским письмом. Во всяком случае, тщатель-

---

[1] *Persson,* Schrift und Sprache in Alt-Kpeta.
[2] *Peet,* Essays in Aegean Archaeology, 90 сл.

ный анализ, произведенный Уэйнрайтом [1], ясно показал, что многие слова близки к названиям, распространенным в Малой Азии.

Трудно сказать что-нибудь определенное и относительно знаменитых послеминойских «этеокритских» надписей из Пресоса. Приводились веские доводы в пользу того, что язык их — индоевропейский [2], но и только. Таким образом, невозможно допустить, что эти надписи представляют позднюю стадию критского языка.

Вероятно, в языке имелся ливийский элемент, поскольку Северная Африка, как мы видели, сыграла свою роль в развитии критокой культуры на ее раннем этапе.

Мало вероятно, чтобы критский язык был связан с египетским. Те иероглифы, которые общи обоим языкам, явно имеют неминойское происхождение и были заимствованы Критом. Весьма неосторожно было бы пытаться расшифровывать их в их египетском значении. Многие из них производят впечатление детерминативов — необходимого дополнения в письме, не обозначающем гласных.

Быт критян. Серьезное изучение всех доступных для нас деталей, относящихся к быту критян, могло бы дать большой материал. Здесь мы ограничимся только самым кратким обзором.

Критяне, несомненно, возделывали пшеницу, виноград и маслину («средиземноморская троица»), но мы ничего не знаем о сельскохозяйственной технике. Например, плуг очень похож на египетский, но неизвестно, запрягали ли в него быков. Отсутствие интереса к повседневной жизни в доме и на полях, характерное для критских художников, лишило нас важного источника, из которого мы могли бы черпать сведения. Население разводило овец и коз, а также коров. Об этом мы узнаем по находкам костей. Но какие животные употреблялись для упряжи? Глиняная модель, обнаруженная в Палекастро, показывает нам, что четырехколесная повозка была известна уже в С. М. I периоде, но мы ни разу не встречаем ее изображения на фреске или на каменной печати. Колесница, вероятно, появилась вместе с лошадью в П. М. I — П. М. II периоде, но природные условия Крита не благоприятствовали ее широкому распространению. Обычным способом передвижения для богатого человека были носилки. Верховая езда, повидимому, была неизвестна.

Море. Море, конечно, играло очень большую роль в жизни критян. Рыбная ловля, повидимому, была основным

[1] J. E. A., XVII, 26 сл.
[2] B. S. A., VIII, 125 сл.

занятием в большинстве прибрежных городов. Но уже с самых ранних времен Крит находился в соприкосновении с заморскими государствами, и его господство в восточной части Средиземного моря отразилось в традиции о Миносе, властителе морей. Очевидно, что критяне играли активную роль в торговле и потому в их интересах было охранять морские пути от пиратов. Несомненно, отголоском падения Крита является одна из амарнских таблеток [1], из которой мы узнаем, что Аменхотеп III должен был увеличивать береговую охрану вследствие внезапного усиления морских разбоев со стороны лукки (ликийцев?) и других племен. Странно, что мы нигде не встречаем сцен морских сражений, хотя можно предположить, что стрелок из лука, изображенный на одном фрагменте П. М. I ритона (фото 81, *2*), входил в состав группы, изображавшей уничтожение пиратского гнезда.

Сохранилось несколько моделей кораблей, но главным источником наших сведений в этой области служат каменные печати [2]. Нос корабля всегда высокий и часто заканчивается вилообразным тараном; во многих случаях имеется высокая кормовая надстройка. Применялись как паруса, так и весла. Для управления сначала, повидимому, служил выступающий подобно шпоре укрепленный руль, но в С. М. II периоде, несомненно, под египетским влиянием, он был заменен двумя рулевыми веслами. На двух П. М. II отпечатках видна надстройка в виде рубки или, по крайней мере, укрытие для гребцов [3]. В употреблении были и тяжелые грузовые суда и более легкие галеры. О навигационных методах мы ничего не знаем, но вполне вероятно, что значительная часть сведений критян по мореходству вошла в позднейшие географические труды, потому что Скилакс и «Стадиасм» особенно хорошо осведомлены о Крите.

Военное дело. Повидимому, критяне вообще были мирным народом. В отличие от материка, сцены сражений здесь редки. Панцырь был неизвестен до П. М. II периода [4] но большой щит в виде восьмерки (ἠύτε πύργος) защищал воина от шеи до ног, а его голову покрывал шлем, может быть, украшенный клыками вепря [5]. Наступательным оружием, дополнявшим эти средства обороны, было копье. Меч, если не считать большого широкого меча из Маллии, представлял собой шпагу, предназначенную только для колющих ударов и при-

[1] Winkler, 128.

[2] *Marinatos,* B. C. H., 1933, 170 сл. (тщательное исследование всего материала).

[3] P. of M., II, 244.

[4] Там же, IV, 803. На таблетках из Арсенала (П. М. II) встречаются латы, но нигде нет сцен сражений. Нельзя ли усмотреть в этом еще одну черту, определяющую влияние материка в П. М. II периоде?

[5] Там же, 868; Archaeologia, LXXXIII. 212.

годную для защиты лишь при условии большой ловкости. Необходимая при этом быстрота движений делала пользование большим щитом невозможным, а так как мы нигде не находим изображения малого щита, то весьма вероятно, что искусство фехтования достигло уже довольно высокой ступени развития. Величина некоторых кинжалов, может быть, свидетельствует о том, что меч и кинжал применялись одновременно, хотя других данных, подтверждающих это, у нас нет. Лук употреблялся редко. Очевидно, критяне еще не были такими прославленными лучниками, какими позднее сделались их потомки[1]. Найдены камни для пращи, но неизвестно ни одного критского изображения пращника.

Религия критян. Религия критян служила темой многих исследований[2]. Ее особенности и проявления бесконечны. Здесь достаточно ограничиться самым кратким очерком.

О местах, где был сосредоточен культ в Р. М. времена, мы ничего не знаем. Но в С. М. I периоде мы встречаем горные святилища, например на открытых вершинах Юктаса и Петсофаса[3]. Возможно, что в это время сделались предметом почитания также пещеры, которые служили жилищами для неолитического населения и местами погребения для ранних критян. Означает ли это существование культа мертвых в той или иной форме, трудно сказать. Многие из С. М. I отложений в круглых гробницах в Мессаре представляют собой скорее посвятительные, чем погребальные приношения. Более вероятно, что пещеры Камарес, Скотино и Трапезы были превращены в священные благодаря их причудливому виду, естественным колоннам и сталактитам. Почитание таких колонн и священных камней, имевших форму омфала, очевидно, глубоко укоренилось на Крите.

Однако с возвышением в С. М. I периоде больших дворцов наиболее чтимые святилища устраиваются в самих дворцах, и мы наблюдаем постепенный рост их от простых зал с колоннами в Кноссе и небольшого святилища в Фесте до изображенного на «миниатюрных фресках» пышного святилища, основной особенностью которого остаются, однако, колонны. В частных домах также начинают появляться святилища, хотя они, повидимому, сохраняют старую простую форму зала с колоннами. Наконец, после падения дворцов в

[1] Мы не знаем, где они научились этому. Во всяком случае, не в Египте.

[2] Лучшие работы: *Evans*, Mycenaean Tree and Pillar Cult; The Earlier Religion of Greece, P. of M., passim и указатель под словом Religion; *Nilsson*, The Minoan-Mycenaean Religion.

[3] Заслуживает внимания то обстоятельство, что в то время, как во всей остальной Греции на вершинах гор, когда-то посвященных Зевсу, теперь находятся часовни пророка Илии, на Крите место всех божеств занял Афендис Христос или просто Афендис.

П. М. I — П. М. II периодах мы наблюдаем возврат к простым деревенским святилищам, представляющим собой, вероятно, центры культа для всей общины, а не только для знати. Сцены на ранних кольцах и геммах, где часто изображается богиня с ее прислужницами в священной роще, с очевидностью показывают, что это явление представляет собой возврат к старому обычаю.

На протяжении всей своей истории критяне поклонялись природе, олицетворением которой, начиная с С. М. времен, была Великая матерь богов, повелительница диких зверей и владычица деревьев и гор. Для символизации плодородия природы ее часто изображали с сыном — богом-мальчиком. В греческие времена ее атрибуты были распределены между различными богинями: Афина получила ее змей, Афродита — ее голубей и ее сына, Артемида — ее оленей, а различные нимфы — ее горы, потоки и леса. Но на Крите всегда сохранялось стремление объединить эти божественные образы в один, и Бритомартис, или Диктинна, в большей степени являлась богиней Крита, чем эллинизированная Афина или Артемида.

В изображениях на кольцах и каменных печатях голова богини всегда непокрыта, и ее длинные волосы развеваются по ветру. На более изящных статуэтках, предназначенных для дворца, богиня изображена с тиарой или короной; несомненно, именно эта традиция сохранена в фигурках с головными уборами, относящихся к П. М. III периоду. В обоих случаях на ней обычная женская одежда этого периода. Ее сын изображается или обнаженным, или носящим обычную повязку на бедрах. Иногда на нем надета остроконечная шапка.

Местом пребывания этих божеств земли, воды, воздуха и всего, что содержится в этих стихиях, считались, очевидно, деревья и камни причудливой формы. Эванс привел очень убедительные доводы в доказательство того, что ритуальным средством общения с ними были магические заклинания, трубный звук, издаваемый при помощи раковины, и пляска, а внешним выражением их присутствия — изображение птиц, сидящих на предметах культа [1].

В связи с религией необходимо упомянуть еще о двух предметах [2]. Первый из них известен под названием «рогов посвящения» [3]. Тщательное исследование, произведенное Нильсоном, показало, что они обозначали освященное место, куда возлагались предметы культа — кувшин для возлияний, двойная секира и священная ветвь. С другой стороны, эти

[1] P. of M., указатель, 147.

[2] *Nilsson*, M. M. R., 152.

[3] *Cook* (Zeus, I, 508) приводит соображения, позволяющие предположить, что они ведут свое начало от настоящих рогов, возлагавшихся на алтарь.

рога могли применяться в качестве архитектурного орнамента на постройках сакрального характера, независимо от того, являлись ли они святилищами в собственном смысле или зданиями, подобными Кносскому дворцу, который также представлял собой своего рода святилище. Двойная секира[1] встречается и как посвятительное приношение и как объект культа, помещавшийся между рогами посвящения. На кольцах и печатях ее держат служители культа или несут женщины. Она никогда не изображается в руках мужского божества. Поэтому можно считать несомненным, что она не была эмблемой грома и молнии[2]. Наиболее вероятное объяснение заключается в том, что первоначально это был топор для жертвоприношений, который с течением времени превратился и в символ культа, и в объект его.

Из живых существ чаще всего встречаются в святилищах бык, голубь и змея. Великолепный критский бык был естественным символом силы и мощи. Археологический материал не дает оснований полагать, что он являлся предметом культа. Несомненно, что быков приносили в жертву, и если вольтижировка на быках имела какой-либо религиозный характер, то религиозные представления должны были, конечно, в известной мере ассоциироваться и с центральной фигурой. Однако нет прямых данных для того, чтобы говорить об обожествлении быка. С другой стороны, бог неба, встречающийся почти на всем Ближнем Востоке, часто получает образ быка. Был ли Крит одним из немногих исключений? Предположить это трудно. Голуби часто сопровождают богиню и изображаются сидящими на двойных секирах, колоннах и деревьях. О них также можно сказать, что эти птицы представляют естественные атрибуты божества лесов. Но поклонение змее носит уже другой характер. Повидимому, это было благодетельное божество, заботящееся о благосостоянии дома,— верование, сохранившееся во многих местах и до настоящего времени[3]. Мы уже упоминали о принадлежностях культа змеи, найденных в П. М. II доме западного двора в Кноссе (см. стр. 229). Во многих святилищах также были найдены «змеиные трубки». Критяне либо действительно поклонялись змее, либо просто стремились завоевать ее расположение; во всяком случае это было единственное живое существо, которому делались приношения.

Другая группа образов, связанных с религиозными сюжетами,— это божества с головами животных, особенно широко почитавшиеся в П. М. периоде[4]. Эти божества изображаются

[1] M. M. R., 192.
[2] Ср., однако, несколько более позднюю гемму с Мелоса (*Cook*, Zeus, II, 544).
[3] P. of M., IV, 138 сл.
[4] Там же, 431 сл.

как спутники богини и бога-мальчика, которым они приносят возлияния и которых они часто сопровождают в качестве щитоносцев. Данный образ, несомненно, имеет тесную связь с египетской богиней Таурт, но можно также предположить, что это почитатели богини, носящие маски тех животных, которые представляются ее обычными спутниками.

Представления критян о смерти и отношение к мертвым с трудом поддается определению. Наличие в гробницах предметов повседневного обихода говорит о верования в какое-то посмертное существование. Полагаться на кольцо Нестора рискованно[1], поскольку оно было найдено на материке, и хотя оно, несомненно, представляет собой произведение критского художника, необходимо помнить, что сюжеты, разрабатывавшиеся критскими художниками для материка, часто, как мы видели, очень резко отличались от распространенных на Крите. Можно, однако, с уверенностью сказать, что начиная со С. М. I времен умершим делались приношения у их гробниц[2] и что, как показывает саркофаг из Агиа-Триады, покойника вызывали ритуальными обрядами из гробницы, чтобы он мог принять в них участие[3].

Искусство критян. Влиянием дворцового культа объясняется, несомненно, своеобразное соединение в характере критян религиозного формализма и подлинной жизнерадостности с оттенком чего-то детского и бездушного. Критское искусство ясно показывает, что хотя внимание художника было сосредоточено преимущественно на изображении сцен религиозного и полурелигиозного характера, однако он живо наблюдал жизнь природы и обладал таким ее пониманием, которое не имеет параллелей в древности. Присущее ему чувство жизни выражалось в изображении сцен, подобных кулачному бою и вольтижировке на быках, которые, какую бы связь с религией они ни приобрели в дальнейшем, первоначально, несомненно, совершенно не имели религиозного характера и являлись просто проявлением любви к физическим упражнениям. Знание природы и наблюдательность проявляются в почти фотографическом изображении жизни животных. Искусство критян ярко субъективно; Снейдер[4] провел замечательную параллель между этим искусством и художественным творчеством людей, которых по их психическому типу можно назвать «эйдетиками»*. Подобно

---

[1] P. of M., III, 146 сл. и The Ring of Nestor, и т. д.

[2] Например, в пристройках к мессарским гробницам и в храмовой гробнице в Кноссе.

[3] Нильсон, цит. соч., 378, полагает, что покойника действительно обожествляли и окружали религиозным поклонением.

[4] *Snijder,* Kretishe Kunst

* От слова ὁ εἶδος — образ (греч.).

тому, как мы можем, отвернувшись от окна, отчетливо видеть его очертания на белой стене, некоторые люди обладают способностью воссоздавать действительный предмет, который они видели, как бы делая на белой стене или на соответствующем материале отпечаток с хранящегося в их памяти негатива. Повидимому, именно таким образом работал художник в пещерах Альтамиры. Следует отметить, что на Крите подобное проявление художественного творчества наблюдается преимущественно на фресках, которые быстро набрасывались, пока образ был еще совсем свеж, в меньшей степени на гипсовых рельефах и почти вовсе не обнаруживается в каменных печатях, требовавших для отделки более длительного времени. Изображение человека почти всегда стилизовано, может быть, в результате своего рода табу, вследствие которого оно не фигурирует и в вазовой живописи [1]. Но в изображении диких животных и птиц и в живом восприятии обстановки, в которой развертываются сцены из их жизни, критские художники не имели себе равных в древнем искусстве вплоть до дней Телль-эль-Амарны, характерный стиль которой, возможно, многим обязан их влиянию [2].

Наилучших результатов критский художник достигал обычно в работах малого масштаба. Его миниатюрные сосуды, живописные и скульптурные произведения превосходны. В работах же большего масштаба — хотя многие отдельные фигуры, как, например, «царь-жрец», великолепны — он, повидимому, не всегда умел охватить должным образом весь сюжет и, насколько можно судить по фрагментам «фрески с процессией» и другим, композиция у него оставляет желать многого.

Любопытный пробел в психическом складе критян составляет отсутствие чувства историзма. Нет ни одной сцены, которая могла бы рассматриваться как воспоминание о каком-либо историческом событии. На стенах дворца и на поверхности отвесных скал не делалось надписей, сохраняющих память о войнах, походах или получении дани. Критяне никогда не пользовались в широком масштабе письмом как средством орнамента, и это особенно странно потому, что они не только находились в тесном соприкосновении с Египтом, где украшение стен надписями достигло высокого развития, но и пользовались развитым иероглифическим письмом, которое весьма эффективно применялось на С. М. II каменных печатях. Само собой понятно, что линейное письмо мало пригодно для декоративных целей, и даже в документах никогда не делалось попытки выработать каллиграфию в

[1] Однако округлая поверхность сосуда делала практически неизбежным для художника отвлеченный орнамент.

[2] См. выше, стр. 275, а также написанную Франкфортом главу в The Mural Painting of El-Amarneh.

египетском смысле, но вместе с тем было бы вполне естественно, если бы именно для этой цели наряду с линейным сохранилось иероглифическое письмо.

Обзор истории Крита. Таким образом, мы должны восстанавливать историю Крита на основании памятников материальной культуры, и здесь будет уместно вкратце подвести итог достигнутым результатам.

Неолитический период. В неолитическом периоде (ранее 4000—3000 года до н. э.) на Крит пришел народ, наиболее тесно связанный в культурном отношении с населением юго-западной Анатолии и Сирии. Эти сравнительно немногочисленные пришельцы расселились на скалистых возвышенностях восточного Крита, на перешейке Иерапетры и в плодородной долине Мессары, а также в отдельных районах вдоль северного побережья, откуда они получили доступ к плоскогорью Ласити (карта 3). Это было племя мореплавателей, как показывают встречающиеся в неолитических слоях произведения египетского искусства, а также то, что поселения расположены группами, каждая из которых имеет доступ к какой-либо точке побережья. Непрерывной цепи поселений, тянущейся от определенного места первоначальной высадки, откуда направлялась бы в дальнейшем колонизация, не существует. Может даже показаться, что основной задачей было во что бы то ни стало избегать соприкосновения с побережьем. Для восточной группы поселений единственным портом служит Закрос, для Мессары — Комо. Маллия — порт Мохлоса, области Ласити и горных склонов к западу от Ласити, Амнисос — порт Кносса. Вполне возможно, что еще будут открыты другие прибрежные поселения, но следует отметить, что в уже раскопанных поселениях неолитическое отложение крайне скудно.

Для жилья использовались преимущественно пещеры; пещеры меньшего размера, естественно, применялись для погребения. Только Магаса, Кносс и Фест имеют построенные дома. Может быть, эти города являлись центрами небольших государств. Причины того страха, который заставлял искать укрытия в пещерах, мы, вероятно, никогда не узнаем. Это понятно по отношению к такому дикому пункту, как Потистерия, но относительно пастушеских общин, каковыми в скором времени, повидимому, сделались остальные поселения, это объяснить нельзя. Невозможно, разумеется, предположить, что критяне научились возводить постройки только в более позднее время, так как не подлежит сомнению, что даже в период, соответствующий нижнему неолитическому слою в Кноссе, существовала какая-то форма искусственных построек, хотя следов их и не найдено, тогда как в большин-

стве других пунктов до самого конца этого периода население пользовалось для жилья пещерами.

Раннеминойский период. В раннеминойском периоде (приблизительно 3000—2200 годы до н. э.) население острова быстро возрастало (см. карту 13) [1]. В первую очередь следует отметить основание важных городов на побережье, как, например, Палекастро, Псиры, Мохлоса и Гурнии. Наиболее процветающие поселения находятся на востоке, и едва ли можно сомневаться, в особенности если принять во внимание данные археологических находок, в том, что новая волна колонизации пришла, как и в первый раз, из Азии. Однако, что касается юга, где особенно плотно заселена Мессара, то есть основание полагать, что волна переселенцев — может быть, меньшая — направилась сюда из Ливии. Во всяком случае жизненные условия становятся гораздо легче, быстро возникают упорядоченные общины. Но остров все еще остается разделенным на три основные области — центральную, южную и восточную, и вполне возможно, что эти три области соответствуют племенным делениям на азиатском берегу, откуда на протяжении третьего тысячелетия они пополнялись переселенцами. Это будет выяснено лишь дальнейшими раскопками в Анатолии и Сирии.

Во всех областях жизни наблюдается быстрый прогресс. Очень высокого уровня достигла архитектура жилищ, для суждения о которой наилучший материал дает нам восточная часть острова. Старая двухкомнатная хижина неолитических времен была расширена посредством присоединения дополнительных комнат, хотя правильная планировка еще почти не встречается. Как это вообще характерно для первобытных времен, архитектура гробниц отражает черты, типичные для жилья предшествующего поколения. На востоке старый тип постройки, состоящий из двух комнат, сохраняется и для гробниц. Но даже и эта уступка духу времени, повидимому, казалась некоторым непозволительным новшеством, потому что часто встречается и погребение в скальном укрытии, которое в центре острова было еще распространено повсеместно. На юге круглая гробница, несомненно, унаследованная из Ливии, вытеснила начиная с С. М. периода другие формы погребения.

Невозможно сказать что-нибудь определенное об общественном строе Крита того времени. Глотц набросал привлекательную картину патриархальной общины, основываясь на групповых погребениях в гробницах как Южного, так и

[1] На этой карте, как и на следующей, курсивом обозначены поселения, которые не допускают более точной датировки, чем Р. М. и т. п. Их список прилагается в конце главы.

КРИТ
Поселения, в которых были найдены памятники раннеминойского периода
Поселения, которые не могут быть с достоверностью отнесены к тому или иному из трех периодов, обозначены курсивом
Раскопанные поселения ○ МАЛЛИЯ
Находки на поверхности × Гортина
Масштаб
0 5 10 15 20 25 30 км
Трапеза
Орнитя
Агиос-Онуфриос
Аподулу
Дамаста
Агиа-Пелагия
Каливес
Аминос
Агиа-Триада
Пиргос
ГАЗИ
КНОСС
ГИЛИССОС
Геофиракия
СТРАВОМИТИ
Канли-Кастелли
ЭЛЛЕНЕС
КАМАРЕС
МАЛЛИЯ
Турнес
Калохорио
Монастырь Камарио
Вони
Мокос
Синиос
КРАСИ
ТРАПЕЗА
КАСТЕЛЛОС
ЦЕРМИАДА
Платиа
ПАРТИРА
АРКАЛОХОРИ
ПРИНИАТИКОС ПИРГОС
КАЛОХОРИО
ПИРГИ
МОХЛОС
Сиситос
ПЕТРАС
АГИОС-НИКОЛАОС
ПАЛЕКАСТРО
Вави
Карида
ЗАКРОС
Скалес
Афрати
АГИОС-АНТОНИОС
ПАХИАММОС
ВАСИЛИКИЯ
АГИОС-ИОАННИС
СФУНГАРАС
ГУРНИЯ
АГИА-ФОТИЯ
Ираклио
Ираклион
Аргалиос
Ираклия
Ираклия
Ираклия

Восточного Крита [1]. Он считает, что каждый клан или род имел особый дом и особую гробницу, и усматривает признаки разложения клана в появляющихся в более позднее время отдельных погребениях. Как ни привлекательна эта теория, у нас нет достаточно солидного материала для ее подкрепления. Индивидуальные погребения распространены повсюду, кроме юга. Лишь немногие из скальных укрытий могли вместить одновременно больше одного тела, и вторичное погребение могло стать возможным лишь тогда, когда от первого оставался только скелет. К тому же мы можем допустить существование одного или нескольких склепов в каждом поселении, не делая вывода о существовании патриархального родового строя. Весь имеющийся материал указывает лишь на появление развитой городской общины на месте рассеянных сельских общин неолитических времен.

Именно эта концентрация населения в городах и деревнях сделала возможным прогресс в области искусства. В обстановке чисто пастушеского быта, типичной до этих пор для большинства критских поселений, еще нет мастера-профессионала. Глиняную утварь, как и украшения, которые можно изготовить из зубов и камешков, делают в каждом доме женщины. Деятельность мужчины ограничена строительством и изготовлением оружия. Только с появлением городов и деревень искусство гончара и гравера становится профессией.

В производстве керамики раннеминойский период отмечен введением расписного орнамента и воспроизведением в керамике форм, свойственных изделиям из металла и кости. Благодаря лучшему обжигу изделия получали более светлую окраску, и поэтому вначале была обычной роспись темным по светлому. Однако обработка фона горшечниками Василики сделала применение темнолинейных узоров бесполезным, а после того как мастера охладели к новому типу росписи, не допускавшему достаточно действенного контроля, они ввели в употребление белую краску, которая заметно выделялась на более темном фоне. В результате пестрая поверхность была заменена черным лаком. Роспись светлым по темному укоренилась для более тонких изделий из керамики на 800 лет. К концу Р. М. III периода существовали уже почти все формы сосудов, встречающиеся на протяжении всего минойского периода.

В технике обработки металлов критяне отстали. Попрежнему широко использовался обсидиан. Но несомненно, что только применение металлических орудий сделало возможным усовершенствование каменных сосудов, хотя все еще было широко распространено и тростниковое сверло. Однако скульптура, повидимому, еще не достигла того высокого

[1] The Aegean Civilization, 134 сл.

развития, которое характерно для более позднего времени, за исключением Мессары, где в Р. М. III периоде чувствуется сильное иноземное влияние; довольно примитивны и каменные печати. Примитивным было и воспроизведение природы. Лучшие художники работали только в области чисто условного орнамента.

Внешние сношения в это время поддерживались с Азией, Египтом и Ливией. Из Азии направлялся поток переселенцев; с Египтом, вероятно, установилась прямая торговая связь; из Ливии, возможно, явилась небольшая группа переселенцев, устремившихся за море после того, как Хасехемуи покорил царство западной дельты; отсюда же идет то заметное в Р. М. III периоде влияние, которое было, очевидно, связано с сирийским владычеством в некоторых частях Северного Египта в период первого распада. С Кикладами имелись постоянные сношения, хотя часто трудно бывает отличить результаты прямого взаимодействия от параллельных явлений, наблюдающихся в развитии народностей одной и той же ветви.

Среднеминойский период. К среднеминойскому периоду (приблизительно 2200—1600 годы до н. э.) относятся два наиболее существенных изменения: возникновение дворцов и установление, при всех местных особенностях, обусловленных трудностями сообщения, единства культуры. Карта (см. карту 14) [1] показывает большой рост количества поселений в центре и на юге острова и соответственное уменьшение их значения, если не количества, на востоке. Еще сохраняются три основные группы, но их начинает связывать между собой сплошная цепь поселений. Построена большая дорога, соединяющая Комо с Кноссом. Население постепенно распространяется к западу от Иды, и раскопки в этой области, несомненно, дадут много нового материала. Морская торговля и внешние сношения становятся более регулярными, и поселения появляются по всему побережью. Показательно, однако, что после возникновения дворцов в Египте и Азии встречаются изделия из керамики С. М. II периода только дворцового стиля. Найденная в Кноссе статуя частного лица времени XII династии свидетельствует, что там жил какой-то представитель Египта.

На сколько государств делился Крит, мы сказать не можем, но все говорит в пользу того, что в качестве основной политической силы выдвинулся Кносс, хотя нет оснований отрицать независимость Феста. Как показывает внезапное возвышение незначительного до сих пор города Палекастро и появление в нем и в местах добычи пурпурных раковин в

[1] См. также примечание к карте 13.

14. Среднеминойские поселения всех трех периодов.

Куфониси ввозной керамики С. М. II периода, восточная часть острова почти наверное подчинялась либо тому, либо другому из этих двух центров.

Единство культуры проявляется не только в большом сходстве между строительными приемами и стилями керамики во всех районах острова, но также и в постепенном распространении одинакового типа погребений. Погребение в пифосах вытесняет круглые гробницы Мессары и прямоугольные оссуарии Восточного Крита. Оно становится общераспространенным в С. М. III периоде, когда местами погребения служат скальные укрытия, как в центре Крита, или же отдельные пифосы закапываются в песок, как на востоке.

Замена меди бронзой имела большое значение для развития архитектуры. С самого начала С. М. I периода изготовляются хорошие каменные плиты, уделяется большее внимание внешнему виду построек. Для облицовки начали применять гипс и использовать возможности, которые заключала в себе штукатурка в качестве не только строительного, но и декоративного элемента. Еще до конца С. М. III периода были созданы некоторые из лучших фресок древности. Планировка строений принимает более определенную форму. Сначала наблюдаются лишь случайные группировки строений, теснящихся вокруг центрального двора, как в Кноссе. Но к началу II тысячелетия дворцы во всяком случае приобретают характер более или менее упорядоченного целого; за ними следуют и частные дома, примером чего может служить Хамези. В местных климатических условиях такая планировка представляла очевидные преимущества. Отсутствие внешних окон предохраняло от жара солнечных лучей и от леденящих ветров. Тщательно оборудованная система дренажа устраняла нездоровую сырость, которая могла создаваться вследствие скопления дождевой воды в световых колодцах.

Появление гончарного круга, принесенного, вероятно, из Азии, дало мощный толчок производству керамики. С. М. керамика требует специального исследования, ибо она представляет законченное целое в своем развитии от сравнительно примитивных форм до упадка в С. М. III периоде. Мы наблюдаем появление полихромии в С. М. I периоде, использование предоставляемых ею возможностей в дворцовом стиле С. М. II периода и ее постепенное исчезновение в С. М. III периоде. Этот отход от полихромии сопровождается общим снижением техники керамики; возможно, он был обусловлен тем, что высшие классы начали оказывать предпочтение более ценным материалам. Мастера вазовой живописи благоразумно придерживаются традиционных мотивов условного орнамента. Вводя естественные формы, как, напри-

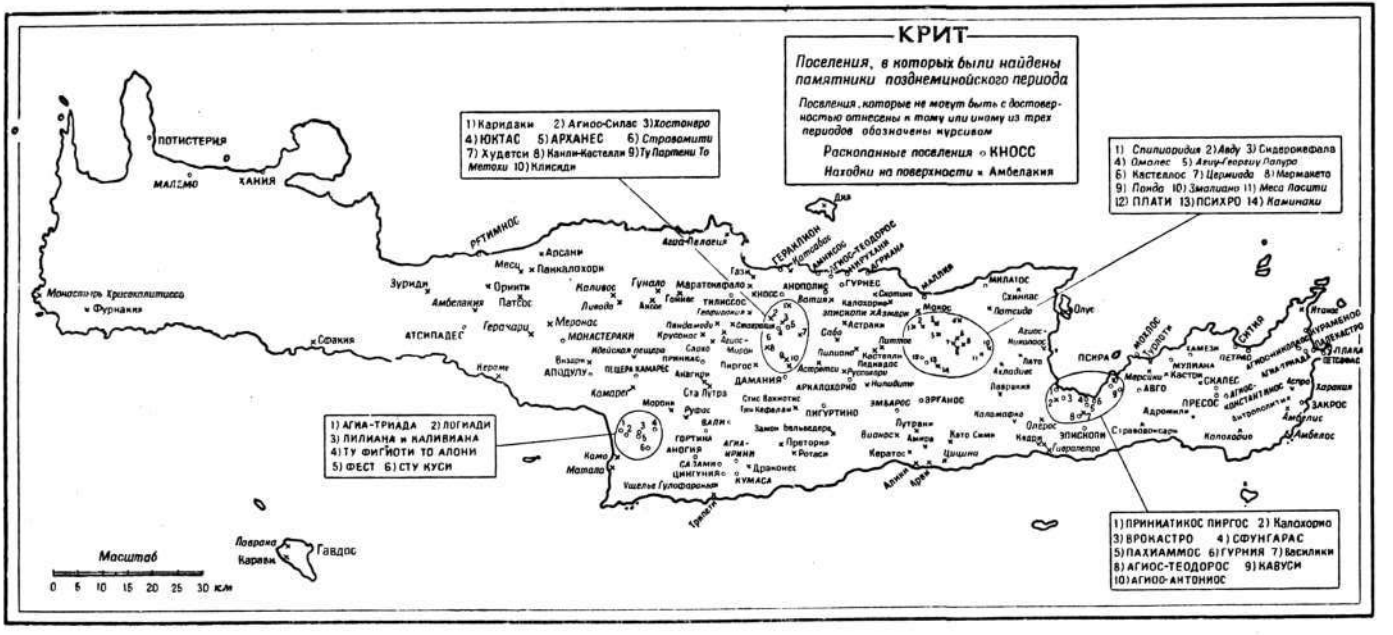
мер, изображение пальмы, они стилизуют их в соответствии с очертаниями сосуда. Орнаментируя поверхность тончайших «скорлупок», они, к счастью, никогда не стремились что-либо имитировать.

В результате распространения металлических сосудов искусство выделки каменных сосудов, естественно, вымерло, и твердые разноцветные камни уступили место однообразному, легко поддающемуся обработке жировику. Широко используются легко обрабатываемые материалы. Глина заменяет камень в производстве статуэток, которое до самого конца С. М. III периода еще отстает в своем развитии от других отраслей искусства. Но в конце периода некоторые наиболее выдающиеся художники этого времени, очевидно, занялись усовершенствованием техники обработки фаянса. Хотя фигурки богини змей и ее прислужниц еще довольно примитивны, трудно представить себе что-нибудь более совершенное, чем найденные вместе с ними рельефные изображения животных. Резчики гемм выработали также свой характерный стиль, освободившись от иноземного влияния. Конечно, встречаются мотивы египетского происхождения, но они приспособлены к критским вкусам, и в С. М. III периоде каменные печати достигают высшего совершенства.

Искусство письма в своей первоначальной стадии также, несомненно, многим было обязано Египту; но развитие от иероглифического письма к линейному было совершенно самобытным. Мы можем проследить этапы, пройденные письмом от применения его в чисто опознавательных целях, для личных печатей и обозначений тюков с товарами, до развитой системы тщательно составленных инвентарей. Может быть, это также является признаком установления централизованной бюрократической власти. Государство, не имеющее письменности, не может вести упорядоченной торговли.

Позднеминойский период. Позднеминойский период (приблизительно 1600—1100 годы до н. э.) делится на две части катастрофой, происшедшей в конце П. М. I — П. М. II. Однако эта катастрофа, повидимому, мало отразилась на плотности населения, и ее результатом было скорее то, что большие общины распались на ряд сравнительно мелких. Карта (см. карту 15) [1] показывает, какая сплошная сеть городов и деревень покрывала в это время остров. Начавшийся в С. М. периоде процесс объединения теперь завершился. За исключением керамики П. М. II стиля, которая производилась только в Кноссе и вывозилась редко, мы лишь в очень редких случаях можем сказать, из какой части острова происходит тот или иной предмет. На карте более нет пробелов,

[1] См. примечание к карте 13.

КРИТ
Поселения, в которых были найдены памятники позднеминойского периода
Поселения, которые не могут быть с достоверностью отнесены к тому или иному из трех периодов обозначены курсивом
Раскопанные поселения ○ КНОСС
Находки на поверхности × Амбелакия
1) Каридаки 2) Агиос-Силас 3) Хостонеро 4) ЮКТАС 5) АРХАНЕС 6) Стравомити 7) Худетси 8) Канли-Кастелли 9) Ту Партени То Метохи 10) Клисиди
1) Спилиаридия 2) Авду 3) Сидерокефала 4) Амалес 5) Агиу-Георгиу Полуро 6) Кастеллос 7) Цермиада 8) Мармакето 9) Ponda 10) Замалиано 11) Меса Ласити 12) ПЛАТИ 13) ПСИХРО 14) Каминаки
1) АГИА-ТРИАДА 2) ЛОГИАДИ 3) ПИЛИАНА и КАЛИВИАНА 4) ТУ ФИГЙОТИ ТО АЛОНИ 5) ФЕСТ 6) СТУ КУСИ
1) ПРИНИАТИКОС ПИРГОС 2) Калохорио 3) ВРОКАСТРО 4) СФУНГАРАС 5) ПАХИАММОС 6) ГУРНИЯ 7) Василики 8) АГИОС-ТЕОДОРОС 9) КАВУСИ 10) АГИОС-АНТОНИОС
ПОТИСТЕРИЯ
МАЛЕМО
ХАНИЯ
РЕТИМНОС
Монастырь Хрисоскалитисса
Фурнакия
Сфакия
АТСИПАДЕС
Герачари
Арсани
Панкалохори
Орити
Патсос
Амбелакия
Зуриди
Коливос
Мерониас
МОНАСТЕРАКИ
Кероме
АПОДУЛУ
ПЕЩЕРА КАМАРЕС
Камарес
Мастала
Лендас
Агиа-Пелагия
Гаргиф
Маратокефало
Гонайес
Тилисос
Ахлон
Гипсиди
Кносс
ГЕРАКЛИОН
Амнисос
Ираклитена
Агиа-Трияда
Анополис
Котиес
Гурнес
Скотино
Калохорио
Эпископи Аязмати
Астрагия
Монос
Милатос
Сминиас
Пателида
Олус
Агиос-Николаос
Лато
Акладиес
Лавракия
ПСИРА
Мирсини
Кастри
АВГО
ПРЕСО
СКАЛЕС
Адромили
Эпископи
Стравомодзос
Калохорио
Ферма
Ситано
Мулиана
Петрас
Агиос-Константинос
Астро
Закрос
Харакия
Ампелос
Ферма
Плака
Петрофас
Ставромено
Врокастро
Агиа-Триада
Фестос
Гортина
Агиа-Ирини
Агиа-Анногия
Са Замико
Цингулия
Вали
Сиос Вахиотис
Три Кефалес
Пигуртино
Замбарес
Эргано
Путрани
Виано
Амиос
Като Сими
Кератос
Цишина
Олерос
Недро
Гиалелепе
Аргалиос
Ксидас
Ксидас-Мирси
Пиргос
Аностери
Аркалохорио
Нилидите
Даманиа
Ста Петра
Рурас
Маронэ
Пиргос
Пиллиано
Саба
Кастелли
Педиадос
Русокипари
Пиллитос
Ксидас
Ксидас-Мирси
Пиргос
Аностери
Аркалохорио
Нилидите
Даманиа
Сиос Вахиотис
Три Кефалес
Пигуртино
Замбарес
Эргано
Путрани
Виано
Амиос
Като Сими
Кератос
Цишина
Олерос
Недро
Гиалелепе
Аргали

и мы уже вправе говорить о группах городов лишь постольку, поскольку в каждой области, естественно, оказывается определенное поселение, которое может считаться «губернским городом».

В П. М. I периоде остров покрывается сетью дорог со сторожевыми постами на определенных расстояниях[1]. Все свидетельствует о государственной организации со строго централизованной бюрократической системой, с центром управления в царской резиденции Кноссе, где, согласно указанию всех греческих легенд, проживал Минос, повелитель Крита и многих заморских владений. Какое неизгладимое впечатление производила эта держава, превосходно показал Дж. К. Фрост, отметивший чрезвычайное сходство между описываемой Платоном в «Критии» Атлантидой и минойским Критом[2]. Еще более интересно предположение Лифа, что Феакия, о которой говорится в Одиссее, есть не что иное, как изображение минойского царства, перенесенного в сказочную страну[3]; Лоример показала, что многие из ранних элементов в гомеровских поэмах представляют собой отражение золотых дней П. М. I — П. М. II периодов[4].

Несомненно, глубокое впечатление, которое производил Крит на современников, объясняется, между прочим, тем, что в критском государстве впервые в истории греческого мира до дней Александра культурные области Эгейского бассейна оказались под властью одного правителя. Агамемнон был верховным повелителем микенской державы, но он являлся только «первым среди равных» и находился в зависимости от своих вассалов. Подобно тому как в Египте за падением Древнего царства, с его сильной бюрократической властью, сосредоточенной в руках фараона, последовал период первого распада, когда отдельные вельможи находились в чисто формальной зависимости от царя, точно так же за падением Кносса последовало расчленение его державы на мелкие единицы, подчинение которых центральной власти, если оно и имело место, было пустой формальностью.

В XVI веке Крит сделался мировой державой. Если он не упоминается в качестве таковой в египетских документах того времени, то это, вероятно, объясняется исключительно тем, что обе страны находились в мирных отношениях. Военные подвиги Крита ограничивались распространением его власти на севере, на материке и на островах и, согласно легенде, на западе, в Сицилии. Создание этой державы

[1] См. также карту 16 и прилагаемый список городов, которые, вероятно, относятся к минойскому времени, но в которых не было найдено предметов, пригодных для датировки.

[2] J. H. S., XXXIII, 191 сл.

[3] *Leaf*, Homer and History, 183.

[4] J. H. S., XLIX, 145 сл.

начинается с появления торговых факторий. Во всем Эгейском бассейне название «Миноя» сохранялось до исторических времен [1]. Одна «Миноя» находилась в Сифносе, одна на Аморгосе, острове близ Мегары, одна на Делосе, одна в Лаконии, ряд других — на побережье Сирии, на западе и даже в Аравии. Это, видимо, были названия, которые местные жители или сами купцы дали поселениям, занятым торговцами Миноса. Следующий этап наступает, когда местный князь обращается к купцам за помощью против своего соседа и получает ее за определенную плату. Так постепенно и, повидимому, мирным образом бо́льшая часть страны оказывается под властью новых пришельцев. Наконец, наступает момент, когда оказываются необходимыми дальнейшие приобретения в целях борьбы с пиратами или защиты местных владений от притязаний других мореходов. Мир на морях необходим для державы, благосостояние которой основано на торговле, а морская держава Миноса — не миф. Однако власть в этой державе не поддерживалась планомерной политикой огня и меча; это ясно из того, что катастрофа в начале позднебронзового века не распространилась на материк.

Материальное процветание Крита в П. М. I — П. М. II периодах отразилось во всех отраслях искусства. Что касается архитектуры, то дворцы остаются в основном без изменений, но частные дома становятся гораздо более пышными. Уже то обстоятельство, что в Кноссе появляются один или два дома на территории, первоначально составлявшей дворцовую собственность, свидетельствует об усилении знати за счет царя. Традиционное скальное укрытие становится теперь настолько глубоким и хорошо оформленным, что его можно назвать погребальной камерой. Последняя, естественно, сменяется гробничной постройкой, так как камера, высеченная в недостаточно прочной скале, легко подвергалась разрушению.

Несомненно, под влиянием тесных сношений с Египтом критяне начали в это же время использовать в качестве фона для фрески поверхность целой стены вместо того, чтобы довольствоваться небольшими панелями. Так как местный слоистый известняк и кристаллический гипс непригодны для рельефов в египетском стиле, они были заменены окрашенной штукатуркой.

Мастера вазовой живописи начинают изображать природу: в П. М. I*а* периоде — цветы и растительные побеги, в П. М. I*б* — жизнь моря. В результате этого орнамент светлым по темному уступает место орнаменту темным по светлому, который дает возможность для гораздо более тонких переходов красок и которому предстояло удержаться повсеместно в Эгейском бассейне на протяжении тысячи лет.

[1] *Fick*, Vorgriechishe Ortsnamen, 27.

Чопорные формалистические сосуды П. М. II периода кносского производства производят впечатление иноземного влияния; этот стиль сближается с «дворцовым стилем» материка, начало которого относится, повидимому, к несколько более раннему времени.

В оружейной технике Крит также был многим обязан своим заморским владениям. Как меч с рогом, так и крестообразный меч, повидимому, были заимствованы из этих более воинственных областей. В миниатюрах мы наблюдаем наивысший расцвет искусства резьбы; примерами могут служить фигурка кносского прыгуна из слоновой кости и ритоны из жировика с рельефным орнаментом из Агиа-Триады. Но каменные печати не достигают уровня С. М. III периода, и хотя известны хорошие отдельные экземпляры, в них также появляется чопорность и формализм, которые ранее были им чужды.

В момент наивысшего расцвета культуры наступает катастрофа. Мы рискнули выдвинуть предположение, что она имела экономические основания, и сопоставить археологические данные с греческой легендой о Тесее. Но, конечно, говорить об этом с уверенностью невозможно. Во всяком случае, ущерб должны были потерпеть правящие классы и города; крупные общины заменяются мелкими. Однако действительного разрыва в развитии местной культуры незаметно; присоединение острова Ахейской державой, повидимому, носило довольно мирный характер. Впрочем, возможно, что запустение Палекастро до конца П. М. III периода указывает на изгнание «этеокритян», для которых эта часть острова могла быть последним опорным пунктом, ибо не следует забывать, что процветание этого города не прекратилось после того, как он был разрушен в конце П. М. I — П. М. II периодов.

В конце XII века Крит был вовлечен в общее культурное развитие Эгейского бассейна. В следующей главе мы дадим краткий очерк этого развития.

ПОСЕЛЕНИЯ, ГДЕ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ РАННЕМИНОЙСКОГО ВРЕМЕНИ, КОТОРЫЕ МЫ НЕ МОЖЕМ ОТНЕСТИ К КАКОМУ-ЛИБО ОПРЕДЕЛЕННОМУ ПЕРИОДУ

(см. карту 13, где они обозначены курсивом)

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

Аподулу	Небольшое поселение в Гурнесе ниже деревни. Черепки, найденные автором в 1933 г.
Дамаста	Маленькая Р. М. статуэтка с отверстием для подвешивания вместо лица (Музей в Кандии, Sculpture Catalogue, 96)
Элленес Амариу	Пещера. Черепки и сосуды (*Marinatos*, Arch. Anz., 1932, 77)

Гавдос	Черепки в Лавраке (*Levi*, Art and Archaeology, 1927, 176 сл.)
Трапеза	Между Аркади и Маргаритес, кувшин, виденный автором в 1935 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

Агиа-Пелагиа	Р. М. поселение, упоминаемое Эвансом (P. of M., I, 299)
Агиос-Теодорос	Р. М. гробницы, упоминаемые Ксантудидисом ('Αρχ. Δελτ., IV, Παρ. 2, 19). Близко от Нирухани
Геофиракия	Р. М. каменная статуэтка (Музей в Кандии, Sculpture Catalogue, 261)
Гурнес	Р. М. черепки и кубки из шахты со стенами (*Hazzidakis*, 'Αρχ. Δελτ., I, 59)
Монастырь Калерги	Повидимому, остатки круглой гробницы, найденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 81)
Калохорио Педиадос	Гемма (Музей в Кандии, Catalogue of Gems, 77)
Катсаба	Топор (Музей в Кандии, Catalogue, 2318)
Пиргос	Нераскопанное поселение на холме (*Xanthoudides*, J. H. S., 1925, 276). М. Чебб нашла здесь каменный топор в 1933 г.
Вони	Гемма (Музей в Кандии, Catalogue, 644)

ЮЖНЫЙ КРИТ

Апесокари	Следы круглой гробницы в Вигла с черепками, очевидно, Р. М. периода, размытые дождем; обнаружено автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 88)
Арви	Эванс упоминает ранние гробницы с кистами (J. H. S., XIV, 285)
Аспри Петра	Р. М. гробницы и ранний скарабей (ошибочно обозначенный автором в Aegyptiaca, 29 как происходящий из Маратокефало) (*Xanthoudides*, 'Αρχ. Δελτ., IV, Παρ. I, 15)
Кератос	Пещера, найденная Мани Коутс и Р. В. Хетчинсоном в 1935 г. Несколько черепков
Комо	Черепки с южной вершины (Виглес) (*Evans*, P. of M., II, 88)
Котсия	Четырехугольная постройка, может быть, оссуарий (*Xanthoudides*, 'Αρχ. Δελτ., II, Παρ. 25)
Лангос	Фрагменты какого-то сосуда, сделанного от руки, найдены в 1934 г. автором в ущелье между Камилари и Комо (B. S. A., XXXIII, 89)
Риза	Предположительно прямоугольная камера для костей (*Xanthoudides*, 'Αρχ. Δελτ., II, Παρ. 25)
Руфас	Черепки из поселения (*Evans*, P. of M., II, 80)
Вали	Круглая гробница (*Marinatos*, J. H. S., 1927, 258)
Василики Мессарас	В Плакура и Мертиес поблизости, повидимому, есть круглые гробницы. Несколько черепков на поверхности. В Гирокефале стены и черепки, найденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 86)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

Адромили	Следы двух круглых гробниц в Педино в получасе ходьбы к западу от деревни; фрагменты сделанного от руки сосуда, виденные автором в 1934 г. (B. S.A., XXXIII, 96)

Калохорио Мирабеллу	Пещера в Като Арнико (*Hall*, Vrokastro, 79)
Кариди	Памятники, найденные в щели в скале (*Dawkins*, B. S. A., XI, 268)
Приниатикос Пиргос	Черепки из поселения (*Hall*, Vrokastro, 79)
Сития	Кикладская мраморная статуэтка (вероятно, из Петраса) (*Evans*, P. of M., I, 115)
Скалес	Несколько черепков из пещеры (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 235)
Спиниес	Небольшой каменный сосуд (*Evans*, Diary, 18(4)94)
Ваги	Каменные сосуды в музее в Кандии (Catalogue, 990)

ПОСЕЛЕНИЯ, ГДЕ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ СРЕДНЕМИНОЙСКОГО ВРЕМЕНИ, КОТОРЫЕ МЫ НЕ МОЖЕМ ОТНЕСТИ К КАКОМУ-ЛИБО ОПРЕДЕЛЕННОМУ ПЕРИОДУ

(см. карту 14, где они обозначены курсивом)

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

Аксос	Гемма (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 164, № 39)
Гавдос	Черепки в Лавраке (*Levi*, Art and Archaeology, 1927, 176 сл.)
Маламо	Черепки, происходящие из толоса (*Prinz*, Ath. Mitt., 1910, 150)
Монастераки	Поселение в Харакасе к востоку от деревни, виденное автором в 1933 г.
Нохия	Черепки близ церкви Агиос-Константинос к северу от деревни, виденные автором в 1935 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

Агиа-Пелагиа	Один черепок, относящийся, повидимому, к этому времени, найденный автором в 1933 г.
Агиу-Георгиу Папура	Изделия из керамики, виденные Тарамелли (Mon. Ant., IX, 407)
Арханес	Несколько черепков и стены (J. H. S., III, 293)
Асмари	Каменные сосуды из Приноса (Музей в Кандии, Catalogue, 241—243)
Астретси	Каменная печать (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 162)
Гераки	Каменная печать в музее в Кандии (Catalogue, 130)
Каминаки	Каменная печать в музее в Кандии (Catalogue, 1258)
Кастеллос Цермиадон	Черепок с вершины и миндалевидная гемма в музее в Кандии (Catalogue, 639)
Мохос	Черепки, виденные в 1935 г. автором в Фрагмене, к северо-востоку от деревни
Нирухани	Свалка черепков около главного строения (*Xanthoudides*, Πρακτικά, 1922—1924, 126; Ἐφ. Ἀρχ., 1922, 25)
Саба	Каменная печать в музее в Кандии (Catalogue, 1359)
Ставракия	Черепки с откоса дороги (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., IX, Παρ. 12)
Стравомити	Черепки из пещеры (*Evans*, P. of M., II, I, 68)

ЮЖНЫЙ КРИТ

Агиа-Ирини	Лампа из гробницы Е (*Xanthoudides*, V. T. M., 53)
Агиа-Варвара	Каменная статуэтка (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., II, Παρ. 22)
Агиос-Онуфриос	Часть найденной здесь керамики (*Evans*, Pictographs, 105)
Бобия	Черепки и стены к востоку от деревни, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 90)
Каливиана	Каменный сосуд в музее в Кандии (Catalogue, 2173)
Сту Кавальеро то Кефали	Черепки из форта выше Агиа-Триады, виденные автором в 1933 г.
Комо	Черепки и стены на южном мысе (*Evans*, P. of M., II, I, 88)
Кумаса	Поселение и святилище (*Xanthoudides*, V. T. M., 49; *Nilsson*, M. M. R., 90)
Руфас	Черепки из поселения (*Evans*, P. of M., II, I, 80)
Салами	Черепки из поселения к западу от гробницы (*Xanthoudides*, V. T. M., 73)
Цуцур	Каменные сосуды в музее в Кандии (Catalogue, 3, 4)
Вали	Позднейшее отложение из круглых гробниц (*Marinatos*, J. H. S., 1927, 258)
Василики	Несколько черепков из Гирокефалы, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 87)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

Острова Дионисиадис	Керамика из пещеры Драгонара (*Bosanquet*, B. S. A., XIV, 429)
Каламафка	Сосуд из Лагу к северо-западу от деревни, виденный автором в 1935 г.
Кохлакиес	Сосуды, упоминаемые Бозанке (B. S. A., IX, 276)
Критса	Каменная печать в музее в Кандии (Catalogue, 974)
Мерсини	Черепок, виденный Р. В. Хетчинсоном в 1936 г. из Халиномури, к востоку от деревни
Монастераки	Каменная печать, найденная поблизости от источника, виденная автором в 1935 г.
Миртидия	Каменная печать в музее в Кандии (Catalogue, 956)
Петрас	Поселение на плоскогорье (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 282)
Приниатикос Пиргос	Черепки из поселения (*Hall*, Vrokastro, 79)
Саратари	Оссуарии на гребне (*Hawes*, B. S. A., XI, 293)
Скалес	Несколько черепков из пещеры (*Bosanquet*, там же, VIII, 235)
Вати Лангада	Каменная печать в музее в Кандии (Catalogue, 1257)
Врокастро	Небольшое отложение в нижнем слое на вершине (*Hall*, Vrokastro, 79)

ПОСЕЛЕНИЯ, ГДЕ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ ПОЗДНЕМИНОЙСКОГО ВРЕМЕНИ, КОТОРЫЕ МЫ НЕ МОЖЕМ ОТНЕСТИ К КАКОМУ-ЛИБО ОПРЕДЕЛЕННОМУ ПЕРИОДУ

(см. карту 45, где они обозначены курсивом)

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

Ампелакия	Стены сторожевого пункта и черепки в Та Мандракия, в 45 минутах пути к юго-западу от деревни, виденные автором в 1935 г.
Гавдос	Черепки из Лавраки (*Levi*, Art and Archaeology, 1927, 176 сл.)

Гониес	Фрагменты пифосов, пряслица и пр. в Стефани, к западу от деревни, виденные автором в 1935 г.
Гунало	Остатки стены и фрагменты пифосов, в расстоянии часа ходьбы к западу от Аксоса, виденные автором в 1935 г.
Каливос	Каменная печать, опубликованная Ксантудидисом (Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 173)
Кераме	Несколько черепков в Висала, виденных автором в 1929 и 1932 гг.
Ливада	Каменная печать (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 177)
Малемо	Прямоугольная выложенная камнем гробница с круглой толосной кровлей. О черепках упоминает Принц (*Prinz*, Ath. Mitt., 1910, 150)
Меси	Саркофаг, найденный в Фукиаосе, по словам крестьян происходящий из гробничной постройки (ср. *Evans*, Diary, 23(3)94)
Монастераки	Поселение в Агиа-Кириаки, виденное автором в 1933 г., частично раскопанное школьным учителем
Ретимн	Гробницы в Ставромене (*Mariani*, Mon. Ant., VI, 211)
	Каменная печать (*Xanthoudides*, Ἐφ Ἀρχ., 1907, 173)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

Агиос-Мирон	Каменные печати (*Xanthoudides*, 1907, 181). Сосуд в музее в Кандии (Catalogue, 7765)
Агиу-Георгиу Папура	Черепки с восточного и южного склонов, виденные автором в 1935 г. (ср. *Taramelli*, Mon. Ant., IX, 407)
Агриана	Саркофаг (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., IX, 12)
Арханес	Фрагменты, найденные крестьянином (B. C. H. 1925, 473)
Астретси	Каменная печать (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 168)
Авду	Каменная печать (*Xanthoudides*, там же, 175)
Эмпарос	Керамика из Пателы (*Halbherr*, A. J. A., 1901, 281)
Гурнес	Погребение в саркофаге к востоку от деревни (*Hazzidakis*, Ἀρχ. Δελτ., I, 59)
Каминаки	Каменная печать из Трохали в музее в Кандии (Catalogue, 947; ср. *Dawkins*, B. S. A., XX, 4)
Катсаба	Каменный сосуд в музее в Кандии (Catalogue, 2083)
Хостонеро	Статуэтка из пещеры на Юктасе (Музей в Кандии, Catalogue, 8558)
Крусонас	Черепки из Купо, описанные Тарамелли (Mon. Ant., IX, 332). Мани Коутс и Экленз в 1934 г. не могли обнаружить места находки (B. S. A., XXX, 92)
Лилиано	Каменная печать (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 184)
Маллия	Поселение, вероятно, у Агио-Пневма
Нипидито	Каменный сосуд, опубликованный Альбером (A. J. A., 1901, 232)
Нируханн	Погребения в саркофагах к западу от главной постройки (*Xanthoudides*, Πρακτικά, 1922—1924, 126). Поселение между главной постройкой и морем (Ἐφ.Ἀρχ., 1922, 25)
Омалес	Эванс (Academy, 20 (6) 96) описывает „город замков". Весьма обширное поселение. Черепки, виденные автором в 1935 г. вокруг укреплений в Родакинии
Лаккос	
Ту Партени то Метохи	Черепки на западном склоне, ниже автомобильной дороги, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 84)
Пентамоди	Погребения в саркофагах, описанные Орси (Mon. Ant., I, 209)
Понта	Несколько черепков вокруг пещеры Барбулно, виденных автором в 1936 г.

Руссохори	Каменная печать (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 180)
Саба	Черепки из сторожевого пункта к востоку от деревни, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 80)
Спилиаридия	Древнейшее отложение в пещере (*Xanthoudides*, B. C. H., 1922, 522)
Ставракия	Сосуды, виденные Мариани (Mon. Ant., VI, 230)
Стравомити	Позднейшие черепки из пещеры (*Evans*, P. of M., II, 68)
Цермиада	Каменная печать (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 183), вероятно, из Кастеллоса или какого-нибудь другого места; погребение в пифосах в Кавалларес Волакас (*Evans*, Academy, 20 (6) 96)
Ватия	Каменная печать (*Xanthoudides*, там же, 173)
Змалиано	Погребение в пифосах, найденное при прокладывании дороги в Палеомандра, виденное автором в 1936 г.

ЮЖНЫЙ КРИТ

Агиа-Ирини	Несколько саркофагов и черепков в земле над круглой гробницей (*Xanthoudides*, V. T. M., 51)
Гортина	Находки на поверхности в Агиос-Иоаннис к западу от акрополя (*Pace*, Annuario, I, 372)
Каливиана	Погребение в долине к западу от деревни (*Taramelli*, A. J. A., 1901, 437)
Кумаса	Керамика из поселения в Коракиес (*Xanthoudides*, V. T. M., 3)
Махера	Фиммен, 19, упоминает о находках со ссылкой на Хатцидакиса. Автор в 1933 г. не мог получить никаких сведений о поселении
Матала	Каменная печать в музее в Кандии (Catalogue, 135)
Претория	Фиммен, 21, упоминает о находках со ссылкой на Хатцидакиса. Автор в 1934 г. не мог получить никаких сведений о поселении
Ротаси	Фрагменты пифосов, виденные автором в 1934 г. B. S. A., XXXIII, 86)
Руфас	Черепки и следы строений (*Evans*, P. of M., II, 80)
Салами	Черепки из поселения (*Xanthoudides*, V. T. M., 73)
Цицина	Каменный сосуд, виденный Эвансом (Diary, 1896)
Вали	Позднейшее погребение в круглой гробнице и погребения в саркофагах (*Marinatos*, J. H. S., 1927, 258)
Вианос	Статуэтка из Като Вианоса в музее в Кандии (Catalogue, 8737)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

Агиос-Антониос	Погребальные камеры (*Hall*, Vrokastro, 183)
Агиос-Константинос	Гробницы (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 286)
Агиос-Николаос Мирабелло	Кернос (*Xanthoudides*, B. S. A., XII, 18)
Агиос-Николаос Ситнас	Дом (*Tod*, B. S. A., IX, 336)
Ахладиес	Ножки треножника и кухонные горшки, найденные автором в 1936 г. близ оборонительных сооружений. Ниже в ущелье следы другой дороги, у „кошачьего бассейна“ (ср. *Evans*, Academy, 1894; *Taramelli*, Mon. Ant., IX, 410)
Ампелис	Группа домов (*Hogarth*, B. S. A., VI, 147)

Ампелос	Дом в Эллиника (*Evans*, Diary, 1896). Хорошо сохранившиеся стены в Агиос-Николаосе, виденные Бозанке, не опубликованы
Аспра Харакия	Дома (*Evans*, там же); может быть, это то же самое, что Галана Харакия или Стас Тавернес? См. стр. 316
Иерапетра	Сосуд в музее в Кандии (*Fimmen*, 18)
Итанос	Каменный сосуд в музее в Кандии (Catalogue, 236). Эванс (Diary, 1896) считает, что здесь было минойское поселение
Каламафка	Черепки на Кастеллосе, виденные автором в 1935 г. (ср. *Evans*, Academy, 13 (6) 96)
Калохорио Ситиас	Дома (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 239)
Латсида	Каменная печать (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 175)
Олерос	Один или два черепка в Миртокудии, виденные автором в 1936 г. Имеются сообщения о статуэтке в Коккале
Олус	Каменная печать (*Evans*, J. H. S., XVII, 334)
Петрас	Дома на возвышенности (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 282). Черепки с соседнего холма в восточном направлении, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 98)
Петсофас	Погребения в саркофагах (*Dawkins*, B. S. A., XI 290; XII, 2)

ПОСЕЛЕНИЯ С ПАМЯТНИКАМИ ПРЕДПОЛОЖИТЕЛЬНО МИНОЙСКОГО ВРЕМЕНИ

(см. карту 16)

Агио-Пневма	В 3 *км* к западу от Маллии. Эванс (P. of M., II, 233) упоминает об отверстиях, просверленных в скалах на берегу, вероятно, для добычи камня
Агиос-Иоаннис	К северу от выхода из Лаконской равнины к Агиос-Николаосу. Эванс (Diary, 1898) видел стены укреплений
Агиос-Константинос	Приблизительно в 10 минутах пути вверх от церкви на восточной оконечности долины Ласити сохранились укрепления и следы древней дороги в Катарос (*Evans*, Academy, 1 (6) 95)
Агиос-Ставроменос	К северу от Анатоли. Бозанке купил каменный стол и бронзовый топор. Не опубликованы
Агиос-Ставроменос	В долине Каталонии. Эванс (Academy, 20(6)96) сообщает о доисторическом акрополе. Бозанке отметил стены полигональной и исодомической кладки
Агиос-Ставрос	На восточной оконечности перехода из Лаконской долины в Агиос-Николаос. Эванс (Diary, 1898) видел укрепление
Агиос-Теодорос	К югу от Дафни. Эванс (Diary, 7 (4) 94 и 1896) видел большой акрополь и поселение на северном берегу реки. Отмечено в P. of M., I, карта I
Агиос-Василис	Близ Вианоса. Бозанке упоминает о кубке из жировика и глиняных кубках, найденных в саду Ста Дракиана
Армени	К востоку от Хандры. Эванс (Diary, 8 (4) 94) купил здесь каменные печати
Арни	К югу от Закроса. Эванс (Diary, 1896) видел укрепления. Отмечает следы города (P. of M., I, карта I)
Стин Аспан	Близ Катсидони. Бозанке упоминает о находке 12 кубков без росписи
Эпископи	К югу от Ситии. Бозанке упоминает о фундаментах домов и сосудах в пещере в Дрогаре, в получасе пути к северо-западу

Гедеруфас	В часе пути к западу от Каламафки, укрепление, обнаруженное Эвансом (*Evans*, Diary); бронзовый кинжал в музее в Кандии, согласно приводимым данным происходящий отсюда (Catalogue, 624)
Гавдос	Стены и пр. на Кефале (*Levi*, Art and Archaeology, 1927, 176 сл.)
Геротрохало	На левом берегу реки Мессары. Упоминаются погребения (Rend. Linc., 1902, 318). Раскопки, однако, не производились
Грас	Ныне Агиос-Стефанос, к западу от Хандры. Эванс (Diary, 1898) видел киклопические стены близ деревни
Какоди	Мыс между Комо и Сфакорнако. Хорошо сохранившиеся стены, но без остатков керамики, виденные автором в 1934 г. (B. S. A.?)
Калохорио Педиадос	Тарамелли (Mon. Ant., IX, 377, 434) дает план акрополя к югу от деревни в Тис Масас и Корфи
Камариотис	Северо-восточнее Аксоса. Фрагмент бронзового ножа из Арманогни, в музее в Кандии (Catalogue, 2220)
Карумпес	Между Закросом и Палекастро. Хогарт видел две группы доисторических домов (B. S. A., VII, 122). Мариани дает план (Mon. Ant., VI, 298). Ср. также послеминойские остатки неизвестной даты, стр. 377
Кастри	Между Пиргалесом и Ампелосом. Эванс (Diary, 1896) видел здесь укрепление
Катсидони	К северо-западу от Ситаноса. Бозанке упоминает гробницы в Милокипосе, известные под названием „гробницы великанов" (ср. *Mariani*, Mon. Ant., VI, 176)
Хонос	К северо-западу от Кариди. Фрагмент бронзового топора в музее в Кандии (Catalogue, 985)
Хордаки	Где-то на юго-востоке Крита. Бозанке упоминает о следах древних домов (B. S. A., VIII, 239)
Корфи Сто Копрани	Близ Граса. Эванс (Diary, 1896) видел доисторический акрополь и укрепление
Ту Кунаду то Метохи	Где-то на востоке Крита. Бозанке упоминает о происходящей отсюда грубой расписной керамике
Кунени	Четыре глиняные статуэтки неопределенной даты в музее в Кандии (Catalogue, 806—809)
Критса	Эванс отмечает минойские остатки к западу от города (P. of M., I, карта I)
Крустес	К югу от Критсы. Эванс упоминает ряд минойских укреплений в получасе пути от деревни по дороге в Маллес (Diary, 1 (6) 96)
Лагавас	Близ Закроса по дороге в Ситию. Эванс видел много памятников, но не мог найти места поселения (Diary, 10 (4) 94)
Равнина Ламнон	Эванс видел скальные укрытия и углубление с доисторической керамикой (Diary, 1896)
Литинес	К югу от Ситии. Эванс видел минойский сторожевой пункт на перевале над дорогой в Ситию (Diary, 1898)
Малла	Эванс видел укрепления в долине между этим пунктом и Христосом (Diary, 1896 и 1898). Автор в 1935 г. слышал о других памятниках, в часе пути к югу, в Ксерастерне
Маратия	Близ Страводоксари. Эванс (Diary, 1898) видел укрепление
Мелидони	В музее в Кандии имеется бронзовый топор из Камарото (Catalogue, 2270)

Мерони	На дороге Зирос — Пресос. Эванс (Diary, 1898) видел ранние стены
Миртидия	Близ Палекастро. Бозанке говорит о погребениях в сосудах, найденных у холма в юго-западном направлении
Неаполис	Лампа в музее в Кандии (Catalogue, 7764)
Орно	К югу от Рукака. Эванс отмечает здесь минойские памятники (P. of M., I, карта I). В Элленика есть следы сторожевого пункта, а в Скафи — стены и гробницы (Diary, 1898)
Параниси	К югу от Пиргоса в Мессаре. Небольшая камера с частью сводчатой кровли, виденная автором во Вропигаидо в 1936 г.
Пепони Хани	Между Лаконской равниной и Агиос-Николаосом Эванс (Diary, 1 (6) 95) видел укрепление и следы дороги
Периволакия	К юго-западу от Хандры. Бозанке упоминает следы дома (B. S. A., VIII, 239)
Периволия	К востоку от Ретимна. Эванс отмечает минойские памятники (P. of M., I, карта I)
Пефкос	К востоку от Вианоса. Эванс видел на восток от деревни пещеру с облицованными стенами (Diary, 1896)
Пискокефали	К юго от Ситии. Эванс (Diary, 12 (4) 94) видел стены
Пиргалес	В юго-восточном углу равнины Омалес близ Зироса. Эванс (Academy, 4 (7) 96) видел сторожевой пункт
Руссес? Русси Экклисия	К юго-востоку от Ситии. Бронзовый топор в музее в Кандии (Catalogue, 1023, и сосуд 3824)
Руссо Амалулаккос	Близ мыса Плака. Эванс (Diary, 1898) получил сведения об обширных древних постройках
Селоконос	Над поселением в Малле. Бронзовые топоры в музее в Кандии (Catalogue, 301—308) и в Асмолеанском музее. Эванс (Diary, 1898) видел скальные укрытия
Скаллия I	В одной миле к северо-востоку от Страводоксари. Эванс (Diary, 1898) видел поселение и укрепление
Скаллия II	Между Закросом и Зиросом. Эванс (Academy, 4(7)96) видел поселение
Стирана	К югу от Алагни Педиадос, бронзовый топор в музее в Кандии (Catalogue, 2162)
Силамос	Между Кноссом и Юктасом. Станция на минойской дороге, остатки архитектурных и других памятников (*Evans*, P. of M., II, I, 66). Экл в 1935 г. видела фрагменты пифосов между этим пунктом и Стирианосом
Сикия	К западу от Пресоса. Эванс (Diary, 1898) видел минойское укрепление
Вагония	К северу от мессарской Василики. Каменные печати из Периволы в музее в Кандии (Catalogue, 1363—1364, 1436)
Закрос	Два укрепления и следы прибрежной дороги, идущей на юг к Ампелосу в Лидорико Скисменис и к Малямурес Закру, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 99)
Зимогду то Хорафи	Несколько бедных гробниц близ Лилианы (Mon. Ant., XIV, 652)
Зирос	К юго-востоку от Хандры (*Evans*, Academy, 4(7)96). Эванс описывает укрепление на западе при выходе в равнину Хандры (Dyary, 1898) и указывает памятники (P. of M., I, карта I). Автор в 1934 г. черепков не нашел (B. S. A., XXXIII, 100)

16. Минойские поселения, которые не могут быть точнее датированы.

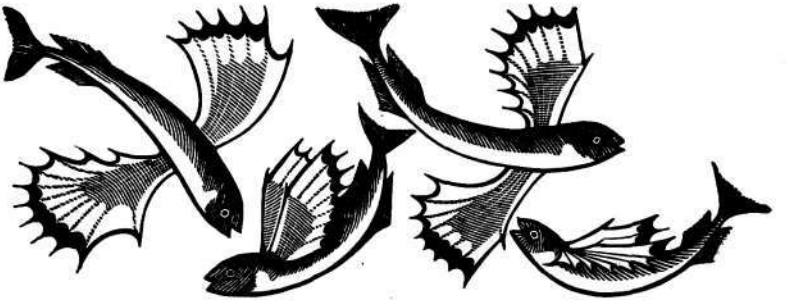
До сих пор еще не было предложено удовлетворительной замены для существующей терминологии в обозначении периодов. По ряду соображений можно было бы не выделять в особый период С. М. II, представляющий собой только местное развитие С. М. I; еще больше доводов можно привести в пользу возвращения к старой терминологии для обозначения П. М. I как П. М. II, поскольку нынешнее обозначение П. М. II применяется лишь к стилю росписи сосудов, встречающемуся только в Кноссе. Однако путаница, которая неизбежно возникла бы вследствие такого упрощения терминологии, безусловно, перевесила бы его сомнительные преимущества.

Впрочем, одно обстоятельство не может не удивить читателя, а именно: колоссальная продолжительность, приписываемая Р. М. II и III периодам. При принятой в настоящее время в египетской историографии хронологии это неизбежно. Но даже учитывая, что в первобытные времена процесс развития идет чрезвычайно медленно, все же очень трудно допустить, что существующие памятники покрывают промежуток в 600 лет, как это предполагает общепринятая хронология. Если бы египтологи нашли возможным несколько сдвинуть даты, это можно было бы только приветствовать.

С тем бо́льшим удовлетворением мы отмечаем, что немецкий археолог Шарф уже явно склоняется к этому. Он высказал предположение, что начало первой династии вполне возможно датировать 3000 годом до н. э., и в дальнейшем предложил хронологическую схему для первого периода распада, согласно которой VI династия кончается около 2300 года, а XI возникает в 2150 году и получает господство в Египте с 2065 года. Датировка XII династии, конечно, остается без изменений [1].

---

[1] J. E. A., XIV, 275 и Der Historische Abschnitt der Lehre für König Merikarê, 54.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ПОСЛЕМИНОЙСКИЙ КРИТ

1. Послеминойский и раннегеометрический периоды

(см. карту 17)

Мы проследили развитие критской цивилизации до конца бронзового века — до последних десятилетий XII века до н. э. Новый период характеризуется появлением железа и постепенным вовлечением острова в русло общеэгейской культуры как в культурном, так и в расовом отношении [1].

Распад Микенской, или Ахейской, империи, в состав которой в течение непродолжительного времени входил Крит, несомненно, начался несколько ранее фактического падения Микен [2]. Начался темный период, о котором история нам не сообщает ничего, а легенда — очень мало. Население Крита катастрофически сократилось, подобно тому как это имело место впоследствии после венецианского и турецкого завоеваний и после восстания 1821 г. [3]

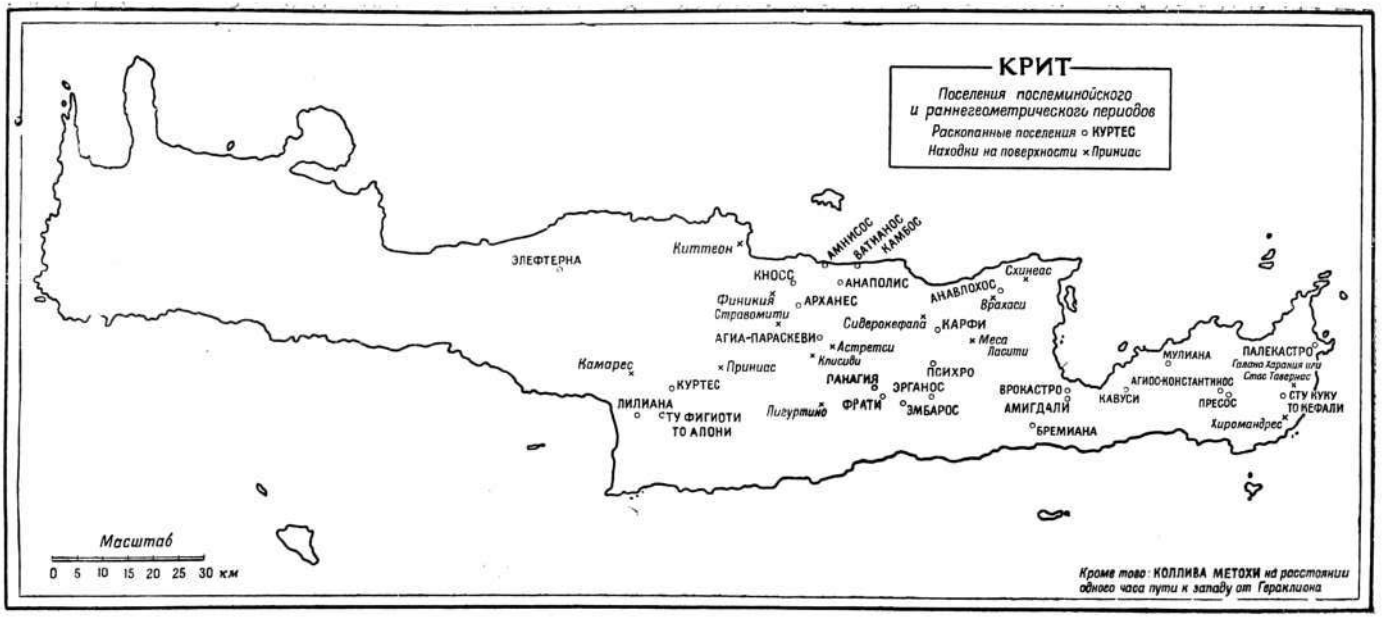
Карта показывает разительную перемену, наступившую после П. М. III периода. Бо́льшая часть приморских поселений,

---

[1] Об этом раннем периоде в целом см. Mackenzie, B. S. A., XIII, 428 сл.

[2] B. S. A., XXV, 125, 245.

[3] По мнению Пашли (II, 326), численность населения во время первого появления венецианцев составляла 500 тыс., в XVI в. сократилась до половины этой цифры и менее чем до 90—80 тыс.— через несколько лет после турецкого завоевания. К 1821 г. она возросла примерно до 260 тыс., но снова упала до 130 тыс. в 1834 г. В 1881 г. она составляла 280 тыс., а в настоящее время составляет полмиллиона.

17. Поселения послеминойского и раннегеометрического периода.

особенно на юге, оказалась покинутой. Лишь немногие города внутренних частей острова уцелели после катастрофы. Население укрылось в неприступных горных гнездах, как, например, Карфи, Врокастро и Кавуси (фото 18—20).

Может показаться, что вернулся неолитический период с его исполненным страха существованием. Единственное отличие заключалось в том, что теперь население умело строить и пещеры сменились разбойничьими замками. Следует отметить, что запад Крита, повидимому, был совершенно покинут, за исключением Элефтерны, которая, повидимому, служила прибежищем, куда собиралось уцелевшее население вновь основанных городов. Возможно, что существовали и другие такие города-убежища и что они будут обнаружены при дальнейших раскопках. Но не следует забывать, что поскольку запад, несомненно, оставался в значительной степени областью девственных лесов, которые начали заселяться только в конце бронзового века, население при отсутствии сообщений оставалось, вероятно, на уровне культуры П. М. III периода. Мы еще увидим, что города области Ласити продолжали минойскую традицию, хотя они, конечно, сообщались с внешним миром. Не было бы ничего удивительного, если бы то же самое и даже в еще большей степени имело место и на всем западе. Только относительно Кносса и портового города Амнисоса можно сказать, что они пережили все потрясения от первого появления людей на Крите, через бронзовый и железный века, вплоть до нового времени.

Кносский дворец был окончательно покинут. Явилось ли это следствием какой-либо новой катастрофы или же суеверия, во всяком случае очевидно, что в позднейшие времена эта область более не заселялась. Наши сведения об архитектуре жилищ ограничиваются двумя пунктами на востоке, Кавуси (фото 18) и Врокастро (рис. 42), но они расширятся, когда будут продолжены раскопки столь же далеких от культурных центров поселений Карфи и Ласити. Основными факторами, определявшими выбор мест для поселения, были неприступность и хорошо укрепленное положение.

Архитектура раннегеометрического периода. Архитектура как искусство перестала существовать. В Кавуси на «холме Грома» (Вронда) сохранились отчетливые следы двора, а во Врокастро — базы круглых и четырехгранных колонн одного или двух строений, но никаких признаков стремления к украшению построек нет. Что касается планировки, то при некотором усилии воображения группу строений во Врокастро можно разделить на три дома, два из которых имеют вход с юга, а один, расположенный в меридиональном направлении, не обнаруживает признаков какого-либо входа. Если это действительно так, то перед нами нечто вроде мегарона —

главное жилое помещение дома находится в самой глубине и доступ к нему открывается через одну или большее число прихожих; но утверждать это с уверенностью мы не можем. Постройка во Врокастро состоит из небольших необтесанных камней, положенных без скрепляющего раствора; в Кавуси применялись плиты из местного сланца, скрепленные глиной. Часто нижняя часть стен образована природной скалой, которая иногда, хотя и не во всех случаях, обтесывалась. Неровности пола заполнялись обмазкой из красной глины.

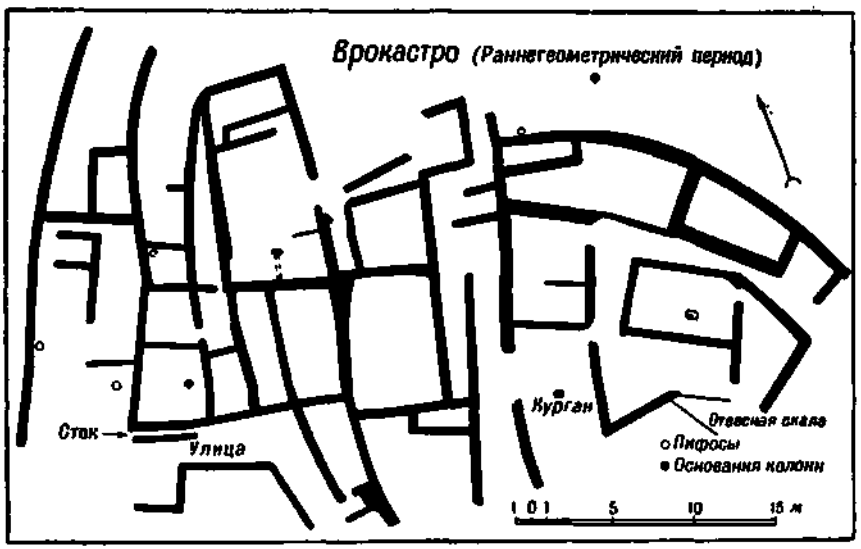

Рис. 42.

Относящееся к тому же времени святилище в Карфи построено из довольно больших камней, носящих следы некоторой обработки. В плане мы видим большое наружное помещение, которое, возможно, было открыто на северном конце. Однако не исключена вероятность того, что северная стена обрушилась в пропасть, которая находится с этой стороны по всей длине постройки. Непосредственно слева от двери, помещающейся на восточной стороне, сохранились следы выступа, на котором стояли культовые скульптурные изображения (см. ниже). Другой выступ занимает бо́льшую часть западной стены; недалеко от северного конца находился четырехугольный алтарь. Неровности пола устранялись уже упомянутым способом, однако стены выкладывались из камней без глиняного раствора.

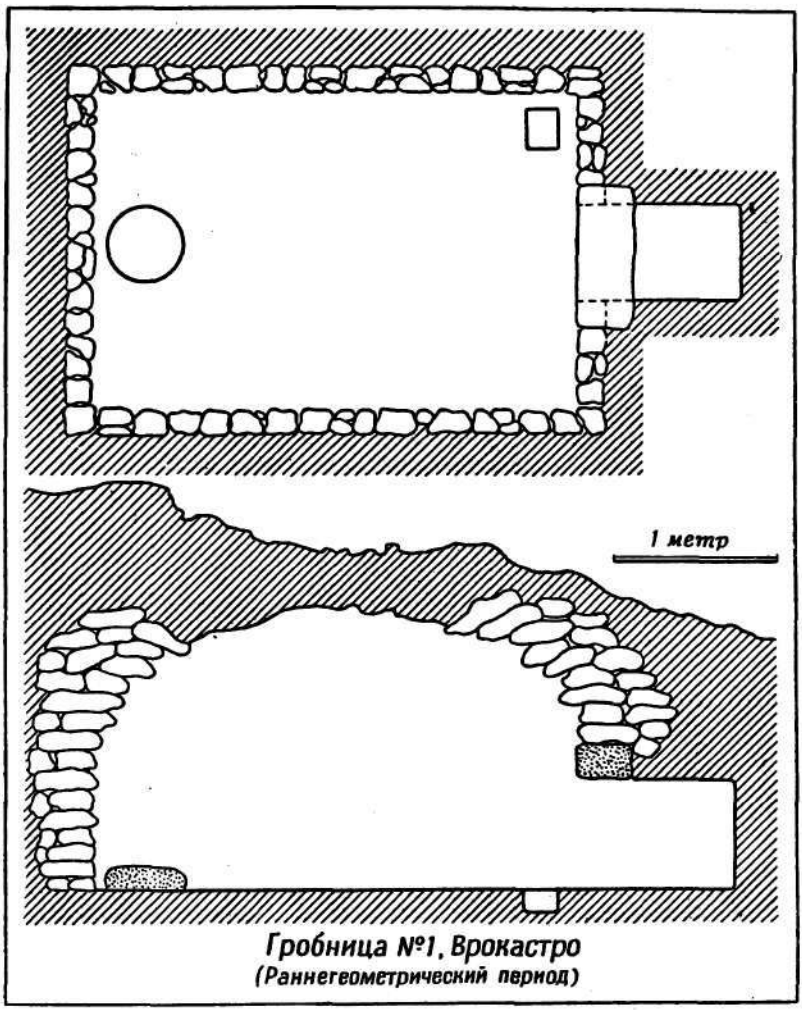
Гробницы раннегеометрического периода. Гораздо больше нам известно об архитектуре гробниц. Надземные погребаль-

ные постройки получили теперь почти повсеместное распространение и, разумеется, при первых научных исследованиях (когда обременительные ограничения, установленные турецкими властями, создавали археологу на каждом шагу препятствия) они представляли собой наиболее доступный объект для раскопок. Однако часто даже и в этих случаях археолог не имел возможности довести свою работу до конца; так, желательно было бы продолжить раскопки в таких пунктах, как Эрганос и Куртес. В имеющихся публикациях гробницы этих мест охарактеризованы, как настоящие толосы, т. е. гробницы, обладающие, начиная с фундамента, круглыми очертаниями. Почти все гробницы, которые были раскопаны после того, как условия стали более благоприятными, имеют прямоугольные очертания, и их куполы начинаются на расстоянии не менее 1 *м* от земли. Автор этой книги по собственному опыту знает, как трудно бывает решить, при отсутствии скрепляющего глиняного раствора, какие камни из лежащих по соседству с постройкой можно считать принадлежащими к ней и какие нет. В Карфи два толоса были действительно приняты за постройки с грубыми круглыми очертаниями, но при подготовке их для фотографирования заметили, что под одним из блоков находится черепок, и когда этот блок был поднят, оказалось, что он вовсе не составляет части постройки. Гробница в Пресосе, несомненно, является настоящим толосом, но он, вероятно, относится к концу периода, примыкая ко времени геометрического стиля. Построен он из правильных рядов тесаного камня и имеет пристройку, представляющую собой нечто вроде святилища.

Нормальный тип гробничной постройки показан на рис. 43. Это прямоугольная погребальная камера с облицовкой. Величина их колеблется от 2 до 3 *м* в поперечнике. Высота обыкновенно составляет около 2 *м*. Постройка состоит из сравнительно небольших плит, в результате чего кровля обыкновенно оказывается обрушившейся, несмотря на давление земли снаружи. Имеется довольно хорошо обработанная перемычка при входе, но нет плит, образующих косяки. Иногда встречается очень короткий необлицованный дромос, который представляет собой скорее простое углубление, сделанное с целью облегчить доступ двери, высота которой составляет всего 1 *м*.

Однако в Ласити появляется новый стиль. Оба раскопанных до сих пор толоса имеют несколько меньшую величину — до 2 *кв. м*, а их двери еще ниже, чем это бывает обычно. Каждый толос окружен грубой каменной кладкой, по очертаниям приближающейся к четырехугольнику, а по толщине равной с трех сторон диаметру гробницы. Западная их сторона, в которой проделан вход, имеет лишь толщину двери. Эта кладка, служащая как бы контрфорсом, менее чем на 1 *м*

не достигает вершины гробницы, которая выступает сверху в виде купола. Позади толосов идет в виде террасы стена, от которой отходят другие стены, заключающие таким образом

Гробница №1, Врокастро
(Раннегеометрический период)

Рис. 43.

оба толоса. Судя по некоторым признакам, по той же линии располагались другие гробницы, заключенные в ту же систему стен. Это первый случай появления свободно расположенных погребальных сооружений, хотя, повидимому, в Исопате и у большинства толосов материка верхняя часть свода выступала из земли или была покрыта земляной насыпью.

Новым является также самый замысел правильно расположенной группы гробниц.

Другим типом гробницы, обнаруженным во Врокастро, вероятно несколько более поздним, чем толосы, является оссуарий, похожий на оссуарии Р. М. и С. М. периодов в Палекастро.

Существует несколько необлицованных погребальных камер, бо́льшая часть которых, вероятно, принадлежит П. М. III периоду и использовалась вторично, потому что, повидимому, везде, где поселения сохранились на прежнем месте, почти или вовсе не было разрыва культурной преемственности, и иногда даже погребальные саркофаги использовались вторично. Третья форма погребения, погребения в пещерах, была обнаружена Хогартом в Сту Куку то Кефали близ Апано-Закроса. Кремация практиковалась в Мулиане и Врокастро, но не в Кавуси [1].

Керамика. Керамику этого периода можно разделить на две группы. Во-первых, керамика переходного послеминойского стиля, лучше всего представленная поздним погребением в Мулиане, отложением из «камеры с источником» в Кноссе и такими отложениями, как во Врокастро и Эрганосе. К этой группе, несомненно, будут отнесены и сосуды из Карфи, когда они будут восстановлены и изучены. Правда, для периода, в котором сообщения были так сильно нарушены, вполне возможно предположить, что в столь удаленном поселении послеминойский стиль продолжал существовать на протяжении ряда поколений после того, как он вымер в других местах. Во-вторых, развитый раннегеометрический стиль представлен в гробницах Кносса и в других местах.

1. Послеминойский период. Такие минойские формы, как шарообразный сосуд со стремянообразными ручками и с утолщением в виде ложного носика, продолжает существовать и в послеминойское время. Но наиболее типичный сосуд этого периода представляет собой новую форму кратер, с широким горлом и горизонтально расположенными ручками. Обычный орнамент подобных кратер составляет панели — стиль, который теперь получает на Крите повсеместное распространение. Меньший по величине вариант той же самой формы употреблялся в качестве кубка, а его украшение сводилось к черной окраске верхней части. Встречаются также кратеры, не лишенные сходства с образцами П. М. III*б* периода, но с более низко расположенной широкой частью тулова. Встречаются слегка округленные крышки, подходящие к

[1] Хорошую оценку относящегося сюда материала дает Лоример, J. H. S., 1933, 163 сл.

этой разновидности сосудов, обыкновенно украшенные концентрическими кругами [1]. Другая обычная форма — пиксида с прямыми стенками и загнутыми горизонтальными ручками, отходящими от плечиков и соединяющимися с туловом сосуда совсем низко — у самого его основания [2]. Вместе с этим должна быть упомянута «корзинка» (калатос) с расширяющимся туловом и соединяющимися с ним описанным способом низкими горизонтальными ручками; иногда сосуды этого типа бывают выполнены в ажурной технике, причем отверстия, повидимому, прорезались уже тогда, когда сосуды частично затвердевали [3]. Широко распространены также уткообразные сосуды [4]. Довольно обычную форму составляет на востоке Крита фляжка, наряду с которой там встречаются глубокие кубки с двумя ручками и длинной толстой ножкой [5].

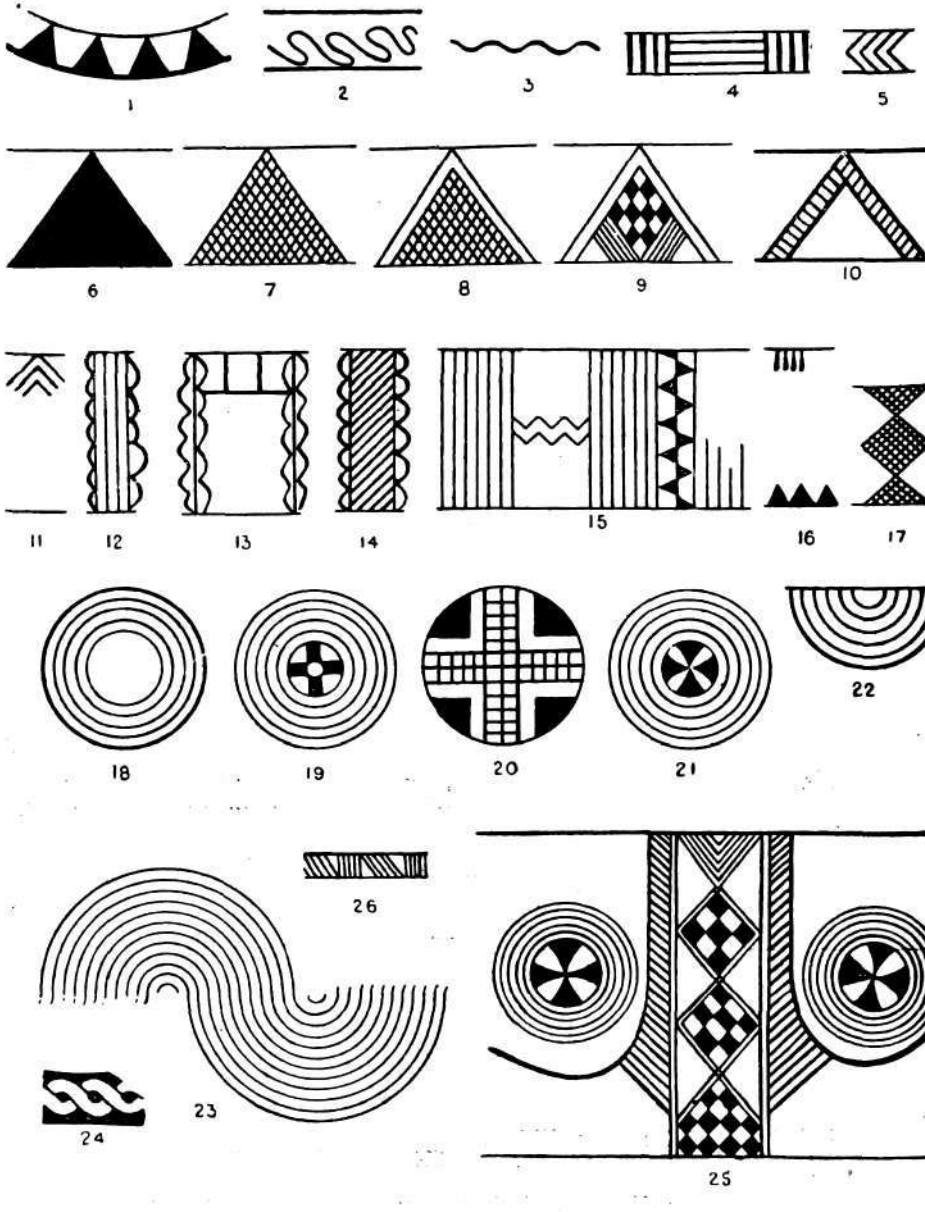
Орнамент приобретает преимущественно линейный характер. Штрихованные треугольники — почти единственная его форма, встречающаяся на плечиках сосудов со стремяновидными ручками. Но стиль массивного рисунка, с каймой по краю и широкими смелыми штрихами, еще встречается в Мулиане, Карфи и «камере с источником» в Кноссе. Однако наиболее интересную особенность представляет появление человеческих фигур на колоколообразной кратере из Мулианы. На одной стороне сосуда находится очень грубый рисунок, изображающий охотника, который преследует двух диких коз-агрими, на другой — первое изображение всадника. На нем надет остроконечный или заканчивающийся плюмажем шлем, а его вооружение составляет копье и маленький круглый щит. Ноги не показаны, потому что художник, очевидно, изобразил всадника как одно целое с лошадью.

Необходимо также упомянуть ряд еще не опубликованных сосудов из Карфи. Их глина приобрела от огня яркосинюю, а в одном случае темнопурпурную окраску. Это составляет странный контраст с мягкой желтоватой глиной, характерной для изделий этого периода.

2. Раннегеометрическая керамика. Вполне развитый раннегеометрический стиль лучше всего представлен в гробницах Кносса [6]. Сосуды со стремяновидными ручками получают высокую ножку. Колоколообразные кратеры становятся более глубокими и прямыми. Встречаются небольшие

---

[1] Vrokastro, 131 и табл. XXXII.
[2] Там же, табл. XXX; A. J. A., 1901, табл. VI, 4; B. S. A., XXIX, табл. VI, II.
[3] Там же, табл. V, II; P. of M., II, рис. 69, *d*; то же самое на ажурных предметах из Карфи: Vrokastro, табл. XXXI.
[4] B. S. A., XXXI, 58, № 5.
[5] Там же, 126, 150.
[6] B. S. A., XXIX, 232 и сл., 267.

Р и с. 44. *1—26* — образцы орнамента Р. Г. керамики из Кносса.

пифосы, некоторые с низким, расширяющимся горлышком, другие с довольно высоким, цилиндрическим. Появляется, по-видимому, под влиянием материка, амфора с двумя ручками и высоким горлышком [1].

Мотивы орнамента показаны на рис. 44. Многие из них, как, например, треугольники с различными формами штриховки и узор шахматной доски, составляют линейные варианты минойского орнамента. Но наиболее типичные мотивы — это концентрические круги и полукруги, иногда с крестом в середине и всегда с пометкой, указывающей место, где была установлена ножка циркуля. Узоры обыкновенно располагаются широко, и на сосудах большого и среднего размера часто встречается орнамент из широких полос с большими интервалами.

Изделия из металла раннегеометрического периода. На всем протяжении этого периода железо постепенно вытесняет бронзу. В Кавуси найден железный меч с широким лезвием, имеющим вогнутый край, который представляет собой не что иное, как воспроизведение в железе типа, выработанного в бронзе [2]. Фрагменты из позднего погребения в Мулиане, возможно, принадлежат мечу такой же формы. Во Врокастро обнаружены ножи с односторонним, иногда выпуклым, иногда вогнутым лезвием и выступом, продолжающим линию тыльной части лезвия. Там же найдены железные наконечники для копий, более широкие, чем минойские.

Железный топор и скобло из гробницы I во Врокастро были опубликованы без иллюстраций и после этого были утеряны. Из описания не видно, был ли этот топор простым или двойным.

Впервые встречаются фибулы. В большинстве поселений попадаются как железные, так и бронзовые экземпляры. И дугообразная фибула и фибула с выступом попадаются в самых ранних погребениях этого периода; все образцы имеют спиралевидную пружинку, к которой прикреплена булавка; это показывает, что они появились на острове лишь после того, как употреблялись в других местах в течение достаточно долгого времени, чтобы могло быть введено такое усовершенствование. Появляется широкая пластинка, за которую зацепляется булавка. Если бы потребовалось дальнейшее подтверждение того, что возник новый тип одежды, создающий необходимость в приспособлении, удерживающем одежду на плече, можно было бы указать на большое число найденных в последнее время булавок, обычно бронзовых, с утолщением на конце. В большинстве отложений встречаются небольшие

[1] A. J. A., 1901, 137, о коротком бронзовом мече того же времени см. Vrokastro, табл. XXI.

[2] Ср. там же, табл. V, 6 и B. S. A., XXXV, табл. IX*a*.

плоские кольца и серьги из бронзы. Золотые перстни из Врокастро и Мулианы имеют широкую фасетку, образующую прямые углы с плоским ободком. Но лучшим металлическим предметом является бронзовый треножник, высотой около 40 *см*, из гробницы I в первом из упомянутых поселений. Не обнаружено никаких следов котла, который этот треножник должен был поддерживать. Вдоль ножек с каждой стороны идут выступы, заканчивающиеся наверху волютами. Они соединены между собой двумя разветвлениями, образованными средним ребром. Над волютами находится низкий абак, на котором лежит кольцо. От ножек к кольцу идут наклонные опоры. На меньшем кольце, расположенном внизу, укреплены три горизонтальные скобы [1]. В гробницах Кносса были найдены до сих пор остающиеся неопубликованными простые треножники, соединявшие котел с ножками в одно целое.

Раннегеометрические статуэтки. Скульптурные фигурки рассматриваемого периода за немногими исключениями сделаны из глины. Бронзовая фигурка с поднятыми руками из Врокастро обнаруживает большое сходство с минойскими образцами и, весьма возможно, является наследием предыдущего периода [2]. В Кноссе в «камере с источником» найден сосуд, имеющий форму шляпы. Сквозь отверстие в его передней части видна верхняя часть женской фигуры с поднятыми руками. Но самые интересные образцы открыты в святилище в Карфи. На фото 88 изображены две статуэтки, которые оказалось возможным восстановить полностью: колоколообразные юбки и поднятые руки явно указывают на минойскую традицию. Однако черты обозначены еще гораздо более резко, чем у П. М. IIIб богинь из Газн. В обоих случаях корона завершается дисками и фигурками птиц. Необычными, однако, являются вылепленные отдельно ноги со ступнями, которые видны сквозь отверстия в передней части юбки.

На фото 89, *1* представлена голова аналогичной статуэтки из Калохорио. Моделировка лица точно такая же, но корона заменена венком, сплетенным, возможно, из волос.

Вокруг толосов Карфи часто попадались небольшие статуэтки животных, может быть быков или овец. Они сделаны очень грубо и покрыты мелкими углублениями. В «камере с источником» в Кноссе найдены раскрашенные экземпляры, один из которых имеет позу сфинкса.

Раннегеометрические печати и т. п. Никаких следов письма в отложениях этого периода до сих пор не было обнару-

---

[1] Vrokastro, 132.

[2] Там же, 121. *Лемб* (Greek and Roman Bronzes, 35) датирует этим периодом некоторые фигурки из Психро. Стиль большей части их — геометрический (см. ниже, стр. 336).

жено, а немногие найденные каменные печати, по всей вероятности, унаследованы от П. М. III*б* периода [1]. Более тщательно обработанные изделия из камня исчезли из обихода, равно как и фаянсовые изделия. Бусы, имеющие обычно шарообразную форму с каннелюрами или плоскую дискообразную форму, изготовляются из глины или жировика. Небольшие пластинки из жировика, просверленные у верхнего конца и украшенные грубым нарезным узором, употреблялись в качестве подвесок [2]. Крит в это время был почти совершенно отрезан от внешнего мира, лежащего за пределами Эгейского бассейна. В гробнице во Врокастро обнаружено несколько фаянсовых печатей с грубыми иероглифами и нитка бус; такая же печать найдена в Элефтерне. Все они относятся к XX—XXII династиям [3]. Еще несколько фаянсовых предметов происходит из неопубликованных гробниц в Кноссе. В Египте ввезенных предметов этого периода не обнаружено.

Откуда происходит изображенный на фото 90, *1* сосуд, найденный в небольшом погребении около храмовой гробницы, нам не известно. Он имеет темнопурпурную окраску, а по форме напоминает египетские додинастические каменные сосуды.

Точно так же невозможно сказать, в какой части Эгейского бассейна было введено употребление железа и новый тип одежды, для которого потребовалась фибула.

Хронология раннегеометрического периода. Конец послеминойского периода можно отнести приблизительно к 1050 году до н. э., а конец раннегеометрического периода — приблизительно к 900 году до н. э. [4]

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ ПОСЛЕМИНОЙСКОГО И РАННЕГЕОМЕТРИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

а) Раскопанное поселение

Элефтерна	Отложение	В Орти Петре, к западу от акрополя неподалеку от места, где была найдена знаменитая статуя (относящаяся к более позднему времени) (*Payne*, B. S. A., XXX, 226; *Hartley*, там же, XXXI, 108). Египетская печать (Ἐφ. Ἀρχ., 1907, 163)

[1] Например, Vrokastro, рис. 72, 88, 95, и очень хорошо вырезанный экземпляр с розеткой из Карфи.
[2] Например, Vrokastro, 121 сл.
[3] Там же, 136.
[4] *Schweizer*, Untersuchungen zur Chronologie der Geometrischen Stile in Griechenland.

а) Раскопанные поселения

Агиа-Параскеви	Гробница	(A. J. A., XL, 371). Раскопано Н. Платоном в 1935 г.
Амнисос	Отложение	(*Marinatos*, Arch. Anz., 1935, 245)
Анополис	Кладбище	(*Halbherr*, A. J. A., 1897, 254)
Арханес	Шахты	Две шахты во Вромонеро (A. J. A., XL, 371; ср. B. S. A., XXXI, 72)
Эмпарос	Отложение	Сосуды. Много курганов из больших камней в Драосе (*Halbherr*, A. J. A., 1901, 281)
Эрганос	Кладбище	Толосы (*Halbherr*, A. J. A., 1901, 270)
Карфи	Поселение, гробницы, святилище	Раскопки, начатые автором в 1937 г. Поселение простирается на Мегали и Микри Копрану (ср. *Evans*, Akademy, 20 (6) 96). Сосуд в музее в Кандии (Catalogue, 525)
Кносс	Отложения	„Камера с источником" (P. of M., II, 136). К западу от „площади театра"; (там же, 77, 94). Малый дворец; (там же, 91)
	Гробницы	К северу от Макритихоса (B. S. A., XXIX, 232; *Fortezza*, B. S. A., XXXI, 56; J. H. S., LV, 166, LIII, 289)
Панагия	Гробницы	Гробницы со сводами (*Halbherr*, A. J. A., 1901, 283; *Levi*, Annuario, X—XII, 389)
Фрати	Гробницы	Гробницы со сводами, четырехугольные и круглые, на западном склоне (*Levi*, Annuario, X — XII, 174)
Психро	Пещера	Отложение в темеиосе (*Hogarth*, B. S. A., VI, 105)
Ватианос Кампос	Гробница	Погребение в саркофаге, в гробничной камере (*Marinatos*, Arch. Anz., 1934, 246)

б) Находки на поверхности

Астретси	Черепки, найденные Т. В. Денбабином в 1937 г.
Калохорио Педиадос	Голова статуэтки, находящаяся в музее в Кандии, сходная с образцами из Карфи (Annuario, X—XII, 618)
Клисиди	Черепки с холма, виденные автором в 1937 г.
Коллива Метохи	Сосуды из гробничной камеры, найденные крестьянами в одном часе пути к западу от Гераклиона (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., 14, 1)
Киттеон	Черепки, собранные Р. В. Хетчинсоном в Палекастро Родиас в 1937 г.
Меса Ласити	Группа погребений в саркофагах во Влихистре, обнаруженная при проведении автомобильной дороги и виденная автором в 1936 г.
Фоникиа	Сосуды из погребений в музее в Кандии, виденные автором в 1930 г. (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., 14, 2)
Приниас	Кратера, опубликованная Орси (A. J. A., 1897, 252)
Сидерокефала	Толосные гробницы (*Taramelli*, Mon. Ant., IX, 402)
Схинеас	Черепки, виденные автором в Копране в 1937 г.
Стравомити	Следы погребений в саркофагах, виденные Экзл в 1935 г. в Кампариани

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Куртес	Кладбища	Толосные гробницы (*Halbherr, Taramelli, Mariani*, A. J. A., 1901, 257)
Лилиана	Кладбища	Вторично использованные саркофаги (Rend. Linc., 1902, 318)
Ту Фигиоти то Алони	Гробницы	Позднейшее отложение в гробничных камерах (Rend. Linc., 1902)

б) Находки на поверхности

Камарес	Толосные гробницы в Тис Каименис то Сопато на расстоянии получаса ходьбы к северо-западу от деревни (*Evans*, Diary, 30 (3) 94; *Taramelli*, A. J. A., 1901, 437)
Лигуртино	Поселение на Кефале, обнаруженное Уэйсом и Блегеном в 1920 г. (ср. B. S. A., XXXIII, 85)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиос-Константинос	Дом	(*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 236)
Амигдали	Гробница	Гробничная камера (*Hall*, Vrokastro, 84)
Анавлохос	Гробницы	Толосы в Лами (*Demargne*, B. C. H., 1931; ср. *Evans*, Diary, 1896)
Браймиана	Гробницы	Небольшие толосы (*Marinatos*, J. H. S., 1932, 255)
Кавуси	Поселения Гробницы	Дома на Вронте, Кастри и Азоргиа Мури (*Boyd*, A. J. A., 1901, 125 и сл.) Толосы во Вронте (там же)
Мулиана	Поселение и гробницы	Раскопки гробниц только начаты (*Xanthoudides*, Ἐφ. Ἀρχ., 1904, 21 сл.)
Палекастро	Поселения	В Кастри (B. S. A. VIII, 239). В Кураменосе (там же, IX, 330)
Пресос	Гробница	Толос близ акрополя (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 240)
Сту Куку то Кефали	Погребения	Раскопанные погребения в пещерах (*Hogarth*, там же, VII, 148)
Врокастро	Поселение Гробницы	Дома на вершине (*Hall*, Vrokastro) Гробничные камеры, толосы и погребения в пифосах в Караковилье, Кавге, Копранесе, Мазихортии (там же)

б) Находки на поверхности

Галана Харакия или Стас Тавернес	Поселение; план воспроизведен Альбером (Antiquity, 1892, 155)
Хиромандрес	Черепки раннегеометрического (в статье опечатка: „гесметрического") стиля, найденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 98) близ укрепления раскопанного Хогартом (B. S. A., VII, 147)
Врахаси	Сосуды в музее в Кандии, из Тефродохос Кальпи (Catalogue, 5914, 9029—35)

II. Геометрический период
(см. карту 18)

Как видно по карте (карта 18), на протяжении периода существования геометрического стиля на Крите сохранялись условия, весьма близкие к условиям предшествующего периода. Может быть, об известном улучшении свидетельствует тот факт, что некоторые из старых минойских поселений, как, например, Агиа-Триада, Фест и Маллия, были снова заселены, так же как и портовый город Комо[1]. В Агиа-Триаде и Фесте была заселена прежняя территория; в двух последних пунктах, а также в Канли-Кастелли, памятники геометрического стиля находятся в некотором отдалении от минойского поселения. Однако то обстоятельство, что новое поселение расположено в таком же низком и незащищенном месте, указывает скорее на табу, как и в Кноссе, чем на какую-либо реальную необходимость изменений.

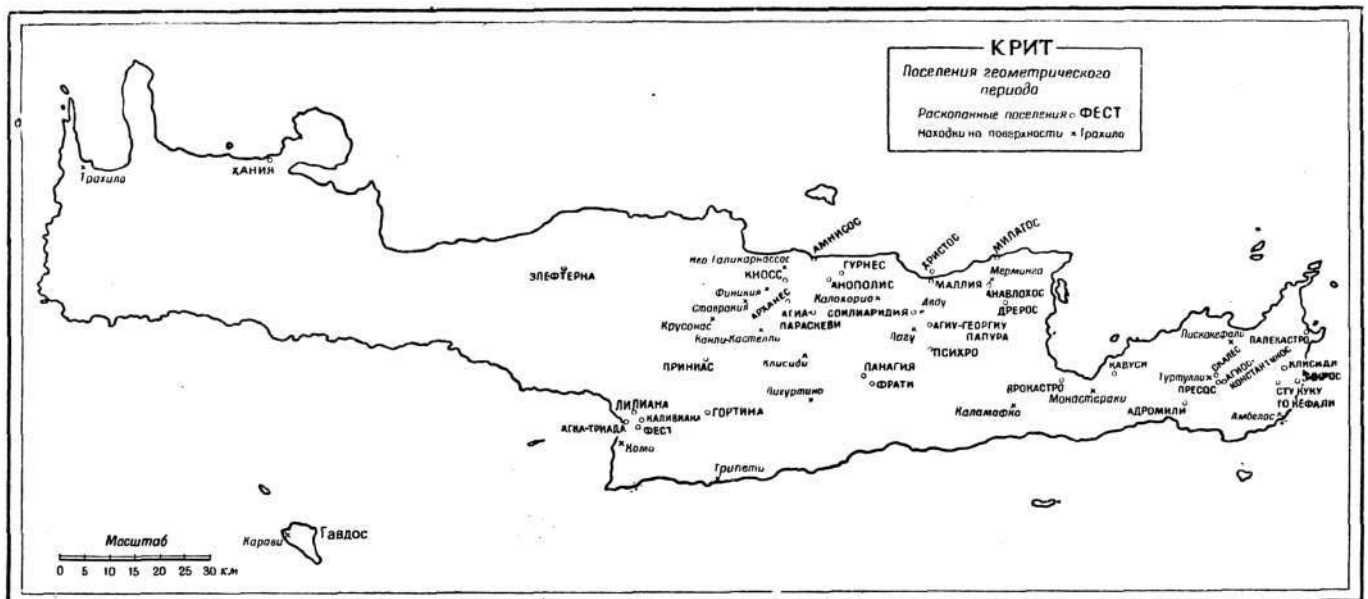
Прибрежные города становятся несколько более доступными, хотя и Трипети и Ампелос окружены достаточно дикой местностью, чтобы служить в случае необходимости убежищем. Запад снова открывается для поселения; вероятно, к концу периода жизнь на острове была сравнительно мирной, и создались благоприятные условия для того быстрого распространения населения, которое имело место в период архаического стиля.

Архитектура геометрического периода. Архитектура не обнаруживает никаких отличий по сравнению с предшествующим периодом. В большинстве раскопанных до сих пор поселений использовались для жилья прежние постройки. Однако в Кавуси были произведены некоторые изменения в замке на Кастро (рис. 45), и хотя план постройки в силу условий местности имеет беспорядочный характер, все же мы можем усмотреть большую перемену по сравнению с минойскими временами в том, что вход располагается в конце строения, а не на одной из его длинных сторон. Таким образом появляется классический тип дома с мегароном.

В архитектурном отношении наиболее важны раскопки храма в Дреросе. Это было прямоугольное строение из мелких камней площадью 10,90 × 7,20 *кв. м*. Вход был расположен на северном конце. Перед дверью находилось по две колонны,

---

[1] Возможно, что в Агиа-Триаде и Фесте существовали поселения раннегеометрического периода. В сущности, опубликована лишь ничтожная часть имеющегося материала, а в то время, когда велись раскопки, признаки различия между геометрическим и раннегеометрическим периодами еще не были установлены.

18. Поселения геометрического периода.

расположенные близко одна от другой, с каждой стороны [1]. Черепиц не найдено; кровля, почти несомненно, была плоская. В центре, между двумя колоннами, находится четырехугольное углубление (ср. рис. 45 внизу), или ἐσχάρα. Основания этих колонн покоились непосредственно на грунте. Сами колонны были деревянные и не сохранились. Маринатос предполагает,

Р и с. 45.

что средняя часть постройки имела остроконечный верх. В юго-западном углу имелась каменная скамья, а поблизости от нее «алтарь рогов» — τὸ κερατών, уставленный рогами животных. На нем находились бронзовые фигуры, описываемые ниже. Перед ним был стол для посвятительных приношений. Автор публикации определяет этот храм, самый древний из храмов эллинского Крита [2], как Дельфинион. План его представляет прототип плана строения, обнаруженного в Приниасе (см. ниже, стр. 343), который Пернье сравнивает с П. Э. III домами в Кораку, считая этот тип постройки заимствованным с материка и чуждым Криту.

Гробницы геометрического периода. В большинстве случаев старые гробницы раннегеометрического периода использовались для вторичных погребений. Примерами служат толосы во Фрати, оссуарии во Врокастро и погребения в саркофагах в Лилиане. Но в Ласити местный стиль толоса получил новое развитие. В Палуре, приблизительно на расстоянии четверти часа пути от толосов Карфи, находится группа толо-

[1] Маринатос (B. C. H., LX, 214) правильно сравнивает это расположение с изображенным на модели того же времени из Перахоры (J. H. S., LIV, 191).

[2] Я полагаю, что святилище в Карфи принадлежало минойским переселенцам и не может быть признано эллинским.

сов геометрического стиля, один из которых раскопан. По плану он похож на толосы предшествующего времени, за исключением того, что камера с самого фундамента круглая. Кроме того, прямоугольное сооружение из камня, окружающее толос, является позднейшим добавлением, вероятно, более низким. Сооружение это начиналось от входа и образовывало узкий дромос. Таким образом, гробница должна была иметь две террасы, над верхней из которых выступал купол толоса. Перемычка над низкой дверью освобождалась от чрезмерного давления благодаря тому, что каменная кладка над ней отступала, образуя полукруг.

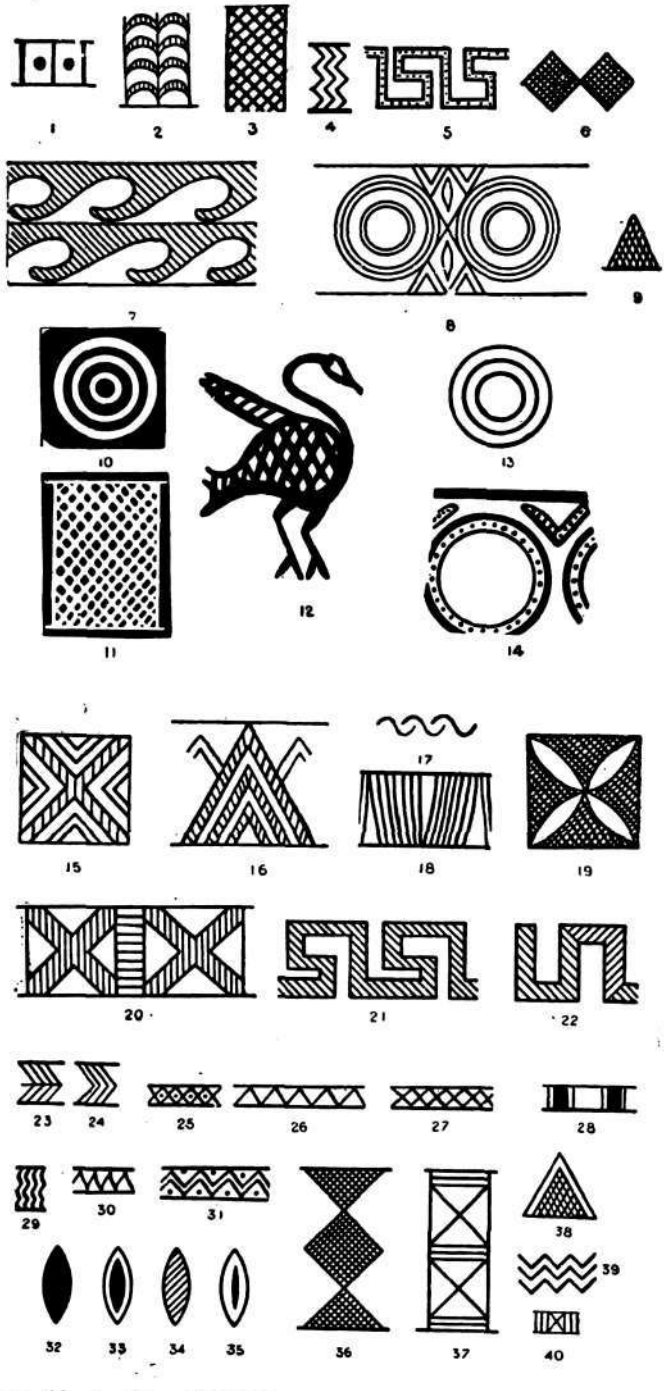
В Анополисе и Фрати еще встречаются погребения в пифосах. Кремация почти повсеместна во всех типах погребений.

Керамика геометрического периода. Керамика геометрического стиля на Крите[1] так и не достигла высокого уровня совершенства аттической школы. Только в Кноссе можно видеть определенный прогресс, который для остального Крита наблюдается лишь в немногих сосудах. Глина лучше просеивается, сосуды отделаны более тщательно, чем в раннегеометрическом периоде. Многие формы изменяются. Кратеры и пифосы часто имеют наибольшую ширину в верхней части. Амфоры с высоким горлышком приобретают более пропорциональное тулово. Появляется новый тип ойнохоя, с более стройным туловом и удлиненным горлышком. Блюдца и блюда становятся более плоскими, и их края обозначаются резче. К концу периода на яйцевидных пифосах появляются двойные горизонтальные ручки, соединяющиеся посередине, и три петли у основания, образующие треножник. Конические крышки этих сосудов часто украшены наверху миниатюрной вазой. Сосуды со стремянообразными ручками, повидимому, совершенно вышли из употребления. Один экземпляр был найден в гробнице на Папуре в Ласити, но весьма вероятно, что его следует рассматривать как наследие предшествующего периода или же как новое доказательство консерватизма этой области.

В рисунках обнаруживается почти полный разрыв с традицией раннегеометрического периода (рис. 46). Единственными пережитками этого периода остаются треугольники и ромбы с перекрестной штриховкой и концентрические круги[2], тогда как для нового стиля типичны меандр, четырехлистник и четырехугольник с диагоналями. По сравнению с великолепными дипилонскими сосудами в Афинах орнамент не отличается разнообразием и богатством мотивов. Очень часто встречаются изображения птицы, но фигуры людей чрезвычайно редки;

[1] B. S. A., XXIX, 271; ср. также Annuario, X — XII, 551.

[2] Концентрические круги этого периода всегда имеют ту отличительную черту, что на них не обозначено место установки циркуля.

Р и с. 46. *1—40* — образцы орнамента керамики геометрического периода из Кносса.

впрочем, на одном сосуде из Кавуси изображена шестиколесная колесница с одной стороны и три фигурки — с другой [1]. Краска на этом сосуде, более тусклая, чем на аттических вазах, представляет все оттенки коричневого цвета — от самого темного до самого светлого.

Несколько сосудов, относящихся к концу периода, расписано светлым по темному, причем этот орнамент обычно расположен полосами вокруг нижней части сосуда, а верхняя часть его расписана темным по светлому; впрочем, небольшие сосуды расписаны по всей поверхности светлым по темному. В этом усматривали пережиток минойской техники; однако разрыв между П. М. I*а* — последним периодом, когда на Крите употреблялась белая краска, да и то не в качестве основной,— и геометрическим периодом слишком велик. Белая краска — снова лишь для второстепенных деталей орнамента — появляется в П. Э. III на материке, но она совершенно отсутствует на сосудах раннегеометрического периода [2].

На Крите она встречается только в районе Кносса, за исключением двух-трех сосудов, которые также явно происходят из этого района [3]. В гробницах Кносса было найдено несколько черноцветных сосудов с рельефным орнаментом, ближайшую параллель которым составляют родосские изделия [4].

К концу VIII века, когда геометрический стиль выходит из употребления, появляется новая разновидность полихромных сосудов. В них заметно столь сильное восточное влияние, что представляется более уместным говорить о них в разделе, посвященном следующему периоду. Правильнее всего рассматривать их как переходную ступень между двумя периодами.

Изделия из металла геометрического периода. В железной утвари и оружии прогресса не заметно. Образцы, найденные в Кавуси и Врокастро, нельзя с определенностью отнести к раннегеометрическому или к геометрическому периоду. Любопытным пережитком является найденный в толосе на Папуре в области Ласити двойной топор чисто минойской формы, но уже железный. Фибулы, которые еще изготовляются как из железа, так и из бронзы, часто имеют форму капли и снабжены большой плоской пластинкой, захватывающей острие булавки. Однако эта пластинка никогда не бывает орнаментирована, как в других областях Эгейского бассейна.

Статуэтки геометрического периода. Лучшие статуэтки происходят из Врокастро. Повидимому, головы монтировались

[1] A. J. A., 1901, 111, Vrokastro, 98.

[2] Единственным исключением является кратера с изображением козла из Мулианы, относящаяся к раннеминойскому периоду.

[3] B. S. A., XXIX, 276.

[4] Там же.

на трубчатых подставках, без какого-либо следа корпуса. Глаза выделяются больше, чем в раннегеометрическом периоде, но только одна статуэтка свидетельствует о действительном прогрессе (фото 89, 2). Она моделирована весьма тщательно, и полуоткрытые глаза и рот придают ей замечательную жизненность [1]. Статуэтки животных часто бывает трудно отличить от образцов предшествующего периода. Однако очень обычна раскраска как для изображения поводьев так и в качестве простого орнамента, украшающего гривы лошадей.

К этому периоду должны быть отнесены многие из бронзовых посвятительных статуэток, найденных в Диктейской пещере [2]. Встречаются как мужские, так и женские фигурки. Первые представляют собой продолжение П. М. традиции, проявляющейся в том, что их левая рука поднята ко лбу, а в некоторых случаях — в минойской форме юбочки. Вторые одеты в колоколообразную юбку, а их руки сложены на груди. Среди животных преобладают быки; в одном случае встретился баран, запряженный в повозку вместе с быком. Ближайшие параллели можно указать среди образцов, найденных в Олимпии [3].

Печати геометрического периода. Искусство письма все еще не вошло в жизнь. Каменные печати сравнительно немногочисленны или, вернее, количество опубликованных печатей сравнительно невелико. Три хороших экземпляра имеются в Британском музее. Все они сделаны из зеленого жировика, мягкого, легко режущегося камня, и на них выгравированы, хотя и грубые, но выразительные изображения льва, льва с орлом и двух львов, пожирающих оленя [4]. Старая минойская творческая традиция не иссякла окончательно. Нужен был только какой-то новый стимул для ее оживления; на этот раз таким стимулом, повидимому, явилось влияние островов, и особенно Мелоса.

Внешние сношения в геометрический период. Ни один из предметов иноземного ввоза мы не можем с уверенностью отнести к этому периоду. Изящная бронзовая статуэтка Амона-Ра, найденная в Диктейской пещере, принадлежит, по всей вероятности, к тому же отложению, что и остальные бронзовые изделия; но предлагавшиеся для нее датировки колеблются от XVII—XIX династий, с одной стороны, до Саисского

---

[1] Vrokastro, 101, 112.

[2] Лемб (Greek and Roman Bronzes, 35) высказывает предположение, что некоторые из фигурок людей с непропорционально длинным корпусом могут быть отнесены к раннегеометрическому периоду.

[3] Olympia, IV, 28 сл.

[4] Brit. Mus., Catalogue of Gems, 180, 181, 183.

периода, с другой [1]. Повидимому, Крит в это время находится в некоторой изоляции, хотя в Кноссе и Врокастро все же встречаются ввозные аттические сосуды [2]. Ближайшие параллели среди изделий из керамики встретились на Родосе для Центрального Крита и в Фессалии для Восточного Крита [3].

Хронология геометрического периода. Наиболее вероятная дата окончания собственно геометрического периода — около 700 года для Восточного Крита и около 750 года для Центрального, где за геометрическим периодом последовал описываемый в ближайшей главе переходный полуориенталистический период, продолжительностью около 50 лет.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ ГЕОМЕТРИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Элефтерна	Отложение	В Орти Петре, к западу от акрополя (*Payne*, B. S. A., XXX, 266; *Hartley* там же, XXXI, 109)
Кания	Кладбище	Гробницы по главной дороге близ Tvзлы (*Stavropoulos*, J. H. S., 1929 235)

б) Находки на поверхности

Гавдос	Черепки в Карави (*Levi*, Art and Archaeology, 1927, 176 сл.)
Трахила	Черепки, виденные автором в 1935 г.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Параскеви	Гробница	(A. J. A., XL, 371) Раскопана Н. Платоном
Агиу-Георгиу Папура	Гробницы	Толос, раскопанный автором в 1937 г. (ср. *Evans*, Academy, 20(6)96)
Амнисос	Отложение	(*Marinatos*, Arch. Anz., 245, 1935)
Анополис	Кладбище	Погребения в пифосах (*Halbherr*, A. J. A., 1897, 254)
Арханес	Шахтовые погребения	Два шахтовых погребения во Вроно-меро (там же, XL, 371 сл.; ср. B. S. A., XXXI, 72)
Гурнес	Поселение	Между морем и деревней (*Hazzidakis*, Ἀρχ. Δελτ., I, 59)

[1] J. H. S., LII, 126; Aegyptiaca, № 15, Journal des Savants, 1931, 326.
[2] Vrokastro, табл. XXVI; B. S. A., XXXI, 89, 92.
[3] Там же, XXIX, 272, 277; XXXI, 105. Prehistoric Thessaly, 208 сл.

Остров Христос	Отложение	(B. C. H., 1925, 473)
Кносс	Город	Отложения (P. of M., I, 404; II, 432; B. S. A., XXXI, 76, 77, 92, 94, 95; VI, 79; J. H. S., LVI, 159)
	Гробницы	(P. of M., II, 154; IV, 1018; B. S. A., XXIX, 271; XXXI, 97, VI, 82; J. H. S., LV, 166; LIII, 289)
Маллия	Гробница	В Трохали (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. II, 18). Погребения в дромосе П. М. III гробницы (Агиа-Пелагиа) (B. C. H., 1921, 536)
Милатос	Гробница	Сосуды из гробничной камеры (P. of M., IV, 164)
Неа Галикарнасос	Кладбище	(A. J. A., XL, 371 сл.)
Панагия	Гробницы	Гробницы со сводами (*Halbherr*, A. J. A., 1901, 283; *Levi*, Annuario, X—XII, 389)
Приниас	Отложение	Под храмом (A. *Pernier*, Annuario, I, 40; *Levi*, там же, X—XII, 620)
Фрати	Гробницы	Погребение в пифосах (*Levi*, Annuario, X—XII, 79). Отложение в гробнице с куполом (там же, 174)
Психро	Пещера	Отложение в теменосе и низком гроте (*Hogarth*, B. S. A., VI, 94)
Спилиаридия	Дом	Раннее отложение из дома близ пещеры (*Xanthoudides*, B. C. H., 1922, 522)

б) Находки на поверхности

Авду	Черепки близ церкви Афендис Христос, виденные автором в 1935 г.
Канли-Кастелли	Поселение к северо-востоку от деревни (*Evans*, P. of M., II, 71). Гробница в Ризе, к северу от деревни (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. 10)
Кнсиди	Черепки с холма, виденные автором в 1937 г.
Крусонас	Сосуды из Приори (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. 10). Черепки на Купо, виденные Мани Коутс и Экл в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 92)
Лагу	Черепки в Багали и Сту Ставраку тон Лаккон, виденные Мани Коутс в 1937 г.
Финикия	Сосуды из гробниц, виденные автором в 1930 г. (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., III, 4)
Ставракия	Сосуды, опубликованные Orsi (A. J. A., 1897, 259; *Mariani*, Mon. Ant., VI, 230)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Триада	Отложение	Не опубликовано, за исключением одной глиняной головы (*Levi*, Annuario, X—XII, 620)
Гортина	Отложения	В Агиос-Иоаннисе (*Pace*, Annuario, I, 372; Jahrbuch, XIV, 40). Ниже Одеона (*Pernier*, Annuario, VIII, 6)
Каливиана	Погребения	Только черепки (Rend. Linc., 1902, 318; Mon. Ant., XIV, 654)

Лиляна	Погребения	Вторично использованные саркофаги (там же)
Фест	Отложение	Непосредственно над минойским (*Halbherr*, Mon. Ant., XII, 21)

б) Находки на поверхности

Комо	Черепки на южном мысе (*Evans*, P. of M., II, 88)
Лигуртино	Поселение на Кефале. См. предыдущий период
Трипети	Большое поселение на берегу, размытое дождем, виденное автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 87)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Адромили	Гробница	Свыше ста сосудов (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 249; *Droop*, там же, XII),
Агиос-Константинос	Дом	*Bosanquet*, B. S A., VIII, 236
Анавлохос	Укрепления	На главной вершине
	Гробницы	Погребения в пифосах в Како Плай (*Demargne*, B. C. H., 1931)
Дрерос	Храм	(Там же, LX, 214; ср. Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. II, 25)
Кавуси	Поселение	Позднее отложение в Кастро (*Boyd*, A. J. A., 1901, 139)
Клисиди	Укрепление	Галана Харакия или Стас Тавернес. Хогарт (B. S. A., VII, 148) нашел здесь черепки
Сту Куку То Кефали	Потребение	Погребение в пещере (*Hogarth*, там же, VII, 148)
	Поселение	По обе стороны реки (там же)
Палекастро	Отложение	Сосуды в поверхностном слое на месте расположения города (там же, IX, 320)
Пресос	Гробницы	Гробничные сооружения и шахтовые погребения (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 245; *Droop*, B. S. A., XII, 37, 39)
	Поселение	На холме с алтарем (B. S. A., VIII, 254, XII, 39)
Скалес	Пещера	Позднейшее отложение (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 235)
Врокастро	Поселение	Позднейшее отложение в домах на вершине (*Hall*, Vrokastro)
	Гробницы	Костяки в Караковилье (там же)
Закрос	Поселение	В Элленика, в верхней части ущелья (B. S. A., VII, 145)

б) Находки на поверхности

Ампелос	Каменная печать геометрического периода, виденная Р. В. Хетчинсоном в 1936 г.
Каламафка	Фрагменты пифосов на Кастеллосе, виденные Бозанке. Не опубликованы.
Мерминга	Сосуды, опубликованные Друпом (B. S. A., XII, 37, 38). Музей в Кандии (Catalogue, 517)
Монастераки	Поселение в верхней части ущелья Хаос в Каталимате (*Hall*, Trans. Penn. Univ. I, 18)

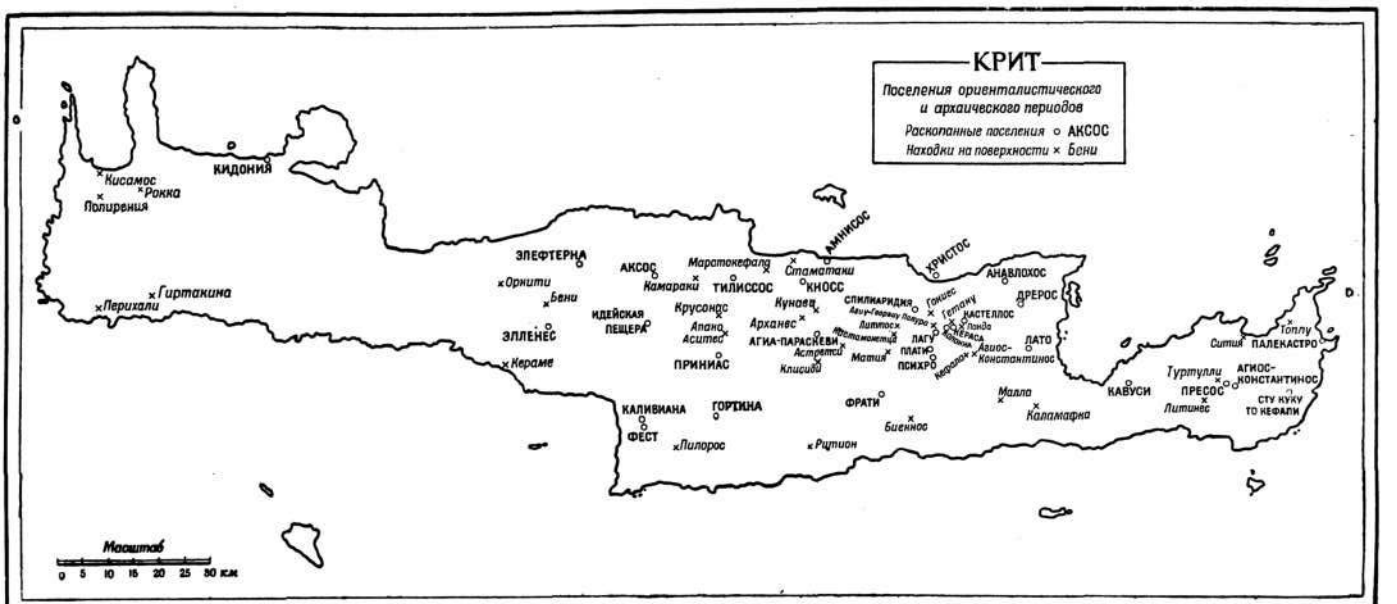
Дорога Неаполис — Мирабелло	Группа сосудов, опубликованных Друпом (B. S. A., XII, 37)
Пискокефало	Фундамент, опубликованный Друпом (B. S. A., XII, 37)
Туртулли	Сосуды, опубликованные Ксантудидисом (Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. I, 13)

III. Ориенталистический и архаический периоды

(см. карту 19)

С VIII века на Крите начинается подлинный эллинский период. Карта особенно поучительна в том отношении, что показывает движение населения к западу или, что более вероятно, заселение этой части острова иммигрантами с материка. Возникают большие города — Аксос, Полирения и Гиртакина; весьма вероятно, что раскопки могли бы обнаружить памятники этого периода и в Фаласарне, Элиросе и Сибрите. Лишь немного уступают по величине вновь основанные Рокка, Бени и Орнити (последний город, возможно, расположен на месте древней Осмиды). Быстро разрослись Элефтерна и Кидония. Но интереснее всего состоящее из посвятительных приношений отложение в пещере Иды, наиболее ранние памятники которого приблизительно соответствуют по времени позднейшим памятникам Диктейской пещеры. Поскольку различные предания указывают в качестве места рождения Зевса обе эти пещеры, перенесение центра культа в рассматриваемом периоде из одного пункта в другой дает нам наглядное представление о происшедшем перемещении центра культурной жизни вообще. Однако культ Зевса Диктейского продолжал существовать в Палекастро на восточной оконечности острова, где население, повидимому, было сосредоточено в одном крупном городе — Пресосе. Далее к востоку о процветании острова свидетельствуют города Лато и Дрерос, в Ласити — город на Папуре, Фрати на склонах Дикты. На юге Ритион, Гортина, Пилорос и Фест, в центре — Кносс, Приниас (древняя Резения?) и Астретси (древний Диатонион?) напоминают, что мы вступаем, наконец, в соприкосновение с греческой литературой и историей.

Трудные условия жизни раннего железного века миновали. Излюбленный теперь тип города в достаточной мере обеспечивает возможность защиты, что было необходимо в условиях частых столкновений между городами. Однако город не был абсолютно недоступен; обычно он имеет характер акрополя с городскими постройками по склонам холма (фото 21—24). Селиться на побережье, повидимому, еще избегали, вероятно, не столько вследствие какой-либо особой опасности, сколько из-за отсутствия удобных для заселения мест. Несомненно, раскопки под классическими и римскими слоями

19. Поселения ориенталистического и архаического периодов.

позднейших портовых городов могут в конце концов открыть какое-нибудь портовое сооружение архаического периода.

Мы располагаем некоторыми сведениями относительно организации и законов этих городов [1]. Остров сделался теперь совершенно «дорийским», и общественное устройство его в основном было таким же, как в Спарте. Действительно, Ликург, по преданию, многое заимствовал от Крита, и считалось, что критяне, в общем, сохранили дорийский идеал в большей чистоте, чем это было в других местах, где его приходилось приспосабливать к местным условиям. Во главе каждого города-государства стояли десять космов, избиравшихся на год из членов аристократических семейств. Они объединяли в своих руках функции спартанских царей и эфоров. Совет — Βωλά — состоял из бывших космов, которые оставались пожизненно его членами. Народное собрание только утверждало уже принятые решения. Старое население было разделено на свободных, периэков и рабов, μνοΐα или μνοῖται — название, в котором, может быть, позволительно усматривать связь с именем Миноса [2]. Общественный строй и система воспитания молодежи полностью были разработаны с расчетом на войну. Если мелких раздоров между городами оказывалось недостаточно, то критяне находили применение для своего оружия на чужбине; они славились в древности в качестве наемников.

Архитектура архаического периода. Развалины Лато доныне остаются лучшим образцом, дающим нам представление о городе архаического периода. Лато имеет двойной акрополь (фото 21) с крутыми со всех сторон склонами. В некоторых местах, приблизительно на середине западного склона, хорошо сохранились городские стены [3]. Вдоль этих стен идет дорога, поднимающаяся к укрепленным воротам, откуда узкая мощеная улица ведет вверх, через седловину между двумя вершинами. Несколько ниже высшей точки седловины расположена агора. Это довольно большая открытая площадь, на северной оконечности которой находится лестница, проходящая между двумя башнями к притонею; в его главном зале находится алтарь. Вдоль западной стороны агоры идет портик. Перед пританеем расположено простое, вероятно, не имевшее крыши святилище, состоящее из одного зала. На южной стороне дороги находится экседра, образующая

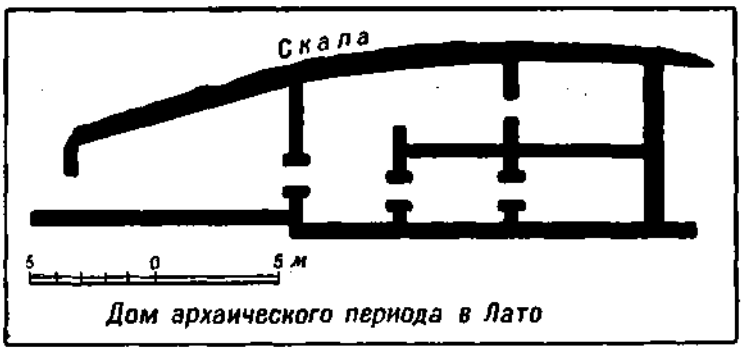
---

[1] Основной источник — Аристотель, Политика, 11.

[2] Гибрий, 5: τοῦτῳ δεσπότας μνοΐας κέκλημαι.

[3] Стены городских укреплений всегда трудно датировать. Большинство экземпляров в материковой Греции относится ко времени после V века. Трудно, однако, в данном случае установить различие между укреплением и домами, поскольку каменная кладка в обоих случаях одинакова.

южную оконечность агоры. Сравнение с Гурнией (стр. 206) напрашивается само собой, но в Лато место феодального

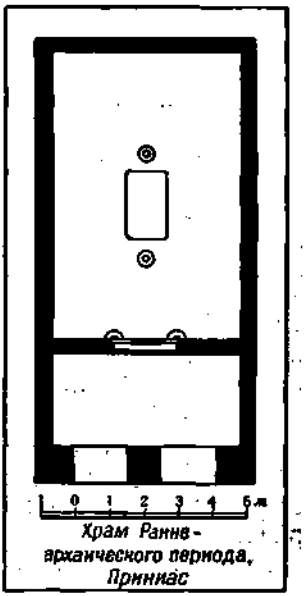

Дом архаического периода в Лато

Рис. 47.

замка, образующего центр города, занимает группа общественных зданий. Правильной системы улиц нет. Дома разбросаны совершенно беспорядочно.

План типичного дома показан на рис. 47. Дом построен из крупных, довольно грубо обработанных камней, за исключением дверных косяков, которые обтесаны с четырех сторон и часто сделаны из цельных глыб. В скале имеется выемка, служащая одной из стен. Эта особенность характерна для западной части Крита [1], где почти каждый древний акрополь дает ряд примеров скальных срезов, но редко встречается в восточной части Крита, где, вследствие твердости местного камня, строители предпочитали располагать здания террасами, чем делать выемки. На одном конце находится двор, из которого проникали в переднее помещение. За ним располагались другие комнаты. Как обычно, они делятся на две группы — отдельно для мужчин и для женщин или для господина и слуг.

Храм Раннеархаического периода, Приниас

Рис. 48.

В Колонне, в области Ласити, перед входной дверью в вымостку пола вертикально поставлен метеоритный камень.

[1] Лучший пример дает Рокка, где срез скалы, образующий стену, часто достигал высоты двух этажей, на что указывают ясно различимые отверстия для стропил потолка.

Простейшую форму храма представляет древнейший Пифион в Гортине. Это простое помещение, вход в которое расположен с востока. Далее идут храмы в Лато, состоящие из пронаоса, часто образующего выступ с одной стороны, и целлы. Следов колонн не обнаружено; высказывалось предположение, что эти храмы не имели крыши. Наиболее совершенный образец представляет храм А в Приниасе (рис. 48). Он состоит из пронаоса и целлы. Вход, над которым находился скульптурный фриз с изображением всадников, разделен четырехугольным столбом на две части. Повидимому, была также колонна посередине двери, ведущей в целлу. Ее перемычка была украшена тщательно сделанной резьбой, изображающей на нижней поверхности богиню, а на боковых сторонах — животных; на обоих концах перемычки находились статуи сидящей богини (см. ниже). Целла по своему устройству напоминает ранний храм в Дреросе. Ее алтарь был выложен плитами известняка, на которых видны следы огня, а по сторонам были две колонны. Как и в Дреросе, эта часть храма, вероятно, не имела крыши. Остатков алтаря не было найдено, но сохранились следы выступа, идущего вдоль южной стороны. От храма Зевса Диктейского в Палекастро не осталось ничего, кроме карниза и немногих предметов, а небольшое святилище в Кносском дворце полностью разрушено.

В архаическом периоде камни обтесываются более тщательно, даже для обыкновенных домов. В плане строения имеют форму неправильного многоугольника, но с некоторой тенденцией к симметрии. Каменная кладка обыкновенно производится сухим способом, и «цементный раствор», обнаруженный в Лато, по всей вероятности, употреблялся в более позднее время при ремонте зданий. Фриз и перемычка в Приниасе и карниз в Палекастро дают нам некоторое представление об антаблементе, но о стиле колонн мы ничего не знаем. Вероятно, они были еще деревянные, весьма возможно, старого минойского типа. Древнейшая известная нам дорическая капитель на Крите была найдена в Кноссе на вершине акрополя (Монастериако Кефали), откуда она была взята значительно позднее для использования в качестве жернова. Несмотря на округленный эхинос, ее нельзя датировать временем ранее самого конца VI века; место расположения храма, откуда она происходит, неизвестно.

Гробницы архаического периода. Погребальные обычаи остаются без изменения. Можно указать лишь очень немного гробниц геометрического стиля, которые не использовались бы по крайней мере до конца ориенталистического периода. Однако строительство толосов прекращается. Во Фрати найдены погребения в пифосах, а в Агиос-Константиносе — неглубокая могила в одной из комнат более раннего дома.

Возможно, что часть высеченных в скале гробниц, которые можно видеть в Пателе около Приниаса, на Кутсуласе, холме к востоку от Полирении, и в Рокке, была первоначально сооружена именно в этом периоде, хотя очень немногочисленные найденные в них черепки относятся только к классическому и эллинистическому периодам.

Керамика архаического периода. Керамика проходит сначала промежуточную фазу, которая, как уже было сказано, частично захватывает конец геометрического периода. В ней начинает заметно проявляться восточное влияние [1]. Сначала, как указывает Пейн, в орнаменте заметно сопротивление отходу от геометрической традиции, но постепенно входит в употребление свободный криволинейный рисунок. Наиболее типичны веревочный и растительный орнамент (рис. 49). Формы сосудов почти не изменяются, воспроизводятся лишь варианты прежних форм. Полихромные сосуды встречаются только в гробницах — в поселениях еще не было найдено ни одного такого сосуда. Только три типа сосудов украшаются подобным орнаментом, причем два из них — чаши простые и подвесные с лепной отделкой — очень редки. Все остальные сосуды принадлежат к типу пифосов с тремя ножками. Как в форме, так и в орнаменте заметно влияние Кипра [2]. Рисунок наносится на густой слой белой поливы. Краски применяются красная и темносерая, часто почти синяя, но встречается и желтая. Какое широкое распространение получила эта форма орнамента, показывают кносские сосуды, первоначально расписанные в геометрическом стиле, но позднее покрытые белой поливой и расписанные в новой технике. Пейн видит ключ к установлению хронологической последовательности для этих сосудов в постепенном вытеснении красного цвета как основного серым. Гораздо более обычными становятся изображения птиц; на одном сосуде мы видим целый лес листьев, сквозь которые пробираются птенцы. Верхняя часть его окаймлена изображениями рыб. Вновь проявляется традиционная любовь критян к природе; включение птиц в композицию панелей не связано ни с каким внешним влиянием [3]. Только на одном сосуде имеется изображение человеческих фигур: воин в шлеме с плюмажем приближается к женщине в длинной юбке и с густой сеткой на волосах. Обе фигуры стоят на подставках, что, повидимому, является художественной условностью [4]. Рисунок очень груб, особенно по сравнению с

---

[1] См. Payne, B. S. A., XXIX, 277 сл., где дается лучший анализ этой керамики.

[2] Пейн (шит. соч.) сравнивает их с аттическими полихромными вазами V века, указывая, что они имеют погребальный характер.

[3] Там же, 283.

[4] Ср. митру из Ретимна: Greek and Roman Bronzes, 61.

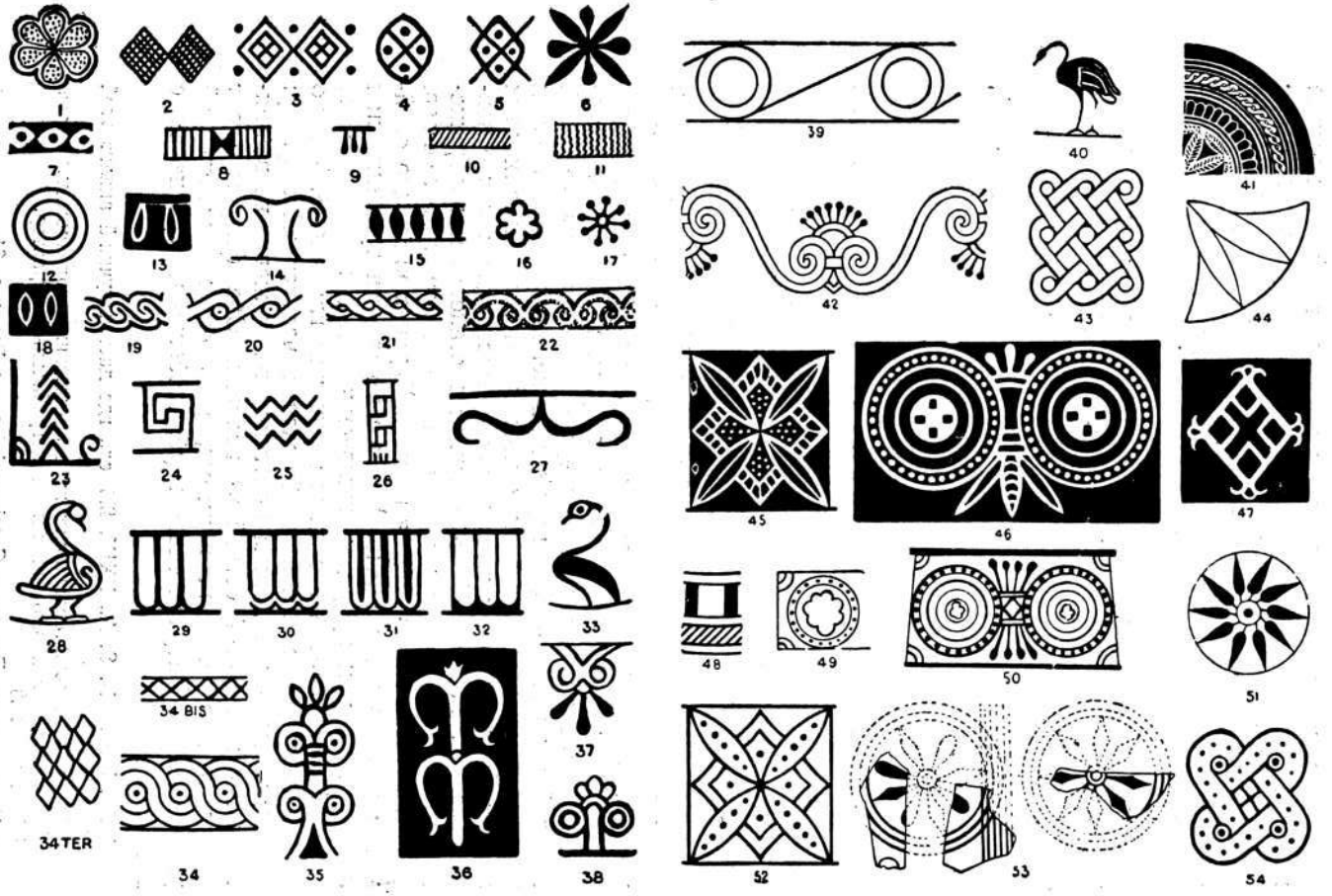

Рис. 49. *1—54* — образцы керамики ориенталистического периода из Кносса.

изображениями рыб и цветов. При датировке керамики мы, вероятно, будем близки к истине, предположив, что появление восточных влияний относится ко второй половине VIII века, а полихромные сосуды — к периоду от последней четверти того же века до середины VII века.

Особую группу составляют сосуды из Фрати. Здесь обычны изображения человеческих фигур. Часто встречаются и лепные сосуды. Очень интересен сосуд в форме ведра, на котором представлена богиня, держащаяся за стилизованные деревья; справа и слева от нее сидят две птицы. Голова изображена en face, а волосы выполнены рельефом [1]. Для этих сосудов, встречающихся на всем протяжении ориенталистического периода, можно указать лишь немного параллелей в других местах, даже на Крите. По мнению автора этой книги, они обнаруживают больше сходства с аттическими вазами того же времени, чем с каким-либо иным стилем.

Известно много хороших образцов пифосов с рельефными изображениями животных, сфинксов и человеческих фигур. Фрагменты этих сосудов — самая обычная находка на поверхности поселений этого периода. Курби [2] в своем исследовании, посвященном этим сосудам, делит их на три группы: новомикенскую, включающую также сосуды из Диктейской пещеры и из Литтоса, которые он датирует, повидимому, геометрическим периодом, ориенталистическую, относимую им ко времени от 750 до 650 года до н. э., архитектурную (650—550 годы до н. э.), орнамент которой напоминает фриз на зданиях. Однако представляется вероятным, что его новомикенские и ориенталистические сосуды принадлежат к одному и тому же времени.

Эти керамические изделия — последние на Крите, имеющие отчетливо выраженный местный характер. В дальнейшем критские сосуды будут представлять собой только слабое подражание современным им стилям, преобладающим в других местах. Заслуживает упоминания лишь один сосуд — пинакс из гробницы в Пресосе. Внутренняя часть его изображает всадника и очень близка по стилю к фризу из Приниаса (см. ниже). Снаружи имеется фрагмент великолепной сцены борьбы героя с морским чудовищем (фото 90, *2*). Четкий контур и великолепная передача движения и энергии в изображении тела напоминают лучшие минойские произведения. Трудно допустить, что этот сосуд не местного происхождения [3].

---

[1] Annuario, X — XII, 330, рис. 431.

[2] *Courby*, Vases Grecques à relief, 40 сл.

[3] Гопкинсон (*Hopkinson*, B. S. A., X, 149 сл.) высказывает предположение, что этот пинакс привозной и принадлежит к группе Мелоса и Делоса. Бэшор (*Buschor*, Greek Vase Painting, 32) считает, что он происходит с Крита и усматривает связь между ним и эгинским сосудом с

Изделия из металла архаического периода. В течение ориенталистического периода на Крите было создано много превосходных произведений искусства из бронзы [1]. Наиболее ранние из них — знаменитые бронзовые щиты, найденные в пещере на Иде [2]. Они представляют собой посвятительные приношения, сделанные из тонкой бронзы, причем меньшие экземпляры, без выступа посередине, более всего напоминают по форме гонги или кимвалы. Орнамент сделан насечкой или, реже, нарезкой. Щиты имеют центральный выступ, в одном случае настолько большой, что он оформлен в виде скульптурного изображения птичьей головы, а в другом — в виде львиной головы. Вокруг расположены фризы с изображениями животных. Встречаются также сфинксы и змеи. На одном из «гонгов» изображено божество с ассирийской бородой, поднимающее над головой льва [3]. По обе стороны от него находятся крылатые прислужники. Наиболее близки к этим изделиям из бронзы финикийские чаши IX—VII веков, находимые в Нимруде, на Кипре, в Италии и в Греции. Их стиль чисто восточный — смешение ассирийских и египетских мотивов. Однако «щиты», повидимому, являются местными изделиями, о чем свидетельствует не только то, что они обычно фигурируют в качестве посвятительных приношений, но также и то, что некоторые детали рисунка не имеют восточного характера [4]. По времени они, вероятно, относятся к последней половине VIII века [5].

Концом VIII или самым началом VII века датируются бронзовые рельефы из Кавуси и Кносса, принадлежащие, возможно, одному и тому же мастеру. Восточные черты в них выражены очень ярко, особенно в сценах борьбы человека с двумя львами и в изображении колесницы, устремляющейся против лучников [6].

К VII веку относится ряд фигур, вырезанных из листов бронзы и предназначенных, вероятно, для прикрепления к деревянному ящику или другому подобному предмету. Лучшая из них изображает двух охотников — юношу, несущего на плече дикую козу, и бородатого человека с луком. Рельеф очень низкий и детали сделаны нарезкой. В узких талиях, характерной короткой повязке на бедрах и завитках на лбу

изображением Одиссея и барана, который относили почти ко всем ориенталистическим стилям и который, возможно, является раннеаттическим.

[1] Ср. Kunze, Kretische Bronzereliefs.

[2] Другие экземпляры — из Палекастро и Фрати.

[3] Это молодой бог-охотник типа Гильгамеша, одним из жилищ которого был Загрос. Интересно отметить, что Загрей рано появляется на Крите.

[4] C. A. H., IV, 583.

[5] Кунце склонен отнести эту дату к IX веку; ср., однако, рецензию Пейна, J. H. S., LIII, 122.

[6] Kunze, цит. соч., табл. 56; J. H. S., 290.

юноши видно продолжение минойской традиции [1]. Можно обнаружить черты сходства между этими предметами и «митрами» из Аксоса [2]. Последние выполнены в низком рельефе техникой штамповки с нарезными деталями. К тому же типу принадлежат пластинки из Олимпии, носившиеся в качестве украшений на груди; на них выгравированы фигуры животных, геральдические сфинксы, а в одном случае — фриз с изображением божеств [3]. Для критской школы характерны тонкая гравировка и чистота линий, а также применение в орнаменте зигзагов, мотивов завитков жимолости и связанных спиралей. К началу VI века может быть отнесен великолепный шлем из Аксоса с рельефными изображениями крылатых коней и розетками. Налобник украшен гравированными львиными головами, а внизу расположены узоры, типичные для Крита.

Статуи и статуэтки архаического периода. Самые ранние скульптурные произведения найдены в храме Дрероса [4]. Они сделаны из бронзовых пластинок, выбитых по форме и скрепленных на деревянном сердечнике [5]. Две женские фигурки одеты в прямые цилиндрические юбки с двойной полосой из мелких шишечек, проходящей сверху вниз. Торс обнажен, но обозначен короткий кусок ткани над плечами и верхней частью рук. Прямые густые волосы коротко подстрижены, а сверху надет «полос». Руки плотно прижаты к бокам. Мужская фигура обнажена, если не считать «митры» и круглой шапочки, напоминающей ермолку. Руки согнуты в локтях и немного отстранены от корпуса. Слегка намечены ключицы и ребра. Черты лица у всех трех фигур выполнены четко, но с таким расчетом, чтобы смотреть на них только спереди. В бронзе оставлены углубления, в которые должны были вставляться глаза, сделанные из другого материала. Моделировка этих фигур, относящихся, самое позднее, к концу VIII или самому началу VII века, весьма хороша — значительно лучше, чем на протяжении ряда последующих поколений.

К VII веку относится ряд «дедалических» скульптурных и терракотовых памятников, которые недавно были подвергнуты

---

[1] С. А. Н., IV, 586. *Lamb*, цит. соч., 59 сл.; ср. другой экземпляр из Дрероса, В. С. Н., LX, табл. XXX. Фигура представляет собой силуэт.

[2] Annuario, XIII — XIV; имеются достаточные основания полагать, что экземпляр, находящийся в Кандии и происходящий, по имеющимся сведениям, из Ретимна (*Lamb*, цит. соч.), в действительности также происходит из Аксоса.

[3] Olympia, IV, табл. LVIII и LIX.

[4] В. С. Н., LX , табл. LXIII и готовящийся Monument Piot.

[5] Метод, который Павсаний (III 17, 16 и в других местах) упоминает под названием σφυρήλατος. Павсаний описывает выполненную этой техникой статую Зевса в Спарте работы критских художников Клеарха, ученика Дипойна, и Скиллиса.

тщательному рассмотрению Дженкинсом [1]. Устанавливаемая им раннедедалическая фаза (около 680—670 гг.) представлена одной головой, находящейся в Нью-Йорке. Лицо треугольное, с массивным носом, обрамлено париком или, может быть, волосами, тщательно причесанными в виде горизонтальных валиков, как это типично для Крита. Веки глаз обозначены двумя бороздками. У раннедедалических фигур— от 670 до 655 года — лицо более полное. Веки и брови переданы хорошо, но черты все еще остаются грубыми. К этому периоду принадлежит каменная фигура в сидячем положении из Маллы и несколько терракотовых голов из Диктейской пещеры. Среднедедалическому I периоду, от 655 до 645 года, свойственна уже лучшая моделировка, заметная, например, на одной голове из Малого дворца в Кноссе. Углы рта подняты вверх для обозначения улыбки. Глаза намечены глубокими кругами. Вероятно, к этому периоду относится фриз со всадниками из Приниаса и первоначальные фигуры богинь на дверной перемычке, копия которых, сделанная в архаическом духе около 600 года, представлена сохранившимися фрагментами. До этого времени фигуры предназначались только для рассматривания спереди. Со среднедедалического II периода — с 645 до 640 года — мастер начинает уделять внимание и профилю. Каменная статуя, находящаяся в Оксерре и принимаемая за критскую, характеризуется энергичным угловатым подбородком; глаза ее, как и у некоторых терракотовых голов из Феста, трактованы таким образом, что их можно рассматривать и сбоку, хотя правильный угол был найден лишь несколько позднее. В этом приближении к трехмерному моделированию Крит опередил современный ему Эгейский мир. Следующий шаг в этом направлении сделан в среднедедалическом III периоде (640—630 годы), к которому принадлежат сосуд в виде головы из Арханес и маленькая бронзовая фигурка из Дельф. Маленькие глаза и двойная складка над ними остаются типично критскими, но лицо короче и очертания его правильнее. Последний, позднедедалический период продолжается от 630 до 620 года; лучшее произведение этого периода — известная каменная фигура из Элефтерны. У этой статуи подбородок совсем прямоугольный, рот прямой и хорошо моделированный, короткий выступающий нос; глаза попрежнему обозначены двойной бороздкой (фото 92, *2*).

В VI веке критское искусство переживает глубокий упадок, и если не считать бронзовой статуэтки юноши, несущего барана [2], скульптурные памятники являются лишь слабыми подражаниями произведениям пелопоннесской школы. Неко-

[1] Olympia, 1936, 25, 29, 34, 42, 45, 51, 58, 79 и ссылки, имеющиеся там же.

[2] *Lamb*, цит. соч., 84.

торый интерес представляют несколько терракот из Пресоса, в особенности одна статуэтка из числа найденных в небольшом храме в Месаврисисе, являющаяся, очевидно, прямым продолжением типа минойской богини, хотя руки ее и не подняты [1]. На холме алтаря найдено несколько крупных расписных фигур львов, относящихся к различному времени. Из того же поселения происходит верхняя половина мужской фигуры в три четверти натуральной величины [2], резкие, отчетливые черты которой составляют контраст с более мягкими контурами, свойственными VII веку. Эту скульптуру можно предположительно отнести ко второй половине VI века. Середина VI века — наиболее вероятная дата для терракотового рельефа из Диктейского храма в Палекастро (фото 92, *1*). Она состоит из ряда кусков, формованных по одной модели и изображающих воина, поднимающегося на колесницу, которую, по странной ошибке мастера, везут с полной скоростью две лошади; ниже бежит собака [3]. Другие терракотовые пластинки и формы, относящиеся к различным периодам VI века, не обнаруживают характерных для Крита особенностей. Найденные в пещере Иды статуэтки из слоновой кости изучались Кунце [4]. Он находит для них параллели в Эфесе, Нимруде, Арслане, Таше и Сирии, хотя большинство их датирует еще VIII веком. Кунце приходит к выводу, что все эти изделия ввезены из Азии.

Надписи архаического периода. Первой греческой надписью на острове является ранний законодательный кодекс из Гортины, датируемый началом VI века. Применяемый в нем алфавит, за исключением незначительных отличий, совпадает с алфавитами Феры и Мелоса и очень близок к «финикийскому» алфавиту. Надпись глубоко вырезана и читается справа налево. Монеты на Крите не чеканились до начала V века, и из этой надписи видно, что денежными единицами для исчисления штрафов были котлы и треножники.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ ОРИЕНТАЛИСТИЧЕСКОГО И АРХАИЧЕСКОГО ПЕРИОДОВ

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Аксос	Храм	(*Levi*, Annuario, XIII—XIV)
Элефтерна	Отложения	(*Payne*, B. S. A., XXX, 266; *Hartley*, там же, XXXI, 110; ср. Rev. Arch., XXXI, 10)

[1] B. S. A., VIII, 278.
[2] Там же, 272, табл. XIII.
[3] Там же, XI, 300.
[4] Ath. Mitt., 60/61, 218 сл.

Эллинес	Пещера	Черепки (*Marinatos*, Arch. Anz., 1932, 77)
Пещера Иды	Пещера	Бронза (Ath. Mitt., X, 62; *Kunze*, Kretische Bronzereliefs; *Halbherr*, Mus. It. Ant. Clas., II, 689; *Kunze*, Ath. Mitt., 60/61, 218 сл.)
Кидония	Могилы	Не опубликованы, инвентарь находится в музее в Кании. Кроме того, много сосудов из окрестностей в том же музее и в музее Кандии

б) Находки на поверхности

Бени	Стены, виденные Спраттом (11, 105) на северном краю деревни. Стены и черепки в южной части, виденные автором в 1935 г.
Гиртакина	Описание у Пашли (II, III). Надпись (*Daublet*, B. C. H., XIII, 175; ср. *Savignoni*, Mon. Ant., 1901, 408). Черепки, рассеянные по большой площади, виденные автором в 1935 г.
Кераме	Черепки и стены в Висале, виденные автором в 1929 и 1932 годах
Кисамос	Сосуды в местном музее
Орнити	Может быть, древняя Осмида. Хорошо сохранившиеся стены укреплений и черепки пифосов с рельефным орнаментом, виденные автором в 1935 г.
Перихали	Лекиф, опубликованный Савиньони (Mon. Ant., 1901, 459)
Полирения	Общее описание см. Pashley, II, 46. Многие фундаменты стен относятся к архаическому времени. Много черепков на всем пространстве поселения. Сосуды в музее в Хании
Рокка	Низко расположенное поселение к северо-западу от деревни; сосуд, виденный автором в 1935 г. Акрополь на возвышенности

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Параскеви	Гробница	Позднейшее отложение в скальной гробнице (A. J. A., XL, 371)
Амнисос	Отложение	Из дома (*Marinatos*, Πραχτιχά, 1933, 93; Arch. Anz., 1934, 246; 1935, 245)
Кастеллос Цермиадон	Отложение	Сосуды в С. М. III доме, раскопанном автором в 1937 г.
Кераса	Отложение	Сосуды и пр. близ эллинистической гробницы. Раскопано автором в 1937 г.
Остров Христос	Отложение	(B. C. H., 1928, 502)
Кносс	Отложения	Во дворце (P. of M., II, 6; B. S. A., XXXI, 76, 77). Вне дворца (J. H. S., LVI, 159)
	Гробницы	(B. S. A., XXIX, 277; J. H. S., LV, 166; LIII, 289)
Колонна	Дома	Окрестности города на Папуре, раскопанные автором в 1937 г.
Лагу	Дома	Два дома в Донадес, раскопанные автором в 1937 г.

Фрати	Поселение	Дома и укрепления на горе пророка Илии (*Levi*, Annuario, X—XI, 32 сл.)
	Гробницы	Погребения в пифосах на западном склоне (там же, 79). Позднейшее отложение в гробницах со сводами, 174. В Селли, 381
Платн	Отложение	Над минойским поселением, в основном фрагменты пифосов (*Dawkins*, B. S. A., XX, I)
Приниас	Город	Может быть, древняя Резения. Архитектурные и другие памятники (*Pernier*, Annuario, I, 18, 53 и Mem. Ist. Lomb., XXII, Bollettino d'Arte, I, 28, II, 455, ср. *Halbherr*, A. J. A., 1901, 399; *Savignoni*, там же, 404; A. J. A., 1934, 171)
Психро	Пещера	Несколько черепков из теменоса (*Hogarth*, B. S. A., VI, 94)
Спилнаридия	Дом	Позднейшее отложение в доме близ пещеры (*Xanthoudides*, B. C. H., 1922, 522)
Тилиссос	Отложение	Несколько предметов (*Hazzidakis*, V . T. M., 109)

б) Находки на поверхности

Агиу-Георгиу Папура	Черепки и терракотовые пластинки очень тонкой работы с северо-восточного склона, виденные автором в 1936 г.
Агиос-Константинос	Черепки и стены, виденные автором в Харакии в 1937 г.
Апано Аситес	Сосуд в музее в Кандии (Catalogue 587)
Арханес	Глиняная статуэтка. Музей в Кандии (Catalogue, 3262); см. также отчет о бронзовых памятниках
Астретси	Может быть, древний Диатоннон (*Mariani*, Mon. Ant., VI, 235; *Taramelli*, там же, IX, 349). Пифос с рельефным орнаментом (*Marinatos*, Arch. Anz., 1933, 313)
Гетану	Фрагменты пифосов с насечкой, найденные Акумианосом в 1935 г.
Гониес	Поселение в Факистриесе, к югу от деревни, обнаруженное Акумианосом в 1935 г. Также в Лефтери или Столосе выше предыдущего поселения. Видел Ксантудидис
Камараки	Статуэтка из Филеримо в музее в Кандии (Catalogue, 5238)
Кастамонетса	Отложение с посвятительными приношениями, виденное Эвансом (*Evans*, Diary, 15 (3) 95). Пифос с рельефным орнаментом (*Marinatos*, Arch. Anz., 1934, 246)
Кефала	Находящийся во владении крестьянина кувшин из погребения на северо-западном склоне, виденный автором в 1936 г.
Клисиди	Черепки на холме, виденные Т. Дж. Денбабином в 1938 г.
Кунави	Может быть, древняя Эльтина. Надпись (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. II, 24)
Крусонас	Терракотовые статуэтки в музее в Кандии (Catalogue, 6342—4; *Mariani*, Mon. Ant., VI, 38)
Лагу	Черепки в Багали и Сту Ставраку тон Лаккон, виденные Мани Коутс в 1937 г.
Литтос	Пифосы с насечкой в музее в Кандии

Маратокефала	Фрагменты пифосов и следы стен, найденные Мариани (Rend. Linc., 1894, 180)
Матия	Пинакс из Харакии (*Levi*, Annuario, X—XII, 621)
Понта	Обширное поселение; много хороших фрагментов с рельефами, виденных автором в 1935—1936 гг. (ср. *Evans*, Diary, 1898)
Стаматаки	Архаическая терракотовая статуэтка (*Mariani*, Mon. Ant., VI, 39)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Гортина	Город	Храм Аполлона Пифийского (Мон. Ант., I, 8; III, I; XVIII, 381). Одеон (Annuario, II, 303; VIII, 9)
Каливиана	Гробницы	Бедные погребения (Mon. Ant., XIV, 654)
Фест	Отложение	Над отложением геометрического периода во дворце (*Halbherr*, Mon. Ant., XII, 21; *Marinatos*, Arch. Anz., 1933, 312; 1935, 244)

б) Находки на поверхности

Биеннос	Черепки на Коракии около деревни, виденные автором в 1935 г. (ср. *Mariani*, Mon. Ant., VI, 174)
Ритион	Ср. Spratt, I, 333 (*Evans*, Diary, 2(4)94). Стены и черепки, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 86)
Пилорос	Надпись из Анкераме на востоке (*Halbherr*, Mus. It. Ant. Class., III, 719)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиос-Константинос	Гробница	(*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 239)
Анавлохос	Отложение	На Како Плай (*Demargne*, B. C. H., 1931; ср. *Mariani*, Mon. Ac. Linc., VI, 244)
Дрерос	Город	Дома и общественные здания (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, II, 23). Позднейшее отложение в храме (*Marinatos*, B. C. H., LX, там же, 1933, 299)
Кавуси	Гробница	Гробница со сводами на Скуриасменосе с позднейшим отложением (*Boyd*, A. J. A., 1901)
Сту Куку то Кефали	Дом	Терракотовые фигурки и пластинки (*Hogarth*, B. S. A., VII, 148)
Лато	Город	Дома и общественные здания (*Demargne*, B. C. H., XXV, 282; XVII, 206), а также другие остатки поблизости в Мелиссакии (B. C. H., 1929, 382)
Палекастро	Храм	Храм Зевса Диктейского (*Bosanquet*, B. S. A., XI, 298; ср. *Kunze*, Kret. Bronz. Rel., 247 и в других местах. Ath. Mitt., 60/61, 218 сл.)

Пресос	Город	В основном на северо-западной стороне акрополя — холма с алтарем (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 254; XV, 281; *Halbherr*, A. J. A., 1901, 371; *Comparetti*, Mus. It., II, 673). Гробницы (*Hopkinson*, B. S. A., X, 148; *Marshall*, там же, XII, 63; *Forster*, там же, XI, 243)

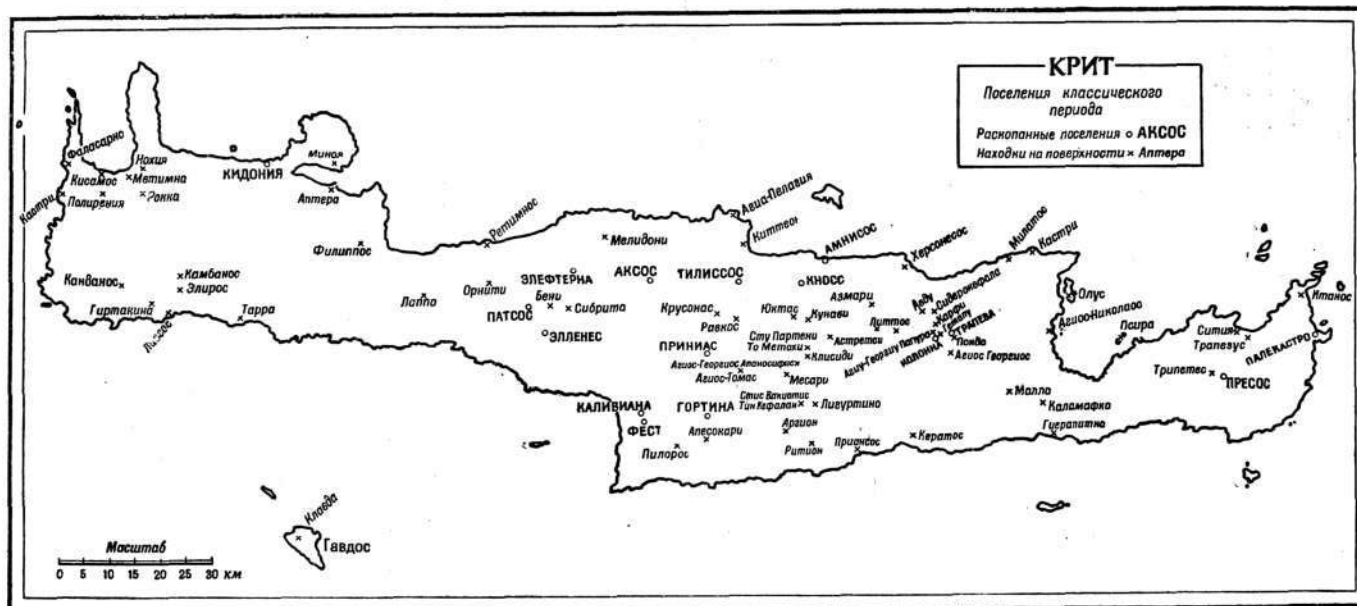
б) Находки на поверхности

Каламафка	Черепки на восточном склоне Кастеллоса, виденные автором в 1935 г.
Литинес	Пифос с насечкой в музее в Кандии (Catalogue, 1578). Бозанке видел сосуды и терракотовые статуэтки, найденные на бугре к югу от дороги
Малла	Дедалическая статуя из Пателы в музее в Кандии (Catalogue, 245; *Pernier*, Annuario, II, 312)
Сития	Терракотовая статуэтка (*Mariani*, Mon. Ant., VI, 175). «Ушебти» XXVI династии, виденное автором
Топлу	Следы архаических погребений, виденные Акумианосом в 1936 г.
Туртулли	Гидрия в музее в Кандии (Catalogue, 7417)

IV. Классический период

(см. карту 20)

В V и IV вв. заметно дальнейшее передвижение населения к западу; почти все известные нам более или менее крупные города в это время уже основаны. Большинство городов предыдущего периода еще остаются заселенными. Попрежнему излюбленным типом поселения остается город, расположенный вокруг укрепленного акрополя. Но можно отметить и некоторые новые черты. В Кастри к югу от Фаласарны и в Кастри к востоку от Милатоса имеются небольшие, хорошо построенные сооружения, которые могли служить укреплениями или сторожевыми башнями, подобно башням на Сифносе, Аморгосе и других островах, но могли также быть и маяками, указывающими наиболее опасные мысы близ больших портовых городов. То же можно сказать и о башне в Миное, которая вместе с Аптерой указывала на вход в бухту Суда, лучшую гавань на Крите. Мосты в Элефтерне и Филиппосе позволяют предположить, что были произведены некоторые работы по строительству дорог, по крайней мере в западной части острова. Мосты в Элефтерне, возможно, имели лишь местное значение, так как они обслуживали непосредственно город; но мост в Филиппосе находится довольно далеко от города, на большой дороге к востоку между Кидонией и Аптерой. Количество приморских городов возросло; повидимому, в это время были основаны Ампелос, Лебена, Металлон, Сулия и Гераклион; можно предположить, что памятники классического периода были погребены под более поздними отложениями.

20. Поселения классического периода.

Во всяком случае показательно, что Лиссос, Тарра и Литтос были в этом периоде достаточно крупными городами, чтобы выпускать свои монеты, хотя никаких следов их на поверхности не сохранилось.

Однако едва ли в это время сооружалось много построек. Кроме стен укреплений, не сохранилось ни одной сколько-нибудь значительной постройки. Повидимому, почти повсеместно население продолжало пользоваться храмами архаического периода, оставляя их почти без изменений. Достаточно привести два примера. В Гортине Пифион был построен в архаическом периоде, а перестроен и расширен в эллинистическую эпоху, хотя он, очевидно, использовался в течение всего промежуточного времени. В Колонне, в области Ласити, был сделан каменный настил над первоначальными плитами пола в доме архаического периода, стены которого не подвергались переделке.

Архитектура и погребения классического периода. Архитектура этого периода, повидимому, соответствует архитектуре остальных частей эллинского мира — вот все, что мы можем о ней сказать. Стены укреплений почти всегда выложены камнями одинаковой величины [1]. Насколько можно судить по весьма скудным остаткам в Кунави (по большей части неопубликованным), планировка храмов приближается теперь к обычному типу. Крит полностью эллинизировался. Впервые мы можем определенно отметить появление высеченных в скале гробниц [2]. В Кидонии гробницы неглубоки; гробов нет. Гробницы в Пресосе слишком плохо сохранились, чтобы служить надежным материалом; но все же они, повидимому, позволяют заключить о существовании обычая погребения без гробов, в неглубоких могилах, иногда облицованных камнем. Однако сведения о погребениях, найденных крестьянами, полученные мною на юго-западе, в Кантаносе и Кампаносе, указывают на пережитки погребений в пифосах, а в одном случае, в Атениесе выше Кантаноса, был упомянут саркофаг.

Пещера Иды, повидимому, уже оставлена, может быть, ради пещеры Гермеса Кранеоса в Патсосе, где по истечении некоторого времени появляется новое отложение. В Трапезе найдено небольшое количество черепков. Элленес остается священным местом. Кроме того, почитаются новые пещеры: в Мелидони, посвященная Гермесу Таллеосу, и в Хостонеро на Юктасе, заменившая, вероятно, Стравомити и святилище на вершине. Появление типично эллинского бога Гермеса, или, что, пожалуй, более правильно, отождествление с ним какого-то местного божества, служит поучительным примером того, в какой степени остров подвергся эллинизации.

---

[1] См. выше, стр. 342, примечание 3.
[2] См. выше, стр. 345.

Керамика, скульптура и изделия из металла классического периода. Керамика этого периода не имеет никаких специфических особенностей, равно как бронзовые и терракотовые памятники, за исключением нескольких интересных терракотовых статуэток, найденных, в частности, в Пресосе и в Гиртакине (последние еще не опубликованы). Каменная скульптура хорошо представлена тремя прекрасными образцами [1]. Один из них — это мраморная надгробная стела из Ставромены близ Ретимна. На ней изображен молодой человек со скребком и лекифом, держащий птицу, на которую смотрит его собака. Верхняя часть, где находилась голова, отсутствует; хотя вся верхняя половина обветшала, остающаяся часть позволяет судить о превосходном стиле скульптуры. Ноги человека несколько массивны по сравнению с остальными частями тела, но недостаточно четкая трактовка мускулатуры может рассматриваться как местная особенность, восходящая к минойским временам, хотя она и начинает исчезать под влиянием эллинского искусства. Этот рельеф можно отнести к промежутку между 465 и 460 годами. Другая скульптура — это обветшавшая мраморная плита, покрывавшая водосток римских времен в Кноссе. Рельеф изображает очень живую сцену — Геракл бросает вепря в Эврисфея, спрятавшегося в пифосе. Поверхность сильно пострадала, и то, что на первый взгляд можно принять за моделировку, часто оказывается стертой поверхностью камня. Вероятно, именно по этой причине фигура Геракла может показаться более стройной, чем другие статуи данного времени (незадолго до 450 года). Третий предмет — верхняя часть мраморной стелы с изображением головы и плеч стрелка из лука. Она была найдена в колодце в Агиа-Пелагии (может быть, находится на месте древнего Диона [2]) (фото 93, *3*).

Бентон считает возможным, что первый и третий из этих предметов ввезены с Пароса или с какого-нибудь острова, лежащего близ Пароса [3]. Но столь же вероятно, что это памятники местного происхождения и что сходство с произведениями так называемой парросской школы обусловлено влиянием этой школы на Крит или, наоборот, влиянием на нее Крита.

Надписи классического периода. Наиболее значительная надпись — это позднейшая версия гортинских законов; в настоящее время эта надпись образует заднюю стену римского

---

[1] *Benton*, J. H. S., LVII, 38 сл.

[2] Но не Ахлады — деревни, расположенной приблизительно на расстоянии одного часа пути, хотя в указателе музея фигурирует название именно этого, более важного пункта.

[3] Она, однако, ничего не говорит о материале памятников — парросский ли это мрамор или какой-нибудь другой.

Одеона. Алфавит представляет собой видоизмененную форму алфавита, применявшегося в более ранних надписях.

Монеты классического периода. В начале V века критские города стали выпускать свою монету [1]. Применяется эгинская монета; основными единицами обращения являются дидрахма и драхма. Монеты классического периода в основном подразделяются на две группы — приблизительно 500—430 годы и приблизительно 430—300 годы. Две наиболее ранние монеты происходят из Гортины (на лицевой стороне — изображение Европы верхом на быке, на оборотной — изображение львиного скальпа в вычеканенном четырехугольнике, вокруг которого идет в обратном направлении надпись Γόρτυνος τὸ Φαῖμα) и из Феста (такие же типы с надписью Φαιστίωντὸ Φαῖμα). Помимо этого, выпускают монеты в течение первого периода следующие города: Кносс (с одной стороны — бегущий Минотавр, с другой — лабиринт), Итанос (тритон и трезубец; звезда в вычеканенном четырехугольнике), Элефтерна (Аполлон с камнем и луком, проходящий между деревьями; Артемида с охотничьей собакой, стреляющая из лука), Литтос (летящий орел; голова вепря в вычеканенном четырехугольнике) и Пресос (корова, кормящая ребенка; Геракл (?), стреляющий из лука; другой вариант: стреляющий Геракл; орел в вычеканенном четырехугольнике). Приблизительно после 430 года начинают чеканить монеты и другие города. В Кидонии [2] (женская голова в венке; лучник с собакой или без нее, или собака, кормящая ребенка) работал резчик Неван, в Аптере (голова Артемиды; воин, приветствующий дерево) и в Полирении (голова Диктинны; бычья голова) — Пифодор. Впервые чеканят монеты также Аксос (грубое изображение головы Аполлона; треножник), Херсонес (голова Британартис; Аполлон на омфалосе или Геракл), Элирос (коза; пчела), Гиртакина (голова каменного козла и наконечник стрелы; пчела), Лаппа (женская голова или голова быка; бычья голова с одним загнутым книзу рогом), Лиссос (голова Артемиды; дельфин. Козья голова; пчела), Олус (голова Британартис; сидящий Зевс, треножник или звезда), Фаласарна (голова Диктинны; трезубец или монограмма), Приансос (богиня под пальмой или голова Артемиды; Посейдон с трезубцем и дельфином; передняя часть туловища козы; трезубец или пальма), Равкос (Посейдон Гиппиос и конь; трезубец), Ретимн (голова Аполлона или Афины; Аполлон, трезубец или дельфины), Сибрита (Дионис; Гермес), Тарра (козья голова; пчела), Тилиссос (голова Геры; Аполлон).

[1] *Svoronos*, Brit. Mus. Catalogue, Crete and the Aegean Islands, I сл.; *Head*, Historia Nummorum, 457 сл.

[2] Возможно, что в Кидонии издавна употреблялись в качестве монет щитки эгинских черепах. *Seltman*, Greek and Roman Coins, 169.

Меняют изображения на своих монетах Кносс (женская голова в меандре; Зевс или Минос, или звезда, или бычья голова в лабиринте), Гортина (Европа в дупле дерева; бык) и Фест (Европа на скале и приближающийся бык; Гермес. Геракл; бык. Вельхан; бык. Талос; бык). Следует назвать также монеты IV века городов, местоположение которых до сих пор не установлено (голова Зевса; бычья голова en face), Мирины (бычья голова с обеих сторон) и Таноса (голова Диониса; бык между полумесяцами или голова Гермеса) [1]. В IV веке появляются вычеканенные на Крите золотые монеты. Они были выпущены в ознаменование союза между Гиртакиной и Лиссосом и имели на лицевой стороне изображение голубя, дельфина или звезды, а на оборотной — название обоих городов.

В художественном отношении в монетах наблюдаются значительные различия. Заметен большой интерес к природе и к окружению, в котором изображаются главные фигуры. Причину этого интереса усматривали в обстоятельствах, связанных с религией, например в местных легендах о Европе в дупле дерева и т. д., но более вероятно, что он представляет собой проявление традиционной любви критян к пейзажу. Видна также любовь к перспективе и ракурсу, но наряду со множеством превосходных рисунков встречаются и весьма неискусно выполненные, иногда совсем примитивные экземпляры. Особенно ярким примером служит гортинская дидрахма с изображением Европы в дупле дерева. Имеется целый ряд сходных рисунков от наиболее совершенных монет, вычеканенных на Крите, до одного экземпляра исключительно грубой работы. Следует отметить, что рисунок наиболее грубой монеты имеет много общего с рисунком посредственной геммы С. М. III периода [2].

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ КЛАССИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Аксос	Город	*Levi*, Annuario, XIII—XIV (не закончено)
Элефтерна	Город	Мосты (*Spratt*, II, 89). Стены и пр. (*Payne*, B. S. A., XXX, 266). Монеты (*Svoronos*, 128; *Head*, 464)

[1] *Своронос* (цит. соч., 244) предполагает, что первый из названных городов находился на месте нынешнего Моди, близ Полирении. Я не мог получить сведений о поселении с таким названием.

[2] Brit. Mus. Catalogue, табл. IX, 5—10.

Эллинес	Пещера	Черепки (*Marinatos*, Arch. Anz., 1932, 77)
Кидония	Гробницы	На восточном конце города (*Marinatos*, там же, 1934, 246). Монеты (*Svoronos*, 96; *Head*, 463)
Патсос	Пещера	Пещера Гермеса Кранеоса (*Halbherr*, A. J. A., 1896, 593)

б) Находки на поверхности

Аптера	Остатки стен на северной и восточной стороне. Монеты (ср. *Svoronos*, Num. Cret. Anc., II; *Head*, 458)
Бени	Стены, виденные Спраттом, II, 105. Сосуды и лампы, происходящие отсюда и виденные автором в 1935 г. в деревне Паданасос
Элирос	Монеты (*Svoronos*, 140; *Head*, 465). Остатки стен на восточной стороне, виденные автором в 1935 г. См. предыдущий период. Черепки и терракотовые статуэтки, найденные в юго-восточном углу. Монеты (*Svoronos*, 196; *Head*, 469)
Кампанос	Гробницы в План, стены в Каравос, то и другое к юго-востоку от деревни. Хорошая бронзовая ручка от треножника из самой деревни, виденная автором в 1935 г.
Кантанос	Пашли, II, 116. Стены на акрополе. Гробницы в Афинес, Бизилии и Пателле (*Savignoni*, Mon. Ant., 1901, 400)
Кастри	Может быть, Кале Акте древних (*Pashley*, II, 57). Форт или маяк хорошей постройки, виденной автором в 1935 г.
Кисамос	Сосуды в местном музее. Савиньони опубликовал мелкие предметы (Mon. Ant., 1901, 304)
Клавда	Нынешний Гавдос. Спратт (II, 276) видел небольшое поселение на возвышенности в северо-западном конце острова. Он принес в дар Британскому музею мраморную статую. Черепки, виденные Леви на холме Агиос-Иоаннис (Art and Archaeology, 176)
Лаппа	Хорошая стена на восточной стороне поселения. Другие памятники в Эллиника на противоположном берегу реки, виденные автором в 1935 г. Монеты (*Svoronos*, 209; *Head*, 470)
Лиссос	Монеты (*Svoronos*, 222; *Head*, 471). Памятников на поверхности нет
Мелиндони	Много посвятительных кубков в пещере, ныне засыпанной, а также надпись — посвящение Гермесу Таллеосу (*Pashley*, I, 126; C. J. G., II, 426). Древние выемки у дороги, ведущей в деревню, виденные автором в 1935 г.
Метимна	В Нопигии (*Pashley*, II, 38; *Spratt*, II, 210). Несколько черепков, виденных автором в 1935 г.
Миноя	Черепки на мысе Лимни, виденные автором в 1935 г. Стены и башня (*Spratt*, II, 130)
Нохия	Может быть, древний Пергам. Стены в Агиа-Ирини (*Spratt*, II, 205)
Орнити	Черепки и остатки стен, виденные автором в 1935 г.; см. предыдущий период.
Фаласарна	Лучшие описания см. Spratt, II, 227. Значительные остатки стен. Монеты (*Head*, 474)
Филиппос	Нижняя часть кладки моста через реку Альмирос (*Spratt*, II, 126)

Полирения	Ср. Pashley, II, 46. Много хорошо сохранившихся частей стен, архитектурные фрагменты и черепки на всем пространстве поселения. Монеты (*Svoronos*, 275; *Head*, 474)
Ретимн	Надгробная стела из Ставромены (J. H. S., VII, 42). Стены в Палекастро, монеты в Агрионе (может быть, место расположения древнего города того же названия). (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. I, 14; VI, Παρ. 163). Монеты (*Svoronos*, 309; *Head*, 477)
Рокка	Высеченные в скале гробницы в Эллинике, виденные автором в 1935 г. Ср. Spratt, II, 207
Сибрита	Описание см. Spratt, II, 102. Стены и черепки, виденные автором в 1933 г. Монеты (*Svoronos*, 313; *Head*, 477)
Тарра	Описание (*Pashley*, II, 264; *Spratt*, II, 247). Монеты (*Svoronos*, 320; *Head*, 478)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Амнисос	Отложение	Как на территории самого поселения, так и в пещере Илитии (*Marinatos*, Πραχτιχά, 1929—1934; Arch. Anz., 1934—1935)
Кносс	Отложение	Во дворце. Храм (P. of M., II, 6; B. S. A. XXXI, 92). Вне дворца (P. of M., II, 546; B. S. A., XXXI, 92)
	Гробницы	Близ Фортецы (J. H. S., LV, 166)
Колонна	Дом	Позднее отложение в доме архаического периода, раскопанном автором в 1937 г.
Приниас	Город	Может быть, древняя Резения (*Pernier*, Boll. d'Arte, I, 28; II, 455)
Трапеза	Пещера	Один или два черепка из раскопок 1936 г.
Тилиссос	Жертвенник	(*Hazzidakis*, T. U. M., 66). Монеты (*Svoronos*, 328; *Head*, 478)

б) Находки на поверхности

Агиа-Пелагиа	Превосходная надгробная стела в музее в Кандии (J. H. S., LVII, 42)
Агиос-Георгиос	Черепки из Кастеллоса в западном направлении, виденные автором в 1935 г. Нет следов укреплений, виденных Эвансом (*Evans*, Academy, 1 (6) 95)
Агиу-Георгиу	Поселение (*Evans*, Academy, 20 (6) 96)
Папура	Черепки и пластинки с юго-восточного склона, виденные автором в 1936 г.
Асмари	Черепки и каменные корыта в Багалу Хорафи, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 82)
Астретси	См. предыдущий период. Хорошо сохранившиеся стены и черепки, виденные автором в 1933 г. (ср. *Spratt*, I, 90; *Evans*, Diary, 15 (4) 95)
Авду	Несколько черепков на холме Стровили в западном направлении, виденных автором в 1935 г.
Гетану	Черепки, найденные Х. Акумианосом в 1935 г.
Юктас	Кук (Zeus, I, 160) сообщает, что Бозанке видел пещеру с черепками налево от тропы, ведущей вверх от Арханес, вероятно, Хостонеро

Карфи	Черепки в Та Мнимата и на вершине, виденные автором в 1935 г.
Кастри	Укрепление и черепки на скале, виденные автором в 1937 г.
Херсонес	Черепки и надгробный камень в Пископиано, черепки в То Палати, виденные Р. В. Хетчинсоном в 1935 г. Серебряное кольцо из Атриволоса в музее в Кандии (Catalogue, 542). Монеты (*Svoronos*, 48; *Head*, 460)
Клисиди	Один черепок на холме, виденный автором в 1937 г.
Кунави	Остатки дорийского храма в Загуриани (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. II, 24)
Крусонас	Черепки из Купо, виденные Мани Коутс и Экле в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 92)
Киттеон	Черепки в Палекастро Родиасе, виденные автором в 1933 г.
Лигуртино	Черепки на Кефале, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 85)
Литтос	Монеты (*Head*, 471). Памятников на поверхности нет
Матия	Плита из Харакии в музее в Кандии (Catalogue, 6340)
Сту Партени то Метохи	Черепки ниже автомобильной дороги и следы стен, виденные автором в 1934 г.
Понта	Несколько черепков, виденных автором в 1935 г.
Раукос	Черепки на большой площади к северо-востоку от деревни, виденные Мани Коутс и Экле в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 91). Монеты (*Head*, 477)
Сидерокефала	Несколько черепков на вершине, виденных автором в 1935 г. (ср. *Taramelli*, Mon. Ant., IX, 402)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Гортина	Город	Раскопанные участки у Одеона (Annuario, II, 304; III, 19)
Каливиана	Гробницы	Бедные погребения (Mon. Ant., XIV, 654)
Фест	Город	Остатки храма и пр. над дворцом (*Halbherr*, Mon. Ant., XII, 21)

б) Находки на поверхности

Агиос-Георгиос Апаносифис	Черепки с холма в получасе пути к северо-востоку от монастыря рядом с автомобильной дорогой, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 84)
Агиос-Томас	Вероятно, древняя Паннона (*Mariani*, Mon. Ant., 1, 184; *Taramelli*, Mon. Ant., IX, 340). Гробницы и пр.
Апесокари	Черепки из большого поселения в Эллиника, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 88)
Аргион	Несколько черепков, виденных автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 86; см. *Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., II, Παρ. 24)
Кератос	Черепки на вершине, виденные Р. В. Хетчинсоном в 1935 г.
Месари	Черепки у дороги Дамания — Мелидохори, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 84)
Приансос	Незначительные следы стен (ср. *Spratt*, I, 340)
Пилорос	Обширное поселение, охватывающее Лагаротопос и Рагавас к западу от Плоры, виденное автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 88)
Ритион	Большое поселение на Кефале (*Spratt*, I, 333; *Evans*, Diary, 2 (4) 94). Черепки, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 86)

Стес Вакиотес тен Кефалан	Небольшое поселение с высеченными в скале гробницами (Arch. Anz., 1916, 156; *Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., II, Παρ. 24; B. S. A., XXXIII, 85)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Палекастро	Постройка	Может быть, древняя Элея. Небольшая постройка на северной оконечности поселения (B. S. A., VIII, 289)
Пресос	Город	Архитектурные и другие памятники (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 231 сл.). Терракотовые статуэтки (*Forster*, там же, XI, 243). Гробницы (*Marshall*, там же, XII, 63). Надписи (*Bosanquet*, там же, XV, 281). Монеты (*Svoronos*, 285; *Head*, 475)

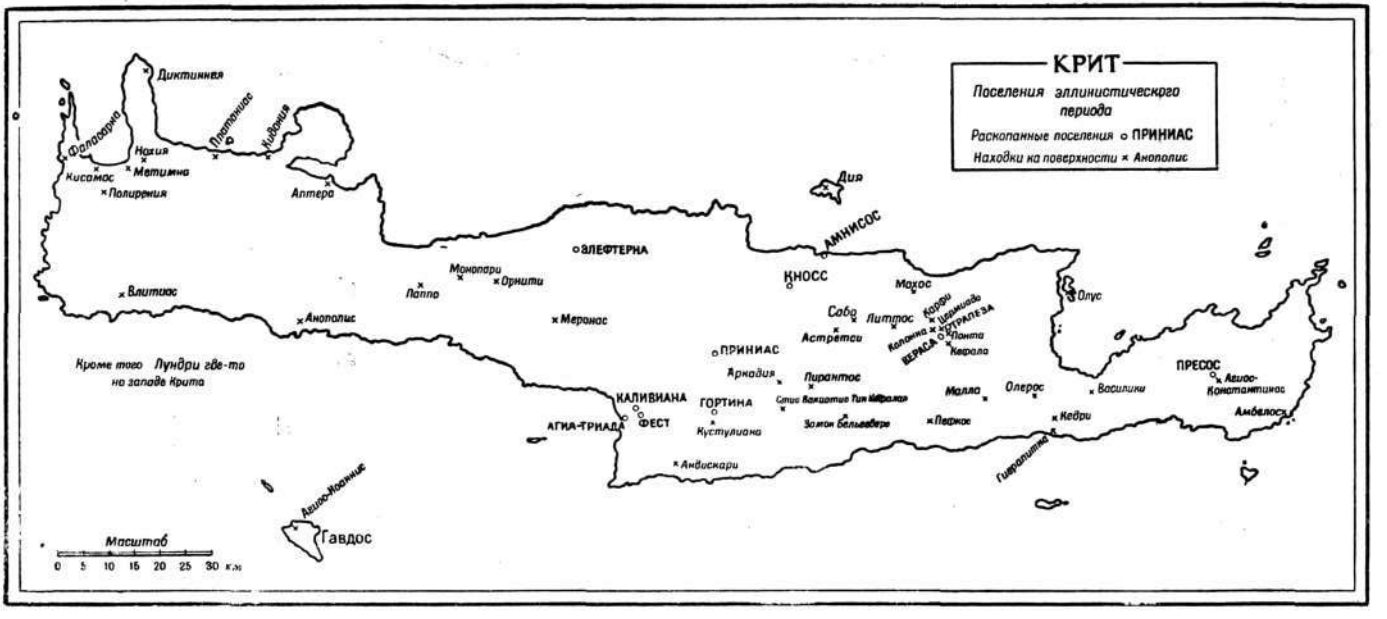
б) Находки на поверхности

Агиос-Николаос	Древний Лато прос Камара (*Spratt*, I, 142). Черепки и стены, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 94)
Иерапитна	(*Spratt*, I, 233). Часть стен еще существует. Монеты (*Head*, 468)
Итанос	См. *Spratt*, I, 194. Хорошие стены (ср. *Halbherr*, A. J. A., 1896, 691; Antiquary, 1891, 202, 242). Монеты (*Svoronos*, 200; *Head*, 469)
Каламафка	Черепки на восточном и северо-восточном склонах Кастеллоса, виденные автором в 1935 г.
Малла	Черепки в Агиа-Параскеви, виденные автором в 1935 г.
Милетос	Фигурки из Драконы и Кундуро (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ. IV, Παρ. 10)
Олус	Стены (*Spratt*, II, 134). Черепки, виденные автором в 1932 г.
Псира	Черепки на южном и восточном склонах. Построек нет. Сигер упоминает о раскопанном им кладбище, но не ясно, можно ли его считать греческим (*Seager*, Pseira, 7)
Сития	Стены в Харакии, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 97)
Трапезус	Фундаменты стен под венецианским замком (*Mariani*, Mon. Ant., I, 136)
Трипетес	Стены, виденные Эвансом (*Evans*, Diary, 1898)

V. Эллинистический период

(см. карты 21 и 22)

Говоря о распределении поселений в эллинистическом периоде, т. е. приблизительно от 300 г. до н. э. до 67, когда остров был завоеван римлянами, мы должны помнить, что значительная часть керамики фактически неотличима от римских изделий и что в отношении многих поселений чрезвычайно трудно решить, к какому времени они относятся — до или после завоевания. Поэтому мы выделили особо ряд «греко-римских» поселений, которые можно отнести как к тому, так

21. Поселения эллинистического периода.

и к другому периоду. Бо́льшая часть их, по всем признакам, возникла до римского завоевания; но поскольку полной уверенности в этом у нас нет, представляется более осторожным выделить их в особую группу. Таким образом, термин «грекоримский» означает не период, а некоторую неопределенность датировки.

Несмотря на опустошавшие остров войны, переходы от одной враждующей стороны к другой и умышленное разрушение городов, например Литтоса, население в общем возросло. Для поселений стали выбирать более открытые места. Однако относящиеся к этому периоду разделы истории Полибия представляют собой все же невеселое чтение.

Архитектура эллинистического периода. Следы общественных зданий в большинстве случаев были погребены под

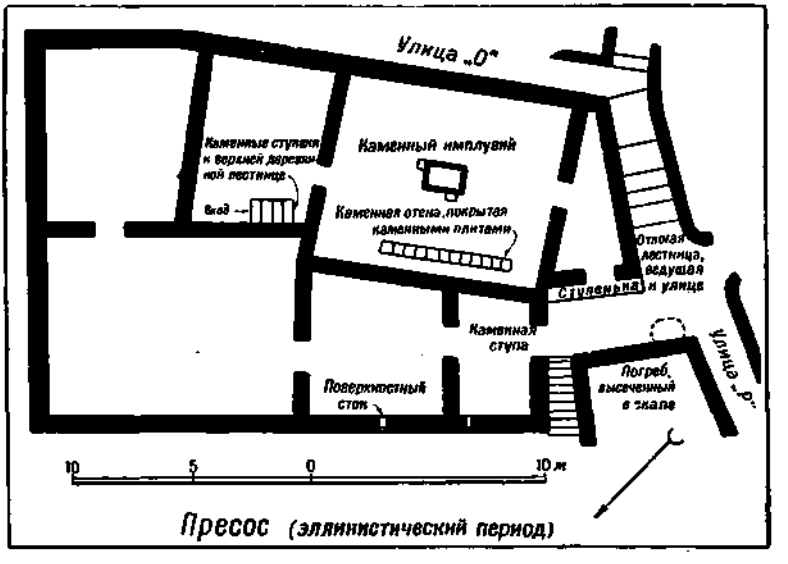

Рис. 50.

позднейшими римскими постройками. В Гортине к простой архаической целле был пристроен пронаос; интересно отметить, что даже в это время колонны фасада еще разделяются широким промежутком посредине на две группы.

Прекрасное сооружение было раскопано в Пресосе на склонах первого акрополя (рис. 50). Нельзя сказать с уверенностью, было ли это жилище богатого человека или гостиница. Наружные стены сложены из хорошо обтесанных камней, образующих неровные ряды. Камни пригнаны друг к другу очень тщательно, хотя применялась известковая об-

мазка. Внутренние стены сложены из битого камня без скрепляющего состава. Частично сохранились следы замощения булыжником, но обычно полом служила естественная скала или твердая глина. Жилые помещения, повидимому, занимали северный и восточный склоны, тогда как на южном были расположены мастерские, одна из которых имела посредине имплувий, а в углу — пресс для выжимания оливкового масла. В другой находились ступеньки, ведущие в верхнее помещение. Дом выстроен на террасе; южную стену частично составляет естественная скала, а северная стена продолжена вниз и служит в качестве подпоры. Сквозь нее проходят стоки для воды, ведущие в высеченный в скале погреб. Очень хорошо сохранились дверные косяки из массивных камней и пороги; фрагменты двух каменных оконных рам имеют простой, но эффектный карниз.

Погребения эллинистического периода. Погребальные обычаи в различных частях острова, повидимому, неодинаковы. На западе наиболее обычны высеченные в скале гробницы, но встречаются также погребения в кистах. Эти два типа распространены в восточном направлении вплоть до Педиады. В Ласити сообщают о погребениях в кистах, но единственная раскопанная гробница представляет собой грубую постройку с тремя отделениями овальной формы, сообщающимися между собой и имеющими около 2 *м* в длину и $1^1/_2$ *м* в ширину. Мы ничего не можем сказать об их перекрытии, так как верхняя часть высотой в 1 *м* была удалена при проведении дороги в новое время. В восточных районах вновь используются старые толосы П. М. III периода, а в Пресосе были найдены погребения в пифосах.

Керамика типична для эллинистического времени, но в Кноссе были сделаны интересные находки. Одна группа сосудов, происходящая из цистерны на склонах акрополя, содержит, в сущности, полный набор форм, свойственных II веку. Другая найдена на участке, граничащем с дворцом близ «дома с фресками»; повидимому, она состояла частично из посвятительных приношений, частично из утвари святилища. Среди различных форм наиболее привлекают внимание сосуды с высоко загнутыми ручками в виде петель, украшенные в местах соединений рельефными масками, два-три обильно разукрашенных кувшина с орнаментом из виноградных листьев, побегов, розеток и рельефных масок, а также предметы, напоминающие по форме подсвечники (фото 91).

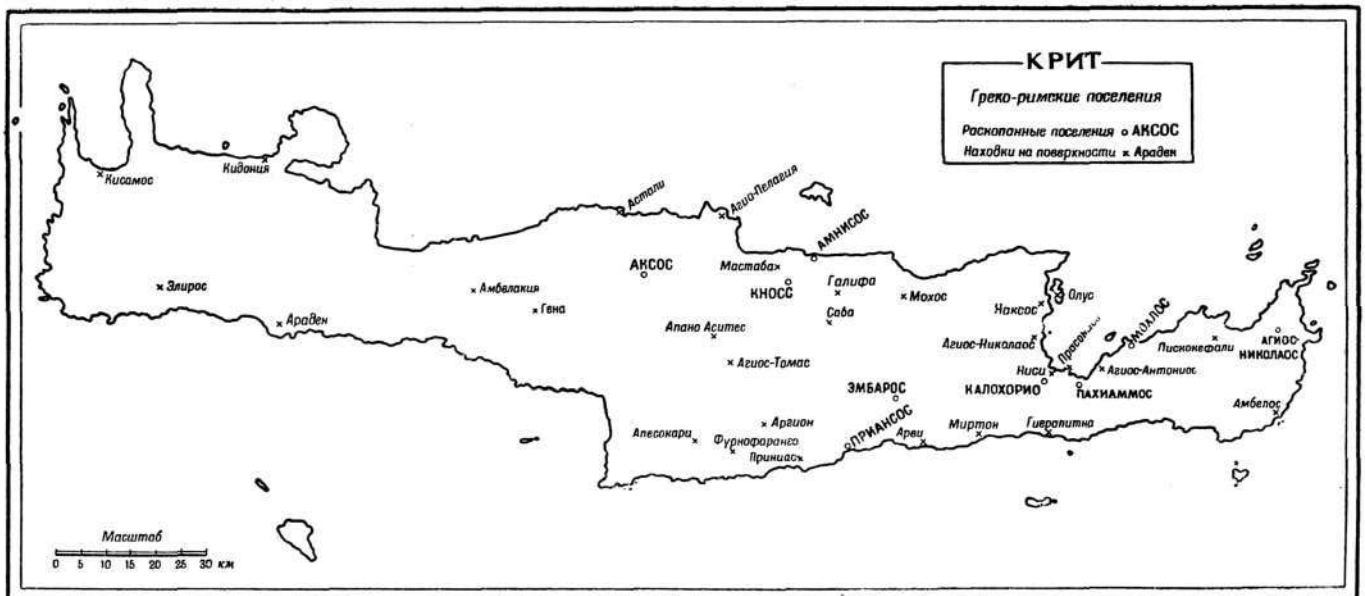
Скульптура и геммы эллинистического периода. Каменные статуи, лучшими образцами которых служат находки, сделанные в Гортине, производят жалкое впечатление, и раскрашенная группа Ниобид из Прианссса показывает, до какого

низкого уровня дошло рабское копирование. Из немногих привлекательных бронзовых скульптур, среди которых лучшей является небольшая статуэтка воина в фригийской шапке из Понты в Ласити, ни одна не может быть признана определенно критским изделием. Крит вошел в круг эллинистической культуры, и его индивидуальные черты почти исчезли. Впрочем одна гемма заслуживает упоминания по представляемому ею не столько художественному, сколько историческому интересу. Среди оправленных в серебро фасеток для колец из слоновой кости, происходящих, как говорят, из Кидонии, есть одна с изображениями охотника, закалывающего льва, на одной стороне и воина, нападающего с камнем на сидящего человека,— на другой. Первый из этих рисунков обнаруживает поразительное сходство с золотой печатью-бусиной из третьей шахтовой гробницы в Микенах, второй — с сердоликовой миндалевидной печатью оттуда же. Некоторые детали рисунка были неправильно поняты художником, но не может быть никакого сомнения, что копии этих рисунков сохранились и были воспроизведены через тринадцать столетий после исчезновения оригиналов [1].

Монеты эллинистического периода. В чеканке монет аттическая система постепенно вытесняет эгинскую. Около 200 года до н. э. подражания афинским тетрадрахмам появляются в Кноссе, Кидонии, Гортине, Иерапитне, Лаппе, Полирении и Приансосе, причем каждый город помещает на оборотной стороне свою эмблему. Около 220 года были выбиты монеты в ознаменование союза между Гортиной и Кноссом с изображениями Европы на быке с одной стороны и лабиринта — с другой. Вскоре после этого появляются монеты из Полирении, на которых изображен Филипп Македонский и сидящая женская фигура, держащая статуэтку Ники [2]. Впервые выпускают монеты следующие города: Аллария (расположение неизвестно. Голова Афины; стоящий Геракл), Анополис (голова юноши или козий рог; пальмовая ветвь), Аполлония (расположение неизвестно. Голова Аполлона; корабельная корма), Аркадия (голова Зевса Амона; Афина), Арсиноя (расположение неизвестно. Голова Афины; два дельфина), Лато прос Камара (голова Артемиды; Гермес), Малла (голова Зевса; орел). Следующие города изменяют свою чеканку: Аксос (голова Зевса или Артемида; треножник или бог грома), Херсонес (голова Афины; орел или корабельный

[1] О несомненной подлинности этой фасетки см. *Evans*, J. H. S., 1912, 294 сл.

[2] Монеты так называемого союза между Литтосом и Херсонесом на самом деле свидетельствуют лишь о естественном обмене образцами между метрополией и ее портовым городом.

22. Поселения греко-римского периода.

нос), Кносс (голова Геры, Аполлона или Афины; лабиринт. Позднее — голова Аполлона или Зевса Амона; круглый или четырехугольный лабиринт), Кидония (голова Диктинны, Аполлона или Диониса; Диктинна и охотничья собака; собака, кормящая Кидона или Ника), Гортина (Европа на дереве и орел; стоящий бык или Европа на быке. Позднее — голова Зевса или Гелиоса; вооруженная Афина и Ника, обнаженная мужская фигура или Европа на быке), Иерапитна (женская голова в венце в виде башни; пальмовое дерево и орел), Лаппа (голова Посейдона или Артемиды; трезубец и дельфины, треножник, бычья голова или лира), Литтос (голова Зевса, Афина или вепрь; орел или корабельный нос), Фест (бегущий Талос; собака), Пресос (Зевс Диктейский на престоле; бык, передняя часть туловища козы или Геракл), Приансос (голова Артемиды; Посейдон или пальмовое дерево между веслом и дельфином) и Раукос (голова Посейдона или конская голова; трезубец или дельфины). Помимо сюжетов, которые остаются типично критскими, чеканка не обнаруживает каких-либо специфических местных особенностей.

Надписи эллинистического периода. К этому периоду относятся договоры о границах между Олусом и Лато и между Иерапитной и Итаносом [1]. Они часто представляют большой интерес в том отношении, что в них сохранились негреческие названия рек, холмов, озер и т. д., унаследованные, несомненно, от минойских времен (см. выше, стр. 285).

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ ЭЛЛИНИСТИЧЕСКОГО ПЕРИОДА

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

а) Раскопанное поселение

Элефтерна	Стены и пр. (*Payne*, B. S. A., XXX, 266)

б) Находки на поверхности

Акрополис	Стены на вершине (*Pashley*, II, 242). Черепки, виденные автором в 1932 г. Монеты (*Svoronos*, 5; *Head*, 458)
Аптера	Часть стен и театр (*Pashley*, 1, 36). Постановления о проксении (*Haussollier*, B. C. H., 1879, 418). Монеты (*Svoronos*, II; *Head*, 458)
Диктинея	Остатки города (*Pashley*, II, 29; *Spratt*, II, 196; *Savignoni*, Mon. Ant., с планом). Черепки и архитектурные фрагменты, виденные автором в 1935 г.
Кисамос	Сосуды в местном музее; см. также *Savignoni*, Mon Ant., 1901, 304

[1] C. I. G., II, 2554, 2561*b*. Нельзя ли предположить, что некоторые из так называемых этеокритских надписей из Пресоса (B. S. A., III, 125 сл.) представляют собой такого рода договоры о границах? Ср. Walker, Three Inscriptions from Crete, 9 сл.

Клауда	Нынешний Гавдос. Черепки, виденные Леви на холме Агиос-Иоаннис (Art and Archaeology, 1927, 176 сл.)
Кидония	Гробницы с кистами (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., VI, Παρ. 164; P. of M., III, рис. 79, 80). Монеты (*Svoronos*, 96; *Head*, 463)
Лаппа	Гробницы на дороге из Зуриди, виденные автором в 1935 г. Монеты (*Svoronos*, 209; *Head*, 470)
Лунтри	Фигурка в музее в Кандии (Catalogue, 1583)
Меронас	Черепки и лампы на откосе дороги у Сохары, виденные автором в 1935 г.
Метимна	Несколько черепков, виденных автором в 1935 г.
Моношари	Несколько черепков и фундаменты некоторых венецианских стен, виденные автором в 1935 г. (ср. *Spratt*, II, 114)
Нохия	Черепки у Омпристаги, виденные автором в 1935 г. (ср. предшествующий период)
Орнити	Несколько черепков на вершине, виденных автором в 1935 г.
Фаласарна	(Ср. *Spratt*, II, 227). Много черепков на поверхности. Гробницы в юго-западном направлении (*Savignori*, Mon. Ant., 1901, 350)
Платаниас	Черепки и каменное корыто в Ризе, к востоку от деревни, виденные автором в 1935 г.
Полирения	Сосуды в музее в Ханиа. Монеты (*Head*, 474; ср. *Savignoni*, Mon. Ant., 1901, 315; *Myres*, J. H. S., XVI, 181)
Влитиас	Стены, описанные Пашли, II, 120 (*Savignoni*, Mon. Ant., 1901, 387). Другие укрепления близ Аниdроса (*Thenon*, Rev. Arch., XVI, 114)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Амнисос	Отложение	В домах и в пещере (*Marinatos*, Πρακτικά, 1929, 95; 1933, 93)
Кераса	Гробница	Гробничная постройка, раскопанная автором в 1937 г.
Кносс	Отложение	Над Малым дворцом (B. S. A., XXXI, 92)
	Гробницы	Близ Фортецы (J. H. S., LV, 166)
	Город	Дом близ Фортецы (Arch. Anz., 1932, 175)
Трапеза	Пещера	Несколько черепков из раскопок 1936 г.

б) Находки на поверхности

Астретси	Черепки, найденные Р. В. Хетчинсоном в 1937 г.
Диа	Черепок с холма к западу от наиболее возвышенной точки острова, виденный автором в 1935 г.
Карфи	Черепки в Та Минмата, виденные автором в 1935 г.
Кефала	Серебряные и бронзовые монеты, виденные автором в 1936 г.
Колонна	Эванс видел гробницы (*Evans*, Diary, 1896)
Литтос	Стены и черепки. Монеты (*Head*, 471)
Мохос	Черепки и стены в Калимниохори, виденные автором в 1935 г.
Понта	Черепки и очень хорошая бронзовая статуэтка, виденные автором в 1936 г.

Саба		Черепки из укрепления на большой дороге к востоку от деревни, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 80)
Цермиада		Серебряная монета Александра, найденная в поле, виденная автором в 1936 г.

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Триада	Святилище,	Святилище Зевса Велькана (*Halbherr*, Rend. Linc., 1905, 380)
	Гробницы	В Фаландре (Rend. Linc., 1907, 298)
Гортина	Город	Храм Аполлона (Mon. Ant., I, 8; III, I; XVIII, 181), Одеон и пр. (Annuario, I, 373; II, 304; VIII, 25)
Каливиана	Гробницы	Бедные погребения здесь и поблизости, в Камаре и Фалангари (Mon. Ant., XIV, 654)
Фест	Город	Храм и пр. (Mon. Ant., XII, 21; XIV, 350; Arch. Anz., 1935, 244)
Приниас	Город,	Основной период позднейшего заселения ранних построек. Перестройка укреплений (Boll. d'Arte, I, 28; II, 455)
	Гробницы	Высеченные в скале гробницы в Пателле в северном направлении (*Taramelli*, Mon. Ant., XI, 328)

б) Находки на поверхности

Антискари	Серебряные монеты из Гортины в музее в Кандии
Аркадия	Стены на Кастериотисе. Сосуды и терракотовые статуэтки, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 84; ср. *Spratt*, I, 310; *Mariani*, Mon. Ant., VI, 182)
Замок Бельведере	Может быть, древние стелы. В Arch. Anz., 1916, 156 упоминаются памятники
Кустулиана	Сосуды из шахтового погребения в Геролаккосе, в музее Гортины
Пиранос	Черепки из Трохалеса (ср. *Svoronos*, 300; B. S. A., XXIII, 85)
Стис Вакиотис тин Кефалан	Кувшин в музее Кандии (Catalogue, 9214)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанное поселение

Пресос	Город	Архитектурные и другие памятники (*Bosanquet*, B. S. A., VIII, 231 сл.). Терракотовые статуэтки (*Forster*, там же, XI, 423)

б) Находки на поверхности

Агиос-Константинос	Черепки, виденные Р. В. Хетчинсоном в 1936 г.
Ампелос	Формы для кирпичей из Ксерокампоса (*Halbherr*, Antiquary, 1892, 154)
Иерапитна	(*Spratt*, I, 253). Монеты (*Head*, 468; C. I. G., 2555—2556). Сосуды в местном музее

Кедри	Статуэтка в музее в Кандии (Catalogue, 4642)
Малла	Несколько черепков, виденных автором в 1935 г. в Агиа-Параскеви
Олус	Договор с Лато (B. C. H., III, 290). Торговый договор с Родосом, виденный автором в 1936 г.
Олерос	Черепки и стены в Кури, виденные автором в 1936 г. Драхма из Гортины и статер из Рафкоса в музее Кандии
Василики	Черепки, найденные автором в 1927 г.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ГРЕКО-РИМСКИЕ ПАМЯТНИКИ

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

Находки на поверхности

Ампелакия	Черепки в поле у Ливадос в 20 минутах ходьбы к югу от деревни, виденные автором в 1935 г.
Араден	Гробницы (*Pashley*, II, 256)
Астали	Следы большого поселения по обе стороны от бухты Бали, виденные автором в 1933 г. (ср. *Taramelli*, Mon. Ant., IX, 317)
Элирос	Стелы и пр. с кладбища (*Savignoni*, Mon. Ant., 1901, 427)
Гена	Черепки из недавно уничтоженной при проведении дороги постройки, сделанной из хорошо обтесанных камней, виденные автором в 1933 г.
Кисамос	Архитектурные памятники в стороне от большой дороги, виденные автором в 1935 г.
Кидония	Надгробные стелы (*Mariani*, Mon. Ant., VI, 403)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Амнисос	Отложения	В домах и в пещере (*Marinatos*, Πρακτικά, 1929, 95; 1933, 93)
Эмпарос	Отложения	В Агиос-Петросе (*Halbherr*, A. J. A., 1901, 281)
Кносс	Город и акрополь	Много отложений и стен (P. of M., II, 432, 547, 550; B. S. A., VII, 81)

б) Находки на поверхности

Агиа-Пелагиа	Черепки и остатки стен на мысе, может быть, на месте древнего Диона (*Taramelli*, Mon. Ant., IX, 318; ср. *Evans*, P. of M., I, 299)
Апано Аситес	Золотое ожерелье из гробницы, в музее в Кандии
Галифа	Сосуды в музее в Кандии (Catalogue, 22—27, 538)
Мастаба	Черепки, виденные Мани Коутс и Экле в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 91)
Мохос	Надгробные стелы и черепки в Мури, виденные автором в 1935 г.
Олус	Черепки и стены у бухты Колокития, виденные автором в 1937 г.
Саба	Глиняные сосуды из Аспромури, в музее в Кандии (Catalogue, 3797—3803). О предполагаемом местоположении кладбища ср. *Mariani*, Mon. Ant., VI, 89

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанное поселение

Приансос	Дом	Остатки скульптур и пр. (*Marinatos* Ἀρχ. Δελτ., 34/35, I). Кроме того много черепков, виденных автором в 1936 г.

б) Находки на поверхности

Агиос-Томас	Гробницы и стены (*Mariani*, Mon. Ant., VI, 184; *Taramelli*, там же, 340)
Апесокари	Большое поселение в Эллиника. Черепки и цистерны, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 88)
Аргион	Черепки, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 86)
Арви	Портовый город, упоминаемый в Arch. Anz., 1916, 156
Фурнофаранго	Терракотовые статуэтки с полей, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 86)
Приниас	Значительные остатки поселения в Пези в области Катокампос, виденные автором в 1936 г.

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиос-Николаос Ситиас	Постройка	Черепки (*Tod*, B. S. A., IX, 336)
Калохорио	Постройка и гробница	В То Эллинико (*Hall*, Trans. Penn. Univ., I, 13)
Мохлос	Город	Дома и скальные гробницы на материке против острова (*Seager*, A. J. A., XIII, 274)
Пахиаммос	Постройка	В Эллиника, с акведуком и цистерной (*Hall*, Trans. Penn. Univ., I, 13)

б) Находки на поверхности

Агиос-Антониос	Лампы, найденные в поле близ Кавуси (*Boyd*, A. J. A., 1901, 156)
Агиос-Николаос Мирабеллу	Несколько черепков и поздняя дорийская капитель, виденные автором в 1936 г.
Ампелос	Гробницы, высеченные в скале. Черепки на всей территории Ксерокампоса, виденные автором в 1934 г. (B. S. A. XXXIII, 99 сл.)
Иерапитна	См. предыдущие периоды
Миртон	Гробница, виденная Эвансом (*Evans*, Diary, 4(4)94)
Наксос	Большое поселение со стенами на холме Окса (ср. *Spratt*, I, 126; *Mariani*, Mon. Ant., VI, 249; *Evans*, Diary, 17(4)94). Черепки, найденные автором в 1935 г.
Ниси	Обширное поселение, вероятно, древний Истрон (ср. B. S. A., XXXIII, 95; *Hall*, Vrokastro, 79)
Пискокефали	Надгробная стела в музее в Кандии (Catalogue, 122)
Прасониси	Надпись на южной стороне (*Hall*, Trans. Penn. Univ., I, 15; ср. *Halbherr*, Antiquary, 1893, 13 („Вриониси") и *Chapoutier*, B. C. H., LIX, 376)

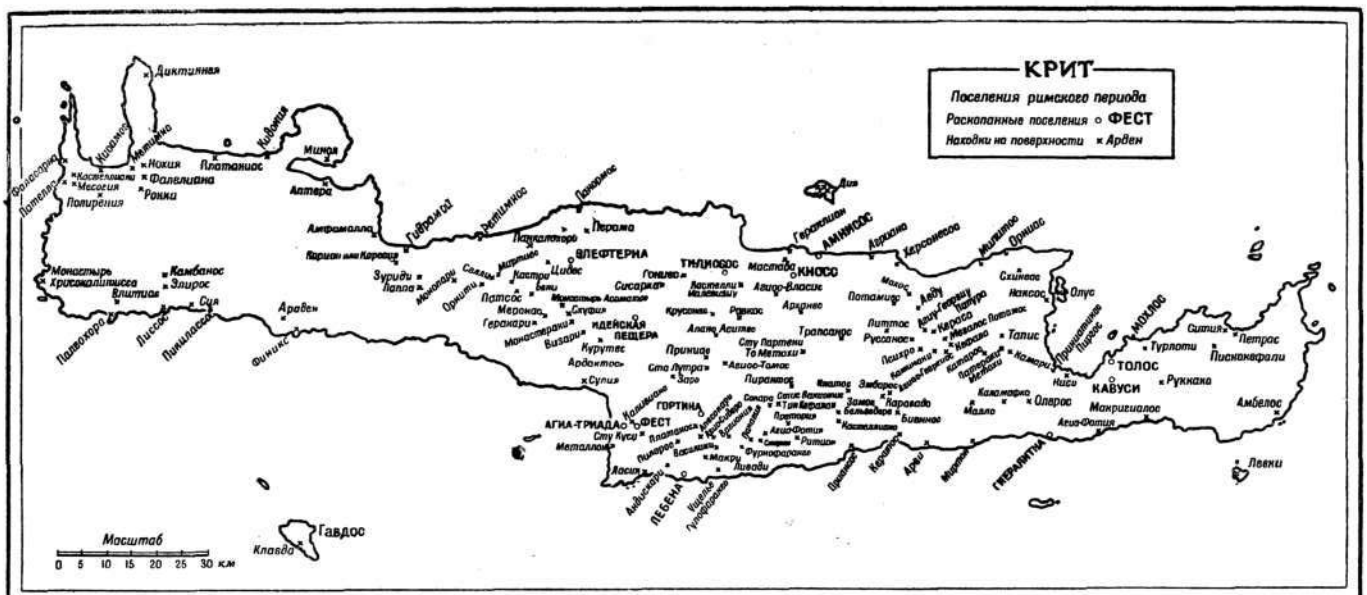
VI. Римский период

(см. карту 23, ср. также карту 22)

После включения Крита в Римскую империю остров, несмотря на жестокости, которыми сопровождалось покорение, и последовавший затем период репрессий, вступил в полосу благоденствия, какого он не знал со времен расцвета в П. М. I периоде. Вновь заселяются (впервые со времен бронзового века) такие города, как Фармакокефало, Приниатикос Пиргос, Агиа-Фотиа, Пахиаммос, Мохлос и Турлоти. Численность населения, повидимому, была выше, чем в наши дни.

В большинстве портов, доступных в это время (см. выше, стр. 28), имелись склады товаров, а в таких городах, как Сия, Диктинея и Приансос, сохранились следы тщательно устроенных акведуков, которые доставляли воду в эти сухие песчаные местности. Удивляет отсутствие дорог римского времени, но я склонен полагать, что многие из мощеных «кальдеримов», известных под общим названием венецианских или турецких дорог, в действительности являются памятниками римского господства, а такие поселения, как Катарос, Сту Василику близ Агиос-Георгиоса, Каламафка и Малла, показывают, что в Ласити продолжали регулярно использоваться уже существовавшие минойские дороги. Восточная половина самой равнины Ласити разделена глубокими бороздами на прямоугольные участки наподобие шахматной доски. Эти участки имеют форму правильных квадратов со стороной, равной 0,4 *км*. Местные жители говорят, что эти борозды сохранились от времен владычества венецианцев; известно, однако, что в те времена к равнине было запрещено приближаться под страхом смерти. Несмотря на то, что после периода римского господства уровень равнины повысился на несколько футов вследствие наноса почвы с окружающих холмов, весьма вероятно, что эти «линиес» отмечают расположение римских дренажных сооружений, благодаря которым сделались обитаемыми такие места, как Мегалос Потамос [1]. Возобновляется почитание пещер. Отложения после длительного промежутка найдены в Иде, Патсосе, Амнисосе и Диктейской пещере в Психро. Древнее минойское племя точно снова возродилось, как только создались благоприятные условия для этого. Крит, к счастью для него, находился в стороне от исторических событий и вдали от тех центров, где приходили к власти и гибли императоры. В правление Нерона вследствие землетрясения открылись расщелины в почве у Кносса, вероятно, поблизости от западных складов дворца.

[1] Это место иначе называется Вунос (т. е. холм) — очевидно, указание на то время, когда здесь была возвышенность, поднимавшаяся над болотистой равниной. В настоящее время она находится на том же уровне, что и остальная часть равнины.

23. Поселения римского периода.

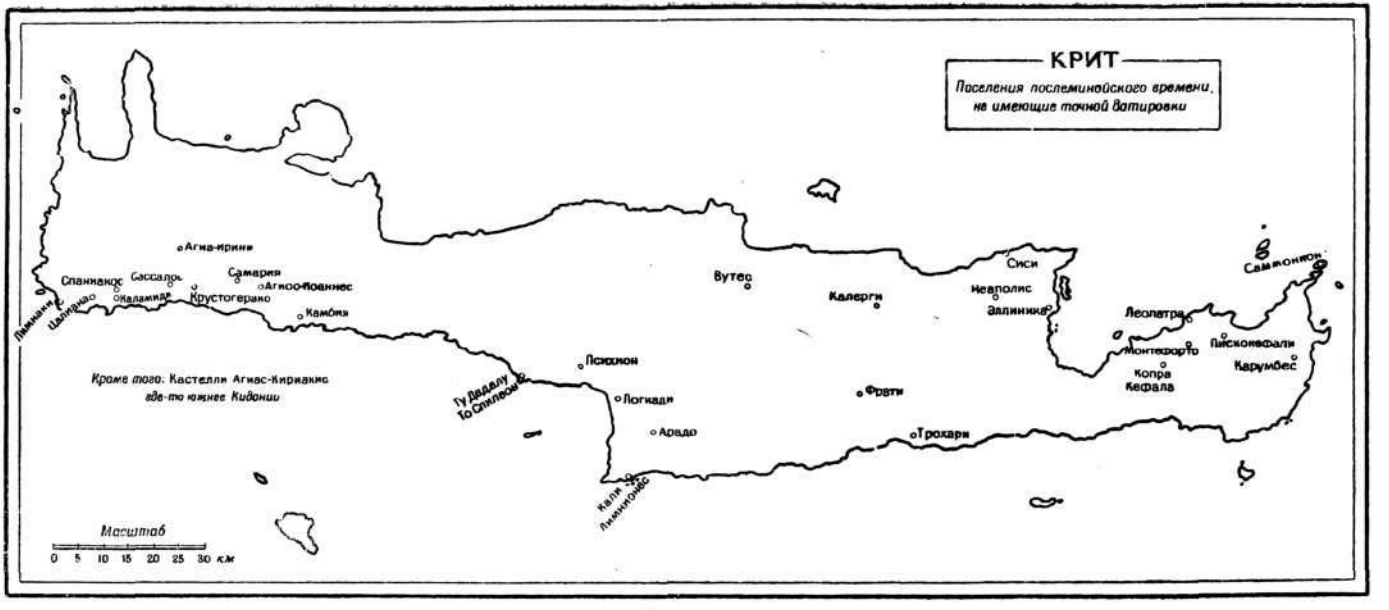
Здесь в «оловянных сундуках» (несомненно, это была разрушенная свинцовая облицовка кист) были найдены документы, написанные неведомыми письменами. Их отправили императору, который, предполагая, что это финикийский алфавит, обратился к семитским ученым, которые и представили ему замечательную историю Троянской войны, написанную якобы «Диктисом Критским» [1]. Адриан, хотя он, повидимому, ни разу не посетил острова, оказывал постоянное покровительство его главным городам. В частности, Гортина и Кноссе были украшены общественными зданиями; Аптера и Литтос, несомненно, также получили свою долю от императорских щедрот. Лишь в немногих из более крупных городов не сохранилось на поверхности большого количества памятников римского времени — обстоятельство, которое часто побуждало археологов отказываться от раскопок того или иного города с именем, прославленным в греческие времена.

Архитектура римского периода. Раскопки итальянцев в Гортине дали нам хорошие образцы общественных зданий. Главный храм, посвященный Аполлону Пифийскому, очевидно, сохранил ореол святости в такой степени, что к нему пристроили всего лишь одну абсиду на западной стороне и добавили четыре колонны в старой целле. Цирк, амфитеатр, Одеон, меньшие храмы, как, например, храм Исиды и Гора, фонтаны и общественные бани — все это показывает, что римляне решили приобщить местное население к своей культуре. Во времена империи в Лебене, которая ранее представляла собой лишь рыбацкую деревню, был устроен модный морской курорт.

Из частных домов лучше всего сохранилась недавно раскопанная вилла Диониса в Кноссе, мозаичный пол которой представляет собой превосходный образец этой отрасли искусства. По уровню благосостояния Кноссе едва ли уступал Гортине. Еще не раскопанная базилика представляет собой обширное строение, а открытое пространство к востоку от нее, вероятно, место древней площади, также имеет значительное протяжение.

Погребения римского периода. Невозможно сказать, какие из высеченных в скале гробниц сделаны в римский период. Следует отметить, что все гробницы с нишами или выступами содержат римские черепки, даже если в них находятся памятники и более раннего времени. В Лиссосе (Агиос-Киркос) и в Сии возвышаются большие группы надземных гробниц с бочкообразными сводами, состоявших, повидимому,

[1] Scripta Minoa, I, 109. Относительно минойских памятников ср. Mackail, The Aeneid of Vergil, 519 сл.

24. Послеминойские поселения, которые не могут быть датированы более точно.

из двух ярусов (фото 26). Более бедные погребения открыты в прямоугольных гробницах с кистами, часто облицованных массивными терракотовыми плитами.

Мозаика римского периода. Архитектура, скульптура и миниатюры отдельных провинциальных центров имеют очень много общего. В Сии, однако, сохранились остатки мозаичного пола, к сожалению, сильно поврежденного, с изображением льва, нападающего на оленя. Изображение скал и растительности обнаруживает замечательное сходство с одной минойской фреской, и можно предположить, что в таких отдаленных уголках сохранилась прежняя художественная традиция, время от времени вновь проявляющаяся в новой технике.

Монеты римского периода. В последние годы республики выпускались монеты с изображением кисты, вероятно, в Гортине. Во времена империи монеты продолжали чеканиться в Гортине: стоящее на них название Гортины — единственное название города, встречающееся на критских монетах. Типы рисунков различны, и если бы не такие надписи, как «Зевс, рожденный на Крите», «Зевс Идейский» или «Диктинна Чтимая», трудно было бы установить, что они происходят с Крита. При императоре Домициане появляется надпись «Койнон Кретон» или «К. К.». Последние монеты критской чеканки относятся ко времени Марка Аврелия и Каракаллы. Впрочем, в обладании крестьян находится большое количество монет Гордиана, что служит указанием на наличие какой-то связи этого императора с островом.

Мирное процветание Крита продолжалось до тех пор, пока он вновь не приобрел значение связующего звена между Востоком и Европой. С этого времени начинаются изнурительные войны с сарацинами и византийцами, с генуэзцами, венецианцами, турками и греками.

ПОСЕЛЕНИЯ, В КОТОРЫХ БЫЛИ НАЙДЕНЫ ПАМЯТНИКИ РИМСКОГО ПЕРИОДА

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

а) Раскопанное поселение

Элефтерна	Город и кладбище	Стены, гробницы и надписи (*Payne*, B. S. A., XXX, 266)

б) Находки на поверхности

Амфималла	Здание с массивными стенами, недавно снесенное, виденное автором в 1935 г.
Аптера	Многочисленные памятники, виденные Пашли, I, 32 (*Spratt*, II, 129)

Араден	Памятники, виденные Пашли, II, 256
Ардактос	Черепки, найденные Э. Акумианосом близ деревни в 1935 г.
Монастырь Асоматос	Небольшое поселение, отделенное от монастыря дорогой, виденное автором в 1935 г.
Бени	Цистерны и стены (ср. *Spratt*, II, 105). Черепки, виденные автором на южной оконечности деревни в 1935 г.
Диктинея	Много памятников города (*Pashley*, II, 29; *Spratt*, II, 196; *Savignoni*, Mon. Ant., 1901, 285, с планом)
Элирос	Значительные архитектурные фрагменты (*Pashley*, II, 105; *Thenon*, Rev. Arch., XIV, 396)
Геракари	Черепки и памятники, найденные автором в 1935 г. в Псаресе, Агиос-Иоаннисе и Палеоклисии
Гониес	Монеты Римской империи из Склавокампоса, виденные автором в 1935 г.
Гидрамон	Надпись (*Petroulakis*, Ἐφ. Ἀρχ., 1915, 51)
Пещера Иды	Черепки, найденные снаружи у входа (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., 1918, Παρ. I, 15). Фундаменты домов (*Fabricius*, Ath. Mitt., X, 62)
Кампанос	Монета из деревни, гробницы в Камини и Калогпаннисе, виденные автором в 1935 г.
Кастеллиана	Небольшое поселение с остатками мозаики в Эллиника, виденное автором в 1935 г.
Кастри	Большое поселение, стены и черепки, виденные автором в 1935 г.
Монастырь Хрисоскалитиса	Черепки между монастырем и церковью Агиос-Пантелимон, виденные автором в 1935 г.
Кисамос	Хорошая римская статуя, стеклянные сосуды и пр. в местном музее. Архитектурные фрагменты в полях
Клауда	Черепки, виденные Леви на южных склонах (*Levi*, Ar and Archaeology, 1927, 176 сл.)
Корион (Коресия)	Обширное поселение на озере Курнас к югу от Каваллос Метохи, виденное автором в 1935 г.
Курутес	Черепки и лампа, найденные Э. Акумианосом в 1935 г.
Кидония	Гробницы (Ath. Mitt., 1900, 466). Много предметов в музее в Ханиа
Лаппа	Много памятников города (*Pashley*, 1, 83; *Spratt*, II, 117). Мозаика в музее. В Эллиника на противоположном берегу реки есть памятники, виденные автором в 1935 г.
Лиссос	Нынешний Агиос-Киркос. Много памятников города, много двухъярусных гробниц со сводами (*Pashley*, II, 88; *Savignoni*, Mon. Ant., 1901)
Мронасе	Черепки и монеты, виденные автором в 1935 г. в Цохуре, Макридиане, Мосхесе
Месогия	Черепки и монеты из небольшого поселения в Терезгоне Эллиника, виденные автором в 1935 г.
Метимна	Многочисленные стены и черепки, виденные автором в 1935 г. (ср. *Pashley*, II, 38; *Spratt*, II, 120)
Миноя	Черепки у гавани и выше, виденные автором в 1935 г. (ср. *Spratt*, II, 130)
Монастераки	Стена в деревне, виденная автором в 1933 г.
Монопари	Черепки, виденные автором в 1935 г. (ср. *Spratt*, II, 114)
Миртиос	Черепки в Петресе и Агиос-Теодоросе, виденные автором в 1935 г.

Нохия	Черепки в Омбристаге и Халепе, виденные автором в 1935 г.
Орнитя	Цистерны, стены и черепки на северном склоне поселения, виденные автором в 1935 г.
Палеохора	Следы дома в Трохали (*Savignoni*, Mon. Ant., 1901, 467)
Панкалохори	Черепки и статуя без головы, виденные автором в Тис Китрис то Мили в 1935 г.
Панормос	В Румели Кастелли (ср. *Spratt*, II, 113). Довольно обширное поселение
Пателла	Небольшое поселение близ среза скалы к югу от Фаласарны, виденное автором в 1935 г.
Патсос	Поселение в Кефали, черепки и стены, виденные автором в 1935 г. Надпись из пещеры Гермеса Кранеоса (*Halbherr*, Mus. It. Ant. Class., II, 213)
Перама	Поселения в Та Гревела и Палеоклисии, черепки и стены, виденные автором в 1935 г.
Фаласарна	Кроме памятников на месте основного поселения, имеются и другие в южной части равнины. В Сто Метохи цистерна и стены. В Стис Панагиас то Ливади — цистерна, акведук и дорическая капитель. В Ста Лусотурии и Стин Аналавосине — гробницы, виденные автором в 1935 г.
Фалелиана	Укрепление в Трамонтане, виденное автором в 1935 г.
Финикс	Фундаменты портового города, гробничная постройка, надписи и пр. (*Spratt*, II, 250)
Платаниас	Черепки в Амутсе к западу от деревни, виденные автором в 1935 г. (ср. *Pashley*, II, 23)
Пойкилассос	Памятники города, виденные Спраттом в Трипети, II, 244. Алтарь в церкви Агиос-Антониос в Вукиласи, *Svoronos*, 141, 272). Построен из материала римского периода
Полирения	Много сосудов и пр. в музее в Кании. Следы римских строительных работ на всем пространстве поселения. Ср. указания на предшествующие периоды
Ретимн	Черепки в Агрионе в южной части поселения (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. I, 14)
Рокка	Много черепков на вершине Трулли (ср. *Spratt*, II, 207). Кроме того, черепки севернее гробницы в Агиос-Георгиосе, виденные автором в 1935 г.
Селли	Обширное поселение с хорошими стенами в Агромули, виденное автором в 1935 г.
Сисарха	Небольшое укрепление в Сантири, виденное автором в 1935 г.
Скуфия	Строение со сводами, виденное автором в 1933 г.
Сулия	Скудные памятники в Агиа-Галини (*Halbherr*, A. J. A., 1896, 593). Лампа в музее в Кандии (Catalogue, 2161)
Сия	Обширные руины города (*Spratt*, II, 241; *Pashley*, II, 102; *Savignoni*, Mon. Ant., 1901, 443). Тщательно высеченная в скале гробница в Фурносе на дороге в Элирос, виденная автором в 1935 г.
Цидес	Небольшое укрепление и цистерна, виденные автором в 1933 г.
Визари	Черепки и пряслице с холма к югу от деревни, виденные автором в 1935 г.
Влитиас	Значительное отложение близ укрепления, а также гробницы на противоположном берегу реки, виденные автором в 1935 г.
Зуриди	Остатки в Агиос-Георгиосе и Агиос-Иоаннисе к северу от деревни и в Христосе к югу, виденные автором в 1935 г.

а) Раскопанные поселения

Амнисос	Отложения	В святилище и в пещере (*Marinatos*, Πρακτικά, 1929, 95; 1933, 93)
Кносс	Город и акрополь	(B. S. A., IV, 79, 81). Вилла H (V, 164; VI, 159). Фундаменты венецианского акведука в Спелии
	Гробницы	(P. of M., II, 433; B. S. A., VI, 82)
Тилиссос	Отложение	Предметы, описанные Хатцидакисом (T. V. M., 109)

б) Находки на поверхности

Агиос-Георгиос	Черепки на Кастеллосе, виденные автором в 1935 г., и в Сту Василику, виденные им же в 1937 г
Агиос-Власис	Гробницы, виденные автором в 1933 г.
Агиу-Георгиу Папура	Сосуды и монеты с южного склона, виденные автором в 1936 г.
Агриана	Гробничные постройки в Агиос-Иоаннисе (*Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., IX, 13)
Апано Аситес	Стеклянная бутылка в музее в Кандии (Catalogue, 136)
Арханес	Мраморная голова в музее в Кандии (Catalogue, 217)
Авду	Серебряное кольцо из Цапи Метохи в музее в Кандии (Catalogue, 249). Черепки в Платиа Страте, виденные автором в 1935 г.
Дия	Много черепков у бухты Агиа-Пелагиа и очень обширное поселение на всем пространстве верхней части острова
Эмпарос	Обширное поселение (*Halbherr*, A. J. A., 1901, 281)
Гераклион	Важные памятники. Гробницы (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., II, Παρ. 23). Находки ниже музея (A. I. A., XL, 371 сл.)
Каминаки	Гробница в поселении Та Кутсунария; стены, черепки, акведук в Магатседесе, виденные автором в 1935 г.
Каравада	Межевой камень, виденный автором в 1936 г.
Кастелли Малевизиу	Стены и черепки, виденные Мани Коутс и Экл3 в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 92)
Катарос	Черепки, рассеянные по большой площади у источника в юго-восточной части равнины, виденные автором в 1936 г.
Кефала	Поселение и кладбище на северо-западном склоне холма, виденные автором в 1936 г.
Кераса	Монеты и черепки с полей, виденные автором в 1936 г.
Херсонес	Значительные остатки общественных строений города (ср. *Spratt*, I, 105; *Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. I, 30; *Marinatos*, Arch. Anz., 1935, 245)
Крусонас	Черепки на Купо, виденные Мани Коутс и Экл3 в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 92)
Литтос	Значительные памятники города (*Spratt*, I, 94; *Taramelli*, Mon. Ant., IX, 387)
Мастаба	Черепки и фрагменты изделий из стекла, виденные Мани Коутс и Экл3 в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 91)
Мегалос Потамос или Вунос	Черепки, виденные автором в 1936 г. Есть сообщения о стенах над поверхностью земли
Мохос	Гробницы в Мури, виденные автором в 1935 г.
Орнпас	Черепки, виденные автором в 1937 г.
Сту Партени то Метохи	Черепки ниже автомобильной дороги, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 84)

Потамиес	Памятники из Халикиаса в музее в Кандии (Catalogue, 8990—8992)
Психро	Лампы в верхнем гроте (*Hogarth*, B. S. A., VI, 94). Черепки и стены в Скалии и Сто Стаури к северо-западу от деревни, виденные автором в 1935—1936 гг.
Раукос	Много черепков к северо-западу от деревни, виденных Мани Коутс и Экле в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 91)
Руссанос	Древнейшие черепки, найденные в сочетании со стенами, относящимися, повидимому, к еще более раннему времени, виденные автором в 1936 г. (ср. *Evans*, Diary, 1898)
Схинеас	Черепки на Копране, виденные автором в 1937 г.
Трапсанос	Серебряное позолоченное кольцо в музее в Кандии (Catalogue, 442)

ЮЖНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Агиа-Триада	Город	(Rend. Linc., 1905, 378)
Гортина	Город	Общая топография (*Spratt*, II, 26; *Thenon*, Rev. Arch., XVIII, 126; *Taramelli*, A. J. A., 1902, 101). Раскопки: храм Аполлона (Mon. Ant., I, 8; III, I; XVIII, 181), Одеон, Преторий и пр. (Annuario, I, 373; II, 306; VIII, 35; Boll. d'Arte, 1936, 360). Цирк (там же, 364)
Лебена	Храм, бани и фонтан	*Halbherr* и *Piginoni*, Rend., *Linc.*, 1901, 291; ср. *Xanthoudides*, Panathenaia, 1911; *Marinatos*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. 13)
Фест	Отложение	Выше дворца (Mon. Ant., XII, 21)

б) Находки на поверхности

Агиа-Фотиа	Несколько больших цистерн (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., II, 24)
Агио-Сидеро	Инвентарь гробницы (*Marinatos*, Arch. Anz., 1933, 314)
Агиос-Томас	Черепки, следы стен, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 88)
Антискари	Бронзовая монета в музее в Кандии
Апесокари	Массивные стены в Эллиника, виденные автором в 1935 г. (B. S. A., XXXIII, 88)
Арви	Черепки и кирпичи на холме Комитас; стены, черепки и монеты к востоку от реки, виденные автором в 1935 г.
Бненнос	Лампы и черепки из деревни Вианос и к югу от нее, виденные автором в 1935 г.
Ущелье Гулофаранго	Черепки и стены в Агиос-Савасе, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 87)
Инатос	Акведук и другие стены (*Spratt*, I, 304, 337). Керамика (*Mariani*, Mon. Ant., VI, 177). Надписи (*Halbherr*, A. J. A., 1896, 564)
Каливиана	Черепки в колодце (Rend. Linc., 1902, 318)
Кастелли Бельведере	Черепки и следы стен в юго-восточном углу, виденные автором в 1936 г.
Кастеллиана	Надгробная стела, вероятно, из Кастелли Бельведере (*Mariani*, Mon. Ant., VI, 180)

Кератос	Черепки на вершине, виденные Р. В. Хетчинсоном в 1935 г.
Сту Куси	Черепки к западу от деревни, виденные автором в 1934 г. (B. S. A. XXXIII, 90). Гробницы (B. C. H., 1925, 473)
Ласия	Черепки и следы стен. Дамба, ведущая к острову Трафос (ср. *Spratt*, II, 7). Рельеф из гробницы (J. H. S., LII, 255)
Ста Лутра	Цистерны и акведук (Arch. Anz., 1916, 156)
Макри Ливади	Стены и черепки из небольшого поселения (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., IV, Παρ. 10)
Металлон	Город (*Spratt*, II, 21). Гробницы (Rend. Linc., 1907, 299)
Панагия	Погребение к западу от деревни и монеты, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 86)
Фурнофаранго	Монеты, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 86)
Платанос	Черепки в Сидирогурне (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., II, Παρ. 25)
Претория	Погребения в пифосах близ школы к северо-западу от деревни, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 85)
Приансос	Стены в ущелье и у выхода из него (ср. *Spratt*, I, 340). Кроме того, надгробный камень и стекло с мыса Ларнаки на востоке, виденные автором в 1936 г.
Приниас	Гробницы и следы стен в Пези в Катокампосе, виденные автором в 1936 г.
Пилорос	Черепки, покрывающие значительную площадь в Лагаротопосе и Рагавасе, к западу от Плоры, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 88)
Пирантос	Черепки в Трохалесе, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 86; ср. *Svoronos*, 302, примечание). Надпись из Влахиано (*Xanthoudides*, Ἀρχ. Δελτ., II, Παρ. 24)
Ритион	Обширное отложение черепков на поверхности на Кефале (*Evans*, Diary, 2(4)94). Ср. статью автора (B. S. A., XXXIII, 86)
Сокара	Гробница (*Marinatos*, Arch. Anz., 1933, 314)
Стернес	Цистерна и акведук к западу от деревни (Arch. Anz., 1916, 156)
Вагиония	Прямоугольное здание и черепки в Эллиника, цистерны и колодцы в Нифади, виденные автором в 1937 г.
Стис Вакнотис тин Кефалан	Монеты. Золотое кольцо в музее в Кандии (Catalogue, 586). Стеклянная бутылка (там же, 149)
Василики	Несколько черепков в Гирокефале, основание погребальной стелы из Рогалотопоса, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 87). Рельеф, изображающий Пана с музами в музее в Кандии (Catalogue, 206)
Заро	Серебряная монета эпохи империи в музее в Кандии

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

а) Раскопанные поселения

Иерапитна	Город	См. предыдущие периоды. Гробница и рельефы, опубликованные Маринатосом (J. H. S., 1932, 255; Arch. Anz., 1933, 314)
Кавуси	Гробница	Гробница со стенами, раскопанная Маринатосом (A. J. A., XL, 371 сл.)

Мохлос	Город	На материке (*Seager*, A. J. A., XIII, 274)
	Укрепление	На вершине холма на острове (*Seager*, Mochlos)

б) Находки на поверхности

Агиа-Фотиа	Поселение на берегу ниже деревни, виденное автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 100)
Ампелос	Черепки на Фармакокефало, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 100)
Каламафка	Лампа и черепки в Селлии, виденные автором в 1935 г.
Камари	Над Критсой (Эллинника) монеты и стены (B. C. H., XXV, 282)
Кавуси	Гробницы в Хордакии к западу от деревни (*Hall*, Trans. Penn. Univ., I, 15). Печь для обжига извести и цистерна (*Boyd*, A. J. A., 1901, 156). Дома в Кефалолиниосе (там же)
Лефки	Спратт (I, 241) видел остатки города в северо-западной части Куфониси
Микригиалос	Большое поселение, виденное автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 100)
Малла	Черепки и стены в Клии, виденные автором в 1935 г.
Милитос	Бо́льшая часть памятников на поверхности на всем протяжении поселения (ср. *Spratt*, I, 114). Надгробные надписи из Арми (*Xanthoudides*,' Αρχ. Δελτ., IV, Παρ. 10)
Миртон	Портовый город (Arch. Anz., 1916, 150; ср. *Xánthoudides*, 'Αρχ. Δελτ., II, Παρ. 25)
Наксос	Монеты и черепки, виденные автором в 1935 г. на Оксе
Ниси	Большое отложение черепков по всей площади мыса (*Hall*, Vrokastro, 79)
Олерос	Черепки и стены в Миртокудии, Страволимни и Кури (ср. *Halbherr*; ссылки у Эванса: Diary, 1896; J. H. S., XIV, 277; *Mariani*, Mon. Ant., VI, 207)
Олус	Стены и акведук (*Spratt*, I, 134); вновь использованная капитель у самого перешейка, виденная автором в 1936 г.
Патараки Метохи	В полутора часах пути выше Критсы. Черепки и надпись I века до н. э. (B. C. H., XXV, 282)
Петрас	Сосуды из Кефалы (*Xanthoudides*,'Αρχ. Δελτ., IV, Παρ. II, 23)
Пискокефали	Каменные печати в музее в Кандии (Catalogue, 1477—1478)
Прииатикос Пиргос	Черепки (*Hall*, Urokastro, 79)
Руккака	Хорошее отложение черепков на поле к югу от деревни, виденное автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 95)
Сития	Черепки на побережье в восточном направлении, виденные автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 97)
Тапис	Погребения в Камарес, виденные автором в 1936 г.
Толос	Крупные строения и гробницы (A. J. A., 1901, 155)
Турлоти	Неопубликованные черепки из Хордакии, виденные Р. В. Хетчинсоном в 1936 г.

ДОПОЛНЕНИЕ К ГЛАВЕ ШЕСТОЙ

Поселения с памятниками неопределенной даты послеминойского времени

(см. карту 24)

Агиа-Ирини	К западу от Белых гор. Спратт (II, 181) упоминает следы дороги с киклопическими террасами, ведущей вверх по направлению к долине Омалос
Агиос-Иоаннис	К северо-западу от Арадены. Дефнер (Ἐθνική Ζωή, 13, 6) упоминает цистерну
Арадо	К западу от Бобии. Небольшое укрепление, без черепков, виденное автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 90)
Элленика	Между Агиос-Николаосом и Элунтой (Олус) около Калос Латтоса — место, упоминаемое в договоре о границах Олус — Лато; немногочисленные архитектурные фрагменты (*Halbherr*, Mus. It., II, 177; III, 655); Мариани (Mon. Ant., VI, 250) высказывает предположение, что это Эраннос
Каламиди	К северо-востоку от Палеохоры. Пашли (II, 86, 124) видел городские стены на вершине гребня близ Влитнаса
Калерги	К северу от Кастелли Педиадоса. Небольшое укрепление на вершине горы Пророка Илии, виденное автором в 1934 г. (B. S. A., XXXIII, 81)
Кали Лименес	Между Доброй гаванью и монастырем Одигитрия пещера в виде пчелиного улья, носящая название Вронтоспилио, с вырезанными в скале ступенями и искусственной нишей в передней стене; в 1932 и 1936 гг. автор черепков не видел
Камбия	В 4 *км* к востоку от Арадены. Дефнер (Ἐθνική Ζωή, 13, 6) упоминает памятники
Карумпес	Между Закросом и Палекастро. Спратт (I, 234) видел развалины, по его мнению, греческого укрепления. Ср., однако, минойские остатки неопределенной даты (стр. 298). Halbherr (Antiquary, 1892, 153) отождествляет название Карумпес с Кариме, названием населенного пункта на территории Итаноса (ср. *Blass*, 5060)
Кастелли Агиас Кириакис	К юго-западу от Кании. Автору сообщили в 1935 г. об имеющихся здесь развалинах
Копра Кефала	К западу от Пресоса. Спратт (I, 167) видел цистерны и другие памятники и предположил, что здесь был храм Диктейского Зевса (см. Палекастро). Местные жители называют окружающие холмы Рикти. Бурснан (II, 571) предполагает, что это развалины Драгмоса (ср. *Halbherr*, Antiquary, 1892, 213)
Крустогерако	К северу от Суйи. Автору сообщили в 1935 г. о памятниках, имеющихся на Кастеллосе

Леопетра	На побережье к западу от Ситии. Спратт (I, 158) описывает незначительные развалины и высказывает предположение, что это древний Асос
Лимнаки	К западу от Палеохоры. Спратт (II, 237) предполагает что это Биеннон. Савиньони (Mon. Ant., 1901, 467) дает описание памятников
Логиади	К западу от Лидианы. В Rend. Linc. (1902, 318) имеется упоминание о пробных шахтах с обожженным слоем, что позволяет предполагать кремацию
Монтефорте	К юго-западу от Ситии. Фолькнер (Mus. Class. Ant., II, 263) и Пашли на своей карте помещают здесь древнюю Алларию
Неаполис	Сосуд в музее в Кандии (Catalogue, 3263, из Вагии или Патетири), происходящий, по имеющимся сведениям, из окрестностей Кенурио Хорио (предположительно Неаполиса)
Фрати	Погребение в гробе в Дриари (*Levi*, Annuario, X—XII, 388)
Пискокефали	К югу от Ситии. Бозанке упоминает кирпичные развалины в Эллиника на противолежащем холме
Психион	Согласно традиции к западу от Сулии, т. е. Агиа-Галини. Пашли (I, 304) слышал о развалинах в Кастри, к югу от Меламбес. Пещера на Каво Мелиссе известна здесь под названием пещеры Дедала. Древних памятников не содержит. В музее в Кандии имеется происходящий отсюда гортинский серебряный статер. Автору сообщали о развалинах в Трис Петрес в западном направлении
Самария	В ущелье Агиа-Румели. Пашли (II, 85, 268) видел древний город Элленес на расстоянии одного часа пути выше деревни. Стены грубой кладки и цистерны
Саммониол	На Каво Сидеро (мыс св. Исидора) есть развалины, виденные Спраттом (I, 189; *Halbherr*, Antiquary, 1891, 202; *Mariani*, Mon. Ant., VI, 317), надписи в То Вернегади
Сассалос	Близ Агиос-Киркос. Автор слышал в 1935 г. об имеющихся здесь памятниках
Спаниакос	Близ Влитиаса. Пашли (II, 119) упоминает башни и камеру со сводами (ср. *Savignoni*, Mon. Ant., 1901, 391)
Сиси	Следы небольшого святилища в Кремасие в восточном направлении. Головы глиняных статуэток животных (B. C. H., 1929, 529)
Трохари	В часе пути ниже Кератоса, близ моря. Волюта из камня, сходная с ионийской волютой, виденная автором в 1935 г. Черепки, по имеющимся сведениям, найдены в полях
Цалиана	К северу от Палеохоры. Пашли (II, 84) слышал о памятниках, имеющихся на холме несколько далее в юго-западном направлении
Вутес	К юго-западу от Кандии. Сосуды в музее в Кандии из Меса Арми (Catalogue, 890, 3804—3807)

ДОПОЛНЕНИЯ

ЗАПАДНЫЙ КРИТ

Агиа-Галини	Бронзовые статуэтки римского времени, найденные в море (Κρητ. Χρον. Σελίδες, II)
Аспрукия	В Апокороне. Пещера; П. М. III — римский период (там же)
Кантанос	Близ нынешнего города. Преторий (?); римский период (там же)
Кидония	Мозаичный пол; эллинистический период (там же)
Лаппа	Женская статуэтка; классический период (J. H. S., LVII, 139)
Сели Кисаму	Открытое святилище; П. М. III дом; эллинистический период (Κρητ. Σελ., II)

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ КРИТ

Амнисос	Отложение. Минойский период. Голова со вставленными глазами; архаический период. Храм; греческий период (J. H. S., VII, 138)
Дрерос	Архитектурные и другие памятники; архаический—римский периоды (B. C. H., LXI, 5; J. H. S., LVII, 140)
Кастелли Педиадос	Гробницы; римский период (Κρητ. Σελ., II)
Кносс	Р. М. слой; мостовая с тротуарами к западу от дворца; С. М. I отложение; раннегеометрический и римский периоды. Стены; С. М. III — архаический периоды. Статуэтка красного цвета позднейшего времени. Эллинистический — римский периоды. Гончарная печь; классический период. Цистерна; эллинистический период (J. H. S., LVII, 137). Колодец; эллинистический период. Стена акведука; римский период. Сосуды из окрестностей Теки; геометрический период
Комес	Греко-римское отложение (Κρητ. Σελ., II)
Кунави	Греко-римские терракотовые пластинки из Скендери (там же)
Маллия	Меч с золотой рукоятью, украшенный фигуркой акробата; С. М. III*б* — П. М. I*а*. Большой камень с иероглифами (там же, 140)
Меса Лакония	Каменный топор; неолитический период. Видел автор в 1938 г.
Меса Ласити	В Арми; черепки раннегеометрического периода. Хорошо сохранившиеся поселения в Агия-Апостоли С. М. III, немногочисленные памятники архаического периода. Кателлос, следы стен. Панагия Крусталлена, погребения в пифосах; архаический период. Вилла, укрепление; С. М. III. Пателлес, пифосы и стены; архаический период. Видел автор в 1938 г.

Олус	Папура, погребения в саркофагах П. М. III. Трахили, то же. Агиа-Триада и Лагу, фундаменты; П. М. III — раннегеометрический период. Эксо Порос, остатки неопределенного времени. Эллиника, храм; геометрический — классический периоды
Фанеромени	Пещера близ Авду; П. М. III — римский период. Там же. (Ср. J. H. S., LVII, 139)
Финикия	Сту Стериаку то Метохи, погребальные камеры; П. М. III (там же)
Пинакиано	Кардамутса, бронзовый двойной топор; С. М. III. Стены и черепки; архаический период. Видел автор в 1938 г.
Цермиада	Кастеллос, Карфи, Папура, Кераса и др. Неолитический — эллинистический периоды (ср. J. H. S., LVII, 140)
Ватия	Круглая гробница; геометрический период (Κρητ. Σελ., II)
Загурианн	Стены; римский период (там же)

ВОСТОЧНЫЙ КРИТ

Агиос-Иоаннис	Между этим местом и Схинокапсалой. Следы дороги, виденные автором в 1938 г.; римский период
Итанос	Дельфин с надписью в музее Фицвильяма; архаический период
Кастри	Между Орино и Ставрохори, большое поселение, виденное автором в 1938 г. Раннегеометрический период
Хаметуло	Сто Дохи. Черепки и стены, виденные автором в 1938 г.; периоды С. М. III, П. М. I, П. М. III, римский
Ластрос	В Кинегосилиосе. Автор видел поселение в 1938 г. Архаический период
Леспетро	Фундаменты и черепки, виденные автором в 1938 г. Классический — римский периоды
Орино	Апано Эллиника, фундаменты и черепки, виденные автором в 1938 г. Раннегеометрический период. Между этим местом и Ставрохори „Ворота дракона" — укрепление, виденное автором в 1938 г.; П. М.
Ситанос	Ста Каталимата, фундаменты, виденные автором в 1938 г.; П. М.
Сития	Пиксида из зеленого сланца (?); Р. М. III (J. H. S., LVII, 139)
Закрос	В Скинарес Метохи, укрепление, виденное автором в 1938 г.; П. М. стена, пересекающая начало второго ущелья к северу от Катсунаки. Дата неизвестна

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Труды классиков марксизма-ленинизма

К. Маркс, Капитал, т. I. Особенно гл. XI, § 4, XII и XIV.

К. Маркс, Формы, предшествующие капиталистическому производству, Госполитиздат, 1940; «Вестник древней истории», 1940, № 1.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. IX. Британское владычество в Индии, стр. 346 сл.

К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. XXI. Переписка, стр. 482 сл., 487 сл., 493 сл., 500 сл.

Ф. Энгельс, Происхождение семьи, частной собственности и государства, М.—Л., 1949.

Ф. Энгельс, Анти-Дюринг, 1949 г. Особенно глава «Теория насилия».

В. И. Ленин, О государстве, Собрание сочинений, изд. 3-е, т. XXIV, стр. 362—377.

И. В. Сталин. Анархизм или социализм, Сочинения, т. 1.

И. В. Сталин, Марксизм и национально-колониальный вопрос, Сочинения, т. 2.

И. В. Сталин, Национальный вопрос и ленинизм. Сочинения, т. 11.

И. В. Сталин, О диалектическом и историческом материализме. История ВКП(б) Краткий курс, гл. IV, и «Вопросы ленинизма», изд. 11-е.

2. Русская литература

СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО КРИТА

Б. Л. Богаевский, Современное состояние изучения «эгейской культуры» на Западе и в Америке и наши исследовательские задачи (Известия Государственной академии истории материальной культуры, вып. 101 — «Из истории античного общества», М.— Л., 1934, стр. 7—74). К статье приложена обширная библиография по Криту.

Б. Л. Богаевский, Эгейская культура и фашистские фальсификаторы истории (сборник «Против фашистской фальсификации истории», М.— Л., 1939, стр. 35—82).

В. П. Бузескул, Введение в историю Греции, Птгр., 1915, изд. 3-е.

В. П. Бузескул, Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира, ч. II — Древнегреческий мир, Птгр., 1924, гл. 7.

Е. Г. Кагаров, Новые исследования в области крито-микенской культуры, «Гермес», 1909, № 17—20.

(Т. М. Шепунова). В Академии Наук СССР. Дискуссия об эгейской культуре («Вестник древней истории», 1940, № 4, стр. 204—218).

КРИТ В ОБЩИХ ТРУДАХ ПО ИСТОРИИ ГРЕЦИИ И ДРЕВНЕГО МИРА

Р. Ю. Виппер, История Греции в классическую эпоху, М., 1916.

С. И. Ковалев, История античного общества, ч. I. Греция, изд. 2-е, Л., 1937.

С. Я. Лурье, История Греции, ч. I (с древнейших времен до образования Афинского морского союза), Л., 1940.
А. В. Мишулин, История древней Греции. Курс лекций, прочитанных в Высшей Партийной Школе при ЦК ВКП(б), М., 1946.
А. Б. Ранович, Восточные провинции Римской империи в I—III вв., М.—Л., 1949.
В. С. Сергеев, История древней Греции, изд. 2-е, М. 1948.
А. И. Тюменев, История античного рабовладельческого общества, М.—Л., 1935.
М. М. Хвостов, История Греции, М., 1924.

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО КРИТУ

Б. Л. Богаевский, Древнеминойский период на Крите в системе культур IV—III тысячел. до н. э. (Сообщения Государственной академии истории материальной культуры, т. II, 1928, стр. 27—58).
Б. Л. Богаевский, Крит и Микены (эгейская культура), М.—Л., 1924.
Б. Л. Богаевский, Первобытно-коммунистический способ производства на Крите и в Микенах («Памяти Карла Маркса», Сборник статей к 50-летию со дня смерти, Л., 1933, стр. 677—730).
В. Брюсов, Учителя учителей. «Летопись», 1917, май — июнь след.
В. П. Бузескул, Древнейшая цивилизация в Европе. Эгейская или крито-микенская культура, Харьков, 1918.
Р. Ю. Виппер, Древний Восток и эгейская культура, изд. 2-е, М., 1916.
А. А. Захаров, Эгейский мир в свете новейших исследований, М., 1924.

ИСКУССТВО И РЕМЕСЛО

Б. Л. Богаевский, Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья (Известия Государственной академии истории материальной культуры, т. VI, вып. 8—9, Л., 1931).
Б. Л. Богаевский, Из новейшей литературы по истории техники доклассового общества. Олово в Средиземноморье (Труды Института истории науки и техники, т. I, Л., 1933, стр. 205—210).
Б. Р. Виппер, Проблема и развитие натюрморта, Казань, 1922.
Е. Г. Кагаров, Основные моменты в истории крито-микенского искусства (Труды Одесского общества истории и древностей, XXIX).

СНОШЕНИЯ

Б. Л. Богаевский, Негр и новые проблемы в африканистике («Новый Восток», 1924, № 6, стр. 376—391).
Б. Л. Богаевский, Восток и Запад в их древнейших связях (По поводу новейших открытий в Индии) («Новый Восток», 1926, № 12, стр. 214—229).
А. А. Захаров, Кавказ, Малая Азия и Эгейский мир.— Несколько археологических параллелей (Труды секции археологии РАНИОН, т. II, М., 1928, стр. 33—45).
А. А. Иессен, Греческая колонизация Северного Причерноморья, Л., 1947.
Т. С. Пассек, Периодизация трипольских поселений. Материалы по археологии СССР, вып. 10, М.—Л., 1949 г.

ПИСЬМО

А. Бакиттрем, Загадочный диск (Фестский диск) (Журнал Министерства народного просвещения, 1911, декабрь).
С. Я. Лурье, Догреческие надписи Крита («Вестник древней истории», 1947, № 4, стр. 70—87).

Б. Л. Богаевский, Гончарные божества минойского Крита (Известия Государственной академии истории материальной культуры, т. VI, вып. 9; Л., 1931).
Б. Л. Богаевский, Минотавр и Пасифая на Крите в свете этнографических данных (сборник статей «С. Ф. Ольденбургу, к 50-летию научной деятельности», Л., 1934, стр. 95—113).
Б. Л. Богаевский, Мужское божество на Крите (Яфетический сборник, т. VI, 1930, стр. 165—204).
Б. Л. Богаевский, Ритуальный жест и общественный строй древней Греции («Религия и общество», Л., 1926, стр. 82—102).
Б. Л. Богаевский, Новое минойское кольцо с изображением культового танца (Записки классического отделения русского археологического общества, VII, 1913).
Е. Г. Кагаров, Культ фетишей, растений и животных в древней Греции, СПб., 1913.

3. Иностранная литература

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ДРЕВНЕГО КРИТА

J. Evans, Time and Chance. The Story of Arthur Evans and his forebearers, London, 1943; см. рецензию на эту книгу: *К. М. Колобова*, Вестник древней истории, 1947, № 4, стр. 107—112.

ГЕОГРАФИЯ, ПРИРОДНЫЕ УСЛОВИЯ, АНТРОПОЛОГИЯ, ПУТЕШЕСТВИЯ

D. Baud-Bovy et *F. Boissonas*, Des Cyclades en Crète au gré du vent, Genève, 1919.
G. Beggs, The tour in Crete, New York, 1915.
Bruck, Zoologisches aus dem minoischen Kulturkreise (Der Naturforscher, 1926, № 2, p. 507).
M. Möbius, Pflanzenbilder der minoischen Kunst in Botanischer Betrachtung (Jahrbücher des deutschen Archaeologischen Instituts, XLVIII, 1933, p. 1—39).
M. Oulié, Les animaux dans la peinture de la Crète préhéllenique, Paris, 1926.
R. Pashley, Travels in Crete, London, 1837.
V. Raulin, Description physique de l'isle de Crète, Paris, 1869.
F. Schiff, Beitrag zur Anthropologie von Kreta. Die Eparchie Pyrgiotissa (Zeitschrift für Ethnogr., 1914, № 46, p. 8—14).
T. A. B. Spratt, Travels and Researches in Crete, London, 1865.
D. Taubert, Versuch einer landschaftlichen Darstellung der Insel Kreta, Hamburg, 1921.
F. Werner, Fauna von Inseln im Ägäischen Meer (Forschungen und Fortschritte, 1933, № 10, p. 146.)

КРИТ В ОБЩИХ ТРУДАХ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО МИРА И ГРЕЦИИ

Ю. Белох, История Греции, изд. 2-е, т. I, М., 1905.
Р. Пёльман, Очерк греческой истории и источниковедения, СПб, 1910.
Хогарт, Иония и Восток, СПб., 1914.
The Cambridge Ancient History, vol. I. (1928), гл. XVII; vol. II (1931); гл. XII, XVI—XX.
E. Cavaignac, Le monde méditerranéen jusqu'au IV siècle av. J. C., Paris, 1929 (Histoire du Monde, vol. II).
G. V. Childe, The Dawn of European Civilization, London, 1925.

R. Cohen, La Grèce et l' hellénisation du monde antique, Paris, 1948.
H. R. Hall, The Ancient history of the Near East from the earliest times to the battle of Salamis, London.
G. Glotz, Histoire de la Grèce, vol. I. Dès origines aux guerres médiques (Histoire générale publiée sous la direction de G. Glotz, I. Histoire ancienne, 2-me partie).
Ed. Meyer, Geschichte des Altertums, Bd. I, Stuttgart, 1931.
A. Montelius, La Grèce préclassique, vol. 1—2, Stokholm, 1924, 1928.
W. Ridgeway, The Early Age of Greece, Cambridge, 1931.
G. de Sanelis, Storia dei Greci dalle origine alla fine del secolo V., vol. I, Firenze, 1940.
A. A. Trever, The Ancient Near East and Greece, New York, 1939 (History of ancient civilization, vol. I).

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО КРИТУ

Р. Лихтенберг, Доисторическая Греция. Под редакцией и с примечаниями и предисловием Б. В. Фармаковского, СПб., 1913.
R. M. Burrows, The discoveries in Crete and their bearing in the history of ancient civilization, 3 ed., London, 1908.
P. Demargne, La Crète dedalique. Etudes sur les origines d'une Renaissance, Paris, 1947 (Bibliothèque des Ecoles Françaises d' Athènes et de Rome, 164).
R. Dussaud, Les civilisations préhelléniques dans le bassin de la mer Egéenne, Paris, 1914.
Ecole Française d' Athènes. Etudes crétoises (Publ. sous la direction de Ch. Picard et P. Roussel, v. 1—4, Paris, 1928—1934).
Essays in Aegean Archaeology presented to sir. Arthur Evans in honour of his 75-th birthday ed. by S. Casson, Oxford, 1927.
D. Fimmen, Die kretisch-mykenische Kultur, 2 ed., Leipzig, 1921.
G. Glotz, La civilisation égéele, Paris, 1923.
H. R. Hall, Aegean Archaeology, An Introduction, to the Archaeology of prehistoric Greece, London, 1915.
H. R. Hall, The Civilisation of Greece in the Bronze Age, London, 1928.
H. Kantor, The Aegean and the Orient in Second Millenium B. C. Bloomington, 1947 и American Journal of Archaeology, vol. LI, № 1, 1947, стр. 1—103.
G. Karo, Aegäische Kultur (Reallexikon der Vorgeschichte, herausg. von Ebert, Bd. I, 1924, p. 29—39).
G. Karo, статья «Kreta» (Pauly — Wissowa Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaften, Bd. XI, 1922, S. 1718—1822). Приведен обширный список старой и новой литературы, а также указания на труды античных авторов.
G. Maraghiannis, Antiquités crétoises, Candia, 1912.
B. Pace, La monarchia minoica (Rendiconti dell'Academia dei Lincei 1920, Serie 5, vol. XXIX).
G. Thomson, Studies in ancient Greek Society. The prehistoric Aegean, London, 1949.
W. Vollgraff, Le decret d'Argos relatif à un pacte entre Knossos et Tylissos, Amsterdam, 1948.
Его же, Verhandeling der koninklijke Nederlandsche Akademie van wetenschappen afd. letterkunde, Nieuwereeks, deel 51, № 2.
P. Waltz, Le monde égéen, Paris, 1934.

РАСКОПКИ

Bosanquet, Excavations at Palaikastro (Annals of the British School at Athens, IX, 1902—1903).
H. Boyd-Hawes, Gournia, Vasiliki and other prehistoric cities of the isthmes of Hierapetra (Crete) (Excavations of the Wells — Houston — Cramp expedition in 1901, 1903, 1904, Philadelphia, 1909).

F. Chapouthier, J. Charbonneaux et *P. Demargne,* Fouilles executées à Mallia, Rapports 1—3, Paris, 1928, 1936, 1942.
R. M. Dawkins and *M. L. W. Laistner,* The excavations of the Kamares cave in Crete (Annual of British School at Athens, vol. XIX, 1918, p. 1—34).
R. M. Dawkins, Excavations at Plati in Lasithi, Crete (Annual of British School at Athens, vol. XX, 1919, p. 1—17).
A. Evans, The Palace of Minos, vol. I—IV, London, 1921. О I томе отзыв А. А. Захарова — «Новый Восток», 1922, № 2, стр. 692—696.
A. Evans, Prehistoric Tombs of Knossos, Archaeologia, LIX.
E. J. Forsdyke, The Mavro-Spelio. Cemetery at Knossos (Annual of British School of Athens, vol. XXVII, 1928, p. 243—296).
M. L. Franchet, Rapport sur une Mission en Crète et en Egypte (1912—1913), Paris, 1917 (Nouvelles Archives des Missions scientifiques, XXII, 1).
Galahad, Im Palast des Minos, München, 1924.
Halbherr, Pernier etc.. Festos, vol. I, 1935.
E. H. Hall, Excavations in Eastern Crete: Sphoungaras (University of Pennsylvania. Transactions of the Department of Archaeology, III, 2, 1912).
E. H. Hall, Excavations in Eastern Crete: Vrokastro, University of Pennsylvania, 1914, 3, стр. 97—187.
H. B. Hawes and others. Gournia, Philadelphia, 1912.
J. Hazzidakis, Etude de préhistoire crétoise: Tylissos á l'époque minoénne, Paris, 1921.
J. Hazzidakis, Scavi a Tylissos in Creta, Ausonia, 1916, N 8, p. 76—89.
S. Marinatos, Höhlenforschungen in Creta. Mitteilungen über Höhlen und Karstforschungen, 1928, p. 97—107.
Niru-Chani — Pyrgos, American Journal of Archaeology, 1925, № 1, p. 113.
Noack, Eleusis, Leipzig, 1927.
Palaikastro, Excavations (Annual of British School ot Athens, Suppl. I, 1923).
J. D. S. Pendlebury, A Handbook to the Palace of Minos at Knossos, London, 1933.
L. Pernier, Il palazzo Minoico ditesto, 1935.
Ch. Picard, Le Palais de Minos à Cnossos (Journal des Savants, 1929, № 3—4).
R. B. Seager, The Cemetery of Pachyammos, Crete, Philadelphia, 1916 (University of Pennsylvania Museum. Anthropological Publications, vol. VII, № 1).
Excavations on the Island of Pseira, Philadelphia, 1910 (University of Pennsylvania Museum, Anthropological Publications, vol. III, № 1).
Explorations in the Island of Mochlos, Boston and New York, 1912.
W. Wrede, Messara. Revue des études gnecques, 1925, p. 433.
S. Xanthaudides, The vaulted tombs of Messara. An account of some early cemeteries of Southern Crete, London, 1924.

ОБЩИЕ РАБОТЫ ПО ИСКУССТВУ КРИТА

H. Th. Bossert, Altkreta. Kunst und Handwerk in Griechenland, Kreta und Kykladen während der Bronzezeit (Die ältesten Kulturen des Mittelmeerkreises, Bd. I, Berlin, 1923).
Y. Charbonneaux, L'art égéen, Paris — Bruxelles, 1929.
E. Y. Forsdyke, Minoan Art, London, 1932.
S. Marinatos, Les origines de l'art minoën (Cahier d'art, 1931, № 3, p. 133—143).
G. Karo, Kreta und die Anfänge der bildenden Kunst (Archäologischer Anzeiger, 1932, p. 137).
V. Müller, Minoisches Nachleben oder orientalischer Einfluss in der frühkretischen Kunst (Athenische Mitteilungen, Bd. L, 1925, p. 51—70)

V. Müller, Studien zur kretisch-mykenischen Kunst. Beziehungen zum Orient (Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts, Bd. XLII, 1927, p. 1—29).
M. Oulié, Decoration égéenne, Paris, 1926.
Ch. Picard, Les origines du polytheisme hellénique (L'art créto-mycénien. Paris, 1930).
F. Poulsen, Den kretisk-mykeniske Kunst, Kopenhagen, 1926.
B. Schweitzer, Altkretische Kunst (Die Antike, Bd. II, 1926, p. 291—312).

КЕРАМИКА

V. G. Childe, Date and Origin of Minoan Ware (Journal of Hellenic Studies, XXXV, 1915, p. 197—207).
F. Courby, Les vases grecques à reliefs, Paris, 1922.
P. Demargne, Les céramiques de la Crète préhellenique, Paris, 1932.
Ch. Dugas, La céramique des Cyclades. Bibliothèque des Ecoles Françaises d'Athènes et de Rome, 1924, № 129.
H. Frankfort, Studies in early Pottery of the Near East, vol. I—II. Asia, Europe and Aegean and their earliest interrelations, London, Royal Anthropological Institute, 1924, 1927.
D. Levi, Early Hellenic pottery of Crete, Princeton, 1945 (Princeton Monographs in Art and Archaeology, XXIII).
Reisinger, Kretische Vasenmalerei, München, 1917.

ЖИВОПИСЬ

M. Collignon, La peinture préhellénique en Crète, Gazette des beaux arts, 1909, juillet, p. 5—35.
A. Gotsmich, Entwicklungsgang der kretischen Ornamentik, Augsburg, 1927.

ГЛИПТИКА

F. Matz, Die Frühkretischen Siegel. Eine Untersuchung über das Werden des minoischen Stiles, Berlin, 1928.
Minoan Gems, British Museum Quarterly, 1930, № 5.
H. B. Walters, Catalogue of the engraved Gems and Cameos in the British Museum, London, 1926.

АРХИТЕКТУРА

E. Bell, Prehellenic Architecture in the Aegean, London, 1926.
R. Meringe, Mittelländischer Palast, Apsidenhaus und Megaron. Sitzungsberichte K. Akademie der Wissenschaften, Wien, 1917, Bd. 181, 5, p. 1—85.

СКУЛЬПТУРА

G. Karo, Kreta und die Anfänge der bildenden Kunst, Archäolog. Anzeiger, 1932.
K. Müller, Frühmykenische Reliefs aus Kreta und vom griechischen Festland (Jahrbuch des deutschen Archäologischen Instituts, Bd. XXX, 1915, p. 242—336).

РЕМЕСЛА

H. Bonnet, Die Waffe der Völker des alten Orients, 1926.
H. Th. Bossert, Die Kunstgewerbe des ägäischen Kulturkreises (в книге *H. Th. Bossert,* Geschichte des Kunstgewerbes aller Zeiten und Völker, Bd. I, 1928, p. 250—287).

J. Charbonneaux, Trois armes d'appart du palais de Mallia (Crète) (Monuments Piot, vol. XXVIII, 1925/26, p. 1—18).
J. Kulczycki, Die Möbelformen des ägäischen Kulturkreises. Eos., 1930.

МЕТРОЛОГИЯ

Uber kretische Masszeichen (Acta Academiae Aboensis, 1925, vol. 4, I, p. 1—9).

НУМИЗМАТИКА

M. Mijnsbrugge, The Cretan Koinon, New York, 1931.
R. B. Seager, A Kretan coin hoard (Numismatic notes and monographs, 1924/25, № 23).
J. Svaronos, Numismatique de la Crète ancienne, 1890.
W. Wroth, British Museum Catalogue of Coins. Crete and the Aegean Islands, 1886.

НАДПИСИ

F. Halbherr, Inscriptiones Creticae, vol. I—III, Roma, 1935—1942.

СНОШЕНИЯ

C. Autran, La Grèce et l'Orient ancien. Babyloniaca, VIII, Paris, 1924, p. 129—219.
A. R. Burn, Minoans, Philistines and Greeks, London, 1930.
V. G. Childe, New views on the relations of the North Balkans. Journal of Hellenic Studies, London, 1930, p. 255—262.
E. Forer, Vorhomerische Griechen in den Keilschriften von Boghazkoi (Mitteilungen der Deutschen Orient. Gesellschaft, 1924, № 63).
H. R. Hall, The Discoveries in Crete and their relation to the history of Egypt and Palestine (Proceedings of the Society of the Biblical Archaeology, vol. XXXI, 1909, p. 135).
H. R. Hall, The Relations of the Aegean with Egyptian Art. Journal of Egyptian Archaeology, vol. I, 1914, p. 110—118.
A. Köstner, Schiffahrt und Handelsverkehr des östlichen Mittelmeeres im 3. und 2. Jahrtausend vor Chr. Leipzig, 1924. Beihefte zum «Alten Orient», I.
F. v. Lichtenberg, Einflüsse der ägäisten Kultur auf Agypten und Palästina (Mitteilungen des deutschen Vorderasiatischen Gesellschaft, 1911).
S. Marinatos, La marine créte-mycénienne (Bulletin de correspondance hellénique, 1932, I, p. 170).
M. P. Nilsson, Oriental import in Minoan and Mycenean Greece (Archiv Orientalni, Vol. XVII, P. 2 Praha, 1949, p. 210—212).
J. D. S. Pendlebury, Aegyptiaca (A Catalogue of Egyptian Objects in the Aegean Area, Cambridge, 1930).
G. O. Wainwright, Keftiu, Crete or Cilicia? (Journal of Hellenic Studies, vol. LI, 1931, p. 1—38).
C. L. Woolley, La Phénicie et les peuples égéens, Syria, 1921.

ХРОНОЛОГИЯ И ПЕРИОДИЗАЦИЯ

N. Åberg, Bronzezeitliche und Früheisenzeitliche Chronologie, vol. I—IV, Stockholm, 1930—1933.
A. Evans, The nine minoan periods, London, 1914.
R. W. Hutchinson, Notes on Minoan chronology («Antiquity», vol. 22, № 86, 1948, p. 61—74).
K. Majewski, Spoeczno polityczna periodyzacia kultury egejskiey, Wroclaw, 1947 (Archeologia, I, 1947. Roczni tow. archeologicznego we Wroclawiu).

S. Smith, Middle Minoan I — IIa and Babylonian Archaeology (American Journal of Archaeology, vol. XLIX, № 1, 1945).
S. S. Weinberg, Aegean Chronology. Neolitic Period and Early Bronza Age (American Journal of Archaeology, vol. LI, № 2, 1947, p. 165—182).

КРИТ И ГРЕЦИЯ

H. v. Effenterre, La Crète et le monde Grec de Platon à Polybe. Thèse pour le doctorat, Paris, 1948.
E. A. Gardner, Greece and the Aegean, London, 1933.
G. Karo, Orient und Hellas in archaischer Zeit (Athenische Mitteilungen, Bd. 45, 1920, p. 106—156).
M. P. Nilsson, The Mycenean Origin of Greek Mythology, Cambridge, 1928.

ПИСЬМО И ЯЗЫК

А. Эванс, Критское линейное письмо («Вестник древней истории», 1939, № 3, стр. 10—39).
W. Brandenstein, Kreta (Sprache) (Pauly — Wissowa Realencyclopädie der klassischen Altertumswissenschaften, Suppl. Bd. VI, 1934, p. 205).
F. Chapouthier, Les écritures minoennes au palais de Mallia, Paris, 1930. Études crètoises, vol. II.
D. J. Franklin, Prolegomena to the Cypro — minoan Script (American Journal of Archaeology, vol. XLI, № 2, 1941, p. 249—282).
M. Dayet, Alphabet phénicien et caractères minoèns, Revue archéologique, XXXVIII, 1931, p. 29—40.
B. Hrozny, Kretas und Vorgriechenlands Inschriften. Geschichte und Kultur, I, Archivum Orientale Pragense, XVI, № 1—2, 1943, p. 117.
Его же, Les Inscriptions crètoises (Archiv Orient., XV, № 3—4, 1946, p. 149—302).
A E. Kober, Inflection in linear class. B. I. Declension (American Journal of Archaeology, vol. L, № 2, 1946, p. 268—276).
Его же, The Minoan Scripts: Fact and Theory (American Journal of Archaeology, vol. LII, № I, 1948, p. 81—103).
J. L. Myres, The Minoan Script, according to Professor B. Hrozny (American Journal of Archaeology, vol. LII, № 1, 1948, p. 103—105).
A. W. Fresson, Schrift und Sprache in Altkreta, Upsala, 1930. Upsala Univ. Arsskrift, 1930, Program 3.
J Sundwall, An Attempt at assigning phonetic values to Cretan signs of Minoan linear Class B. (Journal of American Archaeology, vol. LII, № 2, 1948, p. 311—320).
Его же, Die Entstehung des phönikischen Alphabets und die kretische Schrift, Abo, 1931.
Его же, Die Kretische Linearschrift (Jahrbuch des deutschen Archaeologischen Instituts, Bd. XXX, 1915, p. 41—64).
Его же, Der Ursprung der kretischen Schrift (Acta Academiae Aboensis, 1920, 1—2, p. 1—25).
Его же, Zur Deutung der kretischen Tontäfelchen (там же, 1925, IV, I, p. 1—11).
M. G. F. Ventris, Introducing to the Minoan Language (Journal of American Archaeology, vol. XLIV, № 4, 1940, p. 494—520).

РЕЛИГИЯ, МИФОЛОГИЯ

W. Aly, Der Kretische Apollonkult, Leipzig, 1908.
G. Dumézil, Le crime des Lemniennes. Rites et légendes du monde Egéen. Paris, 1924.
Его же, Le problème des Centaures, Paris, 1929.

A. Evans, The earlier religion of Greece in the light of Cretan discoveries (Frazer lecture for 1931 in the University of Cambridge, London, 1931).
W. Gaerte, Die Bedeutung der kretisch-mykenischen Horns of Consecration (Archiv für Religionswissenschaften, 1922, 21, p. 72—98).
A. Hammarström, Ein minoischer Fruchtbarkeitszauber (Acta Academiae Aboensis humanioria, 1922, III, 2, p. 1—20).
G. Karo, Religion des ägäischen Kreises. Leipzig, 1925. (Bilderatlas zur Religionsgeschichte, Lief. 7).
Mackenzie, Mythus of Crete and Prehellenic Europa, London, 1927.
R. Malten, Das Stier in Kult und mythischen Bild (Jahrbuch des deutschen archäologischen Instituts, Bd. XLIII, 1928, p. 90—139).
S. Marinatos, Les légendes rogales de la Crète minoënne (Revue Archéologique, Paris, 1949, 6-me serie, t. 34, p. 5—18).
W. Matthews, Mazes and labyrinths, London, 1922.
M. P. Nilsson, The Mynoan-Mycenean religion and its survival in Greek religion, Lund, 1927.
Ch Picard, Les religions préhellêniques (Crète et Mycènes), Paris, 1948.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

A. J. A.	American Journal of Archaeology.
A. H. N. E.	The Ancient History of the Near East. 4-th édition.
Annuario	Annuario della R. Scuola Archaeologica di Afena.
Arch.	Archaeologia. Miscellaneous Tracts relating to Antiquity.
Ἀρχ. Δελτ.	Ἀρχαιολογικὸν Δελτιον.
Arch. Anz.	Archäologischer Anzeiger.
Ath. Mitt.	Athenische Mittheilungen.
Boll. d'Art.	Bolletino d'Arte.
B. S. A.	Annual of the British School at Athens.
„ доп.	Supplementary Papers, I, 1923. Dawkins R. M. and others. Unpublished objects from Palaikastro, I.
B. C. H.	Bulletin de Corespondance Hellénique.
C. A. H.	Cambridge Ancient History.
C. G. B. A.	Hall H. R., The Civilization of Greece in the Bronze Age.
C. I. G.	Corpus Inscriptionum Graecarum.
C. of A.	The City of Akhenaten. V. I—II. Egypt Exploration Society.
C. O. I.	Communications of the Oriental Institute of Chicago.
Ἐφ. Ἀρχ.	Ἐφημερὶς Ἀρχαιολογικὴ.
Festos	Pernier L. Il Palazzo Minoico di Festos.
Fimmen	Fimmen D. Die Kretisch-Mykenische Kultur.
Head	Head B. V. Historia Nummorum, 1911.
J. E. A.	Journal of Egyptian Archaeology.
J. H. S.	Journal of Hellenic Studies.
Liv. Ann.	Annals of Archaeology and Anthropology in the University of Liverpool.
Mallia	Fouilles de Mallia.
„ Ecrit.	Ecritures Minoennes.
Mon. Ac. Linc.	Monumenti dell' Academia Lincei.
Mon. Ant.	Monumenti Antichi.
Mus. It. Ant. Class.	Museo Italiano di Antichità Classica.
Pachyammos	Seager R. B. The Cemetery of Pachyammos. University of Pennsylvania, the Museum. Anthropological Publications, YII, I.
P. of M.	Evans A. The Palace of Minos, Vol. I—IV.
Pashley	Pashley R. Travels in Crete, 1837.
Πρακτικά	Πρακτικὰ τῆς Ἀρχαιολογικῆς Ἑταιρείας.
P. T. K.	Evans A. J. The Prehistoric Tombs of Knossos. Archaeolofia, vol. LIX.
Pseira	Seager R. B. Excavations on the Island of Pseira. University of Pennsylvania, the Museum. Anthropological Publications, III, I.
Rend. Linc.	Rendiconti dell 'Academia Lincei.
Rev. Arch.	Revue Archèologique.

Rev. Et. Anc.	Revue des Études Anciennes.
Sphoungaras	Hall E. H. Excavations in Eastern Crete, Sphoungaras. University of Pennsylvania, the Museum. Anthropological Publications, III, 2.
Spratt	Spratt T. A. B. Travels and Researches in Crete.
Studies	Frankfort H. Studies in Early Pottery of the Near East. Royal Anthropological Institute, Occasional Papers, 6, 8.
Svoronos	Svoronos J. N. Numismatique de la Crète Ancienne, 1890.
T. D. A.	Evans A. J. The Tomb of the Double Axes and Associated Group, etc. (Archaeologia, LXV).
Trans. Penn. Univ.	Transactions of the Department of Archaeology, Free Museum of Science and Art, University of Pennsylvania.
Τυλ. Μιν.	Τυλισσος Μινωϊκή., ('Εφ. 'Αρχ. 1912).
T. V. M.	Hazzidakis J. Tylissos, Villas Minoennes.
V. T. M.	Xanthoudides S. The Vaulted Tombs of Mesará.
Vrokastro	Hall E. H. Excavations in Eastern Crete, Vrokastro. University of Pennsylvania, the Museum. Anthropological Publications, III, 3.

ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

Дата	Египет	Центральный Крит	Южный Крит	Восточный Крит	Датировка, предложенная Шарфом	Материк	Острова
3300	Додинастический				3000		Необитаемы?
3200							
3100	I–II дин	Неолитический период			2800	Неолитический разных периодов	
3000	I–III династии	Субнеолитический период					
2900							
2800		Минойский I	Древнеминойский	Древнеминойский I	2600		Древнекикладский
2700	IV династия	Древнеминойский		Древнеминойский II			
2600							
2500	V–VI династии				2300	Древнеэлладский	
2400							
2300	VII–XI династии. Первый промежуточный период			Древнеминойский III	2100		
2200		Среднеминойский Iа	Среднеминойский I				
2100	XI династия				2000		Среднекикладский
		Среднеминойский Iб			1900	Среднеэлладский	
2000							
1900	XII династия	Среднеминойский IIа		Среднеминойский I	1800		
1800		Среднеминойский IIб					
1700	XIII–XVII династия. Второй промежуточный период (включая гиксосов)	Среднеминойский		Среднеминойский IIIа	1700		
1600		Среднеминойский IIIб. до землетрясения			1600		
1500	XVIII династия. Тутмос III (1523–1473) 1504–1450	Среднеминойский III после землетрясения и Позднеминойский Iа			1500	Позднеэлладский I	Позднекикладский
		Позднеминойский I	Минойский				
1400	1372–1354 Эхнатон (1419–1401) Телль-Амарна	Позднеминойский II (только Кносс)		Позднеминойский Iб	1400	Позднеэлладский II	
1300	XIX династия	Позднеминойский IIIа			1300	Позднеэлладский IIIа	
1200		Позднеминойский IIIб			1200	Позднеэлладский IIIб	
1100	XX династия	Позднеминойский и раннегеометрический			1100	Раннемикенский и т. д.	

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Абидос 10, 24, 153, 164
Абусир 241
Авго 38, 281
Августи 143
Авду 39, 169, 197, 309, 338, 362, 382, 387
Агиа-Анаргири 113
Агиа-Варвара 306
Агиа-Галини (древняя Сулия) 41, 42, 355, 381, 385, 386
Агиа-Ирини 43, 72, 76, 93, 308, 310, 361, 386
Агиа-Кириаки 309
Агиа-Марина 121, 142
Агиа-Параскеви 40, 113, 144, 328, 337, 352, 364, 373
Агиа-Пелагия (древний Дион) 41, 60, 143, 197, 275, 281, 282, 306, 307, 338, 358, 362, 373
Агиа-Пелагия, бухта 382
Агиа-Румели 33, 42, 385
Агиа-Триада 59, 72, 76, 79, 81, 88, 93, 95, 103, 106, 107, 119, 125, 128, 139, 143, 152, 166, 172, 173, 178, 186, 189, 192, 193, 198, 205, 214, 215, 221, 226, 231, 232, 234—236, 241—243, 247, 253, 258, 266, 267, 275, 276, 282, 283, 292, 305, 308, 330, 338, 372, 375, 383, 387
Агиа-Фотия 38, 49, 51, 59, 62, 73, 94, 110, 119, 131, 144, 383, 385
Агиа-Экатерини 42
Агии-Апостоли 386
Агио-Мирон 309
Агио-Сидеро 383
Агион-Пневма 32, 309, 311
Агиос-Антониос 76, 94, 253, 281, 310, 374, 381
Агиос-Василис 311
Агиос-Власис 382
Агиос-Георгиос 362, 375, 381, 382
Агиос-Георгиос Апаносифис 363
Агиос-Деметриос 281
Агиос-Иоаннис, населенный пункт 29, 73, 94, 252, 310, 311, 338, 361, 380—382, 386, 387
Агиос-Иоаннис, холм 371
Агиос-Киркос (Лиссос) 43, 380, 385
Агиос-Константинос 307, 310, 311, 329, 339, 344, 353, 354, 372
Агиос-Николаос (древний Лато прос Камара) 30, 38, 60, 62, 66, 69, 73, 253, 254, 286, 311, 313, 364, 374, 386
Агиос-Николаос Мирабеллу 310, 374
Агиос-Николаос Ситиас 310
Агиос-Онуфриос 65, 72, 92, 94, 308
Агиос-Пантелимон 380
Агиос-Петрос 373
Агиос-Савас 40, 253, 283, 383
Агиос-Силас 282
Агиос-Ставроменос 311
Агиос-Ставрос 39, 311
Агиос-Стефанос (Грас) 38
Агиос-Теодорос 38, 251, 260, 271, 283, 306, 311, 380
Агиос-Томас 40, 363, 374
Агиу-Георгиу Папура 39, 143, 307, 309, 337, 353, 382
Агриана 309, 382
Агрион 362, 381

Агромули 381
Адактос 380
Адромили 38, 81, 284, 306, 339
Азия 29, 51, 70, 194, 285, 295, 298, 300, 351
Азия Центральная 194
Азоргиа Мури 329
Акераме 354
Аксос 34, 41, 257, 280, 307, 309, 340, 349, 351, 359, 360, 368
Алагин Педиадос 313
Аладзомури 283
Алака-Гююк 141
Александрия 164
Алики 198, 253
Алисса Лангади 259, 283
Алишара 141
Аллария 368, 385
Алоида, гора 39
Алотцу 281
Альмирос, река 42, 361
Альтамира, пещера 293
Амари, населенный пункт 34, 41, 64, 92
Амари, долина 257
Амигдали 329
Амира 198, 253
Амисос 244
Амнисос 36, 39, 44, 51, 59, 71, 98, 108, 142, 197, 215, 251, 254, 264, 281, 294, 318, 328, 337, 352, 362, 371, 373, 375, 381, 386
Аморгос 304, 355
Ампелакия 308, 373
Ампелис 310
Ампелос 38, 44, 167, 199, 202, 254, 311, 313, 330, 339, 355, 372, 374, 385
Амфималла 379
Анавлохос 329, 339, 354
Анагири 143, 197, 252
Анапра 113
Анаподари (древний Катарракт) 35
Анатоли 311
Анатолия 30, 51, 57, 68, 294, 295
Анау 6
Англия 195
Андрополити 284
Аниба 243
Анидрос 371
Аногия 34, 41, 266, 282
Анополи 42
Анополис 33, 197, 281, 328, 333, 337, 368, 370
Антипарос 69
Антиспари 372, 383
Апано Аситес 353, 373, 382
Апано-Закрос 36, 38, 60, 146, 254, 322
Апано-Эллиника 387
Апезанес 40
Апесокари 306, 363, 374, 383
Аподулу 41, 171, 196, 251, 305
Апокорона 386
Аполлония 368
Аптера 42, 355, 359, 361, 370, 377, 379
Аравия 304
Араден 40, 373, 379
Арадена 386
Арадо 386
Арви 39, 186, 198, 253, 306, 374, 383
Аргион 363, 374
Аргос 266
Аркади 306
Аркадия 368, 372
Аркалохори 40, 62, 64, 69, 71, 75, 81, 93, 108, 121, 142, 184, 197, 202, 231, 251, 254
Армант 243
Армени 311
Арми 385, 386
Арни 311
Арсани 257, 280
Арсиноя 368
Арслан 351
Артса 281
Арханес 40, 186, 197, 251, 276, 282, 307, 309, 337, 350, 353, 362, 382, 396
Асини 70
Аскифос 42
Асмари 252, 307, 362
Асоматос 380
Асос 386
Асира Харакия 311

Аспри-Петра 106, 306
Аспромури 373
Аспрукия 386
Ассини 286
Астала 41
Астали 373
Астеруси 40
Астерусийская гряда (Кофин) 33
Астраки 282
Астретси 307, 309, 328, 340, 353, 362, 371
Атениес 357
Атриволос 363
Атсипадес 41, 257, 274, 279, 280
Аттика 12, 14
Афендис 37
Афиниес 361
Афины 12, 13, 126, 333
Африка 29, 76
Африка Западная 214
Африка Северная 53, 287
Ахлада 358
Ахладиес 310
Ашмур 244

Багали 338, 353
Багалу Хорави 362
Багдад 194
Бали, бухта 373
Бали, населенный пункт 41
Балканский полуостров 6, 10
Барабулио, пещера 309
Белые горы 30, 32, 33, 386
Бельведере (Ризокастро, древние Стелы), населенный пункт 40
Бельведере, замок 253, 372
Бени 42, 340, 361, 380
Бери 352
Берлин 89
Библос 86
Бигла 306
Биеннон 387
Биеннос 354, 383
Бизилия 361
Бобия (древняя Бойбе) 40, 308, 386
Боуса (древний Корик) 32
Браймиана 329
Бунос 375

Вавилон 10
Ваги 307
Вагионня 384
Вагия 387
Вагония 313
Вали 306, 308, 310
Василики 27, 38, 40, 52, 60, 66, 72, 73, 75—77, 82, 83, 91, 92, 94, 95, 97, 99, 100, 110, 113, 117, 118, 122, 129, 131, 133, 144, 166, 193, 212, 284, 297, 308, 313, 373, 383
Ватианос 328
Вати Лангада 308
Ватипетро 40, 198
Ватия 282, 310, 387
Вафио 153, 177, 179
Венеция 70
Вианос (древний Биенос) 35, 39, 310, 311, 313, 383
Визари 281, 381
Висала 75, 93, 109, 198, 252, 309, 352
Витиа 198
Владимировка 6
Влахниано 384
Вликистра 328
Влитиас 43, 371, 381, 386
Волакес 59
Вопи 306
Вору 97, 109, 119, 144
Восток Ближний 24, 51, 194, 239, 291
Врахаси 38, 167, 199, 329
Врисес 284
Вриснас 71
Врокастро 12, 45, 254, 284, 308, 318, 319, 322, 325—327, 329, 332, 335, 337, 339
Врономеро 328, 337
Вронта, населенный пункт 329
Вронта (холм Грома), холм 318
Вронтоспилио, пещера 386
Вропигандо 313
Вувала 39
Вуккиласи (древний Пойкилас) 43, 381
Вутас 257

Вутес 387

Гавдос 49, 51, 60, 92, 142, 196, 280, 306—308, 312, 337, 361, 371
Гази 71, 109, 143, 180, 197, 252, 258, 275, 282, 326
Галана Харакия (Стас Тавернес) 311, 329, 339
Галифа 373
Гедеруфас 311
Гена 373
Георгиуполи (древняя Амфимала) 42
Геракари 41, 42, 280, 380
Гераки 39, 307
Гераклион 166, 198, 251, 255, 328, 355, 382
Гермеса Кранеоса пещера 281, 357, 361, 381
Геролаккос 372
Героспилио 142
Геротрохало 312
Гетану 353, 362
Гидрамон 380
Гиза 91
Гиофиракия 121, 142, 197, 252, 306
Гипсадес 180
Гирокефала 306, 308, 384
Гиртакина 43, 45, 340, 352, 358—360
Гоннес 39, 41, 251, 308, 353, 380
Гортина 17, 19, 40, 59, 68, 72, 98, 253, 310, 336, 340, 344, 354, 357, 359, 360, 363, 366—368, 370, 372, 373, 377, 379, 383
Грас 312
Греция 6, 11, 12, 17, 25, 26, 51, 54, 92, 243—245, 249—251, 289, 342, 348
Греция Северная 274
Гулофарангэ, ущелье 40, 113, 144, 253, 283, 383
Гунадо 309
Гурнес 119, 132—134, 139, 142, 255, 281, 305, 306, 309, 337
Гурния 36, 38, 49, 59, 66, 73, 76, 84, 94, 97, 110, 132, 133, 144, 166, 180, 199, 202, 208, 209, 223, 226, 230, 235, 247, 253, 258, 259, 262, 273, 274, 283, 295, 343
Гуроб 243

Даверона 252
Дамания 213, 253, 260, 282, 363
Дамаста 41, 305
Дафни 311
Двуречье (Месопотамия) 9, 140
Делос 16, 17, 304, 347
Дельта Нила, см. Нила дельта
Дельфы 350
Дрерос 349
Диатонион 353
Дибаки 41
Дикта 29, 30, 33, 35, 340
Диктейская пещера 34, 145, 163, 166, 186, 235, 263, 271, 336, 340, 347, 375
Диктейский мыс 59, 213
Диктинея 370, 375, 380
Диитонион 340
Дион 373
Дионисиадис, острова 308
Дипойн 349
Дия 51, 60, 197, 252, 371, 382
Добрая гавань 30, 386
Додеканес 280
Докадес 352
Дор 280
Драгмос 386
Драгонара 308
Дракона 60, 364
Драконес 76, 109, 119, 125, 143, 283
Драмия (древний Гидрамон) 42
Драос 328
Дрепанон (мыс) 42
Дрерос 38, 45, 330, 339, 340, 344, 354, 388
Дриари 387
Дрогара 311
Дулуполис 43

Дунай 6
Европа 29, 32, 51, 379
Европа Восточная 6
Египет 5, 10, 11, 17, 18, 24, 25, 30, 32, 36, 51, 57, 69, 70, 85—87, 91, 92, 105—108, 140, 141, 149,

155, 160, 164, 165, 184, 189, 193, 194, 216, 223, 236, 241—243, 246, 249, 257, 277—279, 286, 289, 293, 298, 300, 303, 304, 315, 327
Египет Верхний 25, 90, 162
Египет Нижний 162
Египет Северный 298

Загрос 348
Загуриани 363, 389
Закрос 12, 38, 44, 45, 47, 49, 51, 60, 62, 66, 73, 76, 94, 120, 144, 181, 192, 193, 199, 202, 218—220, 223, 226, 239, 247, 254, 255, 259, 280, 284, 294, 311, 313, 339, 386, 389
Заро 384
Зафер-Папура 40, 214, 229, 230, 251, 255, 258, 262, 267, 272, 273, 276, 277, 281
Зимоглу Хорафи 313
Зирос 34, 38, 313
Змалиано 310
Зуриди 281, 371, 381

Иберия 18
Ида (Псилорити) 29, 33, 34, 41, 62, 64, 69, 75, 80, 169, 257, 298, 340, 348, 373
Идейские горы 27
Иды, пещера 280, 351, 352, 380
Иераконполь 90
Иерапетра 25, 30, 32, 33, 36, 38, 39, 59, 76, 311
Иерапетра, перешеек 73, 294
Иерапитна 364, 368, 370, 372, 374, 384
Илития 71, 92, 108, 121, 169, 197, 245, 362
Ираклион, см. Кандия
Исопата 40, 174, 184, 193, 197, 213, 214, 221, 240, 241, 243, 245, 251, 255, 261, 271, 273, 276, 277, 281, 321

Истрон 374
Италия 278, 348
Итанос 44, 311, 359, 364, 370, 383, 386, 389

Кавалларес Волакас 310
Каваллос Метохи 380
Кавга 329
Каво Сидеро мыс св. Исидора 387
Каво Сидеро (мыс св. Исидора) 387
Кавуси 12, 36, 38, 45, 94, 283, 318, 319, 322, 325, 329, 330, 335, 339, 348, 354, 374, 384, 385
Кадрамутса 389
Канр 211
Какодети 40
Какоди 312
Како Плай 339, 354
Каламафка 39, 60, 144, 197, 308, 311, 339, 355, 364, 375, 385
Каламиди 43, 386
Калатиана 79, 93, 118, 125, 143, 160
Кале Акте 43, 361
Калерги 81, 198, 306, 386
Каливиана 282, 308, 310, 338, 354, 363, 372, 383
Каливия 262
Каливос 309
Кали Лименес, гавань св. Павла 40, 386
Калимниохори 371
Калликрати 40
Калогианнис 380
Калос Лаккос 286
Калос Латтос 386
Калохорио Мирабеллу 38, 199, 254, 307, 374
Калохорио Педиадос 72, 282, 306, 312, 326, 328
Калохорио Ситиас 311
Камара 372
Камараки 353
Камарес 34, 41, 49, 51, 59, 83, 101, 109, 121, 127, 128, 143, 145, 156, 158, 167, 169, 198, 253, 282, 289, 329, 385
Камари 385
Камариотис 312
Камбия 386
Камилари 306
Камина 282
Каминаки 39, 307, 309, 382
Камини 380

Кампанос 43, 357, 361, 380
Кампариани 328
Кампос 328
Кандильеро 253, 255
Кандия (Ираклион) 22, 30, 32, 35, 39—41, 140, 198, 312
Кания (Кидония) 30, 35, 36, 42, 43, 115, 117, 118, 133, 134, 136, 137, 144, 213, 260, 279, 280, 283, 300, 337
Канли-Кастелли (древний Ликаст) 40, 75, 93, 109, 198, 252, 330, 338
Кантанос 43, 357, 361, 388
Каравада 382
Караван Сарай 251
Карави 60, 92, 142, 196, 280, 337
Каравос 361
Караковилья 329, 339
Каридаки 40, 198, 252
Кариди 60, 307
Кариме 386
Карпатос 30
Картерос 59
Карумпес 312, 386
Карфи 12, 39, 45, 274, 275, 318—320, 322, 323, 327, 328, 332, 363, 371, 389
Касос 30
Кастамонетса 353
Кастелли (древний Панорм) 41
Кастелли Агиас Кириакис 386
Кастелли Бельведере 198, 383
Кастелли Малевизиу 382
Кастелли Педиадос 80, 198, 252, 386, 388
Кастеллиана 380, 383
Кастеллос 199, 254, 255, 310, 311, 339, 352, 355, 362, 364, 382, 386, 389
Кастеллос Бельведере 144
Кастеллос Цермиадон 24, 59, 93, 108, 111, 142, 197, 252, 389
Кастериотис 372
Кастри близ Милатоса 94, 144, 312, 329, 355, 363, 387, 389
Кастри близ Фаласарны 43, 354, 361
Кастро 330, 339, 380
Каталимата 339
Каталиони 34
Каталония 310
Катара 39
Катарос 34, 310, 375, 382
Катарракт, река 40
Като Арнико 199, 254, 307
Като Вианос 310
Като Закрос 36, 60, 73
Като Метохи 39
Като Сими 253
Като Элунт 143, 197
Катокампос 374, 384
Катсаба 306, 309
Катсидони 38, 311, 312
Катсунами 38, 389
Катсухири 72
Кахун 10
Кедри 145, 167, 284, 373
Кедрос (гора) 38, 41
Кенурио Хорио 387
Кераме 41, 309, 352
Керамия 381
Кераса 352, 371, 382, 389
Кератос, река 51, 169, 198, 253, 306
Кератос, населенный пункт 363, 383, 387
Керет 39
Кефала, мыс 32
Кефала, населенный пункт 60, 329, 339, 363, 371, 382, 384, 385
Кефаловрисис 144
Кефалолимнос 385
Кидония 340, 352, 355, 357, 359, 361, 368, 370, 371, 373, 380, 388
Кикладские острова, см. Киклады
Киклады 16, 36, 69, 101, 102, 103, 141, 298
Киклады Южные 30
Киннегоспилиос 389
Кипр 30, 83, 165, 345, 348
Кисамос 42, 43, 45, 352, 361, 370, 380, 381
Киттеон 328, 363
Клауда 361, 371, 380
Клисиди 282, 328, 335, 338, 339, 353, 363
Клия 385

Кносс 5, 8, 14, 15, 17, 19, 23, 24, 26, 27, 29, 39, 40, 47, 49, 51, 54, 55, 57, 59, 62—64, 67, 69, 71, 72, 75, 79, 82—84, 93, 95, 102, 108, 111, 113, 115—118, 120—122, 126—130, 132, 134, 137—142, 145, 147, 148, 155, 156, 158, 159, 164—167, 169, 171—175, 179, 180, 182, 184—186, 189, 192—198, 200, 202, 205, 208, 209, 212, 215, 218—221, 223, 226, 228, 231—238, 241, 243, 244, 246—248, 250, 251, 254, 257, 259, 262, 267, 268, 272—277, 281, 285, 289, 291, 292, 294, 298, 300, 301, 303, 304, 313, 315, 318, 322, 323, 326—328, 330, 333, 335, 337, 338, 340, 344, 348, 350, 352, 358—360, 362, 367, 368, 370, 371, 373, 375, 377, 382, 388
Коаккала 311
Коккино Дети 280
Коллива Метохи 328
Колокития 373
Колонна 343, 352, 357, 362, 371
Комес 388
Комилари 94
Комитас, населенный пункт 253
Комитас, холм 198, 383
Комо 34, 40, 51, 60, 69, 72, 75, 76, 94, 113, 167, 199, 202, 253, 257, 293, 298, 306, 308, 330, 339
Копра Кефала 386
Копрана 39, 72, 83, 143, 198, 254, 328, 329, 383
Коракиес 310
Коракия 354
Кораку 195, 332
Коринф 285
Корион (Коресия) 380
Корфи Сто Копрани 312
Котсия 306
Кофина 29, 60
Кохлакиес 38, 308
Краси 39, 66, 69, 71, 81, 93, 109, 133, 137, 142
Кремасма 387
Крит Восточный 64, 66, 73, 75, 76, 81, 83, 86, 94, 104, 107, 110, 119, 126, 129—131, 133—135, 141, 157, 167, 180, 194, 199, 202, 208, 218, 219, 223, 224, 226, 230, 255, 263, 264, 270, 274, 277, 283, 294, 295, 300, 306, 308, 310, 323, 329, 337, 339, 343, 354, 364, 371, 372, 374, 384, 389
Крит Западный 71, 98, 142, 196, 213, 257, 280, 305, 307, 308, 327, 337, 345, 351, 360, 370, 373, 379, 388
Крит Северный 95, 111, 119
Крит Центральный 63, 65, 66, 68, 70, 71, 75, 76, 93, 98, 108, 111, 119, 132, 142, 166, 197, 218, 226, 251, 254, 263, 267, 270, 281, 300, 303, 307, 309, 328, 337, 352, 362, 373, 381, 388
Крит Южный 65, 66, 72, 75, 93, 98, 109, 143, 166, 172, 198, 214, 218, 226, 253, 255, 282, 295, 306, 308, 310, 329, 338, 354, 363, 372, 374
Критса 39, 137, 308, 312, 385
Кросс (Кноссос), см. Кносс
Крусонас 34, 41, 309, 338, 353, 363, 382
Кунени 312
Крустогерано 386
Ксенагеорги 281
Ксерокампос 372, 374
Ксеролимни 60
Кулукунас (древний Таллеон) 33
Кумаса 65, 72, 76, 83, 86, 87, 89, 93, 99, 100, 109, 119, 133, 134, 136, 139, 143, 308, 310
Кунави 353, 357, 363, 388
Кундуро 60, 364
Кунени 312
Купо 309, 338, 363, 382
Кураменос 283, 329
Кури 373, 385
Курнас (Корион, Кореснон), озеро 42, 235, 380

Куртес 320, 329
Курумпес 386
Курутес 380
Кустулиана 372
Кутсокера 72, 76, 93
Кутсулас 345
Кутсунария 252
Куфониси 145, 300, 385

Лабранда 285
Лаврака 60, 306—308
Лавракия 254
Лагавас 312
Лагаротопос 363, 384
Лагаш 104
Лагу 308, 338, 352, 353, 389
Лакедемон (Спарта) 18, 19, 342
Лакка 34
Лакония, долина на Крите 39, 311, 313
Лакония 304
Лами 329
Лампион, долина, см. Лампиони
Лампиони (Лампион) долина 34, 38, 312
Лангос 94, 306
Лапитос 141
Лаппа 42, 359, 361, 368, 370, 371, 380, 388
Ларнаки, мыс 384
Ласити 24, 34, 35, 39, 44, 49, 51, 56, 57, 62, 103, 111, 261, 274, 275, 294, 311, 318, 320, 322, 333, 335, 340, 343, 357, 367, 368, 375
Ласитиотика Вуна 33
Ласия 384
Ластрос 389
Лато 45, 284, 286, 340, 342, 344, 354, 370, 373, 386
Лато прос Камара 39, 364, 368
Лато Этера 39
Латсида 311
Лахун 164, 165, 243
Лебена 40, 355, 377, 383
Левке (Куфониси), остров 167
Лейден 235
Леон 32
Леопетра 386, 389
Леопетро 387
Лефки 385
Лефтери 353
Ливада 309
Ливадос 373
Ливийское море 33
Ливня 91, 295, 298
Лигуртино 40, 266, 282, 329, 339, 363
Лидорико-Скисменис 38, 313
Ликт 18
Лилиана 282, 313, 329, 332, 338, 387
Лилиано 309
Лимнаки 387
Лимнаркарос 34
Лимни, мыс 361
Лиссос (Агиос Киркос) 357, 359—361, 377
Литинес 312, 355
Литтос 39, 347, 353, 357, 359, 363, 366, 368, 370, 371, 377, 380, 382
Логиади 282, 387
Лунтри 371
Лутраки 202, 253, 255

Маврокорфи 59
Мавроспелио 151, 158, 159, 166, 174, 183, 189, 193, 197, 213, 243, 251, 255, 271, 273, 275, 277, 281
Магаса 44, 49, 51, 55, 59, 60, 294
Магацедес 382
Мазихория 329
Македония 80
Макригиалос 199
Макридиана 380
Макри Ливади 40, 384
Макритихос 328
Макриял 38
Маламурес 38
Маламурес Закру 313
Малая Азия 6, 10, 17, 54, 56, 67, 68, 189, 287
Малемо 42, 213, 260, 307, 309
Малла 312, 313, 350, 355, 364, 373, 375, 385
Маллес 39

Маллийский залив 120
Малляя 7, 39, 49, 51, 54, 59, 66, 71, 84, 93, 105, 109, 111, 113, 115—117, 119—121, 132, 133, 137—139, 142, 145, 159, 166, 172, 184, 189, 197, 205, 247, 252, 281, 288, 294, 309, 311, 330, 338, 388
Мальта 173
Мандрес 252
Маратия 312
Маратокефало 72, 76, 93, 106, 109, 143, 282, 354
Маратос 41
Маргаритес 306
Маркабуса 281
Мармакето 143, 252
Мартокудия 385
Мастаба 373, 382
Матала 310
Матия 354, 363
Махера 310
Мегали Врисис 199
Мегали 328
Мегалос Потамос (Вунос) 375, 382
Мегара 304
Мегиддо 57
Маламбес 387
Мелидони 312, 357, 361
Мелидохори 363
Мелиссания 354
Мелос 53, 141, 196, 291, 336, 347, 351
Мерминга 338
Меронас 41, 280, 371
Мерони 312
Мерсини 254, 284, 308
Мертиес 306
Меса Армн 387
Меса Лакония 388
Меса Ласити 282, 328, 388
Месаврисис 351
Меси 255, 309
Месогия 43, 380
Месониси 92
Месопотамия, см. Двуречье
Мессара 25, 33, 35, 40, 62, 70, 72, 75—77, 79, 81, 84—88, 90, 91, 95, 97—101, 103, 104, 107, 108, 111, 113, 119, 125, 134, 136, 139, 153, 257, 261, 289, 294, 295, 298, 300, 313, 363
Мессарская бухта 30
Метала (Металлон) 40, 72, 355, 384
Металлон, см. Метала
Метимна 42, 361, 371, 400
Метрополитан (древний Летей) 35
Миаму, пещера 40, 51, 59, 62, 65, 66, 72
Микены 5, 13, 14, 25, 58, 70, 79, 80, 126, 150, 192, 195, 213, 232, 240, 245, 277, 279, 280, 316, 368
Микригиалос 384
Микри Копрану 328
Микро Ласитаки 39
Милатос 60, 72, 269—272, 283, 338
Милитос 44, 364, 385
Милопотамос (древний Оакс) 33—35, 257
Минент-эль-Бейд 244, 278
Минорка 173
Миноя 355, 361, 380
Мирабелло, населенный пункт 66
Мирабелло, залив 73, 95
Мирес 40
Мирины 360
Миртидия 308, 312
Миртиос 380
Миртокудия 311
Миртон 374, 385
Митанни 194
Моди 30, 360
Молдавия 7
Молейи, мыс 30
Монастераки 38, 307, 308, 309, 339, 340
Монастернако Кефали 344
Монопари 42, 371, 380
Монтефорте 387
Морони 76, 283
Москес 380
Мохлос 30, 36, 47, 62, 66, 67, 73, 76, 81, 83, 85—89, 91, 94, 95, 97, 99, 102, 108, 110, 118, 119, 133, 134, 144, 166, 167, 181, 185,

186, 188, 199, 231, 239, 241, 247, 253, 255, 272, 294, 374, 375, 384
Мохос 39, 60, 93, 120, 143, 252, 307, 371, 373, 382
Мулиана 36, 213, 260, 271, 272, 280, 283, 322, 323, 325, 326, 329, 335
Мури 60, 252, 373, 382
Мусагорские острова 30
Мухтари 198

Нагада 90
Наксос 374, 385
Нахарина 26
Неа-Галикарнассос 338
Неаполис 38, 312, 387
Нид 33, 41
Нила дельта 30, 70, 90, 107
Нила долина 9, 165, 242
Нимруд 348, 351
Нипидито 309
Нирухани 39, 71, 133, 137, 143, 208, 247, 257, 306, 307, 309
Ниси 374, 385
Нисирос 52, 126
Нифади 384
Нопигия 42, 43, 361
Нохия 42, 307, 361, 371, 380
Нузи 195
Нью-Йорк 350

Одеон 363
Одесса 7, 35
Окс 385
Окса, холм 374
Оксерр 350
Олерос 311, 373, 385
Олимпия 336
Олунт 286
Олус (Спина-Лонга) 38, 285, 311, 359, 364, 370, 373, 385, 386, 389
Омалос 33, 42
Омалес 35, 39, 309
Омалес, долина 42, 313, 386
Омбристага 371, 380
Орино 389
Орниас 93, 143, 380
Орнити 42, 71, 251, 340, 352, 361, 371, 400
Орно 313
Орти Петра 327, 337
Осмида 340, 352

Паданасос 361
Палайокапсу 196
Палекастро 27, 36, 38, 47, 59, 62, 66, 69, 73, 76, 79, 84, 86, 87, 91, 94, 95, 99, 102, 110, 118, 131, 132, 133, 135, 136, 144, 152, 156, 166, 167, 186, 189, 199, 202, 209, 219, 223—226, 233, 247, 254, 255, 258, 259, 261—264, 266, 269, 271, 272, 274, 276, 283, 285, 287, 298, 305, 322, 328, 329, 339, 340, 344, 348, 351, 361, 362, 364, 386
Палекастро-Родиас (древний Киттеон) 41, 363
Палеоклисия 380, 381
Палеомандра 310
Палеохора (Селину-Кастелли) 30, 43, 381, 386, 387
Палестина 17, 278, 280
Панагия 60, 328, 338, 384
Панагии Крусталлении 388
Панас 40, 41
Панкалохори 257, 258, 275, 281, 331
Паннона 40, 363
Панормос 44, 381
Папура 332, 333, 335, 340, 352, 339
Параниси 313
Парос 358
Партени Метохи 282
Партира 69, 71
Патараки Метохи 385
Патела 309, 345, 355, 361, 372, 381
Патема 69, 73, 144
Патетири 387
Патсос 42, 169, 196, 257, 281, 357, 361, 375, 381
Пахнаммос 38, 102, 110, 119, 129, 131, 144, 180, 199, 219, 254, 374, 375
Педнада 367
Педино 81, 306
Пези 374, 384
Пентамоди 309
Пепони Хани 39, 313

Перама 41, 257, 281, 381
Перахора 332
Пергам 42, 361
Пернада 39
Перивола 313
Периволакия 313
Перихали 352
Петрадес 198
Петрас 36, 73, 144, 308, 311, 380, 385
Петрино Тигани 283
Петрокефало 198
Петсофас 120, 134, 144, 202, 254, 289, 311
Пефкос 313
Пилорос 340, 354, 363, 384
Пилос 15
Пинакиано 389
Пирантос 372, 384
Пиргалес 313
Пиргос 40, 64, 69, 71, 75, 93, 102, 109, 122, 240, 252, 306, 307, 312
Пискокефали 36, 120, 145, 311, 340, 374, 385, 387
Пистаги 169, 194
Пифион 344, 357
Плай 361
Плака 197, 255, 313
Плакура 306
Платаниас (древний Иардан), река 35
Платаниас (населенный пункт) 371, 381
Платанос 10, 76, 80, 87—89, 94, 106, 109, 125, 134, 136, 139, 140, 143, 384
Плати 39, 213, 247, 252, 254, 281, 353
Платиа Страта 382
Плора 363, 384
Побужье 6
Поднепровье 6
Поднестровье 6
Пойкилассос 381
Полирения 42, 45, 340, 345, 352, 359, 360, 362, 368, 371, 381
Понта 244, 309, 354, 363, 368, 371
Порта 76
Порти 97, 103, 106, 109, 125, 129, 134, 143, 167
Потамиес 382
Потистерия 44, 49, 51, 59, 280, 294, 374
Превели 41, 42, 235
Пресос 38, 47—49, 59, 213, 260, 284, 287, 313, 320, 329, 339, 340, 347, 355, 357—359, 364, 366, 367, 370, 372, 386
Претория 310, 384
Приансос 44, 359, 363, 367, 368, 370, 374, 375, 384
Принниас 45, 202, 235, 252, 258, 274, 328, 332, 338, 340, 344, 345, 347, 350, 353, 362, 372, 374, 384
Принниатикос 307
Принниатикос Пиргос 84, 94, 254, 308, 375, 385
Принори 338
Принос 307
Причерноморье Северное 6
Продромос Боцану 137, 145
Пророка Илии, холм 60, 71, 120, 142, 353, 386
Псарес 380
Псира 32, 47, 76, 94, 95, 110, 118, 132, 144, 166, 178, 199, 202, 208, 209, 221, 223—226, 233, 234, 247, 254, 255, 295, 364
Психион 387
Психро 163, 166, 169, 197, 202, 235, 252, 271, 281, 326, 328, 338, 353, 375, 382

Рагавас 363, 384
Рас Шамра 165, 213, 242, 244, 278
Раукос 359, 363, 370, 373, 383
Резения 340, 353, 362
Ретену 26
Ретимн (Ретимо) 30, 32, 41, 42, 44, 72, 169, 235, 257, 309, 313, 345, 349, 358, 359, 362, 381
Риза 306, 338, 371
Рикти 386
Рим 8
Ритион 340, 354, 363, 384

Риф 108
Рогалотопос 384
Родакиния Лаккос 309
Родос 30, 337, 373
Рокка 43, 340, 343, 345, 352, 362, 381
Романати 38
Ротаси 310
Руккака 38, 313, 385
Румели 41
Румелл Кастелли 381
Руссанос 383
Руссес 143
Русси Экклисия 313
Руссохори 310
Руссо Амалулаккос 313
Руфас 40, 72, 306, 308, 310
Саба 307, 310, 372, 373
Саккара 243
Салами 72, 76, 87, 94, 308, 310
Самария 42, 387
Саммонион 387
Самос 16
Сантири 381
Саракинос 39
Сарантари 308
Саронический залив 244
Сархо 250, 282
Сассалос 387
Северно-Черноморское побережье 7
Седмент 242
Селена 39
Селин 33
Сели Кисаму 388
Селину, мыс 381
Селли 351, 381
Селлия 385
Селокопос 313
Сибрита 340, 359, 362
Сива 94, 109
Сидеро, мыс 38
Сидерогурна 384
Сидерокефала 202, 252, 328, 363
Сикия 38, 313
Силамос 40, 313
Сирия 5, 30, 83, 107, 163, 165, 194, 195, 244, 249, 278, 280, 294, 295, 304, 351
Сирия Северная 9
Сисарха 381
Сиси 387
Ситана 38
Ситанос 389
Сития 30, 33, 34, 36, 38, 284, 307, 310, 313, 355, 364, 385—387, 389
Сифнос 304, 355
Сицилия 212, 278, 303
Сия 375, 377, 378, 381
Скалани 39, 145
Скалес 44, 51, 59, 284, 307, 308, 339
Скалия 38, 313, 383
Скафи 313
Скафидия 60, 72
Скендери 388
Скиллис 349
Скинарес 254
Скинарес Метохи 389
Склавокампос 380
Склавопуло 43
Скотино 39, 121, 143, 169, 198, 202, 252, 289
Скуриасменос 354
Скурокефало 60
Скуфия 381
Сокара 371, 384
Сокоро 282
Сорос 32
Спада, мыс 42, 44
Спада (древний Титир) 32
Спаннакос 387
Спарта, см. Лакедемон
Спелия 382
Спилиарндия 169, 197, 310, 338, 353
Спина-Лонга, бухта 30
Спиниес 307
Средиземное море 17, 35, 192, 288
Средиземноморье 5, 12, 16, 34
Средиземноморье Восточное 6
Ставракия 307, 310, 338
Ставромена 198, 309, 358, 362
Ставрос, мыс 32
Ставрохори 389
Ста Дракнана 311
Ста Каталимата 389

Ста Лусотурия 381
Ста Лутра 253
Стаматаки 354
Стас Тавернес 38, 202, 311
Стерианос 313
Стернес 384
Стефани 309
Стия Аналавосин 381
Стин Аспан 311
Стис Вакиотис тин Кефалан 283, 364, 372, 384
Стис Панагиас то Ливади 381
Сто Дасо 145, 167
Сто Дохи 389
Столос 353
Стин Аналавосин 381
Сто Стаура 383
Страводоксари (Ставрохори) 284, 313
Страволимни 385
Стравомити 62, 71, 111, 252, 307, 310, 328, 357
Стровили, холм 197, 362
Сту Василику 375, 382
Сту Кавальеро то Кефали 308
Сту Куку то Кефали 322, 329, 339, 354
Сту Куси 150, 167, 198, 253, 282, 383
Сту Партени то Метохи 363, 382
Сту Ставраку тон Лаккон 338, 353
Сту Стериану то Метохи 389
Суда, бухта 30, 355
Суйя (древняя Сюйя) 36, 43, 384, 386
Сулия, см. Агиа-Галини
Сфака 199
Сфакия 32, 42, 257, 281
Сфакориако 40, 167, 199
Сфунгарос 49, 51, 59, 62, 73, 81, 88, 89, 94, 110, 119, 144, 193, 199, 254
Схинеас 72, 93, 143, 198, 328, 383
Схинокапсала 389

Табиес 71
Табия 251
Та Гревела 281, 381
Та Кутсунария 382
Та Мандракия 308
Та Мнимата 363, 371
Тапис 39, 385
Тарра 42, 357, 359, 362
Та Фарангия 281
Таш 351
Теки 388
Телль-абу-Хавам 278
Телль-Асмара 116
Телль-Атчан 193, 242
Телль-Билла 195
Телль-эль-Амарна 11, 25, 58, 70, 107, 137, 211, 218, 243, 259, 277, 293
Терезгона Эллиника 380
Тефродохос Кальпи 329
Тики 108
Тилиссос 41, 95, 109, 121, 142, 143, 166, 178, 189, 224, 230, 231, 234, 235, 247, 252, 261, 281, 285, 353, 359, 362, 382
Тиреатис 89
Тиринф 91, 195, 279, 285
Тис Каименис то Сапато 329
Тис Китрис то Мили 381
То Вернегади 387
То Палати 363
Топлу 355
Торонто 234
То Элленика 374
Трамонтана 381
Трапеза 34, 44, 49, 51, 56, 57, 60, 62, 71, 81, 82, 84, 85, 88, 93, 97, 101, 102—104, 107, 109, 121, 133, 135, 137, 139, 142, 143, 145, 166, 169, 182, 197, 289, 306, 357, 362, 371
Трапезус 364
Трапсанос 383
Трафос 384
Трахила 30, 337
Трахили 389
Трипети 40, 113, 166, 167, 198, 251, 253, 330, 339, 364, 381
Триполье 6
Трис Петрес 387
Трифти 33, 36

Тронос (древняя Сибрита) 41
Трохали 309, 372, 381, 384
Трохари 387
Троя 5, 18, 141
Трулли 381
Труллос 188, 197
Ту Брахиу о Лаккос 253
Тузла 337
Ту Канаду то Метохи 312
Ту Партени то Метохи 309
Турлоти 36, 254, 255, 284, 375, 385
Туртулли 340, 355
Ту Фигиоти то Алони (Каливия) 282

Усатово 7
Урук 15

Факидия 143, 252
Факистриес 353
Фалангари 372
Фаландра 372
Фаласарна 30, 43, 340, 359, 361, 371, 381
Фалелиана 381
Фалеромени 389
Фармакокефало 38, 254, 375, 385
Фера 247, 351
Фессалия 6, 337
Фест 8, 14, 15, 17, 19, 24, 40, 41, 49, 59, 65, 72, 93, 109, 115, 116, 125, 137, 141, 143, 145, 147, 148, 150, 152, 155, 157, 158, 165, 167, 171, 172, 176, 178, 189, 198, 205, 221, 226, 234, 235, 247, 253, 276, 277, 282, 289, 295, 298, 330, 339, 340, 350, 354, 360, 363, 370, 372, 383
Фивы (в Египте) 26, 136
Фивы (в Греции) 15, 279
Физипетра 199
Филакопи 141, 196, 247
Филеримо 353
Филиппос 355, 361
Финикия 17, 338, 389
Финикс 42, 381
Фодели 41
Фоникиа 328
Фортеца 362, 371
Фрагмена 307
Франко-Кастелли 42
Фрати 60, 330, 332, 333, 338, 340, 344, 347, 348, 353, 387
Фукианос 30°
Фурнакия 257, 281
Фурнос 381
Фурнофаранго 76, 374, 384

Халара 169, 196
Халепа 380
Халнакиас 382
Халиномури 254, 308
Хамези 36, 115, 117, 118, 133, 135, 136, 137, 144, 283, 300
Хаметуло 389
Хандра 311, 313
Хаос, ущелье 339
Харага 164
Харакас 307
Харакия 353, 354, 363, 364
Хафайя 107, 116, 140
Херсонес 30, 39, 359, 363, 368, 382
Хиромандрес 202, 329
Хонос 312
Хордаки 312
Хордакия 385
Хостонеро 309, 357, 362
Хрисокамино 94, 199
Хрисолаккос 119, 138
Хрисоскалитисса 202, 251
Христос, населенный пункт 76, 97, 109, 120, 121, 143, 381
Христос, остров 142, 167, 337, 352
Христос, пещера 252
Худетси 282
Хуметало 38

Цалиана 387
Цапи Метохи 382
Цериада 49, 60, 72, 198, 310, 372, 389
Цидес 381
Цингуния 282
Цицина 310
Цохура 380
Цуцур (древний Приапс) 36, 308

Черное море 250

Шумер 15

Эгейский бассейн 64, 68, 73, 135, 163, 195, 244, 279, 303, 304, 327, 335
Эгейское море 5, 16, 51, 249
Эгина 165
Эдикта (Апемоския) 60, 93, 120, 143
Эксо Порос 389
Элафониси 30
Элевсин 15
Элефтерна 41, 45, 318, 327, 337, 340, 350, 354, 355, 359, 360, 370, 379
Элирос 43, 340, 361, 373, 380
Эллада 24
Элленес 41, 44, 64, 69, 352, 357 361, 387
Элленес Амариу 71, 307
Элленоспило 44
Эллиника 94, 144, 281, 286, 311, 313, 339, 361, 362, 363, 374, 380, 383, 384, 386, 387, 389
Элунта (Олус) 127, 143, 286, 386
Эльтина 353
Эмпарос 39, 309, 328, 382
Энneахория (Инахорион) 32, 43
Эпископи 38, 281, 283, 311
Эраннос 386
Эрганос 39, 281, 320, 322, 328
Этрурия 249
Эфес 351

Юктас 29, 33, 40, 75, 120, 134, 142, 166, 169, 186, 195, 202, 251, 289, 309, 313, 357, 362
Яли, остров 53

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Фото 1. Ущелье Агиа-Румели.

Фото 2. Утесы Лада между Араденой и Агиа-Румели.

Ф о т о 3. Белые горы. Вид на Волакию с вершины Ксилоскалы.

Фото 4. Гора Ида (вид из Феста).

Фото 5. Гора Афендис Кавуси (вид из Пахиаммоса).

Фото 6. Гора Дикти и долина Ласити (вид с севера).

Фото 7. Долина Ниды (вид от пещеры Иды).

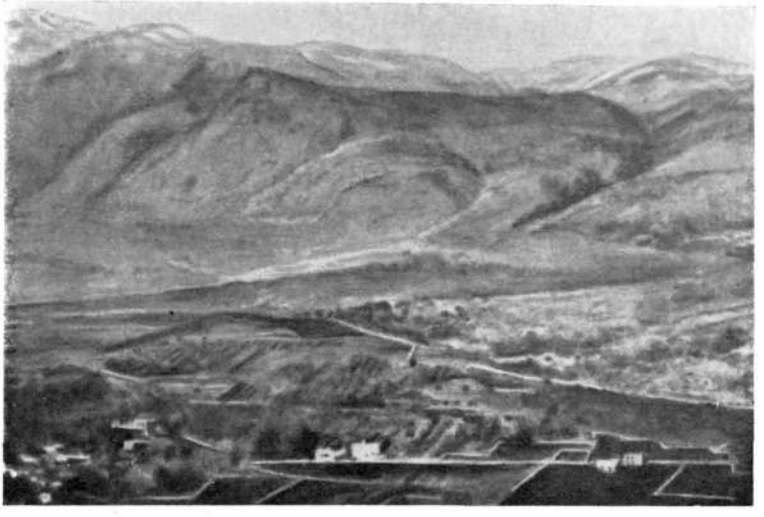

Фото 8. Долина Анополис и Белые горы (вид со стороны древнего поселения).

Фото 9. Ущелье Патсос близ пещеры Гермеса Кранеоса.

Фото 10. Восточное побережье.
Эремополис (древний Итанос; вид с севера).

Фото 11. Острова Кавалли против Ампелоса

Фото 12. Залив Мирабелло (вид от поселения над Кавуси).

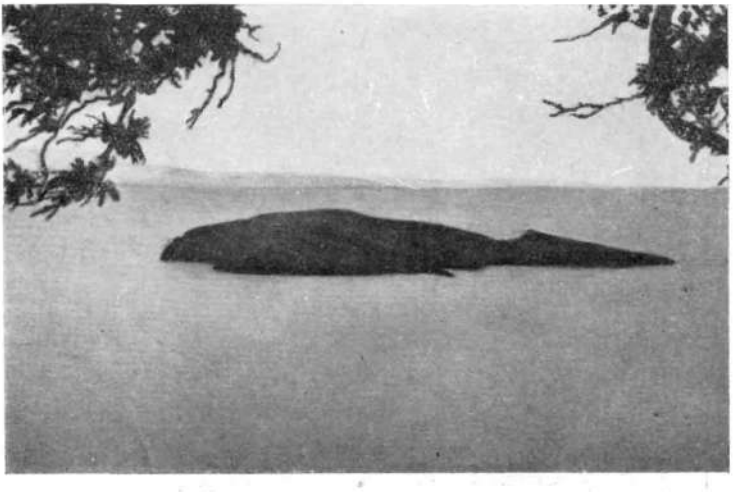

Фото 13. Остров Псира
(вид с дороги между Кавуси и Сфакой).

Фото 14. Пещера Трапеза, заселенная в неолитическое время.

Фото 15. Раннеминойская гробница в Платаносе. Поселение на заднем плане засыпано.

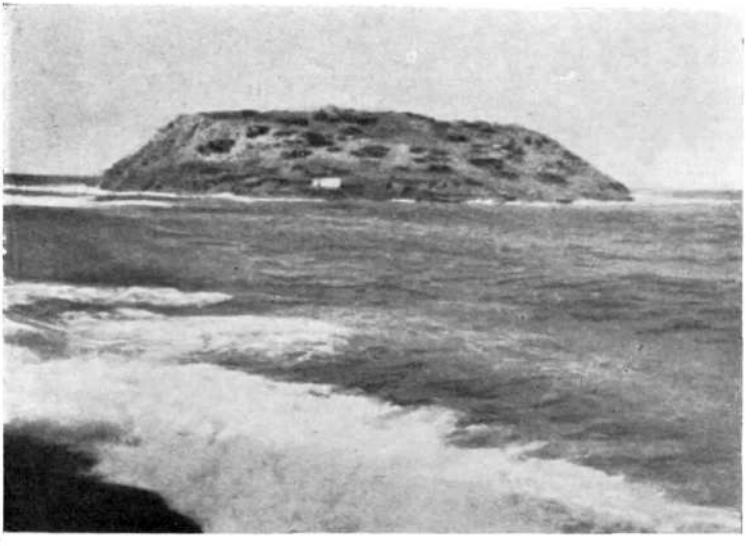

Фото 16. Остров Мохлос. Налево — раннеминойские гробницы; направо — поселение, существовавшее от раннеминойского до позднеминойского времени.

Фото 17. Позднеминойский город в Гурнии (вид с востока).

Фото 18. [Укрепление раннегеометрического периода на вершине над Кавуси.

Фото 19. Поселение геометрического периода в Эллиника между Апано и Като Закросом.

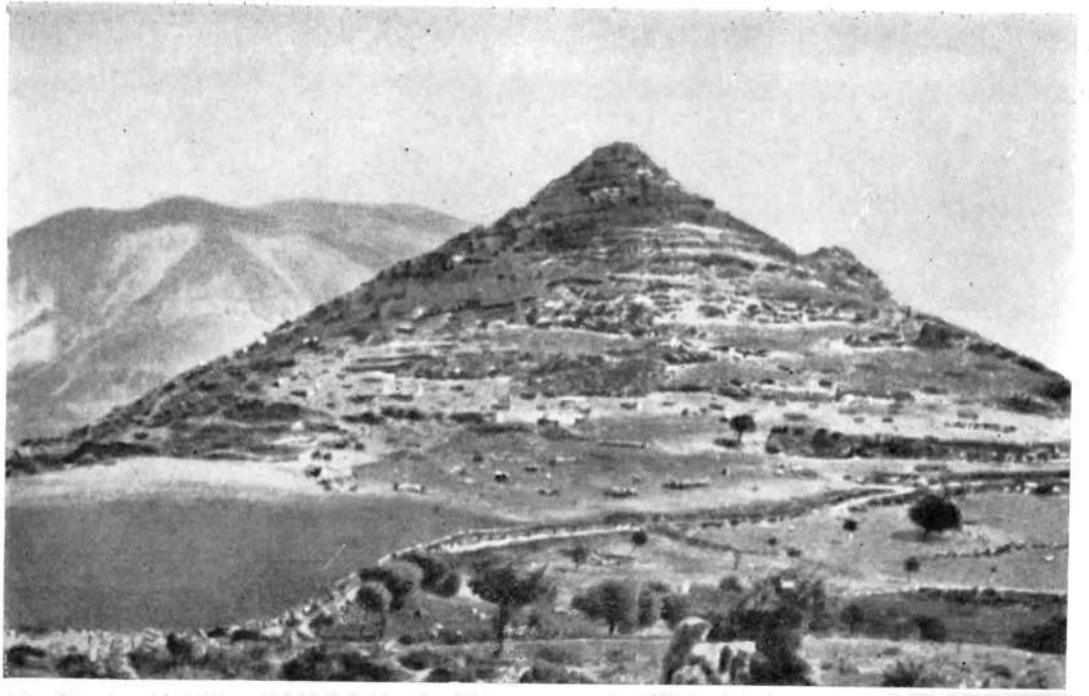

Фото 20. Поселение раннегеометрического периода в Куртесе.

Фото 21. Двойной архаический акрополь Лато (вид с севера).

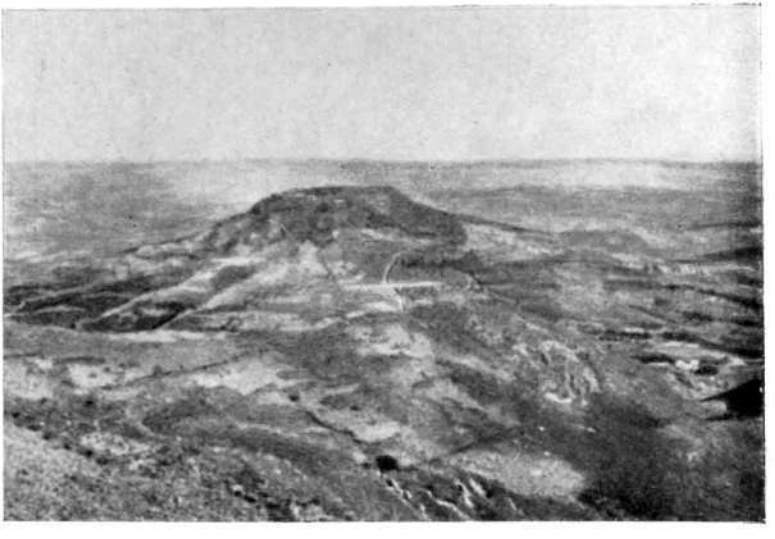

Фото 22. Ризокастро, замок Бельведере (древние Стелы; вид с юга).

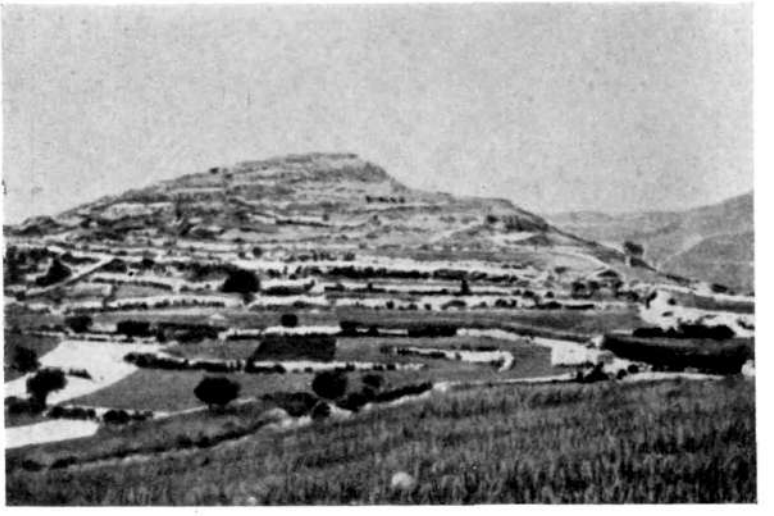

Фото 23. Укрепление *A* в Пресосе (вид с юга).

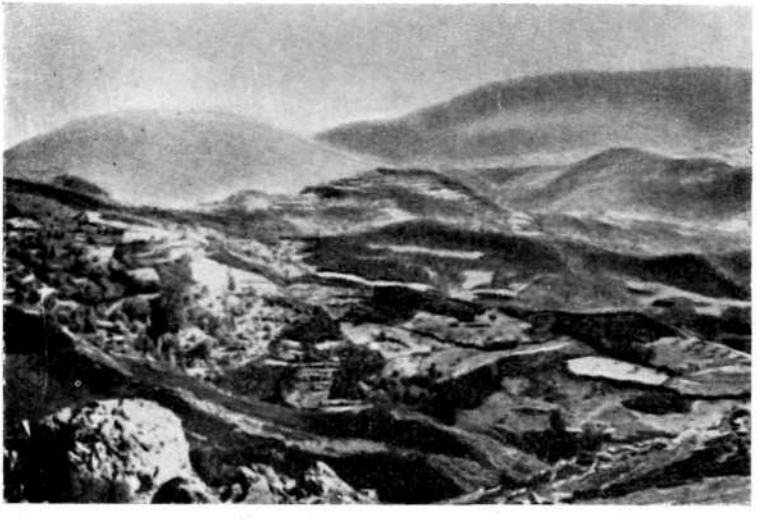

Фото 24. Центральная часть акрополя Сибриты (вид с севера).

Фото 25. Акрополь Мелидохори (Аркадия, или Аркадес?; вид с запада).

Фото 26. Гробницы и другие памятники в Агиос-Киркосе (Лиссос). Римский период.

Фото 27. Скальные срезы и гробница в Тис Вакиотис и Кефале близ Волули.

Фото 28. Греко-римское поселение в Ампелосе (вид со стороны минойского поселения в Фармакокефало).

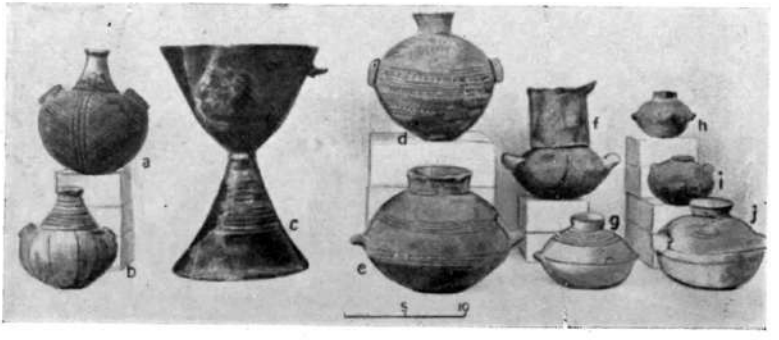

Фото 29. Керамика с орнаментом насечкой раннеминойского I периода: *a* — *c* — Пиргос; *d*, *e* — Закрос; *f* — Агиос-Николаос; *g* — Гурния; *h* — *j* — Кумаса.

Фото 30. Расписная керамика раннеминойского I периода: *a* — Пиргос; *b* — Агиос-Онуфриос; *c* — Закрос; *d* — Агиа-Фотия; *e* — Гурния.

Фото 31. Расписная и однотонная керамика раннеминойского II периода: *a*, *b* — Кумаса; *c* — Кносс; *d* — *f* — Мохлос.

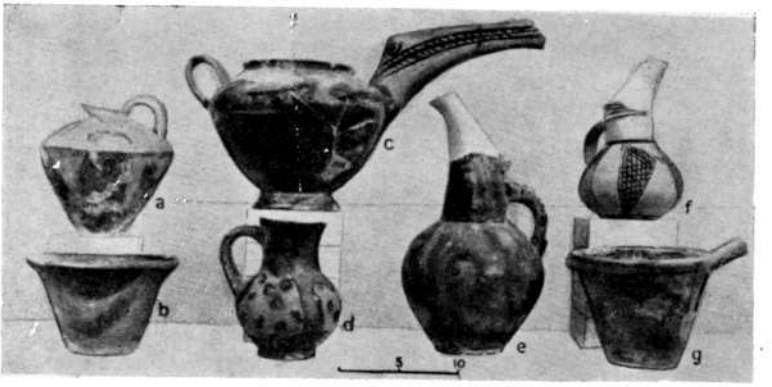

Фото 32. Расписная керамика; керамика с точечным орнаментом раннеминойского II периода: *a*, *b* — Сфунгарос; *c* — *e*, *g* — Василики; *f* — Псира.

Фото 33 Каменные сосуды. Раннеминойский II период: *g*, *h*, *k*, *m*, *n* — Мохлос; раннеминойский III период: *a* — *f* — Платанос; среднеминойский I период: *i*, *l* — Мохлос

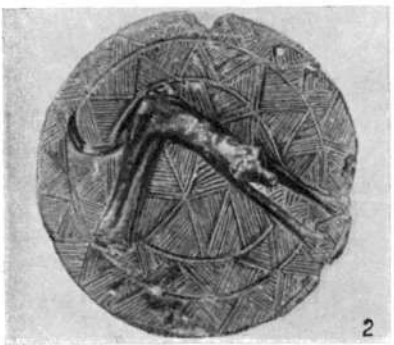

Фото 34, 1. Каменные сосуды раннеминойского II и III периодов из Трапезы; 2. Крышка раннеминойского II периода (может быть, ввезенная из Сирии) из Мохлоса.

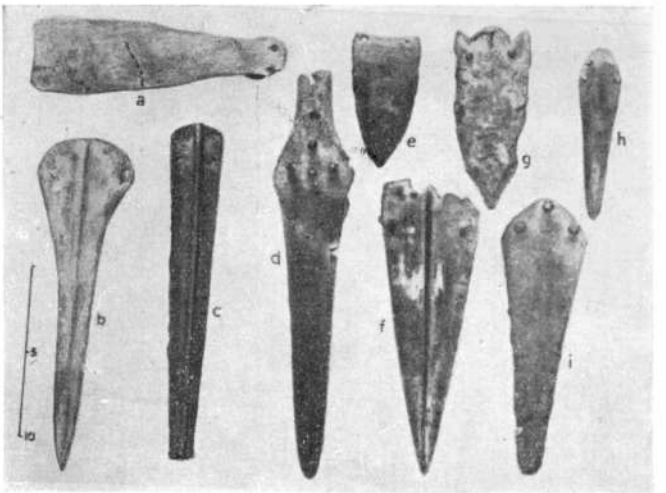

Фото 35. Медные, бронзовые и серебряные ножи и кинжалы. Раннеминойский II период: *a*, *e* — Кумаса; *g* — Платанос; раннеминойский III период: *f*, *i* — Кумаса; *h* — Порти; среднеминойский I период: *b*, *c* — Кумаса; *d* — Платанос.

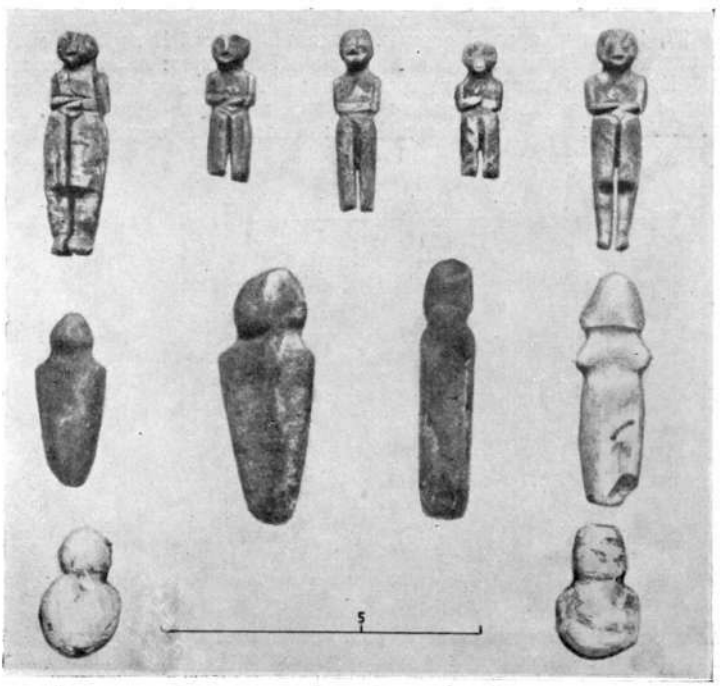

Фото 36. Фигурки из Трапезы. Раннеминойский II период: средний ряд — из камня; раннеминойский III период: верхний ряд — из слоновой кости; нижняя пара — из раковины.

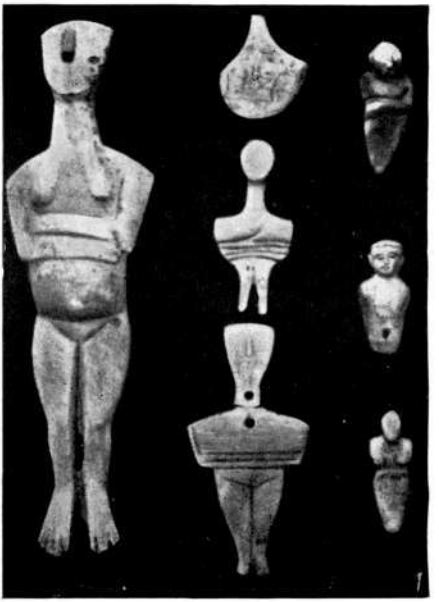
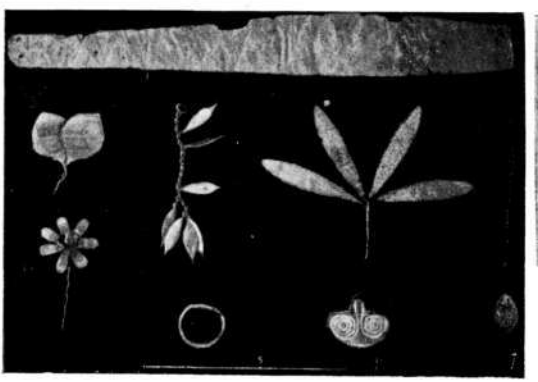

Фото 37, 1. Фигурки из Мессары. Раннеминойский II период: вверху и внизу направо — Платанос; раннеминойский III период: налево, посредине внизу — Кумаса; в центре, верхняя пара — Агиос-Онуфриос (возможно, ввезены с Кикладских островов); направо, в центре — Платанос. Все из камня. 2. Антропоморфный сосуд раннеминойского II периода из Кумасы. Глина.

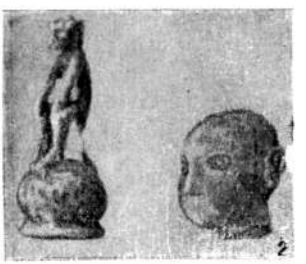

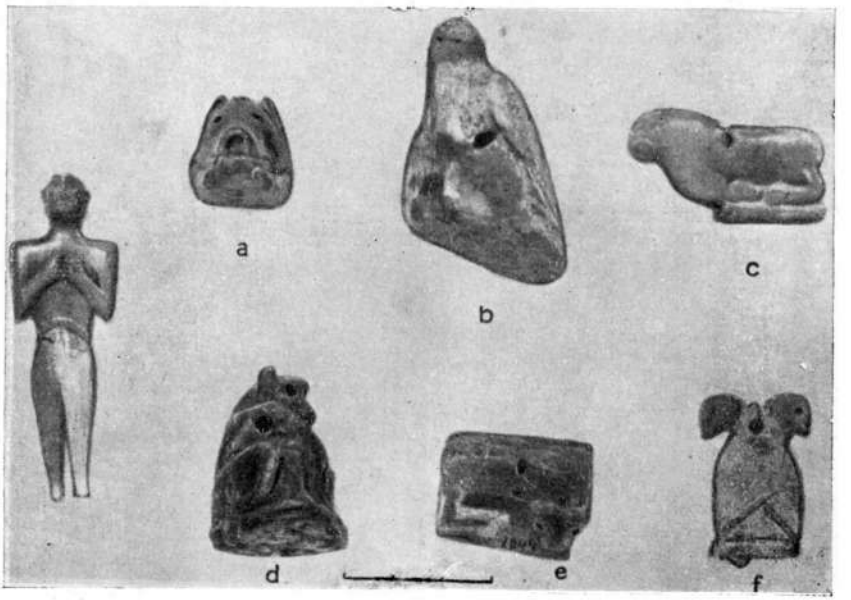
Фото 38, 1. Изделия из золота раннеминойского II периода (Мохлос). 2. Печать из слоновой кости раннеминойского III периода и голова из Трапезы, ввезенная из Сирии (?).

Фото 39. Керамика раннеминойского III периода: *d* — *g* — Василики, Мохлос. Ввозная кикладская керамика: *a* — *c* — Пиргос.

Фото 40. Керамика раннеминойского III периода из Мохлоса.

Ф о т о 41. Печати раннеминойского III периода: *a, d, e* — Платанос, Кумаса; *c* — Калатиана; *f* — Маратокефало. Статуэтки из Порти среднеминойского I периода.

Фото 42. Среднеминойский I*a* период. Керамика из дома под западной кулурой в Кноссе.

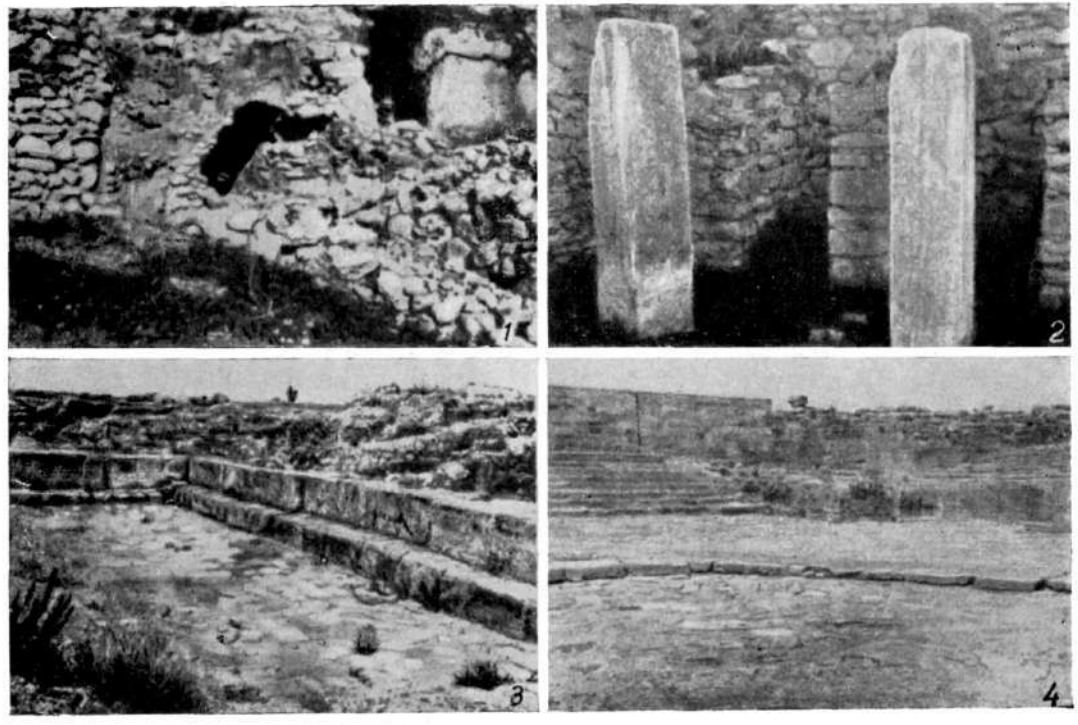

Фото 43, 1. Дом со следами штукатурки (Василики, раннеминойский II период). 2. Среднеминойский I*a* период. Монолитное основание столба в Кноссе. 3. Маллия, западный фасад дворца. 4. Фест, западный двор.

Фото 44, 1. Кносс, дом под центральной кулурой. 2. Кносс, восточный зал с колоннами.

Фото 45. Кносс, западный двор и кулуры.

Фото 46, 1. Кносс: *а* — кувшин среднеминойского Iа периода; *b* — кувшин среднеминойского Iб периода. 2—4. Кносс. Сосуды среднеминойского Iб периода из Западного двора.

Фото 47. 1. Сосуды среднеминойского I периода: *a — e* — из Агиа-Триады; 2. Сосуды среднеминойского I периода: *a — d*, *f* — из Кумасы; *e*, *g* — из Платаноса. 3. Сосуды среднеминойского I периода из пещеры Камарес. 4. Сосуды среднеминойского I периода: *a*, *b* — из Агиа-Фотии; *c — f* из Гурнии (*c* серебряный).

Фото 48, 1. Сосуды среднеминойского I периода из Палекастро. 2. Сосуды среднеминойского I периода: *a* — *d* — из Василики; *e* — *h* — из Гурнес. 3. Сосуды среднеминойского I периода: *a* — *d*, *f* — из Псиры; *b* — из Василики; *c* — из Мохлоса.

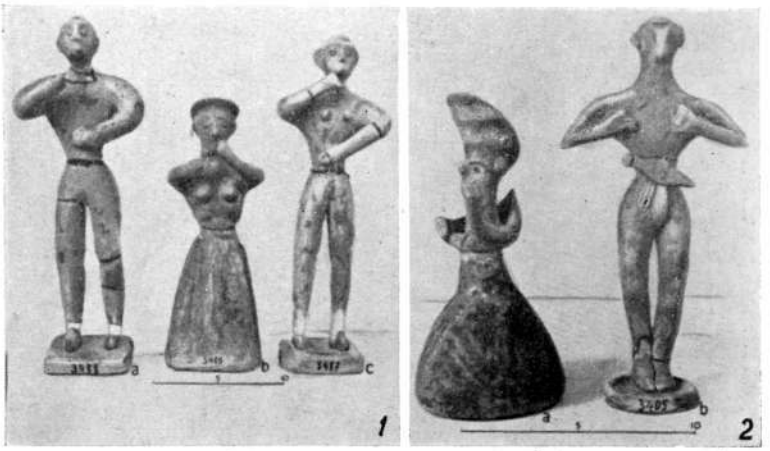

Фото 49. 1. Глиняные фигурки среднеминойского I периода из Хамези. 2. Глиняные фигурки среднеминойского I периода из Петсофаса.

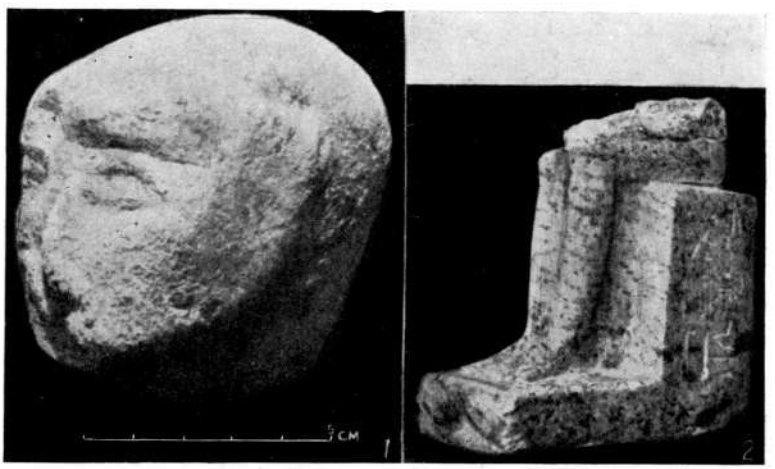

Фото 50, 1. Голова из известняка месопотамского происхождения из отложения среднеминойского III периода в Кноссе. 2. Диоритовая статуэтка египтянина Усера из отложения среднеминойского II периода в Кноссе

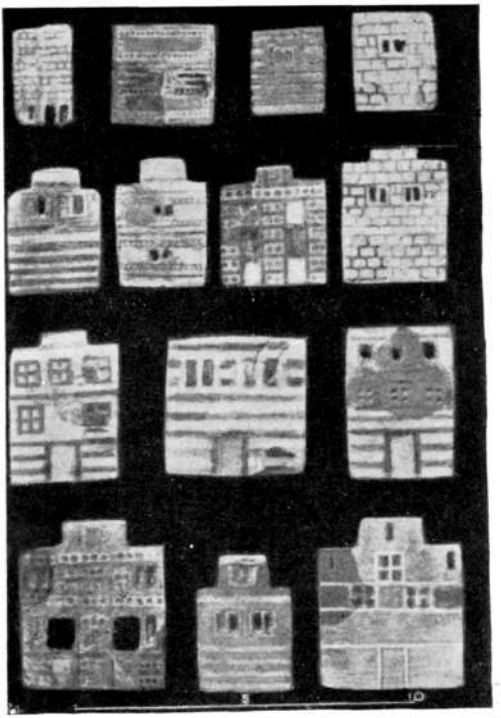

Фото 51. Вверху „городская мозаика“ из Кносса. Среднеминойский II период. Внизу группа предметов из гробницы египетского Абидоса, содержащая сосуд среднеминойского II периода (Асмолеанский музей, Оксфорд).

Фото 52. Сосуды среднеминойского II периода: *a — d* — из Порти; *e, f* — из Палекастро.

Фото 53. Сосуды среднеминойского II периода: *a, b, k* — из Камарес; *c — f* — из Феста и *g — j, l* — из Кносса.

Ф о т о 54,1. „Ваза для фруктов“ среднеминойского II периода из Феста. 2. Пифос, украшенный накладными шишками, среднеминойского II периода из Феста.

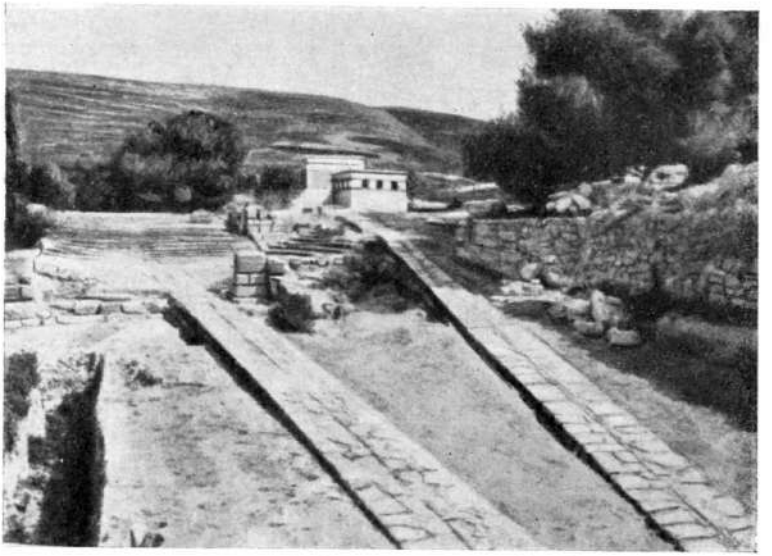

Фото 55. Кносс. Тротуары, ведущие к „площади театра". На заднем плане — северная площадка для совершения очищений и северный вход.

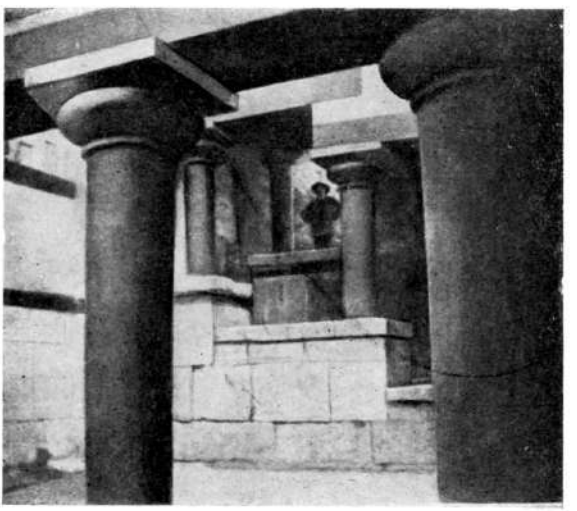

Фото 56. Кносс, Большая лестница.

Фото 57. Кносс, северная площадка для совершения очищений до реконструкции.

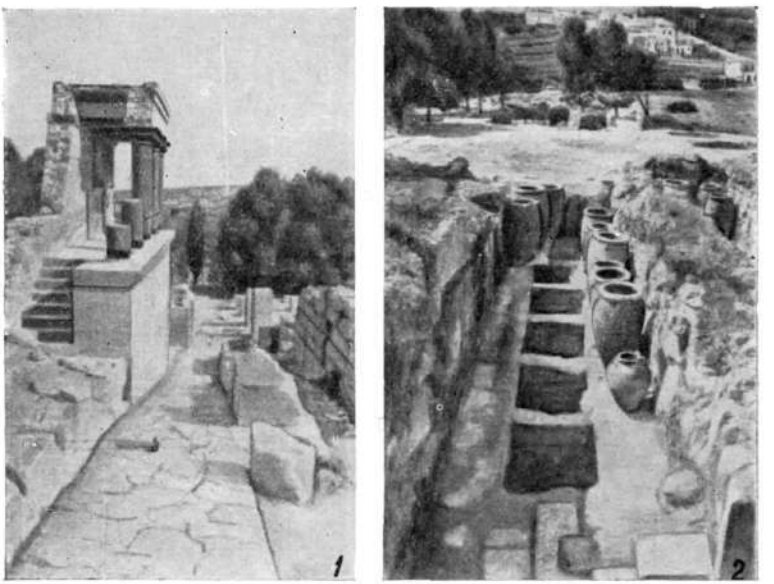

Фото 58. 1. Кносс, северный вход. 2. Кносс, западные кладовые.

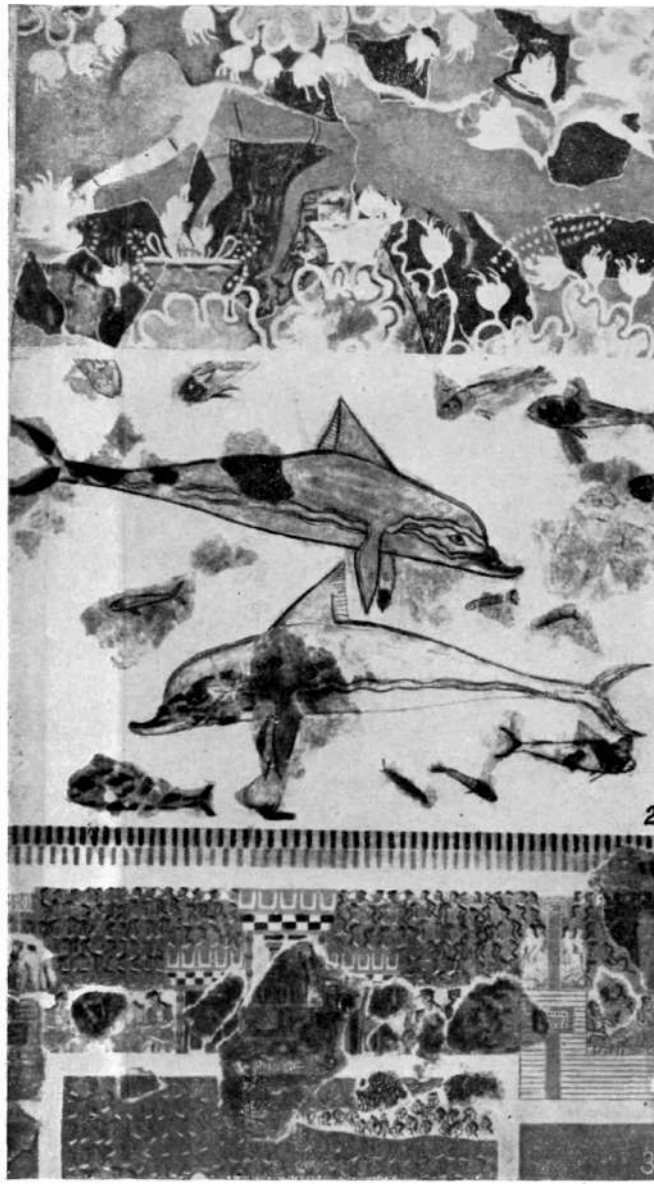

Фото 59. 1. Кносс, фреска „собиратель шафрана“ среднеминойского II периода. 2. Кносс, фреска с изображением дельфинов; из „мегарона царицы“; среднеминойский II период. 3. Кносс, „миниатюрная фреска“; среднеминойский III период.

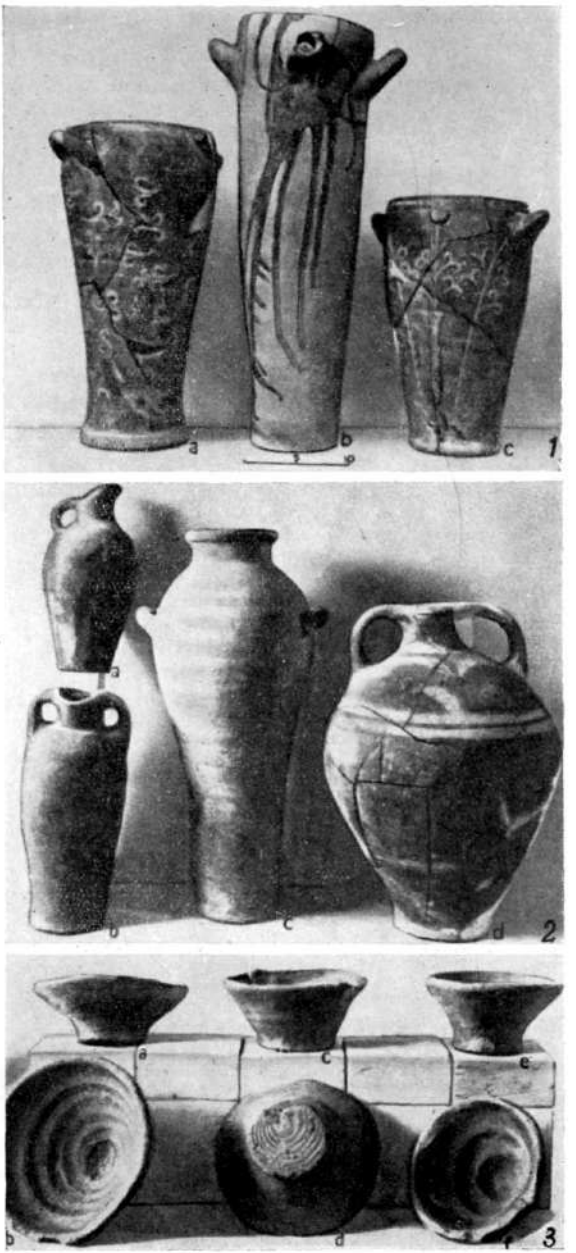

Фото 60, 1. Кносс, сосуды среднеминойского III периода. 2. Кносс, сосуды среднеминойского III периода. 3. Кносс, чашки среднеминойского III периода, со следами, оставленными быстровращающимся гончарным кругом.

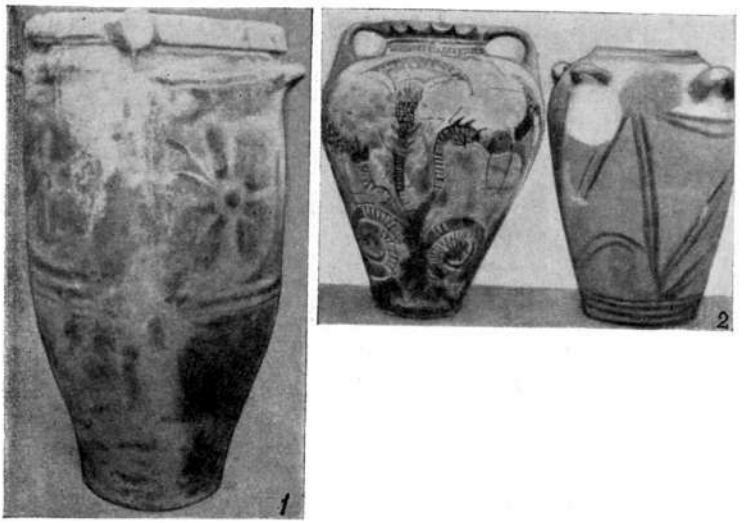

Фото 61, 1. Кносс, среднеминойский III*б* период. Пифос. 2. Пахиаммос, среднеминойский III*б* период. Сосуды позднеминойского I*а* и среднеминойского I*б* периодов.

Фото 62, 1. Кносс, каменные сосуды среднеминойского III периода. 2. Кносс, ввозной кикладский сосуд из Мелоса; „храмовые кладовые".

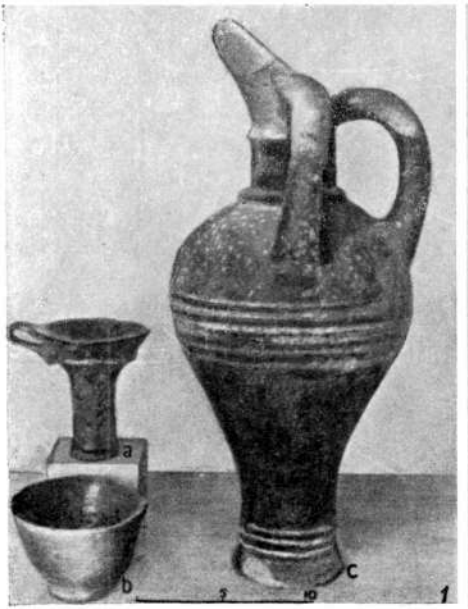

Фото 63, 1. Кносс, сосуды среднеминойского III периода: *b* (с надписью) и *c* из глины и *a* из фаянса. 2. Кносс, среднеминойский III период. Фаянсовая фигурка богини со змеями из „храмовых кладовых".

Фото 64, 1. Кносс, фаянсовые изделия среднеминойского III периода из „храмовых кладовых". 2. Фест, глиняный диск, ввезенный из юго-западной части Малой Азии (?), с вытисненными знаками; среднеминойский III период.

Фото 65. Кносс. Кэраван-сарай и виадук.

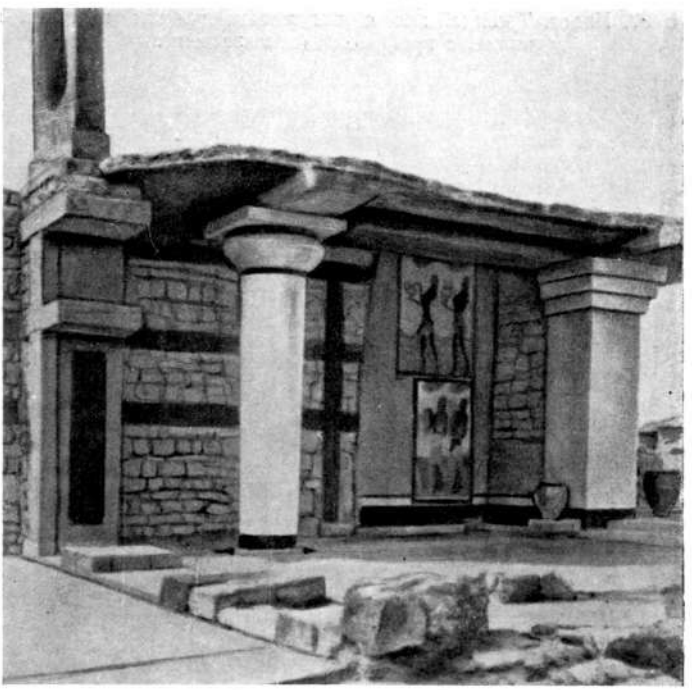

Фото 66. Кносс, южные пропилеи, частично восстановленные. На стене видна фреска „человек с кубком".

Фото 67. Кносс. Тронный зал с подлинным троном из гипса и „фреской с грифоном“ (реставрация).

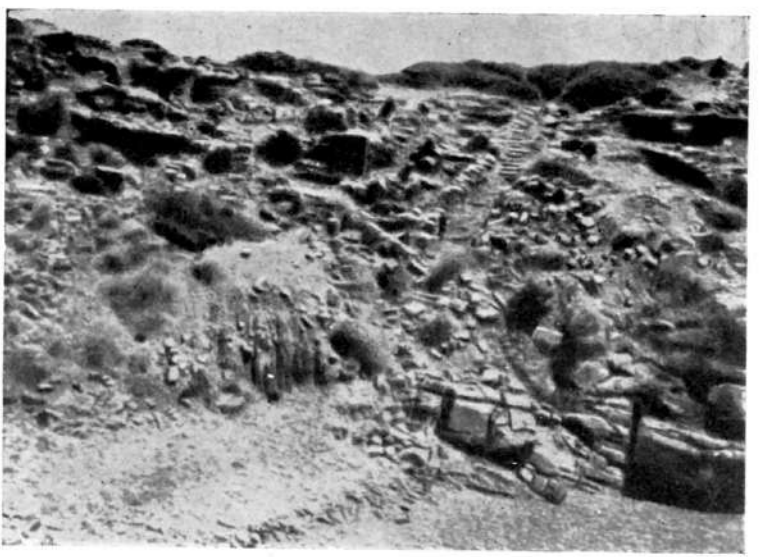

Фото 68. Псира, позднеминойский портовый город.

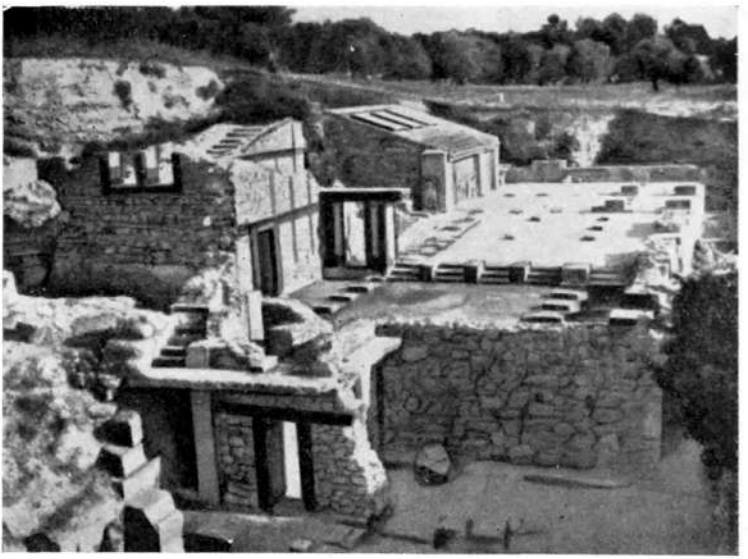

Фото 69. Кносс, Малый дворец (вид с юга).

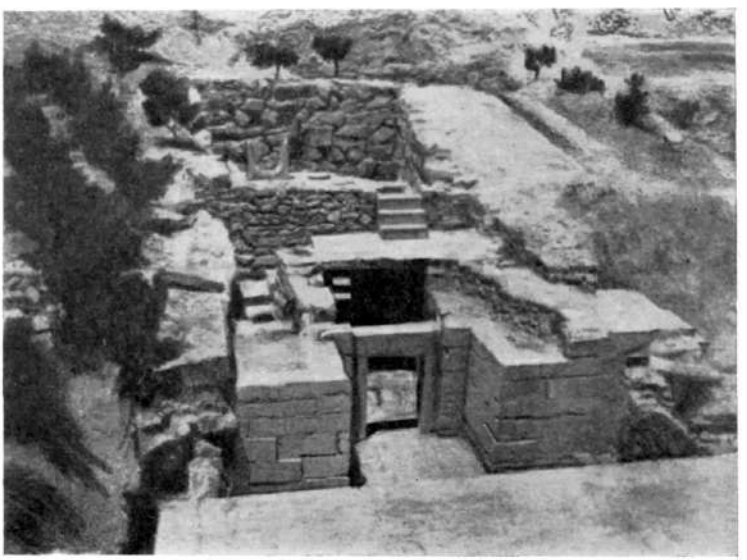

Фото 70. Кносс, „храмовая гробница" (вид с востока; реставрация).

Фото 71. Кносс, рельеф с росписью позднеминойского I периода, так называемый „царь-жрец".

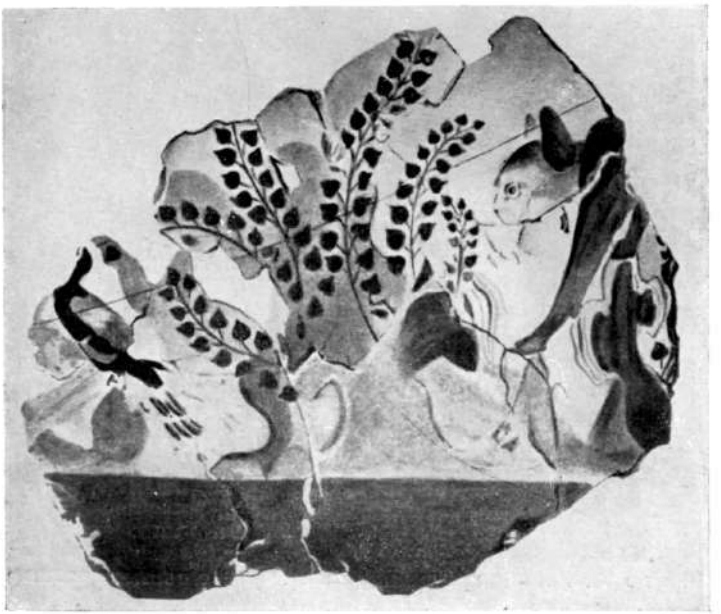

Фото 72. Агиа-Триада, среднеминойский III*б* период. Фреска с изображением охотящейся кошки позднеминойского I*а* периода.

Фото 73, 1. Агиа-Триада, алавастр позднеминойского I*a* периода — подражание египетской форме. 2. Исопата, полихромный сосуд позднеминойского I*a* периода.

Фото 74, 1. Псира, кувшин позднеминойского I*a* периода. 2. Кносс, кувшин позднеминойского I*a* периода.

Фото 75. Гурния, сосуд с осьминогом позднеминойского Iб периода.

Фото 76, 1. Палекастро, ритоны „морского" стиля позднеминойского Iб периода. 2. Палекастро, ойнохой позднеминойского Iб периода.

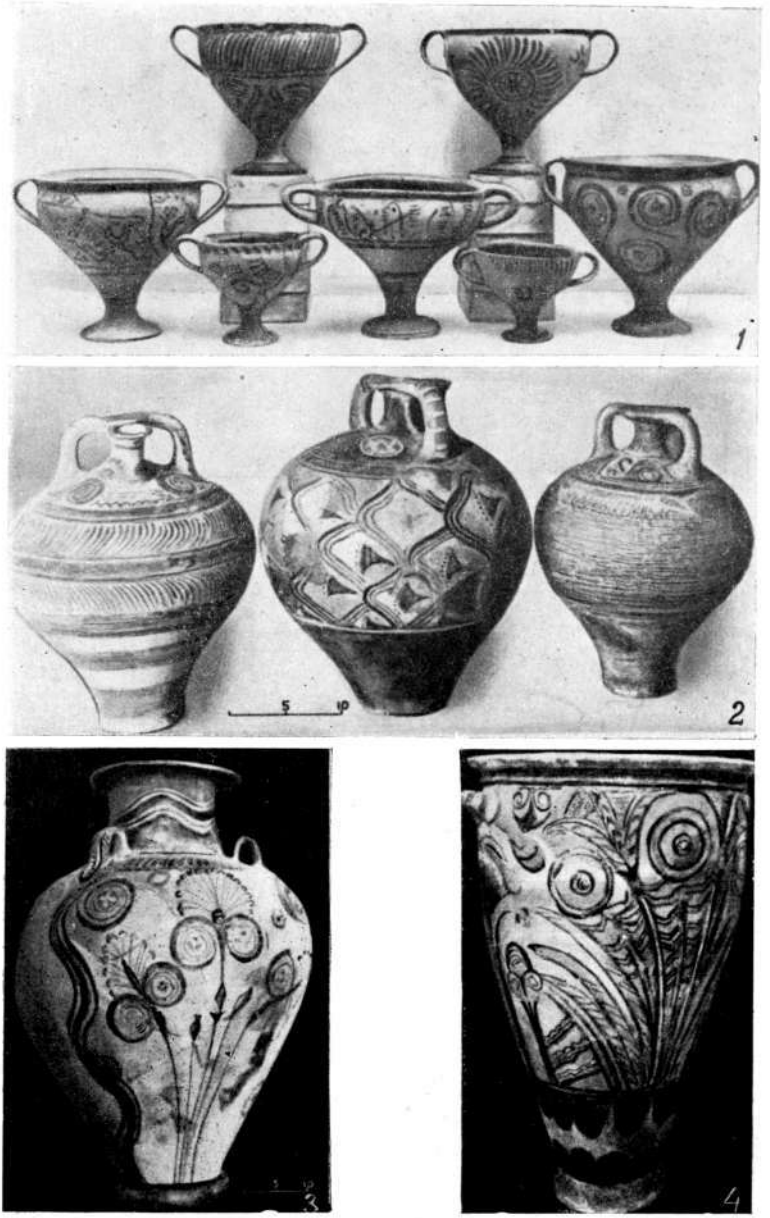

Фото 77, 1. Кносс, кубки позднеминойского II периода из „храмовой гробницы". 2. Зафер Папура, сосуды со стремянообразными ручками позднеминойского II периода. 3. Кносс, амфора из западного двора позднеминойского II периода. 4. Кносс, пифос позднеминойского II периода из „царской виллы".

Фото 78, 1. Зафер Папура, мечи и наконечник копья позднеминойского I—II периодов. 2, Кносс, бронзовые сосуды из северо-западной сокровищницы позднеминойского I периода.

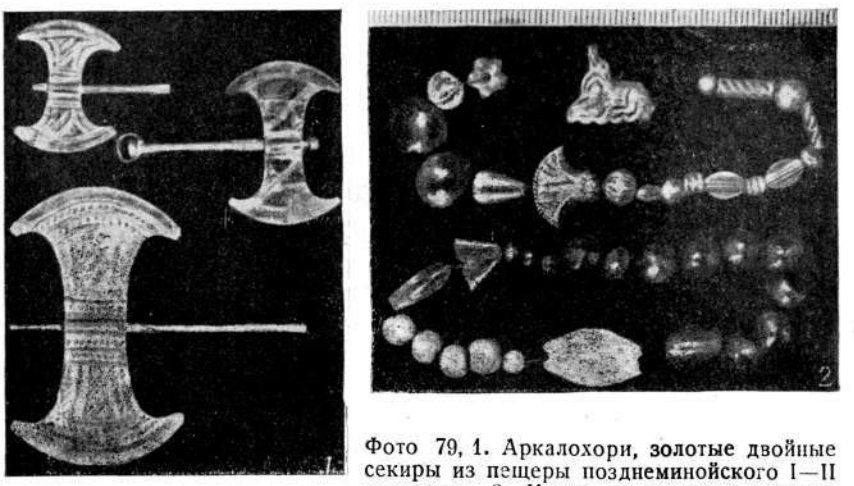

Фото 79, 1. Аркалохори, золотые двойные секиры из пещеры позднеминойского I—II периодов. 2. Кносс, ювелирные изделия позднеминойского I*a* периода из окрестностей „храмовой гробницы".

Фото 80, 1. Агиа-Триада, конический ритон из жировика, так называемый „сосуд с кулачным бойцом". 2. Агиа-Триада, сосуд из жировика, так называемый „сосуд с военачальником".

Фото 81, 1. Агиа-Триада, „кубаревидный" ритон из жировика, так называемый „сосуд со жнецами". 2. Кносс, фрагменты сосудов из жировика.

Фото 82. Кносс, каменные сосуды из „центральной сокровищницы".

Фото 83, 1. Псира, каменные лампы. 2. Кносс, каменная лампа из северной части центрального двора.

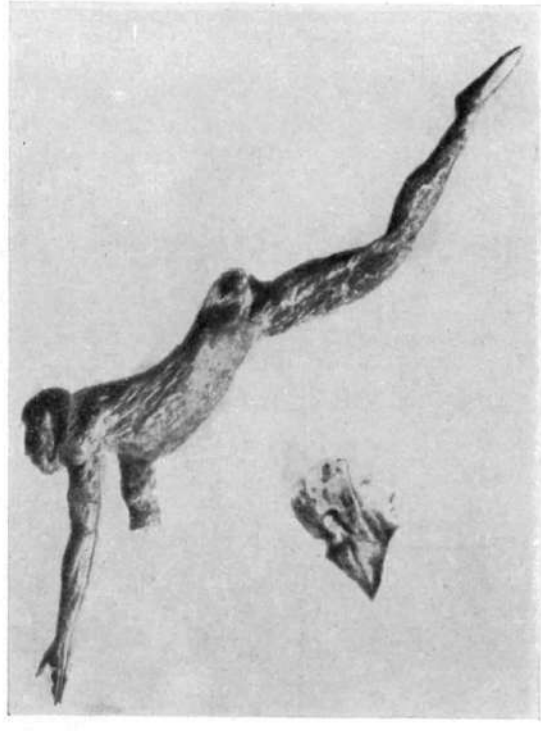

Фото 84. Кносс, статуэтка прыгуна из слоновой кости, из жилого квартала.

Фото 85. Тилиссос, бронзовая статуэтка.

Фото 86, 1. Египет, марсельский ойнохой позднеминойского Iб периода. 2. Седмент, алавастр позднеминойского Iб периода в Асмолеанском музее, Оксфорд.

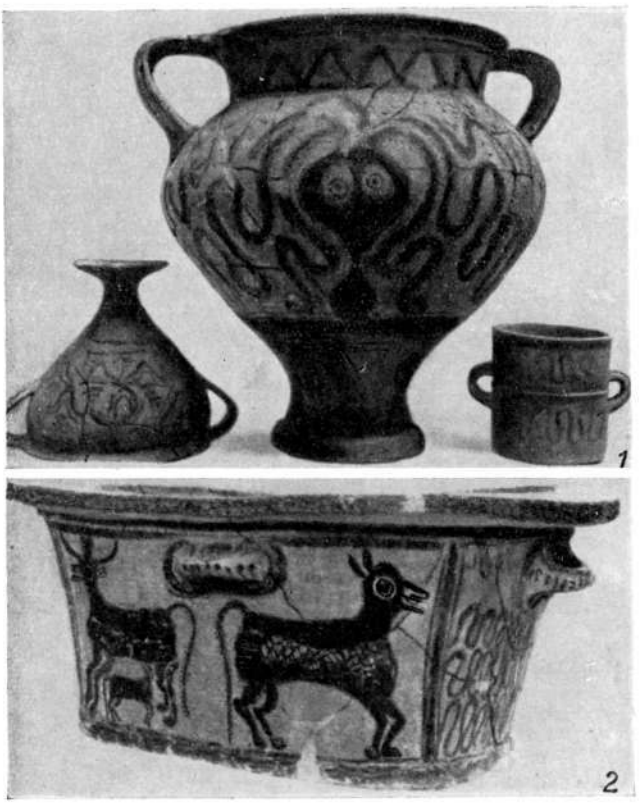
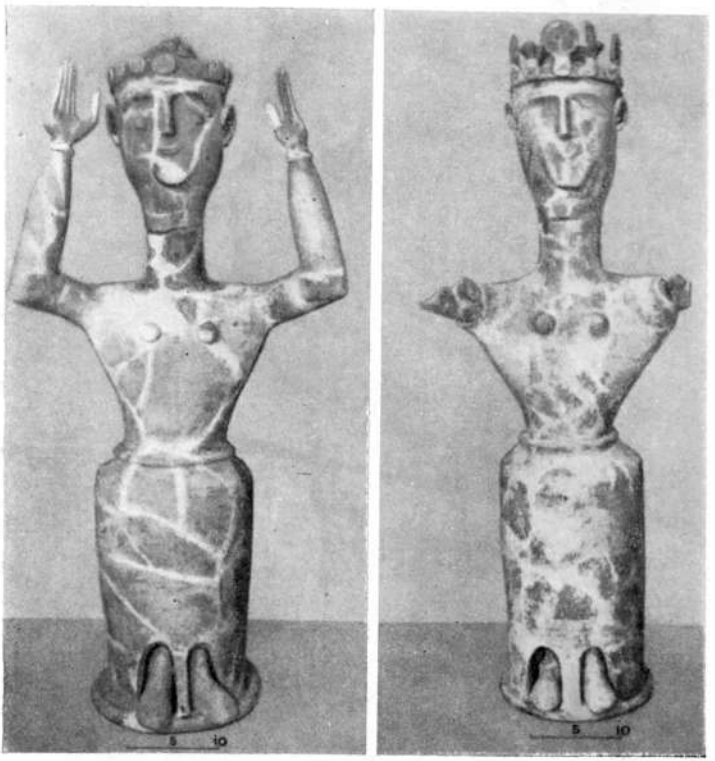

Фото 87, 1. Кносс, сосуды из „храмовой гробницы" позднеминойского III периода. 2. Гурния, саркофаг позднеминойского III периода.

Ф о т о 88. Карфи, глиняные статуэтки богинь раннегеометрического периода.

Ф о т о 89, 1. Калохорио, глиняная голова раннегеометрического периода. 2. Врокастро, глиняная голова геометрического периода.

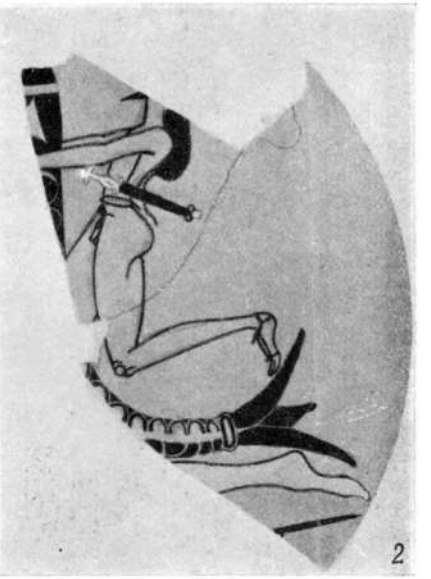

Фото 90, 1. Кносс, чаша неизвестного происхождения из могилы раннегеометрического периода над „храмовой гробницей". 2. Пресос, фрагмент пинакса архаического периода из гробницы *A*.

Фото 91. Кносс, сосуды эллинистического периода из отложения к западу от западного двора.

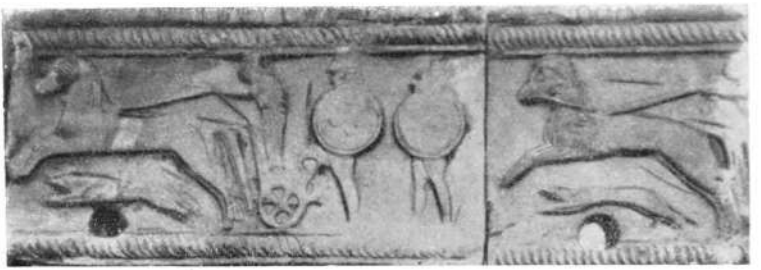

Фото 92, 1. Палекастро, терракотовый карниз архаического периода из храма Зевса Диктейского. 2. Элефтерна, позднедедалическая каменная голова с западных склонов акрополя.

Фото 93. Агиа-Пелагиа, надгробная стела V века из колодца.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие 5

Предисловие автора 23

Глава первая. **Остров Крит** 29
А. Физико-географический обзор 29
Б. Дороги и топография 35
В. Свидетельства путешественников 45

Глава вторая. **Древнейшая критская культура** 49
А. Неолитический период 49
Б. Раннеминойский период 60
1. Раннеминойский I (Р. М. I) 60
2. Раннеминойский II (Р. М. II) 73
3. Раннеминойский III (Р. М. III) 95

Глава третья. **Среднеминойский период** 111
1. Среднеминойский I (С. М. I) 111
2. Среднеминойский II (С. М. II) 145
3. Среднеминойский III (С. М. III) 167

Глава четвертая. **Позднеминойский период** 200
1. Позднеминойский I (П. М. I) и Позднеминойский II (П. М. II) 200
2. Позднеминойский III (П. М. III) 255

Глава пятая. **Общий обзор минойской культуры** 285

Глава шестая. **Послеминойский Крит** 316
I. Доминойский и раннегеометрический периоды 316
II. Геометрический период 340
III. Ориенталистический и архаический периоды 340
IV. Классический период 355
V. Эллинистический период 364
VI. Римский период 375

Дополнения 388

Библиография 390

Список сокращений 399

Указатель географических названий 402

Иллюстрации

Редактор *Н. М. Соболева.* Художник *Б. В. Грозевский.*
Технический редактор *А. Н. Никифорова.* Корректор *О. А. Ковалевская.*

Сдано в производство 4/IV 1950 г. Подписано к печати 23/VIII 1950 г. А-06656. Уч.-издат. л. 37,3. Бумага 60×92¹/₁₆ = 15,2 бумажных — 37,4 (в т. ч. 3,5 фото и 3 вклейки) печатных листов. Издат. № 6/530. Цена 22 руб. 70 коп. Заказ № 245.

2-я тип. издательства Академии Наук СССР Москва, Шубинский пер., д. 10

ОПЕЧАТКИ

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
29	5 св.	Mens	Mons
32	19 св.	"ορη	ὄρη
46	21 сн.	Recherches	Researches
88	12 св.	Табл. XII, 2	Фото 37, 1
120	2 сн.	последователь	преследователь
126	5 св.	(С. М. 1	(С. М. 1 *б*
240	10 сн.	свердолика	сердолика
308	7 сн.	карту 45	карту 15
393	10 св.	*G. de Sanelis*	*G. de Sanetis*
393	29 св.	égéele	égéenne
399	8 сн.	'Αρχαιολογικῆς	'Αρ*λ*αιλογικῆς
399	7—6 сн.	Archaeolofia	Archaeologia
17	Иллюстрации	Фото 38.	Фото 33.